Пащтыхь зауэжьыр зэриухрэ 150-рэ щрикъум ирихьэлIэу

К 150-летию окончания Кавказской войны

УРЫСЕЙМ ЩIЭНЫГЪЭХЭМКIЭ АКАДЕМИЕМ
И КЪЭБЭРДЕЙ-БАЛЪКЪЭР ЩIЭНЫГЪЭ ЦЕНТРЫМ
И ГУМАНИТАР КЪЭХУТЭНЫГЪЭ ИНСТИТУТ

АКЪБАЩ Б. ХЬ. И ФЭЕПЛЪ ФОНД

ПАЩТЫХЬ ЗАУЭЖЬЫМ И ЗЭМАНЫМ КЪЕЖЬА АДЫГЭ УЭРЭДХЭР

ЕтIуанэ къыдэкIыгъуэ, щIыгъужауэ

НАЛШЫК
ООО «Печатный двор»
2014

ИНСТИТУТ ГУМАНИТАРНЫХ ИССЛЕДОВАНИЙ
КАБАРДИНО-БАЛКАРСКОГО
НАУЧНОГО ЦЕНТРА РАН

ФОНД ИМ. Б. Х. АКБАШЕВА

АДЫГСКИЕ ПЕСНИ ВРЕМЕН КАВКАЗСКОЙ ВОЙНЫ

Издание второе, дополненное

НАЛЬЧИК
ООО «Печатный двор»
2014

УДК 398.8 (=352.3) : 94 (47) · 081
ББК 82.3 (2Р = Ады) – 43
А 33

Редакционная коллегия:
А. М. ГУТОВ, В. Х. КАЖАРОВ,
М. А. ТАБИШЕВ, Н. Г. ШЕРИЕВА

Составление:
А. М. ГУТОВА, В. Х. КАЖАРОВА,
М. А. ТАБИШЕВА, Н. Г. ШЕРИЕВОЙ

Перевод текстов:
А. М. ГУТОВА, Л. А. ГУТОВОЙ,
М. А. ТАБИШЕВА, Н. Г. ШЕРИЕВОЙ

Художник
ЗАУРБЕК БГАЖНОКОВ

Под редакцией:
А. М. ГУТОВА, М. А. ТАБИШЕВА, Н. Г. ШЕРИЕВОЙ

В книге представлены адыгские народные песни, возникшие в период завоевания Кавказа Россией. Издания, из которых взято большинство текстов, вышли в свет в разное время (конец XIX – вторая половина XX в.), принципы их подготовки были различными, поэтому в настоящем сборнике материал располагается согласно временной последовательности первичных публикаций. Самостоятельный раздел представляют публикуемые впервые тексты, взятые из архивных фондов КБИГИ и АРИГИ. Тексты на адыгском языке сопровождены аналитическим переводом.

ISBN 978-5-905770-43-2

А. М. Гутов

ИСТОРИЧЕСКАЯ ПАМЯТЬ НАРОДА

Народная память – явление чрезвычайно сложное. Мало того, что она избирательна, она еще и весьма своенравна. И, кажется, нет на свете силы, которая в состоянии заставить ее сохранять что-то одно и забыть другое. Даже всесильные СМИ, эта поистине всемогущая «четвертая власть», не может произвольно переменить те оценки, которые запечатлены в народных песнях, преданиях, легендах и даже расхожих анекдотах. Не под силу это и с помощью самой строгой цензуры. Фольклор, как известно, неподцензурен по своей природе. У него свое собственное мнение о событиях и личностях, мнение народных низов не пересматривается и заново не переписывается всякий раз когда происходит смена политического курса государства, как это делается порою с учебниками по истории.

Конечно же, далеко не всегда сюжет фольклорного произведения в точности повторяет реальные события, не всегда содержащиеся в песне или преданиях оценки объективны и исходят из подлинного положения вещей. Но в любом случае в народном творчестве выражаются мировосприятие и интерпретация конкретных событий, свойственные огромной массе простых людей. У них есть своя шкала духовных ценностей, свои представления и суждения о добре, справедливости и правде, о прошлом и настоящем, о значительности роли больших групп людей и отдельных личностей. Над этими представлениями не властны никакие иные силы. Если и есть в мире власть, способная контролировать их, то ею является отношение самого общества: есть интерес к сюжету, к событию, к песне – налицо и своего рода мандат на их сохранение в изустном обиходе – в той форме, которая на первый взгляд представляется ненадежной в силу внематериальности, но которая является единственно живой, в отличие от всего, что захороняется в рукописном, печатном или даже видеофоногра-

фическом варианте, чтобы более никогда не изменяться. Покуда у общества есть потребность в соответствующем знании, ничто не может этому воспрепятствовать. И форма этого знания – песня ли, предание ли или притча – будет жива веками. Но когда такой потребности не станет, соответствующая народная песня, предание или же легенда обречены, их уже ничто не может удержать в народной памяти.

История многих народов богата фактами преследования сказителей и певцов. Нельзя сказать, что меры властей не имели своих результатов. Но все же неугодное с точки зрения устоев государства и церкви исчезало лишь тогда, когда пропадал к нему интерес у народа, но не тогда, когда этого хотела власть.

Когда после почти вековых кровопролитий на Кавказе стало возможным говорить о мирном устройстве края, среди прочих проблем возникла и проблема отношения к недавнему прошлому, т. е. к тем трагическим событиям, которые привели горские народы к крайнему физическому и моральному истощению, а огромные массы людей принудили покинуть историческую родину и искать прибежище в Османской империи. Следовательно определялось и отношение к той форме культуры, которую представляет устное народно-поэтическое творчество и которое признается за историческую память народа.

Следует воздать должное, у царской администрации на Кавказе нашлось достаточно разума и такта, чтобы не прибегать к жестким запретительным мерам и не насаждать силой угодное ей отношение. До настоящего времени опубликованные в XIX – начале XX вв. исторические труды, фольклорные материалы, а иногда и художественные произведения русских авторов являются важнейшими источниками достоверных сведений о событиях и действующих лицах той войны. Во многих периодических и отдельных изданиях, выходивших в различных городах России (Петербурге, Москве, Тифлисе, Баку и др.), публиковались образцы фольклора народов Кавказа, в том числе и относящиеся к Русско-Кавказской войне по тематике и времени возникновения. Так, например, в 25-м выпуске известного серийного издания «Сборник материалов для описания местностей и племен Кавказа» (далее – СМОМПК; Тифлис, 1898) было опубликовано 28 адыгских песен, среди них 11, т. е. более трети всех материалов – о событиях и участниках войны на Кавказе. Еще три, явно возникшие до начала этой войны и посвященные иным событиям, в ходе изустного бытования подверглись трансформации и впитали в себя выраженные мотивы борьбы с царскими войсками.

Впоследствии, в 20–30-е годы XX века, всю вину за страдания горцев революционные власти попытались взвалить на ненавист-

ный царизм. В публикациях указанного периода обнаруживаются как фольклорные материалы, так и статьи соответствующего содержания. Так, в известной книге «Кабардинский фольклор» (М.; Л., 1936) опубликована 21 песня на тему Русско-Кавказской войны.

Вскоре, однако, отношение к войне изменилось. Завоевательская политика Российской империи стала толковаться только как однозначно прогрессивное явление, антиколониальная борьба – только как происки враждебных государств, а сами организаторы и участники этой борьбы – как агенты реакционных сил за рубежом. Над публикациями фольклорных произведений и тематикой исследований в области истории была установлена строгая цензура. Только во второй половине XX в. стало возможным публиковать материалы и вести исследования без опасений быть заподозренными в инакомыслии.

А в неподцензурной сфере, народной поэзии, до настоящего времени сохраняются десятки героических и героико-лирических песен, легенд, преданий, пословиц и поговорок, берущих начало в событиях полутора-двухвековой давности. В них выражаются сетования, оплакиваются жертвы, запечатлеваются многие трагические и героические эпизоды войны, воспеваются подлинные герои, осмеиваются трусы, проклинаются предатели. Естественно, трудно найти в песнях и преданиях о войне выражение симпатии к тем, кто пришел жечь, убивать и разорять. Но народное мировосприятие построено не по принципу только черно-белых характеристик. В фольклоре указанного времени можно найти немало сюжетов, повествующих о добрых человеческих отношениях, которые устанавливались между простыми людьми, кавказцами и русскими. Куда как удобно было бы объявить одну из сторон или же одну личность повинной во всех грехах. Но когда речь идет о глобальных исторических процессах, искать виновного – занятие не самое перспективное. Тем более, что историю не перепишешь, и самое лучшее, что с нею можно сделать, – принимать все как есть, не забывая об уроках, которые надо из этого непременно извлечь. Народная память, отраженная в фольклоре, именно этому и служит. Она не только веками сохраняет события и имена, не только передает новым поколениям чувства и чаяния предков, но отбирает из арсенала духовных ценностей, накапливаемых веками, все лучшее, что может составить морально-этическую и эстетическую основу народного мировосприятия. Это облагораживает образы лучших людей прошлого, рельефно выделяет их достоинства, создавая этим и великолепные художественные образы и яркие образцы для подражания. Так формируется историческая память народа, на основе которой выдающийся просветитель Шора Ногма впервые написал историю кабардинцев – такой, какой ее видел

сам этот народ. Другой деятель адыгского просвещения, Нури Цагов писал: «Народ, не помнящий своей истории, погибает».

Народ обязан помнить все, что было – чтобы видеть будущее и не повторить в нем ошибок прошлого. А для этого нужно знать не только о «славе своих предков», гордится которой великий русский поэт завещал, но и помнить об их бедах, а иногда и об их позоре. Поэтому в одной из публикуемых нами песен поется о том, что люди, посланные для переговоров, трусливо прячутся в кустах (№ 5.26).

В той же песне, острый на язык песнетворец вложил в женские уста такие слова:

Тот, кого рядом с собой видеть считала недостойным,
На виду меня смерть принимает.
Тот, кого я мужем своим видеть мечтала,
Поворачивает назад.

Это ли не наглядный пример, который нужен для сохранения присутствия духа при любых обстоятельствах.

Показателен эпизод и из другой песни. Наездник оказался очевидцем того, как большой отряд, разоривший аул, уводит в плен девушку. Отряд казаков велик. Силы неравны. И наездник стоит перед выбором – проявить благородство и наверняка погибнуть или же позволить похитителям беспрепятственно уйти, спасти свою жизнь, но погибнуть духовно, поскольку в таком случае уделом его будет дурная слава:

Позволим увезти – на свой аул позор навлечем,
Не позволим увезти – мы погибнем.
Повернем назад – мы опозорены будем,
Погибнем – наш род пресечется, –
Так сказав, добрый уоркский юноша задумался.

(№ 5.39)

То обстоятельство, что в песне так много внимания уделяется размышлениям «доброго уоркского юноши» символично.

Задумавшийся герой, в данном случае вовсе не трус, колеблется он отнюдь не потому что испугался. Перед ним стоит тяжелая задача, и если он сделает неверный выбор, вся жизнь потеряет смысл. Поэтому его выбор доброволен и вполне осознан:

В жизни один раз нам <дано> умереть,
А погибнем, так в газавате.

(Там же)

Последний стих здесь следует понимать не столько как знак религиозности (хотя религия, особенно во времена борьбы за независимость, стала важным фактором идеологического плана), сколько как апелляцию к рыцарскому достоинству. Здесь весьма уместна адыгская поговорка «Напэм и пэ псэр ищ!» – Да опередит <утрата> жизни <потерю> чести. Поэтому упоминание о газавате – войне с неверными, погибшие в которой, согласно исламским верованиям, прямым путем попадают в рай, – в данном случае больше является уместно употребленной поэтической формулой, нежели свидетельством установки на постулаты религии. На первом месте стоит достоинство, честь рыцаря, его рода, его аула и лишь затем – забота о загробной судьбе души.

Согласно распространенным представлениям, война способна мобилизовать – и подчас действительно мобилизует – многие скрытые и явные ресурсы. Как бы в подтверждение старой истины о том, что не бывает худа без добра, она объединяет большие массы людей общими задачами – защитить родную землю, защитить свои жизни и жизни близких людей, обеспечить всеобщий мир и спокойствие. Мобилизуются и физические силы, и многие области знаний, и духовная сфера. Известно, что именно война со всеми ее ужасами и жестокостями способна, между тем, породить подлинные шедевры искусства. Выражение «когда гремит оружие, музы молчат» далеко не всегда истинно. Бывает, что «музы» проявляют во время войны небывалую ранее бурную жизнедеятельность.

Легендарная история рождения «Марсельезы», великолепно рассказанная С. Цвейгом в эссе «Гений на одну ночь», весьма типична: найденные в момент духовного подъема слова и мелодия не столько результат игры Бога, сколько все же проявление объективной закономерности: общество нуждалось в гимне революции – и гимн появился.

Если рассуждать категориями здравого смысла, надо признать, что в тяжелые для всего общества дни людям, казалось бы, не до поэзии. В реальной жизни, однако, получается, что большие катаклизмы исторгают из глубины человеческого сознания не одну только «Марсельезу», а многие стихи, песни, картины, симфонии, являющие собой высочайший взлет человеческого духа, такой взлет, который, вряд ли, был бы возможен в условиях спокойной жизни.

Подобно тому, как большая реальная опасность побуждает всякое живое существо максимально мобилизовать все свои силы, сконцентрировать все свое внимание на самом главном, так и у всего общества «в его минуты роковые» неожиданно раскры-

ваются новые энергетические каналы. Само его существование порою зависит в немалой степени от того, сохранится ли в обществе здоровое восприятие добра, справедливости, подлинного гуманизма, а также чувство прекрасного в жизни и искусстве. Если общество ожесточится, загрубеет, позволит человеку пасть до уровня животных страстей, оно будет обречено. Многое будет зависеть от «запаса прочности», – изначально заложенного или исторически приобретенного.

Русско-Кавказская война длилась на земле адыгов на протяжении жизни нескольких поколений. Люди рождались, взрослели, заводили семьи, оказывались жертвами набегов или «карательных экспедиций». Те, кому довелось спастись, заново устраивали свою жизнь, вновь обзаводились хозяйством, вновь уходили воевать, погибали в битве или же, что было реже, пережив многих, умирали своей смертью. А война все продолжалась и продолжалась...

Видимо, можно заставить себя притерпеться к такой жизни, но невозможно искоренить в сознании человека извечную тоску по мирной спокойной жизни. Эта тоска неожиданно прорывается там, где вроде бы не должно остаться для нее никакого места, как, например, в песне о легендарном черкесском предводителе Кучуке Аджигиреееве. Согласно сведениям из русских письменных источников, это был один из ярых противников колонизации Кавказа. Кроме того, он происходил из княжеского рода и уже по одной данной причине был потомственным воином. Несмотря на это, в посвященной ему песне есть такие слова:

*ЩIым и пIалъэр гущэ зыщамыщIэжым
шу гупыр къыщызэрешэ...*

*Где не помнят о том, как землю обрабатывать,
<своих> наездников он водит...*

(№ 1.4)

Поэт-песнетворец выразил в одной этой фразе и тоску народа по мирному труду, и неприятие того образа жизни, который ему навязали и от которого он смертельно устал.

Вроде бы случайно попавшая в героическую песню, данная фраза демонстрирует, какая громадная пропасть пролегла между вековечной мечтой о спокойной жизни на своей земле и роковой необходимостью держать в руках не орудие мирного труда, а боевое оружие, между естественным желанием жить в мире и

необходимостью воевать и воевать буквально до последнего дня жизни.

Беда, как говорится одна не приходит. Не менее страшной проблемой было катастрофическое уменьшение населения. Война, как правило, воспроизводит не жизнь, а смерть. Люди погибали или умирали своей смертью. Молодые люди, которым впору было жениться и этим продолжить свой род, были заняты одной только войной: они защищали землю, защищали свои жилища, своих отцов и матерей. Девушки же, те самые прекрасные черкешенки, которых воспевали поэты и которыми восхищались все – от европейских путешественников до турецких султанов, – сидели в родительских домах, слагали печальные песни и постепенно из юных красавиц превращались в старых дев. Обществу было не до свадебных торжеств. Между тем, число рождающихся детей становилось неизмеримо меньше, чем число людей, которые умирали – естественной ли смертью, или, что много чаще, в результате военных действий. Многие славные фамилии оказались на грани исчезновения или совсем исчезли. Горячие юные головы до поры не обращали на это внимания. Но более зрелые и умудренные жизнью были всерьез обеспокоены. И вот какой выход нашли шапсугские старейшины.

Они призвали к себе одного из самых славных наездников, Магомета Коджебердука, и своей волей обязали его непременно жениться. Это был акт, вполне соответствующий духу рыцарского сознания: старейшины рассчитывали, что поступок столь известного своими подвигами воина будет воспринят как знаковый, и другие юноши непременно последуют его примеру, не складывая при этом оружия.

Однако судьба распорядилась по-своему. Как гласит предание, герой не смог противиться воле старших и, не медля, отправил сватов к девушке, которая ему нравилась. Он получил согласие с ее стороны, успешно преодолел своеобразное «предсвадебное испытание» (требовалось в качестве платы за невесту добыть в бою трофейную пушку, что и было сделано). Но уже по его завершении Коджебердук получил смертельную рану, от которой и умер.

Сюжет весьма символичен на фоне всей истории адыгов, которые редко знали периоды умиротворенного спокойного существования, а чаще бывали вынуждены находиться между выживанием и исчезновением. Думается, данное обстоятельство иносказательно отражено в сюжете о Коджебердуке – уж слишком прозрачна параллель между историей героя и историей всего народа.

Так или иначе, предание повествует, что вопреки замыслу

старейшин, вместо впечатляющего и спасительного примера получилась очередная трагедия, как это нередко бывало ранее. Естественно, не последовали и желанные старейшинами свадьбы, и значит, не суждено было адыгам найти путь хотя бы к частичному восполнению своей численности. Кстати, эта проблема не решена и по сей день, почти полтора века спустя: если по довольно скромным подсчетам численность адыгов (черкесов) в начале XIX в. составляла не менее одного миллиона человек, то в наше время на исторической родине их проживает всего около семисот тысяч. В течение почти двухсот лет адыгское население в одно время, т. е. в годы Русско-Кавказской войны, сильно убыло, а за время относительно мирной жизни так и не смогло восстановиться.

В вариантах песен о Коджебердуке примечательно одно двустишье, которое на первый взгляд следует относить только к конкретному случаю с героем, но иносказательно указывает не судьбы многих фамилий Черкесии:

Зи пчаблэ гущэр тхьэм ричыжьигъэри
Къоджэ Берд ыкъокIэ ти-Мыхьэмэт.

Тот чей косяк Богом выломан, –
<Это> Коджа Бердов сын наш Мухамет.

(Адыгэ пшыналъэ. Налшык, 1993. С. 11)

Выломанный дверной косяк – метафора пресечения рода. Погиб последний мужчина, способный продолжить родословие. Таких гибелей было множество, и боль сотен подобных утрат отразилась в данной песне.

Значительную группу составляют песни о сожженных аулах. Практика выжигания непокорных селений, нередко с многочисленными жертвами среди мирного населения, широко применялась в войне царскими генералами. Иногда бывало, что за одну экспедицию солдаты выжигали несколько десятков сел, оставляя без крова множество беззащитных и самых беспомощных людей – стариков, женщин, детей.

Войны без жестокостей, как известно, не бывает. Но то, что делалось на Кавказе, было настолько из ряда вон выходящим, что лучшие, передовые люди России, оказавшись очевидцами творящихся здесь жестокостей, не могли не обратить на это своего внимание. Великий Л. Н.Толстой довольно подробно и с потрясающей правдивостью описал те методы ведения войны, о которых мы упоминаем. Это его ранний рассказ «Набег» (1854)

и повесть «Хаджи-Мурат» (1904). Различие между картинами, которые нарисовал писатель, и тем, что делалось в Черкесии, только пространственное: у Л. Н.Толстого действие происходит в Чечне, т. е. восточной части Кавказа, а наша тема – Черкесия, т. е. центральная и западная часть. Методы же генералов были одними и теми же, о чем свидетельствуют и многочисленные документы, включая реляции военачальников, свидетельства очевидцев, дошедшие до нас в записках и воспоминаниях, а также адыгские песни-плачи, наподобие представленных в данном сборнике («Разорение селения» и его варианты, «Плач каладесовцев» и др. – №№ 1.2; 2.1; 3.24; 5.25; 5.26).

Нет сомнения, что не по поводу каждого разоренного и сожженного аула слагались песни – уж слишком много было экспедиций и набегов, слишком много уничтожено, если даже судить только по донесениям П. Д. Цицианова, А. П. Ермолова, П. С. Котляревского, Г. Х. Засса и других генералов, действовавших на Кавказе. Но так же несомненным представляется, что далеко не все песни данного тематического плана дошли до нас. Причиной могло явиться то, что все жестокие расправы осуществлялись почти по одной схеме: внезапно окружить аул, сопротивляющихся уничтожить в первую очередь, селение поджечь, то, что не горит – осквернить, беззащитных людей, оставшихся в живых, разогнать, увести с собой или также умертвить. Такая однотипность операций сближала и формы реакции на них: плачи и сетования, сложенные в разных местах, но по сходным поводам, сливались, и в результате рождалась одна песня. Типичным было и то, что убивали не только взрослых: уничтожали и детей, о чем поется в целом ряде адыгских народных песен (напр., №№ 1.2; 2.1 и др.). О жестоких расправах над детьми упоминается также в песнях и других народов Кавказа. Одна из таких песен, карачаевская, дана в настоящем сборнике в разделе «Приложения»:

Карохов-генерал, собакой рожденный,
Этих детей керосином обливает, сжигает заживо
И тем самым милость от царя получает...

(Приложение 7)

Эта песня неоднократно записана на карачаево-балкарском языке. Примечательно, что она посвящена реальному событию, которое произошло в адыгском ауле Ходзь, располагавшемся в верховьях реки Лабы. Карачаевцы и балкарцы, издревле живущие рядом с адыгами, восприняли трагедию ходзинских черке-

сов, как свою, и сложили об этом песню. Кстати, такая солидарность по отношению к другим совсем не редкость в фольклоре наших народов. Если бы не было подобного духа взаимности, оказалось бы невозможным сохраниться столь значительному числу разных языков и культур на столь маленькой территории. Это еще одно свидетельство того, что возникавшие в последнее время межэтнические трения – явление привнесенное извне. У дружбы же, как явствует, глубокие исторические корни.

Для большей полноты освещения проблемы войны на Кавказе уместно будет вновь обратиться к русской классике – поэзии М. Ю. Лермонтова, которого горцы Кавказа с полным на то основанием называют своим певцом. Вот всего один фрагмент из его поэмы «Измаил-бей»:

Горят аулы; нет у них защиты,
Врагом сыны отечества разбиты,
И зарево, как вечный метеор,
Играя в облаках, пугает взор.
Как хищный зверь, в смиренную обитель,
Врывается штыками победитель;
Он убивает старцев и детей,
Невинных дев и юных матерей
Ласкает он кровавою рукою,
Но жены гор не с женскою душою!
За поцелуем вслед звучит кинжал.
Отпрянул русский – захрипел-и пал!
«Отмсти товарищ!» – и в одно мгновенье
(Достойное за смерть убийцы мщенье!)
Простая сакля, веселя их взор,
Горит – черкесской вольности костер!...

(*М. Ю. Лермонтов.* Соч. М., 1970. Т. 1. С. 504)

Несомненно, в приведенном отрывке очевиден налет романтических представлений. Но столь же очевидна и та реальная событийная основа, которую имел возможность знать и видеть гениальный поэт. Если бы данный эпизод не был написан рукой русского поэта, можно было бы утверждать, что он весь увиден глазами истинного черкеса. Но все же в адыгском фольклоре об этой войне очень редки мотивы мести. Если и упоминается оружие в руках женщин, то чаще всего им она или открыто сражается рядом с мужчинами, или же закалывает только себя, – избавляясь этим от удела наложницы казака или офицера.

Помещенный в настоящем сборнике текст «Песни Гариба Басхаговского» (№ 5.46) – одно из немногих исключений, когда лейтмотивом оказывается месть. Но и здесь мститель – мужчина, как и должно быть по кодексу чести.

Возвращаясь к песням о разорениях и сожжениях аулов, отметим, что сходство ситуаций породило и общие мотивы в песнях, которые возникли в разное время и в разных местах Черкесии. В процессе их живого бытования произошла своего рода диффузия: некоторые песни были как бы «поглощены» другими, слились с ними, и в результате число оригинальных произведений оказалось несколько меньше, чем когда-то было сложено, когда каждый оплакивал собственное горе и сочинял песню именно о конкретном одном событии. Но песни, дошедшие до нас в результате своеобразного естественного отбора, стали не только художественно совершенными, но и общенародными в том смысле, что выражают боль и страдания всего народа, повествуют не только об одном частном случае, а о типичных явлениях.

Как характерную деталь песен данного цикла, – а, впрочем, и вообще всех героических и героико-лирических песен адыгов, – следует отметить, что в них чрезвычайно редко основной акцент делается на жестокости нападающей стороны – конечно же, об этом упоминается, и даже даются довольно впечатляющие картины расправ. Но ни в плачах, ни в сетованиях муссирование страданий не основной мотив. Главный акцент чаще всего делается на подвигах защитников, на их рыцарском поведении, а из мотивов негативной оценки обычно указывается на неприятие чужого образа жизни, чужих законов, чужой воли. Таковы, например, песни-сетования насильно увезенных девушек (см., напр., №№ 2.5; 5.38; 5.47).

Для традиционных адыгских песен характерно сопровождающее прозаическое предание. Всякий, кто исполнил песню, был обязан тут же рассказать о ее герое или о тех событиях, которые стали побудительным мотивом для сложения песни. Благодаря этому песня как бы освобождалась от необходимости содержать последовательно изложенную информацию событийного плана. Естественно, данное обстоятельство благоприятствует усилению в песне суггестивного, медитативного, лирического начал.

Это со всей очевидностью наблюдается в адыгской народной поэзии, предшествующей песням рассматриваемой нами тематической группы. В качестве примера можно сослаться на такие широко популярные песни как «Андемиркан», «Песня Нартуга», «Сетования невестки Жансоховых», «Песня о Хасанше Шогемоко» и мн. др. Последняя из названных, как можно утверждать,

свидетельствует о трансформации историко-героического эпоса в лирико-романический.

Нет сомнения, что задолго до начала Россией военных действий на Кавказе в адыгском обществе сложились благоприятные условия для мощного подъема народной лирической поэзии. Однако общее для всех бедствие, каковой стала война, отодвинуло надолго личностные мотивы и усилило поэзию широкого общественного назначения. Тем самым в сфере народной культуры было существенно задержано формирование лирики, с ее обращенностью к переживаниям духовно богатой личности, и продлена жизнь уходящему из центра внимания историко-героическому эпосу, ориентированному на создание типических общественно резонансных образов.

Заметим, что даже в поэмах древнего нартского эпоса нередко повествование ведется от первого лица, т. е. характерный эпический стиль порою чередуется с монологическими фрагментами от лица героя. В песнях же историко-героических циклов целые куски текста, излагаемые от первого лица, образуют такую мозаику, которую трудно разобрать без учета индивидуальной точки зрения лица, от чьего имени звучит та или иная часть исполняемого произведения. Это, несомненно, выраженные элементы лирики в эпосе. Но здесь надо учитывать, что лицо, от имени которого ведется монолог (даже в тех случаях, когда «монологична» по форме вся песня!), чаще всего выражает коллективную точку зрения, т. е. взгляды, формируемые не индивидуальным, а коллективным мировосприятием. Поэтому лиризм в средневековых героических песнях это еще не совсем подлинная лирика. Вернее, это лирика с определением «коллективная». Таковы, например, песни о героях ранней поры формирования историко-героического эпоса – «Андемиркан», «Куркужинская битва», «Песня Боры могучего», «Азепшев сын Гудаберд» и др. В монологической форме в них выражаются общественные идеалы, но не личные переживания героев.

С течением времени в обществе все более возрастает интерес к человеку как таковому. Общие схемы, безликие стандарты перестают удовлетворять эстетическим потребностям аудитории. И собственно лирические мотивы все более громко заявляют о себе независимо от внешних обстоятельств, несмотря на войну и общие для народа бедствия. Как длительная непогода в летнюю пору не в силах совсем остановить процесс созревания урожая, а может только на время задержать его, так и война, даже со всеми ее жестокостями, сумела только на время отвести внимание от многогранного неповторимого мира индивидуаль-

ности. В частности, ряд песен, публикуемых в настоящем сборнике красноречиво свидетельствует о том, как лирика сумела адаптироваться к обстоятельствам военного времени. Таковы например, отдельные стихи и строфы песен: №№ 1.1; 1.2; 1.3; 2.1; 2.8; 2.20; 3.2-3.5; 3.8–3.10 и мн. др. Некоторые из песен не просто пронизаны лиризмом, – лирика представляет в них лейтмотив всего произведения (особенно выразительны в данном отношении №№ 2.5; 5.38; 5.47 – песни, посвященные трагедии женщин, ставших наложницами).

«Коллективная» лирика выражена с особой силой в цикле песен, посвященных массовому исходу адыгов со своих родных мест в пределы Османской империи. Это принципиально новая тема, пришедшая в адыгский фольклор как следствие Русско-Кавказской войны и как заключительный минорный аккорд в ее освещении народной поэзией. О том, насколько сложным был сам процесс переселения и насколько серьезно повинны в нем и царские генералы, и турецкие агенты, и подкупленные религиозные деятели, написано много. Народ же, покидая родину, выразил свое отношение во множестве песен-плачей.

Поистине – уход в другую страну стал для адыгов жесточайшим ударом, который унес чуть ли не половину жизней оставшегося в живых населения. Он явился апогеем страданий народа, хотя эти страдания не закончились уходом с исторической родины предков: десятки и сотни тысяч адыгов погибли, не вынеся тяжелого пути, а потомки оставшихся, проживающие в Турции, странах Ближнего Востока, Европы, Америки, до настоящего времени находятся на положении изгоев. Правда, они имеют гражданство в стране проживания, но не имеют подлинной родины. России они не нужны, а по месту своего рождения они потомки странников, покинувших родную землю. Из каждых пяти адыгов-черкесов такая судьба стала уделом четырех. И только один из пяти живет на своей родине. Вот каковы истоки песен о переселении в Османскую империю, песен, которые явились финальными в череде образов «коллективной лирики».

Сделанный нами обзор не исчерпывает всего тематического многообразия фольклорных произведений, возникших во времена Русско-Кавказской войны. Но он позволяет получить представление о том, какое важное место в народной песенной культуре заняли эти произведения и насколько радикально война оказала влияния на характер, жанрово-тематический состав, поэтику фольклора.

В частности, как мы отмечали выше, ею обусловлена доминирующая роль историко-героического эпоса в системе жанров

адыгского фольклора. В самом указанном жанре также произошли качественные изменения. Традиционные типы песен – такие, как песни о сражениях (у С. Хан-Гирея – «песни многих мужей»), песни о подвигах одного наездника и др., – значительно изменились в своем содержании. Так, среди песен о сражениях мы уже не найдем мотивов победы над противником, как это было в циклах более раннего происхождения (например, «Каракашкатау» – о разгроме войска крымских татар, «Бахчисарайская битва» – об успешном походе кабардинцев в столицу Крымского ханства и др.). Среди произведений, посвященных отдельным героям, доминируют плачи и мемориальные песни о погибших воинах. При этом, именно с рассматриваемого времени прочно укореняется минорная тональность как основная и определяющая мелодику адыгского народного песнетворчества.

Помимо того, появляются новые темы, привнесенные именно Русско-Кавказской войной. Это прежде всего разорение и сожжение неприятелем аула, нападение на неприятельскую крепость, сетование женщины, уведенной на чужбину, мухаджирство. Среди новаций обращает на себя внимание апелляция к мусульманским духовным ценностям, чего не было в традиционной адыгской песне предшествующего времени.

Показательно, что даже в колыбельной песне отмечаются выраженные мотивы антиколониальной борьбы (см. № 2.16).

До столкновения с регулярной армией русского царя у адыгов сохранялись средневеково-рыцарские понятия о правилах ведения войны. Сражение представлялось им некой разновидностью состязаний в ловкости, силе, военном искусстве. Встретившись с гигантской машиной, которая была готова уничтожить всех и вся, не разбирая, где вооруженные воины, а где беззащитное население, они оказались бессильны понять и принять подобный способ действий. Особенно удручали жестокие расправы над детьми, женщинами и стариками, предание огню целых селений (часто вместе с нажитым людьми добром и обработанной землей), варварское обращение с телами погибших. Известно, что царские генералы в своих донесениях высшим властям нередко называли десятки сожженных мирных сел, ставя себе это в бесспорную заслугу. А один из наиболее жестоких военачальников, Г. Х. Засс, насаживал отрубленные черкесские головы на колья и выставлял их на обозрение или же отправлял черепа ученым-антропологам для обследования.

Все это, с точки зрения адыгов дикое и противоестественное, делалось под знаком креста, что окончательно отвратило кавказцев от ранее близких им полуязыческих-полухристианских верований и принудило искать идейный противовес в исламе.

Со временем и крест, и другие атрибуты христианства стали восприниматься знаково, причем не просто как что-то враждебное, но и как варварское, недостойное и нечистое. Отсюда откровенно негативное отношение лирического героя адыгской песни к солдатским кованым сапогам, мундиру, пышным космам казаков и солдат, атрибутам христианской религии. Примечательно, что одна и та же деталь может получить – в зависимости от контекста – самые противоположные оценки. Например, усы законного мужа или возлюбленного глазами черкешенки представлены не иначе, как «золотые» или «желтошелковые», а усы казака или солдата вызывают у нее только отрицательные эмоции:

Золотоусые храбрецы
Забросаны черной землею,
Нас же берут в наложницы
Усатые драгуны.

(№ 2.1)

Данный пример взят из песни «Разорение селения», опубликованной в русском переводе («Кабардинский фольклор», издание 1936 г.). Вот другой вариант той же песни, взятый из дореволюционной публикации (СМОМПК, вып.25):

Золотые у кого кончики усов,
Того землю черную обрести заставляют.
Тот <же>, кто нас берет себе в жены,
У того драгунские усы.

(№ 1.2)

Для сравнения можно обратиться к целому ряду текстов других песен. Вот, в частности, как та же смысловая параллель представлена в варианте песни о Кучуке Аджигирееве, записанной в 1973 году:

Ар, данагъуэ гущэр махуэм уи пащIэкIитIт, – жиIащ.
Мылицэ гущэурэ кхъуэцхэр зыгъэкIхэм...

Ар, ***шелк желтый*** *твоих (т. е. героя) усов кончики, – говорит...*
Милиционеры, что отращивают ***свиную щетину****...*

(№ 3.9)

Среди мотивов, которые вошли в фольклорный обиход адыгов именно в рассматриваемый период, отметим еще один – мотив кровавого тумана или пара, поднимающегося над аулом («лъы бахъае» – кровавый пар злосчастный, или «бахъае» – пар злосчастный). Данный образ стал символом массовой гибели беззащитных людей и употребителен исключительно в песнях о разорении мирных аулов (напр., №№ 2.1; 3.23; 3.24 и др.).

В ряде вариантов данный образ создает весьма выразительную смысловую параллель по принципу верх-низ: Наверху – туман или пар, внизу – трупы детей, уносимые рекой:

На эту Лабу, богом проклятую, <вверх> когда поглядим,
<Видим> ***кровавый пар, словно туман,*** *клубится*
На эту Лабу вниз (нижнем течении) когда поглядим,
<Видим> детские трупы, что по этой Лабе широкой плывут.

(№ 3.23; См. также 3.22)

Одна из важнейших функций песни историко-героического эпоса – мемориальная. Она призвана запечатлеть в памяти народа определенные события, имена определенных лиц, отдельные поступки. Наряду с тем, что вся песня несет в себе такое предназначение, в некоторых случаях имеет место прямое обращение к слушателям:

Елмырзэ и къуэмэ къыдищIа лажьэри
ди ауж къинэмэ щремыгъупщэ!

То, что Эльмурзы сын со мною сделал,
пусть не забудут те, кто после нас будет!

(НПИНА. Т. 3. Ч. 2. С. 255)

Елмырзэ и къуэм къыдиха лейр
ди яужь къинэм щремыгъупщэ!

(Там же. С. 259).

Оба примера взяты из «Сетований лабинцев», событийной основой которых стала жестокая расправа над жителями мирного аула, учиненная отрядом под командованием одного из Бековичей-Черкасских, Темирбулата Эльмурзовича, в крещении – Федора).

Мы лажьэр къытфэзыхьыгъэ гущэри
Хьаджэмыкъоу Хьаджэпщымаф ...
Хьаджэмыкъоу Хаджэпщымафэ гущэм
джыхьэнэмэр къыфарэгъэплъи!
Хьаджэмыкъоу Хьаджэпщымафэ гущэми
пшъэшъэ щысхэр фэрэмытэдж!

Эту беду нам принес Хаджимуков Хаджипщимаф...
Для Хаджимукова Хаджипщимафа
пусть ад разогревают!
Встречь Хаджимукову Хаджипщимафу
девушки сидящие пусть не встают!

(№ 3.16)

То, что с нами, каладесовцами,
произошло,
Пусть не забудут те, кто после нас останется
<на свете>.

(№ 5.26)

Достойно внимания, что при персонификации виновных, о чьих злодеяниях завещается помнить, называются не русские генералы или офицеры, а свои соплеменники, которые, служа царю, не гнушаются жестокостей по отношению к адыгам. Это и «Эльмурзы сын», и некий офицер русской армии Шогуров, и Хаджипщимаф Хаджимуко, и генералы Карохов и Шипшев.

Видимо, песнетворцы признавали то обстоятельство, что русские офицеры выполняют волю своего повелителя, но в то же время не хотели простить тех из адыгов, которые, служа русскому царю, были готовы на жестокости против собственного народа.

Это еще одно из свидетельств достаточно объективного отношения народа к самой войне и к ее участникам, что никак не означает ни безропотного примирения со своей участью, ни слепой ненависти ко всем и вся.

Мы отмечали уже, что события времен Русско-Кавказской войны оказали мощное влияние не только на тематику и жанровые особенности адыгского фольклора, но и на его поэтику. В частности, проникновение мощных лирических мотивов в историко-героическую песню в немалой степени обусловлено диффузией эпического жанра с обрядовыми плачевыми песнями и сетованиями.

Согласно древнему правилу, нередко песнетворцы-джегуако

слагали песни о погибших еще до их похорон. Выносили тело именно под пение такой песни. Естественно, что со временем сочинители песен стали использовать в своем творчестве наиболее запоминающиеся фразеологические сочетания из женских плачей, а также – по мере проникновения ислама в общественное сознание – духовных стихов. Так в сугубо «мужскую» песню воинского плана инфильтровались элементы женской лирики, наглядные примеры чего обнаруживаются в песнях о разорении аулов, песнях о проигранных битвах, песнях об отдельных героях. Как правило, они исполнялись мужским хором во главе с солистом-мужчиной. В результате эволюции получилось так, что при сохранении традиционного состава исполнителей мужчина стал петь некоторые эпизоды песни, а иногда и всю ее, от лица женщины. С одной стороны, это усилило лирические мотивы, с другой – усложнило систему художественных условностей в народном песенном искусстве. Благодаря данному обстоятельству сложился определенный континуум: песня историко-героического плана стала плавно переходить в разряд лирических.

Заключая наш далеко не полный обзор песен, которые возникли во времена Русско-Кавказской войны или же испытали на себе ее сильное влияние, мы вправе отметить значительные изменения во всем адыгском фольклоре, происшедшие вследствие этого громадного события. Война не привела к возникновению новых жанров народного устно-поэтического творчества. Но она обусловила приоритет отдельных жанров, в частности – песен историко-героического содержания и преданий, которые чаще всего бывают связаны с этими песнями. Песенная традиция, издревле свойственная адыгскому исполнительскому искусству, не претерпела радикальных изменений. Однако в плане содержания налицо многие инновации. Они выражены прежде всего в расширении тематического диапазона песен, усложнении изобразительно-выразительной системы, эволюции традиционной поэтики и существенном усилении лирического начала, установлении минорной тональности как доминирующей в поэтической лексике и мелодическом строе традиционной адыгской песни.

В отличие от атрибутики народной поэзии более раннего периода, базирующейся на представлениях собственно адыгской или общекавказской мифологии, в центр внимания выдвигается и постепенно становится стержневым компонентом кораническое мировоззрение. Уже в песне «Ночное нападение», одной из первых по времени возникновения (она сложена по следам событий 1779 г.; кстати, данное событие отражено и в русской исторической песне – см.: Набег кабардинцев на крепость Марьевскую / Русская историческая песня. Л.: Сов. писатель, 1987. С. 335; в

комментариях событийная основа песни ошибочно отнесена к 1828 г.) отмечается императивная сентенция – лучше погибнуть в вере, чем жить в унижении:

Мыр гьаурщи, къытхаукIыкIыр шахьид-щ
Это неверные, и кто из нас будет убит, тот шагид.

(№ 1.1)

Данный пример взят из публикации 1898 г. В записи позднейшего времени та же мысль выражена более развернуто:

Дунеижьми щыдгъэщIэжьынум дыхулIэ!
Дэ щэиту дызэрылIэнур нэхъыфIщ!

Пусть нам не достанется оставшаяся на этом свете доля!
Важнее то, что мы погибнем шагидами!

(№ 3.1)

В одной бжедугской версии эта формула встречается в звучании очень близком к вышеприведенной:

Дунэежъыми щыдгъэшIэжьыщтым тыфаеп!
Щагиды гущэуи тэ тызэрэлIэщтым тежъугъэплъ!

В этом мире недобром, что нам жить осталось –
от того мы отказываемся,
Шагидами как мы умрем, давайте посмотрим.

(№ 3.3)

В песнях, возникших по следам событий более позднего времени, мысль о предпочтительности гибели в священной войне повторяется неоднократно.

Столь же популярной стала другая мысль – о том, что исполнение запеваемой песни приравнивается к проповедованию Корана, а поддержание ее – пению мусульманской духовной песни (напр., №№ 3.20; 5.26 и др.).

Смысл, вкладываемый в подобную формулу, в известной степени еретический с точки зрения канонической веры, так как приравнивать мирскую песню к священному писанию – великий грех. Но, видимо, именно таково было мировосприятие адыгами и событий, и канонов ислама. Оно пришло к ним не с проповедями

и другими словесными средствами воздействия, а произросло из собственных бесконечных страданий.

Так или иначе, в лексике песен рассматриваемого периода, предметная атрибутика мусульманской веры прочно обосновалась и составила противовес православному кресту, с которым к ним пришла одна из жесточайших войн девятнадцатого столетия.

При подготовке настоящего сборника составители стремились дать по возможности наиболее полное представление о месте песен избранной тематики в системе адыгского народного устно-поэтического творчества. Конечно же, было бы предпочтительно поместить в книгу не только песни, но также и прозаический фольклор, в частности многочисленные предания и легенды, порожденные событиями времени завоевания Россией Кавказа. Немалый интерес могли бы представить и образцы афористических жанров, и многое другое. Но в таком случае пришлось бы готовить двух-трехтомное издание. Мы ограничились лишь песнями, надеясь, что в них с достаточной полнотой отражено место Русско-Кавказской войны в исторической памяти народа.

Мы преднамеренно уделили основное внимание материалам, которые были ранее опубликованы в разных изданиях. Среди них – публикации 1936 г. («Кабардинский фольклор»), 1988 г. («Фольклор адыгов в записях и публикациях XIX – нач. XX в.» – сборник, составленный из разных дореволюционных публикаций), 1990 и 1996 гг. (Народные песни и инструментальные наигрыши адыгов. Т. 3).

Небольшой раздел образован из текстов, которые ранее не публиковались. Думаем, что это тоже было необходимо. Всем этим мы желаем сказать, что мы далеко не первые, кто обращается к избранной теме. Она является частью нашей действительности, и закрывать на нее глаза, делать вид, что такой тематики не существует, означает подспудно накапливать в обществе негативные эмоции.

Между тем, современное российское общество достаточно открытое, оно имеет к настоящему времени такую степень устойчивости, что позитивные консолидирующие тенденции способны предотвратить всякого рода колебания. Публикация настоящего сборника, как мы надеемся, окажет только положительное влияние на успешно идущий процесс дальнейшего упрочения разноязычного и исторически единого сообщества народов России. В то же время, она обратит внимание на то, что на времена, когда на Кавказе российская власть утверждалась огнем и мечом, следует обратить более пристальное внимание, ибо память об этой войне прочно живет не только в изустном

поэтическом творчестве – песнями, легендами, преданиями, но также и в самом нынешнем драматическом положении адыгов, когда всего около одной пятой части его обретаются на исторической родине, остальные же до сих пор фактически находятся в изгнании. Об этом следует сказать во имя справедливости и во имя гуманизма, чего сотни тысяч адыгов ожидают сто пятьдесят лет своей истории. По тому, как в подобных случаях поступает государство, принято судить о его зрелости и подлинном уровне его цивилизации.

В связи с тем, что материалы в настоящей книге взяты из разных источников, в ней неизбежными оказались разностильность и различия в принципах преподнесения материалов.

Для разных изданий в свое время были разработаны разные эдиционные методологические приемы. Так, в сборнике «Кабардинский фольклор» помещены только русские переводы. Но они сделаны довольно близко к тексту оригинала, а в необходимых случаях почти все требующие того слова и выражения прокомментированы.

Серия «Сборник материалов для описания местностей и племен Кавказа», выходившая с 1881-го по 1915 г. в Тифлисе, примечательна тем, что в ней значительная часть записей публиковалась на языке оригинала с «двойным» переводом: один – сугубо подстрочный, в параллельной строке, и другой – литературный.

Мы посчитали, что данные особенности следует отметить как существенный этап истории культуры. Но для настоящего издания, рассчитанного на широкий круг читателей, предлагается новый перевод выполненный нами в соответствии с принципами, которые выработаны современными специалистами в отделе адыгского фольклора.

Записи из СМОМПК сохранили для нас особенности языка XIX века и первые попытки графической фиксации этого языка. Конечно же, эти попытки были не всегда безупречными. Записи материалов более чем вековой давности не всегда удобны для чтения. Но в них обнаруживается значительное число фонетических особенностей, каких невозможно обнаружить в записях более позднего времени. Мы попытались с наибольшей полнотой передавать имеющиеся в источнике языковые особенности. Вместе с тем, нам и здесь пришлось несколько облегчить текст, чтобы широкая масса читателей не испытывала серьезных затруднений при восприятии публикуемых материалов.

Для антологической серии «Народные песни и инструментальные наигрыши адыгов» в свое время были выработаны специальные принципы перевода, ориентированные на передачу особен-

ностей структуры песенного текста – с тем, чтобы максимально точно передать образную систему оригинала, включая как его металогию, так и структурные особенности (напр., типы параллелизмов, лексические и синтетические повторы).

Новые материалы, помещенные в последние два раздела, переведены с учетом основных принципов, принятых для вышеуказанного издания. Признавая, что ни один из существующих типов перевода не в состоянии передать иноязычному читателю колорит оригинала во всей его целостности, мы отказались от идеи сохранения версификационных особенностей – ритмики, аллитерации, ассонансов и пр. Вместо этого в тексте перевода с большей полнотой передана металогия адыгской народной песни, а также особенности художественной структуры с ее многообразием семантических ассоциаций и параллелизмов. Однако, с сожалением следует признать, что и такая задача не всякий раз оказывается выполнимой. Так, довольно удачно, как нам кажется, мы сумели передать лексико-семантические связки в следующей строфе из «Песни князя Кушука...»:

Урысыжьым фи лэндэныжьхэр
Шы лъэгуажьэкIэрэ ***нарегъэкъутэри,***
Дунеижь гущэмэ и ***къутэжыгъуэмэ***
Пщы щауэфIхэри ***зэкIэлъопсыхри,***
Кушыкупщ ***щепсыхыжакIэрэ***
КуэбзэбгитIыр зэIуреуэж иджы.

Ваши русские ограды суровые
Коленями коня своего он ***разрушал,***
В пору ***разрушения*** *мира сурового*
Княжеские наездники добрые один за другим ***спешиваются,***
Если уж Кушук – князь ***спешился,***
Пусть ворота <словно> две скалы сойдутся ***[замкнутся].***

(№ 5.40)

Благодаря повторам отмеченных слов или корней строфа объединяется в семантически завершенное целое, что очень важно для безрифменного типа стиха. Помимо того, помещение однокоренных слов в разные контексты (разрушение ограды и разрушение всего мира) создает неожиданные поэтические ассоциации. Но и в приводимом примере налицо важные художественные особенности, которые нам не удалось достойно отразить в переводе.

Прежде всего надо сказать о весьма популярном в адыгских

языках корне слова «жьы» – старый. Он представлен в языковом обиходе и как отдельная лексическая единица, и как аффикс, имеющий предикативную функцию с очень большим спектром значений – от превознесения определяемого объекта до его весьма негативной оценки, о чем в научной литературе уже упоминалось (см.: *А. М. Гутов.* Некоторые вопросы сюжетосложения адыгского нартского эпоса // Ученые записки КБНИИ. Нальчик, 1975, сел. 43; *З. М. Налоев.* У истоков песенного искусства адыгов // НПИНА. М., 1980. Т. 1. С. 26). Для наглядности рассмотрим гамму значений, которые приобретает данный аффикс в зависимости от контекста в одной лишь песне «Разорение аула»:

Лабэжьым дэ дыщыдэсым – Когда мы на Лабе **могучей** жили…: здесь -жь- выступает как своего рода «маркер» реки Лабы, в верховьях которой аул жил безмятежно до **прихода царского войска;**

Джаурыжьым дакъыщыдэкIуэм… – Когда к гяуру **проклятому** попали…: у аффикса -жь- совершенно иная, отрицательно оценочная семантика;

Зи гъащIэкIэ шагъырыбафэ, Щогъурхэ хьэджафэжьитI… – Всю жизнь охочие до вина, Шогуровых два пса борзых **презренных.** В данном случае самым подходящим словом для перевода -жь- является именно слово «презренные», что со всей определенностью можно увидеть по контексту;

Ахъмэты**жь**ым и бгыплъыр… – Скала красная Ахмета **большого…** – Указание на огромность горы Ахмет;

Тетыж**ь**хэр къыщытхуэдалъэкIэ… – когда наместники **грозные** нам угрожают…

Къалэж**ь**кIэ сызыщыгугъар… – Тот, на кого я как на крепость **надежную** надеялась…

Дунеи**жь**ым дэ дыщытетым… – Когда мы на свете **прекрасном** жили…

Уместно будет заметить, что тенденции к полисемантизму слова со значением «старый» наблюдаются и в других языках. Например, английское «old» может означать и «старый» и «бывалый», и «надежный». В русском сочетании, «старый друг» видим то же. В рассматриваемом фрагменте данный корень представлен трижды, и это один из способов создания связки между стихами в строфе. Во избежание перегрузки переводного текста мы сочли целесообразным в одном случае пренебречь данным аффиксом, а два других отразить словом «суровый». При этом совершенно очевидно, что употребленное нами определение в известной степени условно.

Помимо того, у нас вызвал затруднение перевод четвертого

стиха. В оригинале он состоит всего из трех слов, из которых два потребовали в переводе шести слов. Слово «щауэфI» содержит корневой предикативный аффикс, требующий в переводе самостоятельного слова-эпитета. Глагол «зэкIэлъопсыхри» также содержит компоненты, которые необходимо переводить определенными словами: «зэкIэлъы-» – это преверб, указывающий на последовательные действия двух или нескольких лиц. Поэтому одну эту часть слова приходится переводить целым сочетанием: «один за другим». Вторая часть слова, – «-псых-» – от глагола «епсыхын» – спешиваться, спешиться, т. е. слезть с коня, тоже требует обозначения отдельным словом. Однокоренное слово, представленное в следующем стихе «щепсыхыжакIэрэ», также требует своего аналитического толкования: здесь есть два аффикса: -щ-, указывающий на связь с временем, и -кIэ- суффикс, значение которого здесь в указании причинности. В сочетании с аффиксом -а- , здесь это показатель прошедшего времени, и вместе с корневой основой «псых» – они образуют такую форму глагола, которой при всем умении невозможно найти адекватное по значению слово в русском языке.

Еще один часто встречающийся вид сложности следует назвать. Это весьма характерный принцип звуковой организации стиха, в котором важнейшее значение имеют повторы на уровне звука, сочетания нескольких звуков или целого слова. Примеры случаев, когда перенесение особенностей оригинала в перевод оказалось практически невозможным, множество. Приведем всего один из них – четыре стиха из «Песни Ханифы» (№ 5.47):

Дарийуэрэ сэ си куэншыбэр
Сэлэтыжьым зыщызогъэх,
Бирсымэну сызэхэзыхым
Я гущхьэр изокъутыхь.

Одно из средств организации текста здесь – аллитерация на звук -с-, он в трех стихах встречается пять раз, чего невозможно передать в переводе, ориентированном на сохранение смысла и структуры текста. Но еще более важным, ключевым для всей строфы является комплекс созвучий в словах «зыщызогъэх» второго стиха и «сызэхэзыхым» – третьего (четыре -з-, и близкий ему, отличающийся только своей приглушенностью -с-; пять -ы-; самое же главное – это троекратное повторение звука -х- в ключевой для фоники стиха позиции).

Невозможность перенести в переводах подобные особенности оригинала делает русский текст намного бледнее и тяжеловеснее,

нежели адыгский. Не имея возможности продемонстрировать все многообразие средств эстетической организации адыгской песни в предлагаемых переводах, мы посчитали нужным дать хотя бы описательные пояснения. Надеемся, что русскоязычный читатель по достоинству оценит наш скромный труд в данной области.

***

Считаем необходимым предупредить уважаемых читателей, что в справочных данных книги возможен разнобой в употреблении аббревиатур, что связано со сменой (иногда по нескольку раз) официальных названий, обозначаемых ими. Ниже приводится перечень прежних и нынешних обозначений: АНИИ – ныне АРИГИ; КНИИ, КБНИИ, КБНИИФЭ – ныне КБИГИ; ААО – ныне РА; КАССР, КБАССР, КБССР – ныне КБР; КЧАО – ныне КЧР.

В. Х. Кажаров

ПЕСНИ, ИСЛАМ И ТРАДИЦИОННАЯ КУЛЬТУРА АДЫГОВ В КОНТЕКСТЕ КАВКАЗСКОЙ ВОЙНЫ

1. Предварительные замечания

Адыгский феодальный этнос, уходя с исторической сцены, оставил после себя песни, которые, с одной стороны, являются живым памятником его героической борьбы за свою независимость в период Кавказской войны, а с другой – последним могучим всплеском его творческого гения в этом жанре устного народного творчества.

Под влиянием Кавказской войны песни претерпели сложную эволюцию. Выяснение степени их видоизменения является многомерной проблемой, предполагающей рассмотрение исторических условий их функционирования, комплексный анализ динамики соотношения в адыгском обществе этнических констант и новаций в ходе конфликтного взаимодействия с чуждой цивилизацией, выяснение особенностей трансформации традиционной духовной культуры и менталитета адыгов, исследование факторов, изменивших их отношение к смерти, смыслу жизни, самопожертвованию, земной славе, загробному воздаянию и т. д.

Необходимо учитывать, что все эти изменения происходили под мощным и всесторонним воздействием ислама. Сама национально-освободительная борьба адыгов принимает характер священной войны, что в корне преобразовывает их традиционную иерархию ценностей. Одно дело рыцарь времен Андемиркана, другое – адыгский воин в первой половине XIX в., действия которого были проникнуты исламскими ценностями и приобрели ярко выраженную религиозную мотивацию. Далеко не случайно, что М.Ю. Лермонтов, описывая в своем знаменитом стихотво-

рении «Дары Терека» (1839 г.) «с поля боя кабардинца», счел необходимым подчеркнуть следующее:

Он в кольчуге драгоценной,
В налокотниках стальных:
Из Корана стих священный
Писан золотом на них.

(*М. Ю. Лермонтов.* Соч. М., 1970. Т. 1. С. 337)

Без анализа религиозной составляющей адыгской культуры нам не понять ни трагедию Кавказской войны, ни мировоззрения ее героев, ни мотивов, вдохновивших безымянных авторов к созданию историко-героических песен.

В XIX в. наиболее глубокий анализ исторической специфики адыгских песен дан А.-Г. Кешевым. Многие выводы, сделанные в его статье, не утратили своей актуальности и в настоящее время. Прежде всего это касается его мысли о связи «характера песен» с особенностями общественного быта и психологии адыгов. Его суждения по этой проблеме настолько точны, содержательны и вместе с тем афористичны, что мы рискуем упростить их смысл, не приводя их полностью:

«Из всех произведений народного творчества изустная песня служит наиболее полным и верным выражением отличительных свойств народного характера».

«Быть может не у многих народов песня запечатлена так ярко и осязательно типическими особенностями национального духа, как у адыге».

«...Ни у одного из них (кавказских горцев. – *В. К.*) военно-аристократические учреждения и воинственный дух не выработались в таких определенных чертах, не были доведены до такой полноты и совершенства, как у адыге».

«Племя это может быть названо по справедливости творцом и первым распространителем духа рыцарства среди прочих кавказских туземцев. Дух этот лег в основание его политического, общественного и домашнего быта. Им проникнуты насквозь его нравы и обычаи. Быть или не быть порядочным наездником, т. е. героем – было для всякого свободного адыге почти равнозначительно вопросу о жизни и смерти. Можно сказать, что адыгское дворянство не знало иных целей и стремлений в жизни, кроме наезднических подвигов, и слава героя была заманчивее для него всех мирских благ»[1]. «Поэтому, – отмечал А.-Г. Кешев, – нет надобности особенно распространяться о том, что и песни адыгов не могли естественно сделаться ничем иным, как воплощением

того же господствующего духа: нельзя характеризовать их иначе, как поэзией наездничества, панегириком доблестных мужей, прославившихся между адыгов *в различные эпохи исторического их существования»* (курсив наш. – *В. К.*)[2].

Сказанное А.-Г. Кешев относит «главным образом ко времени независимости черкесских племен». Естественно предположить, что с трансформацией наездничества, изменяются и прославляющие его песни.

А.-Г. Кешев связывает ослабление «духа наездничества» с двумя факторами: исламом и столкновением с невиданным до этого противником – Россией. «С одной стороны, магометанство распространилось между адыгскими племенами, внесло в их жизнь религиозный фанатизм и политический деспотизм, неизвестные им до того времени. С другой – судьба послала им могущественного врага, стремившегося подчинить их своей власти... Самый способ ведения войны, принявший с самого начала партизанский характер, не разбиравший средств к достижению предположенной цели, извратив рыцарские понятия древнего черкесского наездничества, заставил адыгские племена употреблять в видах самосохранения и возмездия много таких уловок, которые не вытекали вовсе из духа народа и считались бы им, при других обстоятельствах, унизительными для чести наездника». «Но все-таки не корысть и не кровожадность, а жажда подвигов и не умиравшая в среде народа любовь к независимости и свободе одушевляли адыгов в продолжительной борьбе за политическое свое существование»[3].

В данном случае А.-Г. Кешев стремился избегать однозначных оценок. В сущности, его рассуждения на эту тему позволяют сделать вывод о двойственной роли Кавказской войны в процессах трансформации наездничества. Она, с одной стороны, извратила «рыцарские понятия древнего наездничества», а с другой, – стала средой, которая поддерживала его прежние функции, обостряя «жажду подвигов» и стремление к независимости.

Что же касается религиозного фактора, то А.-Г. Кешев отмечал, что нельзя отрицать «значительное влияние мусульманства на жизнь и судьбу черкесов». По его мнению, «оно изменило во многом строй общественной и домашней жизни, смягчило суровые нравы, искоренило языческие верования и предрассудки. Коран, сделавшись для них кодексом религиозных, нравственных и гражданских законов, благодаря значительной дозе своих воинственных тенденций, успел привиться к их быту, хотя не мог вытеснить совершенно туземное право и переделать радикально твердо установившиеся начала народной жизни. Словом, мусульманство внесло в черкесское общество весьма

заметные преобразования. Оно сообщило сильный толчок и дало несколько отличное от прежнего направление и господствующей наклонности черкесов – воинственности. Направление это мы уже назвали фанатизмом, хотя в строгом смысле черкесы не успели поравняться в отношении религиозной ревности даже с некоторыми кавказскими племенами, например, с дагестанцами, чеченцами и ближайшими своими соседями – ногайцами. Что главнейшим побуждением адыгского племени к войне оставались все-таки врожденная склонность его к подвигам молодечества и желание сохранить свою независимость, лучше всего доказывается неизменным характером его песни. Бесчисленные примеры истории показывают, что нет ничего гибельнее для произведений народного творчества, как перемена религии.

«Но у адыгов – подчеркивал А.-Г.Кешев, – мы видим нечто другое. Мусульманство не только не уничтожило адыгских песен, но не имело даже довольно силы для того, чтобы принудить своих новых адептов смотреть на нее как на предосудительную, неправомерную забаву – остаток язычества. На первый взгляд может показаться, что новому учению незачем было домогаться упразднения народной песни, так как в сущности цели их были одинаковы... Черкесская песня была проникнута воинственным огнем, казалось бы, более подходящего союза нельзя и придумать. Но разница между ними нашлась в побуждениях: ислам провозглашает борьбу во имя неба и, согласно с этим, сулит поборникам своим венец мученика за пределами земной жизни; он требует от прозелита отречения от всех иных побуждений к войне, кроме упования быть причтенным по смерти к избранным обитателям дженнета (мусульманского рая. – *В. К.*); черкесская же песня, прельщаясь более всего земною славою, призывала к ней всех, владевших конем и винтовкой, одаренных пылким умом и неугомонным честолюбием. Высшая награда, по ее уверению, имя героя-наездника...

Такое противоречие в самом основании не могло, конечно, вести к примирению мусульманской догмы с характером черкесской песни, несмотря на сходство их конечных стремлений. Набожные муллы, принимая деятельное участие в военных предприятиях, относились в то же время враждебно к песне, как к одному из наследий осужденного язычества, стараясь подорвать в народе ее кредит. Вопреки их стараниям, *влияние мусульманской веры на песню было совершенно ничтожное*» [4] (курсив наш. – *В. К.*).

Таким образом, А.-Г. Кешев, говоря о значительном влиянии ислама и войны на традиционный образ жизни адыгов, фактически делает исключение для наездничества и, соответственно,

историко-героических песен. «Составляя неотъемлемую часть наездничества, – писал он, – песня была гарантирована от губительского влияния религиозного догматизма» [5]. Поэтому вполне логичным представляется и его вывод о том, что связанные с этим институтом представления о «славе» продолжали занимать центральное место в их ценностно-нормативных установках.

Взгляды А.-Г. Кешева на ислам во многом отражали популярные в то время стереотипы и предрассудки, согласно которым он ассоциировался с отсталостью, фанатизмом, догматизмом, деспотизмом и т. д.

Распространению этих мифов способствовала и религиозная окраска войны кавказских народов за свою независимость. Необходимо учитывать и тот факт, что его статья была написана уже после окончания Кавказской войны, продемонстрировавшей, с точки зрения поборников европейского просвещения, несостоятельность военно-политического и идеологического противостояния адыгов России, осуществлявшей, как они считали, цивилизаторскую миссию на Кавказе. К этому следует добавить, что в его суждениях об исламе чувствуется негативное отношение к религии вообще, что, по всей видимости, являлось следствием «вольнодумства» и атеизма, сформировавшихся во время учебы в Ставрополе и Санкт-Петербурге.

Парадоксально, но А.-Г.Кешев, заимствуя взгляды завоевателей Кавказа на ислам, в то же самое время оставался адыгским патриотом, высоко ценившим культуру своего народа. Но свою любовь к ней он выражал в форме ее противопоставления исламу. По существу, той же схемы придерживаются и современные авторы, доказывающие поверхностный характер исламизации адыгов и ее незначительное влияние на их традиционную культуру отсутствием в их религиозном сознании таких черт, как «фанатизм» и «догматизм».

Сказанное еще раз подчеркивает то обстоятельство, что песни времен Кавказской войны невозможно понять без выяснения степени воздействия на них ислама. В свою очередь это предполагает анализ его роли в истории адыгов, начиная с первых этапов исламизации и кончая периодом, когда их антиколониальная борьба проходила под его знамением.

2. Особенности исламизации адыгов

Есть основания предполагать, что исламизация адыгов началась еще в XIV в., когда при хане Узбеке (1312–1342) ислам стал государственной религией Золотой Орды [6]. Несмотря на это, европейские авторы XIV–XV вв. считали их христианами [7].

Падение Византийской империи, разрыв связей с Западной Европой в лице генуэзцев приводит к заметному ослаблению позиций христианства в Черкесии. На фоне его угасания происходит ревитализация архаических верований. Через одно столетие адыгская знать оказалась перед альтернативой: принимать заново христианство, учитывая рост могущества Московского государства в Восточной Европе, или ислам, ориентируясь на Крымское ханство и Турцию. Тем самым середина XVI в. стала для адыгов решающим историческим рубежом в смене их конфессиональной идентичности.

В 50-х гг. XVI в. адыгские князья, направляя свои посольства в Москву, просят Ивана IV не только о покровительстве и защите, но и помощи в восстановлении христианства [8]. Но эта политика не дала ощутимых результатов.

Через три десятилетия исламизация адыгов, по всей видимости, уже достигла определенных успехов, что отразилось и на процедуре принятия присяги русскому царю («шерти», по терминологии тех лет).

В 1588 г. князья Мамстрюк Темрюкович и Куденет Камбулатович от имени всей кабардинской земли давали «шерть по своей вере по мусульманскому закону царю и великому князю Федору Ивановичу» [9]. В последующем, на наш взгляд, успехи исламизации и неудачи вторичной христианизации адыгов во второй половине XVI в. объясняются, главным образом, сменой геостратегических и социокультурных приоритетов в пользу Крыма и Турции. Первыми приняли ислам жанеевцы, у которых, по сведениям турецкого историка XVII в. Гезар Фена (Хезарфена), «действуют постановления шариата» [10]. Это очень важное замечание, поскольку в других областях Черкесии знать формально исповедовала ислам, а большая часть народа придерживалась прежних полуязыческих-полухристианских верований.

Наблюдения А. Олеария, Я. Я. Стрейса, Н. Витсена, А. де ла Мотрэ, К. Главани [11] свидетельствуют о синкретическом характере их религиозных верований. Интересно сравнить их сообщения со сведениями, собранными в Кабарде в апреле 1732 г. по приказу коменданта крепости Святого Креста весьма компетентными офицерами из числа кавказцев и присланными в Коллегию иностранных дел в Санкт-Петербург. Они не оставляют сомнений в том, что остатки христианства занимали значительное место в общественном сознании кабардинцев. В своем донесении комендант отмечал, в частности, следующее: «Кабардинцы издревле были все христианского закону; а ныне владельцы и уздени имеют закон магометанской, а крестьяне, живущие в деревнях, некоторые содержат веру и

закон христианской несовершенно, и в некоторых деревнях есть благочестивые церкви, токмо уже оставлены пусты, которые и посыланные от меня за разными делами в Кабарде офицеры и дворяне довольно видели» [12].

Эти данные подтверждаются и наблюдениями И. А. Гюльденштедта, побывавшего в Кабарде в начале 70-х гг. XVIII в. Указывая на такие зримые свидетельства существования здесь в прошлом христианства, как «старые каменные церкви, кресты на могилах, лежащих по Куме, соблюдение некоторых постов и проч.», он в то же самое время счел необходимым подчеркнуть, что «большая часть *знатных привержена к магометанскому закону... Народ живет без религии*» (курсив наш. – *В. К.*) [13]. Очевидно, что в данном случае автор отождествляет религию с монотеизмом.

Чем же объяснить то обстоятельство, что ислам, распространяясь среди высших сословий Кабарды, тем не менее не был воспринят ими достаточно глубоко, а «народ живет без религии»?

При рассмотрении данной проблемы следует, конечно, учитывать такую универсальную черту религиозного сознания крестьянских масс, как его сравнительно большая инертность, приверженность языческим верованиям, аграрным культам, суевериям, магическим обрядам и т. д. Но источники свидетельствуют, что знать не проявляла особого рвения в деле исламизации крестьян. В свою очередь это можно объяснить только тем, что она сама не отличалась глубокой религиозностью. Князья и дворяне, приняв ислам, усвоили, главным образом, его внешнюю ритуальную сторону. Не будучи ортодоксальными мусульманами, они соответственно не испытывали потребности обращать в свою веру другие слои общества. Но при этом остается открытым вопрос о причинах поверхностного восприятия адыгами ислама. Отвечая на него, нельзя забывать, что и христианство в свое время не было воспринято ими достаточно глубоко. Следовательно, на первом этапе изучения данной проблемы речь должна идти вообще о специфике религиозного сознания адыгов.

Здесь мы вплотную сталкиваемся с необходимостью изучения, с одной стороны, особенностей менталитета этноса в целом и отдельных социальных групп, а с другой – анализа тех сфер культуры, которые компенсировали ограниченность социорегулятивных функций религии.

Прежде всего следует указать на роль адыгэ хабзэ – универсального морально-правового кодекса адыгов. Всеобъемлющий характер ее норм позволял ей во многом заменять религию. Адыгэ хабзэ регулировала даже те сферы жизни, которые в других феодальных этнических социумах составляли компетенцию

религии. Ее нормы были сакрализованы сперва язычеством, а затем христианством и исламом. Здесь можно говорить о своеобразном синкретизме религиозных верований, морали и права.

Адыгэ хабзэ являлась наиболее ярким и концентрированным выражением адыгского менталитета. Сравнительно-историческое изучение его особенностей делает только первые шаги. Основная трудность состоит в том, что его глубинная структура, образованная из специфических форм взаимосвязи бессознательных культурных кодов и рационализированных форм сознания, практически не поддается выявлению, в отличие от его внешних проявлений. Тем не менее мы считаем возможным отметить некоторые особенности менталитета, не способствовавшие или препятствовавшие полному утверждению монотеистических религий. К ним прежде всего относятся: парадоксальное сочетание в адыгском менталитете духа личной свободы и независимости с традиционализмом и прагматизмом; его чуждость отвлеченным идеям общего блага, народного суверенитета и религиозного спасения; отсутствие в общественном сознании адыгов напряженного разрыва между должным и сущим, сферой трансцендентного и эмпирической реальностью; его погруженность в стихию повседневной жизни, не оставляющая места для размышлений о надмирном Боге, несовершенстве и бренности земного бытия; убежденность в ее завершенности и полноте; приверженность традициям, доходящая до их обожествления; циклическое восприятие времени; культ настоящего и прошлого; ориентация на прошлое в качестве идеальной модели мироустройства, на бесконечное повторение и воспроизводство прежних социальных образцов.

Что же касается степени религиозности различных слоев общества, то относительно князей и дворян можно сказать, что глубокой религиозной вере в их среде препятствовала такая черта их менталитета, как культ воинской доблести. В иерархии ценностей сословия благородных воинская слава занимала центральное место и являлась по существу эквивалентом бессмертия [14]. Смерть на поле боя рассматривалась ими как священнодействие, а рыцарское служение долгу (включавшее в себя прежде всего военную службу у сюзерена) – как разновидность мирского аскетизма. Другими словами, следование суровым идеалам уэркъ хабзэ (кодексу дворянской чести) являлось своего рода аналогом религиозного подвижничества. Рыцарские идеалы в определенной степени заменяли религиозные ценности, восполняя их отсутствие или слабую выраженность. В этом плане уэркъ хабзэ, представлявшая собой квинтэссенцию адыгэ хабзэ, выполняла важные компенсаторные функции. В аристократическом созна-

нии культ воинской славы сочетался с убежденностью в переменчивости воинской удачи, что не способствовало утверждению веры в предопределение Богом человеческой судьбы. Наконец, нельзя не обратить внимание и на такую особенность менталитета дворян, как чувство собственного достоинства (переходящее часто в гордыню), покоящееся прежде всего на сознании совершенства их образа жизни. А это в свою очередь мешало «раздвоению» мира, противопоставлению несовершенных, земных, греховных дел вечным и абсолютным ценностям потусторонней жизни.

Однако вряд ли правомерно все трудно объясняемые явления в религиозной истории адыгов относить только за счет их менталитета. Ссылаясь на его специфику, мы часто пытаемся объяснить нечто посредством того, что само по себе подлежит объяснению (petitio principii).

Особенностями менталитета можно объяснить степень религиозности адыгов или формы сочетания у них различных верований. Но, оставаясь в замкнутом круге его парадигм, мы не сможем выяснить процессы смены конфессиональной идентичности, т. е. саму динамику их религиозной жизни. Например, трудно будет понять, каким образом христианство, просуществовавшее у них около одного тысячелетия, сменилось исламом, тогда как конфигурация их ментальных структур, в основном, оставалась прежней. В исторических источниках нет никаких данных, свидетельствующих о случаях внезапного и массового воодушевления новой религией, вызванных эндогенными факторами социально-психологического порядка.

Религиозным индифферентизмом можно объяснить (и то лишь частично) сравнительную легкость или безболезненность этого перехода, но не его основные причины, а тем более особенности и обстоятельства распространения ислама среди различных слоев общества. Для этого необходим другой уровень анализа, предполагающий выход за пределы ментальных структур и обращение к политическим, правовым и социокультурным факторам.

Как уже отмечалось, распространение ислама в Черкесии происходило под воздействием изменившихся геополитических и социокультурных ориентиров. Поскольку в принятии ислама социальная элита руководствовалась утилитарными политическими соображениями, такой же прагматический подход она, по всей видимости, проявляла и в вопросе исламизации крестьян. Казалось бы, адыгская знать, усвоив внешнюю обрядовую сторону новой религии, должна была по логике вещей внедрить соответствующие религиозные обряды и в крестьянскую среду, учитывая громадную роль символов и ритуалов в жизни традиционного феодального общества. Для этого князья и дворяне

располагали всеми средствами экономического, политического и духовного принуждения. И если этого не происходило, то, вероятно, лишь потому, что это не соответствовало их интересам.

Ислам, исходивший из идеи равенства всех людей перед Богом, был в принципе направлен против сословной иерархии и эксплуатации. Шариат по сравнению с адатом предоставлял крепостным крестьянам гораздо больше прав, ограждая в определенной мере их личные и имущественные права. В частности, он запрещал продажу мусульман. Конечно, в реальной действительности принятие ислама крепостными не приводило автоматически к их освобождению. Да этого и не могло быть, учитывая, что пши и уорки в это время в полном объеме сохраняли прежнюю власть над ними. На первых порах они могли быть лишены права (и то весьма формально) разделять их семьи и продавать порознь за пределы княжеских владений. Здесь, вероятно, проходила линия пересечения, взаимодействия и синтеза шариата с адатом, рассматривавшим крепостных как субъектов права. Как бы там ни было, в перспективе последовательное распространение норм шариата на все общество неизбежно трансформировало бы взаимоотношения владельцев и крепостных крестьян, создав угрозу разрушения крепостнического строя и феодальной иерархии в целом.

Вот почему господствующие сословия, руководствуясь социальным инстинктом самосохранения, предпочитали адат шариату. Обычное право юридически закрепляло сословное неравенство и феодальную эксплуатацию. Это обстоятельство объясняет одну из причин отсутствия у них стремления обращать в свою веру (т. е. в ислам) подвластных им крестьян. С другой стороны, принадлежность к исламу, парадоксальным образом противопоставляя знать черни, являлась между ними дополнительным дифференциальным признаком в сфере культуры, что объективно поддерживало существующий социальный порядок в прежнем виде.

Но будущее показало, что в религиозной неоднородности этноса был заложен мощный конфликтогенный потенциал: она дополняла и усугубляла социальный раскол. В 60-е гг. XVIII в., когда колониальная экспансия России в Центральном Предкавказье диктовала необходимость консолидации всех слоев кабардинского общества, крестьяне не успели интегрироваться с социальной элитой в этноконфессиональном плане. Поэтому политика царизма по разжиганию конфликтов между владельцами и их крепостными пала на благодатную почву.

Та сравнительная легкость, с которой России удавалось убеждать кабардинских крестьян бежать от своих владельцев,

переселяться на подконтрольную ей территорию и принимать крещение, объясняется (помимо очевидных экономических, социальных и политических причин) также и тем, что они в подавляющем большинстве не были исламизированы в той степени, чтобы противопоставлять себя христианам, считая их неверными. Следует при этом заметить, что отчужденность их от своих владельцев в религиозном отношении усугублялась тем, что значительная их часть состояла «из пришельцев из разных мест» [15]. Соответственно, у них весьма слабо было выражено сознание принадлежности к адыгскому этносу, в том числе и к кабардинской субэтнической общности, не говоря уже об отсутствии таких составляющих этнического самосознания, как мистическая сопричастность с землей предков, религиозно-мифологическое отождествление с исторической судьбой народа, любовь к родине и другие чувства и представления, которые могли бы подвигнуть их на яростное сопротивление агрессорам. На этноконфессиональную дезинтеграцию крестьян накладывалась их социальная разобщенность, раздробленность их средневековыми перегородками, обусловленными в свою очередь различным социальным статусом, принадлежностью разным владельцам, отсутствием собственной организации (типа сельской общины), способной отстаивать их интересы, что в целом превращало их в косную и инертную массу, не способную возвыситься над своими узкоутилитарными интересами, мыслить категориями общего блага и суверенитета, сопереживать борьбе Кабарды за свою независимость. Наконец, нельзя забывать о том, что последняя представляла собой «малую феодальную империю» [16], которая характеризовалась полиэтнической структурой, вхождением в ее состав горских народов Центрального Предкавказья, рыхлым этнополитическим ядром, разделенным на княжеские микроуделы и сотрясавшимся внутренними антагонизмами. Все это поставило Кабарду на край гибели при ее столкновении с Россией.

Шариатское движение стало своеобразным ответом на эту опасность.

3. Кавказская война и шариатское движение

В адыгской историографии принято связывать начало Кавказской войны со строительством Моздокской крепости в 1763 г.

В 1769 г. кабардинцы потерпели поражение от русских войск под командованием генерала де Медема. По Кючук-Кайнарджийскому мирному договору, который подвел итог русско-турецкой войне 1768–1774 гг., Кабарда отошла к России, которая мотивировала свои притязания на нее тем, что та якобы издавна

находилась в ее составе. На это кабардинцы отвечали, что «они никогда российскими подданными не были, и если со времени Иоанна Васильевича имели сношения с этим государством, то *не как подданные и покорные царю, а лишь как конаки* (курсив наш. – *В. К.*)» [17].

Колонизация территории Кабарды не ограничилась строительством Моздока. В 1777–1778 гг. строится Кавказская линия, имевшая целью еще более прочно утвердить здесь власть русского правительства и обеспечить безопасное сообщение между Моздоком и Доном на протяжении 500 верст. В 1777 г. начинаются работы по возведению ряда крепостей непосредственно на территории Кабарды: Екатериноградской на р. Малке, Павловской на р. Куре, Георгиевской на р. Подкумке и Александровской на р. Томузловке [18]. При этих крепостях основывались станицы переселенного на Кавказ Волжского казачьего войска.

Все это лишило кабардинцев большей части пахотных земель и пастбищ. Коллегия иностранных дел вынуждена была признать, что с постройкой крепостей «лишились они всего хозяйственного изобилия и богатства, особливо, когда открылась линия Кавказская и все прежние места их отошли под слободы и селения россиян» [19].

Осенью 1777 г. кабардинцы «решились препятствовать продолжению постройки крепостей силою оружия, несмотря на то, что в Кизляре содержались их заложники» [20]. В 1779 г. антиколониальное движение достигло наивысшего размаха. Но оно не имело успеха. В сражениях с войсками генералов Якоби и Фабрициана погиб цвет кабардинского дворянства. В декабре 1779 г. кабардинцы вынуждены были признать свое поражение и согласиться на выплату значительной контрибуции.

Поражению Кабарды прежде всего способствовала ее феодальная раздробленность и пока незначительная роль религиозной идеологии, способной объединить враждующие между собой княжеские уделы. Однако уже и в это время ее борьба за независимость начинает принимать религиозную оболочку. Об этом свидетельствуют тексты эпитафий на надгробных памятниках, посвященных погибшим в сражениях 1779 г. В них указывалось, что они – шагиды (борцы за веру).

Существование таких представлений подтверждается и содержанием историко-героической песни «Кабардинское ночное нападение», в основу которой были положены события 1779 г. В ней, в частности, при описании мировосприятия дворян, бросивших вызов военной мощи России, воспевается отказ от этого бренного (недоброго) мира и смерть в качестве шагидов:

Дунеижьым щыдгъэщIэжынум дыхулIэ!
Дэ щаитуэрэ дызэрылIэнур нэхъыфIщ! [21]

(№ 3.1)

В бжедугском варианте противник прямо оценивается как «гяур» [22]. Эти слова, не свойственные прежним героическим песням, обозначили начало трансформации рыцарской идеологии. Но религиозная мотивация войны не стала доминирующей в общественном сознании кабардинцев. К тому же в это время еще не сформировалась достаточно отчетливая установка на радикальное преобразование общества в соответствии с нормами шариата.

Неудачи антиколониальной борьбы кабардинцев в 60–90-х гг. XVIII в. со всей очевидностью выявили недостаточность прежних форм их политической интеграции в виде временных союзов удельных княжеств и показали необходимость того, чтобы интеграционные процессы, не ограничиваясь этим, охватили взаимоотношения всех слоев общества, подчинив частные и сословно-групповые интересы общекабардинским приоритетам. Другими словами, для успешного решения задач, вставших перед кабардинским обществом в конце XVIII – начале XIX в., социальные преобразования должны были стать основой политического единства нового типа. Этому не могли способствовать ни традиционные религиозно-мифологические представления, освящавшие прежний порядок вещей, ни адат, санкционировавший социальное неравенство и политическую децентрализацию.

Объединительные тенденции находят свое идеологическое оформление в исламе, который провозглашал равенство людей перед Богом и оправдывал войну с неверными. Возникло так называемое «шариатское движение», которое возглавил Адиль-Гирей Атажукин, бежавший из плена в 1798 г. [23]

Если в 1794 г. князья и дворяне, отвергавшие родовые суды и расправы, противопоставляли им прежний порядок судопроизводства, то теперь они поставили перед собой грандиозную по тем временам задачу преобразования всех сторон общественной и частной жизни в соответствии с нормами шариата.

5 июля 1799 г. генерал-лейтенант Кнорринг писал царю: «Во время пребывания бежавшего из Новороссийска владельца майора Адиль-Гирея Атажукина, о ком я всеподданнейше донес Вашему Императорскому Величеству 14-го прошедшего мая, доселе в явных поступках его ничего замечено не было, чтобы клонилось к потрясению тишины и ко внушению в единоземцах своих каковых-либо вредных замыслов. Но 28-го минувшего июня и в по-

следующие дни получил я от генерал-майора Арсеньева 1-го, над обоими Кабардами надзирание имеющего, рапорты, что девять ветреных владельцев и много узденей, быв руководимы советами его – Адильгирея Атажукина, скопились в одно место и взяли дерзкое намерение установить в Кабарде *духовный суд, который бы правилами Корана решал все народные тяжбы и который бы совершенно ослаблял действие учрежденных Императорским Величеством в Кабарде родовых судов и расправ,* до сего времени с довольным успехом удерживающих порядок в кабардинцах и умножающих зависимость их к Высочайшему Вашего Императорского Величества Престолу» (курсив наш. – *В. К.*)[24].

Ислам стал, с одной стороны, идеологическим оружием антиколониальной борьбы, а с другой – также и средством преобразования общества. Шариатское движение имело целью не только упразднение родовых судов и расправ и учреждение «духовного суда», но и реализацию более широкой социальной программы, предусматривавшей уравнение прав князей и дворян.

Перед Богом все равны. Следовательно, социальная иерархия должна быть упразднена. Князья духовно возвысились до самоотрицания, т. е. до отказа от своего прежнего статуса и старинных привилегий. По существу, они пошли на самопожертвование. Это дало им возможность в течение сравнительно короткого исторического периода стать харизматическими лидерами Кабарды. Они и до этого были руководящей силой общества. Но теперь их власть усиливалась ореолом праведников.

В том же рапорте Кнорринг отмечал: «...далее осведомлен, что сии ветреники присягнули на Коране поступать единодушно в сем новом начинании, на тот конец, дабы потом способнее приступить *ко введению равенства между владельцами и узденями, разглашая: «Почему де нам оного между собой не иметь, когда оное существует во Франции;* что многие уздени, обольщаясь сими видами, обещавшими им мнимые выгоды, отходят от своих благонамеренных владельцев и со злоумышленниками соединяются» (курсив наш. – *В. К.*)[25].

Призывы Адиль-Гирея Атажукина и его единомышленников отменить феодальную иерархию нашли широкую поддержку среди дворян. Этот успех можно было бы отнести исключительно за счет идей равенства, социальной гармонии и справедливости, заключенных в исламе, если бы в эгалитарных устремлениях значительной части пши-уорков, помимо религиозных мотивов, нельзя было заметить отчетливо рационалистический или светский характер аналогий с опытом Французской революции. Здесь не только религиозное воодушевление идей равенства людей перед Богом, но и трезвый расчет на достижение определенных

политических выгод в результате уравнения прав различных сословий внутри феодального класса.

Но при всем этом прагматические соображения не играли главной роли в идеологии шариатского движения. Ее основой стала убежденность в неразумности и греховности существующих порядков. В свою очередь она проистекала из того, что социальная действительность подвергалась строгому и беспощадному суду с точки зрения трансцендентного порядка, установленного Богом.

Возникло напряженное отношение между «мирским» и «священным», наличным бытием и миром трансцендентного. Разрыв между ними принимает столь острый характер, что прежние социальные установления стали восприниматься как воплощение зла и потому считались обреченными на уничтожение. Мир, погрязший в грехе, подлежал неотвратимому наказанию. Все это наряду с внешней угрозой порождало ощущение приближающейся катастрофы, предчувствие неминуемой гибели Кабарды.

Но как предотвратить ее? Вожди и идеологи шариатского движения, взявшие на себя ответственность за ее судьбу, видят ее спасение в коренных преобразованиях социальной, политической и духовной жизни в соответствии с нормами шариата. Духовная ситуация данного времени характеризуется именно острым осознанием трагического несовершенства мира и необходимости его радикального изменения на основе священных канонов ислама. Спасение только в Боге, в следовании его заповедям. И кабардинцы обращаются к Нему с неистовым пылом, свойственным лишь неофитам. Формально они давно были мусульманами. Но распространение ислама в Кабарде свелось, главным образом, к утверждению его внешней, обрядовой стороны. Теперь же постигалась его сокровенная сущность.

Предметом критического переосмысления становятся не только прежние «духовные ценности», но и социальные и политические установления. Резко меняется вся система ценностей, ориентированная теперь не на восстановление прежних социальных образцов, а на их преобразование в соответствии с трансцендентными идеями ислама. Впервые в общественном сознании адыгов обыденность, освященная прежней мифологией, перестает восприниматься как норма. Оторвавшись от привычного круговорота вещей, они бесстрашно и бескомпромиссно обращают свой духовный взор в будущее. Оно, а не прошлое состояние общества, становится критерием и масштабом социальных изменений и достижений. Основной смысл жизни кабардинцы видят теперь не в этом бренном мире, а в будущей жизни, понятой весьма широко (и в эзотерическом, и в сугубо мирском, экзотерическом смысле):

и как грядущее обновление всего социального универсума, и как жизнь вечная после Страшного Суда.

Шариатское движение явилось первым и самым большим всплеском религиозного фундаментализма в истории адыгов. Оно и по своей сути, и по своей форме было ренессансом ислама, как бы возвращением к его незамутненным истокам.

Кабардинцы настолько глубоко прониклись новыми идеями, что это в корне преобразовывает их внутренний мир. Этому способствовала и напряженная «сумеречная» атмосфера тех лет, полная тревожных предчувствий и ожиданий. Все то, о чем писал К. Ясперс, характеризуя «осевое время» («осознание хрупкости и трагичности бытия», «жажда спасения», «духовное напряжение и созидание», «острота пограничных ситуаций» и т. д.)[26], имело место и в Кабарде данного периода, но с тем отличием, что интенсивность и глубина переживания «пограничных ситуаций» возросла в невероятной степени в силу того, что кабардинцы столкнулись с проблемами, превышающими возможности их традиционной культуры. Острое осознание трагичности положения, в котором они оказались, сопровождалось духовным потрясением, основательно поколебавшим уверенность в незыблемости прежнего мироустройства. В своем духовном порыве идеологи и рядовые участники шариатского движения как бы «вспоминали» и заново переживали свой прошлый духовный опыт, приобщаясь к ценностям и проблемам «осевого времени». Но в данном случае речь идет не о простом повторении «осевых ситуаций». Мы имеем дело с глубоко самобытными процессами духовного и социального самообновления адыгского мира в ответ на самый опасный вызов, который история когда-либо бросала адыгам.

Как бы то ни было, шариатское движение представляло собой нечто невиданное в истории Кабарды. Впервые в своей истории кабардинцы приступили к сознательному преобразованию своего традиционного уклада жизни в соответствии с определенной социальной доктриной, выработанной в данном случае на основе шариата. До этого князья и дворяне были погружены в стихию повседневных распрей, не думая о будущем своей страны. Теперь же оно стало главным стимулом их деятельности. При этом будущее социальное устройство конструируется с учетом опыта передовых стран (прежде всего Франции), переосмысленного, в свою очередь, через нормы шариата. Существующий миропорядок оценивался участниками и лидерами движения, исходя из новых моделей социального бытия. И чем больше был разрыв между ними, тем сильнее ощущалось специфическое «напряжение», открывшее в людях невиданные до этого силы и возможности для духовного созидания.

Чрезвычайная важность и новизна этой ситуации подчеркивается тем обстоятельством, что средневековая эпоха, по мнению И. Хейзинги, «не знает такой побудительной причины мыслей и поступков людей, как сознательное стремление к преобразованию общественных или государственных дел» [27]. В этом смысле шариатское движение, пытавшееся выйти за пределы, поставленные средневековым социальным устройством и менталитетом, можно рассматривать как одно из ярких проявлений начавшегося кризиса феодализма в Кабарде.

Катаклизмы, нарушившие привычный ход вещей, не могли не сказаться и на особенностях восприятия времени. На фоне возрастающего разрыва между тем, что было и есть, и тем, что должно быть, закономерно обостряется интерес к движению времени, соотношению «прошлого», «настоящего» и «будущего».

Из-за состояния источников нам, вероятно, не суждено реконструировать во всей полноте специфику их восприятия. Несомненно, однако, то, что циклическое восприятие времени, характерное для традиционного сознания, должно было подвергнуться существенной трансформации. Кончается не знавшая времени «дремотная» погруженность в недифференцированный комплекс настоящего. Устанавливается новое соотношение между событиями прошлого, настоящего и будущего. Происходит их четкое разделение в связи с проектируемым социальным бытием. Последнее уже не является восстановлением прошлого порядка, воспринимаемого в качестве эталона или идеального образца. Вновь создаваемое общество представляет собой прорыв в неизведанное будущее. Здесь неизбежно присутствовали и элементы эсхатологии. Но время уже стало (и не только для узкого круга посвященных, а для всего общества) необратимо линейным.

Причем изменяется не просто мысленное восприятие временных проекций. Историческое время становится предметом эмоционального переживания и активной деятельности. Остро переживаемое настоящее эмоционально оценивается с точки страстно желаемого будущего, а все это противопоставляется прошлому, воплощающему отвергаемый мир. Делая саму историю, массы, вовлеченные в шариатское движение, в определенном смысле творят и само время. Рвется связь времен. Народ выходит из состояния оцепенения. Начинается его подлинное историческое развитие как в социально-политической, так и духовной сфере.

Эти поистине тектонические сдвиги в общественном сознании народа производят переворот и в сфере национальной рефлексии. Возникает общественная мысль в буквальном значении этого слова. Вместе с ней происходит становление и исторического сознания.

В этот период адыги в лице кабардинцев, сознательно творя свою историю, становятся подлинно историческим народом.

Специфика общественной мысли кабардинцев в конце XVIII – первой четверти XIX в. состояла в том, что выдвинутые ею принципы реализовывались как в общественно-политической сфере, так и в соционормативной культуре. Духовное самообновление сопровождалось инновациями на всех уровнях жизни этнического социума.

Кабардинцы, всегда чуждые крайностей, органически неприемлющие фанатизм и жертвенность во имя религиозной идеи, доводят теперь до немыслимых раньше пределов свое стремление к социальным, политическим и культурным изменениям.

Таким образом, период «духовного правления» характеризуется не только тем, что Кабардой управляли «духовные лица», идеологи и вожди шариатского движения. Он примечателен прежде всего необычайным для нее духовным подъемом, который позволил радикально преобразовать многие сферы традиционного общества и вместе с тем дал силы в течение многих лет противостоять России. Именно высокий уровень духовного суверенитета позволил ей отстаивать свою политическую независимость.

В течение 50 лет, составлявших первый этап Кавказской войны, кабардинцы по существу одни вели неравную борьбу с Российской империей, не имея сколько-нибудь существенной поддержки со стороны других народов Кавказа. Но уникальность данной эпохи характеризуется не только военно-политическими событиями и административно-судебными реформами, какими бы значительными они ни были. Следует учитывать, что сама возможность беспримерного сопротивления ее экспансии во многом объясняется необычайно глубокой степенью преображения их духовного мира.

Необходимость радикальных общественных преобразований в Кабарде с целью укрепления ее политического единства диктовалась прежде всего дальнейшим наступлением царизма на ее жизненные права, в частности форсированным захватом ее территории.

Известный советский историк А. В. Фадеев писал, что «строительство в 1803 г. Кисловодского укрепления и новых казачьих станиц в районе Пятигорья вызвало в следующем году восстание в Кабарде [28]. В апреле 1804 г. в Кабарду были введены русские войска под командованием генерал-лейтенанта Г. И. Глазенапа. В кровопролитных сражениях 10 мая на р. Баксане и 14 мая на р. Чегеме кабардинцы потерпели поражение. После массированного артиллерийского обстрела «аулы браны были штыками и преданы пламени» [29]. В рапорте главнокомандующему русскими

войсками на Кавказе П. Д. Цицианову от 15 мая 1805 г. Глазенап писал, что «потери их в порохе и свинце, великое число убитых и раненых и лишение толикого числа панцырников будет служить для них вечным памятником, ибо наконец стреляли они уже глиняными пулями» [30]. В следующем рапорте от 16 мая того же года он заявлял, что «победоносное российское войско столь страшное сделало впечатление на кабардинцев, что их теперь можно с справедливостью почесть вновь покоренным народом» [31]. Тем не менее в марте 1805 г. Глазенап организовал новую экспедицию, в ходе которой было сожжено 80 сел, уничтожены все запасы хлеба и сена, которые войска не смогли реквизировать. В его донесениях с удовлетворением отмечалось, что кабардинцы «лишились всего почти скота от бескормицы» [32]. Все это наряду с отсутствием возможности заниматься земледелием на захваченных Россией землях приближало перспективу голода. К этим бедам добавилась и чума.

Но эти испытания не сломили дух сопротивления кабардинцев, а также их волю к социальному творчеству. Несмотря на огромные людские и материальные потери, они с удвоенной энергией защищали свою независимость, стремясь преобразовать свою жизнь в соответствии с новыми ценностями и идеями. Царское правительство, убедившись в невозможности исключительно военными методами покорить Кабарду, пошло на уступки и согласилось на упразднение родовых судов и расправ. Вместо них кабардинцы в 1807 г. учредили «духовный суд» под названием мехкеме. Тем самым была достигнута одна из целей шариатского движения, что, без сомнения, явилось первой крупной победой кабардинского народа в его антиколониальной борьбе.

В «Народном условии», сделанном в июне 1807 г., указывалось, что «мехкеме» есть суд, в котором старший судья – валий, членами два или три князя, прочие же члены из узденей, всех вообще 12 членов, в том числе секретарь и кадий» [33]. Постановили «на будущее время всякое дело в народе решать по шариату, за исключением претензий князя с узденями, узденей с их крепостными, так как они, по желанию их, предоставлены разбирательству по древним обрядам (т. е. по адату. – *В. К.*)» [34]. Некоторое представление о новациях в правовой системе кабардинцев дает следующее сообщение Ш. Б. Ногмова: «Адиль-Гирей Атажукин с эфендием Исхаком Абуковым ввел между кабардинским народом шариат, по которому преступники все без изъятия, по степени важности преступления, подвергались смертной казни и телесному наказанию. Наказания эти определялись: за воровство не более рубля серебром – лишение левой руки; свыше рубля до 100 рублей ассигнациями – отрубление правой руки и левой ноги;

за развратное поведение – смертная казнь. Убийцы предавались также смертной казни. Все претензии, касающиеся до имущества и личных прав каждого, разбирались шариатом, а дела между князьями и узденями и узденей с холопами решались по обычаям. Установление этого положения принесло большую пользу народу; каждый боялся совершить что-либо противозаконное»[35].

Новизна этой реформы подчеркивается тем обстоятельством, что по адату форма наказания зависела не только от тяжести и характера преступления, но и от социального статуса преступника.

Шариатское движение, не ограничиваясь сферой судопроизводства, так или иначе затронуло все стороны жизни кабардинцев, начиная от привилегий князей и кончая одеждой и формой обучения. Никогда ни до ни после кабардинцы не испытывали такого всеобщего стремления к просвещению. В частности, князья и дворяне, забыв свои сословные предрассудки, стали изучать арабский язык, чтобы понимать содержание Корана. Новизна этого явления станет понятной, если учесть что еще совсем недавно они считали ниже своего достоинства обучаться грамоте, предоставляя это «неблагородное занятие» низшим сословиям, чем во многом и объясняется крестьянское происхождение большинства мулл в феодальной Кабарде.

В условиях решительной переоценки прежних ценностей появился совершенно неизвестный до этого тип общественных деятелей – религиозных реформаторов из числа знати – и необычайно возрастает их роль в социальных преобразованиях. К ним прежде всего следует отнести князя Адиль-Гирея Атажукина и первостепенного уорка Исхака Абукова. В 1808 г. генерал-майор Дельпоццо, касаясь результатов деятельности последнего, писал царю: «Эфенди Исхак более всего старался набожностью под видом отличной добродетели привлечь к себе народ. И так искусно достиг желаемой цели, что в короткое время успел всю кабардинскую нацию усовершенствовать в магометанском законе. Ныне многие уздени, которые почти 40 лет имеют от роду, учатся татарской грамоте, чтобы разуметь Алкуран! Он до того довел, что все переменили обычай в одеянии: вместо прежних коротких черкесок начали носить длинные. На шапки надели чалмы, отпустили бороду, перестали пить горячее вино, курить и нюхать табак и ничего не есть из скота, не убитого руками мусульманина. Он даже переменил обычай в древнем праве владельцев, которые прежде всего имели право из каждого бараньего коша, когда бараны весною идут для пастьбы скота в горы, брать по одному барану для ужина... в проезде мимо конного табуна (владелец) мог взять какую ему угодно лошадь и возвратить оную, когда в ней нет надобности; при случае ночлега мог приказать для своего

ужина убить молодого жеребенка или кобылицу... Ежели кабардинцы против нас столь непримиримые враги, все сие зависит от внушения им эфендием» [36].

Роль духовенства в общественной жизни Кабарды настолько возросла, что русское правительство всеми силами старалось привлечь его на свою сторону. 16 июля 1808 г. граф И. В. Гудович в своем отношении к министру внутренних дел князю Куракину отмечал, что «с уничтожением родовых судов вся власть перешла в руки неблагомыслящего России духовенства и один подлежит теперь способ к учреждению порядка и устройства тот, дабы сколько можно иметь духовенства преданного и верного России» [37].

Таким образом, шариатское движение, не ограничиваясь судебными преобразованиями, охватило все общество, в том числе и сферу политической власти. Не случайно, что в более поздних документах последний период независимости Кабарды (1807–1822) оценивается как время «духовного правления» [38].

Повышение роли духовенства в общественно-политической жизни Кабарды привело к тому, что в ее высшем законодательном органе (хасе) оно образовало отдельную палату. Появление постоянно действующего судебного органа освобождает традиционную хасу от значительной части судебных функций. Зато глава высшей исполнительной власти (валий) становится одновременно председателем верховного суда. Заметно изменилось и соотношение общекабардинской хасы и власти верховного князя. Теперь в Большой Кабарде вместо одного валия избирались два. Это явилось закономерным следствием учреждения здесь двух мехкеме, что, в свою очередь, отражало разделение ее на две части, установившееся еще в XVIII в. в результате феодальных междоусобиц. Исключительное своеобразие данной ситуации состояло и в том, что эти совершенно независимые друг от друга правители избирались не на хасах своих партий, а на общей хасе всей Большой Кабарды. Сосуществование двух верховных князей, избиравшихся на одном общем сословно-представительном собрании, в любом случае говорит о переходном состоянии политической системы Кабарды, демонстрируя к тому же мощное сопротивление традиционных структур всяким новшествам.

Говоря о результатах шариатского движения, нельзя забывать, что изменения в общественно-политическом и судебном устройстве кабардинцев происходили в условиях экономической блокады, продолжающейся эпидемии чумы и постоянной опасности вторжения русских войск. Фатальное стечение этих обстоятельств предопределило неудачи в преобразовании традиционных общественных институтов.

К началу 1808 г. все связи Кабарды с внешним миром были полностью прерваны двойной цепью кордонов и карантинных застав. Не имея запасов зерна и корма для скота, уничтоженных в ходе карательных военных экспедиций, лишенные возможности заниматься земледелием за Малкой, где находилась большая часть их земель, а также права обменивать изделия ремесла на хлеб и соль, кабардинцы в это время оказались на грани голодной смерти. В июле 1809 г. «вживе оставшиеся князья, уздени, эфенди и прочие управляющие народом люди» извещали русское правительство о том, что «во всей Кабарде не осталось ни одного фунта соли» .

Экономический кризис обострил социальные противоречия. Крестьяне, убедившись в неспособности своих господ обеспечить им нормальные условия для хозяйственной деятельности, менее охотно, чем раньше, несли повинности в их пользу. Царизм, уже полвека комбинировавший применение военной силы с политикой социального раскола, продолжал поощрять бегство крепостных от своих владельцев.

14 апреля 1810 г. отряд Булгакова вступил в пределы Кабарды и в течение 10 дней производил поиски крестьян с целью их переселения за Линию. Но владельцы заблаговременно увели их в горы. В рапорте А. П. Тормасова Александру I отмечалось, что «из оказывающих вид приверженных и из депутатов черного народа, никто к нему (Булгакову. – *В. К.*) не явился, все селения на плоскости оставлены кабардинцами и все они были с оружием. А потому решил он... наказать всю Кабарду силою оружия, хотя экспедицию оную позволил я единственно для того только, чтобы переселить 2 000 семей черного народа из Кабарды» [40].

В результате этой экспедиции кабардинцы понесли огромные потери. Генерал Булгаков в своем отчете писал, что «кабардинский народ доселе никогда такой чувствительной не имел потери и никогда еще войска не доходили туда, где ныне чинили поиски и что они, потеряв много имущества, которое сожжено вместе с двумястами селений, не начнут неблагонамеренных действий противу границ линии Кавказской» [41].

Невиданный погром, учиненный С. А. Булгаковым в Кабарде и Закубанье, удивил и смутил видавших виды царских генералов. 24 августа 1810 г. военный министр Барклай де Толли направил А. П. Тормасову письмо, в котором, в частности, сообщалось: «...Разные дошедшие слухи подают повод к суждению, что в средствах, предпринятых к усмирению мятежников, г. Булгаков употреблением непомерных мер жестокости и бесчеловечности перешел границы своей обязанности. Если верить известиям, то экспедиция против кабардинцев и закубанцев состояла в со-

вершенном разграблении и сожжении их жилищ; жестокие сии действия, доводя тех народов до отчаяния, возбуждали только к нам ненависть их, и вообще обращение его с соседними сими народами более служит к отвращению их от нас, нежели к установлению в том крае спокойствия» [42].

Однако поход Булгакова не являлся исключением в методах колониальной политики царизма в Кабарде. И до этого, как показывают вышеприведенные материалы, царские генералы как бы соревновались в жестокостях. Достаточно вспомнить победные реляции Глазенапа в 1804 г., в которых он, описывая военные операции против кабардинцев, отмечал, что их «можно с справедливостью почесть вновь покоренным народом» [43]. И так почти каждый год царизм «вновь» покорял Кабарду, и она снова восставала.

Исход этой войны был предрешен, так как слишком неравными были противоборствующие силы. Упадок всех сторон жизни кабардинского народа неизбежно отразился и на его военных силах. Значительно сократилась численность профессиональных воинов-дворян, которые в условиях еще существующей феодальной раздробленности Кабарды не могли объединиться в одно ополчение. Не хватало свинца, пороха, провианта, верховых лошадей, в силу чего многим из них приходилось сражаться пешими, и т. д. [44] Вторжение в этих условиях в Кабарду многократно превосходящих сил не делало чести победителю.

В этой связи Т. Х. Кумыков в своей книге приводит известную кабардинскую пословицу: «Емынэм къелар Хъумбэлейм ехьыж» [45] («Что осталось после чумы, уносит р. Камбилеевка», где состоялось одно из кровопролитных сражений кабардинцев с царскими войсками). К какому бы географическому месту ни относилась эта пословица (а таких мест сражений в Кабарде стало очень много), она отражает два основных фактора трагедии кабардинского народа: войну и чуму.

Однако достойно удивления то обстоятельство, что связанные с ними события не нашли отражения в песнях того времени. В адыгском фольклоре нет песен о чуме или кровавых походах Глазенапа, Булгакова и Ермолова (хотя от этого периода сохранилась лирическая песня «Хъымсад»). Возможно, что они возникали и бытовали непродолжительное время, но в любом случае историческая память народа не сохранила их. Выяснение причин этого загадочного обстоятельства должно стать предметом комплексного исследования со стороны историков, этнологов, фольклористов, психологов, искусствоведов, культурологов и т. д. В качестве же гипотезы можно высказать следующие соображения. Вероятно, размеры катастрофы, постигшие Кабарду,

казались столь чудовищными (достаточно указать на сокращение ее численности в 10 раз!), что ее адекватное отражение средствами песенного искусства представлялось немыслимым делом, превышая духовные возможности самых талантливых бардов (джегуако). Вызванный ею шок оказался неподвластен словам и образам. Здесь уместно сослаться на чисто психологические факторы и провести аналогию с индивидуальными случаями амнезии, вызванными какой-нибудь внезапной катастрофой, когда блокируются речевые центры мозга. Наконец, следует учитывать и самые очевидные причины: остатки сил народа после обрушившихся на него несчастий уходили на элементарное физическое выживание, не оставляя возможностей для создания высокохудожественных величальных или плачевых песен, способных сохраниться в народной памяти. Они могли только усугубить страдания, растравляя старые раны. В этом плане забвение травм, вызванных войной и чумой, выполняло защитные психологические функции.

В сентябре 1810 г. главнокомандующий русскими войсками на Кавказе А. П. Тормасов в своем отношении к военному министру, находясь под впечатлением кровавого похода Булгакова в Кабарду, главную причину падения ее могущества видит не столько в чуме, сколько в исключительно жестоких методах ее покорения. В этом документе он обобщает итоги политики царской России в отношении Кабарды почти за полстолетия.

«При самом вступлении моем в командование здешним краем я всегда был противником мнения относительно темы, около полувека тщательно поддерживаемой командовавшими на линии, чтобы сопредельных ей народов держать не только в повиновении, но и в жестоком порабощении, ежегодно употребляя против них силу оружия, – под тем предлогом, чтобы гордый дух их не возвысился и не счел нас слабыми». Касаясь положения кабардинцев, до начала войны, Тормасов отмечал, что «народ сей был многочислен и благороден в образе своих мыслей… Народ сильный, хотя в зависимости России состоящий, но не бывший в прямом подданстве, требовал благоразумной осторожности». «Вместо того расширение линии на счет лучшего достояния принадлежавших их земель сделало их к нам недоверчивыми, жестокости командовавших на линии приводили их в уныние, система, принятая чтоб чрез сокровенные пружины поссорить нижний класс, то есть узденей и народ с князьями и держать их в междоусобной борьбе для того, чтобы сим губительным способом ослабить сей мощный народ, так чтобы не восстал, родила в них привычку к войне… наконец, суетное желание некоторых из

командовавших на линии отличить себя деяниями (забыв, что благоразумное управление и привлечение сердец народов лучше блеску подъятых военных подвигов) ввело почти в обыкновение каждый год выводить войска на линии против кабардинцев или закубанцев, либо против чеченцев, нередко без причины, и ожесточило сердца сих народов до того, что кабардинцы от своей прежней могущественности едва только пятую часть [46] имеют и следственно при последнем изнеможении своем питают, однако ж, неодолимый дух мщения против россиян, покоряясь увлекающей их к сему свойственной их характеру горячности и чувствуемой несправедливости». Далее Тормасов указывает, что кабардинцы остаются непокорными, «не взирая на остатки прежнего своего могущества и даже... на последнее опустошение, произведенное среди них язвою».

«Отчего сие происходит? Кажется оттого, что все дела их представляемы были милосердному монарху в изменяющихся видах и под покровом политики, которая несла за собой отличия победителям кабардинцев и других народов; но *в существе своем погубя сей сильный, воинственный* народ и бывший некогда весьма покорный, принесла ли она пользу России? Я думаю, что *если более 50 лет* протекшего времени *в испытаниях силы* доселе не победили строптивый дух сего народа, то небесполезно кажется было бы испытать действие благотворения, которое мягчит самые жестокие сердца...» (курсив наш. – *В. К.*). [47]

Однако отмеченные Тормасовым формы «усмирения» Кабарды коренились не «в суетных желаниях командовавших на линии отличить себя деяниями» (при всей важности этих субъективных моментов), а в самом существе политики царизма, который «в ходе завоевания Кавказа применял методы, характерные для экспансионистской политики феодальных государств» [48].

Военные действия продолжались и после 1810 г. Наступление царизма на Кабарду приняло особенно широкомасштабный характер при Ермолове. Стремясь расчленить Большую Кабарду на две части и вместе с тем разрушить традиционные связи, осуществляющиеся через ее территорию, он воздвиг крепости на р. Малке, Баксане, Чегеме, Нальчике и Череке. Завоевание Кабарды в основном завершилось в 1822 г., когда здесь был учрежден так называемый Временный суд, полностью подчиненный русской военной администрации.

Тем самым была ликвидирована возможность развития здесь высших форм цивилизации на основе синтеза ислама и традиционной культуры. Оценивая с этой точки зрения смысл и сверхзадачу шариатского движения, можно утверждать, что оно

представляло собой попытку выхода из того цивилизационного тупика, в котором оказались адыги во второй половине XVIII в. И в рамках альтернативного понимания истории нам остается лишь гадать, чем закончилось бы это грандиозное по адыгским меркам движение, если бы политическая самостоятельность Кабарды не была уничтожена. Вероятно, институционализацией перемен и достижением относительной стабильности, как это обычно случалось со многими реформаторскими или революционными движениями. Но в любом случае это не было бы возвращением к старому порядку вещей, поскольку его суть как раз и состояла в решительном разрыве с прежней традицией. Его успех означал бы также и выход за пределы традиционного адыгского менталитета и его переход на качественно более высокий уровень, соответствующий задаче самосохранения и развития этноса. Но оно потерпело поражение. Трагедия заключалась в том, что кабардинцы, только пробудившись к сознательной исторической жизни, перестали быть субъектом истории, утратив свою независимость. В результате «прорыв» к новому типу цивилизации, к новому историческому бытию не состоялся. В их истории это время осталось блестящим, но кратковременным периодом радикального самообновления их социокультурной системы.

Оценивая успехи и неудачи шариатского движения, необходимо еще раз подчеркнуть, что оно объективно было направлено на преодоление деструктивных последствий колониальной политики царизма. Оно являлось порождением кризиса феодализма и в то же время средством его преодоления, которое происходило не в форме возврата к исходным началам, т. е. к порядкам, существовавшим до начала кризиса (как это часто бывало в прошлом), а путем преобразования сословно-классовых отношений, общественно-политического и судебного устройства. Но социальная программа шариатского движения оказалась нереализованной. Слишком сильна и прочна оказалась традиционная сословно-классовая структура. Несмотря на все усилия наиболее передовой части кабардинской аристократии, не удалось добиться хотя бы формального равенства прав князей и дворян, не говоря уже о крестьянах. Именно сохранением крепостного права и прежней социальной иерархии объясняется неполное утверждение шариата. Не случайно, что впоследствии типологически сходное движение Шамиля достигло больших успехов там, где феодальная иерархия была более слабой или же вовсе отсутствовала. Здесь шариатское движение обретает новое дыхание, а затем перебрасывается на Северо-Западный Кавказ, но уже на другой социально-политической основе.

4. Шариатское движение в Западной Черкесии

«Демократизация» общественно-политического устройства шапсугов, натухайцев и абадзехов имела целью выход из того исторического тупика, в котором оказались все адыги в конце XVIII – начале XIX вв. Шариатское движение в Кабарде являлось первой попыткой преодоления кризиса традиционного адыгского мира. Но процесс ее подчинения Российской империи опережал темпы общественно-политических преобразований в ней и в конечном счете перечеркнул их. Поражение Кабарды было неизбежным, но к причинам, ускорившим ликвидацию ее независимости, как раз и следует отнести отсутствие радикальных изменений в ее политической системе, которые укрепили бы единство в условиях надвигающейся опасности колониального порабощения.

Общественно-политические преобразования у шапсугов, натухайцев и абадзехов как бы перенимают от кабардинцев эстафету социальных реформ адыгского общества, углубляя и радикализируя их. В отличие от Кабарды, эти преобразования имели несравненно более широкую социальную базу, так как происходили «снизу», а не «сверху», явившись следствием мощного антифеодального движения. Начавшись раньше открытого наступления царизма против Западной Черкесии, они в дальнейшем усиливались по мере нарастания его экспансии. Внутренние конфликты, приведшие в 1796 г. к Бзиюкской битве, дали первый толчок социальным реформам, но затем последние стимулировались главным образом внешнеполитическими факторами. Если же оценивать эффективность процессов демократизации с точки зрения того, насколько они обеспечили целостность и независимость данной группы адыгов, то созданная в их результате политическая система дала ей возможность в течение нескольких десятилетий противостоять гигантской империи.

Общественно-политический переворот привел к установлению так называемого «народного правления» [49], основанного на выборном начале. Основным критерием выдвижения в представительные органы власти стали личные заслуги, а не принадлежность к классу благородных. Если дворяне и принимали участие в политических делах страны, то на общих основаниях, как выборные лица, а не как люди, имевшие наследственное право управлять обществом. Но самое главное, тфокотли («вольные земледельцы») из объектов управления стали его субъектами. Более того, их старшинская верхушка занимает господствующее положение в обществе.

Наконец, заметно изменилась роль социальных организа-

ций, составлявших основу представительной системы шапсугов, натухайцев и абадзехов. Вместо прежних дворянских вотчин и их объединений на первый план общественно-политических отношений выдвигаются сперва «соприсяжные братства», а затем соседские общины нового типа.

На ранних этапах трансформации прежней социальной системы религиозный фактор практически не проявлялся, а само начало межсословного конфликта, чреватого столь значительными последствиями, было связано с событиями, весьма далекими от ислама (ограблением дворянами торговцев, находившихся под покровительством тфокотлей, ответными действиями последних и т. д.). Но по мере углубления общественно-политических преобразований его роль возрастает, выполняя задачу идеологического обоснования необходимости демократического обновления традиционного общества. Это обстоятельство уже достаточно ясно обнаружилось в середине 20-х гг. XIX в.

Касаясь этого вопроса, Джеймс Белл отмечал, что упадку власти дворян во многом содействовали «увещания анапского паши следовать примеру турецких мусульман и установить полное равенство в согласии с учением Корана о том, что все люди равны перед Богом» [50]. Эти призывы отвечали эгалитарным устремлениям вольных земледельцев. По этой же причине знать предпочитала адат шариату.

После Адрианопольского мира 1829 г., когда Турция отказалась от своих притязаний на Западную Черкесию в пользу России (уступив ей то, чем сама не владела), социально-политические и конфессиональные процессы у «демократической» группы адыгов вступили в новую фазу своего развития, подчиняясь целям национально-освободительной войны, которая теперь принимает религиозную оболочку. Ислам становится идеологией черкесского сопротивления, дополняя его традиционную мотивацию религиозной легитимизацией [51]. В одном из документов военного министерства России от 1863 г. указывалось: для народов Северного Кавказа «исламизм не что иное, как средство. Цель же их – отстоять свою независимость, отвергнуть всякую иностранную власть; и исламизм тем только опасен [для империи. – *Ред.*], что для него все иноверцы считаются неверными и воевать с ними – дело, приятное Богу» [52].

Вооруженную силу шапсугов, натухайцев и абадзехов составляли «вольные земледельцы», тогда как у кабардинцев в период шариатского движения – князья и дворяне, несмотря на все попытки передовой части кабардинской аристократии расширить социальную базу антиколониального движения. Превращение тфокотлей в воинов и одновременно борцов за веру (без каких-ли-

бо опосредующих звеньев в виде статуса дворянина) проходило ускоренными темпами. Тем самым это сословие стало совмещать производственные, военные и религиозные функции. Но и духовенство берется за оружие. К. Ф. Сталь писал по этому поводу: «Замечательно в настоящее время (т. е. на рубеже 40–50-х гг. XIX в. – *В. К.*) слияние духовенства с народом. Эфендий и мулла разделяют с наездником его труды и опасности, бойко сражаются и вместе с тем играют важную роль на народных собраниях и разбирательствах» [53].

Политизация ислама у данных субэтносов сопровождалась их окончательной исламизацией. Тем самым создавались необходимые предпосылки для усиления его воздействия на социальные и административно-политические реформы, способствующие интеграции адыгского общества в условиях внешней опасности. Дж. А. Лонгворт – корреспондент лондонской газеты «Таймс», побывавший у черкесов в 1839 г., – говоря о влиянии «исламизма» на их традиционную социально-политическую организацию, отмечал: «Его уравнительные принципы уже подорвали власть дворянства в Черкесии, и я думаю, что, несмотря на упорные попытки сохранить старую систему, он полностью подорвет и административную власть кланов» [54]. Однако резкое возрастание роли ислама в этих процессах не привело их к отказу от создания светского государства.

Знаменательным историческим рубежом в общественно-политическом развитии этих субэтносов явилось Адагумское собрание, продолжавшееся с некоторыми перерывами целый год (с февраля 1848 г. по февраль 1849 г.), причем до прибытия наиба Шамиля, Мухамед-Амина. Оно сыграло выдающуюся роль в выработке у них единой системы управления.

По сведениям Т. Лапинского, основой федеративного устройства этой группы адыгов стала демократически самоуправляющаяся сотня дворов (юнэ-из), посылавшая на совещания страны по двое выбранных. Сотня дворов в свою очередь делилась на десятки (юнэ-ипс), и «десять представителей образуют с имамом совет юнэ-из». Эти новые территориально-административные структуры сочетались с «разделением по рекам», когда 16 старшин (по двое от каждого племени) с двумя кадиями образуют совет и суд всех лежащих по реке юнэ-из [55]. Таким образом, «административная власть кланов», вопреки прогнозам Дж. А. Лонгворта, все еще сохранялась, хотя и заняла подчиненное положение в новой административно-политической системе.

Т. Лапинский, описав особенности административного деления страны на юнэ-из и по речным долинам, отметил и «третье

разделение», введенное наибом Шамиля Мухамед-Амином: речь идет об учреждении мехкеме, которое он стремился использовать как одно из главных средств ее централизации. В 1849–1850 гг. Мухамед-Амину, проявившему исключительную энергию и талант реформатора, удалось учредить мехкеме на большей части территории Шапсугии, Абадзехии и Натухая. Но эти успехи оказались недолговременными. И здесь во всей силе проявился консерватизм общественного сознания адыгов и неспособность «демократических» структур власти к прочному синтезу с привнесенными извне порядками.

Особенности общественно-политического устройства «демократической» группы адыгов, конечно, учитывались Мухамед-Амином, но не в достаточной степени. Использование им традиционных форм управления видно, в частности, из того, что «совет мехкеме состоял из двух старшин, избираемых от каждого из восьми племён, в общем, из 16 тамад, которые заседали в суде, взыскивали подати, наблюдали за защитой страны». «Тамады» в свою очередь избирали двух кадиев. Но начальников мехкеме назначал сам Мухамед-Амин, что было глубоко чуждо демократическим ориентациям шапсугов, натухайцев и абадзехов и превращало данный институт в механическое соединение чужеродных элементов. Для того чтобы решения мехкеме проводились в жизнь, в подчинении его начальника создаётся постоянная «жандармерия» (муртазаки), оплачивавшаяся за счёт населения.

«Начальник мехкеме, – писал Т. Лапинский, – имел исполнительную власть и командовал войском. Он имел в своем распоряжении отряд муртазаков, которые набирались следующим образом: каждый юнэ-из ставил одного вполне вооруженного всадника и одного пехотинца. Эти люди должны были жить в мечети, охранять арестантов, исполнять приказы наиба, начальника мехкеме и совета, собирать народ на совещания и войну. За это конный муртазак получал в месяц: 15 сапеток зернового хлеба, пеший – 10 сапеток; кроме того, он получал часть денежного штрафа (тацир), который должны были платить осужденные» [56].

Тот факт, что исполнительная власть, распоряжающаяся войском и жандармерией, не избиралась демократическим путем, а назначалась наибом, открывал простор для злоупотреблений. Кроме того, мехкеме было поставлено над советами (тхарко-хас) долины и юнэ-из. По существу, оно находилось и вне контроля народных собраний в масштабе страны. Однако только их постановления имели для адыгов силу закона, что мешало им долгое время подчиняться постоянной, а тем более деспотической власти

наиба Шамиля, каким бы высоким религиозным авторитетом она ни освящалась. Другими словами, мехкеме не обрели той степени легитимности, которая требовалась для их успешного функционирования.

Когда со всей остротой встал вопрос о независимости Черкесии, адыги, казалось бы, должны были пожертвовать всем ради укрепления её политического единства и безусловно принять все нововведения Мухамед-Амина, согласившись подчиниться теократии, наподобие имамата Шамиля. Но этого не произошло. И одна из главных причин неудачи реформ Мухамед-Амина объяснена Т. Лапинским: «Мусульманский фанатизм, – писал он, – который, естественно, влечёт за собой тиранию, должен был, однако, натолкнуться на упорное сопротивление народа, который привык рассматривать личную свободу как высшее благо» [57]. Этот вывод совпадает с мнением генерала Евдокимова, который, оценивая деятельность Мухамед-Амина, отмечал, что «религиозного фанатизма он не успел возбудить в закубанских черкесах в той степени, в какой он мог бы угрожать нам единодушным взрывом мусульманского населения и, кажется, потому еще, что такой фанатизм совершенно не сроден черкесам...» [58]. Здесь можно долго рассуждать об особенностях социальной истории адыгов, их психологии, ценностных ориентациях, степени исламизации, чрезвычайно развитом личностном начале в ущерб идее общего блага и т. д. Бесспорно, однако, то, что они в самый критический период своей истории стали жертвой самого лучшего своего качества – духа личной независимости и свободы.

После пленения Шамиля в августе 1859 г. русское правительство смогло перебросить дополнительные силы с Левого фланга Кавказской линии на Правый фланг, на котором до этого находилась большая часть Кавказской армии. В ноябре 1859 г. Мухамед-Амин сдался царским властям.

В 1860 г. прекратили сопротивление натухайцы. Но шапсуги, абадзехи и убыхи продолжали борьбу за свою независимость. В том же году Р. А. Фадеев с изумлением и досадой отмечал: «Боевая испытанная, на все готовая 280-тысячная армия, с которой можно было разгромить весь материк от Египта до Японии, была на весах европейской политики обращена в нуль враждебной независимостью кавказского населения» [59].

На завершающем этапе Кавказской войны действия русских войск отличались особой жестокостью. «Черкесские аулы выжигались сотнями». Участники этого геноцида вспоминали, что «в ясные дни нередко скрывалось солнце от бесчисленных пожаров» [60].

Начальник Правого фланга Кавказской линии генерал Евдокимов, рассуждая о «филантропии», заявлял: «Первая филантропия – своим, я считаю себя вправе предоставить горцам лишь то, что останется на их долю после удовлетворения последнего из русских интересов» [61]. Это был поистине людоедский взгляд на жизненные права другого народа, ибо «интересы» и аппетиты России отличались такой чрезмерностью, что могли быть удовлетворены только ценой уничтожения черкесов. В отличие от Северо-Восточного Кавказа, царизм решил не ограничиваться их завоеванием. Его цель заключалась «в изгнании горцев и заселения Западного Кавказа русскими».

Т. Лапинский, воспринимавший перспективу близкой гибели Черкесии с такой же болью, как и раны своего униженного отечества – Польши, пытался открыть глаза Западной Европы на то, что «всякая новая победа России и всякий дальнейший рост ее мощи угрожает священным благам свободы и гуманности». Считая черкесов последним оплотом борьбы за свободу против самой реакционной империи того времени, он предупреждал о неизбежном усилении зла в мире в результате ее победы. Но его призывы оказались тщетными, а пророчества, которые впоследствии подтвердились, не были услышаны. Европейские державы остались безучастными зрителями этой кровавой бойни.

Казалось бы, в этой безвыходной ситуации адыгов должно было покинуть мужество и охватить всеобщее отчаяние, сопровождающееся деморализацией. Тем большего уважения заслуживает та исключительная твердость духа, с которой они приступили к преобразованию административно-политической системы страны для более эффективной организации ее обороны.

В июне 1861 г. представители шапсугов, абадзехов и убыхов, «собравшись на совет, единогласно решили учредить чрезвычайный союз для обороны страны и сохранения внутреннего порядка. Для управления союзом был учрежден меджлис из 15 улемов и сведущих людей. Меджлис прежде всего разделил весь край на 12 округов, в каждый из них были определены муфтий, кадий и мухтар» [62]. В Турцию и европейские государства было направлено специальное посольство [63].

Все указанные выше решения меджлиса следует признать правильными, но слишком запоздалыми мерами по консолидации страны и организации ее обороны. Наступление русских войск продолжалось. 21 мая 1864 г. закончилось завоевание Западной Черкесии, а вместе с тем и Кавказская война. Большая часть оставшихся в живых была изгнана в пределы Османской империи.

5. Проблемы историзма и трансформации адыгских песен

Есть тысячи документов, раскрывающих трагедию Кавказской войны. Но только историко-героические песни, созданные в это время, доносят до нас ее живое дыхание и дают возможность понять, во имя чего сражались и гибли черкесы.

В рассматриваемую эпоху эти песни, во многом сохраняя прежнюю структуру и поэтику, тем не менее, значительно трансформировались по ряду существенных признаков, став наиболее чувствительным индикатором тех перемен, которые происходили в жизни адыгского общества под влияниям Кавказской войны. Нами уже отмечалось появление в них новой идеологии в 70-е гг. XVIII в., а затем их упадок в Кабарде в связи с гибелью большей части ее населения в результате войны и чумы в 1804–1822 гг. В 20–50-е гг. XIX в. уцелевшие остатки кабардинцев, подчинившиеся установленному в ней военно-оккупационному режиму, перестали создавать героические песни, ограничившись ролью пассивных реципиентов того, что возникало в этом жанре на западе Черкесии, куда переместился фронт сопротивления российской экспансии. Эта специфическая форма бытования воинственных гъыбзэ в завоеванной Кабарде становится вместе с тем одним из главных способов их выживания и сохранения в народной памяти.

Однако среди той части кабардинцев, которая не смирилась с ее поражением и переселилась за Кубань (в основном, это произошло в 1822 г.), прерванная традиция историко-героических песен возрождается с новой силой, вливаясь в мощный поток песенного творчества западных адыгов. Талантливые произведения, созданные в одной субэтнической общности, становились достоянием другой, обогащая духовную культуру всего народа (Поэтому не приходится удивляться тому факту, что в сборник «Кабардинский фольклор» 1936 г. попали натухаевские, темиргоевские и бесленеевские песни). Это явление имело место и в первый период Кавказской войны. Например, уже упоминавшаяся песня «Ночное нападение», посвященная сражению кабардинцев с войсками Якоби в 1779 г., получила широкое распространение по всей Черкесии (в различных субэтнических версиях). Но во второй период Кавказской войны (1822–1864) процессы взаимной диффузии продуктов песенного творчества адыгских субэтносов усиливаются, свидетельствуя о стремлении народа к дальнейшей консолидации в обстановке резкого возрастания внешней опасности. Более чем когда-либо в прошлом историко-героические песни этого времени отражают яростный дух черкесского сопротивления, в значительной мере определяя его смысловую доминанту.

Вопрос об историзме этих песен является частью сложнейшей проблемы соотношения фольклора и истории. Поскольку они создавались по поводу определенных случаев и посвящались конкретным лицам, то содержащаяся в них информация может быть использована в качестве вспомогательного материала для реконструкции некоторых исторических деталей и обстоятельств рассматриваемого периода. В исследованиях подобного рода основное методологическое требование состоит в необходимости учета специфики их отражения или преломления в этом жанре устного народного творчества (с его идеализацией, типизацией, гиперболами, поэтическими условностями и т. д.). Но это, казалось бы, очевидное и простое правило часто и во многом непреднамеренно нарушается историками и фольклористами. И одна из главных причин этого явления кроется в своеобразном, почти магическом воздействии этих песен на сознание исследователей, взгляды которых на прошлое в значительной степени формировались посредством усвоения фольклорной традиции, что порождает соблазн прямых и полных отождествлений художественных образов с их историческими прототипами. Тем не менее эта аберрация в восприятии песен, которая, по-видимому, неизбежна на первом этапе их изучения, не ставит под сомнение саму их ценность как исторического источника.

Еще большее значение историко-героические песни приобретают при попытках воссоздания «духа эпохи», внутреннего мира адыгов того времени, их менталитета и т. д. Здесь они незаменимы даже при наличии других источников. Наконец, в эстетическом и этическом планах они представляют собой самоценность, не сводимую к каким-либо иным значениям.

Всем этим критериям отвечает песня «Лабэдэсхэм я гъыбзэ». В данном же случае нам хотелось бы обратить внимание лишь на один аспект ее изучения, связанный с проблемой реконструкции ее событийной основы.

Исследователи ссылаются на эту песню при характеристике методов ведения войны царскими войсками, ярко проявившихся в уничтожении ими аула князя Али Карамурзина в 1825 г. Этот подход сам по себе не вызывает особых возражений. Но при изучении событий, легших в ее основу, они опираются, главным образом, на сведения, изложенные в книге В. А. Потто, не подвергая их критическому анализу. Более того, факты, содержащиеся в этой песне, приводятся как бы для подтверждения их правдивости.

Для начала процитируем некоторые отрывки из описания Потто. (В полном виде текст, относящийся к уничтожению аула кн. Карамурзина, дается в Приложении к настоящему изданию).

«Вельяминов заранее наметил своей целью богатый кабардинский аул князя Али-Карамурзина, дерзко расположившийся на большой Лабе, за горой Ахмет, как вечная угроза нашим границам. Карамурзин был одним из влиятельнейших владельцев, славился свою храбростью, силою своих узденей и гибель его, конечно, должна была произвести за Кубанью глубокое впечатление. Надо было только захватить его врасплох и не дать уйти в горы, а для этого нужны были скрытность и быстрота движения. Все предприятие держалось Вельяминовым в величайшем секрете и только 1 апреля 1825 года, когда начались темные, безлунные ночи и ни одна звездочка не зажигалась на небосклоне, задернутом серыми тучами, войска получили приказ сосредоточиться у Прочного Окопа. Здесь три батальона пехоты, 18 орудий, Кавказский и Кубанский линейные казачьи полки (в весьма слабом составе) перешли Кубань и, переправившись на следующий день через р.Чамлык, к рассвету 4-го апреля прибыли на урочище Калымшоко, лежащее уже на самой Лабе. Отсюда до аула Карамурзина оставалось около 20-ти верст».

В ночь с 4-го на 5 апреля Вельяминов «двинул вперед всех линейных казаков, под начальством князя Бековича-Черкасского, приказав ему как можно скорее обложить аул и держать его в блокаде до прибытия пехоты. Предприятие было не легкое. В распоряжении Бековича в обоих полках находилось только 350 казаков, а путь был кружный и далеко не безопасный, так как предстояло проходить мимо бесленеевских аулов, раскинутых по скатам горы Ахмет. Вельяминов сам сознавал трудность предприятия, а потому вслед за казаками двинулись остальные войска форсированным маршем. Но как ни торопился отряд, он все-таки не поспел вовремя – казаки управились одни без пехоты и пушек.

Беззвучно, точно ночные привидения, проносились сотня за сотней мимо бесленеевских аулов, покоившихся сном и, переправляясь опять через Лабу на левый берег, скрывались в узкой лесистой теснине, которая поднималась все выше и выше. Но вот казаки взобрались на последний уступ горы Ахмет и остановились в изумлении. Начинало светать, а внизу под их ногами расстилался не простой аул в 30–40 хижин, как говорили лазутчики, а целый город, где было не менее 200–250 укрепленных домов, мрачно смотревших своими бойницами, заменявшими окна. Отступать однако было уже поздно. Позади – бесленеевцы, впереди аул, который вот-вот проснется, и тогда теснина, пройденная с таким трудом, обратится в могилу отряда. Но Бекович знал, что у людей, подобных кавказским линейцам, мужество растет по мере опасности, – и решился действовать. Спустив-

шись вниз, казаки появились совсем не с той стороны, откуда их ожидали, а потому даже караул, стоявший у ворот, заметил опасность только тогда, когда головная сотня уже ворвалась в аул. Шум, гик и ружейные выстрелы подняли жителей, но в ту же минуту одна за другой запылали сакли, и пламя, быстро перебегая по сухим плетням, охватило все, что только могло гореть. Сплошной огненный столб встал над аулом, и черный дым закутал окрестности. Большая часть женщин и детей, не понимая спросонья, что творится вокруг, метались ошеломленные, не зная куда спасаться. Но куда не обращались они, везде встречал их огонь, везде встречала их гибель – и спасения не было… только страшная смерть гуляла, широко размахивая своей косой. Даже храбрейшие уздени растерялись среди этой сумятицы и гибли почти без обороны…

Через два часа все было покончено. Добыча была огромная; после боя во многих местах аула, под грудами тлевшего пепла, казаки находили слитки серебра и золота; скота и лошадей отбито было свыше 4-х тысяч голов, но пленных взято было только 139 душ. Все остальное погибло. Сами кабардинцы свидетельствуют, что ими собрано и погребено было более тысячи тел. У казаков два человека было убито и один ранен.

Никогда еще кабардинцы не терпели такого страшного поражения, нанесенного столь ничтожною горстью людей. «Кто не был сам на месте пепелища, – писал Вельяминов Ермолову, – тот *почитает сказкою* (курсив наш. – *В. К.*), чтобы 350 казаков могли пройти через такие неприступные места и сделать такое страшное опустошение». «К сожалению, – говорит он, – погибло много простого народа, женщин и детей».

«Через несколько часов после погрома подошли к аулу на помощь триста кабардинцев из аулов князей Джамбулата Кайтукина и Кучука Аджи-Гиреева; но было уже поздно – князь Бекович успел миновать страшную теснину и был в безопасности.

Вельяминов с пехотой дошел только до горы Ахмет и, получив здесь известие об удачном деле Бековича, возвратился назад» [64].

Сведения Потто о силах, уничтоживших аул кн. А. Карамурзина, и неучастии в этой операции отряда Вельяминова на самом деле следует признать сказкой. Кабардинские дворяне, даже застигнутые врасплох, оказали бы казакам столь мощное сопротивление, что их первоначальный успех обернулся бы для них неминуемым поражением. В русских источниках отмечалось, что по своим боевым качествам 100 кабардинских узденей превосходят 500 казаков [65] и что «никакое нерегулярное войско с кабардинцами сравняться не может» [66].

Но с началом Кавказской войны объективные оценки смени-

лись пристрастными оценками, граничившими с откровенной дезинформацией. Русские генералы взяли за обыкновение преуменьшать численность возглавлявшихся ими войск (и, соответственно, их потери) в сражениях со «скопищами» горцев. Это было весьма удобным способом восхваления своих побед и демонстрации своих полководческих талантов. В последующем на основе их рапортов и донесений и составлялась история Кавказской войны.

Извещение Ермоловым правительства о нападении большого количества войск на спящих жителей непокорного аула обесценивало победу. Убийство же женщин и детей нельзя было оправдать никакой военной или политической целесообразностью. Вот почему понадобилась легенда об «инициативе» Федора Бековича-Черкасского, дезинформация о численности возглавляемых им полков, полной самостоятельности их действий, ссылки на психологию казаков, «мужество которых растет по мере опасности». Они напали на село якобы в отрыве от основных сил, действуя на собственный страх и риск, что, с одной стороны, подчеркивало их героизм, а с другой, – избавляло военное командование на Кавказе от нареканий в излишней жестокости, поскольку «Вельяминов с пехотою дошел только до горы Ахмет и, получив здесь известие об удачном деле Бековича, возвратился назад». Дело было представлено таким образом, что в этих условиях нельзя было действовать иначе. А это в свою очередь создавало впечатление о предопределенности гибели этого села.

Особого внимания заслуживает и та часть повествования Потто, где говорится об «изумлении» казаков, увидевших вместо предполагавшихся 30–40 хижин «целый город» из 200–250 укрепленных домов. Однако для проведения военной операции генерал Вельяминов собрал слишком значительные силы (даже в том преуменьшенном виде, в каком они даны в сочинении Потто), явно несоразмерные с возможностями сопротивления 30–40 хижин. Сам ее масштаб говорит о том, что эта цифра не могла восприниматься всерьез таким опытным военачальником, как Вельяминов. Прежде чем принимать решение он многократно перепроверял сведения, полученные от лазутчиков.

Накануне решающих событий, вечером 4 апреля, бесленеевский дворянин Крым-Гирей Докшоков, стремясь предотвратить беду, сообщил Вельяминову, что аул кн. Карамурзина «удалился в горы» (см. Приложение). Генерал, усомнившись в этом, отправил туда другого лазутчика, Шавгурова. (В песне «Лабэдэсхэм я гъыбзэ» последний и его брат фигурируют как изменники. Этот образ дополняется весьма реалистической деталью, характеризующей их как пьяниц).

Доложив Вельяминову, что аул кн. Карамурзина остался на месте и не ожидает нападения, Шавгуров не мог в то же самое время скрыть от него численность имеющихся в нем домов, не рискуя при этом быть обвиненным в измене русскому правительству со всеми вытекающими отсюда последствиями. Все благополучие такой категории лазутчиков, променявших дворянскую честь на деньги, зависело от качества доставляемых им сведений.

Вельяминов, приняв решение уничтожить аул кн. Карамурзина, детально проанализировал всю информацию о противнике. Та холодная расчетливость, с которой была подготовлена и проведена эта операция, не оставляла места для каких-либо импровизаций и «изумлений» при виде «целого города». Полной неожиданностью это нападение стало только для кабардинцев, застигнутых врасплох русскими войсками.

Прикрывая псевдоромантическим флером эту варварскую акцию, Потто тем самым пытался оправдать ее. Она представлялась как следствие рокового стечения обстоятельств, не оставлявшего русским войскам другого выбора. Вымысел же относительно 30–40 хижин понадобился для того, чтобы изобразить «изумление» казаков при виде 200–250 укрепленных домов, секундное замешательство, а затем их мужество, которое «растет по мере опасности». Здесь историческая правда приносилась в жертву видимости художественной достоверности.

Легенде о героической инициативе «горсти казаков» соответствовали и личностные качества полковника Ф. Бековича-Черкасского, весьма храброго офицера, но слишком неразборчивого в средствах для достижения целей, поставленных перед ним военным начальством.

И если бы вдруг встал вопрос об ответственности тех, кто принимал решение об уничтожении такого количества беззащитных людей, то его фигура была как нельзя более подходящей. К тому же по происхождению он был кабардинским князем и бесчеловечность, проявленную русскими войсками, можно было списать за счет нравов и обычаев, принятых среди кабардинцев. К этому выводу подталкивает и притворное сожаление, выраженное в рапорте Вельяминова Ермолову по поводу гибели множества «простого народа, женщин и детей». Но здесь сразу же нужно отметить, что к таким методам ведения войны, как вероломное нападение на спящих жителей и поджог жилищ, кабардинцы не прибегали даже в самых экстраординарных случаях. Среди них действовал своеобразный кодекс чести, не позволявший им опускаться до этого уровня. Те же качества, которые позволили Ф. Бековичу-Черкасскому проигнорировать эти табуизированные нормы, следует отнести к индивидуальным особенностям

его личности, которые в полной мере раскрылись только на русской военной службе. Не случайно он стал любимцем Ермолова, действия которого на посту главнокомандующего русскими войсками на Кавказе отличались исключительной жестокостью.

Поставленный нами вопрос нуждается в тщательном анализе всего комплекса доступных источников. Среди них особое место занимают архивные документы. Но их значение не следует абсолютизировать или фетишизировать. Прежде всего это касается победных реляций, идущих с Кавказа в Санкт-Петербург. Очень часто они составлялись с единственной целью скрыть реальное положение дел в регионе. К такого рода источникам относятся и документы, приводимые в ура-патриотическом труде Потто. Придавая видимость достоверности его беллетризованным описаниям, они замалчивали многое из того, что произошло в то предрассветное утро 5 апреля 1825 г. и последующие сутки.

В настоящее время состояние источников таково, что мы, возможно, никогда не узнаем до конца всей правды о гибели аула кн. А. Карамурзина. Но критический анализ документов того времени наряду с изучением всей информации, содержащейся в различных вариантах песни, позволяет прояснить многие детали и обстоятельства этой трагедии и внести существенные коррективы в картину, обрисованную Потто.

В песне на удивление мало поэтических формул и условностей, характерных для традиционных гъыбзэ. Следует в этой связи учитывать, что «Плач жителей Лабы» был посвящен невиданному (по крайней мере, со времен татаро-монгольского нашествия) случаю массового уничтожения беззащитных людей. Традиционная структура историко-героических песен и их изобразительные средства не могли отразить всю глубину переживаний, связанных с этой трагедией. Требовались новые образы, и они нашлись, частично восполняя отсутствие прежних. Именно в этой песне впервые встречается образ «кровавого пара», ставший впоследствии широко использоваться при описании подобных же акций со стороны царских войск:

(Ар) на эту Лабу (гуша), Богом проклятую (гуша) когда глядим,
(Уо-уой, зиунаго) кровавый пар (о маржа) как туман клубится.
(Ей) на эту Лабу вниз (уо-уо) когда глядим,
(Уо-уой, зиунаго) детские трупы по этой Лабе широкой (гуша, маржа) плывут.

(№ 3.23)

Новыми являются и следующие образы:

Белым снегом сыплются пули.
Мусульмане, о нас услышав, о горе! –
Слезы роняют на черную землю.

(№ 2.1)

Но если перейти от рассмотрения особенностей поэтики данной песни к анализу ее событийной основы, то в ней прежде всего поражает суровый реализм в описании гибели жителей вотчины кн. А. Карамурзина. Отказ от поэтических фигур, присущих другим гъыбзэ, компенсировался в ней усилением ее реалистического содержания. Его изучение дает редкую возможность взглянуть на эту трагедию «изнутри», глазами самих кабардинцев, т. е. с точки зрения ее жертв, а не виновников. В песне с поразительной психологической и исторической достоверностью отмечены отдельные эпизоды этой страшной бойни: смятение, ужас, шок, героизм одних и малодушие других, убийство женщин и детей, сцены насилия и т. д. С такой же правдивостью и лаконичностью, говорится в ней о тех, кто повинен в этих злодеяниях. Системный анализ сведений, относящихся к действиям русских войск, с учетом военно-политического и этнокультурного контекста того времени позволяет представить в ином свете этапы и методы проведения военной операции по уничтожению аула кн. Карамурзина.

Два казачьих полка составляли лишь часть русских войск, плотным кольцом окруживших село. Именно окружение со стороны регулярных частей сделало безвыходным его положение.

Все началось не с нападения «горсти» казаков, а с артиллерийского обстрела, который разбудил спящее село, внес наибольшее смятение среди его жителей и причинил им самый значительный урон, сделав невозможным их организованное сопротивление. В «Сетовании лабинцев» есть слова: «О, гяуры проклятые, вашим пушкам зеленым, большим Ахмет-гора эхом отвечает» (№ 3.23). И это не являлось поэтическим преувеличением. 18 орудий с горы Ахмет в упор расстреливали беззащитное село. Затем в дело вступили пехотинцы («сэлэтыжьхэр») и драгуны («дырэгунхэр»). Далеко не случайно в «Лабэдэсхэм я гъыбзэ» настойчиво отмечается бой барабанов:

Разбудили нас рано барабаны,
На горе – гяуры в свиных чевяках.

От грохота их барабанов
Красная Ахмет-гора гудит.

(№ 2.1)

Барабаны же – атрибут регулярных частей российской армии.

Во всех версиях песни при описании сцен насилия и убийства неоднократно упоминаются штыки (фочыпэбж), которые, как известно, находились на вооружении пехоты:

«Не в обычае у нас, чтоб женщин
Остриями штыков кололи!» –
Так сказав, бросилась на штыки
Дочь Шогеновых Гошехурей.
Сафьяновы каншибы (корсеты. – *В. К.*)
На груди у нас рвут штыками.

(№ 2.1)

В этой же песне отмечается:

Золотоусые храбрецы
Забросаны черной землею,
Нас же берут в наложницы
Усатые драгуны.

(№ 2.1)

Таким образом, песню отличает точность в названии вооружения, амуниции и внешних примет воинских частей, принимавших главное участие в уничтожении вотчины А. Карамурзина.

Достойно удивления, что ни в одной из ее версий не говорится о казаках, которые обычно упоминаются во всех гъыбзэ времен Кавказской войны, причем в уничижительном плане («къэзакъыжьхэр» – казаки поганые). Обычно они довершали расправу над мирным населением, занимаясь грабежом и мародерством. Этим и объясняется, что два казачьих полка, находившиеся под командованием Ф. Бековича-Черкасского, потеряли убитыми только двух человек. Несмотря на это, на них было решено возложить сомнительную славу за уничтожение села Карамурзина и заодно ответственность за гибель женщин и детей, списав тем самым за их счет моральные издержки одержанной победы. С них меньше всего можно было спросить за самовольные действия: дескать, на войне как на войне, и в пылу сражения горстка каза-

ков, проявляя чудеса героизма, несколько увлеклась, перенеся свой праведный гнев и на тех, кто заведомо не был в состоянии защищаться. Но все равно концы не сходились с концами.

Потто указывал, что «отряд Вельяминова, исполнив свою задачу, 10-го апреля явился в Прочный Окоп» [67]. Но для этого перехода не требовалось 5 суток. Достаточно было и 2-х, учитывая, что этот отряд находился в тылу непокорных черкесов, и для того, чтобы избежать окружения, он должен был форсированным маршем отойти на безопасные позиции. И если он тем не менее задержался, то это можно объяснить только необходимостью завершения начатой военной операции, что требовало определенного времени. 350 казаков не могли в течение 2-х часов уничтожить все село, являвшееся, по словам Потто, «целым городом», убить свыше одной тысячи человек, «отбить скота и лошадей свыше 4-х тысяч голов, взять в плен 139 души и при этом безнаказанно уйти от подошедших к аулу на помощь трехсот кабардинцев [68]. Все это было под силу только регулярным войскам, возглавляемым Вельяминовым, причем в гораздо большем количестве, чем это отмечено в книге Потто. Именно они, окружив со всех сторон село и блокировав все возможности как отступления жителей, так и помощи им извне, занимались его планомерным уничтожением, пленением оставшихся в живых, захватом (совместно с казаками) имущества, дележом добычи и т. д. Решив в течение 3-х дней эту задачу, регулярные части под командованием Вельяминова отступили совместно с казаками Ф. Бековича-Черкасского на исходные рубежи. Отрыв последних от основных сил грозил им неминуемой гибелью. Успешный же отход объясняется огромным перевесом в силах и отсутствием единства среди адыгов, через земли которых они продвигались в направлении к крепости Прочный Окоп. Это же обстоятельство во многом проясняет и причины столь успешного для русских войск нападения на спящее село кн. Карамурзина.

Следует в этой связи еще раз обратить внимание на тот факт, что попытку помочь гибнущим жителям этого села предприняли кабардинцы, а не бесленеевцы. Можно бесконечно спорить относительно способов координации действий между отрядом Вельяминова и казачьими полками. Но в любом случае они не могли пройти скрытно через земли бесленеевцев. Когда упоминаемый в песне Крым-Гирей Докшоков известил Али Карамурзина о готовящемся нападении русских войск на его село, то он не предпринял экстренных мер, надеясь, что бесленеевцы остановят их, вступят с ними в бой или во всяком случае дадут знать ему о продвижении противника. И если они не сделали этого, то

историк вправе предположить сговор между ними и русскими. Слова же песни не оставляют на сей счет никаких сомнений:

Погубили нас бесленеевцы.
Кто жив, то пусть о том не забудет!

(№ 2.1)

Уничтожение аула Карамурзина является наглядным примером того, как русские войска на Кавказе выполняли карательные функции против безоружного населения, решая задачи, не свойственные армии в собственном смысле этого слова. Они сражались в данном случае не с войсками противника, а уничтожали в массовом порядке беззащитных людей. Гибель этого села, в сущности, является тщательно спланированным и реализованным массовым убийством.

Военному командованию на Кавказе, несмотря на дезинформацию о неучастии в этом деле регулярных частей, тем не менее, не удалось до конца замести следы этого, выражаясь современным языком, военного преступления и скрыть сам факт гибели ни в чем неповинных женщин и детей. Средства, употребленные для усмирения непокорного кабардинского владельца выходили за рамки принятых тогда правил ведения войны и казались настолько чрезмерными, а уничтожение его подвластных, даже по суровым нравам того времени, носило столь бесчеловечный характер, что Александр I не счел возможным наградить Ф. Бековича-Черкасского орденом Св. Георгия 4-й степени, о чем ходатайствовал его покровитель генерал Ермолов. Тем самым император косвенно выразил последнему порицание. Интересна сама формулировка отказа: «Если распоряжения полковника князя Бековича к первоначальному нападению на неприятельское селение к овладению оным без потери и заслуживает одобрения, – писал Александр I в рескрипте Ермолову от 29 сентября 1825 г., – то, с другой стороны, он теряет право на награду тем, что благоразумно начатое дело окончено совершенным истреблением более трехсот семейств, из коих, конечно, большая часть была женщин и детей невинных ...» [69].

Однако заслуги Ф. Бековича-Черкасского перед «отечеством» все же были отмечены, причем в более осязаемой форме, чем награждение орденом. В августе 1825 г. на основании ходатайства того же Ермолова правительство специальным постановлением, которое затем было утверждено Александром I, выделило ему в частную собственность 98 тыс. десятин земли в Малой Кабарде.

Если в 1825 г. расправа над мирными жителями еще вызы-

вала сожаление при царском дворе, то впоследствии подобные акции входят в привычку, становясь нормой в военных действиях против горцев Северного Кавказа. То, что было апробировано в ходе уничтожения а. Карамурзина, стало затем широко практиковаться в процессе завоевание этого региона. И даже после окончания Кавказской войны в 1864 г., когда для этого отпала всякая военная и политическая необходимость, те же самые зверские методы расправы над беззащитным населением по инерции были использованы в 1868 г. против жителей аула Ходз. Это печальное событие легло в основу песни, получившей широкое распространение и у соседних народов (см. об этом в Приложении к настоящему изданию).

Подвергая сомнению материалы, изложенные в труде Потто, мы лишь в самых общих чертах коснулись вопроса о событийной основе песни «Лабэдэсхэм я гъыбзэ». Выявление же степени соответствия всей совокупности отмеченных в ней данных реальной действительности является делом будущих исследований. Рамки нашего очерка не позволяют нам рассмотреть в этой же плоскости и другие песни, помещенные в настоящем сборнике. Отметим только, что эта область исследований, требующая междисциплинарного подхода, находится сейчас только в стадии становления и обещает много находок и открытий. Однако при всем этом значение таких исследований не следует преувеличивать, учитывая отмеченные выше особенности отражения исторических событий в этом жанре устной народной словесности.

Гораздо более перспективной представляется проблема реконструкции менталитета, мировоззрения и ценностно-нормативных установок адыгов того времени на основе анализа исторического содержания этих песен. В этом плане необходимо прежде всего выяснить, что побуждало их противостоять многократно превосходящим силам противника, предпочитая героическую смерть выгодам мирного подчинения? Мы никогда не сможем ответить на эти вопросы, если не попытаемся понять те ценности, которыми они руководствовались в своих действиях. Архивные документы и нарративные письменные источники дают нам возможность узнать преимущественно внешнюю канву событий. Но их внутренний смысл раскрывается во многом благодаря историко-героическим песням.

Прежде всего обращает на себя внимание тот факт, что в песнях времен Кавказкой войны продолжает звучать прежняя героика сражений, характерная для рыцарской культуры. Их этика и эстетика по-прежнему построена на оппозициях: «жизнь – смерть», «слава – позор», «свобода – рабство», «героизм – трусость» и т. д. Действующие в них лица находятся не в безликой

массе воинов, слепо подчиняющихся приказу командира, а среди подобных же себе рыцарей, живущих по принципу «достойно жить или достойно умереть». Их образы, очерченные суровыми красками, кажутся нам предельно ясными. Но это – трагическая ясность, обретенная на поле битвы перед лицом смерти.

Воспеваемые и оплакиваемые в гъыбзэ воины постоянно находятся в ситуации свободного выбора. Невозможно не почувствовать трагизм этого момента. Они еще могут выбрать эту жизнь, дрогнуть и отступить. Но для них нет ничего позорнее трусости. Поэтому они, решая эту экзистенциальную дилемму, без колебаний выбирают смерть. Они делают это совершенно сознательно, отчетливо понимая, что теряют в результате этого страшного выбора. Но слишком высока цена славы героя, которую можно оплатить только гибелью в бою. В этом контексте можно говорить о своеобразной «воле к смерти». Вместе с тем в этом акте самопожертвования обнаруживается самое высокое проявление «воли к жизни», которая оценивается только в свете героических деяний. Через небытие утверждается вся полнота бытия, его предельное состояние и высший смысл.

Последние мгновения жизни передаются образом боевого коня, вставшего на дыбы. Здесь она достигает своего апогея, а затем внезапно обрывается. Сама же душа уподобляется стальному клинку, с которого струится кровь:

О, шолох могучий – горе! – встает на дыбы,
С клинка стального – горе! – струится кровь.

(№ 2.7)

Но это – вместе с тем и победа над смертью. Погибая, герой обретал бессмертие в славе бесстрашного воина. В его самопожертвовании проявлялась высшая форма реализации духовной свободы, отрицающей смерть.

Все это соответствовало одной из главных особенностей этнической психологии адыгов, отмечавшейся многими авторами в период Кавказской войны: духу свободы и независимости. В соответствии с этой чертой их менталитета в песнях воспевались герои, павшие за свободу своего отечества, и клеймились позором изменники и трусы. Свободу, как и славу, рыцарь ценит выше жизни. Именно перед лицом смерти обнажалась вся сущность адыгского дворянина, делая предельно ясным те ценности, во имя которых он сражался и погибал.

Указанные представления и установки являлись составными элементами рыцарской культуры. Но мы ведь знаем, что в период

Кавказской войны противостояние российской экспансии принимает религиозный характер. И песни не могли не отразить это обстоятельство. Они наполняются религиозным содержанием. Ислам придает новый смысл борьбе адыгов за свою независимость. Заново переосмысливаются понятия «славы», «бесчестия», «жизни», «смерти», «бессмертия» и т. д. Смерть на поле битвы приобретает высшее религиозное значение.

Анализ песен, возникших в это время, показывает, что не было никакого антагонизма между представлениями о земной славе, которую преследовал рыцарь, и небесной наградой после его гибели. Сама обстановка бескомпромиссной борьбы способствовала их взаимному приспособлению. Более того, есть все основания говорить о синергии, т. е. преобразовании этих противоположностей в единство и взаимном их усилении. Поэтому трудно согласиться с суждениями А.-Г. Кешева относительно ничтожности влияния мусульманской веры на черкесскую песню, которая, по его мнению, по-прежнему прельщалась «более всего земною славою» [70]. Это было характерно для нее главным образом до начала Кавказской войны. С ее нарастанием происходит переориентация ценностей и соответствующих им идеологем.

Значение ислама не исчерпывается тем, что он использовался как знамя или идеологическое средство сопротивления. Он становится и его сокровенной целью, поскольку защита отечества превращается и в защиту ислама. При этом важно заметить, что новая система ценностей не отменяет прежние представления о рыцарской доблести и земной славе. Напротив, происходит их органический сплав, что позволяет говорить о синтезе ислама и традиционной рыцарской культуры, образовании нового качества и переходе адыгского этноса на более высокий уровень своего развития.

В обстановке реальной опасности завоевания адыгов «слава» уже не могла быть самоцелью в их сражениях с невиданным до этого противником с его колоссальными военными и людскими ресурсами. И до этого им приходилось сталкиваться с численно превосходящими войсками Крымского ханства и Турции. Но теперь был поставлен вопрос о самом их существовании как независимого народа. Все имеющиеся у него силы должны были быть подчинены высшим интересам его самосохранения в данном качестве. В этих условиях возрастает роль ислама как фактора, обеспечивавшего, с одной стороны, определенную степень внутреннего единства, а с другой, – придающего высший смысл борьбе с экспансией России.

Как уже отмечалось, выполняя эти функции, ислам в корне преобразил весь духовный мир адыгов. Произошла так на-

зываемая «внутренняя исламизация», характеризовавшаяся глубокой интериоризацией его норм. Закономерно возрастает религиозная мотивация военных действий. Соответственно, переосмысливаются основные понятия и ценности, связанные с жизнью и смертью. Доминирующее значение приобретает идея посмертного, или загробного воздаяния. Война за независимость становится войной во имя Бога, а рыцарь превращается в борца за веру. В общественном сознании адыгов окончательно побеждают представления о воинах, погибших в сражениях с русскими, как о шагидах. Практически каждая песня этого времени является их прославлением и оплакиванием.

Рефреном песни «Лабэдэсхэм я гъыбзэ» служит слова: «Кто в бою погиб, тот – шагид». Заканчивается же она пожеланием павшему воину: «Да будет Рай ему наградой» (№ 2.1).

Поскольку высшей ценностью становится служение Богу, то самым ярким его проявлением является смерть во имя веры в сражении с неверными. В «Гыбзе о битве в Хуарзе» подчеркивается:

Правоверному смерть в битве – почет.

(№ 2.9)

В этом случае душа убитого рыцаря сразу возносится в Рай, о чем говорится в другой гыбзе:

С кем играют небесные хуры, –
Это Бештоков Жамбот:
Ему уже грезится Рай.
Его встречают в чертоге Тха.

(№ 2.6)

Для обозначения небесной награды используются и другие изобразительные средства:

Шолохи могучие – о горе! – гремят
удилами,
К мертвому мчат черноглазую деву:
Вот уж певучие речи читапа звучат....

(№ 2.7)

В песнях, прославляющих павших героев, происходит своеобразная эстетизация смерти. Прямо или косвенно без нее не

обходится ни одна гъыбзэ того времени. В «Песне Ажагоева» провозглашается:

В жизни один раз нам (дано) умереть,
А погибнем, так в газавате.

(№ 4.5)

Здесь перед нами переосмысление древнего рыцарского принципа: «Е улІэнщ е улІынщ» (Примерный смысл этого изречения, построенного на игре слов, можно перевести следующим образом: «Достойно жить или достойно умереть»). Песни такого рода служили, помимо всего прочего, призывом к завершению земных дел самым достойным образом – смертью на поле битвы. В «Песне адыгов, покидающих Родину», говорится:

Ор, в день, когда казаки поганые у нас отбирают
Землю, которую мы всю жизнь обживали...
....
С газаватом давайте погибнем.

(№ 4.6)

Главным мотивом действий, к которым призывает песня, является не столько слава героя, сколько стремление предстать перед Всевышним в облике праведника или святого:

В обиталище Бога нашего, жилище святое, сармахо,
Со святостью в облике давайте уйдем!
В обиталище Бога нашего, жилище праведное,
С обликом праведным давайте предстанем.

(№ 4.6)

Исходя их вышесказанного, было бы ошибкой ограничивать «влияние мусульманской веры на песню» тем, что в ней «среди широкого разгула наезднической удали стали изредка прорываться *грустные мотивы* о непостоянстве и скоротечности жизни и тому подобных материях». «Между прочими наградами героя, – отмечал А.-Г. Кешев, – песня начала упоминать также и о мученическом ореоле». «Но все эти *прививные* элементы», по его мнению, «проскакивают в ней *как мимолетный порыв, как вспышка скоропреходящего меланхолического настроения*» (курсив наш. – *В. К.*)[71].

Есть основания полагать, что ислам не только не привел к упадку историко-героических песен, но и поднял их на новую высоту. Что же касается «грустных мотивов», то привнесение их в гъыбзэ, т. е. в плач, является само по себе contradictio in adjecto. В своей зрелой форме гъыбзэ представляло собой оплакивание в форме восхваления. Ислам сохранил эти функции и амбивалентность вызываемых ими чувств, усилив религиозную мотивацию воспеваемых в ней героических деяний. В ней звучит скорбь по поводу утраты героя и одновременно снимающая эту боль вера, что «взлетела его душа в небеса» (№ 2.7). Под «влиянием мусульманской веры» в традиционную песню прорываются не «грустные мотивы», которых в ней и без этого в избытке, а торжественные аккорды, выражающие победу над суетными страхами и заботами этого мира. Покидая его, герой обретает вечную жизнь в Раю. И это не «мимолетный порыв» или «вспышка скоропроходящего меланхолического настроения» и тем более не побочный или второстепенный мотив его действий, а высшая ценность, придающая смысл его самопожертвованию.

Благодаря синтезу традиционных и исламских ценностей, духовный мир человека, воспеваемого в гъыбзэ, становится сложнее и многограннее. Особенно ярко это ощущается в песнях, в которых оплакивается судьба женщины, попавшей в плен к русским. В «Песне Ханифы» с потрясающей художественной силой выражены самые безысходные чувства, связанные с положением пленницы и страшными воспоминаниями о насилиях и унижениях, которые ей пришлось вынести. Ее душа отвергает все, что она видит на чужбине: самоварчик, поросячий запах, церковь, волосатого попа, солдатиков на плацу и т. д. Эти образы даны в песне для того, чтобы еще в большей степени подчеркнуть органическое неприятие Ханифой чуждого ей быта. Звуки русской гармошки только усиливают ее печаль. Любовь к родной земле выражена здесь в форме тоски «по мусульманскому азану». Однако ей не суждено вернуться домой, к матери. Поэтому ее уже больше ничего не удерживает в этой жизни. В сущности она умирает от неразделенного горя и тоски одиночества в чужом краю. Но именно в предсмертных муках в ее душе рождается надежда найти радость и успокоение в ином мире. Поэтому она просит мусульман помолиться «о Рае для меня» (№ 4.4).

Ислам оказал настолько большое влияние на эстетическую культуру адыгов, что исполнение наиболее выдающихся образцов гъыбзэ стало уподобляться чтению сур Корана и исполнению закиров. «Плач о Балатоке Бекмурзе» начинается словами:

Ее петь – словно суры Корана читать,
Ей подпевать – словно закир волнующий петь.

(№ 3.20)

В этой связи необходимо заметить, что в период Кавказской войны в песенную культуру адыгов прочно входят закиры (каб.: «зэчыр»).

Слово «зэчыр» происходит от арабского «зикр», которое в исламской религиозной терминологии означает поминание Аллаха. «Зикр» может быть тайным или явным, включая такие виды поклонения, как чтение Корана, произнесение специальных формул, медитативные размышления об Аллахе, обращение к Нему с мольбой и т. д.

Для адыгов понятие «зикр» (зэчыр) в народном понимании означало чтение нараспев стихотворных текстов религиозного содержания на арабском или родном языке. Наиболее распространенным среди них «зикром» является «салауат» (каб. – щэлэуат) – благословение пророка Мухаммада. К самым известным после «салауата» относятся закиры маулида, исполнявшиеся в день его рождения. Многие закиры посвящались его сподвижникам и выдающимся деятелям ислама. Закиры исполнялись не только во время религиозных празднеств, но и во всех случаях, связанных с важными событиями в личной и общественной жизни. А.-Г. Кешев писал, что перед боем воины пели «зикиры» [72]. Смерть же «с закиром на устах» стала восприниматься как символ праведности, о чем свидетельствует, например, «Плач каладесовцев» (№ 4.3).

Закиры оказали глубокое воздействие на религиозные представления адыгов, их нравственно-этические нормы и ценностные ориентации. Раздвинув их духовные горизонты, они обогатили язык устного народного творчества, приобщили к восточной религиозной поэзии и стали одной из предпосылок становления у них письменной художественной литературы. Например, их ритмы и интонации явственно ощущаются в поэзии Али Шогенцукова. В свою очередь и закиры испытали обратное влияние традиционной духовной культуры. В частности, они заимствовали образы, характерные для устной народной поэзии, а их музыкальный строй проникся архитектоникой этнической музыки. Это обстоятельство является одним из ярких проявлений синтеза ислама с традиционной культурой адыгов. Огромная роль закиров в их духовной жизни в XVIII–XIX вв. доказывается и ретроспективными наблюдениями. В настоящее время они остаются, пожалуй, единственным видом прежних песнопений, имеющим массовое

хождение в народе. Остальные, в том числе и гъыбзэ, вытеснены современной эстрадой. Но эта тема, к сожалению, еще не стала предметом специального исследования.

Во времена Кавказской войны деяния пророка Мухаммада и его сподвижников, воспевавшиеся в закирах, служили для адыгов нравственными примерами, которым они стремились подражать в своей повседневной жизни. Далеко не случайно, что «беглые» кабардинцы, продолжавшие сопротивляться России, стали называть себя «хажретами». Переселившись за Кубань, они как бы совершили «хиджру», временно оставив свой край во власти неверных. Они намеренно не пользовались адыгским словом «хэхэс» (переселенец), предпочитая сравнивать себя с первыми мусульманами, переселившимися из Мекки в Медину в результате обрушившихся на них гонений. Тем самым «хажреты» подчеркивали религиозный аспект своего переселения и неизбежность возвращения в Кабарду, как и первых мусульман в Мекку.

Столкновение адыгского мира с чуждой цивилизацией породило причудливое сочетание в поэтике историко-героических песен архаических формул с образами, отражающими новые реалии войны. В частности, в них часто встречается устойчивое словосочетание: «щипцы от стрел тащили». При буквальном прочтении этих слов в «Гыбзе об Увжуко» может показаться, что оплакиваемый в ней герой ранен стрелами, а щипцы понадобились для их вытаскивания. Но он не мог быть ранен стрелами со стороны русских войск. В сражениях с ними их не использовали и кабардинцы. Примечательно, что в указанной песне стрелы упоминаются наряду с «пушечным громом», «хоботами пушек», а сам Увжуко «остался под ливнем пуль». Налицо формальное противоречие: стрелы уносят жизнь героя, и в то же самое время он реально погибает от огнестрельного оружия.

Но здесь нужно учитывать следующее: хотя стрелы уже не использовались и русскими, и адыгами в боевых действиях, необходимость употребления слов, обозначающих этот вид оружия, диктовалась поэтикой историко-героических песен. Они – символы смерти.

В «Гыбзе об убитых в битве с русскими при селении Идарей» отмечается:

День смертный пришел Тотлостану!
Стрелы впиваются в землю.

(№ 2.12)

Стрелы как вестники смерти дополняются образом боевого коня без всадника: «Статный конь Гожигей // Кружит на горном подъеме, // К выстрелам грудь обращает». Создается двойной образ смерти. В этой же песне стрелы упоминаются наряду с пулями: «Стрелы героя пронзили, // Деревянные ножны за ним кружились, // Хватал на лету он пули».

К поэтической фигуре «щипцы от стрел» прибегали и в тех случаях, когда популярный в народе герой (напр., Кучук Аджигиреев) умирал не от ран, полученных в бою, а от болезни (№ 2.12). Делалось это для того, чтобы подчеркнуть безмерную скорбь по поводу его утраты.

Лук и стрелы, не выполняя функций боевого оружия, иногда использовались в воинском снаряжении как дополнительный аксессуар знатности. Для обозначения момента гибели героя они так же являлись символами избранности, но уже избранности Богом, раскрывающим перед ним «двери неба».

Сочетание в песнях слов, прямо обозначающих реалии войны (пушки, картечь, ружья, пули, кони, шашки и т. д.) с поэтическими фигурами и оборотами, слова которых выходили за пределы их буквального значения, усиливало их эстетический эффект, являясь в то же время средством выражения предельных состояний человеческого бытия. Использование же этих образов в контексте религиозных представлений придавало им качество самотрансценденции, открывая для сознания людей того времени нечто гораздо более значительное, чем бренный мир, который покидал павший герой.

В данном случае для нас важно отметить не только факт парадоксального сочетания в гъыбзэ слов и образов, относящихся к различным временным и культурным пластам, но также их взаимопроникновение, позволяющее говорить о единой художественной системе, изоморфной этнической культуре адыгов, состоящей из двух основных слагаемых: традиционной культуры и ислама. В ходе и результате шариатского движения в Кабарде, а затем и в Западной Черкесии, произошел органический синтез этих элементов, оказавший глубокое и всестороннее воздействие на их этническую психологию, эстетическую культуру и ценностные ориентации. Только этим можно объяснить необычайную силу воздействия песен, соединивших образы земной славы и небесной награды, на впечатлительное сознание адыгов времен Кавказской войны.

Тяжелая борьба адыгского народа за свою независимость порождала у него новые чувства и представления, которые прежняя форма гыбзы уже не могла вместить. Поэтому вполне закономерно его обращение к другим песенным жанрам, в частности

6 Заказ № 246

к колыбельной песне. Но и ее традиционная форма оказалась слишком тесна для того, чтобы выразить страдания, связанные с этой невиданной по своим катастрофическим последствиям войной. Новое содержание, которое безымянные авторы стремились вложить в колыбельную песню, неизбежно ломало ее структуру, нарушая общепринятые для нее каноны. В итоге иногда создавались шедевры.

«Колыбельная песня», помещенная в данном сборнике, является необычным во всех отношениях произведением, выходящим за рамки своего жанра. Она отличается редкой многоплановостью. Убаюкивание составляет лишь один внешний слой песни, дающий возможность ее автору со всей глубиной и ясностью обнажить волнующие его темы. Для нее характерна резкая смена настроений: нежность сменяется скорбью, тревога – надеждой. В ней нет материнской любви в обычном смысле этого слова. Чувства матери предельно сдержаны. Единственное ласковое слово, которое она себе позволяет, сказано в самом ее начале:

Спи, мой птенец, спи, засни.
Золотую куклу тебе шьют.

(№ 2.16)

Но затем мать, словно устыдившись этой нежности, произносит как бы про себя:

Слышишь – плачет твоя мать,
Стонет-плачет над тобою.

Она стонет и плачет из-за того, что «окровавлена твоя земля, замутилась смутой великой». Но она не поддается отчаянию и сквозь слезы ободряет сына: «Пусть «Оури-дада» звончей звучит! // Умер отец твой, а я осталась». Все ее помыслы связаны теперь с тем, что она будет «героя растить, // Бесстрашного богатыря, // Кабарде моей защитника». Младенец ассоциируется с той силой, которая восстановит былую мощь страны. Но затем мотивы триумфальной песни внезапно обрываются, и у матери возникает чувство безотчетного ужаса от мысли, если ей, вдруг, не удастся достичь этой цели: «А не выращу героя, – // Горем-тоской изойду, // Завою тогда волчихой!».

Страх этот вызван тем, что силы Кабарды иссякли в неравной борьбе, а ее независимость повержена в прах. В песне это выражено предельно емкими образами:

Веревкой связали мне руки,
Топором ноги подсекли,
Сосцы мои изранили.

Здесь мать уже зримо выступает как символ израненной Кабарды. Поэтому она не может убаюкивать сына одними только ласковыми словами, навевая ему сладкие сны. В то же время она ничего не может предложить ему, кроме своих ран и крови. Но именно в осознании этого факта мать призывает сына почерпнуть свои силы. Образно это выражено словами: «Рану мою соси, птенец, // Кровь мою соси, богатырь». По сути дела это – призыв сохранить мужество, когда повсюду воцарились хаос, отчаяние и смерть. Он столь же суров, как и сама действительность того времени, соответствуя дворянскому менталитету, ориентированному на самопожертвование во имя общественных идеалов.

В песне отсутствуют знакомые нам поэтические фигуры, прямо связанные с героикой сражений. Косвенно же она подразумевается самим ее содержанием, которое кажется настолько исчерпывающим, что делает, на первый взгляд, излишними какие-либо новые слова и образы. Но смысл песни неожиданно заостряется в самом ее конце напоминанием об отцовской сабле. Она, эта сабля, придает ей предельную завершенность и значимость, становясь символом сыновней преданности: погиб отец, но осталась его сабля, взывающая к отмщению. В этом же контексте здесь впервые (в фольклоре времен Кавказской войны) столь мощно звучит тема Родины. Этим и объясняется, что в ее финале слышна надежда:

Мать умрет – не умрет Родина.
....
Станет тебе матерью Родина,
Наследством – сабля отцовская.

Для адыгов эта тема является трагической во всех отношениях. В начале Кавказской войны в историко-героических песнях идея Родины звучит весьма приглушенно, как бы подразумеваясь в поступках воспеваемых в них героев (что предполагает ее слабую выраженность в общественном сознании). Лишь к ее концу, когда было уже слишком поздно, она отчетливо осознается и формулируется. После ее окончания, насильственного переселения большей части народа в пределы Османской империи и разрыва территориального единства между его остатками общая для всех адыгов Родина уходит в область преданий, становясь элементом их исторического сознания. В настоящее

время частичная актуализация идеи Родины происходит лишь в дни поминовения жертв Кавказской войны, с каждым годом снижая свою интенсивность.

С гибелью исторической Черкесии начинается процесс забвения песен времен Кавказской войны. Некоторые из них были спасены благодаря публикациям Л. Г. Лопатинского и П. И. Тамбиева.

Осознавая их непреходящую историко-культурную ценность, Кабардино-Балкарский научно-исследовательский институт национальной культуры проделал большую работу по их сбору, систематизации, переводу и комментированию. Избранные тексты песен наряду с другими произведениями устного народного творчества были изданы в 1936 г. в сборнике под названием «Кабардинский фольклор». Показательно, что его главный редактор М. Е. Талпа и деятели кабардинской культуры (Т. Борукаев, сел. Кажаев, А. Пшеноков, П. Шекихачев, Т. Шеретлоков), осуществившие этот поистине творческий подвиг, были репрессированы в 1937 г. Незадолго до выхода книги Н. Цагов, принимавший наиболее деятельное участие в ее подготовке, погиб при обстоятельствах, дающих основание полагать, что его смерть вряд ли можно считать случайностью. Из-за отсутствия соответствующих материалов остаются неясными многие обстоятельства и мотивы расправы над участниками этого выдающегося научного и культурно-просветительского проекта. Понимая, что́ потеряла в их лице адыгская культура, невольно представляешь себе тот колоссальный объем работы, который они могли еще выполнить в области адыговедения, если бы остались живы. Но учитывая происходившие в то время процессы, становится понятно, что их участь была предрешена, и маховик репрессий никак не мог обойти их стороной.

Окрепшее тоталитарное государство уже не могло больше мириться с текстами (а заодно и с теми, кто их собирал), воспевавшими борьбу за свободу и национальную независимость, считая, что это подрывает основы его единства и целостности. Книга оказалась под запретом именно из-за той ее части, где были помещены песни, относящиеся к периоду Кавказской войны. В довершение к этому пропали и оригиналы, с которых были сделаны переводы московскими поэтами. И вряд ли это связано только с немецкой оккупацией республики в 1942 г., поскольку в послевоенный период существовала реальная возможность не только их реконструкции, но и значительного расширения круга собранных песен по данной тематике. Но не было сделано никаких серьезных попыток в этом направлении, несмотря на то, что в это время еще жили многие их знатоки, а сектор лите-

ратуры и фольклора регулярно проводил экспедиции по сбору фольклорных материалов.

Не обращая должного внимания на так называемый «феодальный» фольклор и, в частности, песни времен Кавказской войны фольклористы игнорировали и исторические предания о событиях, легших в их основу. Указы, запрещавшие их сбор, формально отсутствовали. Но страх повторных репрессий наряду с мифологемами «классового подхода» к изучению истории парализовывали всякую мысль о возможности думать и поступать иначе, чем это допускалось идеологическими требованиями социалистического государства. Его пресс подавлял любую возможность возобновления прерванной традиции изучения фольклора периода черкесского сопротивления имперской экспансии России. Тем самым целенаправленно уничтожалась память народа, что приводило к разрушению его этнической идентичности. Взамен создавались их суррогаты, соответствовавшие потребностям тоталитарной системы.

В этом контексте следует вспомнить о невиданных репрессиях, обрушившихся на ислам, о разрушении мечетей, физическом уничтожении священнослужителей, его вытеснении из всех сфер общественной жизни, ограничении его функций похоронными ритуалами. В относительно короткий исторический период произошла массовая атеизация адыгского народа. Но местные идеологи, стремясь дать историческое обоснование этому «достижению», стали проецировать ее результаты на прошлые века доказывая, что ислам всегда был чужд общественному сознанию адыгов. Тем самым «размывались» последние остатки их этнокультурной самобытности. Нельзя не сказать и о деструктивном воздействии процессов насильственной коллективизации на их традиционную духовную культуру. В частности, «ликвидация кулачества как класса» привела вместе с другими утратами к уничтожению большей части носителей фольклорной традиции.

Нанеся столь страшные удары по адыгской культуре, государство в последующее время особо поощряло произведения устного народного творчества, посвященные «классовой борьбе трудящихся против эксплуататоров» и достижениям социалистического строительства. Оно благосклонно относилось и к «народной лирике», в которой нашли отражение незамысловатые чувства простых людей, а также к тем жанрам фольклора, которые позволяли реконструировать архаические культы и верования адыгов. Для официальной исторической науки это служило лишним основанием для примитивизации уровня их социокультурного развития. Не было существенных препятствий и в публикации идеологически нейтральных сюжетов из нартского эпоса.

Все это происходило на фоне катастрофического обеднения адыгского языка и максимального сужения сферы его функционирования. Создаваемая при этом национальная литература даже в лице своих самых талантливых представителей отличалась вторичностью.

Сама жизнь показала, что миру адыги интересны прежде всего своим фольклором. Странное дело! Еще в 70-е гг. XX в. встречались старики, хорошо помнившие многие историко-героические песни. В то же самое время за годы советской власти выросли 3–4 поколения, не имевшие никакого представления об этом жанре устной народной словесности, да и фольклоре в целом. Но эти зияющие провалы в преемственности культурной традиции не компенсировались значительными достижениями в различных сферах профессиональной культуры. Анализ этих тенденций позволяет говорить о разорванности и дезориентированности этнической культуры адыгов. Особенно остро это ощущается в наши дни, когда возникла реальная угроза их деэтнизации.

Если в советский период изучению песен времен Кавказской войны препятствовал тоталитаризм, то сейчас – отсутствие интереса к ним, что является прямым следствием переживаемого адыгами этнического кризиса, который сопровождается прогрессирующей этнокультурной апатией, снижением уровня национального самосознания и возрастанием комплекса неполноценности, вызванного ущербным восприятием элементов западной цивилизации. Мы не в состоянии в рамках нашего очерка не только обсудить, но даже поставить все вопросы, связанные с этой проблемой. Но для нас очевидно, что возрождение адыгской культуры невозможно без преодоления указанного разрыва и приобщения к живительному источнику устного народного творчества.

Это приобщение открывает возможность проникнуть во внутренний мир адыгов периода Кавказской войны, восстановить в сознании их потомков связь времен и тем самым наметить перспективы обретения ими подлинной идентичности. Оно дает тот заряд духовной энергии, который так необходим им для самообновления и развития. Осознание утраты культурных ценностей – первый шаг к их обретению. Историки и филологи, возвращая народу его же бесценное достояние, дают ему шанс на повышение его духовного иммунитета перед лицом факторов, размывающих его этнокультурную самобытность.

Историко-героические песни меньше всего напоминают замкнутую систему знаков и символов, дешифровкой которой могут заниматься только специалисты. Правда, их понимание сопряжено с определенными усилиями. Многие слова песен и их

событийная основа требуют пояснений. В связи с этим в книге даются необходимые комментарии. Но затем преодоление этих трудностей вознаграждается вдвойне. Внимание перестает фиксироваться на архаических формулах, причудливых деталях и внешних приметах времени, обращаясь уже не к букве, а к духу этих песен. В результате происходит прорыв с сферу трансцендентного, когда постигается смысл воспеваемых в них деяний, их высокий трагизм и недосягаемый нравственный пример. Несмотря на значительную временную и культурную дистанцию, чувства и представления людей того времени становятся близки нам, открывая для нас уже позабытый мир высших ценностей.

Вот почему они и сейчас трогают наши сердца, уставшие от серых будней и бесцельного существования. Возвращая нас к истокам нашей трагедии, они напоминают нам о смысле подлинной жизни, о том, что утрачено и что должно быть обретено вновь.

ПРИМЕЧАНИЯ

[1] *Кешев А.-Г.* Характер адыгских песен / В кн.: Избранные произведения адыгских просветителей. Нальчик, 1980. С. 123, 124.

[2] Там же. С. 127.

[3] Там же. С. 125. 126.

[4] Там же. С. 134.

[5] Там же. С. 135.

[6] *Лавров Л. И.* Доисламские верования адыгейцев и кабардинцев // Труды Института этнографии. Новая серия. Т. 51. М., 1959; *Тизенгаузен В.* Сборник материалов, относящихся к истории Золотой Орды. СПб., 1884. Т. 1. С. 287, 303.

[7] Путешествие Ивана Шильтбергера по Европе, Азии и Африке с 1394-го по 1427 г. // Зап. имп. Новороссийского университета. Одесса, 1867. Т. 1. С. 58, 59; Путешествие в Тану Иосафата Барбаро, венецианского дворянина // Библиотека иностранных писателей о России. СПб., 1836. Т. 1. С. 56; *Веселовский А.* Несколько географических и этнографических сведений о древней России из рассказов итальянцев. СПб., 1870. С. 15; *Интериано Дж.* Быт и страна Зихов, именуемых черкесами // Адыги, балкарцы и карачаевцы в известиях европейских авторов. Нальчик, 1974. С. 47. (В дальнейшем – АБКИЕА.)

[8] Кабардино-русские отношения в XVI–XVIII вв. М., 1957. Т. 1. С. 8. (В дальнейшем – КРО.)

[9] Там же. С. 50.

[10] КРО. Т. 1. С. 393.

[11] АБКИЕА

[12] КРО. Т. 2. С. 64.

[13] *Гюльденштедт И. А.* Географическое и статистическое описание Грузии и Кавказа // АБКИЕА. С. 205.

[14] *Налоев З. М.* О придворном джегуако// Из истории феодальной Кабарды и Балкарии. Нальчик, 1981. С. 135; *Он же.* Этюды по истории культуры адыгов. Нальчик, 1985. С. 91.

[15] КРО. Т. 2. С. 323.

[16] *Боров А. Х., Думанов Х. М. Кажаров В. Х.* Современная государственность Кабардино-Балкарии: истоки, пути становления, проблемы. Нальчик, 1999. С. 10–19.

[17] *Грабовский Н. Ф.* Присоединение к России Кабарды и борьба ее за независимость (исторический очерк)// ССКГ. Тифлис, 1876. Вып. IX. С. 152.

[18] Там же. С. 151.

[19] КРО. Т. 2. С. 335.

[20] *Грабовский Н. Ф.* Указ. соч. С. 151.

[21] Народные песни и инструментальные наигрыши адыгов. М., 1986. Т. 3. Ч. 1. С. 226.

[22] То же. С. 238, 240.

[23] *Косвен М. О.* Этнография и история Кавказа. М., 1961. С. 134; Туганов Р. Х. Страницы прошлого (Записки краеведа). Нальчик, 1989. С. 142.

[24] РГВИА, ф. 26, оп. 1/152, д. 50, л. 365.

[25] Там же, л. 366.

[26] *Ясперс К.* Смысл и назначение истории. М., 1991, сел. 28–29.

[27] *Хейзинга И.* Осень средневековья. М., 1988. С. 38.

[28] *Фадеев А. В.* Россия и Кавказ в первой трети XIX в. М., 1960. С. 281.

[29] Архив КБИГИ, ф.1, оп. 2, д. 24, л. 93.

[30] Там же, л. 95.

[31] Там же.

[32] Там же, л. 156.

[33] *Ногмов Ш. Б.* История адыгейского народа. Нальчик, 1947. С. 120.

[34] Там же. С. 119.

[35] Там же. С. 107.

[36] РГВИА, ф. ВУА, д. 18491, л. 9.

[37] Архив КБИГИ, ф. 1., оп. 2, д. 4, л. 65 (Фотокопии документов из ЦГА СССР).

[38] Там же, д. 12, л. 113.

[39] Там же, д. 24, л. 80, 81.

[40] Там же, л. 222.

[41] Там же, л. 224.

[42] Там же, л. 237.

[43] Там же, л. 95.

[44] Там же, л. 92.

[45] *Кумыков Т. Х.* Экономическое и культурное развитие Кабарды и Балкарии в XIX в. Нальчик, 1965. С. 57.

[46] Следует учитывать, что эти данные относятся к 1810 г., а военные действия и чума (с некоторыми перерывами) продолжались в Кабарде до 1825 г. По сведениям, которые приводит Т. Х.Кумыков, численность кабардинцев в первой четверти XIX в. сократилась в 10 раз (см.: *Кумыков Т. Х.* Указ. соч. С.56, 57).

[47] Архив КБИГИ, ф. 1, оп. 2, д. 24, л. 239–245.

[48] *Фадеев А. В.* Указ. соч. С. 309.

[49] *Хан-Гирей.* Записки о Черкесии. Нальчик, 1978. С. 210–212.

[50] *Белл Дж.* Дневник пребывания в Черкесии в течение 1837, 1838 и 1839 гг. Лондон, 1840. Т. 1–2 // АБКИЕА. С. 496.

[51] *Ханаху Р. А., Цветков О. М.* Некоторые типологические характе-

ристики традиционной культуры адыгов (к проблеме ментальности)// Философия и социология. Майкоп, 1996. № 4. С. 56.

[52] Трагические последствия Кавказской войны для адыгов. Вторая половина XIX – начало XX в. Нальчик, 2000. С. 105.

[53] *Сталь К. Ф.* Этнографический очерк черкесского народа // Кавказский сборник. Тифлис, 1910. Т. 21. С. 111.

[54] *Лонгворт Дж. А.* Год среди черкесов. Т. 1–2. Лондон // АБКИЕА. С. 575, 576.

[55] *Лапинский Т.* Горцы Кавказа и их освободительная борьба против русских. Нальчик, 1995. С. 77, 78.

[56] Там же. С. 217.

[57] Там же. С. 221.

[58] АКАК. Т. XII. С. 949.

[59] *Фадеев Р. А.* Письма с Кавказа. Собр. соч. СПб., 1889. Т. 1. Ч. 1. С. 146.

[60] *Лило А.* Последние годы борьбы русских с горцами на Западном Кавказе// Кубанский сборник. 1904. Т. 10. С. 164.

[61] *Фадеев Р. А.* Указ. соч. С. 150.

[62] *Фонвилль А.* Последний год войны Черкесии за свою независимость. 1863-1864 гг. Из записок участника-иностранца. Краснодар, 1927. С. 3.

[63] *Дзидзария Г. А.* Махаджирство и проблемы истории Абхазии XIX столетия. Сухуми, 1982. С. 187, 188.

[64] *Потто В. А.* Утверждение русского владычества на Кавказе. Тифлис, 1904. Т. 3. Ч. 2. С. 191–195.

[65] КРО. Т. 2. С. 43.

[66] Там же. С. 158.

[67] *Потто В. А.* Указ. соч. С. 196.

[68] Там же. С. 195.

[69] Там же. С. 196.

[70] *Кешев А.-Г.* Указ. соч. С. 134, 135.

[71] Там же. С. 135.

[72] *Кешев А.-Г.* Избранные произведения. Нальчик, 1976. С. 198.

ИЗ «СБОРНИКА МАТЕРИАЛОВ ДЛЯ ОПИСАНИЯ МЕСТНОСТЕЙ И ПЛЕМЕН КАВКАЗА»

1.1. ЖЭЩТЕУЭ

I

**И ныбжькIэ пщы нэгъуфыншэти жумарт<т>,
Былым итмэ, щIэмыфыгъуж зи хабзэ,
Зи жьыщхьэ мазиблы зауэм хэмыкI.
«Мыр джаурщи къытхаукIыкIыр шаhидщ», –
Ахэр жеIэри узыхэт гупыр бгъэгушхуэщ.
Топышхуэр зи пщыIэ пащхьэм щагъауэ,
Жэщтеуэр пIалъэ мыхъуэжуэрэ дегъащIэ
КъайтыкъукъуэкIэ Хьэмырзэ.**

II

**«Алмырзэкъуэр даубыда<щ>», – жеIэри къегъазэ,
Зауэурэ и шахъшымалыр бгъэхыдэ<щ>,
Тамбиикъуэм и хьэдэщIым зыщипсэщ,
Урысыжьуэ къуентхъым щыгугъхэр щхьэщыпхущ.
Хуарэм тесуэ, афицарышхуэр редзых.
Танжьей дэдэр пщэдыджыжь дыгъэм пэщIэтщ,
Хьэдрыхэм лъыпсые жагъуэр щIаушэ,
Махуэшхуэм зэдэзэкъуитIуэ къашэжыр
КъайтыкъукъуэкIэ Исмел<щ>.**

III

**Сэ «си къан<щ>» жысIэуэ зэрыщымытыр жысIэнкъым,
ПцIащхъуэм и джэдыкIафэр зи фоч,**

**Дыщэчым къыхэлъэфар зи гъуазэ,
Гъуэзэным щIырымыплъыххэуэ зыгъауэ,
И ныбжькIэ къэзакъ упщIатэм хэмыкI,
ХьэтIохъущокъуэхэ къазэрыхэкIрэ мыгужьей.
А махуэм дэ ди шу гужьеяхэм къащхьэпэ,
ХьэтIохъущокъуэхэ я уэркъ напэр диIыгъ<щ>,
Пщы щауэм ерыжыбуэ яIыгъхэр мэцIычэ,
Чэрэчэуэ и афэ псыгъуэр мэлыдыр,
Дзэ унейм къахэлыдыкIыр зи танж,
Мыр джаурщи, ди ныкъуэкъуэгъум дегъалIэ,
Шырэ лIырэ зэщхьэмыпэжуэ рещIыкI
ХьэтIохъущокъуэкIэ ХьэтIохъущыкъуэпщ.**

IV

**Къашкъэм чынтыдзэр щихьэкIэ шуупэщ,
Лэужьри нэкIапэрыплъэуэ къынос,
ЛIыуэ тесыр сэмэгу щIопщкIэ тоухьыр,
IэщIэхьэм гъатхэпэ щыблэти жьэхоуэ,
Джаурыжьым я топыгъауэр тевгъэжщ.
«Дэ ди жылэм шууфI къинэжкъым», —
жеIэри мэшэсыр,
Урысыдзэр мэл щта хабзэуэ зэпехур,
УрысыбзэкIэ зэхъуэныжхэурэ рещIыкIыр,
Къэбэрдейм ягу имыкIыжуэ епсыхыжащ
АжджэриикъуэкIэ Ислъам.**

V

**Уэр, а махуэм санэху кIадэр щхьэ захуэ<щ>,
Зэуэгъуэм дэ ди зэхуэмыдэхэм гу лъыфтэ!
Шы-Iэщэр къызэзытэкIыр лIы мащIэ<щ>,
ГуфIапщIэр куэдуэ щыраткIэ зымыщтэ!
А махуэм лъэIукIэрытуэ мэзауэ,
Мауэри бжыкIэ къутахуэмкIэ къэуэжыр
ЩхьэщыкъуэкIэ Куэгъун<щ>.**

VI

А махуэм хуарэ пщIэгъуалэр къехуапэ,
Къонэпауэри мы тамбырыгум реутIыпщхьэр,
УеплъынкIэ лIы къуапцIэ ести IэщакIуэ<щ>.
«КIуэжын», – жиIэмэ, шу щхьэхуитуэрэ къегъазэ,
Жаныкъуейм къащызэукIыуэрэ дагъащIэ,
ХьэщIыкъуитIыр у<и> быфыкъуэ щIасэти бгъэпыхьэщ,
Жаныкъуейр унащхьэ пыхьэуэ зыхуэжэр
Жанокъуэ<кIэ> Алътуд<щ>.

VII

ИнкIэ нэхъыпэрей нартым я фэгъу<щ>,
ЩIагъуэ ищIэнкIэ ипэрей нартым я щIэгъущ,
БжьахъукъуиплIыр зы махуэ егъум йокIуадэ,
ХьэдиплIыр гуитIкIэ къашэжри гу гъагъ<щ>.
Я щуIэгъэхэм къырагъэгъыхри бгъунжакIуэ<щ>,
ГъуэгурыкIуэм яфIэгуузыр зи кхъахэ,
Зи гъащIэм зауэшхуэр зи щIасэр ди Мусэ<щ>,
Шэ уэфыр зытезыгъахэр Хьэсанэ<щ>,
Зи фочыр топышхуэ уэкIэр Долътыкъуэ<щ>,
Гын гъуэзым хамылъэгъуэжыр нэхъыщIэу Къазий
цIыкIу<щ>.

1.1. НОЧНОЕ НАПАДЕНИЕ

(Кабардинская версия)

I

Всегда он с открытым взглядом был, и был щедрым,
Добро даря, никогда о том не сожалел,
На старости лет безотлучно семь месяцев воюет...
«Это неверные, и кто <в борьбе с ними>
погибнет, станет шахидом», –
Так сказав, свою компанию настраиваешь.

Тот, у кого перед шатром ядро <пушечное>,
большое падает,
Тот в ночном нападении кто погибает, –
<это> Хамурза Кайтукоко.

II

«Схватили Альмурзоко», – сказав, разворачивается,
В сражении свой патронташ опорожняет,
Над телом Тамбиюко спешивается,
Русских неверных, желающих взять трофеи, отгоняет,
Офицера грузного, сидящего на чистокровной
лошади, сбрасывает <с коня>,
Подкольчужник на утреннем солнце отблескивает,
На тот свет кровь ручьем стекает.
В день великий <тела> отца с сыном вместе привозят, –
<это> Исмел Кайтукоко.

III

Оттого, что он мой воспитанник,
не стану говорить о нем, чего не было,
Ружье его – цвета ласточкиного яйца,
Прицел <на ружье> его – вытянутая золотая нить,
Не прицеливаясь, он стреляет,
Всю жизнь с казаками в рубках участвует,
С тех пор, как отделился от Атажукиных,
<оттого> не теряет духа.
В день <битвы> поддерживает тех, кто растерялся,
Атажукиных честь дворянскую поддерживает.
У молодых княжичей эрежибовские ружья трещат,
наследные тонкие кольчуги сверкают,
Из всего войска выделяются <они>
сверкающими шлемами.
Это неверные, и их нашествие нас губит.
А тот, кто <в сражении> всадника, от коня отделив,
поражает, –
<это> князь Хатокшоко Атажукин.

IV

Когда кинтское войско вступает в Кашку, он передовой
всадник,
На <коне> лоовской породы,
что глядит из-под челки, он прибывает.
Муж, едущий верхом, плетью в левой руке
<коня> погоняет[1], а встречных, словно
весенняя молния, поражает,
Пушкаря неверных обращает в бегство.
Сетуя на то, что в селении не осталось достойных
наездников, коня седлает,
Русское войско разгоняет <надвое> подобно <отаре>
испуганных овец.
По-русски сквернословящих, их, побеждает,
В памяти у кабардинцев оставшись, спешился, —
<это> Аджджерия сын Ислам.

V

Ор, в тот день поверхность кадки белого сано
ровной была,
В битве не все равно <достойны> — это заметьте!
Мало таких, кто коня и оружие в наследство
оставляет, <а не теряет при гибели>,
Таких, кто не берет обильных подарков за добрую весть.
В тот день <он>беспрерывно сражается,
Наносит удар и еще обломком копья своего бьет, —
<это> Когун Шхашуко.

VI

В день этот белого коня чистокровного наряжает,
Наносит удар и на середину круга выпускает,
Посмотреть на него — <это> муж смуглый
Невзрачный, <но> умелый во владении оружием.
Когда надо возвращаться, он разворачивается как
вольный наездник,
В <селении> Жаноковском, сражаясь, погибает,

Двоих Хашоковых, что любимыми твоими
воспитанниками были, рыдать заставляешь,
<Куда> все жаноковское селение, рыдая, сбегается, –
<это> к Алтуду Жаноко.

VII

Величием он на прежних нартов походит,
Делами добрыми он прежних нартов напоминает.
Четверо Бжехуковых в один злосчастный день погибают,
Четыре трупа в двух повозках когда прибывают,
это плач исторгает из сердца!
Их жены, не могущие сдержать рыданий, боком ходят,
Тот, по ком сострадание у могилы выражают
<случайные> прохожие,
Кто всю жизнь большие сражения любил, –
это наш Муса.
Кто град пуль на себя принимает, – это Хасанш.
У кого ружье стреляет словно
большая пушка, – это Дольтуко.
Кого в пороховом дыму уже не видно, – это Кази Малый.

[1] *Держать плеть в левой руке* – этикетный знак, который использует горевестник. Здесь, видимо, это просто указание на то, что в правой руке у всадника было оружие, которым он сражался.

Песня посвящена одному из первых крупных столкновений кабардинцев с регулярными царскими войсками в период строительства линии крепостей от Азовского моря до Дагестана. Кабардинцы, недовольные тем, что у них отбираются обширные пастбища Курейской равнины (ныне – в Ставропольском крае от левобережья р. Малки до бассейна р. Кумы), напали в 1779 г. на крепостную линию. После продолжительных военных действий их ополчение было жестоко разбито превосходящими силами генерала Якоби. – *Ред.*

1.2. ЛАБЭДЭСХЭМ Я ГЪЫБЗЭ

I

Лабэжьым дэ дыщыдэсым
жэхафэ<р> ди шэджэгъуакIуэщ,
Джаурыжьым дакъыщыдэкIуэм,
алащэр къытщIэмыхьэж;
ПыIэуэ ди дыщэ тажыр
да[и] щIыбкIэ къыщхьэракIуэт,
Къутынуэ дэ ди гъуэншэджыр
шырыкъу лъапэкIэ къытхузэIатхъ.
Елмэсхъаныр мэтхьэусыхэ,
Хъаний цIыкIум къырегъэгъых.
ПащIэуэ Iутыр шылэ мыгъавэщ,
ХьэIуцыдзыуэ къаувыхьауэ джатэкIэ тхудэзышыжыр
Тау гущэм фи ЖэбагъыфIщ.

II

IэщIтелъыфIыр дощIри
дыгъэпсым пызогъэлыд,
Мэзкуу пыIэр содри
лъы нэпсыр изогъэлъалъэ,
Дэ ди нэпсыр къытфIелъэлъэхыу
Елмэсхъаныр мэтхьэусыхэри,
Хъаний цIыкIум къырегъэгъых.
Къэралыр ди ныкъуэкъуэгъуи,
къыдащIэр дэ димылажьэ,

Беслъэнейм къыдащIа лажьэр
ди яужь къинэм щремыгъупщэ!
Ди адэр уэркъти, дэ дымыхашэ,
фыз къуапцIэ нашэр зи пIэ щабащIэ,
Шхьэ фымыщIэрэ, къэрэмырзей!
Дэ дощIэ гущэри Къырымджэрий<щ>,
ДохъушокъуэкIэ Къырымджэрий!

III

Зи гъащIэкIэ шагъырыбафэ,
Щогъуруэ хьэ джафэжьитIым
Ди адэ и жылэр ятекIуэдэжт.
Алыхь-Алыхь, дыжылэкIуэдщ,
къытхэкIуадэр шаhид нахуэщ.
Нэху щыгъуэм и бэрэбаным дыкъыдоуш,
Кхъуафэр зи шэрыкъыр бжьэпэмкIэ
къызэдыкъуокIыр,
КъуажэкIэ чэур шыбгъэкIэ къызэдыIуащI,
Къэзэуатыр къызэдэзыщIар
зы махуэм зэдопсыхыж.

IV

Ахъмэтыжьым и бгыплъыр
бэрэбаным къыдэз<ы>гъэпсалъэ,
Тетыжьхэр къыщытхуэдалъэкIэ
лъы нэпсыр къыщIыдогъэз.
Елмэсхъаныр мэтхьэусыхэри,
Хъаний цIыкIум къырегъэгъых.
Гуащэу зэнысэгъуитIыр
а махуэм ещанэ лъэсщ,
Уэлийхэр шэ дещIэ лъэсти,
ди пащхьэ къыщырагъэщI.
Дэ зыдгъэщIэращIэурэ
гуащэ лъэсуэ дыкъыдамыхтэрэ.
Уэлийхэр дэ диIэжамэ,
шэкIэ яуэурэ дыдашыжынт.
ДыжылэкIуэдщ,
къытхэкIуадэр шаhид нахуэщ.

V

**Къэбэрдейм я зекIуэлIыфIыр
Бэщмакъырым зэрогъэзашэ,
Бзылъхугъэхэр лъэхъум щизашэкIэ зэрыгууз!
Къигъазэу зезыгъэукIыр
Нартыжьым фи Хьэжы дыщэ<щ>.
«Дыщэуэ сэ си ерыжыбымрэ
си быным я нэхъы кIасэмрэ
Тхьэ лъапIэм и анэмэтщ!»
ЛIы етауэ Гуащэхъурейр
фочыпэкIэ тхудэзышыжыр
ЩоджэнкIэ фи Шумахуэшхуэщ.
Уэ, и адэуэ Щоджэн Шумахуэр
игъащIэкIэ шыщхьэмыгъазэщ,
«Дэ, бзылъхугъэм димыхабзэхэу
фочыпэбжкIэ дырагъэза<щ>, – жеIэри
Къигъазэуэ зезыгъэукIыр
Щоджэнхэ япхъууэ Гуащэхъурейщ.
Андолэуэ дэ ди куэншыбэр
бжыпыджымкIэ зэгудогъэх.
Уэркъ щауэм зыщедгъэхын щхьэкIэ,
жэщ пIалъэм дынамыгъэс.
Сырымэуэ ди зэпэщIыIур
данэхукIэ къызэрыдоблэ,
ПIэтIрону благъэр
уэсыщIэти къыттрагъахэ.
Муслъымэнуэ дэ дызэхэзыхыр
щIы фIыцIэм зэлъыхэбгъагъэщ,
Алыхь-Алыхь, дыжылэкIуэдщ,
къытхэкIуадэр шаhид нахуэщ.**

VI

**Хъанийуэ сэ си нысэгъур
уеплъынкIэ фыз фIыцIэ къуэгъущ,
Данагъуэуэ и шхьэцыкIитIыр
джаурыжьым я шхуэмылакIэщ.
Инэралым и унэ лъагэм,
джыназкIэ сыщызэрашэ,**

Жэщгъуэлъым сыщыхуашэжкIэ,
тэрмэшым сыхуогузавэ.
Абдж щхьэгъубжэмкIэ сэ сыкъыдэплъмэ,
пщы щауэр си нэм къыфIощI,
ПIэ щIыжыгъэм сыщекIуэлIэжкIэ,
мыщэхъу гущэти ущхьэбэлацэщ.
Сэ си ныбжькIэ сыпхъэвакъэрыкIуэт,
ПIэ лъапэр къыщыскIухьыжкIэ,
лъы нэпсыр къыщIызогъэж.
Елмэсхъаныр мэтхьэусыхэ,
Хъаний цIыкIум къырегъэгъых.

VII

Тутыкъухэ фи Бэракъ цIыкIум
лIыфэкIэ сыпщымыгугът,
КъалэжькIэ сызщыгугъар
АндрыгукIэ кIэрыхьэжащ –
КъанщаукъуэкIэ Алий цIыкIу!
Бзылъхугъэуэ сабий цIыкIуитIыр
си бгъафэм къыщIызогъэх,
Дарий фащэр щысщахы махуэм
кIуэжыкIэм лъыр хаушэ.
Унэшхуэм дыщызэдисым
дыщэпситIыр къызэблимыдзтэрэ,
Джаурыжьым дыщызэрадзэм,
а лIыр хэдмылъэгъуэж.
Къэбгъазэркъэ, пащIэбзииплъ,
Гурэ дахэр зыIумыплъэж!
Къутынуэ сэ си къэхътаныр
бжыпэкIэ зыщызогъэх,
Сэ сымымэхамэ,
дэнэ мыгъуэм сыкъипхыжынт?

VIII

Дыщэ мыгъуэр зи пащIэкIитIым
щIы фIыцIэр къырагъэгъуэт,

ЩуIэгъэкIэ дызыгъуэтыжыр
дырагунэ пащIэщ.
Дыщэхэр зи пащIэкIитIым
данапIэм дащыдэджэгурт.
Сэлэтыжьхэр зыгъэджэгу тетыр
пэш унэм къыщдыроджэгу.
Хур пщащэхэр я[зи] дэджэгуэгъум
Тхьэ лъапIэм дакIэлъихьыж!
Алыхь-Алыхь, дыжылэкIуэдт,
къытхэкIуадэр шаhиды нахуэ<щ>!

IX

Къэрымуэ фоч фIыцIэ дахэм
гыныпсыр къызэлъебгъэжщ,
Есэнейуэ жэрымкIэ зи хьэдэ къезыгъэхьыжыр
НартыжькIэ фи Хьэжы цIыкIу<щ>.
Дунеижьым дэ дыщытетым
ХьэжыфIым дэ дакъыдэтхъэрт, –
Ахърэтыр зэдэдитхъэгъуэщ.

X

«Сэ сыт папщIэкIэ зыхэзгъэнрэ?» –
жеIэри къигъазэу зезыгъэукIыр
Шырыхъум фэ фи гуащэфIщ.
Къуажэпщэ джабэмкIэ дэ деплъмэ,
дыгъэр къыщопс,
КъуажэкIэмкIэ сыкъеплъыхыжмэ,
сабий хьэдэр фи псыхьэлъахуэщ.
Дэ дыжылэкIуэдщ,
къытхэкIуадэр шаhиды нахуэ<щ>.

XI

БлыпкъитIуэ иIэр фочышэкIэ парегъэуд,
Джатэ удынкIэ зигъэкIэрахъуэу
Зи щуIэгъэр яфIэзышэжыр
Алъэскырхэ фи Исмел цIыкIу<щ>, –
Жэнэтыр Тхьэм зритын!

1.2. РАЗОРЕНИЕ АУЛА

(Кабардинская версия)

I

Когда мы у Лабы славной жили,
путь до порога мы за полдня проходили [1],
Когда к гяурам проклятым пришли,
<теперь> мерин за нами не угонится.
Шапочки наши <в виде> золотого шлема,
на затылок сдвигая, с нас снимают,
Шелковые наши шаровары
носками сапог разрывают.
Эльмисхан сетует,
Хани Малая не может сдержать рыданий.
Усы его – шелк-сырец,
Шакалами окруженный, мечом себе путь
прокладывает, –
<это> добрый Жабаги Таов.

II

Нарукавник добротный делаем,
на солнце сверкать заставляем,
Московскую шапочку я шью
и кровавые слезы в нее проливаю
Наши слезы против воли нашей льются.
Эльмисхан сетует,
Хани Малая не может сдержать рыданий.
Империя – наш супротивник,
то, что с нами вершат, мы не заслужили,
То, что бесленеи нам сделали,
пусть не забудут те, кто останется после нас! [2]
Отец наш дворянин, и мы не жалуемся [3],
женщина смуглая косоглазая –
прислужница в ваших покоях.

Что же вы не ведали, карамурзовцы!
Тот, о ком мы ведаем, – <это> Крым-Гирей,
Докшоковых Крым-Гирей! [4]

III

Всю жизнь охочие до вина,
шогуровские [5] два пса борзых –
Селение нашего отца стало их жертвой.
Боже-Боже, мы селение погибающее,
кто с нами погибает, тот истинный шахид.
На рассвете под барабанный <бой> просыпаемся,
Те, что носят сапоги из свиной кожи,
со стороны горы выступают,
Ограду в конце селения грудью коня дружно сшибают,
Те, кто дружно в газавате участвовал,
в один день вместе спешиваются.

IV

Ахмета большого красный обрыв [6]
<эхом> на барабан откликаются,
Когда правители злобные нас окликают,
слезы кровавые мы проливаем.
Эльмисхан сетует,
Хани Малая не может сдержать рыданий.
Княгиням-сосношницам в тот день
третьим <именем> было – пешеходы [7].
Их повелители <князья>, от пуль спешившиеся,
в тот день на виду <у жен> смерть принимают.
Нам ли наряжаться, –
княгини пешие, не выводили бы нас <со двора>,
Были бы при нас наши повелители,
они бы, сражаясь, нас увели <отсюда>.
Мы селение погибающее,
кто с нами погибнет, тот истинный шахид.

V

Кабарды наездники добрые <все>
в Бешмакире вместе томятся,
Когда женщины в темнице томятся –
как это сердцу вынести!
«Мое золоченое ореджибовское ружье
и младшего из моих детей
Богу святому я вручаю!» [8]
Обрученную <дочь> Гошахурей
с оружием <наготове> кто уводит, –
<это> Шумахо Большой Шогенов.
Отец ее Шумахо Шогенов
всю жизнь не знал путей назад.
«У нас, женщин, не в обычае такое –
штыками нас принуждают», – сказав,
Разворачивается и смерть принимает
Шогеновых дочь Гошахурей.
Анатолийской ткани наши корсеты
штыками нам вспарывают.
Уоркские юноши их сняли бы с нас,
но до <брачной> ночи нам на это сроку не дают.
Сурьмой покрытые наши нагрудники
светлым шелком мы перевязываем,
Патроны [пули] <целыми> связками,
<словно> свежим снегом, нас усыпают.
Мусульмане, которые нас слышат,
Боже-Боже, мы селение погибающее,
в черную землю уткнувшись лицом, плачут,
кто вместе с нами погибнет, тот шахид истинный.

VI

Хани, моя сосношница,
на вид женщина смуглая худощавая,
Шелка желтого ее две косы
для гяуров проклятых – вожжи.

В высоком доме генерала
княгиней меня именуют,
<Но> когда к ночному сожителю меня ведут,
я <напрасно> к толмачу взываю.
В застекленное окно когда выгляну
юный княжич мне чудится.
<Но> когда к приготовленной постели подойду, –
там медведь-самец лохматый лежит!
Я привыкла ходить на котурнах,
<Но> когда я обхожу кровать с торца,
кровавыми слезами я истекаю.
Эльмисхан сетует,
Хани Малая рыданий не может сдержать.

VII

Тутуковых ваш Барак Малый,
за мужчину тебя я и не принимала.
<Надежной> крепостью кого я считала,
тот по Андругскому <склону> ушел, –
<это> Али Малый Каншаов!
Дочерей моих, деток двоих
от груди моей у меня отнимают.
В день, когда с меня шелковые наряды сорвали,
дорога домой пусть кровью окропится.
Когда в доме большом <желанном> мы жили,
две золотые ленты <муж> не перепутывал,
Когда же мы стали игрушкой гяуров проклятых,
<доблестного> мужа того я уж не вижу.
Повернись же сюда, огненноусый,
которого Гура-красавица больше не видит!
Шелковый мой кафтан
штыком с меня снимают,
Если бы я не потеряла сознание,
где бы ты меня потом нашел!

VIII

Тот, у кого золотые усы,
землю черную обретает.
Те, кто женами нас обретает,
это драгуноусые.
С теми, у кого золотые усы,
мы на шелковой постели игрались,
Начальник, который играючи, солдат <гоняет>,
в <темной> комнате с нами играется.
К тем, с кем гурии-девы играются,
Бог святой пусть нас унесет!
Боже-Боже, мы селение погибающее,
те, кто гибнет с нами, шахиды истинные!

IX

Крымское ружье черное красивое
с порохом жидкость ты заставил извергнуть.
Тот, чье тело приносят на быстроногом
Есанейском <коне>, – <это> Нартыжевых
ваш Хаджи Малый.
Когда мы жили на <этом> свете,
мы с добрым Хаджи благоденствовали,
Тот свет – место нашего с ним благоденствия!

X

«Почему же я должна остаться?» –
сказав, кто поворачивается и смерть принимает, –
<это> Шаруховых ваша гуаша благородная.
Вверх по селению на склон когда посмотрим,
там солнце сияет.
Вниз по селению <на реку> когда посмотрим,
детские трупы по реке плывут.
Мы селение погибающее,
кто с нами погибает, тот шахид истинный.

XI

Оба предплечья свои ружейными пулями дает перебить,
Саблей наносит удары, вертясь,
Кто свою супругу отнимает <у солдат>, –
<это> Исмел Малый Атласкиров,
Пусть Бог ему дарует рай!

[1] Женщины знатного рода ходили на высоких деревянных котурнах мерно и величаво: здесь это свойство гиперболизировано.

[2] Отряд царских войск, напавший на аул, тайно прошел через земли бесленеевцев. Здесь – упрек бесленеевцам, которые не заметили или не захотели заметить этого и не предупредили.

[3] Дворянский этикет предписывал стоически переносить все невзгоды, не жалуясь и не теряя присутствия духа.

[4] Согласно имеющимся сведениям, Крым-Гирей Докшоков, служивший в русской армии, накануне пробрался в аул Карамурзина и предупредил о нападении. Но ему не поверили.

[5] *Шогуров* – фамилия лазутчика, который разведал и доложил русскому отряду правду о состоянии аула. По тексту не совсем понятно, почему называются «два пса», но оказывается, что в царском отряде служили два брата Шогуровых.

[6] Селение располагалось под Ахмет-горой.

[7] Женщины княжеского звания не ходили пешком на значительные расстояния, для них имелись специальные повозки. «Пешеходы» – здесь знак их униженного положения.

[8] Один из героев войны, погибший в этом сражении, Шумахо Шогенов, чтобы спасти хотя бы малолетнего сына, привязал его к ружью и спустил с горы в речку, – так гласит предание. Ему самому и его дочери Гошахурей спастись не удалось.

Песня посвящена одной из операций царских войск – уничтожению в апреле 1825 г. богатого селения кабардинского князя Али Карамурзина в верховьях р. Лабы. Отряд под командованием Ф. Бековича-Черкасского, природного кабардинца, находящегося на службе у царя, пробрался к селению незамеченным, миновав земли бесленеевцев, и на рассвете напал на мирно спавшее село. Жители были большей частью перебиты, остальные же – уведены в плен. Среди последних оказались две жены Али Карамурзина – Эльмесхан и Хани-Псуго, имена которых упоминаются в песне рефреном. Их сделали наложницами офицеров царской армии – *Ред.*

1.3. БЕСЛЪЭН И КЪУЭ АСЛЪЭНДЖЭРИЙ И УЭРЭД

**Пщы зи хьэдэгъуэм зы уэркъ гущэр дыхэмыхутэт,
Пщымахуэ гущэр дыхэхута щхьэкIэ,
ЛIыукIым я зэпэбашщ.
Си анэ гущэм къыздилъху<а>р зэрызимыIэ,
Мэhэмэт сиIэ щхьэкIэ, зэрыщIалащэ,
Куржыпсы кIуэцIым уардэ унэр къыщызогъэщI,
Уардэ гущэуэ сэ си сэрейм зекIуэлIхэм зыщаукIыж,
Хьэжыхъан гущэм зиукIыжын щхьэкIэ
Ди хэку мыгъуэм щымыхабзэххэт.
Данэ гущэр си гущхьэуэ
Уэркъ щауэ гущэм сыкъамышэрэт.
Сагъышыр си уэредадэу азэтитI мыгъуэм сыдашыж,
АтIэ мыгъуэ Даурхьэблэшхуэр унэщхьэпыхьэт,
КъахэпыхьыкIыр ДауркIэ ХьэпащIэ нэфт.
Дыжьын гущэу си фоч кIэщIитIыр махуае гущэм си
дзыхьщIэгъут,
Уэркъ дзыхьщIэгъухэр пщы щауэм иремыщIыж!
Уэ, Маргъущ Умар гущэр си зекIуэ гъусэщ[т-?],
ХьэпащIэ гущэр уэ уигъусамэ,
зы фоч гущэр пхуигъэуэжынт.**

1.3. ПЕСНЯ ОБ АСЛАН-ГИРЕЕ БЕСЛАНОВЕ

(Кабардинская версия)

**При гибели князя ни одного из уорков рядом
не оказалось,
Оказался рядом Пшимахо,**

**Но и он был лишь присошкой для стрелявших [1].
Почему же нет со мной моего единоутробного...
Есть Магомет, но он слишком юн,
В долине Куржипса большой дом я построил,
Большой двор мой – место, где
<славные> наездники <по мне> убиваются.
Хажихан хотела бы убить себя,
Но в нашем краю нет такого обычая
На повозке, шелком крытой,
Лучше бы меня уоркские юноши
не приводили <в это дом>.
Плач по убитому мне вместо свадебной песни –
так меня два азата под руки домой ведут,
Дауровское село большое все рыдает,
А громче всех рыдает Хапача Дауров Косой.
Серебряные мои два пистолета
в черный день были надежной опорой,
Наперед княжичи молодые
на уорков пусть не надеются!
О, Умар Маргушев был моим спутником в наездах,
Будь с тобой Хапача,
он бы хоть один выстрел из ружья сделал.**

[1] Один из универсальных мотивов: тела погибших использовались в качестве опоры (присошки) при стрельбе. Это указание на жестокость битвы.

Герой песни – личность реальная, это один из известных представителей антиколониального движения, о котором упоминали и русские авторы. – *Ред.*

9. Пѣсня объ Асланъ-гиреѣ Беслановѣ.

Пçы зі-ћäде-ҕом [1]) зы-уорk-гуçер ды-ха-мы-
Княземъ чья трупа очередь съ (ни) одного дворянина жалкаго вмѣстѣ они не

хутет;
убили;

Пçымахо-гуçер ды-хахутā-çћäке,
Пшимахо жалкаго вмѣстѣ они убили хотя,

ӝы-һукым jа-зеӥебап-ç—
Мужа убивающимъ ихъ подпорка къ ружью есть —

— „Сj-ане-гуçем кы-з-ді-ӝхур зе-ры-зі-мы-'а;
— „Моей матерью жалкой рожденнаго (съ) собою его я не имѣю;

Маћомет сі-'а-çћäке зе-ры-çеlа-çе [2]).
Магомета я имѣю хотя собою онъ молодъ слишкомъ.

Куржыпсы [3]) коцым уарде-һунер кы-çе-зо-ҕä-ç;
Куржипсѣ въ по долинѣ каменный домъ тамъ его я заставляю дѣлать;

Уарде-гуçо-сесі-сäрäім зеіко-ӝхем зы-ça-һукыз;
Каменныхъ жалкихъ моихъ стѣнахъ въ ходячіе мужи себя тамъ опи убиваютъ

снова;

Ћäжыхан-гуçем зы-һукызын-çћäке [4]),
Хажихань жалкая себя убила бы снова хотя,

Ді-хекў-мыҕом çы-мы-хабзе-хе-т“.—
Въ нашемъ краѣ несчастномъ тамъ не обычай вовсе былъ“.—

— „Дане-гуçер сі-гу-çћао
— „Шелкъ жалкій моей арбы голова какъ

Уорk-çао-гуçем сы-kа-мы-ше-ре-т,
Дворяне молодые жалкіе меня не привезли же,

Саҕысыр сі-оh-рідадо азеты-т-мы-
Плачевныя пѣсни (поя) моей свадебной пѣсныо вольноотпущенника два не-

ҕом сы-да-шеіз“.—
счастныхъ меня уводятъ снова“.—

Һате мыҕо Даһур ћабlе-шхор һуне-çћа пыћат;
Ой да несчастный, Дауровскій околотокъ по сакли головы рыданіе было;

Ка-хе-пыћыкыр Даһурке Ћäпеçе неф-т.—
Больше всѣхъ рыдающій Дауровъ Хапаша косой былъ.—

Фрагмент публикации адыгской народной песни в 25-м выпуске «Сборника для описания местностей и племён Кавказа». Тифлис, 1898. Отдел 3. С. 49.

1.4. АДЖДЖЭРИЙ И КЪУЭ КУШЫКУПЩ И УЭРЭД

Данагъуэр зи пащIэкIитI мыгъуэр
щIы фIыцIэжьым къырагъэзэгъщ,
ДанапIэм хэмызэгъэж гуащэ гущэу[р]
КъумпIылхъанийщ.
Уэркъ гущэр зэхыхьэмэ,
и закъуэу хъунщIэр къафIещI,
ХъунщIэ гущэр зыщIыгъэ шум
зыхуэдэр хамылъэгъуэж.
Ин гущэуэ домбей пашэр
бжа[ы]пэкIэ тхухэзыгъащIэ,
ЦIыхушхуэ гущэм зэфIагъэщIагъуэу,
утыку гущэм хъунщIэр къыщещI.
ЩIым и пIалъэ гущэ зыщамыщIэжым
шу гупыр къыщызэрешэ,
Шуудзэм зырамыкужым
и закъуэ хъунщIэр къыщещI.
Бэщмакъырым и щIылъэ пшагъуэр
пщы щауэм и шэтырыщхьэт,
Аспэжырым и гущхьэ щхъуантIэр
шы лъабжьэм хезыгъэутэ.
ПащIэ гущэхэр зыгъэкIым[р-?]
щхьэцыкIэм зэдыхэбгъэIэщ,
Фоч дакъэм щызэдеIэжкIэ
зы шу мыгъуэр зыпамыщIыж.
Езы гущэр пэщабэгъуазэт,
Пщы гъуазэ гущэм дигъэунэхъут.

**Щэбарт гущэуэ бгыплъым
пхъэр шу гущэхэр шыбгъэкIэ щедз,
Сэшхуэжь гущэу хьэщхъуэрыIуэдзэр
къэзакъыщхьэ гущэм къыIуезыгъагуэ,
Гулыгъуэ мыгъуэм и топыгъауэр
шы лъабжьэм хезыгъэутэ,
Къуян псыбланэр
купецыжьым къысхутезых.
Хьэдрыхэ гущэм сыбдыщIыхьэнт,
Сэ си псэ гущэр схуIумыхыжт!
Сэфралыкъуэр зытес шы къарэр[м-?]
уафэ вагъуэм зыхырегъадзэ,
Дыжьын гущэр зи бгъэгурыдзэр
емыкIу лъагъуэм щыбгъэһэщыкъщ.
Шы бзаджэ шу мыгъуэхэр
банэм зэдыхохьэж,
Бэчбий гущэкIэ кIэрыхьэжам
нэлат и махуэщ!
Сэ гущэ<м> си уэсиятыр
жамботей мыгъуэм къызэрагъакIуэ,
Си зекIуэшыжьыр
Бещтоупс мыгъуэм къыхэвгъэплъэж!
Нэгъуей гущэм я соку гъуэмылэр
Жолыжь мыгъуэм къытыребгъанэщ,
Трамэр уанэзэтелъуэ
ЕдыджыфI мыгъуэм къыфIимышатэрэт.
Уэ ди Дандырытхъуэжьыр
Жамборэм къытхузэрешэ,
Тау гущэм я ЖэбагъыфIыр
хэт мыгъуэм зэришэжын!
Уэ къуралеигъуэм
кIэбдзкIэ зыресэ,
Быргъусант гущэм и къэзакъ тетым
сэшхуэ гущэкIэ укъысхуемыуэтэрэ!
Мэзагъуэ гущэр къэсмэ
<зи> зекIуапIэр зи гупсысэгъуэ:
Данагъуэ мыгъуэр зи пащIэкIитIыр
дэнэ мыгъуэм укъисхыжын!**

Уэ си анэш егъур
Iуащхьэ къуагъ мыгъуэм фыкъысхукъоплъ,
Къахьырмэным дыкъилъэгъуащ <и>,
уэркъыхэмэ иреIуэтэж!
Данагъуэ мыгъуэр зи пащIэкIитIыр
Уарпыжь мыгъуэм къыдопсыхэж,
Уэркъ шу гущэр щемыпсыхыжыр
сэ гущэм си хуэрзэ унэщ.
Дзэпщыжь гущэм и абжьэм
сэ си нэр тызогъэзашэ,
Уэркъ гуп гущэр къызэрыкъуэшмэ,
дыщэ шу мыгъуэр хэзмылъэгъуэж.
Банокъуэ сэтх мыгъуэм лъагъуэр хебгъэшщ,
Тогъуузлоу гущэм и шыхъуэр
къуэрагъкIэ языгъэгуэш,
Шухэр щышэскIэ шу джакIуэр зыкIэлъагъакIуэ,
Пхъэрышхуэр къыщыткIэлъыкIуэкIэ
былымыр кытхухэзых.

1.4. ПЕСНЯ О КНЯЗЕ КУЧУКЕ АДЖИГИРЕЕВЕ

(Кабардинская версия)

Того, кто носит желтошелковые усы
с черной землей недоброй примирили,
Та, кто с шелковой постелью примириться не может, –
<это> княгиня Кумпыльхани.
Когда наездники съезжались,
он в одиночестве устраивал набег,
Среди всадников, устраивающих набеги,
<нынче> подобного ему не находится.
Огромного зубра – вожака навершием копья
поражающий,
Огромному <числу> людей на удивление
прилюдно он набег <дерзкий> устраивает.
Где не помнят о том, как землю обрабатывать,
<своих> всадников партию он водит,

**Где всадников войско робеет,
в одиночку он набег устраивает.
Над Башмакыром стелющийся туман
для юного князя покровом шатра служит,
Ямщицкой повозки покров он лошадиными
копытами топтать заставлял.
Того, кто усы отращивает,
ты заставил за волосы на голове схватиться.
Когда за ружья хватались,
всадников равных тебе не было.
Был он предводителем имеющих тонкое чутье.
Князь-предводитель, он нас осиротил.
С красной вершины Шабарта
он грудью коня преследователей сбрасывал,
Шашку, лютую как бешеный пес,
затуплял о казачьи головы,
Пушкаря с Куркулая копытами коня
заставлял растоптать,
Куянского бобра у купца жадного отбирал.
<Я> пошла бы с тобой вместе на тот свет.
Да не могу сама себя жизни лишить!
Сафрала сын своего вороного направляет
к небесным <сияющим> звездам.
Ту, у которой на груди серебро сияет,
на тропе неприличия ты заставлял в себя влюбиться.
Всадники на норовистых лошадях
один за другим в колючие кустарники уходят,
Тем, кто ушел в сторону Бекбия,
проклятие стало уделом.
То, что я завещал, жамботеевцы блюдут,
Моему коню походному дайте в бештоевскую воду
всмотреться!
Ногайцев заставивший оставить свою провизию
на дороге,
Не приводил бы <он> трамовской <породы>
коня под седлом вопреки воле Эдыга Доброго.
Дандыревской породы буланого коня доброго
<он> водит нам напоказ.**

Кто же теперь будет водить <в походы>
Жабаги славного <из рода> Тау.
О, рыжий конь <породы> Куралай на дыбы поднимается.
Не поднимал бы ты на казачьего начальника
из Быргусанта.
С полнолунием ты отправлялся в долгий путь
(букв: местом твоих размышлений была дорога. – *Ред*.):
Носящий желтошелковые усы,
где же я тебя теперь найду!
О, моя враждебная родня по матери,
вы из-за кургана меня выслеживаете,
Кахирман нас видела, – если она
из достойных уорков, то правду пусть расскажет!
Носящий желтошелковые усы
в долине Урупа с коня спешивается [1].
Дом, где уоркские всадники больше не спешиваются, –
<это> мой фарзинский [2] дом.
Глядя на ворота воинского предводителя,
я утомила свои глаза,
Когда компания уорков показывается,
золотого всадника среди них я не вижу.
По гребню <лощины> Баноко ты тропу провел.
Тогузлоевского табунщика
ты шестом <добычу> делить заставил.
Когда всадники собираются,
к тебе всадника <с приглашением> посылают,
Когда <же> большая погоня за нами пустится,
добычу ты спасаешь.

[1] *Спешиваться* – иносказательное обозначение гибели наездника.
[2] *Фарзинский* – стоящий на реке Фарз.

Герой песни – князь Кучук Аджигиреев – историческая и легендарная личность, один из активных участников антиколониальной борьбы на Кавказе, часто упоминаемый в литературе о Кавказской войне. С ним в адыгском фольклоре связан также целый цикл преданий. – *Ред.*

1.5. КЪАНОКЪУЭ АЙТЭЧ И УЭРЭД

Уэ, Аржы гущэуэ батэгъэ лъагэм
 къарэкъуэлэныр къыIуоху,
Пщы щауэ гущэр пащIэбзииплът,
Пщыхьэщхьэ пшэплъти къухьэжщ.
Беслъэней гущэм фи щIалэгъуалэм
 лъэрыгъынэхэр къызэдыщIаш,
Пщы щауэ закъуэу дэфшар
 Аржыныжь мыгъуэм къыIуанэжащ.
Уэ, сэ си нэ мыгъуэр зэтесхмэ,
 сэшхуэ къиха мыгъуэр сщхьэщытщ,
Уэркъ гуп гущэуэ сызыхэтар
 зэрыгъэлъэхъууэ мэкIуэж.
Ерыжыб гущэм и дахэр
 «атэлыкъщ» жызоIэри изот,
Шы нэф гущэр жэруэ естащи,
 жьэдэмыIэххэуэ мэкIуэж.
«Уэ, Езыгухэ я лъашэр щаукIым,
Хьэж-Къэнэмэт псым щикIыжым,
Мы Iуэхум сенэгуят», – жеIэри
 Гуащэнагъуэм къырегъэгъых.
«Сэ Айтэчым и унэм сыщисым,
 къэзакъ зэтесыр къысхуишэрт,
Бэлътэжьым и къуэм сыкъыщишэжым,
Къэрабгъэ джанэр сигъэдщ.
Къэрабгъэ джанэр Лъахъэдыгъухэ я унэм щыребз,
Езыгухэ я унэм щыред,
Лахъу Бэракъ и унэм щевдзыж!»

**Пщы щауэ мыгъуэм и къыщынэкIэм
Псыщхьэ пщащэхэр рогусэ,
Езыгухэ я нысэми я щхьэкIуэщ.
«Сэ шы-Iэщэ къабзэр симыIэ щхьэкIэ,
Си жыр лэныстэр сиIэжтэмэ,
Сэ пщы хьэдэр къыщызнэхэнтэкъым», – жеIэри
Гуащэнагъуэр мэтхьэусыхэ,
ГуащитI мыгъуэр пылыпкъыIэщхьэт,
Тэхъуанэм щхьэкIэ зыредз,
Фыз хьэдагъэм къахуимыдзыжыр
Лахъу гущэм я Бэракъыжь<щ>.
Беслъэнейм фи щIалэгъуалэм
Хьэдэ къыщынэр я хабзэщ,
КIэмыргуейм ямыхабзэххэу
Тхьэщаукъуэжьым къиублэщ.
Зи гъащIэ гущэкIэ шагъдий зэблэхъур
Мыжьыкъ алащэкIэ къахъуэжщ!**

1.5. ПЕСНЯ ОБ АЙТЕКЕ КАНОКОВЕ

(Кабардинская версия)

**О, из высокой ограды на Аржи
черных коней ты выгонял,
Юный княжич был огненноусым,
Вечерней заре <подобен был>, и закатился.
Бесленеевская ваша молодежь
стремена накось заводит.
Юного княжича, которого увели с собой,
<спутники> у Аржи проклятого оставили.
О, глаза свои открою –
надо мной стоят с обнаженными шашками.
Уоркская компания, в которой я состоял,
обгоняя один другого, удаляется.
Эрджибское ружье красивое
с почтением аталыку я отдаю,
Коня быстроногого одноглазого я подарил,
а на нем он, не дергая за узду, уезжает.**

«О, когда Езуговых Колченогого убили,
Когда Хаджи-Канамет за реку ушел,
Я это горе предвидела», – говоря,
Гошенаго слез не может сдержать.
«Когда я жила в доме Айтека,
он приводил казаков на конях,
А когда Балты старого сын меня к себе взял,
Он принудил меня кроить сорочку труса.
Сорочку труса <она> кроит в доме Лахадуговых,
Шьет в доме Езуговых,
<А> повесьте <ее> в доме Барака Лахова!»
Потому, что юного княжича <тело> оставили
<на поле битвы>
Девушки, живущие вверх по реке, печалятся,
К невестке Езуговых с соболезнованиями приходят.
«Пусть у меня и нет коня и оружия боевого,
Будь у меня <хоть> мои стальные ножницы,
Я княжеского трупа не оставила бы», – говоря,
Гошенаго сетует.
Княгини две <могли бы родить богатырей>
со слоновьим станом,
Но, <увы, они плачут>,
ударяясь головой о стену дома...
Из среды плачущих женщин вытолкнуть не могут
Лахова Барака противного.
У бесленеевской вашей молодежи
Оставлять <на поле> трупы <своих погибших>
было в обычае.
Но то, что не было в обычае у темиргоевцев,
Тхашауко противный завел.
Того, кто при жизни менял одного шагди на другого [1],
<Теперь> за беспородного лошака выменяли!

[1] Указание на то, что в сражениях под ним часто убивали коней, и он пересаживался на другого.

1.6. ЖЬЫУБГЪУ ЗАУ

ТIопсапэ гущэм щыблэр щэгъуагъо,
Жьыубгъупэ мыгъом лъыпсыр щагъажь,
Бибердыкъо мыгъом шъуи-Мыхьамэт
Топ пашIэ гущэм къыщэкIэрахъу,
Къэзакъ сотнэ мыгъор къекIэрэхъохь...
О пщыпхъу мыгъор[у] Хьабибэ-дахэр
Шэщы щысы мыгъом къырегъэзэщ...
ШIэпщэ ныш мыгъор пщэдыжьым зэбгыращыжь.

1.6. БИТВА ПОД ДЖУБГОЙ *

(Абадзехская версия)

В устье Туапсе щибле ревет,
В <верховьях> Джубги кровь рекою проливают,
Бибердовых ваш Магомет
Возле жерла пушки вертится,
Казачью сотню вертеться заставляет...
Твою сестру Хабибу-красавицу
Ночное бдение утомляет... [1]
Жертву, заготовленную для чапща,
утром <как поминальное мясо> развозят [2].

---

* Песня в публикации П. Тамбиева имеет пометку «абадзехская»; однако в тексте фонетические элементы даны вперемежку с кабардинскими.

[1] Имеется в виду долгое безотлучное сидение у постели раненого.

[2] *Жертва для чапща* – угощение для молодежи, которая собиралась на ритуальные игры (чапщ), функцией которых было отвлечь раненого от переживаний и отогнать от него злые силы. Вместо угощения мясо стало поминальной пищей.

Текст представляет собой вариант песни о популярном герое антиколониальной борьбы Магомете Коджебердуке. – *Ред.*

1.7. АНЭПЭ КЪАЛЭ ИТЕУ

ПкӀэгъолэ цӀыкӀум зегъэчэрэз,
Бэушъэ ямэзым дзэшхор щызэӀокӀ.
ДзитӀоу зэӀукӀагъэм къэлитӀур ятӀасхъ,
«Остыгъаер тӀасхъ» аӀошъы мэкъэшхор зэлъашъ,
Нэфышъагъом топым къалэр къегъэгырз.
Зы гын гъозым машӀор зэлъыкӀан,
«МашӀор кӀан» еӀошъы Хьэкъарэр мэкуу,
Чэмышъо Хьапыхъум щэмэджыр егъабз,
Тхьэркъожъ бжьыхьым хэлъым джэнэтыр егъот.
Зиунэ зыгъотыжьыгъэм Алахьэр яӀаз,
«Ӏэзабэр щыӀа» еӀошъы Ӏуагъэр егъэщ,
Хьэдабэр зыдыщышъугъэр Быгъур ихьандэч.

1.7. ОТГОЛОСКИ ШТУРМА КРЕПОСТИ АНАПЫ

(Бжедугская версия)

Белый конек маленький кружится,
В лесу Боус <два> войска большие сходятся.
У двух войск встретившихся намерение –
две крепости разрушить,
<Чтобы посеять панику> стали бить по соснам,
создавая большой шум,
В предрассветную пору от пушек крепость стонет.
Вместе с пороховым дымом пламя разгорается,
«Пламя разгорается» крича, Хакара весть подает,

Ханух Чемсо сражается косой,
Лежащий у лопушиного плетня рай себе обретает,
Тому, кто <вечное> пристанище обрел,
Бог-врачеватель,
Полагаясь на множество врачевателей,
раны гноят,
Где много трупов сгнило – это Бугура лог.

В связи с плохим знанием западноадыгских диалектов собиратель записал текст с включением многих кабардинских элементов. Настоящий текст печатается по реконструкции, данной в кн. «МыкIосэрэ жъуагъохэр» (Мыекъуапэ, 1994. С. 215). – *Ред.*

1.8. АБАТЭ ЕПЦІЫЖЬЫГЪЭМ ИОРЭД

Абатэ гущэр къуапІэм йозашэ,
Къазиикъуэ гущэр жэнэтым яшащ.
И лъакъуэ лъэныкъур къыщІесэ,
Инэралым зыпэщІесэж.
Инэрал плъыжь мыгъуэм дохасэ,
Псыхъущхьэр хьэдэкІэ ебгъавэщ.
Инэрал гущэм кхъуэлыр къыдешх,
Нэтхъуокъуажэр щашхым шуупэт[р-?], –
ТамбиикъуэкІэ ЛІыкІэщІщ.
ПщІэгъуалэр шэкІэ ебгъэдщ,
Тхьэм и динымкІэ дыпхуэмыразщ.
Уэ, я шыжь гущэхэр инти къазыбгъэщ[т],
Зауэ гущэм бгъэкІэ зэдокІуэ, –
Нэтхъуокъуажэм фи щІалэгъуалэщ.
Я пщащэхэр дыщэ лэрыпст,
Я щауэхэр псэемыблэжт, –
Нэтхъуокъуажэм фи щІалэгъуалэщ.
Абатэ гущэм[хэ] урабыдзышэт.
Шы кхъаблэкІэ зырегъэшэж, –
Цей гущэкІэ З[Жь-?]ырытэджышхуэщ.

1.8. ИЗМЕНА АБАТОВА

(Шапсугская версия,
записанная на кабардинском диалекте)

Абата в уголке томится,
Казиюко же уведен в рай.

На одну ногу он хромает,
Против генерала выступать смеет.
С красным генералом вместе совещается...
Ты верховья Псыху трупами усеял,
С генералом <трапезничая,> свинину с ним ел,
А когда селение натухаевское разоряли,
был передовым всадником, –
<Это> Тамбиевых Тликеч!
Белого своего коня дал пулями изрешетить,
Но по Божьей вере мы не с тобой.
О, кони их были высокорослые и лебедегрудые,
В битву <они> грудью дружно шли, –
<Это> натухаевского селения ваши юноши.
Девушки у них – с золотыми ленточками,
Юноши у них с чистыми душами, –
<Это> натухаевского селения ваша молодежь!
С Абатой <он> пил одно грудное молоко,
<Но> удостоился быть привезенным
на конных носилках [1]
Цеевской фамилии Жиритег большой.

[1] *Конные носилки* – специальные сооружения для доставки погибших достойно в сражении.

Песня об одном из видных деятелей исторической Черкесии Бесленей Абате, герое одноименного очерка Султана Хан-Гирея (см.: «Кавказ». 1847. № 42–47). – *Ред.*

1.9. ЩЭРЭЛIОКЪУЭХЭ Я УЭРЭД

I

ЩэрэлIокъуэхэ зэкъуэзэшыбэщ,
Уэркъыбэми зэдапшыналъэщ.
«Быслъымэным игъуэджэ мэхъу!» – жаIэри
ЛIыхъубэм зэрагъэкъутэ.
Тамбыри щэхур АфыпскIэ фынырыдокIыр,
Убыным къыкIыгъэ дзэшхуэм
Топ гуиххэр дэ къытхуамышэрэт.
ЩежьэкIэ ублэр лIы ябгэм я афэ Iунэщ.
Уардэ унэм зыригъэзашэу щуIэгъэу
Гуащэсэхъу дахэр
ЩыхьэкIуейкIэ зыхуэлъынэпс,
Щыхьэрбичэ лъынэпсывагъуэ<щ>,
Махуэшхуэм зыхуэгупщысэр
ЩэрэлIокъуэу зэкъуэзэшыбэхэр<щ>.

II

ЩэрэлIокъуэхэр шу хъыжьэхи,
Чынтыдзэм шэр зэдыхадзэ,
Чынтыдзэм я фоч щыпауэр
Шэ уэфуэ зытырегъахэ,
Хьэдрыхэу лъагъуэншэ абжэм
Зэтесуэ яфIыщIыхьэжхэр
ЩэрэлIокъуэ зэкъуэзэшыбэхэ<щ>.

III

ХьэпащIэм я унэ щаум
Зауэшхуэр кыщызэхашэ,
Зэшиблым я шыпхъу кIасэу Хьэнифэ Псыгъуэр
И щэнкIэ елб<ы>русакъ<щ>,
и пкъыми лейр хэмылъ.
Щыхь гъэсам <и> бжьабэхэр хутрагъэз,
БзэмыIум зэфIагъэщIагъуэу
пщащэфIыр зэрыщIыкIафIэ.
ЖетIари зэрыхуэфащэ: вагъуэшхуэ нэкIур
Махуэшхуэм зыхуэгущыпхъуэр
ЩэрэлIокъуэ зэкъуэзэшыбэхэр<щ>.

IV

Яхэгурымэр лIы ябгэм къытхухегъауэ,
Чынтыдзэр къыщызэдеуэкIэ,
Лъэбакъуэр къахуэзымыдз.
Мы Къандзапэм бэчкъаныр щызщарегъэлI,
ЛIы ябгэм и лIэгъуэ махуэм
Уэ уи шыпхъуууэ Хьэнифэ-дахэр
Дыбы фащэр дыгъэм пэлыдуэ
ЩыхьэкIуейкIэ зыщарегъэдз.
Дыжьыныр зи бгъэгурыдзэр
ЩыгъуакIуэ<у> тхуэзыгъэтIыс,
ЩэрэлIокъуэр зэужьуэ лъынэпсывагъуэщ,
ШэрэлIокъуэм я вагъуэ закъуэу
Махуэшхуэм яхукъухьэжыр
ЩэрэлIокъуэ<м> фи Лъостэнбэч<щ>.

V

ЩэрэлIокъуэ Таумырзэкъаным
И фащэ<р> зыщарегъэдз,
Шаһид фащэкIэ зыригъэхуэпауэ
Махуэшхуэм къыдошэсыкI.

**Жэнэтым и хуры пщащэр
МэлэIичхэм зыхузэрашэ,
Фэрдаусым рашэлIэжахэр
ЩэрэлIокъуэу Таумырзэкъан<щ>.**

VI

**Фончауэр къыздыщымыуэм
Жанышэр къыщегъэгъуазэ,
Сэтей губгъуэр а махуэм ди къалэ тIуанщIэщ.
НысащIэр къызэдохъуапсэ.
Кафирым ямытэрэзыр
ШыбгъэкIэ къезыгъэкъутэ.
Къэнжалуэ шащхьэ къутахуэр
Зи афэбгъэм къыдезыгъанэ,
Дунейр къэзыужэгъу, ахърэтыр къэзыушэс,
Пащтыхьым и сэнжакъ щIагъым
Зи псэхэр къыщыхезыгъэх,
Уэ, уи адэу мы Лъостэналым
Фи ажалри къызэдынэсщ,
А махуэм къырагъэпсыхыр
ЩэрэлIокъуэ<у> фэ фи Шумахуэ<щ>.**

VII

**Махуэри нэсым, шыфIищыр зэкIэ<лъы>регъэлI,
ЛIы ябгэм хэтыр бгъурыхьэрэт?
И щхьэпкъым бдзапцIэшэр хэлъщ,
Щолэхъур къегъэлъэгыз,
Гузавэгъуэм дэ дипкъоушхуэ,
IуэхушхуэкIи улIыжэуапуэ
ЩэрэлIокъуэ<у> фи Мыхьэмэт.
МыдэкIэ мыкIуэжын зауэр
Мыхьэмэтым къытхузэхешэ,
Шэшэнуэ и пщIэгъуалэшхуэр
Топышхуэм къытхурегъалъэ,
Бз[и]иплъуэ нэбэжэкIашэр
Къаныдзэм тхухеунащIэ.**

9 Заказ № 246

НыбжьыщIэуэ Хьэбибэ-дахэр
Махуэшхуэм зыхуэлъынэпс,
Уи шыпхъуитIым лъэгуажьэлысыр
ЩыхьэкIуейкIэ къызэдырач.
ДыщэкIыуэ уи жыры джатэр
Зи къуентхъыуэ зыпезыгъэх,
Хур пщащэм я нэхъы дахэм
МэлэIичым рашэлIэжахэр
ЩэрэлIокъуэ<у> фи Мыхьэмэт<щ>.

VIII

Хырыщ хъанышыр
Шэрдакъым щыпхуаузэд.
Жэрыбэу къахэлыдыкIыр
Къаныдзэм щыщIазыгъэлI,
Iэдэжуэ уанэ хуэпар
Хэт мыгъуэм зэришэжын?
И хьэдэр дыгъэм пошэс,
Жыр джатэм лъыпсыр йожэх, –
ЩэрэлIокъуэу фи Темыржан.
МыдэкIэ шу хъыжьэщи,
Къаныдзэм шэр зэдыхедзэ,
Чынтыдзэм я фоч щыпауэр
Шэ уэфуэ зытырегъасэ.
Уардэ сэрейм пшэ фIыцIэр къытырагъэхьэ,
ЩэрэлIокъуэм къытлъихьэжынымкIэ
Нобэ кIэгъэтIылъыжщ.

IX

Хьэхъужьыр джатэпэрыжэщ,
Хьэжьынэр дэм<ы>жэхыжщ,
Езыхэр лъхукъуэщауэлIт,
Ди пщыфIхэр щыдимыIэжкIэ,
Сыт мыгъуэр дэ ди махуэж?
Я пщы къалэм къызэлъокIуэж.
Я фызхэр лъхукъуэщоупхъу<щ>,

**КъакIуэри къагуэувэжщ.
Я пщы кхъэхэм бдзантхьэ фIамыщIыр
Махуэшхуэм къыдырагъэх.
Хьэдрыхэуэ лъагъуэншэ абжэм
Зи пщым и ужьыр кIэщIуэ лъызыхухэр, –
Хьэхъужьрэ Хьэжьынэрэ<щ>.**

1.9. ШЕРАТЛУКОВ

(Шапсугская версия,
записанная на кабардинском диалекте)

I

**Шератлуковы – это много братьев и сыновей,
<Наша> песня – о многих уорках.
«Мусульмане притесняются», – сказав,
Многих мужественных <наездников> они поднимают.
Тайными тропами по Афипсу вы подниметесь,
Войско большое, прибывшее из Убины,
Да не привезло бы оно пушек, лишающих <нас> мужества.
Когда они отправляются в поход для суровых мужей главным было начало.
<По таким мужам> верны, жены, <подобные> красавице Гошесох,
В день печали слезы кровавые проливают,
О ком, кровавые слезы звездами <роняя>,
Шихарбике в день святой размышляет, –
<Это> Шератлуковых братья и сыновья.**

II

**Шератлуковы, наездники суровые,
В кинтское [1] войско стрелы дружно мечут,
Кинтского войска первый ружейный залп
Градом на себя принимают,
На тот свет, куда тропа нетореная,**

Ворота верхом на <боевых> конях кто открывает, –
<Это> Шератлуковых братья и сыновья.

III

На подворье у Хапачевых
Битву большую затевают,
Семи братьев сестра Ханифа Тонкостанная
Нравом благородная и станом без изъянов,
У оленя прирученного рога вытвистые удаляют,
Говорящие на чужом языке между собой
восхищаются благородным манерам
юной девицы.
Все о ней сказанное – ее достойно: звездоликая,
Она в день святой печалится
О Шератлуковых братьях и сыновьях.

IV

То, что рев издает [ружье] муж суровый разряжает,
Когда кинтское войско залпом стреляет,
Он <даже> шаг свой не ускоряет,
<Не уходя> от устья Кандза, он бечкановского
<коня> под собой теряет,
В день гибели сурового мужа
Его сестра Ханифа-красавица
Меняет свою сверкающую под солнцем одежду
на траурную.
Ту, у кого на груди серебро,
Печально сидеть заставляет
Шератлуковых кровавых слез созвездие,
Шератлуковых звезда единственная,
В святой день закатившаяся, –
<Это> Шератлуковых ваш Тлостанбек.

V

Шератлуковых Таумурзакан
Свой наряд заставляет сбросить,

**В наряд шахида одевшись,
В день святой он выезжает.
Тот, для кого райских гурий-девиц
ангелы выводят,
Тот, кого в кущи райские увели, –
<Это> Шератлуковых Таумурзакан.**

VI

**Там, где стрелок из ружья не <может> стрелять,
Он прилаживает стрелу <из лука>,
Равнина Сатея в то день нам <вместо> ограды двойной...
Невестки в них влюбляются...
То, что неверные не смогли укрепить,
Грудью коня он разрушает.
Железной стрелы обломок
Оставляющий в своей кольчуге,
Этот мир отвергающий и тот свет оседлывающий,
У подножия царского трона
Свой дух испускающий ...
К тебе и твоему отцу Тлостаналу
Одновременно смерть пришла,
Кто в тот день спешился, –
<Это> Шератлуковых ваш Шумахо.**

VII

**К концу дня под ним трех добрых коней убивают,
Кто же с <таким> суровым мужем стал рядом?
В головной кости у него свинцовая пуля застряла,
<А сам> шолоховского коня загоняет,
В день тревоги он наш опорный столб большой,
В деле большом он держит <смело> ответ, –
Ваш Магомет Шератлуков.
Битву, суровее которой не было,
Магомет здесь затевает,
На чеченском белом коне большом
Через большую пушку перемахивает,**

Меченые стрелы из тетивы <тугой>
В канское войско <все> выпускает.
На свете самая красивая –
<это> Хабиба-прекрасная,
В день святой по нему она кровавые
слезы проливает,
Его две сестры, услышав весть печальную,
Свои бедра изодрали <в плаче>.
Его меч булатный с золотой рукоятью
Боевой добычей <врагу> достается,
<А его же> самым красивым из дев-гурий
ангелы уводят, –
<Это> Шератлуковых ваш Магомет.

VIII

Ханскую дочь юную Хиршу
Для тебя на балконе наряжают.
Скакунов лучших множество
Под ним убивают,
<А теперь> коня под нарядным пустым седлом
Кто будет выводить?
Его труп с солнцем соперничает,
С <его> меча кровь ручьем стекает, –
<Это> Шератлуковых ваш Темиржан.
А тут – всадник суровый
В канское войско стрелы пускает,
Кинтского войска первый ружейный залп пули,
словно град, на себя принимает...
На неприступную крепостную стену
тучу черную наводят.
Для того, чтобы Шератлуковы к нам явились,
Сегодня последний день.

IX

Хахуж дородный с обнаженным мечом носится,
Хажина – с прямого пути не сходит.
Сами они из вольных крестьян:

«Когда мы утратили своих добрых повелителей,
Чего стоит <теперь> наша жизнь?» –
<С этими словами> к могилам своих
повелителей приходят они.
Их жены – дочери вольных крестьян –
Приходят и рядом с ними становятся.
С могил своих повелителей ритуальные уголья
В день святой огни извлекают.
На тот свет, где нет тропы, ворота
Вслед за своими повелителями,
не медля, открывают, –
<Это> Хахуж и Хажина.

[1] *Кинты* – мифическое племя завоевателей, от которых защищают свою землю герои в сказаниях древнего нартского эпоса. Здесь – иносказательное обозначение многочисленного и беспощадного войска завоевателей.

Песня посвящена представителям одной из шапсугских дворянских фамилий – Шератлуковым (Шеретлоковым), которая в конце XVIII в. была изгнана соплеменниками со своей родины; однако, судя по содержанию песни, потомки данного рода внесли свою лепту в борьбу с колонизаторами.

В источнике, из которого взят текст, допущены разные варианты написания этой фамилии; при перепечатке было признано целесообразным сохранить эту особенность. – *Ред.*

1.10. НАТЫХЪУАЕХЭР БОРЭКЪОГУПЧЭ ПЫТАПІЭМРЭ КЪОРКЪОЙКЪАЛЭРЭ ЗЭРАТЕУАГЪЭР

I

Тфыщэлъэ шыумэ «гъазэуат тшIэн» аIуи мэшэс,
Шыухэр зышэсырэм Хьаджэбирамыр ягъуаз,
Ягъозэ закъом зы хъункIэ дахэр дыраз,
ХъункIэр адэзышIыр шыу минитIоу къалъыт,
Къызытлъытэжьыпэрэм шыу пщIыкIутф нахь тимыкъу,
Нэкъоебг нэпкъым хыгу фыртынэр къычIэшъут,
Наурзэкъо псынэм щамбулыпэр рыдачъ,
Борэкъогупчэм ипчыкIэ лагъэр кIэкIыт,
КъызэхэрашIи хэIумбылыпэр къыуатIупщ,
ХъункIэр затIупщыкIэ Хьаджэбирамыр якъал.
Илиер хэлъэу Пцэшэ Долэр мэзау,
А мафэм разэуагъэмкIэ ШыблэкъуитIур пэблыпкъ,
Нартыпкъ хэлъэу Хытыку Болэт мэзечъ,
Ащ ичъэры псыгъор Къэрэчэгыи лъапэм щэчIэгъ.

II

Чъыгым чIэсы шъаомэ гъыбзэм идахэ<р> къыхадз,
Къэбарым кIэупчIэу Коблэкъокъэ Титу къыдэкI,
Къэбарыр къыхьынэу зы кIэлэ шыур къыIокI:
– Сыд къэбар? – еIуи кIэучI.
– Къэбар сшIэрэп, – реIожь.
– Къепсыхи, къэбар осIон:

— Непэрэ заомкIэ Хьаджэбирамыр я къал,
Долэр укIыгъэу, ХьагъукIэр уIагъэу къахьыжь!
— Укъэбархьыжьмэ ПкIэшъэIу Iуашъхьэ къалэм екIужь!
Ныожъэу дэплъагъорэм къэбар еIуат!
Къэбар зяпIуатэкIэ Долэм ышыпхъуитIумэ IэжэубытэрафэшI!
КъащэгъэкIитIумэ ялэгъунэпчъэр фэшIыжь!
IэшIагъэм идахэр ищэты, пашъхьэм щелъэгъу!

III

Къондзыгъупэм итопы шхъонтIэжъыр щэкъуркъу,
Къоркъойкъалэм итопы Iугъор гуих,
Пщэгъуаер тырихэу бжыхьапэ къэс тагъэст,
Стафэр тыупхъоу гъатхэр кьэсыжьмэ тэпсэу,
Тыпсэурэ тIэкIур псыхэдзэ цIыкIу-шъокIумэ ятIасхъ.
ТитIасхъэ лъыхъоу Быгъуры къумалыр къыдэкI,
Ар къызэрыдэкIэу КъужъэепсынакIэ лъыпсыми ибэр щагъачъ,
Ячъэры псыгъор ЧIэусэгъу лъапэм рагъалъ,
Зэпэмыплъэжьэу къэлэ хьандэчыр ахъункI,
АкIэмыхьажьырэр пхъэмбгъу къуампырэм радзых.

1.10. НАПАДЕНИЕ НАТУХАЙЦЕВ НА УКРЕПЛЕНИЕ БОРОХОГУПЧ И КУРКОЙ-КАЛЕ

(Натухаевская версия)

I

Тфишельские всадники на газават лошадей седлают,
Когда всадники лошадей седлают,
Хаджибирам – их предводитель,
Вместе с таким предводителем <даже> одному в набег можно пойти.
В набеге участвующих считают пять тысяч всадников,
<А> когда подсчитывают, оказывается, их не больше пятнадцати всадников!

**У <подножия> кручи Накоебг подобно буре выскакивают,
Вдоль ручья Наурзыко авангард атакующий несется,
По Барокогупчской долине крашеные пики пускают,
Сходятся <в битве> и передовую партию нападающих
выпускают,
Когда свободно в набег идут, Хаджибирам –
их <надежная> крепость [поддержка].
Сверх <ожидаемого> проявляя <мужество>,
Доль Пцаш сражается,
В тот день, сражаясь двое <из рода> Шибляу
соперничают между собой,
Нартской статью выделяясь, Болет Хитук
<в битве> носится,
Его тонкий быстроногий <конь>
у подножия Карачагия пулями усеян.**

II

**Под деревом сидящие юноши красивую гыбзу поют,
О новостях справиться Тету Коблуко выезжает,
С новостями один юноша конный возвращается:
– Какие новости? – спрашивает <Титу>.
– Не знаю новостей, – ответил <он> ему.
Сойдя <затем> с коня: Я тебе новость расскажу –
<сказал>:
– В сегодняшней битве Хаджибирам – <надежная>
крепость [поддержка],
Доль погиб, Хагука <же> раненым несут!
– Если ты вестник, то поезжай на курган
у крепости Пчешеу!Старухе, что там увидишь, свою
весть поведай!
Когда будешь рассказывать, к двум сестрам Доля
крепких <парней> приставь
<чтобы они их удержали>!
Двери в лагуны двух невесток-молодух прикрой [1]!
Красоту <их> рукоделий у края могилы увидь!**

III

В устье Кондзуга пушки зеленые грохочут,
Пушечный грохот в Куркойской крепости страшен,
Туманом злосчастным устилая,
каждую осень мы <ее> сжигаем,
В золе копаясь, вёсны встречая, живем,
Наше житье – это мелкие нападения
в поисках слабых мест.
Нашу слабость выявить анапский разведчик выезжает,
Как только он выезжает, у родника Кожае кровь
обильно проливается,
Быстроногих тонких <коней> пускают
через <препятствия> у подножья Чевсега,
Не ожидая друг друга, на крепостные рвы налетают,
Тех, кто за ними не угнался,
с дощатого моста сбрасывают.

[1] *Прикрывать дверь лагуны, здесь* – это ритуально-символическое оповещение о том, что мужчины, которые туда входили, то есть мужья двух невесток, погибли.

В связи с тем, что собиратель плохо владел западноадыгскими диалектами, мы печатаем реконструированный вариант того же текста из книги «МыкIосэрэ жъуагъохэр» (Мыекъуапэ. 1994. С. 166, 167). – *Ред.*

А. М. Гутов

ОБЩИЕ ЗАМЕЧАНИЯ

Все песни данного раздела были записаны известным адыгским просветителем Паго Тамбиевым (1873–1928). Будучи страстным любителем устного народного творчества, он записал и опубликовал столько образцов адыгского фольклора – песен, нартских сказаний, сказок, преданий, легенд, народной афористики, – что в этом с ним не может сравниться, пожалуй, ни один другой деятель национальной культуры адыгов XIX – начала XX вв. В юности он учился в Тифлисе, в Закавказской учительской семинарии (окончил в 1892 г.), где, судя по всему, пробудился в нем серьезный интерес к духовной культуре своего народа. В годы учебы он познакомился с удивительным человеком, истинным русским интеллигентом профессором Л. Г. Лопатинским, исполнявшим обязанности инспектора народного образования Кавказского учебного округа. Он и привлек молодого любознательного кабардинца к собирательской и исследовательской работе. Впоследствии П. Тамбиев окончил Рижский политехнический институт, работал инженером на нефтепромыслах в Баку, впоследствии жил то в Нальчике, то в Махачкале, то снова в Баку. Но любовь к фольклору и идеи просвещения пронес через всю свою жизнь. Он ездил по аулам, записывал огромное количество народных произведений, составлял и издавал грамматику и учебники для адыгских детей.

Его наставник, Л. Г. Лопатинский, сам собирал фольклор, писал статьи, посвященные культуре, языку, творчеству народов Кавказа, редактировал ставшее впоследствии знаменитым серийное издание «Сборник материалов для описания местностей и племен Кавказа» (СМОМПК). Всего было выпущено 44 прекрасно иллюстрированных тома, в которых даются самые разнообразные материалы о народах, населяющих край, о его самых отдаленных уголках. Во многих выпусках печатались и образцы

адыгского фольклора, большая часть которых была записана Паго Тамбиевым, нередко Талибом Кашежевым, тоже учеником Л. Лопатинского, а иногда и самим их учителем.

Один из выпусков СМОМПК, № 12, был целиком посвящен Кабарде. Это случай исключительный, потому что подобная практика была не в правилах редакции данного издания. В каждом номере публиковались статьи, исторические и этнографические очерки, фольклорные материалы, сообщения на самые разные темы и о самых разных этнических группах, населяющих Кавказ. Видимо, здесь сказался особый интерес главного редактора, который живо интересовался историей, языками и культурой адыгов, получил ученую степень доктора Лейпцигского университета за труд «Кабардинская грамматика со словарем».

В редакции СМОМПК сложились свои правила публикации фольклорных материалов. Они сводились к следующему: 1) записи текстов должны максимально соответствовать тому, как их сообщает информатор – вплоть до фиксации диалектных, просторечных или индивидуальных особенностей произношения; 2) под каждым словом строки оригинала следует писать его прямое значение на русском языке; 3) за текстом подобного рода давать связный литературный перевод (таким образом, текст переводился дважды); 4) все трудные для восприятия русским читателем слова и выражения комментировать; 5) давать краткую научную характеристику публикуемому материалу.

Последние, – так называемые «Заметки», и чаще всего писаные самим Л. Лопатинским, – представляли собой маленькие исследования.

Разумеется, с точки зрения современной науки и современного читателя переводы из СМОМПК трудно признать безупречными, они имеют свои недостатки, а иногда кажутся нелепыми. Особенно это касается т. н. подстрочников.

Так, например, последовательно переводя известный и очень популярный полисемантический аффикс -жь- только по его исходному значению «старый» публикаторы значительно сузили представление о значении многих слов, а иногда и всего текста. К одному из обстоятельств, на которое важно обратить внимание, относится и практика перевода несмыслонесущих, но эмоционально окрашенных слов наподобие «гущэ», «махуэ» и т. д. В обиходном языке они имеют прямое и полное значение, которое указывается переводчиком. Но дело в том, что в художественной структуре песни они утрачивают свою исходную семантику и функционально становятся ритмизирующими словами с невыраженным эмоциональным оттенком. Приведем для примера фрагмент из «Песни об Аслан-Гирее Бесланове».

Хьэжыхъан – гущэм зи-укIыжын – щхьэкIэ,
Хажихан жалкая себя убила бы снова хотя,

Ди хэку мыгъуэм щы-мы-хабзэ-хэ т.
В нашем крае несчастном там не обычай вовсе был.

Для носителя языка совершенно очевидно, что ни к **Хажихан** как к песенному персонажу, ни к слову «хэку» **(край)** неприменимы эпитеты «жалкая», «несчастный». В данном случае слова «гущэ» и «мыгъуэ» употреблены именно как огласовки, организующие ритм и в то же время создающие определенную эмоциональную установку. В русском языке полного семантического адеквата им нет. Наиболее близки к ним восклицания междометного характера с выражением сожаления.

В этом же фрагменте можно указать и на некоторые другие типичные несоответствия. Но их можно объяснить сугубо лингвистическими функциями буквального перевода, для чего и требуется указание прямого значения каждого аффикса. Помимо того, не следует забывать, что это были одни из первых попыток систематического перевода кабардинских связных текстов на русский язык.

При подготовке настоящей книги мы не сочли возможным сохранить особенности, которыми характеризуется первая публикация. Мы предлагаем новый перевод. При этом сохранены наиболее значительные особенности, зафиксированные в источнике и доступные восприятию широкого круга читателей в наше время.

За основу были взяты эдиционные принципы, разработанные нами ранее для издания «Фольклор адыгов в записях и публикациях XIX – начала XX вв.» (ФА); представленные здесь песни напечатаны в его второй книге (Нальчик, 1988).

Помимо того, мы посчитали необходимым сделать и новую транслитерацию – выписать текст песни на языке оригинала в максимальном приближении к современной орфографии, приближаясь к возможно полной прозрачности семантики текста, поскольку в записях более чем вековой давности остались и отдельные непонятные слова, и некоторые труднообъяснимые сочетания. Особенно сложны тексты, записанные у западных адыгов. Видимо, собиратель не владел всеми диалектами адыгского языка, и поэтому записи получились не всегда удачными. Однако надеемся, что новая транслитерация значительно облегчит эстетическое восприятие публикуемого материала.

Надеемся, также что допущенная нами вольность не вызовет нареканий, поскольку никаких других вторжений в текст мы не допускали, в необходимых случаях ограничиваясь комментариями.

ИЗ КНИГИ «КАБАРДИНСКИЙ ФОЛЬКЛОР»

2.1. РАЗОРЕНИЕ СЕЛЕНИЯ

Черкесское селение пши Карамурзы захвачено царскими войсками. Жены Карамурзы и его брата достались как добыча офицерам. Песня-плач плененных, угоняемых в глубь степей прикавказских. В их смятенных воплях прорываются воспоминания об отдельных моментах страшной ночи разорения (геройство одних, презренная трусость других, трагическое самоубийство подруги, героическое участие в битве женщины).

1

Как жили мы на старой Лабе,
Исхаживали за день полсакли [1],
А гяуры нас так погнали,
Что кони-алаше [2] не догонят.
Наши шапочки златотканные
На глаза нам сзади надвигают,
А шелковые шаровары
Разрывают носком сапогов.
Эльмесханы скорбит и тужит,
Маленькая Ханы [3] рыдает.
Красавец с усами, как шелк-сырец,
Врубался, – о горе! – в свору врагов саблей,
Храбрый Жабаги Таов [4].

2

Сшила я себе нарукавник [5],
Чтоб сверкал он в лучах солнца.

**Сшила я московскую шапку,
Чтоб ссыпать кровавые слезы.
Эльмесханы скорбит и тужит,
Маленькая Ханы рыдает.
Наш враг – целое царство,
Мы гибнем не по своей вине:
Погубили нас бесленеевцы [6].
Кто жив, пусть о том не забудет!
Наш отец уорк, не нам говорить,
А унаутке косой, чернявой [7].
Знаете ль вы, карамурзинцы?
Мы знаем – о горе! – это Крым-Гирей,
Дохшоков Крым-Гирей! [8]**

3

**Из-за пьяниц всю жизнь гулявших,
Когуровых, двух старых собак,
Отцовское село разорено дотла.
Аллах, Аллах, разорен народ!
Кто в бою погиб, тот шагид!
Разбудили нас рано барабаны,
На горе – гяуры в свиных чевяках,
Грудью коней плетни ломают.
Все, объявившие газават,
В один день попадали с седел.**

4

**От грохота их барабанов
Красная Ахмет-гора гудит.
Когда старшие их грозятся,
Льем мы кровавые слезы.
Эльмесханы скорбит и тужит,
Маленькая Ханы рыдает.
Гуаши, двух братьев жены,
Пешими шли под стражей.
Перед ними убили уали.**

Свалили их пулями наземь.
Если б живы они остались,
То, увидев гуашей пешими,
Они бы за нас заступились,
Выручили бы нас из плена.
Кто за народ погиб, тот – шагид!

5

Храбрый муж кабардинец
Томится в плену в Башмакире [9].
Сердцу больно видеть скованных женщин!
Бросился на верную гибель
Золотой наш Хаджи Нартыжев:
«Ружье мое с золотой насечкой.
Пусть сын мой самый младший
Будет у Бога аманатом!»
Просватанную Гошехурей
Бросился выручать из плена
Старший Шумахо Шогенов.
Отец твой, Шогенов Шумахо,
Не поворачивал коня от врага!
«Не в обычае у нас, чтоб женщин
Остриями штыков кололи!» –
Так сказав, бросилась на штыки
Дочь Шогеновых Гошехурей.
Сафьяновые каншибы
На груди у нас рвут штыками.
Снимать бы их юным уоркам
Урочной ночью брачной.
Красные стеганые петли
Сплетаем мы белым шелком [10].
Белым снегом сыплются пули.
Мусульмане, о нас услышав, о горе! –
Слезы роняют на черную землю.
Аллах, Аллах, разорен народ!
Кто в бою погиб, тот – шагид!

6

**Ханио [11], моя невестка,
Худая, чернявая с виду,
Ее желтые шелковые косы –
Поводья для старых гяуров.
В генеральском дому высоком
Величают меня «кынязь» [12].
Когда ведут меня на ночь в спальню,
То и там толмач мне нужен.
Как взгляну в стеклянные окна,
Все чудится мне пши молодой.
А подойду к белой постели,
Вижу лохматого медведя.
Всю жизнь ходила я на ходулях,
А теперь у ножек кровати
Кровавые слезы роняю.
Эльмесханы скорбит и тужит,
Маленькая Ханы рыдает.**

7

**Меньшой Тутуков Барака
Сражался храбрей, чем ждали.
А другой, кто был мне как крепость,
Укрылся в горах Андруга:
Это младший Али Коншаов.
Двух девочек-малолеток
От груди моей оторвали.
Лучше б мужу моему сгинуть
В тот день, как меня раздели!
Когда жили мы еще вместе,
Щеголял он тесьмой серебряной,
А когда нас брали гяуры,
В бою его не было видно.
Вернешься, трус рыжеусый,
Не вернешь ты красавицу Гуру!**

Шелк моего бешмета
В ошметки порвали штыками.
Если б не упала я без памяти,
Живой бы меня ты не видел.

8

Золотоусые храбрецы
Забросаны черной землею,
Нас же берут в наложницы
Усатые драгуны.
С красавцами золотоусыми
Тешились мы на постелях.
А теперь солдатский начальник
У печки тешится с нами.
Хуры в раю — их подруги,
Дорогой Тха, возьми нас к ним.
Аллах, Аллах, разорен народ!..
Кто в бою погиб, тот — шагид!

9

Кто часто выпихивал порох
Из крымского черного ружья,
Того привезли домой мертвым
На есановском [13] скакуне:
Это — младший Хаджи Нартыжев.
На старом свете прежде
Хорошо мы с Хаджи жили,
На том свете мы будем вместе!

10

«Что бежать мне от своей доли?» —
Так сказав, бросилась в сечу
Шырыхона, старая гуаша.
Глянешь на один конец селения —
Светит яркое солнце.

Взглянешь в другой конец селения –
Трупы детей лежат, как коряги.
Наше село разорено.
Кто в бою погиб, тот – шагид!

11

Не опуская простреленных рук,
Крутясь со своей острой саблей,
Отбил свою жену из плена
Меньшой Исмаил Атлескиров.
Да будет ему рай наградой!

[1] То есть «роскошествовали».

[2] В варианте «но подо мной алаше» (испорч. «лошадь»), т. е. русская (непородистая, плохая) лошадь.

[3] Согласно распространенному преданию, Эльмесхан и Хани Псыго (Хани Тонкостанная) являлись женами князя Али Карамурзина. После взятия села они стали наложницами. – *Ред*.

[4] Один из пытавшихся освободить.

[5] Особый покрой наряда гуаши, с длинными, до полу свисающими широкими рукавами.

[6] Речь идет о переходе бесленеевцев на сторону царя. Судя по сведениям русских авторов XIX в., бесленеевцы, скорее всего, повинны не столько в переходе на сторону царя, сколько в том, что не заметили передвижения через свою территорию вражеского отряда, который разорил селение. Однако факы, упомянутые в публикуемой статье В. Х. Кажарова, позволяют в этом сомневаться. – *Ред.*

[7] Уорк-хабзе.

[8] Неизвестна роль Дохшокова.

[9] На Ставрополье.

[10] Заложник, отдаваемый на особое сохранение (здесь – Аллаху, т. е. речь идет о смерти).

[11] Одна из пленных.

[12] «Князь» – «княгиня».

[13] Разновидность кабардинской породы лошадей. – *Ред.*

Определение «старые» является буквальным переводом аффикса -жь- в слове «джаурыжьхэр» (о семантике аффикса -жь- см. Предисловие А. М. Гутова). Но в данном контексте он содержит презрительный смысл и в сочетании с понятием «джаур» получает значение близкое к русским «проклятые», «поганые», «мерзкие», «ненавистные» и т. д. Ту

же смысловую нагрузку этот аффикс несет в словах «къэзакъыжьхэр», «сэлэтыжьхэр», часто встречающихся в песнях времен Кавказской войны. В 1936 г. составители сборника «Кабардинский фольклор», взяв за установку во всех случаях переводить явно полисемантический аффикс -жьы- только в автологическом значении «старый» (стилистически, конечно, более нейтральном, чем перечисленные выше определения), считались не столько с истиной, сколько с идеологией того времени, в частности, ложно понятыми принципами интернационализма. – *Ред.*

2.2. ЖАНДАР ПСЫГО [1]

**Кайтуковцы [2], чье имя – твердая земля,
Скрепленные клятвой на бой выходят.
На Гуме станица – место встречи,
А сроком намечено – завтра.
Дом Ахметековых – старый дом!
Два сына остались – не знают по-русски,
Не бывали в русской станице [3].
Сильней Буктетова Гарандуко
И Дигулюба, Камибия сына,
И старого Епа, сына Тутгери, –
Сын Ахметеко, Жандар.
Он белого жмет великана-коня подпругой,
Русских старых к сдаче нудит генералов.
Линяют казаки – что бараны весною:
Ой, рубака лихой, Жандар Псыго!
Если же в драке ты саблю сломаешь,
Молви лишь Тлепшу – без зависти он
Скует тебе чудодейную шашку.
Не режут стальные ножницы верной Сиримы [4].
Кто их снимает, – о мертвом тужит [5].
Щеки бледнеют твои, дочь Асея,
Ты от горьких вздохов устала:
Пустует обеденный стол героя.
Он белого жмет коня-великана подпругой,
В рощу возле могучего Терка въезжает.
Ой, и дела творятся на свете!
В лесах Карагача [6] он рыщет,**

На Гуме – поводырь на круп садится,
В густой росе пробивает тропу.
Вкруг него уорк-шао-тлыхусы – отца наследье:
Он в сильной тревоге их в путь отправляет.
К гирлам старого Гума бредут по взгорьям,
Не разбирают – пшеница ли, рожь ли – бредут.
Но возвращаются: это слепая дорога, –
Пулями старые их закидали казаки.
Старых солдат на подводах везите!
Линяют казаки – что бараны весною.
Ой, рубака лихой – Жандар Псыго!
Оой-оой, трирареш, оой-ой-ой, трирара!

[1] *Жандар Псыго (Жандар Тонкостанный)* – один из активных участников антиколониальной борьбы; в предании о нем выражены также социальные мотивы. В комментарии М. Е. Талпы гыбза о «Жандар Псыго» связывается с вторжением в Кабарду генерала де Медема в 1769 г. – *Ред*.

[2] Отряд Хамурзы Кайтукова. Это – герой песни, приведенной в XXV в. выпуске СМОМПК («Ночное нападение»): «Всю жизнь был он щедр, никогда не жалел того, что дарил. До старости был он в битвах. «Кто из вас готов погибнуть в борьбе с гяурами, – тот будет шагидом» – так ты ободрял отряды. У своего шалаша поставил ты пушку и так начинаешь ночное нападение».

[3] Сыновья еще малы, еще не могли быть в русской станице, не могли проявить себя.

[4] *Сирима,* дочь Асея – жена Жандара Псыго.

[5] В знак траура женщины снимают с пояса обычно носимые «стальные ножницы».

[6] У Куркужина.

2.3. ЦАРСКОЕ ЗАВОЕВАНИЕ

1

Царь настроил станиц-укреплений.
Из-за них у нас, что ни день, то тревога.
Храброе войско Хамырзы [1]
Собралось на краю селенья.
Внизу грохочут пушки,
Наверху плачут дети.
Младенцы у сосков матерей
Задыхаются в пушечном дыме.
Мальчиков, начавших ходить,
Бросают в темную яму.

2

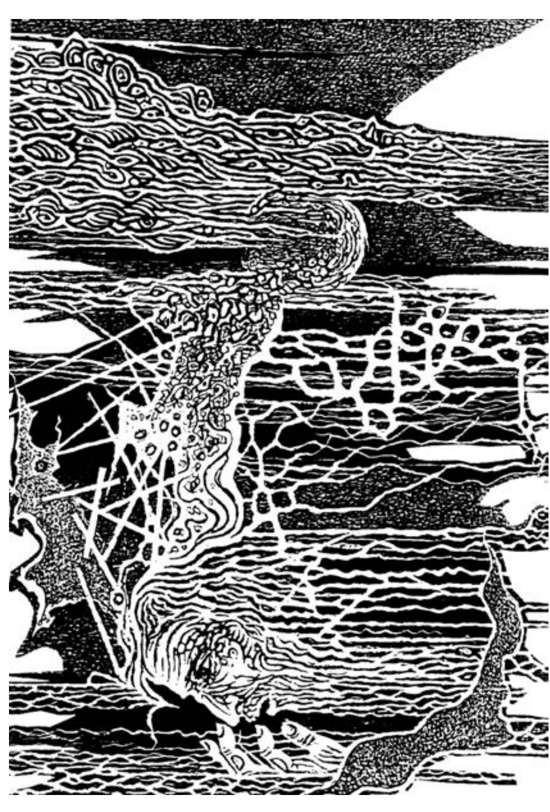
На этом свете мы храбро сражались,
Да войско за нами идет по пятам.
Большое войско в горы проходит.
Завалили мы дорогу-тропу.
Думали мы, что в горах безопасно,
Отправили наших слабых туда.
Макушки деревьев под нами посохли [2],
Покошены саблями наши друзья.
Корабли большие плывут по морю [3],
Привозят к нам ненавистное войско.
На берегу войска собираются
И выступают против нас.

[1] К а й т у к о в – имеется ввиду князь Хамурза, сын Асланбека Кайтукина, один из предводителей, возглавлявших выступление кабардинцев против царских войск в 1779 г. у крепости Марьинской. – *Ред.*

[2] Сторожевые стояли на верхушках деревьев и высматривали, не движется ли царское войско; оттого «макушки посохли».

[3] Царские войска подвозили по Черному морю.

В тексте песни, во второй ее части, налицо реминисценции с «Песней могучих нартов», одним из самых ранних произведений адыгского героико-исторического эпоса. Это и упоминание моря, из-за которого пригоняют корабли, переправляющие «ненавистное войско», и увод «наших слабых» в горы, где было безопаснее, и упоминание маневров войска на берегу. – *Ред.*



2.4. ПЕСНЯ О ГИРЦЫЖЕВЕ [1]

Зажег неистовый царский гнет
Нам сердца жаркие пламенем.
Вы взвили белые флаги,
Но в прах разбиты вы нами.

Гирцыжев длинным грозит ружьем,
Верховых жалит он пулями.
Каза́ков, пулей сраженных,
Хорунжих – не сосчитаешь.
Разбит Гирцыжевым был тогда
Весь отряд, войско Капланова [2].
И смерть пришла генералу,
А дочь в слезах утащили.

Войска царя обученные
Уж бегут, глянь, до Ставрополя.
А взятых в плен кабардинцев
Нам за три рубля вернули [3].

[1] *Гирцыжев* – Ала Гырцыж, один из активных борцов против царского завоевания, упоминается в русских документах.

[2] *Капланов* – какое-то искажение фамилии русского генерала. Известны в истории: Каплан, хан крымский, Капланов Ахметхан, племянник аксайского (кумыцкого) владельца.

[3] То есть отступили на север к Ставрополю и за бесценок возвратили пленных. Подобные случаи зарегистрированы в документах.

2.5. ЖАНКУДАТ

Казаки ворвались в селение, убили Пшимахо Битабурокова, пытавшегося отстоять свою невесту Жанкудат, а саму Жанкудат изнасиловали. Жанкудат, безмужняя вдова, поет свою гыбзу.

Золотую шапочку на глаза мне надвинули.
Шелковые мои шаровары
Носками сапог разорвали.
О женихе своем я убиваюсь:
Зарубили его у моих ног.
Без Пшимахо горька моя доля.
Андольская [1] каншиба узкая
Русскими штыками распорота.
Не снимет ее с меня мой шао,
Не дадут мне с ним брачной ночи.
Канкудес [2] горько жалуется,
Аркудат, убиваясь, плачет.
Хатукой [3] наш разорен дотла.
Убит Битабуроков Пшимахо!
Красные сафьяновые чевяки
Недошитыми я оставила.
Детей, пощаженных гяурами,
В пороховом дыму не видно.
Конь-хуаре – мои ходули
В засыпанной снегом траве потеряла [4].
Никогда я тебя не забуду.
Жених мой, Битабуроков Пшимахо!

[1] Анатолийская, турецкая.
[2] Имена подруг или сестер.
[3] Селение на левом притоке Кубани – Иле.
[4] То есть то, в чем меня привезли бы на свадьбу, как ненужное брошено. Это метафора «безмужней вдовы».

2.6. ГЫБЗА О ЖАМБОТЕ БЕШТОКОВЕ

Отряд, предводимый Бештоковым, разбит русскими. Оплакиваются виднейшие герои и воспеваются их подвиги.

Тот, кто шолоха сильного, — горе! — голосом гонит,
Кто, и упавши, ведет войну,
Чье старое, рябое ружье гремит,
Как шолох рыжий и пестрый,
С кем играют небесные хуры, —
Это Бештоков Жамбот:
Ему уже грезится рай.
Его встречают в чертоге Тха.
Смотрю на другого: пригнувшись
И крадучись, в крепость он входит.
Тавро на лице лежит,
Ружья уж нет за плечами.
«Кто же он?» — спросите вы.
— Мирзоева сын, Болет.

Еще течет по усам молоко,
Но под ливнем пуль сражается он,
Хоть не старше щенка годами.
Наезднику вслед из ружья стреляет,
Поросль усов рукою гладит,
По стальному клинку — ручейками кровь.
«Рода какого он?» — спросишь.
— По-кабардински зовут — Ахмед [1].

[1] Судя по другой записи, его фамилия Хорашев.

2.7. ГЫБЗА ОБ УВЖУКО

Увжуко погиб за Терком при набеге на «Линию», будучи ранен в ногу. Умирая, он повторял: «Добраться бы мне до Терка, я бы переплыл буйный Терк». Не подобранный никем, Увжуко умер, и тело его разложилось под кустом. Невеста неделями проливала слезы, а утешитель не вернулся.

В гыбзе оплакиваются и павшие в тот же день, когда Увжуко был ранен.

Слушаем в балке осенней и слышим пушечный гром.
Кругом, прислушавшись, шепчут:
– Лучшего уорка сыны полегли!
Шолохи старые [1] – горе! – грызут удила:
Тот, с кем играет уж райская хур, –
Это Кундетов, сын Магомета.

Шолохи старые – горе! – гремят удилами,
К мертвому мчат черноглазую деву:
Вот уж певучие речи читапа звучат:
Старую саблю рубить заставлял
Плешивого сын, Зекарей.

Ох, шолох старый – горе! – встает на дыбы,
С клинка стального – горе! – струится кровь
Сесика сына, Жамбота.
На поле битвы хоботы пушек тащат.
В защиту наших уорков бьемся.
Эх, седла ветхие – горе! – мы наземь сложили, [2]
Жизнь загубили свою! [3]

Кундетов, смотри, ваш мрачный дом
Рухнет под плач старух.
У дубовых столбов, у привязи конской,
Взошла – о горе! – крапива.
Щипцы от стрел за телом тащили.
Взлетела его душа в небеса:
Кто нас из сафьянных чевяк водою поил,
Остался – увы нам! – под ливнем пуль.
Но если мы трусу рубаху кроим[1]**,**
Без меры стальные ножницы режут:
Вы ножниц стальных предо мной не кладите,
А бросьте их в угол за дверью.

Мой верховой – о горе! – к невесте-гуаше
Скачи, расскажи всю правду.
«Того, кто принес бы нам срам, приняла бы
Лишь трупом на конском крупе!»
В нашей кунацкой большой
Сбираются юные уорки.
Эрижибу мы старую взяли с собой,[4)]
Мы Бога вседневно молили, –
Но на день лишь один к нам удача пришла!
Тот, кто зубы дробит своим сливовым суком,
Кому русские пули – что бусы молитвы,
У кого усы – о горе! – что шелк,
В камышовом болоте кто долго бился,
Злобно врага засыпая свинцом, –
Это младший сын Тотлостанов.

[1] Трусу преподносилось позорное одеяние (у Лопатинского часто идет речь о колпаке).

[1)] Вопреки очевидному смыслу, слово «щолэхъужьхэр» (о семантике аффикса *-жь-* см. Предисловие А. М. Гутова) переводится как «шолохи старые». Судя по контексту, аффикс *-жь-* означает «могучий», «сильный», «мощный» и т. д. Ясно, что «шолохи старые» не могут «грызть удила», а тем более вставать «на дыбы».

[2)] Здесь так же сделан буквальный перевод аффикса *-жь-*. Понятие «ветхости» применительно к воинскому снаряжению черкесского наездника не согласовывается с его великолепной экипировкой, хорошо

11 Заказ № 246

описанной в литературе и воспетой в песнях. А седло – важнейший элемент воинского снаряжения.

На «могучих», боевых конях – шолохах не могли быть «ветхие седла». Складывание их наземь здесь иносказательно означает гибель героев, и поэтому к слову «седла» в переводе более уместен эпитет величального характера, но не определения «ветхие». Конь без всадника и складываемые наземь седла создавали двойной образ смерти.

[3] Следующая за этим строка и вовсе не вписывается в традиционные представления адыгов о рыцарской доблести: «Эх... жизнь загубили свою». Здесь звучит жалоба, не характерная для адыгских историко-героических песен. В них доминирующими являются мотивы величания погибшего героя. Больше подходит перевод: «Жизнь отдаем мы свою» (Ди гъащIэр дот).

[4] Те же самые замечания относятся к строке: «Ерижибу мы старую взяли с собой». Словом «ерижиб» называется вид оружия, созданный в XVIII в. кабардинским оружейником Ерижибом. В тексте оригинала, по всей видимости, употреблено слово «Ержыбыжь», что примерно означает: «грозное, несущее смерть ружье», но никак не «старое». В этом же плане следует интерпретировать встречающееся в песне словосочетание «старая сабля». – *Ред*.

2.8. КАНОКОВ АЙТЕК

Бесленеевский герой. Был убит при одном набеге на «Линию», и тело его, в нарушение хабзе, было брошено в поле. Даже аталык не позаботился отдать долг погибшему. Мать-аталык сложила гыбзу своему кану. Сначала излагается событие, потом порицание бесленеевцам и хвала Канокову, далее – плач матери-аталык, наконец – проклятие по адресу труса-мужа.

Аржанеем-станицей [1] – о горе! – войска проходят.
С Аржанейской заставы гляжу я.
С Аржанейской заставы как погляжу я,
Жен предводителей вижу в смятенье.
Молодежь – соколы Бесленея –
Не берут пример с Тлежрикопша [2]:
Одинокого всадника в бой вы призвали
И бросили близ Аржанея-станицы.
У бесленеев в обычай вошло
В тот день – покидать убитых;
Завел с той поры небывалый обычай
Старый Тхешао, злосчастный сын [3].
Распахнула я створки злосчастные окон,
На Аржаней-станицу гляжу.
Проклятье тебе, Аржаней-станица!
Суровый герой там сгинул.
Того, кто из старого Каракулана [4]
С полкургана гнал супостата,
Того, кто, разумом светлый,

**Всю жизнь менял под собой хуаре, коней, злосчастный,
Того вы на «мужика» [5] теперь променяли!
У кого концы усов — что шелк,
Кого в камышах прибрежных губят,
Куда на водопой баранту гоняют,
К чьему отцу и селенью скачут,
Кто душу свою отдает, злосчастный,
Чье тело на шее коня отвозят, —
Кто будет этот герой?
Это сын Каноков, Айтек.
У Айтека усы — как пламя,
Он погас, злосчастный, вечерней зарей.
Тебя материнскою грудью я кормила, злосчастный [6],
И вот оставили тело твое во мху.
Невестка Езугова бранится
Убиваясь, плачет невестка
О том, как бросили прах героя,
Как Езуговы кана убили:
«Лахадугов, бредя через реку,
Подобрать злосчастное тело мог бы!
Когда я жила у Айтека в дому,
Казака на коне мне, пленного, в слуги давали.
С ножницами со стальными была бы я там —
До мостá бы злосчастного пши дотащила!
Твоя борода — что желтого лука лес!
Эй ты, с воробьиным сердцем!
От тебя туполицый убийца [7] бежал!
Золотоусы два сына-кана,
Были лучшие ружья у них, злосчастных:
Без единого выстрела тащат домой.
Ты ходил в золотой черкеске, злосчастный,
На златое стремя ты опирался,
Смелым казался, как сто героев.
Но крою для тебя я рубаху труса,
Стальные ножницы режут не в меру,
Стальную иголку ломаю.
То, что кан-Тлепшу пойдет на слом [8],
Ты предо мною теперь не вешай:**

Тебе отведу я место в углу,
Да унесет тебя Тха поскорее!
Две серых черкески злосчастных схожи,
На своих злосчастных овец вы похожи.
Ой, ой, сын Балтока, Ахло[9]!
Белый конь на вершине заржал.
Вечным позором, злосчастные, нас вы покрыли!
Да унесет тебя Тха поскорее!»

[1] *А р ж а н е й* – адыгское название ст. Зассовская. – *Ред.*

[2] Герой отдельной песни и предания; появление его имени в данном тексте – результат механической контаминации. – *Ред.*

[3] Первый бежавший.

[4] Местность на ногайской территории.

[5] Испорченное [слово] «мужицкая» – русская (плохая) лошадь.

[6] Мать-аталык, по мужу Езугова. Муж и братья ее бежали первые. В XXV выпуске СМОМПК она названа Гошенаго.

[7] Ногаец, убивший Канокова.

[8] Ружье.

[9] *А т а л ы к* – муж Гошенаго.

2.9. ГЫБЗА О БИТВЕ В ХУАРЗЕ

Песня о гибели Канокова Айтека. По обычаю, оплаканы и другие, погибшие в той же битве.

Кабардинские ружья длинны,
Дула их – как весенняя гроза.
Начинаем битву в Хуарзе
Ударами отточенных шашек,
Широких, как ладонь.

Раскурить короткую трубку
Торопится Шобанов Хатхож.
Рой пуль отгоняет дымом,
Как рой назойливых мошек,
Шобанов Хатхож.

Почему не на рыжем коне
Ерижибов? – Живот схватило.
Вот Касеева Магомета
Мертвым выносят из битвы,
Везут в богатый его дом.

Голубой наездник был отважен, –
Уже труп Шогенова Тахира
Храпя мчит конь в сторону леса.
В Крым воевать ходил Шогенов,
Тогда под ним убили коня.

Болотокова Шаратлоко,
Убитого ядром пушки,
Привозят на коне Хажала:
Хозяин рыжего коня
Затерялся в Хуарзе.

Тело Догужева Хажала
Меж вражеских трупов нашлось, –
В четверг его к двум сестрам привозят,
А в пятницу тело Алжаса
Бездыханное привезли.

Женщины Ельчикоя [1]
Плача обходят заборы.
Правоверному смерть в битве – почет.
От плача сердце болит, –
По Алхасу сердечная боль.

А Гошнашхо [2] безутешно плачет:
«Почему не едет мой Айтек?
На Батег-кургане когда-то
Ты поставил мне качели,
Ой, Каноков Айтек!

«Жила я в дому Айтековом, –
Была окружена рабами:
Дарили мне пленных казаков.
Ах, из дома Болотоко [3] с собою
Увел бы меня мой Айтек!

«На верхней Лабе пальба, –
Ты глядишь с высокого дерева:
Держишь подзорную трубу.
Жмурюсь, когда вынимаешь саблю, –
Блеск ее ранит глаз.

«Ты любишь сбрасывать всадников
Ударом быстрой сабли,
Сбиваешь казаков с седел,
Часто меняешь место в битве,
Каноков Айтек!»

[1] Местность в Закубанье.

[2] Это Гошенаго – мать-аталык Айтека Канокова (см. примеч. 6 к предыдущей песне).

[3] Муж Гошнашхо.

2.10. В БОЙ!

Битва с царскими войсками произошла в дремучем лесу. Дорогу прокладывали топорами. Окруженные со всех сторон, кабардинцы гибнут, но не сдаются.

Вниз поглядели:
одна тропинка.
Вверх поглядели:
одна звезда.
Но не дрогнем в бою,
Клянусь Ауш-каном!
На темном коне Бороков.
Патронов ждет Пшиготыж.
Наготове ружья стрелков!
И вот уж солнце
бьет в темя.
Темной тучей
летят слепни.
Но не дрогнем в бою,
Клянусь Ауш-каном!
На темном коне Бороков.
Патронов ждет Пшиготыж.
Наготове ружья стрелков!
Кузнецы на солнце
куют сабли,
Не иступится
сталь от костей.
Но не дрогнем в бою,

**Клянусь Ауш-каном!
На темном коне Бороков.
Патронов ждет Пшиготыж.
Наготове ружья стрелков!
Плач женщин
из селений услышим,
В лесу умирая от ран.
Но не дрогнем в бою,
Клянусь Ауш-каном!
На темном коне Бороков.
Патронов ждет Пшиготыж.
Наготове ружья стрелков!
Застучали
топоры в чаще, –
На тропу упали
стволы дубов,
Но не дрогнем в бою,
Клянусь Ауш-каном!
На темном коне Бороков.
Патронов ждет Пшиготыж.
Наготове ружья стрелков!
Начинает
Бороков сечу,
Считает головы,
рубя с плеч.
Но не дрогнем в бою,
Клянусь Ауш-каном!
На темном коне Бороков.
Патронов ждет Пшиготыж.
Наготове ружья стрелков!
Завертелись
рыжие кони,
И всадники
падают с коней.
Но не дрогнем в бою,
Клянусь Ауш-каном!
На темном коне Бороков.**

Патронов ждет Пшиготыж.
Наготове ружья стрелков!
Бороков на горе, —
он держит команду.
Пшиготыж бьется
на шашках внизу.
Но не дрогнем в бою,
Клянусь Ауш-каном!
На темном коне Бороков.
Патронов ждет Пшиготыж.
Наготове ружья стрелков!

2.11. АДЖИГЕРИЙКО КУЧУК-ПШИ

30–40-е годы XIX века. Аджигерийко Кучук-пши – популярнейший борец против царского завоевания Черкесии. Мастер набегов на «Линию», гроза русских офицеров и купцов. Неоднократно был ранен. Однажды, чтобы утишить боль, Кучук стал наигрывать на пхапшине. Жена его Кумпыль сказала ему: «Какой же ты муж-герой, если не выносишь боли от раны!» Кучук бросил пхапшину на пол, разбил ее и дальше молча переносил боль. Как-то в бою Кучук был оставлен один перед лицом врагов – братья его бежали. Этот позорный поступок братьев видела из-за кургана Кахырман и обо всем рассказала. Кучук оставил свою жену Кумпыль и предался страсти к девушке – туме. Умер Кучук не в бою, а от «детской хвори» – дизентерии. После его смерти оставленная им жена сложила скорбную песню.

Ой, ой, о горе, мой пши Кучук! [1]
Против пши ты – львенок могучий, – о горе!
Если всадник садится на́-конь,
За кем тогда шлют верхового? [2]
А если враг за тобою мчится,
Кто мигом берет его в плен?
Вы спросите имя героя:
Это – Итоков Матыра [3].

Смотри, на горе Шабарте [4]
Укрепляют козлы ногайцы:
Трама [5] с ногайцем на крупе
Кто в поводу – о горе! – приводит?
То Аджигерийко, наш пши Кучук.

Гроза врагов, но здесь погиб ты!
Поводья уздечки твоей шелкóвы,
Щипцы [6] от стрел за тобой носили
С горы Башмакира [7] ползучий туман –
Что серая бурка кабардинских шао.
Арбу зеленую Забит-хана
Свадебную копытом ты растоптал [8]:
Столпотворенье такое
Не хотел бы увидеть ты в жизни!

Ой, львы-герои! За кем ногайцы
Помчатся в тот день кровавый?
Семёна [9] старого кто табуны
Своим верховым раздаст?
Ой, ой, ты, Кучук, мой пши,
Против пши ты – львенок могучий, – о горе!

В чаще, где водятся лани,
Для нас купцов ты грабишь.
Пошла бы я и в ад за тобою,
Да душу не разлучить мне с телом.
Ой, злосчастный Кучук, мой пши,
Против пши ты – львенок могучий!
Оури-дада махо!
Концы шелкóвых твоих усов
В черной земле сверкают;
В шелкóвой постели тоскует
Кумпыль-хан, жена твоя.
Ой, Бебола-Курган [10]
Кто грудью сломил для нас?
Из-за кургана злые братья
Смотрели, – пусть люди расскажут,
Чтó Кахырманова видела там.
Белое тело супруги,
Брата слепого – о горе! – покинул.
Из тех, кого кинул на свете старом,
Жена – несчастнее всех.

[1] Герой очень популярен и в абхазском фольклоре; социально трансформированный, там он – Ажгирей-ипа Кучук – сын крестьянина, герой, в борьбе против царского завоевания опиравшийся на поддержку трудящихся (см. *Ковач К. В.* 101 абхазская народная песня. Сухум, 1929. Песня 11; *Ковач К. В.* Песни кодорских абхазцев. Сухум, 1930. Песня 14; Абхазские сказки. Сухум, 1935. С. 63–66).

[2] Обычная формула указания незаменимого вождя набегов.

[3] Тлхукотл Итоков Матыра был одним из подчиненных Кучука, совершавшим геройские подвиги.

[4] Гора в районе Баталпашинска (Сулимова ныне).

[5] Порода лошади.

[6] Были особые щипцы для изъятия стрел из ран – «штапха»; здесь – поэтическая фигура.

[7] То есть Башпагир (на Ставрополье).

[8] В XXV выпуске СМОМПК речь идет о разгроме пассажирского дилижанса при набеге, «причем ограбленные усатые русские в отчаянии хватаются за головы». Здесь не понятое сказителем место заменено разгромом свадебного поезда какого-то «Забит-хана».

[9] То есть ограбленного «русского».

[10] Неизвестное ущелье.

2.12. ГЫБЗА ОБ УБИТЫХ В БИТВЕ С РУССКИМИ ПРИ СЕЛЕНИИ ИДАРЕЙ

Середина XIX века. Воинственная гыбза эпохи борьбы западных адыгов (натухайцев) под знаменем газавата против русских завоевателей. Характернейший образец кебжека как трагического панегирика. Перечисляется ряд погибших героев. Имена узко местного значения.

1

Как пелуан, мой шао храбрый,
Ты выше — о горе! — всех смелых.
Шашкою ловко владеешь,
Уоркам набегами служишь,
Как пелуан, мой шао славный!

2

В Долоко-балке [1] большой
Шашкой добычу он гонит.
Всадник, не тронь пелуана:
С крепкозадого снимет коня.
Наш край ты победой полнишь,
Для войска ты — крепость без башен.
Если сердце сожмется, кого призывают?
Тебя, Анбороков, наш Карамыш!

3

Белый конь истекает кровью.
Кабарды губителя злого
Не одной ли ты пулей сражаешь?
Из калмыков выходец конный,
Ты в долю, храбрый, берешь коня.
На котором в битву помчался.
Ой, сломал ты в бою предплечье,
Наш Иналуко, сын Хату!

4

Друзья нестройной толпой, –
Недружные ратники боя, –
В тот день пленных коней,
Ой, покидают в поле.
День смертный пришел Тотлостану!
Стрелы впиваются в землю.
Статный конь Гожигей [2]
Кружит на горном подъеме,
К выстрелам грудь обращает.

5

Ой, красных быков рога широки [3],
Коротки широкие сабли!
В старой яме тебя задушили,
Младший герой Хабижа.
Стрелы героя пронзили,
Деревянные ножны за ним кружились,
Хватал на лету он пули.
Ой, мой старый Кучук!
Русский Иван [4] свои перья
Истрепал, донося о набегах.
У тебя и работница – горе! – Жаглиц
В шароварах пуховых ходит.

Оставляю мое завещанье.
Кто же коня моего напоит
Ключевою водою на Отхатху?
Рвут себе волосы нынче:
Кто для нас находил переправу?
Ой, наш старый Кучук,
Против пши ты – львенок могучий, – о горе! [5]
Если путник на́-конь садится,
За кем верхового шлют?
А коль за тобою погоня, –
Не будем волосы рвать:
Когда в рукопашную бьются,
Кто может сравниться с тобой?

6

Могучий! Твой белый конь – великан:
Его не сломить в бою.
Кто ханов отряды разбил?
Калуко, Нашуев сын.
В злосчастный день Телекеев
Саблей к себе призывает.
Наездника из Брагунова
Не ты ли снимаешь стрелою?
Ой, Хаброев-герой, ты добычу несешь!

7

Его всадники, как жеребцы в табуне,
Разгоняют врага, – о горе!
Пару черных отборных быков
Вы под обрыв свалили.
В тот день я траву осеннюю рвал,
А когда вернулся в станицу Пхаркале [6]**,**
Показалась тесна мне стоянка
За стеной из распряженных арб [7]**.**

**Брату, врагу моему,
Зачем вы поверить решились?
Лучше смерть, чем в плену томиться,
Ой, ты мести сын, Хабитеж!**

8

**Сын Митажа, герой Бемырза,
Самого Кайтукова затмил ты!
Защитник друзей молодых,
Для войска ты – крепость без башен.
Если сердце сожмется, кого призывают?
Тебя, сын Хатана, верный Шуруг!
Ой, Боримесу в лопатку
Мой сокол вонзил стрелу!**

[1] Неизвестно.
[2] Кличка лошади.
[3] Луки.
[4] Писарь. Речь идет о переписке по поводу набегов.
[5] См. «Аджигерийко Кучук-пши».
[6] *П х а р к а л е* – кабардинское название гор. Лабинска. – *Ред.*
[7] Метод защиты. Речь идет о завалах, которые устраивались из арб в случае нападения неприятеля в открытой местности. – *Ред.*

2.13. ТУШАТ [1]

Припев: **Уайра-ри-ра, ри-ра-ре у-о-ой!**

**Говорят: «Тха судья нам», уойре.
Сулинца [2] без языка привели.
Все селенье скликают, уойре:
Всем селеньем даем мы клятву.
«Газават!» – говорим, садясь на коней.
Садимся и скачем в Хатыкой [3].
Хаджибирам [4] – наша опора,
А Хохойя – его крепость.
Начнем же скорей войну!
Для «гостей» опушка рощи тесна.
А мы в засаде там сидим.
Чуть вечер, ставят они часовых,
А утром в подзорные трубы глядят,
Увидят в них черное пятно
И насчитают тысячу нас,
А нас и пятнадцати не насчитать.
Кто своего Аллаха забыл,
Кто гяуров боится, к ним пристал.
Ой, начнем скорее, уойре!
Приударим быстрых скакунов.
Наши ружья бьют издалека,
Далеко стреляем мы, уойре!
Гяуры, как овцы, с гор бегут,
Падают с коней, уойре!
Валяются, как снопы на земле.**

Мусульмане павшие, уойре,
Сияют, как утренняя звезда.
В сиянье пал Хаджибирам, уойре!
Ой, не дрогнем, Аушегер!
Держи совет и снова – в бой!
Хатык Болат [5] – наша опора.
Он с шашкой бросается уойре,
Рубит головы вправо и влево.
Семь ран получил он, уойре,
И от них не бросает его в озноб.
Скрыв свои раны, уойре,
Едет он к отцовскому дому.
Привезли его мертвого, уойре.
Ханифа [6] золотые слезы льет.
На полу, посредине, уойре,
Сидят и плачут его друзья,
И чаще, чем колья в плетне, уойре,
Руки, воздетые для молитвы.

[1] Близкая по теме песня опубликована в XXV выпуске СМОМПК. Там не «Тушат», а «Тфышатль» – название одного из селений натухайцев.

[2] Народность в Дагестане.

[3] Селение на левом берегу Кубани. – *Ред*.

[4] Предводитель газавата в данной местности.

[5] Заместитель Хаджибирама.

[6] Жена.

2.14. ГЫБЗА О ПЛЕНЕННОМ ЦАРСКИМИ ВОЙСКАМИ

Черная гармошка – в руках Нуры.
Кабаны жиреют на тучной земле.
Взяли милого друга Даута.
Дорого́й снимаю перстень,
Бросаю в подол я перстень.
Сердце вспомянет Даута, –
Тогда запеваю гыбзу.
Со слезами черкеску суконную
Высо́ко на стену вешаю,
Неутешно, без устали гыбзу
Запеваю милому Дауту.
Мне видать, – у русских на горе́
Гарцуют, носятся конные.
Кто мне Даута приведет,
Будет принят с почетом-честью.
Чернеет тучами небо.
Бедного Даута взяли, держат
Жирные кабаны Кубани.

2.15. ХАЖРЕТ-ВОЙНА

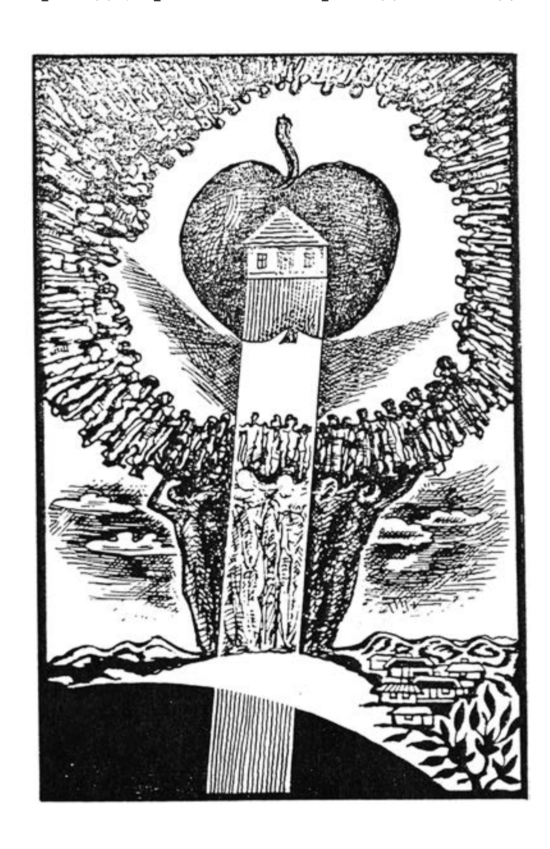
Середина XIX века. Царские войска покоряют местность у верховий Кубани. Героическое сопротивление хажретов и абазинцев сломлено – казаки овладевают районом «Козьей балки».

Твое стамбульское — горе! — ружье дорогое
В сердце врагу стреляет.
Соратника — горе! — Аллах ударил.
Рыдая, его проводил я.
Муса белохвостый [1] — о горе! — над пропастью мчался,
В черный день — о горе! — остался с пустым седлом.
Золотую подушку с седла — о горе! —
И седло твое я привязал.
В бурку косматую — <о> горе! — труп завернувши,
Вынесли сына Хоста.
Дауров, — о горе! — твой задор
Извел — о горе — нам скудное войско.
Нагрянули в балку, где козы паслись,
Угнали злосчастных молодок.
Когда друг на друга ружья вздымали,
Эдык [2] злосчастный на дула бежал.
Казаки старые делят — о горе! — коней,
Открытые хоботы пушек — о горе! —
Опустошают средину строя.
Тот, кто — горе! — в новой станице

Стекла дулом ружья разбивает,
Кому отрубили злосчастную руку, –
Это хаджи злосчастный, – о горе! – ваш Хажби,
Нашим – о горе! – врагам обреченный всадник.

[1] Конь.
[2] Один из погибших в битве.

Своей стилистикой песня сближается с циклом песен-сетований и плачей, посвященных разорению селения. В то же время проблематично определить реальную событийную основу по тексту перевода, оригинал которого до нас не дошел. – *Ред.*



2.16. КОЛЫБЕЛЬНАЯ ПЕСНЯ

Спи, мой птенец, спи, засни.
Золотую куклу тебе шьют.
Слышишь – плачет твоя мать,
Стонет-плачет над тобою [1].
Ой, птенец мой, ой, сосунок,
Невеселые дни настали,
Несладкое сосешь молоко!
Но в люльке расти, вырастай.
Окровавлена твоя земля,
Замутилась смутой великой.
Ты люби свою страну.
А станешь, сынок, свободным,
Ты не тронь своих родичей,
С двуязычным [2] недругом борись,
Непокорных ты не щади,
Очищай страну от смуты.
Пусть «Оури-дада» [3] звончей звенит!
Умер отец твой, а я осталась,
Хоть не стала б смерти бояться.
Буду теперь героя растить,
Бесстрашного богатыря,
Кабарде моей защитника.
А не выращу героя, –
Горем-тоской изойду,
Завою тогда волчихой!
Веревкой связали мне руки,
Топором ноги подсекли,

Сосцы мои изранили [4].
Рану мою соси, птенец,
Кровь мою соси, богатырь!
На свете недолго мне жить.
Мать умрет – не умрет родина.
Как один, без матери, останешься?
Станет тебе матерью родина,
Наследством – сабля отцовская.
Ею отплатишь за кровь отца,
Ею родине пособишь.

[1] Песня сложена в дни тяжелой борьбы за независимость.

[2] *Двуязычный* – человек, который непостоянен в своих поступках – говорит одно, делает другое. – *Ред.*

[3] *«Оури-дада»* – общее название свадебных песен; здесь – как триумфальная песня вообще.

[4] *Мать* – символ уоркской Кабарды. Слово «уоркская» в данном случае определяет не сословие, а дух рыцарства: «уоркская Кабарда» – «рыцарская Кабарда». – *Ред.*

А.М. Гутов

ОБЩИЕ ЗАМЕЧАНИЯ

Книга «Кабардинский фольклор» явилась для своего времени уникальной. В первой половине 30-х гг. XX в., когда в Кабардино-Балкарии еще только формировались устойчивые традиции исследовательской работы, а кабардино-черкесский литературный язык, как и сама национальная литература, находилась еще в стадии активного становления, группа энтузиастов при поддержке руководства республики сумела подготовить сборник лучших образцов адыгского фольклора.

К этой работе были привлечены почти все лучшие интеллектуальные силы – писатели, журналисты, работники образования и науки. В их числе Т. Борукаев, сел. Кожаев, Т. Шеретлоков, А. и М. Пшеноковы, П. Шекихачев (все перечисленные были впоследствии репрессированы и расстреляны), а также Б. Балкаров, Х. Мидов, А. Шомахов, А. Шортанов, Х. Эльбердов (они избежали участи вышеназванных лиц и впоследствии стали видными писателями или деятелями науки, образования, культуры).

В подготовке книги особенно велика роль известного просветителя и общественного деятеля Нури Цагова, который погиб в год выхода сборника «Кабардинский фольклор». Еще один из ключевых участников подготовки книги, русский исследователь М. Е. Талпа, проделавший огромную работу по переводу и систематизации материалов, написавший вводную статью и комментарии к текстам, был репрессирован в 1937 г.

Подлинное число тех, кто имел отношение к работе над книгой, видимо, невозможно восстановить, поскольку в год выхода сборника уже набирала обороты репрессивная машина «красного террора» и имена тех, кто попадал в списки «врагов народа» тщательно вымарывались. Так, есть основания считать, что участие в подготовке принимал известный писатель и литературовед Джансох Налоев, арестованный и расстрелянный до выхода

книги в свет, но в 1934 г. (когда работы бурно разворачивались) возглавлявший КБНИИ. Известно, что он был знаком и состоял в переписке с академиком Ю. М. Соколовым, одним из редакторов книги.

Возможно, не без участия Дж. Налоева, ставшего к тому времени председателем Союза писателей республики, в 1935 г. в Кабардино-Балкарию была приглашена группа московских литераторов, в числе которых такие известные переводчики как В. А. Дынник, А. П. Глоба, М. А. Зенкевич, Л. Е. Остроумов. Ими переведены на русский язык тексты песен, представленных в настоящем сборнике.

Можно только восхищаться той оперативности, с какой была за короткий срок подготовлена книга объемом в несколько сотен страниц, причем с очень обстоятельными комментариями, словарем, вступительными статьями ко всей книге и отдельно к каждой из ее пяти частей.

Тот факт, что она вышла в свет в одном из самых солидных издательств, существовавших в стране в 30-е гг. XX в. («Academia»), свидетельствует о высоком научном уровне подготовки.

Прежде всего нужно отметить, что в ней представлены высокохудожественными образами практически все жанры адыгского фольклора. Помимо записей народной афористики (а это пословицы, поговорки, загадки, приметы, поверья, заговоры), в «Кабардинский фольклор» вошли 247 текстов адыгских народных песен, эпических сказаний, сказок, преданий, легенд, благопожеланий и т. д. Они были взяты как из дореволюционных публикаций и личных архивов (например, из архива Нури Цагова), так и из материалов т. н. съездов сказителей, которые специально дважды устраивались в 1934 и 1935 гг.

К сожалению, до нашего времени сохранились только немногочисленные тексты оригиналов, с которых сделаны переводы. Многое безвозвратно утеряно в годы репрессий и войны. Но и оставшегося достаточно для того, чтобы признать безупречно верный подбор материалов, сделанный для названной книги.

То обстоятельство, что в числе текстов, составленных с особым вкусом и тщательностью, представлено 16 песен о Кавказской войне, можно признать как еще одно свидетельство важности данной темы для полноты представления об адыгском народном устно-поэтическом творчестве.

Можно только сожалеть, что такое издание было подготовлено только в русском переводе. Будь он двуязычным, на языке оригинала с переводом, научная и историко-культурная ценность его была бы, конечно же, многократно выше.

ИЗ АНТОЛОГИИ «НАРОДНЫЕ ПЕСНИ И ИНСТРУМЕНТАЛЬНЫЕ НАИГРЫШИ АДЫГОВ»

3.1. КЪЭБЭРДЕЙ ЖЭЩТЕУЭМ И УЭРЭД

1. Къэбэрдейхэми (рэ) шууфІу исыр (иджы, уий)
зэрогъэхэсри мэшэсыр!
Е ж ь у: Уо, уорэдэ, уо!
А-ий!
Е ж ь у: Уанау-рирэ, уарирау рирари!

2. Къэбэрдейхэми (рэ) ди жэщтеуэжьыр (иджы, уаредэ)
лІыгъэжьщ!
Е ж ь у: Уо, уорэдэ, уо!
А-ий!
Е ж ь у: Уанау-рирэ, уарирау рирари!

3. Дунеижьми (рэ) щыдгъэщІэжынум (иджы, уаредэ)
дыхулІэ!
Е ж ь у: Уо, уорэдэ, уо!
А-ий!
Е ж ь у: Уанау-рирэ, уарирау рирари!

4. Дэ щаитуэрэ (рэ) дызэрылІэнур (иджы, уарэдэ)
нэхъыфІщ!
Е ж ь у: Уо, уорэдэ, уо!
А-ий!
Е ж ь у: Уанау-рирэ, уарирау рирари!

5. (Уэр) си къанщ жысІэурэ (рэ) зэрыщымыти
(иджы, уаредэ) жысІэнкъым!
Е ж ь у: Уо, уорэдэ, уо!
А-ий!

Е ж ь у: Уанау-рирэ, уарирау рирари!

6. Мыр хьэпцIащхъуэми (рэ) и джэдыкIафэр (иджы, уарэдэ) и фочт!
Е ж ь у: Уо, уорэдэ, уо!
А-ий!
Е ж ь у: Уанау-рирэ, уарирау рирари!

7. (Уэр) дыщэчми (рэ) къыхалъэфыгъэр (иджы, уарэдэ) и гъуазэт!
Е ж ь у: Уо, уорэдэ, уо!
А-ий!
Е ж ь у: Уанау-рирэ, уарирау рирари!

8. (Мыр) гъуазэжьми (рэ) пыщIэрымыплъуэрэ (уарэдэ) къагъауэ!
Е ж ь у: Уо, уорэдэ, уо!
А-ий!
Е ж ь у: Уанау-рирэ, уарирау рирари!

9. Кърым хъанми (рэ) и топыжь гъауэкIэрэ (уарэдэ) къыкъуаху!
Е ж ь у: Уо, уорэдэ, уо!
А-ий!
Е ж ь у: Уанау-рирэ, уарирау рирари!

10. (Уэ) щыихууэрэ (уэ) мы тамбырыгум (иджы, уарэдэ) щыфIебз!
Е ж ь у: Уо, уорэдэ, уо!
А-ий!
Е ж ь у: Уанау-рирэ, уарирау рирари!

11. (Уэ) лоужьри (рэ) нэзкIапэрыплъэт (иджы, уарэдэ) къыност!
Е ж ь у: Уо, уорэдэ, уо!
А-ий!
Е ж ь у: Уанау-рирэ, уарирау рирари!

12. ЛIыуэ тесри (рэ) сэмэгу щIопщымкIэрэ (уарэдэ)
къыхоуэ!
Е ж ь у: Уо, уорэдэ, уо!
А-ий!
Е ж ь у: Уанау-рирэ, уарирау рирари!

13. КъыIэщIыхьэри (рэ) гъатхэ щыблэпэти
(уий маржэ) жьэхоуэ!
Е ж ь у: Уо, уорэдэ, уо!
А-ий!
Е ж ь у: Уанау-рирэ, уарирау рирари!

14. (Уэр) кIуэжынкIэрэ (рэ) шу щхьэхуиту (уи)
мазищкIэ мэзауэ!
Е ж ь у: Уо, уорэдэ, уо!
А-ий!
Е ж ь у: Уанау-рирэ, уарирау рирари!

15. (Уэ) езыхэри (рэ) хэтхэ я щыщ жыпIэмэ,
Къетыкъуэ и къуэкIэ Хьэмырзэ КIэщIщ!
Е ж ь у: Уо, уорэдэ, уо!
А-ий!
Е ж ь у: Уанау-рирэ, уарирау рирари!

16. Къэбэрдейхэми (рэ) здрагъэжьахэр (иджы, уарэдэ)
Вырыхъу и Iуащхьэрщ.
Е ж ь у: Уо, уорэдэ, уо!
А-ий!
Е ж ь у: Уанау-рирэ, уарирау рирари!

17. (Мыр) зауэжьри (рэ) здынагъэсахэр (уи) Къурей
губгъуэжьщ!
Е ж ь у: Уо, уорэдэ, уо!
А-ий!
Е ж ь у: Уанау-рирэ, уарирау рирари!

13 Заказ № 246

3.1. ПЕСНЯ О КАБАРДИНСКОМ НОЧНОМ НАПАДЕНИИ

(Черкесская версия)

1. В Кабарде (ра) всадников славных сколько есть – все (иджы, уий) совет держат и на коней своих садятся!
В с е: Уо, уорада, уо!
А-ий!
В с е: Уанау-рира, уарирау рирари!

2. Кабардинское (ра) наше ночное нападение грозное (иджы, уареда) – мужество великое!
В с е: Уо, уорада, уо!
А-ий!
В с е: Уанау-рира, уарирау рирари!

3. В этом мире недобром (ра) что нам жить осталось (иджы, уареда) – пусть того мы лишимся!
В с е: Уо, уорада, уо!
А-ий!
В с е: Уанау-рира, уарирау рирари!

4. Что мы шагидами (ра) умрем (иджы, уарада) – это важнее!
В с е: Уо, уорада, уо!
А-ий!
В с е: Уанау-рира, уарирау рирари!

5. (Уар) хоть он мой кан (ра), неправды (иджы, уареда) о нем не скажу!
В с е: Уо, уорада, уо!
А-ий!
В с е: Уанау-рира, уарирау рирари!

6. Как скорлупа стрижиного яйца (ра), тонок (иджы, уарада) его ружья ствол!

В с е: Уо, уорада, уо!
А-ий!
В с е: Уанау-рира, уарирау рирара!

7. (Уар) из золотого прута (ра) отлита (иджы, уарада)
ружья его мушка!
В с е: Уо, уорада, уо!
А-ий!
В с е: Уанау-рира, уарирау рирари!

8. (Мыр) на мушки (ра) не глядя, (уарада) в нас палят!
В с е: Уо, уорада, уо!
А-ий!
В с е: Уанау-рира, уарирау рирари!

9. Крымского хана (ра) пушкарей (уарада) от пушек
отгоняют!
В с е: Уо, уорада, уо!
А-ий!
В с е: Уанау-рира, уарирау рирари!

10. (Уа) [вражеских воинов] от войска отгоняя,
(уа) в поле (иджы, уарада) рубит!
В с е: Уо, уорада, уо!
А-ий!
В с е: Уанау-рира, уарирау рирари!

11. (Уа) лоу [1] могучий, (ра) из-под челки [глазами] кося,
(иджы, уарада) прискакал!
В с е: Уо, уорада, уо!
А-ий!
В с е: Уанау-рира, уарирау рирари!

12. Муж, что на нем, (ра) левой рукой плетью (уарада)
его хлещет [2]!
В с е: Уо, уорада, уо!
А-ий!
В с е: Уанау-рира, уарирау рирари!

13. Встречных (ра) весеннему грому подобно (уи маржа) поражает!
В с е: Уо, уорада, уо!
А-ий!
В с е: Уанау-рира, уарирау рирари!

14. (Уар) хотя уйти (ра) этот всадник был волен [3] (уи),
три месяца сражается!
В с е: Уо, уорада, уо!
А-ий!
В с е: Уанау-рира, уарирау рирари!

15. (Уа) он (ра) из рода какого, если спросишь –
это Кайтукин сын Хамурза Короткий!
В с е: Уо, уорада, уо!
А-ий!
В с е: Уанау-рира, уарирау рирари!

16. Кабардинцы (ра) [войну] начали (иджы, уарада) у
Выруха-холма [4].
В с е: Уо, уорада, уо!
А-ий!
В с е: Уанау-рира, уарирау рирари!

17. (Мыр) войну великую (ра) они довели (уи)
до Курейской степи большой!
В с е: Уо, уорада, уо!
А-ий!
В с е: Уанау-рира, уарирау рирари!

По преданию, кабардинские князья и уорки предприняли, вопреки воле верховного князя Кабарды Жанхота Татархана, кампанию против укреплений царской армии. После продолжительных и безуспешных военных действий кабардинцы были разбиты. В основе песни – реальные события, происходившие в 1779 году в Кабарде.

Предание не представлено в публикациях; записи его хранятся в архиве КБИГИ, ф. 12, оп. 1, ед. хр. 88.

[1] *Лоу* – разновидность кабардинской породы лошадей, выращенная абазинским князем Лоовым.

[2] Согласно обычаю, плеть в левой руке держал вестник горя.

[3] Кабардинская конница была ополченским войском; любой всадник мог уйти домой и возвратиться в ополчение, когда считал нужным.

[4] *Вырух-холм* – топоним, точное местонахождение которого установить не удалось (предположительно, в районе г. Георгиевска).

Звукозапись и запись текста З. П. Кардангушева (1963) в ауле Хабез КЧР с голоса Мурзабека Ордокова (р. 1884) – запевалы; партию «ежу» пели Чалимат Гозджешев (р. 1892), Яхья Дамалеев (р. 1929) и Заурбеч Кемов (р. 1877). Фонотека КБИГИ, № 22/5.

Это же событие лежит в основе и русской казачьей песни «Набег кабардинцев на крепость Марьевскую», опубликованной в кн.: «Исторические песни XIX в.». Л.: Наука, 1973. С. 186, 187. В комментариях к ней (на стр. 243 указанной книги) событие датируется 1828 г. Однако упоминаемый в русской песне князь Росламбек Мисостов по официальным данным погиб в 1812 г.; упоминаемый в кабардинской песне другой князь, Хамурза Кайтукин, погиб в 1779 г., а Джанхот Татарханов, верховный князь Кабарды, в правление которого было совершено нападение, правил в 1774–1784 гг. Поэтому предпочтительна датировка, предлагаемая З. М. Налоевым: 1779 г. (см.: *Налоев З. М.* С. 100–116).

3.2. КЪЭБЭРДЕЙ ЖЭЩТЕУЭМ И УЭРЭД

1. (Уэ) лIы пхъашэри (ра) шагъдий къурыкъумэ
(ара) щытескIэ (жи)
Е ж ь у: Уо-рирэ, уэу-рира!
(ара-йай),
Е ж ь у: Уоу-рирэщ, уэу-рирэу, уэ-рирари!

2. (Уэр) маисэурэ (уэ) и джатэ кIыхьымкIэрэ
Е ж ь у: Уо!
(ар) а махуэмэ мэдалъэри (жи),
Е ж ь у: Уо-рирэу, уау-рира!
(ара-йай) мэдалъэ!
Е ж ь у: Уоу-рирэщ, уэу-рирэу, уэ-рирари!

3. Шур зэдилъмэ, сосрыкъуэбжыр (иджы)
Е ж ь у: Уо!
(ар) а махуэмэ зыдащтэри (жи),
Е ж ь у: Уэу-рирэу, уэу-рира!
(ара-йай) зыдащтэ!
Е ж ь у: Уоу-рирэщ, уэу-рирэу, уэ-рирари!

4. Яхэмынхэ фи дыщэ пхъэвымэ
Е ж ь у: Уо!
(ар) а махуэмэ лъыр щIожри,
Е ж ь у: Уоу-рирэу, уэу-рира!
(ара-йай) лъыр щIож!
Е ж ь у: Уоу-рирэщ, уэу-рирэу, уэ-рирари!

5. Елъэпэрхэ фи дыгъэ-мазэхэр
Е ж ь у: Уо!
А махуэм къухьэжщ,
Е ж ь у: Уэу-рирэу,
(ара-йай) къухьэжкъэ!
Е ж ь у: Уоу-рирэщ, уэу-рирэу, уэ-рирари!

6. (Ар) а махуэм ди Алий Дэгущ, – жиIащ,
Е ж ь у: Уо!
– Уэу-рирэу, уэу-рира!

7. Йонэпауэри (уа) мы табыныгумэ (уареда)
нахехуэ (жи)!
Е ж ь у: Уэу-рирэу, уэу-рира!

8. Шэр зэхэхуэмэ, (а) и пщIэгъуалащхъуэр (иджы)
Е ж ь у: Уо!
а махуэм щIагъэз (жи),
Е ж ь у: Уау-рирэу, уэу-рира!
(ара-йай) щIагъэзри!
Е ж ь у: Уоу-рирэщ, уэу-рирэу, уэ-рирари!

9. ХьэпцI и къуитIыркъэ быфыкъуэ щIасэт (иджы),
Е ж ь у: Уо!
(ар) а махуэмэ бгъэпыхьэркъэ,
Е ж ь у: Уэу-рирэу, уэу-рира!
(ара-йай) бгъэпыхьэщ!
Е ж ь у: Уоу-рирэщ, уэу-рирэу, уэ-рирари!

10. Жаныкъуейри унащхьэ пыхьэт (иджы)
Е ж ь у: Уо!
а махуэм дипщIыкIт (тIэ, жи),
Е ж ь у: Уэу-рирэу, уэу-рира!
(ара-йай) дипщIыкIкъэ!
Е ж ь у: Уоу-рирэщ, уэу-рирэу, уэ-рирари!

11. (Ар) а махуэмэ (ар) Алътудмэ (иджы),
Е ж ь у: Уо!
(а дуней) Алътудщ, жиIащ, езыр!

Е ж ь у: Уэу-рирэу, уэу-рира!

12. (Уэ) Бикъанри (уэ) зэрыщымытгуэрэ
Е ж ь у: Уо!
а махуэм наIуатэ (жи),
Е ж ь у: Уэу-рирэу, уэу-рира!
(ара-йай) наIуатэ!
Е ж ь у: Уоу-рирэщ, уэу-рирэу, уэ-рирари!

13. (Уэ) Бикъанри (уа) зэрыщытыххэр (иджы),
Е ж ь у: Уо!
(ай дуней) вжесIэнщ (жи)!
Е ж ь у: Уэу-рирэу, уэу-рира!

14. (Ар) хьэпцIащхъуэмэ (уэ) и джэдыкIафэр (иджы)
Е ж ь у: Уо!
(арэдэ) и фочщ!
Е ж ь у: Уэу-рирэу, уэу-рира!

15. Дыщэчмэ (ар) къыхалъэфахэр (иджы)
Е ж ь у: Уо!
(ар) а махуэм и гъуазэщ!
Е ж ь у: Уэу-рирэу, уэу-рира!

16. (Уэр) фоч гъуазэмэ (уэр) щIэмыпсэхуххэурэ
Е ж ь у: Уо!
(ар) а махуэм мэзауэ!
Е ж ь у: Уэу-риру, уэу-рира!

17. (Ар) а махуэмэ (уэ) и цей джэхушхуэр (иджы)
Е ж ь у: Уо!
(уей дуней) и афэщ!
Е ж ь у: Уэу-рирэу, уэу-рира!

18. (Уэ) езыр (иджы, ра) шэ фие макъмэ
Е ж ь у: Уо!
(арэдэ) доджэгу!
Е ж ь у: Уэу-рирэу, уэу-рира!

**19. (Уэр) и тажри (ра) пщэдджыжь дыгъэпсмэ
Е ж ь у: Уо!
(уей дуней) полыд (жи)!
Е ж ь у: Уэу-рирэу, уэу-рира!**

**20. (Ар) зауэшхуэмэ (уа) къахэлыдыкIыурэ
Е ж ь у: Уо!
(уэ) Бикъаныр мэзауэ!
Е ж ь у: Уэу-рирэу, уэу-рира!**

3.2. ПЕСНЯ О КАБАРДИНСКОМ НОЧНОМ НАПАДЕНИИ

(Кабардинская версия)

**1. (Уа) муж неистовый (ра) на шагди тонком
(ара) когда сидит (жи)
В с е: Уо-рира, уау-рира!
(ара-йай),
В с е: Уоу-рираш, уау-рирау, уа-рирари!**

**2. (Уар) булатным (уа) своим мечом длинным
В с е: Уо!
(ар) в тот день [врагам] грозит (жи),
В с е: Уо-рирау, уау-рира!
(ара-йай) грозит!
В с е: Уоу-рираш, уау-рирау, уа-рирари!**

**3. Всадники когда [в бой] бросаются,
сосруковское копье[1] (иджы)
В с е: Уо!
(ар) в тот день с собою берут (жи),
В с е: Уау-рирау, уау-рира!
(ара-йай) берут!
В с е: Уоу-рираш, уау-рирау, уа-рирари!**

**4. Яхаминовы, ваш золотой столб
В с е: Уо!
(ар) в тот день кровью истекает,**

В с е: Уау-рирау, уау-рира!
(ара-йай) кровью истекает!
В с е: Уоу-рираш, уау-рирау, уа-рирари!

5. Етлепаровы, ваше солнце-луна
В с е: Уо!
в тот день закатилось,
В с е: Уау-рирау, уау-рира!
(ара-йай) закатилось!
В с е: Уоу-рираш, уау-рирау, уа-рирари!

6. В тот день наш Али Глухой, говорили,
В с е: Уо!
– Уау-рирау, уау-рира!

7. [Коня] по морде бьет (уа) и в гущу [боя] (уареда) врывается (жи)!
В с е: Уау-рирау, уау-рира!

8. Пулей сраженный, (а) его белый конь (иджы)
В с е: Уо!
в тот день падает (жи),
В с е: Уау-рирау, уау-рира!
(ара-йай) падает!
В с е: Уоу-рираш, уау-рирау, уа-рирари!

9. Хапцевы оба сына – молочные братья любимые* (иджы),
В с е: Уо!
(ар) в тот день ты их рыдать заставил,
В с е: Уау-рирау, уау-рира!
(ара-йай) рыдать заставил!
В с е: Уоу-рираш, уау-рирау, уа-рирари!

10. В Жанокове каждый дом рыдать (иджы)
В с е: Уо!
в тот день ты заставил (та, жи),

В с е: Уау-рирау, уау-рира!
(ара-йай) ты заставил!
В с е: Уоу-рираш, уау-рирау, уа-рирари!

11. (Ар) в тот день (ар) [там] [2] Алтуд был (иджы),
В с е: Уо!
(а дуней) сам Алтуд был, говорили!
В с е: Уау-рирау, уау-рира!

12. (Уа) о Бикане (уа) не то, что было,
В с е: Уо!
в тот день рассказывают (жи),
В с е: Уау-рирау, уау-рира!
(ара-йай) рассказывают!
В с е: Уоу-рираш, уау-рирау, уау-рирари!

13. (Уа) Бикан (уа) каким был (иджы),
В с е: Уо!
(ай дуней) я вам расскажу (жи)!
В с е: Уау-рирау, уау-рира!

14. (Ар) как скорлупа стрижиного яйца (уа),
тонок (иджы)
В с е: Уо!
(ареда) его ружья [ствол]!
В с е: Уау-рирау, уау-рира!

15. Из золотого прута (ар) отлита (иджы)
В с е: Уо!
(а) в тот день его [ружья] мушка!
В с е: Уау-рирау, уау-рира!

16. (Уар) от ружейной мушки (уар) не отрываясь,
В с е: Уо!
(ар) в тот день он сражается!
В с е: Уау-рирау, уау-рира!

17. (Ар) в тот день (уа) серая черкеска большая (иджы) –
В с е: Уо!
(уей дуней) его кольчуга!
В с е: Уау-рирау, уау-рира!

18. (Уа) сам он (иджы, ра) с пулями свистящими
В с е: Уо!
(арада) играет!
В с е: Уау-рирау, уау-рира!

19. (Уар) его шлем (ра) на утреннем солнце
В с е: Уо!
(уей дуней) сверкает (жи)!
В с е: Уау-рирау, уау-рира!

20. (Ар) в битве большой (уа) ярче всех сверкая,
В с е: Уо!
(уа) Бикан сражается!
В с е: Уау-рирау, уау-рира!

[1] *Сосруковское копье* – видимо, копье работы мастера по имени Сосруко. Мы полагаем, что в данном случае налицо метафорическое обозначение богатырского копья, соотносимого с копьем эпического богатыря-нарта Сосруко. – *Ред.*

[2] Текст не совсем ясен, поэтому наш перевод приблизительный.

Звукозапись и запись текста З. П. Кардангушева (1966) в сел. Кахун КБР с голоса Маши Назарова (1894–1968) – запевалы; партию «ежу» пели Амирхан Хавпачев (1882–1972) и Хасан Хавпачев (р. 1929). Фонотека КБИГИ, № 42/2.

* Наш перевод этого стиха: Хапцевы два сына — любимцы своего аталыка. – *Ред.*

3.3. КЪЭБЭРТАЕМЭ ЯЧЭЩТЕО

Ж ъ ы у: Ой-райрэ, ойра, райра, ри-райра!

1. Къэбэртаеми (ор) я чэщытеори –
Ж ъ ы у: Айрэ, райрэ, роу!
(а, сэрмахуэти) лIыгъэжъи,
Ж ъ ы у: Ай-райрэ, орира!
(ор джыди) лIыгъэжъи!
Ж ъ ы у: Ай-райрэ, ойрэ, ойрэ, ри-райра!

2. Дунэежъыми (ор) щыдгъэшIэжьыщтым
Ж ъ ы у: Айрэ, райрэ, роу!
(а, сэрмахуэти) тыфаеп!
Ж ъ ы у: Ай-райрэ, орира!
(ар джыди) тыфаеп!
Ж ъ ы у: Ай-райрэ, ойрэ, ойрэ, ри-райра!

3. Щагиды гущэуи тэ тызэрэлIэщтым
Ж ъ ы у: Айрэ, райрэ, роу!
(а, сэрмахуэти) тежъугъэплъ,
Ж ъ ы у: Ай-райрэ, орира!
(ор джыди) тежъугъэплъа!
Ж ъ ы у: Ай-райрэ, ойрэ, ойрэ, ри-райра!

4. ПцIашхъо гущэми (ор) и джэдэджапэр
Ж ъ ы у: Айрэ, райрэ, роу!
(а, сэрмыгъоти) и шхонч,
Ж ъ ы у: Ай-райрэ, орира!
(ар джыди) и шхонч!
Ж ъ ы у: Ай-райрэ, ойрэ, ойрэ, ри-райра!

5. КIыракIэ гущэуи (ор) и ашъо пэгъури
Ж ъ ы у: (Айрэ, рирэ, роу!
(а, сэрмахуэти) ашIэды,
Ж ъ ы у: Ай-райрэ, орира!
(о-уи радэ) ашIэда!
Ж ъ ы у: Ай-райрэ, ойрэ, ойрэ, ри-райра!

6. Чэщытеоми (ар) тымылъэгъуужьэуи
Ж ъ ы у: Айрэ, райрэ, роу!
(а, сэрмыгъоти) хагъэкIы
Ж ъ ы у: Ай-райрэ, орира!
Къайтыкъокъоджи Хьамырзэ!
Ж ъ ы у: Ай-райрэ, ойрэ, ойрэ, ри-райра!
Арирэ, рао, рирэ, ори,
Ж ъ ы у: А, орайдэ, орира!
о-уи радэ!
Ж ъ ы у: А-ай, йие, оирэ, райрэ, рирара!

7. Алыбэзыкъор (ор) даубытагъ – еIошъ
Ж ъ ы у: Айрэ, рирэ, роу!
(а, сэрмахуэти) къегъазэ,
Ж ъ ы у: Ай-райрэ, орира!
(о-уи радэ) шъуежъыу!
Ж ъ ы у: Ай-райрэ, ойрэ, ойрэ, ри-райра!

8. Джаурыжъэри къонтхъым (ор) енэцIы шъхьай
Ж ъ ы у: Айрэ, райрэ, роу!
(а, сэрмыгъоти) шъхьащефы,
Ж ъ ы у: Ай-райрэ, орира!
(о-уи радэ) шъхьащефы!
Ж ъ ы у: Ай-райрэ, ойрэ, ойрэ, ри-райра!

9. Тамбыи гущэми (ор) и хьадэкIыIуми
Ж ъ ы у: Айрэ, райрэ, роу!
(а, сэрмахуэти) дзэр щепсых,
Ж ъ ы у: Ай-райрэ, орира!
(о-уи радэ) щепсыхы!
Ж ъ ы у: Ай-райрэ, ойрэ, ойрэ, ри-райра!

10. Щэри тефи (а) фэрэ пкIэгъуалэр
Ж ъ ы у: Айрэ, райрэ, роу!
(а, сэрмахуэти) зыкIалIэ,
Ж ъ ы у: Ай-райрэ, орира!
(о-уи радэ) зыкIалIэ!
Ж ъ ы у: Ай-райрэ, ойрэ, ойрэ, ри-райра!

11. (Ар) улIэфэджэ дзэшхор (ор) зэпщэн сэIуи,
Ж ъ ы у: Айрэ, райрэ, роу!
(а, сэрмыгъоти) КIырытепщ,
Ж ъ ы у: Ай-райрэ, орира!
(о-уи рада) КIырытепща!
Ж ъ ы у: Ай-райрэ, ойрэ, ойрэ, ри-райра!

12. Мы пщышъаоми псалъэуи жьиIагъэр
Ж ъ ы у: Айрэ, райрэ, роу!
(а, сэрмахуэти) мэпыжь,
Ж ъ ы у: Ай-райрэ, орира!
(о-уи радэ) мэпыжьы!
Ж ъ ы у: Ай-райрэ, ойрэ, ойрэ, ри-райра!
Арира, ора, рирэ, ори,
Ж ъ ы у: Орэ, рирэ, ори, ра!
о-уи радэ!
Ж ъ ы у: А-уирэ, рариэ, о орирэ, рирарэ!

3.3. ПЕСНЯ О НОЧНОМ НАПАДЕНИИ КАБАРДИНЦЕВ

(Бжедугская версия)

В с е: Ой-райра, ойра, райра, ри-райра!

1. Кабардинцев (ор) ночное нападение –
В с е: Айра, райра, роу!
(а, сармахо) мужество великое,
В с е: Ай-райра, орира!
(ор джыди) мужество великое!
В с е: Ай-райра, ойра, ойра, ри-райра!

2. В этом мире недобром (ор) что нам жить осталось –
В с е: Айра, райра, роу!
(а, сармахо) от того мы отказываемся,
В с е: Ай-райра, орира!
(ар джыди) от того мы отказываемся!
В с е: Ай-райра, ойра, ойра, ри-райра!

3. Шагидами (гуща) как мы умрем,
В с е: Айра, райра, роу!
(а, сармахо) давайте посмотрим,
В с е: Ай-райра, орира!
(ор джыди) давайте посмотрим!
В с е: Ай-райра, ойра, ойра, ри-райра!

4. Как скорлупа (гуща, ор) ласточкиного яйца, тонок
В с е: Аира, райра, роу!
(а, сармуго) его ружья [ствол],
В с е: Ай-райра, орира!
(ар джыди) его ружья [ствол]!
В с е: Ай-райра, ойра, ойра, ри-райра!

5. Нарядный (гуща, ор) его кольчуги перед
В с е: Аира, рира, роу!
(а, сармахо) сверкает,
В с е: Ай-райра, орира!
(о-уи рада) сверкает!
В с е: Ай-райра, ойра, ойра, ри-райра!

6. В ночном нападении (ар) мы проститься
с ним не успели –
В с е: Аира, райра, роу!
(а, сармуго) погиб
В с е: Ай-райра, орира!
Кайтукин сын Хамирза!
В с е: Ай-райра, ойра, ойра, ри-райра!
Арира, рао, рира, ори
В с е: А, орайда, орира!
о-уи рада!
В с е: А-ай, йие, ойра, райра, рирара!

7. Алибазуко (ор) зажали — говорит и
В с е: Айра, рира, роу!
(а, сармахо) поворачивает,
В с е: Ай-райра, орира!
(о-уи рада) подпевайте!
В с е: Ай-райра, ойра, ойра, ри-райра!

8. Джаур мерзкий на добычу (ор) зарится, но
В с е: Айра, райра, роу!
(а, сармуго) он отгоняет,
В с е: Ай-райра, орира!
(о-уи рада) он отгоняет.
В с е: Ай-райра, ойра, ойра, ри-райра!

9. У Тамбия (гуща, ор) тела
В с е: Аира, райра, роу!
(а, сармахо) воины спешиваются,
В с е: Ай-райра, орира!
(о-уи рада) спешиваются!
В с е: Ай-райра, ойра, ойра, ри-райра!

10. Пуля попала (а) в фару[1] белую, и
В с е: Айра, райра, роу!
(а, сармахо) она дух испускает,
В с е: Ай-райра, орира!
(о-уи рада) дух испускает!
В с е: Ай-райра, ойра, ойра, ри-райра!

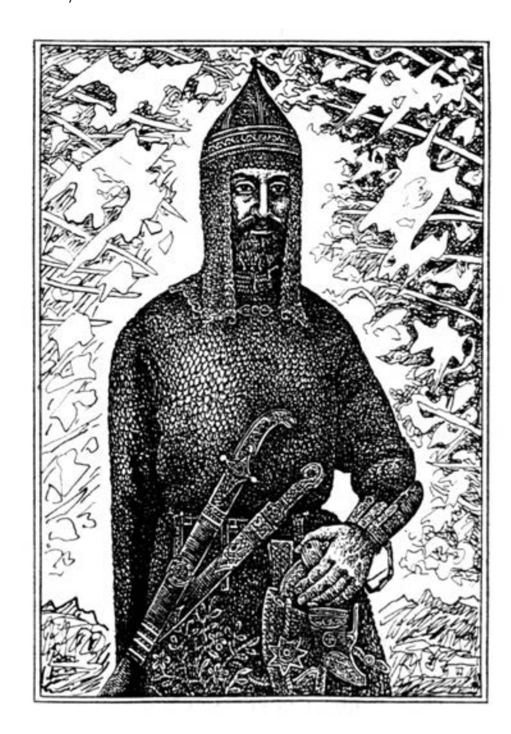
11. (Ар) пока ты жив, войско большое (ор)
водить будешь, говорю,
В с е: Айра, райра, роу!
(а, сармуго) Чиритепщ,
В с е: Ай-райра, орира!
о-уи рада) Чиритепщ!
В с е: Ай-райра, ойра. ойра. ри-райра!

12. Этим юным князем слова сказанные
В с е: Айра, райра, роу!
(а, сармахо) сбываются,

В с е: Ай-райра, орира!
(о-уи рада) сбываются!
В с е: Ай-райра, ойра, ойра, ри-райра!
Арира, ора, рира, ори,
В с е: Ора, рира, ори, ра!
о-уи рада!
В с е: А-уира, рариа, о орира, рирара!

[1] *Ф а р а* – чистокровная лошадь.

Звукозапись З. П. Кардангушева (1976) в ауле Нешукай РА с голоса Али Удычака (р. 1906) – запевалы; партию «жу» пели Ереджиб Чич (р. 1906), Титу Чесебиев (р. 1909) и Асламбеч Чич (р. 1913, инструментальное сопровождение на шичапшине исполнял он же). Текст записал Н. Р. Иваноков. Фонотека КБИГИ, № 159/4.



3.4. ЧЭЩТЕОМ ИОРЭД

Ж ъ ы у: А-рарэ, орира, ра-о-о!
Ора, аро, оро, рарэ, рирайро!

1. Къэбэртаеджи тычылэгъо макIэ гущэу,
Ж ъ ы у: Ай, ра-ро!
тычылэшIу гущэба тэщыс (оро)!
Ж ъ ы у: Ай-райрэ, орира, о!
Арарэ, рарэ, рарэ, рирара!

2. Я пкIэгъуалэмэ налыхэр алъэгу гущэу
Ж ъ ы у: Ай, ра-ро!
губгъожъы гущэми щэзекIу (оро)!
Ж ъ ы у: Ай-райрэ, орира, о!
Арарэ, рарэ, рарэ, рирара!

3. Я пкIэгъуалэхэр (ор) лъэгоджэрыкIо гущэу
Ж ъ ы у: А-а, ро!
чэщытео гущэми къалъызэращ (оро)!
Ж ъ ы у: Ай-рарэ, орира, о!
Арарэ, рарэ, рарэ, рирара!

4. Хьаджыхъаными (ор) и дышъэ паIо гущэр
Ж ъ ы у: А-а, ро-ро!
пцэшIуащэ гущэджэ къяжъугъэд (оро)!
Ж ъ ы у: Ай-рарэ, орира, о!
Арарэ, рарэ, рарэ, рирара!

5. Гощэнысэмэ я сабый цIыкIухэр
Ж ъ ы у: А-а, ра-ро!
пчыпыджыны гущэджэ зэрахь (оро)!
Ж ъ ы у: Ай-рарэ, орира, о!
Арарэ, арэ, рарэ, рирара!

6. (Ар) ымыдэуи пщышъаоу къэтэджыгъэ гущэр
Ж ъ ы у: А-а, о!
нэрылъэгъу гущэуи къаукI (оро)!
Ж ъ ы у: Арарэ, арэ, ра, о!
Арарэ, арэ, рарэ, рирара!

7. Пщэр ыукIи къашIудэкIыжьыгъэ гущэр
Ж ъ ы у: А-а, ра-ро!
Хьатэхъукъоба Джанкъылыщ (оро)!
Ж ъ ы у: Арарэ, ора, ра, о!
Арарэ, арэ, рарэ, рирара!

8. (Ор) я пшъашъэмэ дышъэхэр я бгырыпсы гущэу
Ж ъ ы у: А-а, ра-ро!
нэку-нэпсы гущэуи зэращ (оро)!
Ж ъ ы у: А рарэ, орэ, ра-ро!
Арарэ, арэ, рарэ, рирарэ!

9. (Ор) я шъаохэр (а) псэемыблэжьы гущэу
Ж ъ ы у: А-а, ра-ро!
мэфае гущэми мэзау,(оро)!
Ж ъ ы у: Арарэ, орэра, ро!
Арарэ, арэ, рарэ, рирарэ!

3.4. ПЕСНЯ О НОЧНОМ НАПАДЕНИИ

(Шапсугская версия)

В с е: А-рара, орира, ра-о-о!
Ора, аро, оро, рара, рирайро!

1. Мы, кабардинцы, народ малый (гуща),
В с е: Ай, ра-ро!
народом славным (гуща) слывем (оро)!

В с е: Ай-райра, орира, о!
– Арара, рара, рара, рирара!

2. На белых конях с подкованными копытами (гуща)
В с е: Ай ра-ро!
по степи широкой (гуща) ездят (оро)!
В с е: Ай-райра, орира, о!
– Арара, рара, рара, рирара!

3. Своих белых коней (ор), на колени падающих (гуща),
В с е: А-а, ро!
в ночном нападении (гуща) они на поводу ведут (оро)!
В с е: Ай-рара, орира, о!
– Арара, рара, рара, рирара!

4. Хаджихан[1] (ор) золотую шапочку (гуща)
В с е: А-а, ро-ро!
свинцовыми пулями (гуща) вы прошить дали (оро)!
В с е: Ай-рара, орира, о!
– Арара, рара, рара, рирара!

5. Княгини детей малых [отобрав,]
В с е: А-а, ра-ро!
на остриях копий (гуща) носят (оро)!
В с е: Ай-рара, орара, о!
– Арара, ара, рара, рирара!

6. (Ар) возмущенного князя юного, который против выступил (гуща).
В с е: А-а, о!
на глазах (гуща) убили (оро)!
В с е: Арара, ара, ра, о!
– Арара, ара, рара, рирара!

7. Предводителя убил и к своим пробился (гуща)
В с е: А-а, ра-ро!
Хатахуко Джанкилищ (оро)!

В с е: Арара, ора, ра, о!
– Арара, ара, рара, рирара!

8. (Ор) своих девушек золотопоясных (гуща)
В с е: А-а, ра-ро!
с заплаканными глазами (гуща) водят (оро)!
Все: А рара, ора, ра-ро!
– Арара, ара, рара, рирара!

9. (Ор) их юноши (а), жизни не щадя (гуща),
В с е: А-а, ра-ро!
в день несчастья (гуща) сражаются (оро)!
В с е: Арара, орара, ро!
– Арара, ара, рара, рирара!

[1] Х а д ж и х а н – женское имя.

Звукозапись В. Х. Барагунова (1973) в ауле Куйбышевка Краснодарского края с голоса Ильяса Негуч (р. 1899) – запевалы; партию «жу» пели Индрис Негуч (р. 1905), Ильяс Очох (р. 1932), Харун Мафагел (р. 1929) и Индрис Негуч (р. 1909). Текст записал Н. Р. Иваноков. Фонотека КБИГИ, № 92/19.

3.5. ФЭРЗЭПЭ ЗАОМ ИОРЭД

1. Къуэжъые гущэуи си шкончы кIахьэр,
   Ж ъ ы у: Арира, орира!
   гъэтхэпэ шыблэшъыя егъао.
   Ж ъ ы у: Айри, айра, ай-райра, ойра!
   Ар шъадэ!
   Ж ъ ы у: Ойра, орарэ!

2. Фэрзэпэ заомэ уфэзи…
   Ж ъ ы у: Арира, орира!
   чэтэрыо гущэхэр къытфэзыублэрэр…
   Ж ъ ы у: Айри, айра, ра, ойра, ойра, ра!
   Ар шъадэ!
   Ж ъ ы у: Ойра, орарэ!

3. Чэтэрыо гущэхэр къытфэзыублэрэр
   Ж ъ ы у: Арира, орира!
   (ар) Шэбэнэжъыеу Хьатыгъу!
   Ж ъ ы у: Айри, айра, ра, ойра, ойра, ра!
   Ар шъадэ!
   Ж ъ ы у: Ойра, орарэ!

4. Тутыны чысэ мыгъор къырешъу,
   Ж ъ ы у: Арира, орира!
   щэшъуие макъэми (ар) дэджэгу.
   Ж ъ ы у: Айри, айра, ра, ойра, ойра, ра!
   Ар шъадэ!
   Ж ъ ы у: Ойра, орарэ!

5. (Ар) Шэбанэджэ Хьатыгъу ар, еIо,
Ж ъ ы у: Арира, орира!
И мыхъурысэр егъабзэ.
Ж ъ ы у: Айри, айра, ра, ойра, ойра, ра!
Ар шъадэ!
Ж ъ ы у: Ойра, орарэ!

6. ЛIэужы хабзэшъы ар мэзао
Ж ъ ы у: Арира, орира!
Хьатыгъу гущэджэ Салымчэрый ар, еIо.
Ж ъ ы у: Айри, айра, ра, ойра, ойра, ро!
Ар шъадэ!
Ж ъ ы у: Ойра, орарэ!

3.5. ПЕСНЯ О БИТВЕ В ВЕРХОВЬЯХ ФАРЗА

(Бжедугская версия)

1. Кожие[1] (гуща), мое ружье длинное,
В с е: Арира, орира!
весенним громом гремит.
В с е: Айри, айра, ай-райра, ойра!
Ар шада!
В с е: Ойра, орара!

2. [Тот, кто] в битве на Фарзе оказавшись,
В с е: Арира, орира!
Мечом орудовать (гуща) начинает….
В с е: Айри, айра, ра, ойра, ойра, ра!
Ар шада!
В с е: Ойра, орара!

3. Мечом орудовать начинает,
В с е: Арира, орира!
(это) Шабанов малый Хатуг!
В с е: Айри, айра, ра, ойра, ойра, ра!
Ар шада!
В с е: Ойра, орара!

**4. Табака кисет, о горе, [за один раз] выкуривает,
В се: Арира, орира!
с пулями свистящими (ар) играет.
В с е: Айри, айра, ра, ойра, ойра, ра!
Ар шада!
В с е: Ойра, орара!**

**5. (Ар) Шабанов Хатуг наш, говорит,
В с е: Арира, орира!
своим мечом тавровым орудует.
Все: Айри, айра, ра, ойра, ойра, ра!
Ар шада!
В с е: Ойра, орара!**

**6. По обычаю предков сражается
В с е: Арира, орира!
Хатугов (гуща) Салимчерий наш, говорит!
В с е: Айри, айра, ра, ойра, ойра, ра!
Ар шада!
В с е: Ойра, орара!**

Преданий, сопровождающих песню, не представлено ни в публикациях, ни в записях, хранящихся в архиве КБИГИ.

[1] *Кожие* – марка ружья по имени изготовившего его мастера.

Звукозапись А. М. Гадагатля (1959) в ауле Нешукай РА с голоса Али Удычака (р. 1906) – запевалы; партию «жу» пели Ереджиб Чич (р. 1906), Титу Чесебиев (р. 1909) и Мод Удычак. Текст записал Н. Р. Иваноков. Фонотека КБИГИ, № 168/11.

3.6. ЩЭРЭЛIЫКЪУЭ ЖАНТЕМЫР И ГЪЫБЗЭ

1. ЩэрэлIокъуэмэ* и бын за(уо-уа)уэгъуэмэ,
(уэ) шу бланэмэ зыщIыре (уо-уа) гъэдзкъэ.
Е ж ь у: Уай, уайра!
(Уэ) лIы бланэмэ и лIэгъуэ махуэм и щхьэм
фочышэр хэлът.
Е ж ь у: Уэрирэу, рирэу!
– Уоу-рирэ, уари-рирэу, уэририрэ!

2. (Уэ) бзииплъурэ нэбэжэ (уо-уа) кIэшэркъэ
Е ж ь у: А!
(ар) хъаныдзэмэ треуа (уэ)нащIэркъэ.
Е ж ь у: Уай, уайра!
(Уэ) ныбжьыщIэу Хьэнифэ Псыгъуэм а
махуэм зегъэгупщIэх.
Е ж ь у: Уэрирэу, рирэу!
– Уоу-рирэ, уари-рирэу, уэририрэ![1]

3. (Уа) шыпхъуитIурэ лъэгуажьэ (уо-уа) лысыркъэ
Е ж ь у: А!
щхьэкIуиемэ зыбгырегъэчкъэ (тIэ).
Е ж ь у: Уай, уайра!
(Уэ) жырыгуурэ жырыщхъуэжь джатэр
къуэнтхъейм зыбгыребгъэхт.
Е ж ь у: Уэрирэу, рирэу!
– Уоу-рирэ, уари-рирэу, уэририрэ!

4. Зэхэзыхмэ зэфIагъэ(уо-уа) щIагъуэ,
Е ж ь у: А!
(а) бзэмыIумэ (уа) щыгъэщIэ(уо-уа)гъуэнт.
Е ж ь у: Уай, уайра!
(Уэ) хуэхуей, си Мыхьэмэт, фэрдаусыр Тхьэм зыритын!
Е ж ьу: Уэрирэу, рирэу!
– Уоу-рирэ, уари-рирэу, уэрирарэ!

5. (Мыдэ) гущэкIэрэ мыкIуэжы (уо-уа)н (уэ) зауэ гущэр.
Е ж ь у: А!
Мыхьэмэтмэ (уа) нытхуэзэ (уэ) хешэ.
Е ж ь у: Уай, уайра!
(Уэ) шэшэнуэ уи пщIэгъуалэшхуэр топышхуэм нытхурегъалъэ.
Е ж ьу: Уэрирэу, рирэу!
– Уоу-рирэу, уари-рирэу, уэрирарэ!

6. Уэ уи тажурэ пщэдджы (уо-уа)жь (уэ) пшэплъыр,
Е ж ь у: А!
(а) жырышэри плъыжьуэ нахедзэ.
Е ж ьу: Уай, уайра!
МыкIуэжынт, хьэщхьэрыIуэдзэт, и Iэпщэм лъыпсыр пегъэж.
Е ж ь у: Уэрирэу, рирэу!
– Уоу-рирэу, уари-рирэу, уэрирарэ!

7. (Уа) джатэпэмэ лъыпсыр пы (уо-уа, уэ) жыхэурэ,
Е ж ь у: А!
дзэбгъумкIэрэ зыблыре (уэ)гъэх (жи),
Е ж ь у: Уай, уайра!
(Уэ) кхъахэм зынырегъэхь, шыкхъаблэм зырегъэхьыж.
Е ж ь у: Уэрирэу, рирэу!
– Уоу-рирэу, уари-рирэу, уэрирарэ!

8. (А) уи шыпхъуурэ Хьэнифэ (уо- уа) Псыгъуэм
Е ж ь у: А!

IэпэкIэрэ зыныре (уэ) гъашэкъэ,
Е ж ь у: Уай, уайра!
(Уэ) Лэшын пцIащхъуэ фIамыщIт (жи).
Е ж ь у: Уэрирэу, рирэу!
– Уоу-рирэу, уари-рирэу, уэрирарэ!

9. Лэшыныжьурэ пцIащхъуэ фIа(уо-уа) мыщIыркъэ,
Е ж ь у: А!
(а) жьэгу пащхьэмэ къыщагъэ(уа, уэ) фIыцIкъэ,
Е ж ь у: Уай, уайра!
(Уа, уей, уэ) махуэм пшагъуэ фIыцIаер уардэ унэмэ щызэтрехьэ.
Е ж ь у: Уэрирэу, рирэу!
– Уоу-рирэу, уари-рирэу, уэрирарэ!

10. (Уэ) а махуэмэ пшагъуэ фIы(уэ) цIае гущэр
Е ж ь у: А!
уардэ унэмэ щызэты (уо-уа, уэ) рехьэкъэ.
Е ж ь у: Уай, уайра!
(Уа, уей) ЩэрылIокъуэмэ уащIылъихьэнур нэхъыщIэкIэ Жанытемырт, а махуэм епсыхыжай.
Е ж ь у: Уэрирэу, рирэу!
Уоу-рирэу, уари-рирэу, уэрирарэ!

3.6. ПЛАЧ О ЖАНТЕМИРЕ ШЕРЕТЛУКОВЕ

(Кабардинская версия)

1. Когда Шеретлуковых отпрыск возраста (уо-уа) воина достигает, (уа) всадника могучего метаться заставляет.
В с е: Уай, уайра!
(Уа) у мужа могучего в день смерти в голове пуля была.
В с е: Уарирау, рирау!
– Уоу-рира, уари-рирау, уарирара!

**2. (Уа) [весь свой колчан] соколиных
красноперых стрел
Все: А!
(ар) на ханское войско он опорожняет.
Все: Уай, уайра!
(Уа) новобрачная Ханифа Стройная в тот
день робеет.
Все: Уарирау, рирау!
– Уоу-рира, уари-рирау, уарирара!**

**3. (Уа) двух сестер с коленями (уо-уа) стертыми,
Все: А!
скорбная весть разъединяет (та).
Все: Уай, уайра!
(Уа) из серой стали могучий меч его как
трофей делят.
Все: Уарирау, рирау!
– Уоу-рира, уари-рирау, уарирара!**

**4. Услышавшие [об этом] диву даются,
Все: А!
(а) в стране языка (уа) чужого этому удивляются.
Все: Уай, уайра!
(Уа) охохой, мой Магомет, фирдаусом[1] пусть
Бог тебя одарит!
Все: Уарирау, рирау!
– Уоу-рира, уари-рирау, уарирара!**

**5. (Мида, гуша) битву, откуда [живыми] (уа)
не возвращаются,
Все: А!
Магомет (уа) нам затевает.
Все: Уай, уайра!
(Уа) чеченского своего белого коня большого
через пушку перепрыгнуть заставляет.
Все: Уарирау, рирау!
– Уоу-рирау, уари-рирау, уарирара!**

6. Твой шлем – что утренняя (уа) заря красная,
В с е: А!
(а) стрелы стальные красные он во [врагов] мечет.
В с е: Уай, уайра!
Он не отступает, [его меч] – бешеной собаки зуб, с его запястья кровь течет.
В с е: Уарирау, рирау!
– Уоу-рирау, уари-рирау, уарирара!

7. (Уа) с мечом, по которому кровь стекает,
В с е: А!
вдоль войска проносится (жи).
В с е: Уай, уайра!
(Уа) на кладбище его на конных носилках увозят.
В с е: Уарирау, рирау!
– Уоу-рирау, уари-рирау, уарирара!

8. (А) твою сестру Ханифу (уо – уа) Стройную
В с е: А!
под руки вести приходится,
Все: Уай, уайра!
(Уа) Лашин[2] ласточке угольно-черной подобна была (жи).
В с е: Уарирау, рирау!
– Уоу-рирау, уари-рирау, уарирара!

9. Лашин грозную, что ласточке угольно-черной подобна была,
В с е: А!
(а) у очага чернеть заставляют.
В с е: Уай, уайра!
(Уа, уей, уа) в [тот] день черный туман зловещий над родовитым домом собирается.
В с е: Уарирау, рирау!
Уоу-рирэу, уари-рирау, уарирара!

10. (Уа) в тот день черный туман зловещий (гуша)
Все: А!
над родовитым домом собирается.
Все: Уай, уайра!
(Уа, уей) к Шеретлуковым собираться стоило
ради кого – это ради младшего Жанитемира,
да и он в тот день [навеки] спешился!
Все: Уарирау, рирау!
– Уоу-рирэу, уари-рирау, уарирара!

Преданий, сопровождающих песню, не представлено ни в публикациях, ни в записях, хранящихся в архиве КБИГИ.

[1] *Фирдаус* – райский сад, лучшее место в раю.
[2] Значение слова утрачено, поэтому перевод данного и последующего стихов условный. Вероятно, это женское имя.

Звукозапись Х. М. Секрекова (1955) в г. Нальчике с голоса Амирхана Хавпачева (1882–1972) – запевалы, уроженца сел. Кахун КБР; партию «ежу» пели Кру Тхагалегов (1876–1966), Маша Назаров (1894–1968), Шухиб Хавпачев (1896–1973) и Хасан Хавпачев (р. 1929). Текст записал З. П. Кардангушев. Фонотека КБИГИ, № 178/19.

Шератлуковы (Шеретлоковы) – дворянская фамилия у шапсугов. Представители ее в разное время по-разному проявили себя в общественной жизни. В частности, противоречия между Шератлуковыми и вольнолюбивыми свободными людьми шапсугского племени стали поводом для исторического сражения между бжедугами и шапсугами в 1795 г. в местности Бзиюко, после которой Шератлуковы были вынужены покинуть Шапсугию. Однако в Кавказской войне представители этой фамилии нередко прявляли себя как достойные защитники своей родины. В их числе был и герой данной песни.

3.7. АЖДЖЭРИЙ И КЪУЭ КУШЫКУ И ГЪЫБЗЭ

I

1. (Уорэдэ) данэхэр зыгъэкI,
данэхэри зи шхуэмылакIэ?

2. Псы икIыгъуэри дэ къытхуэзыпщытэ? –
Аджджэрий и къуэкIэрэ ди Кушыкупщ!

3. Архъызыжьмэ (рэ) уи домбей пашэри
бжьапэкIэрэ тхухэзыгъащIэ,

4. Щэбартыжьмэ (рэ) уи Бгы хужь лъапэр
шыбгъэкIэрэ къызэлъыщIадз.

5. Сэшхуэжьуэрэ хьэщхъуэрыIуэдзэри
къэзакъыжьхэми фи пщэрыдзэнт.
Е ж ь у: Ей-рерэщ, айра-рира!
– Уо-рирэщ, уо-уо-уо, уоу-рирэу!

II

6. (Арэдэ, рэ) Биболэ Iуащхьэр
бгъафэкIэрэ къытхуэзыгъэгъу.

7. (МыдэкIэрэ) дэ ди къуэшыжь егъухэри
Iуащхьэ къуагъмэ къызэдыкъоплътэкъэ.

**8. (Рэ) а махуэмэ (рэ) шэджагъуэужьмэ
(айт, жыпIэркъэ) батэхэр ягъэштэкъэ.**

**9. (МыдэкIэрэ, ра) асаемэшэгъумэ
(айт, жыпIэмэ, уо) срамыIуатэ.**

**10. Къэхьырмэнмэ дэ дыкъилъэгъуат,
уэркъ къилъхуа гущэмэ диIуэтэжынтэкъэ.
Е ж ь у: Ей-рерэщ, айра-рира!
– Уо-рирэщ, уо-уо-уо, уоу-рирэу!**

III

**11. (Е, уой, жыпIэркъэ, рэ) шэ фIыцIэ закъуэмэ
лыгъей мафIэмэ зыхрегъадзэ.**

**12. Дыщэпсхэри (рэ) зи бгъэгурыдзэмэ,
емыкIу лъагъуэм тетри ащыкъ зыхуощIт.**

**13. Нэгъуеижьмэ (рэ) фи зэпэбашхэр
нэпкъыпитIмэ (рэ) къызэдыщIасэ.**

**14. Едыджыпщри (рэ) узытес трамэри
зэпылъуэрэ къытхухэзыш.
Е ж ь у: Ей, ейра-рира!
– Арира-ра, уо-уо-уо, уоу-рирау!**

IV

**15. (Ередэ-рэ) Дэмдрэтхъуэжьмэ
ужьэдэумэ маскIэхэр Iурех.**

**16. УеIэбыхрэ (уэр) къызэщIэпкъуэзэркъэ,
Аджэрий и къуэкIэрэ ди Кушыкупщ.**

**17. Чэщеуэрэ си щхьэгъубжэшхуэм
хьэжы-молэмэ духьэр къыщащIтэкъэ,**

18. ЩIасэ тIуанэр (ра) сэ къыстумыщIатэмэ,
жыр лэныстэмкIэрэ зыпхуэслIэжынт!
Е ж ь у: Ей, ейра-рира!
– Уарирэ-ра, уо-уо-уо, уоу-рирэу!

V

19. ЩIалэгъуалэурэ (рэ) шыбгым ис псо гущэмэ
Кушыкупщыр зэдэдигъуазэ.

20. Егъэзыгъэри дэ къытхудэзыхыр
ХьэтIохъущокъуэкIэрэ Мыхьэмэт-Iэшэти.

21. Чэщейуэрэ си бэщмакъитIмэ
щхьэкIуэхкIэрэ срагъэпсых.

22. Мыр зы шухэри (уэр) щемыпсыхыжри,
(айт, жыпIэркъэ) Хурзэщхьэ унэжьт.
Е ж ь у: Ей, ейра-рира!
– Уарирэ-ра, уо-уо-уо, уоу-рирау!

VI

23. (Арэдэ) данэхэр зыгъэкI
щхьэцыкIэмэ зэдыхигъэIэркъэ.

24. Iэдэмашэмэ (уэр) щызэдеIэжкIэрэ –
Iэпщашэмэ зы шухэри къыпамышIыжт (иджы).
Е ж ь у: Ей, уейра-рира!
– Уарира-ра, уо-уо-уо, уоу-рирау!

VII

25. Мылэжьэжури сэ си дыщэ пыIэри
фыкъэIэбэрэ сщхьэрывгъэкIуэткъэ!

26. (Айт, жыфIэркъэ, рэ) фызэтекIуэтрэ
щхьэм и гъыбзэри къэзвгъэусыт!

**27. Алэруэрэ сэ си арджэнышхуэри
жыхафэ гущэмэ щызогъэтIылъ.**

**28. Чэрэчэуэрэ (уэр) хагуэшэжынри
къэвгъэтIылъэрэ сытевгъэпыхьэркъэ!
Е ж ь у: Ей, уейра, уо-рира!
– Уарира-ра, уо-уо-уо, уоу-рирау!**

VIII

**29. (Ей, ей жыпIэркъэ, рэ) шу бзаджэ шухэри
псыхъуэ банэмэ къызэдыхохьэ.**

**30. БэчбийкIэрэ (рэ) кIэрыхьэжари
Алъхъэс и къуэкIэрэ фи Беслъэныжьт!**

**31. (Айт, жыпIэркъэ, рэ) Къурэлеигъуэмэ
бгъукIэрэ зыщIрегъэхьэ.**

**32. КIэмыргуейуэрэ (рэ) узыхыхьэжахэми
гыбзэгъукIэрэ ураукIыжт (иджы)!
Е ж ь у: Уей, уейра, уо-рира!
– Уарира-ра, уо-уо-уо, уоу-рирау!**

IX

**33. Жырыщтыжьмэ (рэ) фи Арыкъыжьмэ
(айт, жыпIэмэ) батэхэр щагъэш.**

**34. Быну сиIэмэ (рэ) я нэхъыфIитIри
Псэун-хьэжыжьми къыхутызонэ.**

**35. Дунеижьми сэ къытезна псоми
Кумбылхъанри я нэхъ тхьэмыщкIэти.
Е ж ь у: Уей, уейра, уо-рира!
– Уарира-ра, уо-уо-уо, уоу-рирау!**

X

36. Дунеижьмэ (рэ) уи къамэлышхуэрт –
хэпхапIэкIэрэ тхуэзыгъэмащIэ.

37. (Ар) а махуэмэ дэ ди гумэщIыгъуэт,
быдапIэ гущэмэ декIуалIэжатэкъэ.

38. (Айт, жыпIэмэ) пщы чэу я Iэбжэм
жьрабгъунэри тызогъэзашэ.

39. Кумбылхъанэмэ (рэ) уи хъарзынашэр
Уарпыжь псыхъуэ гущэмэ щепсыхыжат (иджы).
Е ж ь у: Ей, уойра, рира!
– Уарира-ра, уо-уо-уо, уоу-рирау!

XI

40. Дунеижьмэ (рэ) утемызагъэт,
шэ фIыцIэжьмэ уезэгъыжат.

41. Бэщмакъыжьмэ (рэ) уи щIылъэ пшагъуэр
зекIуэлIхэмэ ди шэтрыщхьэ.

42. ЦIыхущхьэжьмэ (рэ) фи гуимэ щхъуантIэри
шы лъабжьэкIэрэ къытхуэзыкъутэ.
Е ж ь у: Уо, уойра, уо-рира!
– Уарира-ра, уо-уо-уо, уоу-рирау!

XII

43. Мы унагъуэмэ (рэ) и къутэжыгъуэт
сэ си нитIкIэрэ сыхэбгъэплъэжт.

44. Деихуурэ си бэщмакъитIмэ
щхьэкIуэхкIэрэ срагъэпсых.

**45. Ди пщы ябгэри зэ къытхуепсыхыжтэмэ,
лажьэ псо гущэри имыгъэгъунтэкъэ.
Е ж ь у: Уо, уойра, уо-рира!
– Уорира-ра, уо-уо-уо, уоу-рирау!**

XIII

**46. Нэгъуеижьмэ (рэ) фи соку гъуэмылэри
гъуэгу напщIитIмэ къызэдыхапхъэ.**

**47. Iуфэрысмэ (рэ) къэзакъ ябгэжьхэми
пхъэрынкIэрэ загъэпсэхуж.**

**48. Мэшыкъуэмэ (рэ) фэ фи Арыкът,
къуентхъыпIэми хызогъэгуашэ.**

**49. Чэрэчэуэрэ (уэр) хагуэшэжын,
зэдевубгъурэ сывмыгъэлъагъутэкъэ.
Е ж ь у: Уо, уойра, уо-рира!
– Уарира-ра, уо-уо-уо, уоу-рирау!**

XIV

**50. Нэгъуеижьмэ (рэ) фи фоч фIыцIэжьхэри
дзэшхуэкIэмэ къыщагъэгъуагъуэ.**

**51. Джэбагъыжьмэ (рэ) уи фоч зэ уэгъуэри
уэркъ щауэмэ ди нэплъэжыгъуэти.
Е ж ь у: Уо, уойра, уо-рира!
– Уорира-ра, уо-уо-уо, уоу-рирау!**

XV

**52. (Арэдэ, рэ) лIэкъуэлIэш щIалэхэри
(айт, жыпIэркъэ, рэ) тэхъутей темыхт.**

**53. Зи тэхъутейхэри зытезмыхагъэххэр
шуукIэмкIэрэ хокIуэсыкIыж.**

54. (Айт, жыпIэркъэ) данэхэр зыгъэкI (гущэ),
пщым и Iэбжэмэ си нэр тозашэ.

55. Къэзакъышэмэ (рэ) уимыгъалIэт,
сабий уз гущэми уригъэ(уо)лIэжт (иджы).
Е ж ь у: Уо, уойра, уо-рира!
– Уорира-ра, уо-уо-уо, уоу-рирау!

3.7. ПЛАЧ О КУШУКЕ, АЖДЖЕРИЯ СЫНЕ

(Черкесская версия)

I

1. (Уорада) шелковые [усы] кто отращивает,
шелковые у кого поводья?

2. В реках броды кто нам разведывает? –
Ажджерия сын наш Кушук это!

3. В Архызе [1] родном (ра) зубра-вожака
копья острием поражает,

4. Шабарты [2] родного (ра) подножье Белой горы
грудью коня прочесывает.

5. С шашками, подобными зубам бешеной собаки,
казаки неразлучны.
В с е: Ей-рераш, айра-рира!
– Уо-рираш, уо-уо-уо, уоу-рирау!

II

6. (Арада, ра) на Биболе-горе [врагов поджидая,]
грудью [землю] высушивает.

7. (Мидачара) наши братья-недруги [уже]
из-за горы выглядывают.

8. (Ра) в тот день (ра) после полудня
(айт, жипарка) большие дела творятся.

9. (Мидачара, ра) асаемашагума [3]
(айт, жипама, уо) пусть меня не позорят.

10. Кахирман [4] нас видел,
уорком если он рожден (гуша), о нас [правду] расскажет.
Все: Ей-рераш, айра-рира!
– Уо-рираш, уо-уо-уо, уоу-рирау!

III

11. (Е, уой, жипарка, ра) черная пуля единственная
в огонь броситься заставляет.

12. Ту [5], у кого золотистый (ра) нагрудник был,
на неудобной тропе [6] увидев, себя полюбить заставил.

13. Ногайцы проклятые (ра) свои сошки
на двух кручах (ра) расставили.

14. Едиджа-князя (ра) траму [7]
в полном наряде [из боя] выводишь.
В с е: Ей, ейра-рира!
– Арира-ра, уо-уо-уо, уоу-рирау!

IV

15. (Ереда-ра) сивого Дамдру [8] могучего
когда за поводья дергаешь, из его пасти искры летят.

16. Наклонись и (уар) подпруги подтяни,
Аджджерия сын наш Кушук!

17. У самшитового моего окна большого
хаджи-муллы молитвы читают.

18. Вторую жену любимую (ра) если б ты не завел,
стальными ножницами из-за тебя
я себя бы убила!
В с е: Ей, ейра-рира!
– Уарира-ра, уо-уо-уо, уоу-рирау!

V

19. Молодежи всей (ра), на конях сидящей (гуша),
Кушук пример.

20. В беду попавших выручает
Хатокшоко Магомет Косорукий.

21. С самшитовых моих башмаков
горя вестник меня сойти заставил.

22. Ни один всадник (уар) где больше не спешивается –
(айт, жипарка) это дом в верховьях Хуарзы.
В с е: Ей, ейра-рира!
– Уарира-ра, уо-уо-уо, уоу-рирау!

VI

23. (Арада) шелковые усы отращивавший
за волосы хвататься <врагов> заставлял.

24. За кривые рукоятки (уар) когда хватались –
[с Кушуком] ни один всадник сравняться
не мог (иджы).
В с е: Ей, уейра-рира!
– Уарира-ра, уо-уо-уо, уоу-рирари!

VII

**25. Неизнашиваемую мою золотую шапочку
рукой с меня снимите!**

**26. (Айт, жипарка, ра) расступитесь и
о себе гыбзу сложить мне дайте!**

**27. Из алара[9] сплетенную мою циновку большую
перед дверью (гуша) я разложу.**

**28. Доспехи (уар), прежде чем раздадут,
Положите сюда и мне оплакать дайте!
В с е: Ей, уейра, уо-рира!
– Уарира-ра, уо-уо-уо, уоу-рирау!**

VIII

**29. (Ей, ей жипарка, ра) всадники коварные
в заросли речной долины вступают.**

**30. На бачбийский[10] (ра) склон кто [трусливо] ушел –
Алхасовых это сын Беслан подлый!**

**31. (Айт, жипарка, ра) Куралея[11] рыжего
в сторону отпрянуть он заставляет.**

**32. Темиргоевцы, к которым (ра) ты вернулся,
проклятиями тебя пусть сразят (иджы)!
Все: Уей, уейра, уо-рира!
– Уарира-ра, уо-уо-уо, уоу-рирау!**

IX

**33. Жириштиевы, (ра) на вашем Арыке родном
(айт, жипарка) большие дела творятся.**

**34. Из детей моих (ра) двоих лучших
Псауну-хаджи старому оставляю.**

35. Из тех, кого я на этом свете оставил,
Кумбильхан[12] – самая несчастная.
В с е: Уей, уейра, уо-рира!
– Уарира-ра, уо-уо-уо, уоу-рирау!

36. Старый мир, (ра) в твоих камышовых зарослях
больших прятать лошадей нам уже негде.

37. (Ар) тот день стал для нас днем горя,
к оплоту своему (гуша) мы вернулись.

38. (Айт, жипама) на княжескую ограду
глаза мои глядеть устали.

39. Кумбильхан, (ра) тебе добро [разное] привозивший
в долине Уарпа (гуша) навеки спешился (иджы).
В с е: Ей, уайра-рира!
– Уарира-ра, уо-уо-уо, уоу-рирау!

XI

40. В этом мире (ра) ты покоя не находил –
пуля черная тебя успокоила.

41. С Башмакижа[13] (ра) ползущий туман
нам, походным воинам, – шатер.

42. Большие люди, (ра) вашу крытую повозку зеленую
копытами коня он разрушает.
В с е: Уо, уйора, уо-рира!
– Уарира-ра, уо-уо-уо, уоу-рирау!

XII

43. Этого дома (ра) разрушение
мне своими глазами увидеть пришлось.

44. С ореховых белых башмаков
горя вестник сойти меня заставил.

**45. Наш князь неистовый если б вернулся,
горести наши (гуша) он бы [врагам] не простил.
В с е: Уо, уойра, уо-рира!
– Уарира-ра, уо-уо-уо, уоу-рирау!**

XIII

**46. Ногайцы проклятые (ра), вашу походную пищу
по сторонам дороги разбрасывают.**

**47. Побережные казаки жестокие
от погони уже отдыхают.**

**48. Машуковы (ра), на вашем Арыке
добычу разделить я велю.**

**49. Доспехи (уар), что делить придется,
развесьте так, чтобы я не видела.
В с е: Уо, уойра, уо-рира!
– Уорира-ра, уо-уо-уо, уоу-рирау!**

XIV

**50. Ногайцы старые (ра), ваши черные ружья
в хвосте войска большого грохочут.**

**51. Джабаги [14] могучий (ра), твоего ружья выстрел
единственный уорков молодых выручил.
Все: Уо, уойра, уо-рира!
– Уорира-ра, уо-уо-уо, уоу-рирау!**

XV

**52. (Арада, ра) знатные юноши
(айт, жипарка, ра) [с ружей] чехлы снять
не успели.
53. Те, кто чехлы вовсе не снимал,
из хвоста конницы сбегают.**

**54. (Айт, жипарка) на княжескую ограду шелковые усы
отращивающего (гуша) глаза мои глядеть
устали.**

**55. Казачья пуля (ра) тебя не брала,
детская хворь (гуша) тебя унесла (иджи).
В с е: Уо, уойра, уо-рира!
– Уорира-ра, уо-уо-уо, уо-рирау!**

О герое песни князе Кушуке Ажджери (лицо историческое, в русских документах – князь Кучук Аджигиреев; справку о нем см. в комментариях) до нас дошло несколько преданий, повествующих о его борьбе против колонизаторской политики царизма и о гибели. Согласно одному из них он умер от ран, полученных в сражении, согласно другому – от болезни. Автором песни предания называют то жену или сестру Кушука, то дружинных джегуако, участвовавших вместе с ним в походах, причем в одном из них сообщается, что они сложили песню не после смерти героя, как это бывало обычно, а при его жизни – в знак признания его заслуг.

Предания не представлены в публикациях; их записи хранятся в рукописном архиве КБИГИ (ф. 12, оп. 1, ед. хр. 110) и в фонотеке (м/пл. № 175/5); краткое содержание одного из них изложено в кн.: КФ. С. 412.

[1] *А р х ы з* – топоним, местность в верховьях Лабы.
[2] *Ш а б а р т* – топоним, местность в верховьях Кубани.
[3] Искаженное слово, расшифровать не удалось.
[4] *К а х и р м а н* – мужское имя.
[5] Певец ошибочно спел: «Тот, у кого золотистый нагрудник». Нагрудник – деталь женского парадного платья.
[6] *Н е у д о б н а я т р о п а* – тропа, ведущая к туалету и потому неудобоназываемая. Согласно версии предания, соратники героя однажды утром проснулись от какого-то шума. Оказалось, что это Кушук и один из его дружинников вдвоем расправляются с целым отрядом неприятеля. По этому поводу было решено сложить величальную песню, однако относительно того, кто из двоих проявил большее мужество, мнения разделились. Тогда кто-то намекнул, что весь этот эпизод видела случайно женщина из близлежащего селения, шедшая утром по той самой «неудобной тропе». Это оказалась дочь владельца аула; когда спросили у нее, кому бы она отдала предпочтение, она, воздав должное обоим, выбрала Кушука.

[7] *Т р а м а* – разновидность кабардинской породы лошадей (нередко и кличка коня этой породы).

[8] *Д а м д р а* – кличка коня.

[9] *А л а р* – видимо, название разновидности растения, из которого плетут циновки.

[10] *Б а ч б и й* – топоним, название балки к западу от аула Алибердуко КЧР.

[11] *К у р а л е й* – разновидность кабардинской породы лошадей, а также кличка коня этой породы.

[12] *К у м б и л ь х а н* – женское имя.

[13] *Б а ш м а к и ш* – топоним; в других версиях – Шушмагир, Жашмагир, Башмакир. Гора, расположенная на территории Ставропольского края.

[14] *Д ж а б а г и* – мужское имя.

Звукозапись и запись текста З. П. Кардангушева (р. 1973) в ауле Али-Бердуковский КЧР с голоса Аюба Жужуева (р. 1903) – запевалы; партию «ежу» пели Ахмед Гогушев (р. 1911), Фуад Нанаев (р. 1930) и Бетал Нахушев (р. 1919). Фонотека КБИГИ, № 69 а/14.

3.8. АЖДЖЭРИЙ И КЪУЭ КУШЫКУ И ГЪЫБЗЭ

1. (Уо-ра-уо) гъатхэ шухэр (уо) дыщызэхыхьэкIэрэ
(зиунагъуэ),
Е ж ь у: А, а-ау рирэщ, уой-уо!
(уэ) шу джакIуэ гущэр (атIэ, уэ) махуэмэ
зыкIэлъа(уори)гъакIуэ.
Е ж ь у: А, уэрирэу рирэу, уау-рирари!

2. (Уо-ра-уо, а) дыкъыщыкIуэжкIэрэ (уо, зиунагъуэ),
Е ж ь у: А, а-ау рирэщ, уой-уо!
(уэ) шуукIэ гущэр (атIэ, еу-уей)
тхуэзыгъэгушхуэ.
Е ж ь у: А, уэрирэу рирэу, уау-рирари!

3. (Уо-ра-уо,уэ) пхъэрышхуэри (уэ)
къыщыткIэлъыкIуэкIэ (зиунагъуэ),
Е ж ь у: А, а-ау рирэщ, уой-уо!
(уо) лIыхъуэщхьэ гущэр (атIэ, еу-уей)
къытхуфIэзы(уори)гъащIэ.
Е ж ь у: А, уэрирэу рирэу, уау-рирари!

4. (Уо-ра-уо, уо) пащIэр зыгъэкIыурэ (уо-ра-уойдэ)
Е ж ь у: А, а-ау рирэщ, уой-уо!
(уэ) щхьэцыкIэ гущэмэ (еу-уей)
зыдыхэбгъыIэт (жи).
Е ж ь у: А, уэрирэу рирэу, уау-рирари!

**5. (Уо-ра-уо, уэ) фоч дакъэмэ (уо) щызэдеIэжкIэ
(уо-ра-уо),
Е ж ь у: А, а-ау рирэщ, уой-уо!
(уэ) Iэпщашэ гущэмэ (еу-уей) лъыхэр (уо)
дэбгъагъуэщ.
Е ж ь у: А, уэрирэу рирэу, уау-рирари!**

**6. (Уо-ра-уо, уо) нэгъуеймэ, фи зэпэбашыр
(тIэ, уо-ра-уойдэ).
Е ж ь у: А, а-ау рирэщ, уой-уо!
(уэ) пэнтхыпэ гущэм (атIэ, еу-уей)
къыщыздыхасэри.
Е ж ь у: А, уэрирэу рирэу, уау-рирари!**

**7. (Уо-ра-уо) Едыджыпщыр зытес трамэркъэ
(уо-ра-райдэ)
Е ж ь у: А, а-ау рирэщ, уой-уо!
фызым ялъагъу гущэурэ (еу-уей)
къытхудэ(уори)зыш.
Е ж ь у: А, уэрирэу рирэу, уау-рирари!**

**8. (Уо-ра-уо) Шыщмагъырмэ (уэ) и щIылъэ
пшагъуэркъэ (уо-ра-уойдэ)
Е ж ь у: А, а-ау рирэщ, уой-уо!
зекIуэ шу гущэмэ (уо) я щIакIуэ (уори)
щхъуантIэщ.
Е ж ь у: А, уэрирэу рирэу, уау-рирари!**

**9. (Уо-ра-уо, уо) топ зезышэмэ фи гу щхъуантIэжьыркъэ
(тIэ, уо-уо)
Е ж ь у: А, а-ау рирэщ, уой-уо!
(уэ) шы лъабжьэ гущэмэ (еу-уей)
тхуезыгъэ(уори)къутэ.
Е ж ь у: А, уэрирэу рирэу, уау-рирари!**

**10. (Уо-ра-уо, уо) дунеймэ и къутэжыныр
(тIэ, уо-ра-уойдэ)**

Е ж ь у: А, а-ау рирэщ, уой-уо!
(уэ) мы нобэ гущэмэ (еу-уей) ди нэрылъагъуи.
Е ж ь у: А, уэрирэу рирэу, уау-рирари!

11. (Уо-ра-уо) зи мыажалми (а-ра-уо),
Е ж ь у: А, а-ау рирэщ, уой-уо!
(уэ) фочышэ гущэм (атIэ, еу-уей)
зэримы(уори)гъалIэ.
Е ж ь у: А, уэрирэу рирэу, уау-рирари!

12. (Уо-ра-уо, уор) таломэ (уор) игъэлIэжар
(атIэ, уо-ра-уойдэ)
Е ж ь у: А, а-ау рирэщ, уой-уо!
Ажджэрииймэ и къуэкIэ (еу-уей) ди Кушыку
(уэ) дыщэ.
Е ж ь у: А, уэрирэу рирэу, уау-рирари!

13. (Уо-ра-уо) Арысеймэ (уэ) цIыхушхуэ фызхэм (тIэ,
уо-ра-уойдэ)
Е ж ь у: А, а-ау рирэщ, уой-уо!
зи гугъуфI гущэр (еу-уей) ямыгъэ (уори)
псэху (жи).
Е ж ь у: А, уэрирэу рирэу, уау-рирари!

14. (Уо-ра-уо) данапIэ гущэм щызмыгупсэху
(жи, уо-ра-уойдэ),
Е ж ь у: А, а-ау рирэщ, уой-уо!
(уэ) шы кхъаблэ гущэр (еу-уей) зи
гъэпсэхупIэ.
Е ж ь у: А, уэрирэу рирэу, уау-рирари!

15. (Уо-ра-уо, дуней) ди дуней нэхути (уо-ра-уойдэ),
Е ж ь у: А, а-ау рирэщ, уой-уо!
фочым и нэхухэри зи шуры(уори)лъэс.
Е ж ь у: А, уэрирэу рирэу, уау-рирари!

16. (Уо-ра-уо) чэнифаскъэ (уор) и дари фIыцIэркъэ
(уо-ра-уойдэ)

Е ж ь у: А, а-ау рирэщ, уой-уо!
лъы нэпс жагъуэ гущэмэ (еу-уей)
къызогъэгъэфри.
Е ж ь у: А, уэрирэу рирэу, уау-рирари!

3.8. ПЛАЧ О КУШУКЕ, АЖДЖЕРИЯ СЫНЕ

(Кабардинская версия)

1. (Уо-ра-уо) весною мы, всадники, (уо) когда
собираемся (зиунаго),
В с е: А, а-ау рираш, уой-уо!
(уа) верхового гонца (гуша, ата, уа) в тот день
к тебе отправляют.
В с е: А, уарирау рирау, уау-рирари!

2. (Уо-ра-уо, а) когда возвращаемся (уо, зиунаго),
В с е: А, а-ау рираш, уой-уо!
(уа) ты у всадников отставших (гуша, ата,
еу-уей) дух поднимаешь.
В с е: А, уарирау рирау, уау-рирари!

3. (Уо-ра-уо, уа) погоня большая (уа) когда
за нами была (зиунаго).
В с е: А, а-ау рираш, уой-уо!
(уо) витязя голову (гуша, ата, еу-уей)
[одним ударом] свеситься заставил.
В с е: А, уарирау рирау, уау-рирари!

4. (Уо-ра-уо, уо) усы отращивающих (уо-ра-уойда)
В с е: А, а-ау рираш, уой-уо!
(уа) волосы на себе (гуша, еу-уей) рвать
заставил (жи).
В с е: А, уарирау рирау, уау-рирари!

5. (Уо-ра-уо, уа) за приклад ружья (уо) когда хватаются
(уо-ра-уо),

16 Заказ № 246

В с е: А, а-ау рираш, уой-уо!
(уа) на кривой рукояти [твоей] (гуша, еу-уей) кровь (уо) запекается.
В с е: А, уарирау рирау, уау-рирари!

6. (Уо-ра-уо, уо) ногайцы, вы свои сошки (та, уо-ра-уойда)
В с е: А, а-ау рираш, уой-уо!
(уа) по краю кручи (гуша, ата, еу-уей) дружно втыкаете.
В с е: А, уарирау рирау, уау-рирари!

7. (Уо-ра-уо) Едиджа-князя носившую траму (уо-ра-райда)
В с е: А, а-ау рираш, уой-уо!
у женщин на виду (гуша, еу-уей) со двора уводишь.
В с е: А, уарирау рирау, уау-рирари!

8. (Уо-ра-уо) с Шушмагира (уа) ползущий туман (уо-ра-уойда)
В с е: А, а-ау рираш, уой-уо!
походным всадникам (гуша, уо) как бурка (уори) серая.
В с е: А, уарирау рирау, уау-рирари!

9. (Уо-ра-уо, уо) повозки зеленые большие, что пушки возят, (та, уо-уо)
В с е: А, а-ау рираш, уой-уо!
(уа) конскими копытами (гуша, еу-уей) крошишь.
В с е: А, уарирау рирау, уау-рирари!

10. (Уо-ра-уо, уо) что мира крушение [настало], (та, уо-ра-уойда),
В с е: А, а-ау рираш, уой-уо!
(уа) сегодня (гуша, еу-уей) мы своими глазами видим.
В с е: А, уарирау рирау, уау-рирари!

11. (Уо-ра-уо) того, чьей смерти час не настал (а-ра-уо),
В с е: А, а-ау рираш, уой-уо!
(уа) [даже] ружейная пуля (гуша, ата, еу-уей) не берет.
В с е: А, уарирау рирау, уау-рирари!

12. (Уо-ра-уо, уор) от холеры (уор) умер (ата, уо-ра-уойда)
В с е: А, а-ау рираш, уой-уо!
Аджерия сын (еу-уей) наш Кушук (уа) золотой.
В с е: А, уарирау рирау, уау-рирари!

13. (Уо-ра-уо) в России (уа) у жен больших людей (та, уо-ра-уойда)
В с е: А, а-ау рираш, уой-уо!
о тебе слава (гуша, еу-уей) не умолкает (жи).
В с е: А, уарирау рирау, уау-рирари!

14. (Уо-ра-уо) в белошелковой постели (гуша) покоя ты не находил (уо-ра-уойда),
В с е: А, а-ау рираш, уой-уо!
(уа) на конных носилках (гуша, еу-уей) ты [вечный] покой [нашел].
В с е: А, уарирау рирау, уау-рирари!

15. (Уо-ра-уо, дуней) ты – наш свет (уо-ра-уойда),
В с е: А, а-ау рираш, уой-уо!
ружьем светлым ты [словно] играл.
В с е: А, уарирау рирау, уау-рирари!

16. (Уо-ра-уо) канифасовую (уор) его парчу черную[1] (уо-ра-уойда)
В с е: А, а-ау рираш, уой-уо!
кровавыми слезами горючими (гуша, еу-уей) обливаю.
В с е: А, уарирау рирау, уау-рирари!

[1] *К а н и ф а с о в а я п а р ч а ч е р н а я* – здесь покрывало для покойника. В названии ткани путаница: *к а н и ф а с* – бумажная ткань, парча же – шелковая.

Звукозапись и запись текста З. П. Кардангушева (1968) в сел. Кахун КБР с голоса Амирхана Хавпачева (1882–1972) – запевалы; партию «ежу» пели Маша Назаров (1894–1968), Шухиб Хавпачев (1896–1973) и Хасан Хавпачев (р. 1929). Фонотека КБИГИ, № 1/8.

3.9. АЖДЖЭРИЙ И КЪУЭ КУШЫКУ И ГЪЫБЗЭ

1. (Уа-ра, уарэдэ, уар) ди Кушыкупщти (сэрмахуэ),
Уэ пхуэдэпщ гущэр (иджы, уа-уа дуней, иджы) гъуэтыжыгъуейщ.
Е ж ь у: Уа, рирэщ, уэрирэу рирэщ, уэу-рирари!

2. (Уа-ра, уэрэдэ, уэ) къурэлэягъуэт (зиунагъуэрэ),
Е ж ь у: Уо-уонэу рирэщ, уо-уойрэ!
Ар данагъуэ гущэр (иджы, уэ) махуэм уи пащIэкIитIт, – жиIащ.
Е ж ь у: Уо-уо, уэрирэу рирэ, уэу-рирари!

3. (Уа-а-ра, а) мылицэ гущэурэ кхъуэцхэр зыгъэкIхэм (сэрмахуэ)
Е ж ь у: Уо, уо-рирэщ, уэрирэу рирэ, уэу-рирари!
(А) щхьэцыкIэ гущэм (атIэ) а махуэм (тIэ) ныздрагъэIэ.
Е ж ь у: Уо-уо, уо-рирэщ, рирэу, уэу-рирари!

4. (Уо-ра) Iэпщашэ гущэм (ар) щызэдеIэжкIэрэ (рэуэ-ией, маржэ),
Е ж ь у: Уо, уо-уо, уо, уо-уо!
Дэ фоч пэбж гущэкIэ (рэ-тIэ) а махуэм (тIэ) дыкъэзышэж.
Е ж ь у: Уо, уо-рирэщ, уэрирэу рирэ, уэу-рирари!

5. (Уа-ра) шырэ-уанэрэ щызэхуахь махуэм (сэрмахуэ),

Е ж ь у: Уо-уо рирэщ, уой-ра!
(Ар) шу джакIуэ гущэхэри а махуэм
нызыхуагъакIуэ.
Е ж ь у: Уо, уо-рирэщ, уэрирэу рирэ, уэу-рирари!

6. (Аукъэ-ра) пхъэрышхуэ гущэри дэ
къыщыткIэлъыкIуэкIэрэ (сэрмахуэ),
Е ж ь у: Уо-уо рирэщ, уой-ра!
Шууищэ гущэхэри (уа дуней, иджы) и нэхъ
фIэмащIэт.
Е ж ь у: Уо, уо-рирэщ, уэрирэу рирэ, уэу-рирари!

7. (А-а-ра, арэдэ, уэ) фоч фIыцIэ псыгъуэхэри
(сэрмахуэ)
Е ж ь у: Уо-уо рирэщ, уой-ра!
Шэрэ-гын гущэкIэрэ (атIэ, уа дуней, иджы)
зэзыгъэзэгъхэ.
Е ж ь у: Уо, уо-рирэщ, уэрирэу рирэ, уэу-рирари!

8. (Уа-ра) дэныскIуей гущэми (уэр) яхэмызагъэхэр
(сэрмахуэ)
Е ж ь у: Уо-уо рирэщ, уой-ра!
(Ар) шэ закъуэ гущэкIэрэ (а дуней, тIэ, уэ)
махуэм (тIэ) тхурегъэпсых (жи).
Е ж ь у: Уо, уо-рирэщ, уэрирэу рирэ, уэу-рирари!

9. (Уа-ра) пащтыхьыжьмэ (ар) и гуимэ щхъуантIэхэри
(сэрмахуэ)
Е ж ь у: Уо-уо рирэщ, уой-ра!
(Ар) шы лъабжьэ гущэкIэрэ (уей дуней, тIэ)
а махуэмэ зэхэзыкъутэ.
Е ж ь у: Уо, уо-рирэщ, уэрирэу рирэ, уэу-рирари!

10. (Уа-ра) пащтыхьыжьмэ (ар) и лъэс лэжьакIуэхэри
(сэрмахуэ)
Е ж ь у: Уо-уо рирэщ, уой-ра!
(Ар) щхьэлажьэ гущэкIэ (ратIэ, уа дуней,
иджы) нышегъэгъупщэ, – жиIащ.

Е ж ь у: Уо, уо-рирэщ, уэрирэу рирэ, уэу-рирари!

11. (Аукъэ-ра, уэрэдэ, уэ) банэкъуэ быдэхэри (сэрмахуэ)
Е ж ь у: Уо-уо рирэщ, уой-ра!
(Ар) жэщ кIуэн гущэкIэрэ (иджы, уэ-ией) а
махуэм тхуэзыгъэлажьэ.
Е ж ь у: Уо, уо-рирэш, уэрирэу рирэ, уэу-рирари!

12. (Уа-ра) Жэщмагъырмэ (ар) и щIылъэ пшагъуэхэри
(сэрмахуэ)
Е ж ь у: Уо-уо рирэщ, уой-ра!
ЗекIуэ шу гущэт (иджы, уа дуней, иджы) уи
щIакIуэ къащхъуэщ.
Е ж ь у: Уо, уо-рирэщ, уэрирэу рирэ, уэу-рирари!

13. (А-ра) Сэфрал гущэр зытес шы гъуабжэм (сэрмахуэ)
Е ж ь у: Уо-уо, уо-уо, уо!
Уафэ вагъуэ гущэм (иджы, а дуней, иджы)
зыхрегъадзэ.
Е ж ь у: Уо, уо-рирэщ, уэрирэу рирэ, уэу-рирари!

14. (Уа-ра) дунеижь гущэми (уэ) къытезна псогуэми
(рэ-ией, маржэ)
Е ж ь у: Уо-уо, уо-уо, уо!
Елмысхъан гущэри (иджы, уа дуней, иджы)
я нэхъ тхьэмыщкIэ мыгъуэщ.
Е ж ь у: Уо, уо-рирэщ, уэрирэу рирэ, уэу-рирари!

15. (Уа-ра) тхьэмыщкIэхэми (уэр) ящIэгъэкъуэнурэ
(сэрмахуэ)
Е ж ь у: Уо-уо, уо-уо, уо!
Кушыкупщ гущэр (иджы) а махуэм (тIэ)
епсыхыжа мыгъуэщ (жи)!
Е ж ь у: Уо, уо-рирэщ, уэрирэу рирэ, уэу-рирари!

16. (Уа-ра) джаурышэ гущэкIэрэ (уэ) яхуэмыгъалIэурэ
(сэрмахуэ) –

Е ж ь у: Уо-уо, уо-уо, уойра!
Сабий уз гущэм (иджы, уа дуней, иджы)
игъэлӀэжа мыгъуэщ, – жиӀащ.
Е ж ь у: Уо, уо-рирэщ, уэрирэу рирэ, уэу-рирари!

3.9. ПЛАЧ О КУШУКЕ, АЖДЖЕРИЯ СЫНЕ

(Кабардинская версия)

1. (Уа-ра, уарада, уар) наш Кушук (сармахо),
Тебе подобного предводителя (гуша, иджы,
уа-уа дуней, иджы) уже не сыскать.
В с е: Уа, рираш, уарирау рираш, уау-рирари!

2. (Уа-ра, уарада,уа) куралей золотистый
[под тобой был] (зиунагора).
В с е: Уо-уонау рираш, уо-уойра!
Золотисто-шелковые (гуша, иджы, уа) у тебя
усы, – говорят.
В с е: Уо-уо, уарирау рира, уау-рирари!

3. (Уа-а-ра, а) [горскую] милицию[1] (гуша),
что свиную щетину отращивает (сармахо),
В с е: Уо, уо-рираш, уарирау рира,уау-рирари!
(А) волосы (гуша, ата) на себе в тот день
(та) рвать заставляешь.
В с е : Уо-уо, уо-рираш, рирау, уау-рирари!

4. (Уо-ра) за рукояти кривые (гуша, ар) когда хватаются
(рауа-ией, маржа),
В с е: Уо, уо-уо, уо, уо-уо!
Нас [своим] ружьем (гуша, ра-та) ты в тот день
(та) выручаешь.
В с е: Уо, уо-рираш, уарирау рира, уау-рирари!

5. (Уа-ра) в день, когда коней седлают (сармахо),
В с е: Уо-уо рираш, уой-ра!
(Ар) всадника-гонца (гуша) в тот день к тебе
посылают.

В с е: Уо, уо-рираш, уарирау рира, уоу-рирари!

6. (Аука-ра) когда погоня большая (гуша) за нами была (сармахо),
В с е: Уо-уо рираш, уой-ра!
Сто всадников (гуша, ау дуней, иджы) ты легко одолевал.
В с е: Уо, уо-рираш, уарирау рира, уау-рирари!

7. (А-а-ра, арада, уа) ружье черное тонкоствольное (сармахо)
В с е: Уо-уо рираш, уой-ра!
Пулями и порохом (гуша, ата, уа дуней, иджы) ловко ты заряжал.
В с е: Уо, уо-рираш, уарирау рира, уау-рирари!

8. (Уа-ра) из донских (гуша, уар) [самых] беспокойных (сармахо)
В с е: Уо-уо рираш, уой-ра!
(Ар) пулей одной (гуша, а дуней, та, уа) в тот день (та) ты с коня снимал (жи).
В с е: Уо, уо-рираш, уарирау рира, уау-рирари!

9. (Уа-ра) царя проклятого (ар) крытую повозку зеленую (сармахо)
В с е: Уо-уо рираш, уой-ра!
(Ар) коня копытами (гуша, уей дуней, та) в тот день ты разбил.
В с е: Уо, уо-рираш, уарирау рира, уау-рирари!

10. (Уа-ра) царя проклятого напугав (ар), пеших слуг (сармахо)
В с е: Уо-уо рираш, уой-ра!
(Ар) от страха (гуша, рата, уа дуней, иджы) бросить заставил, – говорят.
В с е: Уо, уо-рираш, уарирау рира, уау-рирари!

11. (Аука-ра, уарада, уа) колючие заросли в балках недоступных (сармахо)

В с е: Уо-уо рираш, уой-ра!
(Ар) в ночных походах (гуша, иджы, уа-ией) ты вытоптал.
В с е: Уо, уо-рираш, уарирау рира, уау-рирари!

12. (Уа-ра) с Жашмагира (ар) ползущий туман (сармахо)
В с е: Уо-уо рираш, уой-ра!
Тебе, походному всаднику (гуша, иджы, уа дуней, иджы) – как бурка серая!
В с е: Уо, уо-рирэш, уарирау рира, уау-рирари!

13. (А-ра) Сафрал[2] (гуша) своего коня серого (сармахо)
В с е: Уо-уо, уо-уо, уо!
До небесных звезд (гуша, иджы, а дуней, иджы) взвиться заставляет.
В с е: Уо, уо-рираш, уарирау рира, уау-рирари!

14. (Уа-ра) на этой грешной земле (гуша, уа) из всех оставленных (ра-ией, маржа)
В с е: Уо-уо, уо-уо, уо!
Ельмисхан (гуша, иджы, уа дуней, иджы) самая несчастная.
В с е: Уо, уо-рираш, уарирау рира, уау-рирари!

15. (Уа-ра) бедных (уар) опора (сармахо),
В с е: Уо-уо, уо-уо, уо!
Кушук (гуша, иджы) в тот день (та) навеки спешился, о горе (жи)!
В с е: Уо, уо-рираш, уарирау рира, уау-рирари!

16. (Уа-ра) гяуров пули (гуша, уа) его убить не смогли (сармахо) –
В с е: Уо-уо, уо-уо, уойра!
Детская хворь (гуша, иджы, уа дуней, иджы) его унесла, о горе, – говорят.
В с е: Уо, уо-рираш, уарирау рира, уау-рирари!

[1] *Горская милиция* – царская полиция, набранная из местного населения.
[2] *Сафрал* – мужское имя.

Звукозапись и запись текста З. П. Кардангушева (1973) в сел. Баксанёнок КБР с голоса Мухажира Озова (р. 1905) – запевалы; партию «ежу» пели Исуф Хамдохов (р. 1895) и Карамурза Дзагаштоков (р. 1906). Фонотека КБИГИ, № 115/19.

3.10. КЪАНОКЪУЭ ЕТЭЧ И ГЪЫБЗЭ

Е ж ь у: Уэрайрэ, уэреда!
— Уо-уо, ра-уой!
— Уоу-уэрира, уоу-рирари!

1. (Уэ) Етэчыр пащIэ бзи (уэ)иплъкъэ!
Е ж ь у: Уэрайрэ, уэреда!
Пщэдджыжьми пшэплъри къыщищIкIэ (ра-уо)
Е ж ь у: Уо, ра-уой!
(уоу, уоу маржэ),
Е ж ь у: Уоу-уэрира,
— Уоу-рирари!

2. Къуэхъуэ-псыхъуэм зауэр (уэ)щаублэ.
Е ж ь у: Уэрайрэ, уэреда!
(Уэ) шыпсафэ зауэри яублэмэ (еу-уей),
Е ж ь у: Уо-уо, ра-уой!
(уой, уоу маржэ),
Е ж ь у: Уоу-уэрира,
— Уоу-рирари!

3. (Уэ) ямызауэфхэри (уэ) хуэмыхущ.
Е ж ь у: Уэрайрэ, уэреда!
(Мыр) Гумыжь аузкIэри сыдоплъэ (еу-уей)
Е ж ь у: Уо-уо, ра-уой!
(уой, уэ маржэ),
Е ж ь у: Уоу-уэрира,
— Уоу-рирари!

4. (Уэ) топышхуэ макъыр доIукIыр.
Е ж ь у: Уэрайрэ, уэреда!
(Уэ) ЩыхьыкъуэкIэ сыкъоплъэкIыжри (еу-уей)
Е ж ь у: Уо-уо, ра-уой!
(уой, уэ) – фежьу!
Е ж ь у: Уоу-уэрира,
– Уоу-рирари!

5. (Уэр) Бэрокъуэ Жьейри щыIэжкъыми.
Е ж ьу: Уэрайрэ, уэреда!
(Уэ) и анэжьри хьэкъугъей макъи (еу-уей)
Е ж ь у: Уо-уо, ра-уой!
(уой, уэ маржэ),
Е ж ь у: Уоу-уэрира,
– Уоу-рирари!

6. И шыпхъу дахэр мэтхьэусыхэри:
Е ж ь у: Уэрайрэ, уэреда!
– (Уэ) игъащIэми хьэдэкъыIунэр (еу-уей)
Е ж ь у: Уо-уо, ра-уой!
(уой, уэ маржэ),
Е ж ь у: Уоу-уэрира,
– Уоу-рирари!

7. Беслъэней гущэмэ (уэ) фи хабзэтэкъыми.
Е ж ь у: Уэрайрэ, уэреда!
КIэмыргуеймэ фимыхабзэххэр (еу-уей)
Е ж ь у: Уо-уо, ра-уой!
(уой, уэ маржэ),
Е ж ь у: Уоу-уэрира,
– Уоу-рирари!

8. (Уэ) Тхьэщауэ и къуэжьмэ (тIэ) къеублэри.
Е ж ь у: Уэрайрэ, уэреда!
(Уэ) чэщей щхьэгъубжэри зэIузохри (еу-уей)
Е ж ь у: Уо-уо, ра-уой!
(уой, уэ маржэ),
Е ж ь у: Уоу-уэрира,
– Уоу-рирари!

9. Мэржаныжьым и жылэмэ (уэ) сыдоплъэри –
Е ж ь у: Уэрайрэ, уэреда!
(Уэ) Мэржан и жылэми (уэ) тхьэр дыбги (еу-уей)
Е ж ь у: Уо-уо, ра-уой!
(уой, уэ маржэ)!
Е ж ь у: Уоу-уэрира,
– Уоу-рирари!

10. (Уэ) шу ябгэ закъуэр (уэ) дэкIуади.
Е ж ь у: Уэрайрэ, уареда!
А шу ябгэм и кIуэдыжыкIэми (еу-уей)
Е ж ь у: Уо-уо, ра-уой!
(уой, уэ маржэ)
Е ж ь у: Уоу-уэрира.
– Уоу-рирари!

11. (Уэ) ХыгъыкIхэ гуащэри ирогусэри.
Е ж ь у: Уэрайрэ, уареда!
(Уэ) Ижьыгумэ нысэри нафIокIкъэ (еу-уей)
Е ж ь у: Уо-уо, ра-уой!
(уой, уэ) – фежьу!
Е ж ь у: Уоу-уэрира,
– Уоу-рирари!

12. Лъахъэдыгъур псым щафIикI махуэм
Е ж ь у: Уэрайрэ, уареда!
Хъан и къуитIми данэр я пащIэти (рэ-ией)
Е ж ь у: Уо-уо, ра-уой!
(уой, уэ маржэ)
Е ж ь у: уоу-уэрира,
– Уоу-рирари!

13. ЩIэращIитIыр дохъутей те (уэ)мыхкъэ,
Е ж ь у: Уэрайрэ, уареда!
(Уэ) ямыгъауэххэурэ къысхуахьыжри (рэ-ией)
Е ж ь у: Уо-уо, ра-уой!
(уой, уэ маржэ)!
Е ж ь у: Уоу-уэрира,
– Уоу-рирари!

14. (Уэ) фи цей джэхуитIыр (иджы, уэ) ежьафэкъэ.
Е ж ь у: Уэрайрэ, уэреда!
(Уэ) фи гъуэлъэгъуитI мыгъуэми фыхуэди
(рэ-ией)
Е ж ь у: Уо-уо, ра-уой!
(уо-уй, уэ маржэ)!
Е ж ь у: Уоу-уэрира,
– Уоу-рирари!

15. (Уэ) къарэкъуэлэнхэр (иджы) шы дахэт
Е ж ьу: Уэрайрэ, уэреда!
Iуащхьэ къуагъми къытхукъуэзыхури (рэ-ией)
Е ж ь у: Уо-уо, ра-уой!
(уой, уэ маржэ),
Е ж ь у: Уоу-уэрира,
– Уоу-рирари!

16. Ар и ныбжькIэ джатэ гъэхуахуэт,
Е ж ь у: Уэрайрэ, уареда!
Ар езыри хуарэ цыпащхъуи (рэ-ией)
Е ж ь у: Уо-уо, ра-уой!
(уой, уэ маржэ)!
Е ж ь у: Уоу-уэрира,
– Уоу-рирари!

17. Ар езыри хэтхэмэ (уэ) ящыщ?
Е ж ьу: Уэрайрэ, уэреда!
Ар Къанокъуэм и къуэкIи Айтэчт
(иджы, рэ-ией)
Е ж ь у: Уо-уо, ра-уой!
(уой, уэ маржэ)!
Е ж ь у: Уоу-уэрира,
– Уоу-рирари!

18. (Уэ) Айтэчхэ сыщранысэм,
Е ж ь у: Уэрайрэ, уэреда!
Iэрубыдыр тесурэ (тIэ) къыдашэрти (рэ-ией)
Е ж ь у: Уо-уо, ра-уой!
(уой, уэ маржэ)!

Е ж ь у: Уоу-уэрира,
– Уоу-рирари!

19. Хуэмыхужьмэ сыныщи (уэ)шэжым,
Е ж ь у: Уэрайрэ, уэреда!
(Уэ) къэрабгъэ джанэ мыгъуэри сегъэбзри (рэ-ией)
Е ж ь у: Уо-уо. ра-уой!
(уой, уэ маржэ)!
Е ж ь у: Уоу-уэрира,
– Уоу-рирари!

20. (Уэ) си жыр лэныстэри (уэ) мэбзакъуэ,
Е ж ь у: Уэрайрэ, уэреда!
(Уэ) си мастэ кIэщI мыгъуэри токъутэри (рэ-ией)
Е ж ь у: Уо-уо, ра-уой!
(уой, уэ маржэ)!
Е ж ь у: Уоу-уэрира,
– Уоу-рирари!

21. Лъэпщ и уадэм икъутэ(уа, уэ)жын (жи)!
Е ж ь у: Уэрайрэ, уэреда!
(Ар) си пащхьэм къыщыфIумыдзэ (жи, рэ-ией)
Е ж ь у: Уо-уо, ра-уой!
(уой, уэ маржэ)!
Е ж ь у: Уоу-уэрира,
– Уоу-рирари!

22. ХьэщIэщитIмэ щыздыфIадзэж (жи).
Е ж ь у: Уэрайрэ, уэреда!
Ар езыр хэтхэм (атIэ) ящыщ (жи, рэ-ией)
Е ж ь у: Уо-уо, ра-уой!
(уой, уэ маржэ)?
Е ж ь у: Уоу-уэрира,
– уоу-рирари!

23. (Ар) зи лІакъуэ гущэмэ (уэ) хыкІуадэ
Е ж ь у: Уэрайрэ, уэреда!
Бэлэтокъуэм и къуэкІи Бэчмырзи (рэ-ией)
Е ж ь у: Уо-уо, ра-уой!
(уой, уэ маржэ)!
Е ж ь у: Уоу-уэрира,
– Уоу-рирари!

24. (Уэр) дыщэ цеишхуэри щыпщыгъмэ,
Е ж ь у: Уэрайрэ, уэреда!
(Уэ) дыщэ лъэрыгъым (иджы) ущитми (рэ-ией)
Е ж ь у: Уо-уо, ра-уой!
(уой, уэ маржэ),
Е ж ь у: Уоу-уэрира,
– Уоу-рирари!

25. (Уэ) шууищэ птеткІэрэ (уэ) сыгугъэт.
Е ж ь у: Уэрайрэ, уэреда!
(Уэ) пщІэгъуалэри къаргъейм и лъабжьэти,
(рэ-ией)
Е ж ь у: Уо-уо, ра-уой!
(уой, уэ маржэ)!
Е ж ь у: Уоу-уэрира,
– Уоу-рирари!

26. И пащІитІыр Бжэныкъуей (уэ) мэзкъэ,
Е ж ь у: Уэрайрэ, уэреда!
Зауэм Іухьэмэ убзуухъугуи (рэ-ией)
Е ж ь у: Уо-уо, ра-уой!
(уой, уэ маржэ)!
Е ж ь у: Уоу-уэрира,
– уоу-рирари!

3.10. ПЛАЧ О КАНОКОВЕ ЕТЕЧЕ

(Кабардинская версия)

В с е : Уэрайрэ, уэреда!
– Уо-уо, ра-уой!
– Уоу-уарира, уоу-рирари!

1. (Уа) Етеч красноусый!
В с е: Уарайра, уареда!
Утренняя заря когда занимается (ра-уо)
В с е: Уо, ра-уой!
(уоу, уоу маржа),
В с е: Уоу-уарира,
– Уоу-рирари!

2. В долинах битву (уа) начинают.
В с е: Уарайра, уареда!
(Уа) у водопоя битву когда начинают (еу-уей)
В с е: Уо-уо, ра-уой!
(уой, уа маржа),
В с е: Уоу-уарира,
– Уоу-рирари!

3. (Уа) сражаться кто не может (уа), тот трус.
В с е: Уарайра, уареда!
(Мыр) когда Кумы родной в ущелье гляжу (еу-уей)
В с е: Уо-уо, ра-уой!
(уой, уа маржа),
В с е: Уоу-уарира,
– Уоу-рирари!

4. (Уа) большой пушки рев из него доносится.
В с е: Уарайра, уареда!
(Уа) в Оленьей лощине я оглядываюсь (еу-уей)
В с е: Уо-уо, ра-уой!
(уой, уа) – подпевайте!
В с е: Уоу-уарира,
– Уоу-рирари!

5. (Уар) Бароко [1] Малого [в живых] уже нет.
В с е: Уарайра, уареда!
(Уа) его мать старая собачьим воем голосит (еу-уей)
В с е: Уо-Уо, ра-уой!
(уой, уа маржа),
В с е: Уоу-уарира,
– Уоу-рирари!

6. Его сестра-красавица сокрушается:
В с е: Уарайра, уареда!
– (Уа) тела [своих погибших] оставлять на поле [боя] (еу-уей)
В с е: Уо-уо, ра-уой!
(уой, уа маржа),
В с е: Уоу-уарира,
– Уоу-рирари!

7. Бесленеевцы [2], (гуша, уа) никогда в вашем обычае не было.
Все: Уарайра, уареда!
Кемиргоевцы, чего в вашем обычае никогда не было (еу-уей)
В с е: Уо-уо, ра-уой!
(уой, уа маржа).
В с е: Уоу-уарира,
– Уоу-рирари!

8. (Уа) Тхашауа сын подлый (та) начинает.
В с е: Уарайра, уареда!
(Уа) самшитовое окно я раскрываю (еу-уей)
В с е: Уо-уо, ра-уой!
(уой, уа маржа),
В с е: Уоу-уарира,
– Уоу-рирари!

9. На Маржанова старого аул (уа) я гляжу –

В с е: Уарайра, уареда!
(Уа) Маржанова аул (уа) бог да проклянет (еу-уей)
В с е: Уо-уо, ра-уой!
(уой, уа маржа)!
Все: Уоу-уарира,
– Уоу-рирари!

10. (Уа) всадник неистовый одинокий (уа) там погиб.
В с е: Уарайра, уареда!
Из-за всадника неистового гибели (еу-уей)
В с е: Уо-уо, ра-уой!
(уой, уа маржа)
В с е: Уоу-уарира,
– Уоу-рирари!

11. (Уа) Хигичевых гуаша переживает.
В с е: Уарайра, уареда!
(Уа) Езуговых[3] сноха переходит реку [тело забрать] (еу-уей)
В с е: Уо-уо, ра-уой!
(уой, уа) – подпевайте !
В с е: Уоу-уарира,
– Уоу-рирари!

12. Тляхадуг[4] за море когда уходил, в тот день
В с е: Уарайра, уареда!
Хана два сына шелкоусых (рай-ией)
В с е: Уо-уо, ра-уой!
(уой, уа маржа)
В с е: Уоу-уарира,
– Уоу-рирари!

13. С нарядных [ружей] чехлы не сняв,
В с е: Уарайра, уареда!
(Уа) не выстрелив ни разу, мне их обратно приносят (ра-ией)

В с е: Уо-уо, ра-уой!
(уой, уа маржа)!
В с е: Уоу-уарира,
– Уоу-рирари!

14. (Уа) ваши черкески серые (иджы, уа)
пепельного цвета.
В с е: Уарайра, уареда!
(Уа) тем, кто о с вами постель делит, о горе, вы
подобны (ра-ией)
В с е: Уо-уо, ра-уой!
(уой, уа маржа)!
В с е: Уоу-уарира,
– Уоу-рирари!

15. (Уа) каракуланов [5] (иджы) красавцев
Все: Уарайра, уареда!
Из-за горы нам выгоняя (ра-ией)
В с е: Уо-уо, ра-уой!
(уой, уа маржа),
В с е: Уоу-уарира,
– Уоу-рирари!

16. Он всю свою жизнь мечом играл,
В с е: Уарайра, уареда!
На хуаре серой сидел (ра-ией)
В с е: Уо-уо, ра-уой!
(уой, уа маржа)!
В с е: Уоу-уарира,
– Уоу-рирари!

17. Он сам рода (уа) какого?
В с е: Уарайра, уареда!
Это Каноко сын Айтеч (иджы, ра-ией)
В с е: Уо-уо, ра-уой!
(уой, уа маржа)!
В с е: Уоу-уарира,
– Уоу-рирари!

18. (Уа) Айтечевых когда я снохой была,
В с е: Уарайра, уареда!
Пленных на конях (та) мне привозили (ра-ией)
В с е: Уо-уо, ра-уой!
(уой, уа маржа)!
В с е: Уоу-уарира,
– Уоу-рирари!

19. Подлый трус когда меня замуж взял,
В с е: Уарайра, уареда!
(Уа) трусу рубашку, о горе, мне кроить пришлось (ра-ией)
В с е: Уо-уо, ра-уой!
(уой, уа маржа)!
В с е: Уоу-уарира,
– Уоу-рирари!

20. (Уа) мои стальные ножницы (уа) огрехи делали,
В с е: Уарайра, уареда!
(Уа) моя игла короткая, о горе, сломалась (ра-ией)
В с е: Уо-уо, ра-уой!
(уой, уа маржа)!
В с е: Уоу-уарира,
– Уоу-рирари!

21. Тлепша молот пусть их поразит (жи)!
В с е: Уарайра, уареда!
(Ар) [эти доспехи] передо мной не вешай (жи, раией)
В с е: Уо-уо, ра-уой!
(уой, уа маржа)!
В с е: Уоу-уарира,
– Уоу-рирари!

22. В кунацкой [их доспехи] в один час навеки повесили (жи).

Все: Уарайра, уареда!
Он сам из рода (ата) какого (жи, ра-ией)
В с е: Уо-уо, ра-уой!
(уой, уа маржа)?
В с е: Уоу-уарира,
– Уоу-рирари!

23. (Ар) без потомства (гуша, уа) пусть погибнет
В с е: Уарайра, уареда!
Балатоко сын Бекмурза (ра-ией)
Все: Уо-уо, ра-уой!
(уой, уа маржа)!
В с е: Уоу-уарира,
– Уоу-рирари!

24. (Уар) золотую черкеску большую когда ты носил,
В с е: Уарайра, уареда!
(Уа) в золотых стременах (иджы) когда ты стоял (ра-ией)
В с е: Уо-уо, ра-уой!
(уой, уа маржа),
В с е: Уоу-уарира,
– Уоу-рирари!

25. (Уа) как на сто всадников, (уа) на тебя я надеялась.
В с е: Уарайра, уареда!
(Уа) белый конь [с копытами], как когти у сокола могучего, был (ра-ией)
В с е: Уо-уо, ра-уой!
(уой, уа маржа)!
В с е: Уоу-уарира,
– Уоу-рирари!

26. Его усы – Бжинукойский (уа) лес,
В с е: Уарайра, уареда!
В сраженье же когда вступил, с воробьиным сердцем оказался (ра-ией)

В с е: Уо-уо, ра-уой!
(уой, уа маржа)!
В с е: Уоу-уарира,
– Уоу-рирари!

Преданий, сопровождающих песню, не представлено ни в публикациях, ни в записях, хранящихся в архиве КБИГИ.

[1] *Б а р о к о* – мужское имя.
[2] *Б е с л е н е е в ц ы* – одна из субэтнических групп восточных адыгов. Занимали территории по правому берегу Большой Лабы и по притокам р. Урупа – Малому и Большому Тегеням.
[3] *Е з у г о в ы* – исчезнувший род бесленеевцев.
[4] *Т л я х а д у г* – ныне не существующий бесленеевский аул.
[5] *К а р а к у л а н ы* – сказочные кони в адыгском фольклоре.

Звукозапись и запись текста З. П. Кардангушева (1968) в сел. Кахун КБР с голоса Амирхана Хавпачева (1882–1972) – запевалы; партию «ежу» пели Маша Назаров (1894–1968), Шухиб Хавпачев (1896–1973) и Хасан Хавпачев (р. 1929). Фонотека КБИГИ, № 1/14.

3.11. КЪОДЖЭБЭРДЫКЪО МЫХЬАМЭТЫ ИГЪЫБЗ

Жъыу: Ай, ай, а-а!
– Ай, ай, айрэ рирарэ!

1. ТIопсапэ гущэми (ой) щыблэр щэгъуагъо гущэри (о),
Ж ъ ы у: Ай, ай, а-а!
(ой) Жьубгъапэ гущэми топэр щагъэпс.
Ж ъ ы у: Ай, ар, айро, рирарэ!

2. Жьубгъапэ гущэми (ой) топэр щагъэпсы гущэри (о),
Ж ъ ы у: Ай, ай, а-а!
(ей) КIэныпэ гущэми лъыпсэр щагъач.
Ж ъ ыу: Ай, ар, айро, рирарэ!

3. ПкIэгъуалэ гущэри (ой) тещэм къащэжьы гущэми (о),
Ж ъ ы у: Ай, ай, а-а!
(ой) сыпагъочы гущэри сызыпэгъоплъ,
Ж ъ ы у: Ай, ар, айро, рирарэ!

4. Сыпэгъочы гущэри (ой) сызыпэгъоплъы гущэри (о) –
Ж ъ ы у: Ай, ай, а-а!
(ай) и шытхы гущэми лъыпцIагъэр иты (гущ).
Ж ъ ы у: Ай, ар, айро, рирарэ!

5. Сыгор макIэ гущэри (ой) сыкъызэхафэ гущэри (о),
Ж ъ ы у: Ай, ай, а-а!
(ей) псы сIуагъафэ гущэри сыкъэнэхъэжьы (гущ).

Ж ъ ы у: Ай, ар, айро, рирарэ!

**6. Сыбгъэунэхъу гущэри (ой) си Махьэмэты гущэри (о),
Ж ъ ы у: Ай, ай, а-а!
(ой) хэты мыгъо гущэми себгъэзэгъын (гущ)?
Ж ъ ы у: Ай, ар, айро, рирари!**

**7. Хэт мыгъо гущэми (ой) себгъэзэгъыны гущэри (о),
Ж ъ ы у: Ай, ай, а-а!
(ей) о фэшъхьафэ гущэми езэгъыгъуае (гущ)!
Ж ъ ы у: Ай, ар, айро, рирарэ!**

3.11. ПЛАЧ О КОДЖЕБЕРДУКО МХАМАТЕ

(Шапсугская версия)

**Все: Ай, ай, а-а!
– Ай, ай, айра рирара!**

**1. У Туапсе[1] истока (гуща, ой) гром гремит (гуща, о),
В с е: Ай, ай, а-а!
(ой) у Жубгы[2] истока (гуща) пушки ставят.
В с е: Ай, ар, айро, рирара!**

**2. У Жубгы истока (гуща, ой) пушки ставят (гуща, о),
В с е: Ай, ай, а-а!
(ей) у Чена[3] истока (гуща) кровь рекой проливают.
В с е: Ай, ар, айро, рирара!**

**3. Белому коню (гуща, ой), [к дому] теща[4] которого ведут (гуща, о),
В с е: Ай, ай, а-а!
(ой) навстречу выбегаю (гуща), [чтобы увидеть,] кого жду.
В с е: Ай, ар, айро, рирара!**

**4. Навстречу выбегаю (гуща, ой), [чтобы увидеть,]
кого жду (гуща, о) –
Все: Ай, ай, а-а!
(ай) на спине коня (гуща) спекшаяся кровь
(гуща).
Все: Ай, ар, айро, рирара!**

**5. Мне плохо стало (гуща, ой), и я упала (гуща, о),
Все: Ай, ай, а-а!
(ей) мне воды дали (гуща), я очнулась (гуща)
Все: Ай, ар, айро, рирара!**

**6. Ты меня обездолил (гуща, ой), мой Мхаматы (гуща, о),
Все: Ай, ай, а-а!
(ой) с кем, о горе, (гуща) я теперь судьбу свяжу
(гуща)?
Все: Ай, ар, айро, рирара!**

**7. С кем, о горе, (гуща, ой) я теперь судьбу свяжу
(гуща,о),
Все: Ай, ай, а-а!
(ей) с другим (гуща) мне ужиться трудно будет
(гуща)!
Все: Ай, ар, айро, рирара!**

По преданию, герой песни Мхамат (Магомет) Коджебердуко, один из военных предводителей шапсугского племени, во время Кавказской войны по совету старейшины шапсугов посватался к знаменитой красавице. Девушка сочла неуместным сватовство во время войны и, намекая на это, поставила условием своего согласия выплату не обычного калыма, а трофейной пушки, добытой в бою. Мхамат согласился. Совершив со своими сообщниками набег на царскую крепость, лихой наездник захватил пушку, но во время боя был ранен. После извлечения пули ему стало легче, и джегуако сложили радостную песню. Однако Мхамат скончался от раны. Джегуако сразу же после смерти героя сложили новую песню и с ней похоронили его.

Предание в публикациях не представлено; записи его хра-

нятся в рукописном архиве КБИГИ, ф. 122, оп. 1, ед. хр. 139, сел. 40–54.

[1] *Туапсе* – река, давшая имя городу Туапсе.
[2] *Жубга* – видимо, Джубга – речка, впадающая в Черное море.
[3] *Чен* – река в Причерноморской Шапсугии.
[4] *Тещ* – обычай временного пребывания новобрачной в доме родственницы или друга новобрачного.

Звукозапись В. Х. Барагунова (1973) в ауле Куйбышевка Краснодарского края с голоса Ильяса Негуч (р. 1899) – запевалы; партию «жу» пели Индрис Негуч (р. 1905), Ильяс Очох (р. 1932), Харун Мафагел (р. 1929) и Индрис Негуч (р. 1909, инструментальное сопровождение на шичапшине исполнял он же). Текст записал Н. Р. Иваноков. Фонотека КБИГИ, № 92/5.

3.12. АСЛЪЭНДЖЭРИЙ И ГЪЫБЗЭ

1. (Уой, дуней гущэ) абазэхэжьхэркъэ (ро-ей)
(уо-иейкъэ, уэ, уэ сэрмахуэ) мэтхьэусыхэри.
Е ж ь у: Уоу-рирарэ!
– Уо, уа-рирэщ, уой, уоу-роу, уоу-рирари!

2. (А, дуней гущэ) данагъуэ (уо-уа) пащIэхэр
Е ж ь у: Уо!
(уо-иейкъэ, уэ сэрмахуэ) хьэщIэщым щIесхьэ.
Е ж ь у: Уойра!
– Уо, уа-рирэщ уо, уоу-рэу, уоу-рирари!

3. (А, дуней гущэ) шхыIэн те(уо-уо) схьахэр,
Е ж ь у: Уо!
(уо-иейкъэ, уэ сэрмахуэ, иджы)
зэрыфIамыщIкъэ.
Е ж ь у: Уойра!
– Уо, уа-рирэщ уо, уоу-рэу, уоу-рирари!

4. (А, дуней гущэ) хьэщIэщ нэ(уо уэ)щIитI гущэр
Е ж ь у: Уо!
(уо-иейкъэ, уэ сэрмахуэ, иджы)
зэпокъугъыжкъэ.
Е ж ь у: Уойра!
– Уо, уа-рирэщ уо, уоу-рэу, уоу-рирари!

5. (А, дуней гущэ) лэгъунэ нэщI гущэр

Е ж ь у: Уо!
(уо-иейкъэ) фыз хьэдагъэ гущэм
къызэтрачкъэ.
Е ж ь у: Уойра!
– Уо, уа-рирэщ уо, уоу-рэу, уоу-рирари!

6. (Ай, дуней гущэ) ХъуаскIэжь а(уэ) узкъэ,
Е ж ь у: Уо!
(уо-иейкъэ, уэ сэрмахуэ, иджы) лъыри дауши!
Е ж ь у: Уойра!
– Уо, уа-рирэщ уо, уоу-рэу, уоу-рирари!

7. (А, дуней мыгъуэ) ди хьэдэ (уэ) шэжт (жи),
Е ж ь у: Уо!
(уо-иейкъэ, уэ сэрмахуэ, иджы) жагъуэгъу
гъэгуфIэт.
Е ж ь у: Уойра!
– Уо, ра-рирэщ уо, уоу-рэу, уоу-рирари!

8. (Ай, дуней) жагъуэгъу гъэ(уэ)гуфIэ щхьэкIэ,
Е ж ь у: Уо!
(уо-иейкъэ, уэ сэрмахуэ, иджы) щIасэ
гъэпыхьэт.
Е ж ь у: Уойра!
– Уо, уа-рирэщ, уо, уоу-рэу, уоу-рирари!

9. (Ай, дуней мыгъуэ) еслъэнэ (уа) иныжьхэри
Е ж ь у: Уо!
(уо-иейкъэ, уэ сэрмахуэ, иджы) шхуэIум
ироджитэгукъэ.
Е ж ь у: Уайра!
– Уо, уа-рирэщ, уо, уоу-рэу, уоу-рирари!

10. (А) мы зи псэм ириджэ (уо-уэ) гужыр
Е ж ь у: Уо!
(уо-иейкъэ, уэ сэрмахуэ, иджы)
Аслъэнджэрийкъэ!

Е ж ь у: Уойра!
– Уо, уа-рирэщ уо, уоу-рэу, уоу-рирари!

11. (Ай, дуней гущэ) пщIэгъуалэ (уэ) цIыкIури
Е ж ь у: Уо!
(уо-иейкъэ, уо, уэ сэрмахуэ, иджы)
зэрынэфIыцIэ.
Е ж ь у: Уойра!
– Уо, уа-рирэщ уо, уоу-рэу, уоу-рирари!

12. (А, дуней) зи напэр (уэ-уэ) фIыцIэр
Е ж ь у: Уо!
(уо-иейкъэ, уэ, уэ сэрмахуэт, иджы)
Гуащэхужьыжьырт.
Е ж ь у: Уойра!
– Уо, уа-рирэщ уо, уоу-рэу, уоу-рирари!

13. (Ай дуней мыгъуэ) молэ фIы (уэ) цIэжьыр (жи)
Е ж ь у: Уо!
(уо-иейкъэ) мащэ бжьэпэ гущэмэ
къыщокIэрахъуэ (жи)
Е ж ь у: Уойра
– Уо, уа-рирэщ уо, уоу-рэу, уоу-рирари!

14. (Ай, дуней, иджы) Жансит хьэ (уэ) жыжьри,
Е ж ь у: Уо!
(уо-иейкъэ, уэ сэрмахуэт, иджы) пщыжь
сыхьэтмыгъуэт!
Е ж ь у: Уойра!
– Уо, уа-рирэщ уо, уоу-рэу, уоу-рирари!

15. (Ай, сэрмахуэт) пщыжь (уа) угъурсызт (иджы),
Е ж ь у: Уо!
(уо-иейкъэ, уо) жылагъуэр (иджы)
дыкъигъэунэхъущ.
Е ж ь у: Уойра!
– Уо, уа-рирэщ уо, уоу-рэу, уоу-рирари!

3.12. ПЛАЧ ОБ АСЛАНДЖЕРИ

(Кабардинская версия)

1. (Уой, дуней гуша) абадзехи могучие (ро-ей)
(уо-иейка, уа, уа – сармахо) сетуют.
В с е: Уоу-рирара!
– Уо, уа-рираш уой, уоу-роу, уоу-рирари!

2. (А, дуней гуша) золотисто-шелковые (уо-уа) усы
В с е: Уо!
(уо-иейка, уа – сармахо) в кунацкой сгорают.
В с е: Уойра!
– Уо, уа-рираш уо, уоу-рау, уоу-рирари!

3. (А, дуней гуша) одеяло, что (уо-уо) на нем сгорело,
В с е: Уо!
(уо-иейка, уа – сармахо, иджы) пеплом стало.
В с е: Уойра!
– Уо, уа-рираш уо, уоу-рау, уоу-рирари!

4. (А, дуней гуша) кунацкие (уо-уа) обе опустевшие (гуша)
В с е: Уо!
(уо-иейка, ua – сармахо, иджы) воем друг другу отвечают.
В с е: Уойра!
– Уо, уа-рираш уо, уоу-рау, уоу-рирари!

5. (А, дуней гуша) лагуна [1] опустевшая (гуша)
В с е: Уо!
(уо-иейка) от рыданий женщин, покойника оплакивающих, горе, трещит.
В с е: Уойра!
– Уо, уа-рираш уо, уоу-рау, уоу-рирари!

6. (Ай, дуней гуша) Хуасче [2] – проклятое ущелье,
В с е: Уо!
(уо-иейка, уа-сармахо, иджы) кровью пусть зальется!

В с е: Уойра!
– Уо, уа-рираш уо, уоу-рау, уоу-рирари!

7. (А, дуней муго) нашего покойника привезли (жи),
В с е: Уо!
(уо-иейка, уа – сармахо, иджы) это недругам радость.
В с е: Уойра!
– Уо, уа-рираш уо, уоу-рау, уоу-рирари!

8. (Ай, дуней) недругам это радость,
В с е: Уо!
(уо-иейка, уа – сармахо, иджы) друзей же рыдать заставляет.
В с е: Уойра!
– Уо, уа-рираш уо, уоу-рау, уоу-рирари!

9. (Ай, дуней муго) есленеи [3] могучие
В с е: Уо!
(уо-иейка, уа – сармахо, иджы) удилами играют.
В с е: Уойра!
– Уо, уа-рираш уо, уоу-рау, уоу-рирари!

10. (А) своей жизнью играл
В с е: Уо!
(уо-иейка, уа – сармахо, иджы) Асланджери!
В с е: Уойра!
– Уо, уа-рираш уо, уоу-рау, уоу-рирари!

11. (А, дуней гуша) у белого коня (уа) любимого
В с е: Уо!
(уо-иейка, уо, уа – сармахо, иджы) глаза черные.
В с е: Уойра!
– Уо, уа-рираш уо, уоу-рау, уоу-рирари!

12. (А, дуней) у кого совесть (уа-уа) черная
В с е: Уо!
(уо-иейка, уо, уа – сармахо, иджы) – так это у Гуашахуж [4] презренной.

В с е: Уойра!
– Уо, уа-рираш уо, уоу-рау, уоу-рирари!

13. (Ай, дуней муго) мулла черный (жи)
В с е: Уо!
(уо-иейка) у могильной ямы (гуша) кружит (жи).
В с е: Уойра!
– Уо, уа-рираш уо, уоу-рау, уоу-рирари!

14. (Ай, дуней, иджы) Жансит-хаджи старый,
В с е: Уо!
(уо-иейка, уа – сармахо, иджы) князь злополучный!
В с е: Уойра!
– Уо, уа-рираш уо, уоу-рау, уоу-рирари!

15. (Ай, сармахо) этот старый князь злосчастным был (иджы),
В с е: Уо!
(уо-иейка, уо) всему народу (иджы) несчастье принес.
В с е: Уойра!
– Уо, уа-рираш уо, уоу-рау, уоу-рирари!

Преданий, сопровождающих песню, не представлено ни в публикациях, ни в записях, хранящихся в архиве КБИГИ. Об исторической основе песни см. комментарии Б. Н. Керефова в Приложении. – *Ред.*

[1] *Л а г у н а* – комната для новобрачных.
[2] *Х у а с ч е* – топоним, местность не установлена.
[3] *Е с л е н е и* – разновидность кабардинской породы лошадей.
[4] *Г у а ш а х у ж* – женское имя.

Звукозапись и запись текста З. П. Кардангушева (1965) в сел. Кахун КБР с голоса Амирхана Хавпачева (1882–1972) – запевалы; партию «ежу» пел Хасан Хавпачев (р. 1929). Фонотека КБИГИ, № 41/6.

3.13. НЭГЪОЙЖЪЫЙ ИГЪЫБЗ

Ж ъ ы у: Аи, рира, ой, ра!

1. (Ор) Нэгъоижьыер шыушІу!
Ж ъ ы у: Рирара!
(Ар) шкончыщэпаом (ор) Тхьэр фабги (ой)!
Ж ъ ы у: Рирарэ, рау, ой!
– Айра, ой, рирара ой, рирара!

2. (Ар) шкончыщэпаом (ор) Тхьэр фабг!
Ж ъ ы у: Рирара!
Ебгэжъыезакъор (ор) къаукІи (ой)!
Ж ъ ы у: Рирарэ, рау, ой!
– Айрира, ой, рирара!

3. Ебгэжъыезакъор (ор) къаукІ!
Ж ъ ы у: Рирара!
Занықъори заукІы (ор) мафи (ой),
Ж ъ ы у: Рирара, рау, ой!
– Айрира, ой, рирара!

4. Занықъори заукІы (ор) маф
Ж ъ ы у: Рирарэ!
(О) кІымэфэ шыблэр мэгъуагъуи (ой)!
Ж ъ ы у: Рирара рау, ой!
– Айрира, ой, рирара!

5. (О) кІымэфэ шыблэр (ор) мэгъуагъу,

Ж ъ ы у: Рирара!
(Ар) пкIэгъуалэр афэмызекIуи (ой)!
Ж ъ ы у: Рирара, рау, ой!
– Айрира, ой, рирара!

6. (Ар) пкIэгъуалэр афэмычъэжь,
Ж ъ ы у: Рирара!
(Ар) фарэмэ зэрамыкужьы (ой)!
Ж ъ ы у: Рирара, рау, ой!
– Айрира, ой, рирара!
Ж ъ ы у: Ай, рира, ой, ра!

3.13. ПЛАЧ О НАГОЙЖИ

(Шапсугская версия)

1. (Ор) Нагойжи всадник славный!
В с е: Рирара!
(Ар) из ружья первым выстрелившего (ор) бог да проклянет (ой)!
В с е: Рирара, рау, ой!
– Айра, ой, рирара ой, рирара!

2. (Ар) из ружья первым выстрелившего (ор) бог да проклянет!
В с е: Рирара!
Самого грозного [всадника] (ор) убивают (о)!
В с е: Рирара, рау, ой!
– Айрира, ой, рирара!

3. Самого грозного [всадника] (ор) убивают!
В с е: Рирара!
Заноко когда убили (ор), в тот день (ой),
В с е: Рирара, рау, ой!
– Айрира, ой, рирара!

4. Заноко когда убили (ор), в тот день

В се: Рирара!
(О) зимний гром гремел (ой)!
В с е: Рирара рау, ой!
– Айрира, ой, рирара!

5. (О) зимний гром (ор) гремел,
В с е: Рирара!
(Ар) белого коня тронуться [с места] заставить не могли (ой)!
В с е: Рирара, рау, ой!
– Айрира, ой, рирара!

6. (Ар) белого коня тронуться [с места] заставить не могли,
В с е: Рирара!
(Ар) фара [с которым соперничать] не решались (ой)!
В с е: Рирара, рау, ой!
– Айрира, ой, рирара!

Преданий, сопровождающих песню, не представлено ни в публикациях, ни в записях, хранящихся в архиве КБИГИ.

Звукозапись В. Х. Барагунова (1973) в ауле Куйбышевка Краснодарского края с голоса Ильяса Негуч (р. 1899) – запевалы; партию «жу» пели Индрис Негуч (р. 1905), Таигач Куаджа (р. 1908), Ильяс Очох (р. 1932), Харун Мафагел (р. 1929) и Индрис Негуч (р. 1909, инструментальное сопровождение на шичапшине исполнял он же). Текст записал Н. Р. Иваноков. Фонотека КБИГИ, № 92/16.

На магнитофонную ленту записана только начальная часть поэтического текста.

3.14. ХЬЭДЖЫМЫКЪО НЭГЪОЙЖЪЫЙ ИГЪЫБЗ

1. (Ор) ипшъэ гущэкIэ Хьаткъо (о-а) пхъорэлъф (адэ),
Ж ъ ы у: Ойра,
— Ой-роу, рирарэ, оу!
(Ар) ыхэ гущэкIэ Нэгъоижъыеба
Ж ъ ы у: Ойра,
— Йа ойрэ, орадеу!
(ора, ор шъадэ).
Ж ъ ы у: Ойра, а,
— Ой-рау, рирарэ, ой!

2. (Ор) ипшъэрэ щыухэри (е-йа, ар) къэщэсми.
Ж ъ ы у: Ойра,
— Ой-ору, рирарэ, оу!
— Нэгъоижъыери дэс, — аIошъы (о, ор) къыракIори
Ж ъ ы у: Ойра,
— Йа ойрэ, орадеу!
(ора, ор шъадэ)
Ж ъ ы у: Ойра, ор,
— Ой-рау, рирарэ, ой!

3. (Ор) Нэгъоижьыехэри (а ар) щыупэи,
Ж ъ ы у: Ойра, ой-роу,
— Рирарэ, рирарэ, оу!
(Ар) щкончыщэпао гущэми (а) Тхьэр хуабгэ
Ж ъ ы у: Ойра,
— Йа ойрэ, орадеу!
(ора, ор шъадэ) !

Ж ъ ы у: Ойра, ор, .
– Ой-рау, рирарэ, ой!

4. (Ор) я ордэ унэхэри (а, ар) чэпэфы
Ж ъ ы у: Ойра,
– Ой-роу, рирарэ, оу!
(Ар) дахэу нэпэфыхэр (а, ар) къегъыхы
Ж ъ ы у: Ойра,
– Йа, ойрэ, орадеу!
(ора, ор шъадэ),
Ж ъ ы у: Ойра, ор,
– Ой-рау, рирарэ, ой!

3.14. ПЛАЧ О ХАДЖИМУКО НАГОЙЖИ

(Шапсугская версия)

1. (Ор) в верховьях (гуша) Хатковых (о-а) он
племянник (ада),
В с е: Ойра,
– Ой-роу, рирара, оу!
(Ар) в низовьях (гуша) он Нагоижи
В с е: Ойра,
– Йа ойра, орадеу!
(ора, ор, шада).
В с е: Ойра, а,
– Ой-рау, рирара, ой!

2. (Ор) в верховьях всадники (е-йа, ар) на коней
садятся.
В с е: Ойра,
– Ой-ору, рирара, оу!
– Нагоижи дома, – говорят (о, ор) и к нему
заезжают
В с е: Ойра,
– Йа ойра, орадеу!
(ора, ор шада).

В с е: Ойра, ор,
– Ой-рау, рирара, ой!

3. (Ор) Нагоижи (а, ар) всадник передовой.
В с е: Ойра, ой-роу,
– рирарэ, рирарэ, оу!
(Ар) из ружья первым выстрелившего
(гуша, а) бог да проклянет
В с е: Ойра,
– Йа, ойра, орадеу!
(ора, ор шада)!
В с е: Ойра, ор,
– Ой-рау, рирара, ой!

4. (Ор) в их больших домах(а, ар) белобоких
В с е: Ойра,
– Ой-роу, рирара, оу!
(Ар) красавицы белолицые (а, ар) рыдают
В с е: Ойра,
– йа, ойра, орадеу!
(ора, ор, шада).
В с е: Ойра, ор,
– Ой-рау, рирара, ой!

Звукозапись А. М. Гадагатля (1959) в ауле Афипсип РА с голоса Али Схаляхо (р. 1884) – запевалы; партию «жу» пели Салих Джамирзе (р. 1883) и Ибрагим Джамирзе (р. 1884). Текст записал Н. Р. Иваноков. Фонотека КБИГИ, № 96/29.

На магнитофонную ленту записана только начальная часть поэтического текста.

3.15. УБЫХЫУ ЗЭИЩЫКЪО КЪАСПОЛЭТ ИГЪЫБЗ

1. Цопсынэ гущэм гыны унэ(о)р щагъаблэ,
Ж ъ ы у: А, а, а!
Псэемыблэжьырэр убыхий (сэрмаф)!
Ж ъ ы у: А еу, ой, ой, а-йа а, а!

2. ПкIэгъуалэ гущэм дахэуи згъазэ,
Ж ъ ы у: О, е-йа, а, о!
Къымыгъазэуи дзэшхоми рахахьэй
(сэрмафэ)!
Ж ъ ы у: О-йа, ойра, ой, ай, ай, ойра!

3. Ары гущэр хэтымэ (о) ащыща?
Ж ъ ы у: Ойра, ой, ой, ой!
Зэищымэ я Къасполэти (сэрмафа)!
Ж ъ ы у: Ай, ойра, ой, ой, айрэра!

4. ТIопсэ къалэ гущэр псыкIэ мыгъоу рагъащтэ
(сэрмаф)!
Ж ъ ы у: Ауа, ойра!
(А) ПсыпцIэпэ къалэхэр щтэгъошIуи
(сэрмафа)!
Ж ъ ы у: А, ойра,ойра, ойра, ойрира!

3.15. ПЛАЧ ОБ УБЫХЕ ЗАИШУКО КАСПОЛЕТЕ

(Шапсугская версия)

1. В Чопсыне[1] (гуща) пороховой дом[2] горит,
В с е: А, а, а!
Жизни своей не щадит убых[3] (сармаф)!
В с е: А еу, ой, ой, а-йа, а, а!

2. Белый конь (гуща) под ним пляшет,
В с е: О, е-йа, а, о!
Бесстрашно в гущу войска большого он врубается (сармафа)!
В с е: О-йа, ойра, ой, ай, ай, ойра!

3. Он (гуща) из рода (о) какого?
В с е: Ойра, ой, ой, ой!
Заищевых Касполет это (сармафа)!
В с е: Аи, ойра, ой, ой, айрара!

4. Туапсе-крепость (гуща) легко, о горе, врагу отдали (сармаф)!
В с е: Ауа, ойра!
(А) в верховьях Псыпца[4] крепость легко отнять можно (сармафа)!
В с е: А, ойра, ойра, ойра, ойрира!

Преданий, сопровождающих песню, не представлено ни в публикациях, ни в записях, хранящихся в архиве КБИГИ.

[1] *Ч о п с ы н а* – топоним, букв.: воловий родник; адыгское название реки и пос. Архипо-Осиповки, расположенного на ней.
[2] *П о р о х о в о й д о м* – видимо, дом, где хранили боеприпасы.
[3] *У б ы х и* – народность абхазско-адыгской языковой группы. Проживали в районе Сочи и его окрестностях.
[4] *П с ы п ц* – название реки, букв.: Черная речка.

Звукозапись А. М. Гадагатля (1951) в ауле Афипсип РА с голоса Ибрагима Хушта (р. 1880). Инструментальное сопровождение на шичапшине исполнял Ибрагим Джамирзе (р. 1884). Текст записал Н. Р. Иваноков. Фонотека КБИГИ, № 168/6.

На магнитофонную ленту записана только начальная часть поэтического текста.

3.16. ЩЭРЭЛIЫКЪОМЭ ЯГЪЫБЗ

1. ЩэрэлIыкъоу зэкъо-зэщыбэхэмэ,
Ж ъ ы у: О, рирара!
Оркъыбэмэ (о) зыдяпщы(ой) налъ.
Ж ъ ы у: О, орира!
Дышъэпсы гущэуи зидэкъо (й) тас,
Ж ъ ы у: О, рирайра!
Быслъымэнымэ игъоджэ уащэс.
Ж ъ ы у: Орирэ, рирарэо, роу-рирарэ!

2. Быслъымэнымэ игъоджэ уащэсы (гущ),
Ж ъ ы у: О, рирара!
ЦIыфыбэмэ (о) къызэлъаугъаз,
Ж ъ ы у: О, орира!
Я чатэхэри къызэлъаIэт.
Ж ъ ы у: О, рирайра!
(Ра) зи чатэм лъыпсэр къы(у)пэч,
Ж ъ ы у: Орирэ, рирарэо, роу-рирарэ!

3. Зи чатэм лъыпсэр къыпэчы (гущ)
Ж ъ ы у: О, рирара!
(Ор) чыпхъоуи Хьаджэхъанэ (о) дах
Ж ъ ы у: О, орира!
Лъынэпсы гущэри къыфырегъэхы,
Ж ъ ы у: О, рирайра!
(Ра) зи къахэм тыгъэхо(о)р щепс.
Ж ъ ы у: Орирэ, рирарэо, роу-рирарэ!

4. Зи къахэм тыгъэхэр щепсы (гущ),
Ж ъ ы у: О, рирара!
Зи IэпшъитIор дышъэпсы (о) рыл,
Ж ъ ы у: О, орира!
ЩэрэлIыкъомэ я Мэхьа (й) мэт,
Ж ъ ы у: О, рирайра!
Джэнэт лъапIэм щалъэгъу (о) жьын!
Ж ъ ы у: Орирэ, рирарэо, роу-рирарэ!

5. Убыхыщхом дзэщхоу къикIыгъэ (гущэм),
Ж ъ ы у: О, рирара!
Топыщхор къызэте (у) рэч.
Ж ъ ы у: О, орира!
Къоркъуаем къызыращалIэ гущэми,
Ж ъ ы у: О, рирайра!
ПкIэгъуалэм къафемы(о)гъаз.
Ж ъ ы у: Орирэ, рирарэо, роу-рирарэ!

6. Къоркъуаем къызыращалIэ гущэм,
Ж ъ ы у: О, рирара!
ПкIэгъуалэм къафемы (о) гъаз,
Ж ъ ы у: О, орира!
Махьмэтым къафимыгъазэ гущэуи,
Ж ъ ы у: О, рирара!
Афэпсыми ашIудэ (о) кIыжь.
Ж ъ ы у: Орирэ, рирарэо, роу-рирарэ!

7. (Сэрмае) Iэпшъэфымы кIыгъу гущэр
Ж ъ ы у: О, рирара!
АтIэкIукIэ зэрибгъэулъэлъ.
Ж ъ ы у: О, орира!
Лъынэпсы гущэри тыригъэлъалъэ гущэуи
Ж ъ ы у: О, рирара!
Махьмэтым заор тфешI.
Ж ъ ы у: Орирэ, рирарэо, роу-рирарэ!

8. Бзыиплъэу ныбэджэо кIачэрэр
Ж ъ ы у: О, рирара!
Щэтыдзэм фэтэгъэлажьэ,
Ж ъ ы у: О, орира!
Мы лажьэр къытфэзыхьыгъэ гущэри
Ж ъ ы у: О, рирайра!
Хьаджэмыкъоу Хьаджэпщы (о) маф.
Ж ъ ы у: Орирэ, рирарэо, роу-рирарэ!

9. Хьаджэмыкъоу Хьаджэпщымафэ гущэм
Ж ъ ы у: О, рирайра!
джыхьэнэмэр къыфарэгъэплъи!
Ж ъ ы у: О, орира!
Хьаджэмыкъоу Хьаджэпщымафэ гущэми
Ж ъ ы у: О, рирайра!
пшъэшъэ щысхэр фэрэмы (о) тэдж!
Ж ъ ы у: Орирэ, рирарэо, роу-рирарэ!

10. Ингылызым и гыныгъо пхъачэ гущэр
Ж ъ ы у: О, рирайра!
БжыбитIуджэ къызэтыретакъу.
Ж ъ ы у: О, орира!
КъэралитIор зызэхэтакъо гущэми,
Ж ъ ы у: О, рирара!
Хьаджэмыкъор афые (о) мыкIу.
Ж ъ ы у: Орирэ, рирарэо, роу-рирарэ!

11. Шъо шIуцIэу къэптаны шIуцIэ гущэр
Ж ъ ы у: О, рирарэ!
Копкъы кIэгъым къыщыогъэшъуи.
Ж ъ ы у: О, орира!
Ашъуанэми лъыпсэр къикIуты гущэу
Ж ъ ы у: О, рирайра!
Махьмэтым заор къытфешIы.
Ж ъ ы у: Орирэ, рирарэо, роу-рирарэ!

3.16. ПЛАЧ О ЩЕРЕТЛУКОВЫХ

(Шапсугская версия)

1. Щеретлуковых роду многочисленному,
В с е: О рирара!
Оркам многочисленным – общий этот пшинатль.
В с е: О, орира!
Золотой (гуша) вы подобны бахроме,
В с е: О, рирайра!
Мусульмане единогласно тебя избрали.
В с е: Орира, рирарао, роу-рирара!

2. Мусульмане единогласно тебя избрали (гущ),
В с е: О рирара!
Народ [за тобой] (о) повернул,
В с е: О, орира!
Меч дружно поднял.
В с е: О, рирайра!
(Ра) с чьего меча кровь струится,
В с е: Орира, рирарао, роу-рирара!

3. С чьего меча кровь струится (гущ) –
В с е: О, рирара!
(Ор) это о тебе твоя сестра Хаджихан-красавица
В с е: О, орира!
Кровавые слезы (гуща) льет,
В с е: О, рирайра!
(Ра) над твоей могилой солнце сияет.
В с е: Орира, рирарао, роу-рирара!

4. Над твоей могилой солнце сияет (гущ),
В с е: О, рирара!
Твои руки – золото,
В с е: О, орира!
Щеретлуковых Мхамат,
В с е: О, рирайра!
В раю святом пусть тебя увидят!
В с е: Орира, рирарао, роу-рирара!

5. Из Убыха большого войско могучее прибыло (гуща),
В с е: О, рирара!
Их пушка большая от выстрелов разрывается.
В с е: О, орира!
К Коркаю[1] когда подвели (гуща),
В с е: О, рирайра!
Белый конь не подчинился,
В с е: Орира, рирарао, роу-рирара!

6. К Коркаю когда подвели (гуща),
В с е: О, рирара!
Белый конь не подчинился,
В с е: О, орира!
Мхамат не подчинился (гуща) и
В с е: О, рирара!
за Афипс[2] ушел.
В с е: Орира, рирарао, роу-рирара!

7. (Сармае) кто с Апшефом[3] был (гуща),
В с е: О, рирара!
В том месте разбежались,
В с е: О, орира!
Кровавые слезы (гуща) проливая (гуща),
В с е: О, рирара!
Мхамат бой за нас начинает.
В с е: Орира, рирарао, роу-рирара!

8. <Наши> красноперые стрелы
В с е: О, рирара!
На чинтское войско выпускаем.
В с е: О, орира!
Беду эту нам принес (гуща)
В с е: О, рирайра!
Хаджимуков Хаджипщимаф[4]!
В с е: Орира, рирарао, роу-рирара!

9. Хаджимукову Хаджипщимафу (гуща)
В с е: О, рирайра!
Костер в аду пусть разжигают!

В с е: О, орира!
В честь Хаджимукова Хаджипщимафа (гуща)
В с е: О, рирайра!
Девушки больше пусть не встают.
В с е: О, рира, рирарао, роу-рирара!

10. Английский порох крупный (гуща)
В с е: О, рирайра!
Пригоршнями ссыпает.
В с е: О, орира!
Даже два государства когда разрушились (гуща),
В с е: О, рирара!
Хаджимуков не смирился.
В с е: Орира, рирарао, роу-рирара!

11. Из кожи черной кафтан черный (гуща)
В с е: О, рирара!
На твоем бедре [кровью] пропитался.
В с е: О, орира!
В кольчуге окровавленной (гуща)
В с е: О, рирайра!
Мхамат бой за нас начинает.
В с е: Орира, рирарао, роу-рирара!

Преданий, сопровождающих песню, не представлено ни в публикациях, ни в записях, хранящихся в архиве КБИГИ.

[1] *Коркой* – мужское имя.
[2] *Афипс* – река, левый приток Кубани.
[3] *Апшеф* – мужское имя.
[4] *Хаджимуков (Хаджипщимаф)* – то же.

Звукозапись З. П. Кардангушева (1976) в ауле Второй Красно-Александровский Краснодарского края с голоса Кадырхан Коблевой (р. 1928) – запевалы; партию «жу» пели Хасан Нибо (р. 1909), Сафарби Ту (р. 1927) и Осман Хахо (р. 1929). Текст записал Н. Р. Иваноков. Фонотека КБИГИ, № 163/10.

3.17. ШЭРЭЛIЫКЪОМЭ ЯГЪЫБЗ

Ж ъ ы у: Айра, орира!
– Ой, рира, о!
– Ой, орира о!
– Ойра, рирайра!

1. Бэчыкъаны мыгъомэ зыхырегъакIэ гущэшъ,
Ж ъ ы у: Айра, орира!
КIыракIэ мыгъоуи Борэн я чатэр
Ж ъ ы у: Ой, рира, о!
Ашъогум(ы) (ор) къыдязыгъан (и),
Ж ъ ы у: Ой, орара, о!
Лъыпсыехэри зи танджы (о) шыгу.
Ж ъ ы у: Ойра, рирайра!

2. Лъыпсыехэри зи танджы (ор) шыгу гущэр,
Ж ъ ы у: Айра, орира!
Отэгор зи чэтэкIэкIыр.
Ж ъ ы у: Ой, рира, о!
Кореныгум (ы) (ор) къытхэзыхыжьыр
Ж ъ ы у: Ой, орара, о!
ШэрэлIыкъоу шъуи Тангъожъыкъуи.
Ж ъ ы у: Ойра, рирайра!

3. Джыхьары гущэуи си танджыжъые мыгъор,
Ж ъ ы у: Ойра, орира!
чъыпхъуитIу мыгъомэ къызабзы мафэм,
Ж ъ ы у: Ой, рира, о!
Сэрмэкъэоуи ащы раIолIагъэр,

Ж ъ ы у: Ой, орара, о!
Зэошхом щигъэшъыпкъэжьи.
Ж ъ ы у: Ойра, рирайра!

4. Оркъы гущэуи (ор) тихьэкIэгъуакIо гущэхэр
Ж ъ ы у: Ойра, орира!
Мэфае гущэми лъынэпсыжъуагъо.
Ж ъ ы у: Ой, рира, о!
ШэрэлIыкъомэ (ор) я жъогъо закъор
Ж ъ ы у: Ой, орара, о!
(Ар) а мафэм зэпкъырэхьажьы.
Ж ъ ы у: Ойра, рирайра!

5. ШэрэлIыкъо гущэмэ (ор) адихьажьыщтэр, – еIо, –
Ж ъ ы у: Ойра, орира!
(Ра) мафэм къызэлъырэкъогъу.
Ж ъ ы у: Ой, рира, о!
ЗэшыпхъуитIу гущэри хьакъорэгъы макъэ
Ж ъ ы у: Ой, рира, о!
Зи къахэм къыдязэгъэщ.
Ж ъ ы у: Ойра, рирайра!

6. Адэмыгъоми мэфэ ре(о)ныщы гущэми
Ж ъ ы у: Ойра, орира!
ШышIуищ(ы) гущэри къыкIарегъэлIы.
Ж ъ ы у: Ой, рира, о!
ЛIэбланэ гущэуи хэтэу бгъурыхьэрэр,
Ж ъ ы у: Ой, орара, о!
(Ра) мафэм мытэ къыреч.
Ж ъ ы у: Ойра, рирайра!

7. Хъанищы гущэри щэндакъэмэ исы гущэшъ,
Ж ъ ы у: Айра, орира!
Пчъэриймэ къахэлыдыкIы.
Ж ъ ы у: Ой, рира, о!
Зи оркъы купымэ (ор) ахэзэфэщэр
Ж ъ ы у: Ой, орара, о!
ШэрэлIыкъоуи шъуи Мыхьамэт.

Ж ъ ы у: Ойра, рирайра!

8. Адэмыгъоми мыкIожьыны (о) заор
Ж ъ ы у: Айра, орира!
Мыхьамэтым къытфеухэщ.
Ж ъ ы у: Ой, рира, о!
Щэщэны гущэуи (ор) шъуи пкIэгъолашхъор
Ж ъ ы у: Ой, орара, о!
Топы шыгумэ къытхурегъалъэ.
Ж ъ ы у: Ойра, рирайра!

9. Бзыиплъы гущэуи (ор) ныбаджэ щабзэр
Ж ъ ы у: Айра, орира!
Чэнтыжъы гущэмэ къыхеунакIэ.
Ж ъ ы у: Ой, рира, о!
Чэнтыжъы гущэри (ор) къызызэдеоджэ,
Ж ъ ы у: Ой, орара, о!
Лъэубэкъори афыремыч.
Ж ъ ы у: Ойра, рирайра!

10. КIыракIэ мыгъоуи Борэны я чатэ мыгъор
Ж ъ ы у: Айра, орира!
Къонтхъы гущэджэ зыпарегъэхы.
Ж ъ ы у: Ой, рира, о!
Дунае мыгъори (ор) къытфеджэгъуи,
Ж ъ ы у: Ой, орара, о!
Ахъырэтэр къытфеукIэс.
Ж ъ ы у: Ойра, рирайра!

11. Хьадырыхэ (гущэри) лъэгъомышIэ Iапчъэмэ,
Ж ъ ы у: Айра, орира!
Зэтесы гущэуи ашIуекIужьыгъи,
Ж ъ ы у: Ой, рира, о!
ШэрэлIыкъомэ (ор) я Мыхьамэтэр
Ж ъ ы у: Ой, орара, о!
ЛIы ябгэ гущэти епсыхыжьыгъи.
Ж ъ ы у: Ойра, рирайра!

3.17. ПЛАЧ О ШЕРЕТЛУКОВЫХ

(Бжедугская версия)

В с е : Айра, орира!
– Ой, рира, о!
– Ой, орира о!
– Ойра, рирайра!

1. Бечкану[1], о горе, на холку склонившись (гуща),
В с е: Айра, орира!
Нарядный, о горе, Бореновых меч
В с е: Ой, рира, уо!
В кольчуге [застрявшим] (ор) бросает,
В с е: Ой, орара, о!
Кровью залит твоего шлема верх.
В с е: Ойра, рирайра!

2. Кровью залит твоего шлема верх (гуща),
В с е: Айра, орира!
Молоту [подобен] твой меч короткий.
В с е: Ой, рира, о!
Из гущи боя (ор) раненого нам выносит
В с е: Ой, орара, о!
Шеретлуковых Тангожуко[2].
В с е: Ойра, рирайра!

3. Расшитый (гуща) мой подшлемник, о горе,
В с е: Ойра, орира!
Мои сестры, о горе, когда кроили,
В с е: Ой, рира, о!
В шутку что предсказали,
В с е: Ой, орара, о!
В битве большой сбылось.
В с е: Ойра, рирайра!

4. Уорки (гуща, ор), наши гости (гуща)
В с е: Ойра, орира!

**В день горестный (гуща) в слезы кровавые
звездами <катятся>,
В с е: Ой, рира, о!
Шеретлуковых (ор) звезда – надежда
единственная
В с е: Ой, орара, о!
(Ар) в тот день погасла.
В с е: Ойра, рирайра!**

**5. Шеретлуковых (гуща, ор) все друзья, – сказал, –
В с е: Ойра, орира!
(Ра) в тот день все пришли.
В с е: Ой, рира, о!
Его двух сестер, воющих, подобно волчицам
В с е: Ой, орара, о!
От твоей могилы еле увели.
В с е: Ойра, рирайра!**

**6. (Ада), о горе, за три дня долгих (гуща)
В с е: Ойра, орира!
Трех добрых коней под тобой убили.
В с е: Ой, рира, о!
Кто из храбрецов к нему ни подъедет,
В с е: Ой, орара, о!
(Ра) в тот день [из седла] вышибает.
В с е: Ойра, рирайра!**

**7. Хани [3] (гуща) в шандаке [4] сидит (гуща),
В с е: Айра, орира!
Среди причитающих блистает.
В с е: Ой, рира, о!
Своей уоркской дружиной (уар) любим был,
В с е: Ой, орара, о!
Шеретлуковы, ваш Мхамат.
В с е: Ойра, рирайра!**

**8. (Ада), о горе, нескончаемую (о) войну
В с е: Айра, орира!**

Мхамат начинает.
В с е: Ой рира, о!
Чеченца [5] (гуща, ор) вашего белого
В с е: Ой, орара, о!
Через пушки ствол перепрыгнуть он заставил.
В с е: Ойра, рирайра!

9. Красных (гуща, ор) соколиноперых [стрел] колчан
В с е: Айра, орира!
На чантов [6] мерзких (гуща) тратит.
В с е: Ой, рира, о!
Чанты мерзкие (гуща, ор) когда ударили,
В с е: Ой, орара, о!
Ни на шаг с места сдвинуть [его] не смогли.
В с е: Ойра, рирайра!

10. Нарядный, о горе, Бореновых меч, о горе,
В с е: Айра, орира!
Как добычу (гуща) с него снимают.
В с е: Ой, рира, о!
К этому бренному миру, о горе,(ор) он охладел,
В с е: Ой, орара, о!
Тот свет он полюбил.
В с е: Ойра, рирайра!

11. В загробный мир (гуща), куда дорога неведома,
В с е: Айра, орира!
На коне (гуща) он отправился.
В с е: Ой, рира, о!
Шеретлуковых (ор) Мхамат –
В с е: Ой,орара, о!
Муж грозный (гуща) – навсегда спешился.
В с е: Ойра, рирайра!

[1] *Бечкан* – разновидность кабардинской породы лошадей.
[2] *Тангожуко* – мужское имя.
[3] *Хани* – дочь хана.
[4] *Шандак* – балкон над домом знатных женщин.

[5] *Чеченец* – порода верховой лошади.
[6] *Чанты (чинты)* – эпическое племя враждебное нартам: здесь – в значении «многочисленные враги».

Звукозапись З. П. Кардангушева (1976) в ауле Нешукай РА с голоса Али Удычака (р. 1906) – запевалы; партию «жу» пели Ереджиб Чич (р. 1906), Титу Чесебиев (р. 1909) и Асламбеч Чич (р. 1913, инструментальное сопровождение на шичапшине исполнял он же). Текст записал Р. Н. Иваноков. Фонотека КБИГИ, № 158/6.

3.18. ХЪЫРЦЫЖЬ АЛЭ ИГЪЫБЗ

Ж ъ ы у: Ойра, рирайра ой!
– Ойра, орира, о-йа, йа, ойра, роу!

1. (Ар) Пшызэшъхьэ кӀэй гущэм тыкъырэдэкӀы
(гущ, ей-ей), ей Алахь!
Ж ъ ы у: Ойра, ойра, орира-о!
Ар джыди!
Ж ъ ы у: Ой-райра, орира, ой-рэйра, ориро!

2. (О) мы гушъхьэ пцӀанэ гущэм къитэгъэзыхьэ
(гущи, ей-ей), ей Алахь!
Ж ъ ы у: Ойра, ойра, орира-о!
Ор джыди!
Ж ъ ы у: Ой-райрэ, орира, ой-рэйра, ой-райра!

3. Щэнэмырэ къалэ гущэм хъукӀэр щытэшӀыр
(гущи, ей-ей), ер Алахь!
Ж ъ ы у: Ойра, ойра, орира-о!
Ар джыди!
Ж ъ ы у: Ой-райрэ, орира, ай-рэйра, о, ойра!

4. (Ар) къызыдгъэзэжь гущэджэ шыукӀэ къалэ
(гущи, ей-ей), ей Алахь!
Ж ъ ы у: Айра, ойра, орира-о!
Ор джыди!
Ж ъ ы у: Ой-райрэ, орира, ай-рэйра, о, ойра!

5. (Ор) тапэджэ тыплъэмэ, (о) пщэгъо корэны
(гущи, ей-ей), ей Алахь!
Ж ъ ы у: Айра, ойра, орира-о!
Ор джыди!
Ж ъ ы у: Ой-райрэ, орира, ай-рэйра, ой-рарэ!

6. (Ор) тыкъэзэплъэкI гущэмэ, щезэредзыхы
(гущи, ей-ей), ер Алахь!
Ж ъ ы у: Айра, ойра, орира-о!
Ор джыди!
Ж ъ ы у: Ой-райрэ, орира, ай-рэйра, о, ойра!

7. МыгъоцIыкIор аIошъы (радэм) къысаджэ гущэх
(ей-ей), ер Алахь!
Ж ъ ы у: Айра, ойра, орира-о!
Ор джыди!
Ж ъ ы у: Ой-райрэ, орира, ай-рэйра, о, ойра!

8. (Ар о) зэшы купы гущэу (радэм) тыкъанэ
(гущи, ей-ей) ер Алахь!
Ж ъ ы у: Айра, ойра, орира-о!
Ор джыди!
Ж ъ ы у: Ой-райрэ, орира, ай-рэйра, ой-рара!

9. Аштрамы лъапсэ гущэм тыкъырэгъуазэ
(гущи, ей-ей), ер Алахь!
Ж ъ ы у: Айра, ойра, орира-о!
Ор джыди!
Ж ъ ы у: Ой-райрэ, орэра, ай-рэйра, рараро!

10. Темырэу Къэзэкъымэ тыкъырэкIожь (гущи, ей-ей),
ер Алахь!
Ж ъ ы у: Айра, ойра, орира-о!
Ор джыди!
Ж ъ ы у: Ой-райрэ, орира, ай-рэйра, ра-ойра!

11. (Ор) дунэе унэмэ тызэдемыхьэ (гущи, ей-ей),
ер Алахь!

Ж ъ ы у: Айра, ойра, орира-о!
Ор джыди!
Ж ъ ы у: Ой-райрэ, орира, ай-рэйра, ой-рарэ!

12. Ахъырэты унэ гущэм тызэдехьажьы (гущи, ей-ей),
ер Алахь!
Ж ъ ы у: Айра, ойра, орира-о!
Ор джыди!
Ж ъ ы у: Ой-райрэ, орира, ай-рэйра, ой-рарэ!

3.18. ПЛАЧ О ХИРЦИЖЕВЕ АЛЕ

(Бжедугская версия)

Все: Ойра, рирайра ой!
– Ойра, орира, о-йа, йа, ойра, роу!

1. (Ар) к Пшиза верховью (гуща) выезжаем
(гущ, ей-ей), ер Аллах!
В с е: Ойра, ойра, орира-о!
Ар джыди!
В с е: Ой-райра, орира, ой-райра, ориро!

2. (О) в эту степь голую (гуща) выезжаем
(гуща, ей-ей), ер Аллах!
В с е: Ойра, ойра, орира-о!
Ор джыди!
В с е: Ой-райра, орира, ой-райра, ой-райра!

3. Щенемыр-крепость [1] (гуща) мы разоряем
(гуща, ей-ей), ер Аллах!
В с е: Ойра, ойра, орира-о!
Ар джыди!
В с е: Ой-райра, орира, ай-райра, о, ойра!

4. (Ар) когда возвращались (гуща), в хвосте конницы
крепостью [он был] (гуща, ей-ей), ер Аллах!
В с е: Айра, ойра, орира-о!
Ор джыди!

В с е: Ой-райра, орира, ай-райра, о, ойра!

5. (Ор) вперед глядим – (о) туман клубится
(гуща, ей-ей), ер Аллах!
В с е: Аира, ойра, орира-о!
Ор джыди!
В с е: Ой-райра, орира, ай-райра, ой-рара!

6. (Ор) назад глядим (гуща) – конная свалка там (гуща,
ей-ей), ер Аллах!
В с е: Айра, ойра, орира-о!
Ор джыди!
В с е: Ой-райра, орира, ай-райра, о, ойра!

7. Зловредным (радам) меня кличут (гуща, ей-ей),
ер Аллах!
В с е: Айра, ойра, орира-о!
Ор джыди!
В с е: Ой-райра, орира, ай-райра, о, ойра!

8. (Ар о) братьев отряд (гуща, радам) [без вожака]
остался (гуща, ей-ей), ер Аллах!
В с е: Айра, ойра, орира-о!
Ор джыди!
В с е: Ой-райра, орира, ай-райра, ой-рара!

9. По рогульнику (гуща) мы путь ищем (гуща, ей-ей),
ер Аллах!
В с е: Айра, ойра, орира-о!
Ор джыди!
В с е: Ой-райра, орара, ай-райра, рараро!

10. Темир-Казака [2] держась, возвращаемся
(гуща, ей-ей), ер Аллах!
В с е: Айра, ойра, орира-о!
Ор джыди!
В с е: Ой-райра, орира, ай-райра, ра-ойра!

11. (Ор) в этом бренном мире мы домой вместе
не возвращались (гуща, ей-ей), ер Аллах!
В с е: Айра, ойра, орира-о!
Ор джыди!
В с е: Ой-райра, орира, ай-райра, ой-рара!

12. В ином мире мы вместе домой возвращаемся
(гуща, ей-ей), ер Аллах!
В с е: Айра, ойра, орира-о!
Ор джыди!
В с е: Ой-райра, орира, ай-райра, ой-рара!

Преданий, сопровождающих песню, не представлено ни в публикациях, ни в записях, хранящихся в архиве КБИГИ.

[1] *Щенемыр-крепость* – одно из укреплений Кавказской линии, на которую, видимо, был устроен набег черкесов под предводительством героя песни. Доподлинно установить русское название крепости не удалось.
[2] *Т е м и р - К а з а к* – название Полярной звезды.

Звукозапись З. П. Кардангушева (1976) в ауле Нешукай РА с голоса Али Удычака (р. 1906) – запевалы; партию «жу» пели Ереджиб Чич (р. 1906), Титу Чесебиев (р. 1909) и Асламбеч Чич (р. 1913, инструментальное сопровождение на шичапшине исполнял он же). Текст записал Н. Р. Иваноков. Фонотека КБИГИ, № 159/1.

Ала Хирциж (или Хирциз) – один из военных предводителей западных адыгов, прославившийся во времена Кавказской войны. Видимо, он был небольшого роста, за что товарищи прозвали его Зловредный Малый, что также отмечено в некоторых преданиях.

3.19. ХЪЫРЦЫЖЬ АЛЭ ИГЪЫБЗ

Ж ъ ы у: Ей, ей, ей-е, ей!
– Ей, ейрэ, ей, ей, ей, ейрэ, ей!

1. Абэдзэхэ къарэр къытфэзыгъэпшъ (адэ),
Ж ъ ы у: А, а, а!
(Ар) мы купы пшъыгъэр
къытфэзыщэжь (адэ).
Ж ъ ы у: А, ай, а, а, а, а, ай!

2. Лэбэ къэлэ щыухэр зыкІэмыхь (адэ),
Ж ъ ы у: А, ай, а, ай, а, а, ай!
(А) кІэхьэрэ шъаор Лабэ рещэкІ (адэ).
Ж ъ ы у: А, ай, а, а, а, ай!

3. (А) кІэхьэрэ шъаор Лабэ рещэкІ (адэ),
Ж ъ ы у: А, ай, а, а, а, а, ай!
Щэуджэны гущэджэ (ор) шъуи
ЧэрэлІыкъу (адэ).
Ж ъ ы у: А, ай, а, а, а, а, ай!

4. Зымыдэрэ (ор) пщымэ шІуалъэкІэ залъэхедза (ада),
Ж ъ ы у: А, ай, а, а, ай!
Зымыдэрэ шъаомэ зафыкІыресэжь (адэ).
Ж ъ ы у: А, ай, а, а, а, а, ай!

5. (Ра) уи щыгъо цІыкІоры мэхьары(у)хьат (адэ),

Ж ъ ы у: А, ай, а, а, ай!
Фабэр къызытапсэмэ уряхьатыякIу (адэ).
Ж ъ ы у: А, ай, а, а, а, ай!

3.19. ПЛАЧ О ХИРЦИЖЕВЕ АЛЕ

(Шапсугская версия)

1. Абадзеха вороного ты утомляешь (ада),
В с е: А, а, а!
(Ар) дружину утомленную ты домой приводишь (ада).
В с е: А, ай, а, а, а, а, ай!

2. Из Лабинской крепости всадники его догнать не могут (ада),
В с е: А, ай, а, ай, а, а, ай!
(А) догнавшего его молодца вдоль Лабы он ведет (ада).
В с е: А, ай, а, а, а, ай!

3. (А) догнавшего его молодца вдоль Лабы он ведет (ада),
В с е: А, ай, а, а, а, а, ай!
Щеудженовы, (гуща, ор) ваш Чератлук (ада).
В с е: А, ай, а, а, а, а, ай!

4. Несогласных (ор) князей [коня] копытами топчет (ада),
В с е: А, ай, а, а, ай!
Несогласных воинов молодых одергивает (ада).
Все: А, ай, а, а, а, а, ай!

5. (Ра) твой гнедой конь славный пляшет (ада),
Все: А, ай, а, а, ай!
Тепло как настанет – ты их предводителем будешь (ада).
Все: А, ай, а, а, а, а, ай!

Звукозапись А. Т. Шортанова (1949) в ауле Афипсип РА с голоса Чишука Усия (р. 1883) – запевалы: партию «жу» пели Ибрагим Очегу (р. 1875) и Сафарби Хахо (р. 1882). Текст записал Н. Р. Иваноков. Фонотека КБИГИ, №77/7.

3.20. БЭЛЭТОКЪУЭ БЭЧМЫРЗЭ И ГЪЫБЗЭ

1. (Ей-рей) жыпIэн гущэкIэрэ КъурIэн уазы(а,а)м хуэдэ гущэти (уае-рэией),
Уежьуун гущэкIэ (уей, маржэ) зэчырыфIым папщIи.
Е ж ь у: Уай-уай, рирари!

2. (А-рай) бэлэтокъуэ гущэурэ (ра) бэлэто(уо) къуатхъуэ гущэти (уае-рэией) –
Шы тхъуэжьей гущэри (уей, маржэ, ар) лъэгуажьэ фIыцIи.
Е ж ь у: Уай-уай, рирари!

3. (А-рай) зи фIыцIагъэ гущэми (ар) дытемы(а,а)плъэж гущэри (уае-рэией),
Бэлэтокъуэм и къуэкIэ (уей, маржа, ар) фи Бэч(а)мырзи.
Е ж ь у: Уай-уай, рирари!

4. (А-рай) Хьэжыгъащэ гущэми (ар) зауэр ще(а-а)ублэ гущэри (уае-рэией),
Зэхэзыубла гущэри (уей, маржа, ар) фи Бэч(а)мырзи.
Е ж ь у: Уай-уай, рирари!

5. Емынэжь гущэурэ (ар) уи фоч фIы(уо-уо)цIэжь гущэри (уае-рэией),
(Ар) пхъэлъантхъуэ гущэми (уей, маржа, ар) къытхупыбонэри.
Е ж ь у: Уай-уай, рирари!

**6. Дунеижь гущэмэ (ар) къытедна псо гущэми (уае-рэией),
(Ар) уи анэжь гущэри (уей, маржэ, ар) я нэхъ тхьэмыщкIэт.
Е ж ь у: Уай-уай, рирари!**

**7. (А-рай) мэсей гущэурэ (ар) уи хьэзы(а-а)рыбгъэ гущэри (уае-рэией),
Куэбжэ дыхьэ гущэкIэ (уей, маржэ, ар) къыбогъэ (а) лъалъэри.
Е ж ь у: Уай-уай, рирари!**

**8. Дунеижь гущэмэ и къэлъэлъэ(а-а)жыгъуэ гущэми (уае-рэией),
(Ар) яукI гущэхэр, (уей, маржэ, ар) щаиту къабзи.
Е ж ь у: Уай-уай, рирари!**

**9. Дэ ди анэжь гущэурэ (ар) дыкъэзы(а-а)лъхуа гущэри (уае-рэией),
(Ар) хьэ хабзэ гущэурэ (уей, маржэ, ар) и гум щокъугъри.
Е ж ь у: Уай-уай, рирари!**

**10. (А-рай) сэ си абгъу(э) гущэми (уэр) къизмыгъэ (а-а)хьэну гущэми (уае-рэией),
Iуащхьэ къуагь гущэхэм (уей, маржэ, ар) къызэдыкъоплъри.
Е ж ь у: Уай-уай, рирари!**

**11. (А-рай) дэхьэрэн гущэурэ (ар) куэншыбэ (а-а) зэв гущэри (уае-рэией)
Фочыпэ-бжыпэ гущэкIэ (уей, маржэ, ар) зыщызо(ай)гъэхри.
Е ж ь у: Уай-уай, рирари!**

**12. (А-рай) дэхьэрэн гущэурэ (ар) уи къамэ къуэдз гущэри (уае-рэией)
(Уэр) дэнылъэ гущэми (уей, маржэ, ар) кърызо(ай)гъанэри.**

20 Заказ № 246

Е ж ь у: Уай-уай, рирари!

**13. (А-рай) емынэжь гущэурэ (ар) уи фоч фIы (а-а) цIэжь гущэри (уае-рэией)
Ар фоч гъауэ гущэкIэ (уей, маржэ, ар) къытхубогъэплъри.
Е ж ь у: Уай-уай, рирари!**

3.20. ПЛАЧ О БАЛАТОКО БЕКМУРЗЕ

(Черкесская версия)

**1. (Ей-рей) ее петь (гуша) – словно суры Корана читать (гуша, уае-раией),
Ей подпевать (гуша, уей, маржа) – словно закир[1] волнующий петь.
В с е: Уай-уай, рирари!**

**2. (А-рай) балатоко[2], (гуша, ра) балатоко чалый (гуша, уае-раией) –
Это конь чалый (гуша, уей, маржа, ар) с коленями черными.
В с е: Уай-уай, рирари!**

**3. (А-рай) чей Коран[3] (гуша, ар) мы не видим больше (гуша, уае-раией),
Это, Балотоковы, сын (уей, маржа, ар) ваш Бачмирза.
В с е: Уай-уай, рирари!**

**4. (А-рай) в Хажигаше[4] (гуша, ар) битва начинается (гуша, уае-раией),
И начинает ее (гуша, уей, маржа, ар) ваш Бачмирза.
В с е: Уай-уай, рирари!**

**5. Свирепой чуме подобное ружье черное, грозное
Ты нам навеки висеть на стене оставил.
В с е: Уай-уай, рирари!**

**6. В этом мире бренном (гуша,ар) из всех, кого мы
оставили (гуша, уае-раией),
(Ар) твоя мать старая (гуша, уей маржа, ар) из всех
самая несчастная.
В с е: Уай-уай, рирари!**

**7. (А-рай) из масея[5] (гуша, ар) газыри со своей груди
(гуша, уае-раией)
На входящих в ворота (гуша, уей маржа, ар)
опустошаешь.
В с е: Уай-уай, рирари!**

**8. Мир старый (гуша) когда рушится (гуша, уае-раией),
(Ар) кого убивают (гуша,уей,маржа,ар),
те безгрешными [умирают].
В с е: Уай-уай, рирари!**

**9. Наша мать (гуша,ар), нас родившая (гуша,уае-раией),
(Ар) волчицам подобно (гуша, уей, маржа, ар)
в степи воет.
В с е: Уай-уай, рирари!**

**10. (А-рай) кому со мной рядом (гуша, уар) стать я
не дал бы (гуша, уае-раией),
[Те] из-за кургана (гуша, уей, маржа, ар)
выглядывают.
В с е: Уай-уай, рирари!**

**11. (А-рай) дахарановый (гуша, ар) корсет (а-а) узкий
(гуша, уае-раией)
Ружейным штыком (гуша, уей маржа, ар) снимают.
В с е: Уай-уай, рирари!**

**12. (А-рай), с красной ручкой (гуша, ар) твой нож
подкинжальный (гуша, уае-раией)
(Уар) в шкатулке для шелковых ниток
(гуша, уей, маржа, ар) навеки остался.
В с е: Уай-уай, рирари!**

**13. (А-рай) Свирепой чуме подобное (гуша, ар) твое
ружье черное, грозное (гуша, уае раией)
(Ар) от стрельбы (гуша, уей, маржа, ар)
ты раскаляешь.
В с е: Уай-уай, рирари!**

Преданий, сопровождающих песню, не представлено ни в публикациях, ни в записях, хранящихся в архиве КБИГИ.

[1] *З а к и р* – религиозное мусульманское песнопение.
[2] То есть конь породы верховых лошадей.
[3] Перевод смысловой; буквально – «чернота» (метонимическое название корана – по цвету черной типографской краски).
[4] *Х а ж и г а ш а* – топоним, местонахождение установить не удалось.
[5] Значение слова утрачено.

Звукозапись и запись текста З. П. Кардангушева (1973) в ауле Жако КЧР с голоса Хаджимурзы Бакова (р. 1912) – запевалы; партию «ежу» пели Гузер Шибзухов (р. 1913) и Галим Мамхегов (р. 1909). Фонотека КБИГИ, № 69 а/2.

3.21. АНДРЫГУ ЗАУЭМ ХЭТАХЭМ Я ТХЬЭУСЫХЭ

1. УеплъынкIэрэ (уэ) жьакIэныкъуэтхъут,
   Е ж ь у: Уо,
   Джабэ тхъуийхэри IэкIэ къефыщIри,
   Е ж ь у: Уо,
   (Уэ) езыхэр (уэ) хэтхэ я щыщ жыпIэмэ
   Е ж ьу: Уо,
   ШурдымкIэрэ (уэ) фи Пщымахуэжьи.
   Е ж ь у: Уо!
   – Уэри-рэуэ, е-уэрирэ, уори,
   – Уэри-рэуэ, рирарэ, уори,
   – Уэри-рэуэ, е-уэрирэ, уо-уой,
   – Маржэ хъун, (уэр) емыкIу къэвмыхьи!

2. Дударыкъуэмэ (уэр) фи Мыхьэмэтхэри
   Е ж ь у: Уо,
   (Уэр) зи гъащIэми сэшхуэкIэлъэфи,
   Е ж ь у: Уо!
   (МыдэкIэрэ, уэ) дыпкIэлъыфийуэрэ
   Е ж ь у: Уо,
   Андрыгу кIуэцIкIэрэ (уэр) дэбгъэзеиж мыгъуи!
   Е ж ь у: Уо!
   – Уэри-рэуэ, е-уэрирэ, уори,
   – Уэри-рэуэ, рирарэ, уори,
   – Уэри-рэуэ, е-уэрирэ, уо-уой,
   – Маржэ хъун, (уэр) емыкIу къэвмыхьи!

3. Донскойхэмэ (уэ) я шагъдиишхуэхэри

Е ж ь у: Уо,
Тес гущэм хуIурымыубыдэй,
Е ж ь у: уо!
Маржэ хъун, (уэ) быдапIэу щыIэхэми
Е ж ь у: Уо,
Фыз щIалэхэр (уэ) зэлъевгъэкIуэж мыгъуи!
Е ж ь у: Уо!
– Уэри-рэуэ, е-уэрирэ, уори,
– Уэри-рэуэ, рирарэ, уори,
– Уэри-рэуэ, е-уэрирэ, уо-уой,
– Маржэ хъун, (уэр) емыкIу къэвмыхьи! *

3.21. СЕТОВАНИЯ УЧАСТНИКОВ АНДРУГСКОЙ БИТВЫ

(Кабардинская версия)

1. Посмотреть на него – (уа) [муж] с бородой полуседой
В с е: Уо,
На склоне горы вьюнки <голыми> руками вырывает,
В с е: уо!
(Уа) сам он (уа) из рода какого если спросишь –
В с е: Уо,
Шурдымовых (уа) это Пшимахо старый.
В с е: Уо!
– Уари-рауа, е-уарира, уори,
– Уари-рауа, рирара, уори,
– Уари-рауа, е-уарира, уо-уой,
– Маржа хун [1], (уар) позора на себя не навлекайте!

2. Дударуковы (уар), ваш Магомет
В с е: Уо,
(Уар) всю жизнь шашку по земле волочит,
В с е: уо!
(Мидачара, уа) под наш свист

В с е: Уо,
По ущелью Андруга[2] (уар) вверх удирает, о горе!
В с е : Уо!
– Уари-рауа, е-уарира, уори,
– Уари-рауа, рирара, уори,
– Уари-рауа, е-уарира, уо-уой,
– Маржа хун, (уар) позора на себя
не навлекайте!

3. Донских (уа) шагди больших
В с е: Уо,
Всадник (гуша) сдержать уже не в силах,
В с е: уо!
Маржа хун, (уа) в убежищах, какие найдутся,
В с е: Уо,
Женщин молодых (уа) вы спрячьте, о горе!
В с е: Уо!
– Уари-рауа, е-уарира, уори,
– Уари-рауа, рирара, уори,
– Уари-рауа, е-уарира, уо-уой,
– Маржа хун, (уар) позора на себя
не навлекайте!

Преданий, сопровождающих песню, не представлено ни в публикациях, ни в записях, хранящихся в архиве КБИГИ.

[1] *Маржа хун* – призывные слова.
[2] *Андруг* – река, приток Лабы.

Звукозапись А. Т. Шортанова (1949) в ауле Кошехабль РА с голоса Батырби Агиржанокова (р. 1888) – запевалы; партию «ежу» пели Умар Макоев (р. 1882) и Осман Хотов (р. 1878). Текст записал З. П. Кардангушев. Фонотека КБИГИ, № 90/2.

3.22. ШЭДЖЭРОКЪУЭХЭ Я ТХЬЭУСЫХЭ

1. (Уор) Щхьэгуащэт
   Е ж ь у: Уо!
   (Уо) лъыр зыда (уо) шэн мыгъуэ (тIэ, уарэ, ией),
   Е ж ь у: Уоу, уэрирэу рирэ, уоу-рирари!
   (Уор) лъы бахъэ гущэхэри (еу-уей)
   къызэрыдохри.
   Е ж ь у: Уоу, уэрирэу рирэ, уоу-рирари!

2. (Уор) жылагъуэу,
   Е ж ь у: Уо!
   (Уор) дызэхэ(уо)зыхым (иджы, уарэ, ией),
   Е ж ь у: Уоу, уэрирэу рирэ, уоу-рирари!
   (Уор) гъыбзае гущэр (атIэ, еу-уей)
   къытхуагъэфащэри.
   Е ж ь у: Уоу, уэрирэу рирэ, уоу-рирари!

3. (Уор) къуажапщэмэ
   Е ж ь у: Уо!
   (Аией) топхэр щогъуагъуэр (иджы,уарэ, ией),
   Е ж ь у: Уоу, уэрирэу рирэ, уоу-рирари!
   (Уо) къуажэкIэ гущэм (атIэ, еу-уей) сабийр
   щогъуэгри.
   Е ж ь у: Уоу, уэрирэу рирэ, уоу-рирари!

4. (Уор) гъубжу а махуэмэ
   Е ж ь у: Уо!
   (Уэр) и пщэдджыжьымкъэ (тIэ уарэ, ией)

Е ж ь у: Уоу, уэрирэу рирэ, уоу-рирари!
Дзэ фIыцIае гущэр (иджы, еу-уей)
къытщIотаджэри
Е ж ь у: Уоу, уэрирэу рирэ, уоу-рирари!

5. Сабий цIыкIуурэ
Е ж ь у: Уо!
(Уор) къэмытэджахэри (уарэ, ией)
Е ж ь у: Уоу, уэрирэу рирэ, уоу-рирари!
(Уэр) фоч пащIэ гущэкIэрэ (еу-уей)
къыщагъэлъэтри.
Е ж ь у: Уоу, уэрирэу рирэ, уоу-рирари!

6. Дэхьэрэнти [2]
Е ж ь у: Уо!
(Уор) фэ плъыжь куэншыбэркъэ
(тIэ, уарэ, ией)
Е ж ь у: Уоу, уэрирэу рирэ, уоу-рирари!
(Уор) фоч пащIэ гущэкIэрэ (еу-уей)
зыщызогъэхри.
Е ж ь у: Уоу, уэрирэу рирэ, уоу-рирари!

7. (Уор) уэркъ щIалэмэ
Е ж ь у: Уо!
(Уэр) зыщезгъэхынути (уарэ, ией),
Е ж ь у: Уоу, уэрирэу рирэ, уоу-рирари!
(Уэр) жэщ пIалъэ гущэм (иджы, еу-уей)
сынамыгъэс (жи).
Е ж ь у: Уоу, уэрирэу рирэ, уоу-рирари!

8. (Уар) пхъэмыфуэрэ
Е ж ь у: Уо!
(уор) си хьэзыр тIощIыркъэ (тIэ, уарэ, ией)
Е ж ь у: Уоу, уэрирэу рирэ, уоу-рирари!
Куэбжэ дыхьэ гущэм (иджы, еу-уей)
тызоунащIэри.
Е ж ь у: Уоу, уэрирэу рирэ, уоу-рирари!

9. Емынэжьмэ
Е ж ь у: Уо!
(уорэ) иунэщIыгъэркъэ (тIэ, уарэ, ией)
Е ж ь у: Уоу, уэрирэу рирэ, уоу-рирари!
ХьэтхьэкIумэм и къуэкIэрэ (еу-уей)
Къанибулэтт.
Е ж ь у: Уоу, уэрирэу рирэ, уоу-рирари!

3.22. СЕТОВАНИЯ ШЕДЖЕРОКОВЫХ

(Кабардинская версия)

1. (Уор) Шхагуаша [1]
В с е: Уо!
(Уо) кровью пусть зальется, о горе (та, уара, ией),
В с е: Уоу, уарирау рира, уоу-рирари!
(Уор) кровавый пар (гуша, еу-уей) оттуда
клубами поднимается.
В с е: Уоу, уарирау рира, уоу-рирари!

2. (Уор) в краях,
В с е: Уо!
(Уор) где о нас услышали (иджы, уара,ией),
В с е: Уоу, уарирау рира, уоу-рирари!
(Уор) гыбзы (гуша, ата, еу-уей) о нас поют.
В с е: Уоу, уарирау рира, уоу-рирари!

3. (Уор) выше селения
В с е: Уо!
(Аией) пушки грохочут (иджы, уара, ией),
В с е: Уоу, уарирау рира, уоу-рирари!
(Уо) ниже селения (гуша, ата, еу-уей) дети плачут.
В с е: Уоу, уарирау рира, уоу-рирари!

4. (Уор) во вторник [1)] этот
В с е: Уо!
(Уар) утром ранним (та, уара, ией)

В с е: Уоу, уарирау рира, уоу-рирари!
Войско черное (гуша, иджы, еу-уей) на нас идет.
В с е: Уоу, уарирау рира, уоу-рирари!

5. Детей малых,
В с е: Уо!
(Уор) еще с постели не вставших (уара, ией),
В с е: Уоу, уарирау рира, уоу-рирари!
(Уар) штыками (гуша, еу-уей) вскакивать заставляют.
В с е: Уоу, уарирау рира, уоу-рирари!

6. Дахарановый [2]
В с е: Уо!
(Уор) красный корсет (та, уара, ией)
В с е: Уоу, уарирау рира, уоу-рирари!
(Уор) штыком (гуша, еу-уей) с меня снимают.
В с е: Уоу, уарирау рира, уоу-рирари!

7. (Уор) уоркский юноша
В с е: Уо!
(Уар) чтоб его снял, я мечтала, но (уара, ией)
В с е: Уоу, уарирау рира, уоу-рирари!
(Уар) до брачной ночи (гуша, иджы, еу-уей) дожить не дали (жи).
В с е: Уоу, уарирау рира, уоу-рирари!

8. (Уар) пробковых
В с е: Уо!
(Уор) моих газырей [3] двадцать (та, уара, ией)
В с е: Уоу, уарирау рира, уоу-рирари!
На входящих в ворота (гуша, иджы, еу-уей) я опустошил.
В с е: Уоу, уарирау рира,уоу-рирари!

9. [Будто] чума свирепая
В с е: Уо!
(Уора) опустошила дом (та, уара, ией)

В с е: Уоу, уарирау рира, уоу-рирари!
Хатхакумовых сына (еу-уей) Канибулата.
В с е: Уоу, уарирау рира, уоу-рирари!

Преданий, сопровождающих песню, не представлено ни в публикациях, ни в записях, хранящихся в КБИГИ.

[1] *Ш х а г у а ш а* – адыгское название реки Белой, левого притока Кубани.
[2] *Д а х а р а н о в ы й* – то есть из красного сафьяна, привезенного из Тегерана.
[3] *Г а з ы р и* – деревянные полые палочки, в которых хранились отмеренные порции пороха; одновременно служили нагрудным украшением черкески.

[1)] У адыгов вторник считался несчастливым днем.

Звукозапись и запись текста З. П. Кардангушева (1968) в селении Кахун КБР с голоса Амирхана Хавпачева (1882–1972) – запевалы; партию «ежу» пели Маша Назаров (1894–1968), Шухиб Хавпачев (1896–1973) и Хасан Хавпачев (р. 1929). Фонотека КБИГИ, 1/2.

3.23. ЛАБЭДЭСХЭМ Я ТХЬЭУСЫХЭ

1. (Ар) мы Лабэжь гущэурэ Тхьэр зыдэ(уо)бга гущэм
дыщыдэплъэкIэрэ,
(Уо-уой, зиунагъуэ) лъы бахъаер (а маржэ)
пшагъуэ гуэрэнтэкъэ.
Е ж ь у: Уай-уа, ра-рау,
– Рэу, уэу-рирари!

2. (Ей) мы ЛабэкIэмкIэрэ (уо-уо) деплъыхмэ,
(Уо-уой, зиунагъуэ) сабий хьэдэр мы Лабэжь
гущэм (а маржэ) и псыхьэлъахуэкъэ.
Е ж ь у: Уай-уа, ра-рау,
– Рэу, уэу-рирари!

3. Джаурыжь гущэм фэ фи то (уо)п щхъуантIэжь гущэми
(Уо-уой, зиунагъуэ) Ахъмэтыбг гущэр
(а маржэ) къыдегъэпсалъэкъэ.
Е ж ь у: Уай-уа, ра-рау,
– Рэу, уэу-рирари!

4. Тетыжь бзаджэ гущэр къыщцыдэ (уо-уо) псалъэкIэрэ,
(Уо-уой, зиунагъуэ) ди тэрмэш гущэм
(а маржэ) дыхуогумэщIтэкъэ.
Е ж ь у: Уай-уа, ра-рау,
– Рэу, уэу-рирари!

5. Тутыкъуурэ (уо-уо) Бэракъеижь ЦIыкIу гущэми
(Уо-уой, зиунагъуэ) а махуэм лIыхъункIэрэ
(а маржэ) дыщымыгугъэкъэ.

Е ж ь у: Уай-уа, ра-рау,
– Рэу, уэу-рирари!

6. (Ей) лIыкIэрэ дызыщцыгугъа (уо-уо) тIэкIухэри
(Уо-уой, зиунагъуэ) ЛабащхьэмкIэрэ
(а маржэ) кIэрыхьэжатэкъэ.
Е ж ь у: Уай-уа, ра-рау,
– Рэу, уэу-рирари!

7. ДохъушокъуэкIэ (уо-уо) Кърымджэрий гущэри
(Уо-уой, зиунагъуэ) а махуэ гущэм
(ует маржэ) зэрыдэмыстэкъэ!
Е ж ь у: Уай-уа, ра-рау,
– Рэу, уэу-рирари!

8. Уэркъ щауэ гущэу дэсыгъэ (уо) тIэкIухэри
(Уо-уой, зиунагъуэ) куэбжэшхуэмкIэрэ
(а маржэ) зэхопсыхэжтэкъэ.
Е ж ь у: Уай-уа, ра-рау,
– Рэу, уэу-рирари!

9. (Ер) а махуэ гущэм ды жылэ (уо-уо) гъуакIуэт (жи),
(Уо-уой, зиунагъуэ) къытхэкIуадэр (а маржэ)
щаиту нахуэкъэ.
Е ж ь у: Уай-уа, ра-рау,
– Рэу, уэу-рирари!

10. Мамлей гущэурэ дыщэ (уо-уо)р зи гъуазэмрэ
(Рэ) уи быным я нэхъ кIасэмрэ а зы Алыхь
гущэм (а маржэ) и анэмэттэкъэ.
Е ж ь у: Уай-уа, ра-рау,
– Рэу, уэу-рирари!

11. – А зы Алыхь гущэм и анэмэтщ! – жери,
(Уо-уой, зиунагъуэ) мы Лабэжь гущэм
(а маржэ) хегъэщатэжтэкъэ.
Е ж ь у: Уай-уа, ра-рау,
– Рэу, уэу-рирари!

**12. (Ей) лъхугъэ напэм сэ се (е-е) мыплъатэмэ,
(Уо-уой, зиунагъуэ) хыгъуэгу щхьэгъубжэмкIэ
(а маржэ) къыдэздзыжынтэкъэ.
Е ж ь у: Уай-уа, ра-рау,
– Рэу, уэу-рирари!**

**13. ФатIимэт гущэурэ (уэ) зи лIы(уо-уо)етыгъуэри
(Уо-уой, зиунагъуэ) къумыпцIэ гущэм
(а маржэ) къыщаупцIэнтэкъэ.
Е ж ь у: Уай-уа, ра-рау,
– Рэу, уэу-рирари!**

**14. ФатIимэт гущэурэ (уо-уо) зи лIы етыгъуэри
(Уо-уой, зиунагъуэ) джаурыжь гущэм фэ фи
унэшхуэм (а маржэ) драшеижтэкъэ.
Е ж ь у: Уай-уа, ра-рау,
– Рэу, уэу-рирари!**

**15. Ендыгуэжь гущэурэ си куэ (уо-уо) ншыбэ цIыкIу
гущэри,
(Уо-уой, зиунагъуэ) фончпэбжкIэрэ (а маржэ)
къыщызагъэхтэкъэ.
Е ж ь у: Уай-уа, ра-рау,
– Рэу, уэу-рирари!**

**16. Уэркъ щауэ гущэм зыщезгъэ (уо-уо) хыну щхьэкIэрэ,
(Уо-уой, зиунагъуэ) мы жэщ пIалъэ гущэм
(а маржэ) сынамыгъэстэкъэ.
Е ж ь у: Уай-уа, ра-рау,
– Рэу, уэу-рирари!**

**17. Абджыщхъуэжь гущэм сызэ (уо-уо) пхыплъ гущэм,
(Уо-уой, зиунагъуэ) уэркъ щауэ гущэурэ
(а маржэ) дыкъызыфIегъэщIтэкъэ.
Е ж ь у: Уай-уа, ра-рау,
– Рэу, уэу-рирари!**

18. ПIэщIыжыгъэм къыще (е-е) кIуэлIэжкIэрэ

(Уо-уой, зиунагъуэ) джаур щхьэтуцэкIэрэ
(а маржэ) си пащхьэм къоувэкъэ.
Е ж ь у: Уай-уа, ра-рау,
– Рэу, уэу-рирари!

19. (Ей) зи анэжь гущэр (уо-уо-уо) къэзэуат пашэ,
Зи къуитI гущэр (а маржэ) аслъэну
шыртэкъэ...
Е ж ь у: Уай-уа, ра-рау,
– Рэу, уэу-рирари!

3.23. СЕТОВАНИЯ ЛАБИНЦЕВ

(Кабардинская версия)

1. (Ар) на эту Лабу (гуша), Богом проклятую (гуша),
когда глядим,
(Уо-уой, зиунаго) кровавый пар (а маржа)
как туман клубится.
В с е: Уай-уа, ра-рау,
– Рау, уау-рирари!

2. (Ей) на эту Лабу вниз (уо-уо) когда глядим,
(Уо-уой, зиунаго) детские трупы по этой Лабе
широкой (гуша, маржа) плывут.
В с е: Уай-уа, ра-рау,
– Рау, уау-рирари!

3. Гяуры проклятые (гуша), вашим пушкам зеленым,
большим (гуша)
(Уо-уой, зиунаго) Ахмет-гора [1] (гуша, а маржа)
эхом отвечает.
В с е: Уай-уа, ра-рау,
– Рау, уау-рирари!

4. Правитель коварный (гуша) с нами когда говорил,
(Уо-уой, зиунаго) за нашего толмача (гуша,
а маржа) мы тревожились.

**В с е: Уай-уа, ра-рау,
– Рау, уау-рирари!**

**5. Тутуковых (уо-уо) что Баракай Малый (гуша)
(Уо-уой, зиунаго) в тот день мужчиной
настоящим окажется, (а маржа) мы
не надеялись.
Все: Уай-уа, ра-рау,
– Рау, уау-рирари!**

**6. (Ей) те немногие, на кого, как на мужчин (уо-уо),
мы надеялись,
(Уо-уой, зиунаго) в верховье Лабы (а маржа)
по склону ушли.
В с е: Уай-уа, ра-рау,
– Рау, уау-рирари!**

**7. Докшоковых (уо-уо) Крымджери [2] (гуша)
(Уо-уой, заунаго) в тот день (гуша, ует маржа)
жаль, что дома не был!
В с е: Уай-уа, ра-рау,
– Рау, уау-рирари!**

**8. Уорки молодые (гуша), что (уо) дома были,
(Уо-уой, зиунаго) у ворот больших (а маржа)
[навсегда] спешились.
В с е: Уай-уа, ра-рау,
– Рау, уау-рирари!**

**9. (Ер) в тот день (гуша) мы всем (уо-уо) аулом
пошли (жи),
(Уо-уой, зиунаго) те из нас, кто погиб (а маржа),
безгрешны.
В с е: Уай-уа, ра-рау,
– Рау, уау-рирари!**

**10. Мамлея [3] (гуша) с золотой мушкой и
(Ра) из твоих детей младшего единому Богу
(гуша, а маржа) вручаю.**

21 Заказ № 246

В с е: Уай-уа, ра-рау,
– Рау, уау-рирари!

11. – Единому Богу (гуша) вручаю! – говоря,
(Уо-уой, зиунаго) в эту Лабу большую [все]
(гуша, а маржа) опускает.
В с е: Уай-уа, ра-рау,
– Рау, уау-рирари!

12. (Ей) если бы родительская совесть мне позволила,
(Уо-уой, зиунаго) на задворье в окно (а маржа)
я бы [все] выбросила.
В с е: Уай-уа, ра-рау,
– Рау, уау-рирари!

13. Фатимат[4] (гуша, уа), что на выданье,
(Уо-уой, зиунаго) на земле голой (гуша,
а маржа) раздевают.
В с е: Уай-уа, ра-рау,
– Рау, уау-рирари!

14. Фатимат (гуша, уо-уо), что на выданье,
(Уо-уой, зиунаго) гяуры проклятые (гуша)
в свой дом большой (а маржа) уводят.
В с е: Уай-уа, ра-рау,
– Рау, уау-рирари!

15. Из ендига[5] крепкого (гуша) мой корсет
маленький (гуша)
(Уо-уой, зиунаго) ружейными штыками
(а маржа) с меня срывают.
В с е: Уай-уа, ра-рау,
– Рау, уау-рирари!

16. Уорк молодой (гуша) чтоб его снял, я мечтала –
(Уо-уой, зиунаго) до ночи брачной (гуша,
а маржа) дожить мне не дали.

В с е: Уай-уа, ра-рау,
– Рау, уау-рирари!

17. Сквозь стекло серое (гуша) когда я глядела (гуша),
(Уо-уой, зиунаго) уорком молодым (гуша,
а маржа) он мне показался.
В с е: Уай-уа, ра-рау,
– Рау, уау-рирари!

18. К постели расстеленной когда подошел,
(Уо-уой, зиунаго) гяуром лохматым (а маржа)
передо мной предстал.
В с е: Уай-уа, ра-рау,
– Рау, уау-рирари!

19. (Ей) твоя мать старая (гуша, уо-уо-уо) –
во главе газавата,
Твои оба сына (гуша, а маржа) –
львицы детеныши...
В с е: Уай-уа, ра-рау,
– Рау, уау-рирари!

Событийная основа песни – разорение царскими войсками аула князя Али Карамурзина на реке Лабе. По преданию, подтверждаемому свидетельствами русских источников XIX в., отряд регулярной армии окружил аул и уничтожил всех его жителей, включая стариков, женщин и детей. Эльмисхан и Хани Тонкостанная, жены князя Али Карамурзина, попали в плен и стали наложницами князя Бековича-Черкасского, находившегося на царской службе и возглавлявшего отряд карателей. – *Ред.*

Предание опубликовано в кн.: ФА, 1979. С. 212–215.

[1] *А х м е т - г о р а* – отвесная скала близ слияния Большой и Малой Лабы.
[2] *К р ы м д ж е р и* – мужское имя.
[3] *М а м л е й* – вид ружья.
[4] *Ф а т и м а т* – женское имя.
[5] *Е н д и г а* – значение слова установить не удалось.

Звукозапись А. М. Гутова (1978) в сел. Заюково КБР с голоса Хажмудара Бухурова (р. 1905) – запевалы; партию «ежу» пели Марем Шаов (р. 1905) и Мухамед Пшиготижев (р. 1900). Запись текста – З. П. Кардангушева. Фонотека КБИГИ, м/касс. № 172/8.

3.24. ХЬЭЖРЭТЫМ Я ТХЬЭУСЫХЭ

1. Хьэжрэт гущэмэ (уар) фи щIалэгъуалэм (жи)
Е ж ь у: Уо,
мэзыхьэжь гущэурэ зыкъывогъэшхи,
Е ж ь у: Уой!
Къэбэрдей гущэми (рэ) фи шыжь гъэшхахэри (ра-ией)
Е ж ь у: Уой, уорэ, рэ-ей!
къалэ кIуэн гущэми хувогъэкъуэгъур (жи).
Е ж ь у: Уо, уо!

2. Хьэжрэтмэ (уар) фи шы къуэгъужьхэр (жи),
Е ж ь у: Уо,
хьэдэ хьын мыгъуэмэ щIывогъэлIыкI (жи).
Е ж ь у: Уой!
(Уар) къалэкIэмкIи (рэй) сызэпрыплъ мыгъуэми (рэ-ией)
Е ж ь у: Уой, уорэ, рэ-ей!
топ щхъуантIэжь гущэми лъыпсхэр къыпожыр (жи).
Е ж ь у: Уо, уо!

3. Ажалышэри (уар) зи нэрылъагъу (жи),
Е ж ь у: Уо,
зи ныбжьэгъу гущэмэ хамылъагъуэж (жи).
Е ж ь у: Уой!
Тхьэм и унэми(рэй) щалъагъужынуэ (жи, ра-ией)

Е ж ь у: Уой, уорэ, рэ-ей!
Трамэ и къуэкIэри ди Хьэжумар (жи)!
Е ж ь у: Уо, уо!

4. Гъубж (гущэмэ, уар) и пщэдджыжь гущэми
Е ж ь у: Уо,
ныбжьэгъуфIхэри тхузэхэбгъагъэт (жи),
Е ж ь у: Уой!
Тхьэшхуэри зэуагъэ щуIэгъэри (уарэ-ией) –
Е ж ь у: Уой, уорэ, рэ-ей!
(Ар) а махуэ мыгъуэми хьэдагъэпаши!
Е ж ь у: Уо, уо!

5. Хьэжылъашэмэ (уар) уи сэшхуэ мытхэр (жи)
Е ж ь у: Уо,
къуентхъкIэрэ зыпрогъэх (жи),
Е ж ь у: Уой!
Гуащэ дахэри (рэй) нысщыдахыжкIэрэ (ра-ией),
Е ж ь у: Уой, уорэ, рэ-ей!
(Уэр) зи шащхьэ мыгъуэри ежьэгурыни!
Е ж ь у: Уо, уо!

6. Бжэныхъуокъуэурэ (уар) лъыр здашэн мыгъуэми
Е ж ь у: Уо,
бжэн хужьыбэ мыгъуэри къызэрыдох (жи).
Е ж ь у: Уой!
Тхьэм и пащхьэми къехыгъэ КъурIэнхэр (ра-ией)
Е ж ь у: Уой, уорэ, рэ-ей!
Iулъхьэ-IулъхьэкIэрэ тхузезыгъакIуи!
Е ж ь у: Уо, уо!

7. Мэхькэмэжь гущэмэ (уар) дзэшхуэр къыщекIуэкIэрэ,
Е ж ь у: Уо,
шагъдиижь гущэхэр тхудэзы гъэж (жи),
Е ж ь у: Уой!
(Уэй) щуIэгъэурэ (рэй) дыщэр зыгъэжхэри (ра-ией)

Е ж ь у: Уой, уорэ, рэ-ей!
(Уэр) къуршыщхьэ гущэмкIэри дезыгъэшыжи!
Е ж ь у: Уо, уо!

3.24. СЕТОВАНИЯ ХАДЖИРЕТОВ

(Кабардинская версия)

1. Хаджиретия [1], (гуша, уар) ваша молодежь (жи)
В с е: Уо,
волкам подобно (гуша) врагам на съеденье
себя отдает,
В с е: Уой!
Кабарда, (гуша, ра) ваши могучие кони холеные
(ра-ией)
В с е: Уой, уора, ра-ей!
от поездок по крепостям (гуша) худеют (жи).
В с е: Уо, уо!

2. Хаджиретия, (уар) ваши кони худые, старые (жи)
В с е: Уо,
тела из боя вынося, о горе, падают (жи).
В с е: Уой!
(Уар) на крепость (рей) через реку гляжу, о горе,
(ра-ией) –
В с е: Уой, уора, ра-ей!
с зеленых пушек недобрых (гуша) кровь
стекает (жи).
В с е: Уо, уо!

3. Свою смерть (уар) своими глазами ты видел (жи),
В с е: Уо,
среди друзей (гуша) тебя уже не увидят (жи).
В с е: Уой!
В Божьем доме [2] поселившимся (рей) тебя пусть
увидят (жи, ра-ией),
В с е: Уой, уорэ, ра-ей!
Трамовых сын наш Хажумар (жи)!
В с е: Уо, уо!

4. Во вторник (гуша, уар) утром (гуша)
В с е: Уо,
друзей рыдать ты заставил (жи),
В с е: Уой!
Богом великим наказанная супруга (уара-ией) –
В с е: Уой, уора, ра-ей!
(Ар) в тот день злосчастный, о горе, вопленница первая!
В с е: Уо, уо!

5. Хаджитляша[3], (уар) ты свою шашку неразлучную (жи)
В с е: Уо,
в добычу [врагам] с себя снять дал (жи),
В с е: Уой!
Княгиню-красавицу (рай) когда уносили (рай-ией),
В с е: Уой, уора, ра-ей!
(Уар) твоя пуля, о горе, в очаг попала!
В с е: Уо, уо!

6. Из Бжаныхоко[4], (уар) да зальется она кровью, о горе,
В с е: Уо,
белых коз [стадо], о горе, несется (жи).
В с е: Уой!
Богом ниспосланный Коран (рай-ией)
В с е: Уой, уора, ра-ей!
Отрывками ты нам толкуешь!
В с е: Уо, уо!

7. К мехкеме[5] старому (гуша, уар) войско большое когда подступило,
В с е: Уо,
шагди могучих ты в битву посылаешь (жи),
В с е: Уой!
(Уай) супруг наших, (рай) золотом шьющх (ра-ией),

В с е: Уой, уора, ра-ей!
(Уар) в горы (гуша), [спасаться] отправляешь!
В с е: Уо, уо!

Преданий, сопровождаюших песню, не представлено ни в публикациях, ни в записях, хранящихся в архиве КБИГИ.

[1] *Хаджиретия* – современная Черкесия.
[2] *Божий дом* – то есть в раю.
[3] *Хаджитляша* – мужское имя.
[4] *Бжаныхоко* – топоним, балка близ аула Хабез Карачаево-Черкесии.
[5] *Мехкеме* – здание (или место) отправления шариатского правосудия.

Звукозапись и запись текста З. П. Кардангушева (1973) в сел. Баксанёнок КБР с голоса Карамурзы Загаштокова (р. 1906) – запевалы; партию «ежу» пели Исуф Хамдохов (р. 1895) и Мухажир Озов (р. 1905). Фонотека КБИГИ, № 115 а/16.

3.25. КХЪУЭХЪУЖЬ ЗАУЭМ ХЭТАХЭМ Я ТХЬЭУСЫХЭ

1. «Дэ нэIиб тхуэхъунщ!» – жери
   Е ж ь у: А!
   (Уа-айрэ) сулий бзэмыщIэт (иджы) къытхашэ,
   А, уойрэ, еу-рирэу, риращ уой!
   Е ж ь у: А, уойрэ, еу-рирэу, риращ уой!

2. Уэркъ щIалэр дызэщIошасэр
   Е ж ь у: А-а!
   (Уей дуней) Хьэтыкъуей Къарэ гущэри дэ ди гъуазэщ,
   А, уайрэу, рирэу, риращ уой!
   Е ж ь у: А, уайрэу, рирэу, риращ уой!

3. Кхъуэхъужьым и къалэм
   (уей дуней) зауэпэ мащIэри (тIэ) щыдублэщ,
   Уанау-рирэу, рирарэщ уой!
   Е ж ь у: Уанау-рирэу, рирарэщ уой!

4. Дэ ТхьэкIэ дегъэпцIэри
   Е ж ь у: А!
   (Уей дуней) Сэтей щхьэ пцIанэ гущэмэ дришэщ,
   Уанау-рирэу, рирарэщ уой!
   Е ж ь у: Уанау-рирэу, рирарэщ уой!

5. Жылэр дызэхешэр

Е ж ь у: А!
**(Уей дуней) жылэ тхьэрыIуэт (иджы)
къытхилъхьэщ,**
Уа, уанау-рирэу, рирарэщ уой!
Е ж ь у: Айра, уанау-рирэу, рирарэщ уой!

6. «Сэ бэлыхь фтеслъхьэнщ!» – жери
Е ж ь у: А!
**(Уей дуней) хьэмелыр къещтэри (тIэ)
Тхьэр къеIуэ,**
Уа, уанау-рирэу, рирарэщ уой!
Е ж ь у: Айра, уанау-рирэу, рирарэщ уой!

7. Пщыхьэщхьэм и пшэплъым
Е ж ь у: А!
(Уей дуней) дыщэ сыхьэт гущэри къиухуэщ,
Уа, уанау-рирэу, рирарэщ уой!
Е ж ь у: Айра, уанау-рирэу, рирарэщ уой!

8. Пщэдджыжьым и пшэплъыт (иджы)
Е ж ь у: А!
**(Уей дуней) дыщэ нэрыплъэкIэрэ (тIэ)
дызоплъэ,**
Уа, уанау-рирэу, рирарэщ уой!
Е ж ь у: Айра, уанау-рирэу, рирарэщ уой!

9. ЩхъэрэкIэрэ соплъэри –
Е ж ь у: А!
**(Уей дуней) фIыцIагъэ мащIэ гущэри
солъагъу (жи),**
Уа, уанау-рирэу, рирарэщ уой!
Е ж ь у: Айра, уанау-рирэу, рирарэщ уой!

10. ФIыцIагъэурэ слъагъухэр,
Е ж ь у: А!
**(Уей дуней) шу мин тэмэмт (иджы, тIэ)
долъытэ,**
Уа, уанау-рирэу, рирарэщ уой!

Ежьу: Аира, уанау-рирэу, рирарэщ уой!

11. Муслъымэным зыкъэтлъытэжым,
Е ж ь у: А!
(Уей дуней) шу пщыкIутI джафэ (иджы) дрикъукъым,
Уа, уанау-рирэу, рирарэщ уой!
Е ж ь у: Айра, уанау-рирэу, рирарэщ уой!

12. (Уэр) девгъэзэуэнумэ,
Е ж ь у: А!
Ди адэм и ерыжыбыжь гущэр жыжьауэщ!
Уа, уанау-рирэу, рирарэщ уой!
Е ж ь у: Айра, уанау-рирэу, рирарэщ уой!

13. (Уэр) девгъэжэжьэнумэ,
Е ж ь у: А!
(Уей дуней) жэрыжьым и псыгъуэмэ девгъауэ!
Уа, уанау-рирэу, рирарэщ уой!
Е ж ь у: Айра, уанау-рирэу, рирарэщ уой!

3.25. СЕТОВАНИЯ УЧАСТНИКОВ КОХУЖСКОЙ БИТВЫ

(Кабардинская версия)

1. «Нам в наибы [1] годится!» – говорит, и
В с е: А!
(Уа-айра) сулийца [2], <нашим> языком не владеющего (иджы), к нам приводят,
А, уайра, еу-рирау, рираш уой!
В с е: А, уойра, ей-рирару, рираш уой!

2. Уорки юные, мы на коней садимся, и
В с е: А-а!
(Уей дуней) Хатукаев Кара (гуша) – наш предводитель,

А, уайрау, рирау, рираш уой!
В с е: А, уайрау, рирау, рираш уой!

3. У Кохожской [3] крепости
(Уей дуней) для начала малый (та) бой затеваем,
Уа, уанау-рирау, рирараш уой!
В с е: Уанау-рирау, рирараш уой!

4. Нас клятвою обманывает и
В с е: А!
(Уей дуней) в степь голую (гуша) приводит,
Уа, уанау-рирау, рирараш уой!
В с е: Уанау-рирау, рирараш уой!

5. Нас, народ, собирает и
В с е: А!
(Уей дуней) всеобщую клятву (иджы) берет,
Уа, уанау-рирау, рираш уой!
В с е: Айра, уанау-рирау, рирараш уой!

6. «Я беду на вас обрушу!» — говорит и
Все: А!
(Уей дуней), гамель [4] достав, (та) клянется,
Уа, уанау-рирау, рирараш уой!
В с е: Айра, уанау-рирау, рирараш уой!

7. На вечерней заре
В с е: А!
(Уей дуней) золотые часы (гуша) заводит,
Уа, уанау-рирау, рирараш уой!
В с е: Айра, уанау-рирау, рирараш уой!

8. На утренней заре (иджы)
В с е: А!
(Уей дуней) в золотые подзорные трубы (та) глядим,
Уа, уанау-рирару, рирараш уой!
В с е: Айра, уанау-рирау, рирараш уой!

9. Вниз гляжу –
В с е: А!
(Уей дуней) черную точку (гуша) вижу (жи),
Уа, уанау-рирау, рирараш уой!
В с е: Айра, уанау-рирау, рирараш уой!

10. Чернота, что вижу, –
В с е: А!
(Уей дуней) всадников тысяча ровно
(иджы, та), [если] мы их пересчитаем,
Уа, уанау-рирау, рирараш уой!
В с е: Айра, уанау-рирау, рирараш уой!

11. Мы, мусульмане, когда себя пересчитываем,
В с е: А!
(Уей дуней) всадников двенадцать даже (иджы)
не наберем,
Уа, уанау-рирау, рирараш уой!
В с е: Айра, уанау-рирау, рирараш уой!

12. (Уар) если хотите, чтобы мы с ними сражались,
В с е: А!
Наших отцов ержибы могучие (гуша)
дальнобойны!
Уа, уанау-рирау, рирараш уой!
В с е: Айра, уанау-рирау, рирараш уой!

13. (Уар) если хотите, чтобы мы ушли, то
В с е: А!
(Уей дуней) самых быстроногих и стройных
давайте нахлестывать!
Уа, уанау-рирау, рирараш уой!
В с е: Айра, уанау-рирау, рирараш уой!

Преданий, сопровождающих песню, не представлено ни в публикациях, ни в записях, хранящихся в архиве КБИГИ.

[1] *Н а и б* – помощник или заместитель духовного руководителя;

в данном случае имеется в виду духовный наместник Шамиля среди адыгов. В песне чувствуется враждебное отношение к последнему из-за его фантастической религиозно-политической ненависти к русским, против которых он старался поднять даже мирные племена и села.

[2] *С у л и й ц ы* – одна из народностей Дагестана.

[3] *К о х о ж* – топоним, местность не установлена.

[4] *Г а м е л ь* – карманное издание мусульманских молитв и отрывков из Корана.

Звукозапись А. М. Гутова (1972) в сел. Верхний Курп КБР с голоса Хабалы Небежева (р. 1917) – запевалы; партию «ежу» пели Хаути Шериев (р. 1890), Джабо Небежев (р. 1890) и Асламбеч Шидаков (р. 1910). Текст записал З. П. Кардангушев. Фонотека КБИГИ, № 38 а/7.

А.М. Гутов

ОБЩИЕ ЗАМЕЧАНИЯ

Отличительная черта материалов настоящего раздела заключается в их высокой степени аутентичности: все тексты антологического издания «Народные песни и инструментальные наигрыши адыгов» (НПИНА) выписаны с магнитной ленты, причем – с учетом характерных особенностей их звучания. Подавляющее большинство магнитофонных записей было осуществлено во время полевых экспедиций, которые устраивались Институтом регулярно с 1949 г. и охватывали территорию от Кабардино-Балкарии и Северной Осетии до Черноморского побережья Краснодарского края. Среди организаторов и постоянных участников экспедиций были А. Шортанов, З. Кардангушев, А. Алибеков, записи которых представлены в настоящем сборнике. Позднее значительное количество песен было записано В.Барагуновым, З. Налоевым, другими исследователями. Были также и записи студийные – их осуществляли журналисты Кабарино-Балкарского радио. Кроме того, в антологию включены материалы, предоставленные родственными НИИ Адыгеи и Карачаево-Черкесии, (записи А. Гадагатля, Н. Сакиева и др.).

В целях наиболее полного отображения структурных особенностей адыгской народной песни специально для данного издания разработаны свои принципы расположения словесного и нотного материала. Эта работа выполнена З. Кардангушевым, В. Барагуновым и главным редактором серии, одним из крупнейших отечественных специалистов в области этномузыкологии профессором Е. Гиппусом (Москва). На основе ранее созданной им методики аналитической нотной шифровки была создана принципиально новая системы графической фиксации народной музыки. Руководствуясь ею, В.Барагунов сделал музыкальную транскрипцию песен.

Работа по переводу текстов также потребовала нетрадиционного подхода. Прежде всего пришлось отказаться от т.н. эквиритмического перевода, поскольку он неизбежно приводил к значительным потерям в области содержания и образной системы. Обычный подстрочник тоже был слишком тесен для восприятия и, к тому же, не мог передать содержание в его полном объеме. Группа специалистов-филологов – З. Налоев (руководитель), А. Гукемух и Н. Иваноков – разработала собственную систему перевода, ориентированную на сохранение особенностей методологии и синтаксической структуры оригинала.

З. Налоев стал также автором вводных статей к 1-му и 3-му томам, а вместе с Е. Гиппиусом он возглавлял организаторскую работу по подготовке всего издания. Отбор материалов и составление томов осуществляли В. Барагунов и З. Кардангушев. Последний выполнил работу по выписке с магнитной ленты текстов на кабардинском языке, а Н. Иваноков – на адыгейском.

А. Гутовым написаны аннотации к преданиям, сопровождающим некоторые песни.

Благодаря тому, что к эдиционной работе были привлечены высококомпетентные специалисты, в том числе и из Москвы, антология НПИНА не только вобрала в себя лучшие записи образцов адыгского народного музыкального искусства, но и стала изданием, в котором это искусство представлено достойным образом. Специалисты страны признали выход первого тома серии новым шагом в истории отечественной фольклористики. Столь же тепло были встречены и последующие тома, среди них – третий, из которого мы взяли 26 текстов песен на тему о Русско-кавказской войне. Они отражают фактически всю географию современного расселения адыгов на Кавказе. Данные песни представляют достойные образцы народного музыкального и словесного искусства.

Для настоящего издания в текст перевода внесены некторые изменеия, что сделано с ведома руководителя группы переводчиков НПИНА. Они коснулись прежде всего более точной передачи некоторых образных выражений, толкования отдельных слов (например: «шагид», «гяур») и некоторых аффиксов (особенно-полисемантического корневого аффикса -жь-/-жъ-). В тех случаях, когда некоторые слова религиозного содержания («Бог», «Аллах», «Пророк» и др.) являются собственными, мы признали необходимым их написание с прописной буквы вместо принятого в источнике написания со строчной.

22 Заказ № 246

ИЗ КНИГИ «НЕМЕРКНУЩИЕ ЗВЁЗДЫ»

4.1. ХЬАДЖЭМЫКЪО НАУ

ПкIэгъуалэу данэр зысэкур
Сотыдзэм къыкIоцIырефы,
Дэнэфэу быракъы дахэр
Щэтырапчъэм къытфычIэзыс, –
ХьаджэмыкъокIэ ти-Науи, сэрмафэ.
Дышъашъэу саут дахэм
Лъыпсыер къытфыдегъачъа,
ЗекIошыужъыр зэкIэрыгъожьэу
Зятэ ичылэм тфязыгъэщэжьырэр, –
ХьаджэмыкъокIэ ти-Науи, сэрмафэ.
Улэрэ Лабэрэ зыщызэхэхьажьырэм
Поштэкур щымыгъэзекIу,
ЗекIолIымэ зэрамыкужьырэм
Изакъоу хъункIэр щызышI, –
ХьаджэмыкъокIэ ти-Науи, сэрмафэ.
Ширэ уанэрэ зызэтыралъхьэкIэ,
Зи гугъу гущэм зимыгъэпсэф,
Мэскэу гущэм икъэзэкъыжъмэ
ШхъорыкIон гущэкIэ загъэпсэфыжь, –
ХьаджэмыкъокIэ ти-Нау зигъонэмыси.
Бэрскэшхоу щэджэгъоужьым
ПкIэгъуалэ гущэр мэхьэплъэ-къуаплъэ,
КъэралыгъуитIум янэрылъэгъур
Зитхьэ еплъырэм ерэIотэжь.

4.1. ХАДЖЕМУКО НАУ

Белого <коня> с шелковой гривой
<Сквозь> войсковую сотню <кто> прогоняет,
Из шелка светлого знамя нарядное
У входа в шатер кто нам <в землю> втыкает, –
<Это> Хаджемуковых наш Нау, сармафа.
Блестящей чернью красивой <покрытое ружье>
Ручьем крови кто окропляет,
Наездника бывалого, <в запекшейся крови>
В отцовский аул кто возвращает, –
<Это> Хаджемуковых наш Нау, сармафа.
<Там>, где Уля и Лаба сходятся,
Почтовым каретам не позволяющий разъезжать,
Наездники <куда> не осмеливаются появляться,
В одиночку набеги совершающий, –
<Это> Хаджемуковых наш Нау, сармафа.
Коней, когда седлают,
Разговоры, гуща, о ком не стихают,
Москвы, гуща, казаков проклятых
Кто от участия в погонях избавляет, –
<Это> Хаджемуковых наш Нау, безвременно ушедший.
В пятницу после полудня
Белый <конь>, гуща, <по сторонам> озирается,
Для двух государств <ставшее> очевидным,
В Бога кто верит, <пусть> расскажет.

Архив АРИГИ, ф. 1, оп. 3, п. 128, д. 43. Исп. Салих Зезарахов, 1891 г. р., аул Джерокай Адыгеи; кемиргой. Зап. 1975 г. К. Зезарахова. Перевод на русский язык М. А. Табишева.

4.2. ГУМ ИКIОДАГЪЭМЭ ЯГЪЫБЗ

Аштэм якIэм тыкъырыгъуазэ,
Пщы гъуазэ купти, мы Гумым икIуад,
Темыркъэзакъри къытIэкIэкIуадэ,
ЗидгъэкIодэнти – джаур хэгъэгу.
ЯшхомылакIэхэр къызэIурадзэ,
ШыкIэзэрыдзэхэр якъэлэпыт,
Якъэлэ пытэхэр атырагъакIэ,
АхэкIыжьыным пIынэр шъхьарыгъ.
ПкIэгъуалэм телъыр уитыжьынышху,
Мы гъуичIэгъошхор икIожьыкIай,
ЧIыпцIэжъ бэнхэр къытфырагъажьэ,
Тыуаджэ гущэзэ утшIокIожьыгъ.
ТапэкIэ тыплъэмэ – шышъхьэзэшIуадз,
ТыкъызэплъэкIымэ – езэрэдзыхы,
Мы хъэтэ-мытхэм уакъыхэмыхьэ.
Былымыр къэтхьымэ улIитIу папкI, –
АлъкъэсыкъокIэ шъуи-Билъэустэн.
Абэдзэ къарэри къытфэзыгъэпшъ,
Шыу пшъыгъабэри къытфэзыщэжь, –
Мыр Хъырцыжъ Алэти, епсыхыжьыгъ.
А зы хьакIэщым шъузэдимыхь,
Мы зы шы пхъаблэмкIэ зыкъяжъугъэхьыжь, –
ХъырцыжъыкъуитIути, епсыхыжьыгъ.
Джэлыкъ шыбзыхэр зыIэкIегъахьэ,
IэкIэхьэрэ шыухэр пчыкIэ релIыхы, –
ШэуджэнкIэ шъуи-Джырандыкъу.
Иш къэрэжъыри зэрэгъохъушъхь,

Афицерышъхьэм къытфэрэджэгу,
Джэнэт пшъашъэр зиджэгогъур, –
МэхъошкIэ Мустаф-ефэнд.
ПкIэгъолэ дахэр мэхьатыуты,
Дзэшхо унаем ихьатыякIор, –
АбатэкIэ Хьэджэ Пщымаф.
Дэнэ быракъыр къытфегъэбыбы,
МэлэIыч лъапIэмэ адэбыбыгъэр, –
АбатэкIэ Хьэджэ Пщымаф.
ЫнитIоу исыхэр пхъэшыкъу машIу,
ИгъэшIэ пстэуми мэшIо гъэстыгъ, –
Пхъао гущэкIэ шъуи-Ламэжъый.
ИсабыитIур зэрэлъэрыкIу,
Иджэнэтыпчъэри зэрэIухыгъ, –
ХъырцыжъыкIэ шъуи-Алэ мыгъот.
Дунэе нэфым лъыпсыр щагъачъэ,
Хьадрыхэ унэм дышъэр ипчъабл, –
ХъырцыжъыкъокIэ шъуи-Алэ мыгъот.

4.2. ПЕСНЯ-ПЛАЧ ПО ПОГИБШИМ В ГУМЕ

К долине Аштам направляемся,
Во главе с князем, их направлявшим, <вся> компания в Гуме пропадает,
Темирказак [Млечный путь. – *Т. М.*] из виду теряем,
<Здесь> мы скрылись бы – <но> это гяурская земля.
Поводья свои натягивают,
Цепочка, связанная конскими хвостами, <служит> неприступной стеной,
Их стена неприступная на <нас> обваливается,
Кто уйдет <с того поля боя>, шапки позора достоин.
На белом коне узда серебряная,
Конца и края этой долине большой не видно,
В черной земле могилу нам готовят,
Окликая тебя, гуща, ты от нас ушел.
Вперед посмотрим – в схватке кони головами скрестились,
Назад посмотрим – сшибка идет,

**В эту смертельную схватку не ввязывайся.
Добычу, <когда> добываем, <он> двум мужам подобен, –
<Это> Алкасовых ваш Битлеустен.
Абазинского <коня> вороного <в битве> утомляет,
Всадников утомленных<невредимыми> домой приводит, –
<Это> Хирцижев Аля <был>, но <навеки> спешился.
В этот хачещ <гурьбой> не заходите, <лучше>
На этих конных носилках по одному дайте себя
принести, –
Хирцижева оба сына <это были>, <навеки> спешились.
Джалыкских кобылиц настигает [заполучает],
Настигнутых <вражеских> всадников копьем
умерщвляет, –
<Это> Шовгеновых ваш Джерандук.
Его конь вороной надежный высоко голову поднимает,
Офицерской головой сам играет,
Райские красавицы с кем играют, –
<Это> Махошевых Мустафа-эфенди.
Белый <конь> красивый резвится,
Большому войску предводитель, –
<Это> Абатовых Хаджи Пщимаф.
Шелковое знамя по ветру развевает,
С ангелами священными улетает, –
Абатовых Хаджи Пщимаф.
Его глаза – горящие головни,
Всю жизнь огню пылающему подобен, –
Пхаовых, гуща, ваш Ламажий.
<У кого> двое детей ходить едва <начали>,
<Для кого> райские двери настежь открылись, –
<Это> Хирцижевых ваш Аля незабвенный,
<У кого> на том свете <жилище> с золотыми
дверными косяками, –
<Это> Хирцижевых ваш Аля незабвенный.**

Архив АРИГИ, ф. 1, оп. 3, п. 128, д. 43. Исп. Салих Зезарахов, 1891 г. р., аул Джерокай Адыгеи; кемиргой. Зап. 1975 г. К. Зезарахова. Перевод на русский язык М. А. Табишева.

4.3. ПЩЫ АСЛЪЭНЧЭРЫЙ

Лабэрэ Пшызэрэ азыфагуми
ПытапIэ гущэри щязымыгъэшI,
ХъункIэ гущэ зыщымышIыгъэ
Станицэ гущи къимынэгъах.
Сэрмафэ гущэуи шыгъо нэфыжъри
КIорыгъэ гущэри зэрэфэмакI,
Саур гущэуи сишхонкIэкIитIури
Джэгъогъоу гущэми зыIэкIагъахьа,
Сикъамэ гущэр сIэкIэхьажьыгъэтэмэ,
ПщыукIы гущэмэ садэджэгунт.
Орэдэ, зекIор зихабзэхэри
Лэбашъхьэ гущэми щырагъэпсыхы,
Орэдэ, Магърыщыкъожъыри
Мы мафэ гущэми тхьэматэ мыгъот.
ПэнапцIэ гущэуи сисэраишхоми
ЗекIолIы гущэмэ зыщаукIыжьы,
Дарие гущэуи сичыхэIэныри
Шхонч гъоз гущэми къыстырестыхьэ.
Мэфае гущэми игъом хэкужъри
ЗэкIэ гущэ унэшъхьэпыхь,
Адэ гущэ къахэпыхьыкIырэр, –
Даур гущэкIэ ор ХьэпакI.
ХьэпакIэ гущэр сэ сиIэжэгъутэмэ,
Шхонч зэогъу гущэри сфигъэожьынт.

4.3. КНЯЗЬ АСЛАНЧЕРИЙ

**В междуречье Лабы и Кубани
Крепости не позволяющий строить,
Набега, гуща, где бы он не делал
Станицы, гуща, <ни одной> не осталось.
Сармафа, гуща, светло-буланого <коня>
Иноходь, гуща, ему кажется недостаточно быстрой,
Сафьяном покрытые мои два пистолета
К врагам, гуща, в руки попадают,
Мой кинжал, гуща, <если бы> мне в руки вновь попался,
С князеубийцами, гуща, <я поиграл бы>.
Ореда, в поход отправляться в обычаях у кого было
<Того> в верховьях Лабы, гуща, спешивают,
Ореда, Магришоков храбрый
В эти дни, гуща, предводитель злосчастный.
У облепиховой, гуща, моей изгороди высокой
Наездники, гуща, на гибель идут,
Из парчи, гуща, мое стеганое одеяло
От ружейного дыма, гуща, на мне воспламеняется.
В черный день, гуща, несчастье, <обрушившееся>
на родную землю,
В каждом доме, гуща, оплакивают,
Громче всех, гуща, плачет, –
Дауровых, гуща, ор, Хапача.
Хапача, гуща, если б моим <был> посредником,
Из ружья один <последний> выстрел для меня
сделал бы.**

Архив АРИГИ, ф. 1, оп. 3, п. 128, д. 43. Исп. Салих Зезарахов, 1891 г. р., аул Джерокай Адыгеи; кемиргой. Зап. 1975 г. К. Зезарахова. Перевод на русский язык М. А. Табишева.

4.4. ЦУЖЪКЪУАПЭ ИГЪЫБЗ

А, Шъхьэгуащэ гущэуи Тхьэр зыдэбгэным
А, лъы пэхъае гущэр къыдэзэрэх,
Шъузы-кIалэхэр зыдахы мафэм
Шъхьацышъо гущэри къызэлъэтэдж.
Пчэдыжь гущэуи титэджыжьыгъом
Сэлатыжъхэр къыдэзэрэхь,
ЛIы пшъыгъэу къыдэхьажьыгъэхэм
Шы дахэхэр зыкIэрагъэлI.
А мафэ гущэм, ра, зэрэлIэщтыр
Тхьэишъэо япхъу гущэми ышIошIы мыхъу,
ЗэрэлIэщтыр зышIошIы хъугъэр, –
ЦутхьакIумэкъокIэ шъуи-Къамболэт.
Чэсэи гущэуи сыбгъэшъо фыжьыр
Шхонч лъэбкIэ къагъэушIуцI,
Шъо шIуцIэ гущэу тэ тибгъэкIапхэхэр
ШхончыпэпчыкIэ зыкIятыгъэх.
Тишъао гущэмэ зыкIядгъэхынти,
Пчыхьэ пIалъэм тынамыгъэс,
Оркъ есэу тигугъэпIагъэ гущэхэр
Тапашъхьэми щыIуагъэкIыжь.
Тэ тятэ гущэуи пIэшъхьагъынчъэм
Оркъ шъаомэ таримыпэс,
Сэлатыжъмэ тягъэкIэсыгъэ гущэу
ПщызэрыкIы тыщызэрахьэ.
Дзэшхом хэтмэ анахь Iае гущэм
Шъхьащэ фэтшIызэ тыкъыращалI,
Баринэм тызыращалIэ гущэм

Мыгукъожъыри къэтэгъэцIацIэ.
ХьажъыкIэу тиныкъоидэ гущэхэр
Афицармэ къызэпагъодзы,
ХъужьынкIэ мыгугъэпIахэ гущэуи
Тэ тятэми ыгъэзэжьыгъ.
Тятэ гущэм иунэ тызесым
ДжэхэшъуакIэ гущэр титхьэмэфакIуи,
Цужъкъуапэ гущэм тыкъызыдафэм
Мыжыкъ алащэмэ танахьыкIуашIуи.
Сэлатыжъмэ тызырафыжьэ гущэм
Типхъэцуакъэ гущэхэр къэтэгъэлъэхъу,
Типсэлъыхъоу тхьэм еплъырэ гущэр
Цужькъуапэ гущэм къащыхэрэу.
Бжьэдыгъу гущэм икIалэ-гъуалэхэр
Iошъхьэ къогъум къызэлъыкъоплъ,
Джыхьнэмыр зыфагъэплъыгъэ гущэр, –
КъунчыкъокъокIэ Пщымафэ гъум.
Бырамбыфэу тэ тишъхьатехъо гущэр
Къунчэкъокъом къетэгъэлъэхъу,
Бжъэдыгъумэ янэрылъагъу гущэу
Почтэкум закъишIуитэдзы гущ.
Абдзахэмэ макъэ яжъугъэIу гущэмэ
Апсэ тIэкIукIэ тащэфыжьын,
КIэмгуем икIэлэ-гъуалэ гущэхэр
Зэогъум къытлъынэмыс,
Абдзахэу къытлъыIэсыгъэ гущэхэр
Тапашъхьэ щепсыхыжьыгъэх,
КIэмгуем икIэлэ-гъуалэ гущэмэ
Зауфэшъы мэзым хэхьажьых.
Ерэджыбэу дышъэр зыпакIэ гущэр
Мыгукъожъым зыIэкIегъахьэ,
Трамэу шы зыкIэмыхьэрэ гущэр
Хы Iушъом къыщызэращэ.
КъуахьыIум тызыращалIэ гущэм
Гъэр уасэм къыщыкIэупчIэх,
Афицармэ тэ тызащэф гущэкIэ
Ширлэныстэ гущэкIэ тэ зытлIэжьын.
Фэрзэжъэу тызыхэплъагъэ гущэмэ

Нэу тиIэр атемыплъэжь,
ЗэпэIоу тызыхэдагъэ гущэхэр
Тапашъхьэ щепсыхыжьыгъэх.
ДэнапцIэ гущэу тэ тишъхьацышхор
Сэлатыжъмэ ящатырышхо гущи,
Бырамбыфэу тиджэнэ шIагъохэр
ПчыпыджынкIэ ра заIатхъы гущи.
Къумыкъушхоу Хьаджысэлымэ гущэм
Гъоу зешIышъы мы мафэм къаджэ,
Зи Тхьэшхор къызэджэжьыгъэ гущэхэр
Мы мафэм къерэкIолIэжь гущэх.
Мылыжъэу тидышъэ паIо гущэхэр
Пчыпыджынмэ, ра, къахэлыдыкIы,
Шыу минмэ къахэлыдыкIы гущэр, –
ЦутхьакIумэкъо гущэкIэ шъуи-Къамболэт.

4.4. ПЕСНЯ-ПЛАЧ ЧУЖКУАПЫ

А, над Шхагуащей, гуща, Богом проклятой,
А, кровавый пар, гуща, поднимается,
В день, <когда> женщин молодых хоронят,
Волосы, гуща, дыбом встают.
На утро, гуща, в пору, когда надо подниматся,
Солдаты проклятые <в аул> врываются,
Мужчины утомленные, что вернулись,
Коней прекрасных <заставляют> перед собой гибнуть.
В тот день, гуща, ра, в свою неминуемую смерть
Тхаишаовых дочь, гуща, не верит,
Свою смерть кто предчувствовал, –
<Это> Чутхакумоковых ваш Камболат [1].
Кисейные, гуща, мои груди белые
Ружейным прикладом <заставляют> чернеть,
Из кожи черной, гуща, наш корсет
Штыком с нас снимают,
<Чтобы> наши любимые их сняли с нас <мечтали> мы,
<Но> до вечернего срока дожить нам не дают,
Дворяне мужественные, что нашей надеждой были, гуща,

**На виду у нас погибают.
Отец наш, гуща, что вдовцом остался
<Не всяких> уоркских юношей считает нас достойными,
Солдаты <же> проклятые, <силой> посадив нас
<на круп коня>, гуща,
За Кубанью нас развозят.
<Из всего> войска большого к самому неприглядному
На поклон нас приводят,
К барину, <когда> нас подводят,
Мугукова [2] проклятого <заставляют> нас бранить.
<Платком> с недовышитым узором шалфея, гуща,
Офицеры играются,
<Последнюю> надежду потеряв, гуща,
Наш отец обратно вернулся.
В отчем доме, гуща, <когда> мы жили,
До порога, гуща, наш путь семидневный был,
В Чужкуапу [3], гуща, <когда> нас выгнали,
Мужицкого мерина обгонять мы стали.
Солдаты проклятые <когда> нас погнали, гуща,
Наши башмачки, гуща, нас вынуждают искать,
Нашим женихам как совесть подскажет, гуща,
На Чужкуапу, гуща, <пусть> нападут.
Бжедугская, гуща, молодежь,
Из-за курганов <трусливо> выглядывает,
Для кого в аду огонь развели, –
<Это> Кунчуков Пщимаф тучный.
Шелковые наши платки головные, гуща,
Кунчуков с нас срывает,
У всех бжедугов на виду, гуща,
Из почтовой кареты бросаемся, гуща,
Абадзехам <если> знать дадите, гуща,
<Ценой> своей жизни нас вызволят,
Чемгуйская молодежь, гуща,
Одним напором до нас не достает.
Абадзехи, что <до нас> достали, гуща,
На виду у нас <навеки> спешились,
Чемгуйская молодежь, гуща,
Согнувшись, в лес уходит.**

**Ереджибовское <ружье>, что с золотым штыком, гуща,
Мугуков проклятый к рукам прибирает.
Трамовских коней непревзойденных, гуща,
На берегу моря водят,
К пристани, <когда> нас ведут, гуща,
О невольничьей цене <нашей> расспрашивают,
Офицеры <когда> нас покупают, гуща,
Стальными ножницами, гуща, мы покончим собой.
На Фарз реку могучую, на которую мы глядели, гуща,
Глаза наши не насмотрятся,
Тех, кого мы выбирали, гуща,
На виду у нас <навеки> спешились.
Шелку черному подобные, гуща, наши волосы длинные
Солдатам проклятым шатром большим <служат>, гуща,
Шелковые наши сорочки красивые
Штыками, ра, рвут, гуща.
Кумыковых Большой Хаджисалям, гуща,
Глашатаем делается, и в этот день зовом
<местность оглашает>,
Бог Всевышний кого призвал <назад>, гуща,
В этот день пусть <к нему> вернутся.
Наши шапочки золотые, гуща,
Среди штыков, ра, сияют,
Среди тысяч всадников сияет, гуща, –
Чутхакумоковых, гуща, ваш Камболат.**

[1] *Чутхакумоко Камболат* – личность реальная, один из известных предводителей антиколониального движения.

[2] *Мугуков* – вероятно, Хабрак Мугуков, служивший в царской армии.

[3] *Чужкуап* – топоним, местность в долине рек Пшиш и Белая, расположенной недалеко от аула Адамий.

Из личного архива А. Схаляхо. Исп. Якуб Кушу: 1905 г. р., аул Вочепший Адыгеи; бжедуг. Зап. 12.03. 1992 г. А. Схаляхо. Перевод на русский язык М. А. Табишева.

4.5. ЦУТХЬАКІУМЭКЪО КЪАМБОЛЭТЫ ИГЪЫБЗ

Ахъшамэу пчэпэ зэхэогъум
ТизекIолIхэр къыдэшэсыкI,
Нэфылъэм изэкIэкIыгъом
Сэлатыжъмэ тызэбгыращ.
Шъхьэгуащэу Тхьэр зыдэбгэным
Лъы пахъэр къыдэзэрэх.
ЛIы пшъыгъэхэу къынэсыжьыгъэмэ
ШыпхъаблэкIэ зарагъэхьыжь.
Щэджриекъор блэнэшкIэ хьад,
Къамболэтэр хьэдэ гоуз,
Шъахьибэжъэу хьазырыбгъуитIор
Щамбулыпэм къыхеунакI.
Цужъкъуапэу чIэкIыгъом
Бырдж тхъожъэр къыщегъэгъуахъо,
Бырдж япIурым ыкъоу Батчэрыйхъан
Ябынмэ ямыхъурыжъэр
Сэлатышъхьэм къыщырегъабзэ.
Абдзахэу ПхъэIу пэIусхэр
Щамбулыпэм къылъымыIэс,
Бжъэдыгъоу къызэлъысыгъэхэр
Iошъхьэ къогъум къызэлъыкъоплъ,
Джыхьнэмэр къызыфагъэплъырэр, –
КъунчыкъокъокIэ Пщымафэ гъум.
Пщы гъумэр тэхъутэй темых,
Мыгукъожъэр сэшхо къихыгъ.
Къурыгъу кIэим
Чъэрыбэхэр зэлъыщагъэхъу,

Тизаохэр зымыгъэхъугъэр, –
Къунчыкъуэкlэ Пщымафэ гъум.
Къумыкъуэу Хьаджэжъ гъумэр
А мафэм иушъыякlу,
Чэбэкlонэр фарзэу ешlокlи,
Зиlиманыр зыlэкlэкlыгъэр, –
Къумыкъукlэ Хьаджэжъ гъум.
Кlакlокъоу Тэтэршъэожъэр
Егъашlэкlэ къэрэбгъэ пащ,
Дзэшхор къыщэу тырязгъэхэр, –
Тамбыикъом я-Мыхьамэт.
Ерстэмэу дышъэ зэрыблэр
Мыгукъожъым зыlэкlегъахьэ,
Зихьаблэ щымызэокlэу,
Зилlыгъэ напэ тыраукlахьыгъэр, –
Мэджаджыкъокlэ шъуи-Хьаткъо цlыкlу.
Ерстэмэр уикъонтхъ мыгъу,
Мэчэр гъор онэ зэтелъэу,
Зикъахэм къыщызэращэрэр, –
Мэджаджэкъокlэ шъуи-Хьаткъо ес.
Пкlэгъуалэм лъыпсэр ечъэхы,
Франджэр, ра, хэзыкъутэр, –
Къулэкъокlэ шъуи-Елмыз.
Дышъэпситlор къызэблегъэчы,
lэпчъэ ныкъом къыщегъэзэжьы,
Болэтэкъом яхъазынэжъэр
Епсыхышъ зыlэкlегъэчъы,
Шы чъэритlор къыщызэрэлlы,
Зэрэлlэщтыр зышlошъ хъугъэр, –
Айтэчыкъоу Къарбэчыпщ.
Зэшыпхъуитlумэ дышъэр аlашъхь,
Зынэгушъхьэ пхъэцэ къутагъэр, –
Зормыкъокlэ Нэгъой кlахь.
Чэтаоу шы зыкlэмыхьажьырэр,
Гъэтхэ зекlом къыфэзыгъэпс,
Саурэу уишхонч псыгъохэр
Зэогъум ныбэ кlэкlащ,
Чъыр щабэхэр зыкопкъым хэлъэу

УIагъэкIэ къинэр зэлъэгъор, –
ЦундэкъокIэ пIэшъхьагъынчъэжъ.
Къамболэты имыхъурыжъэу
ХьашхъурэIуцэр пыилъым къырегъэпсахьы,
Ихьадэ зырахы мафэм
Ошъуапчъэхэр къызэлъыIуах.
«Тятэу пIэшъхьагъынчъэжъым
Сэ сфэдэмэ саримыпэс,
КъэзэкъыжъымэтягъэкIэсыгъэу
ПшызэрыкIы тыщызэрахьэ», – еIошъ,
Къутасэ къырегъэгъыхы.
«Шъыхьакъоу сипхъэцокъитIор
Кондэ лъэгум къырысегъанэ,
Гукъанэу къыщысынагъэр,
Сянэ къылъфэу Пщымэфэ цIыкIу», – еIошъ,
Нэгъойхъанэ къырегъэгъыхы.
«Андулэу сэ сибгъэкIапхэр
Пыибэм афызэкIэсымых,
Сигъусэмэ зыкIязгъэхынти,
Пчыхьэ пIалъэм тынамыгъэс», – еIошъ,
Къутасэм къырегъэгъых.
«Мылыжъэу сидышъэ паIохэр
ШхончыпэкIэ зышъхьэрязгъэдз,
Тыжьынэу сибгъэгурыдзэр
АшIобзаджэ гущэшъ къычIакъутахь,
«Бриллиантэр хэлъэу сIэшъхьитIу илъэр
ПчыпыджынкIэ щызэраут», – еIошъ,
Тхьайшъао япхъоу ищыIогъэ дахэм
Мэфаешъ къырегъэгъыхы.

4.5. ПЕСНЯ-ПЛАЧ ЧУТХАКУМОКО КАМБОЛАТА

Ко времени вечерней молитвы, когда начинает
смеркаться,
Наши воины <из села> верхом выезжают,
Ко времени утренних сумерек
Солдаты проклятые нас <в разные стороны> развозят.
Над Шхагуащей Богом проклятой

Кровавый пар поднимается,
Мужчины запыхавшиеся, что <к нам> подоспели,
На конных носилках себя <заставляют> уносить.
Щеджриекова <труп> подобен убитому молодому оленю,
Камболата труп – скорбное <зрелище>,
Шахиб могучий <свои> наполненные газыри
<по обеим сторонам груди>
В начале нападения опорожняет.
На Чужкуапской дороге, выходящей из лесной чащи,
Быржевского буланого коня <заставляет> реветь,
Быржевых воспитанника сын Батчерыйхан
<Шашкой> со своей родовой печатью
Над солдатскими головами орудует.
Абадзехи, у Пхао [1] живущие,
К началу нападения не успевают,
Бжедуги, что <к нам> подоспели,
Из-под курганов <трусливо> выглядывают,
Для кого в аду огонь разводят –
<Это> Кунчуков Пщимаф тучный.
Князь тучный чехол ружейный не открывает,
Мугуков могучий всегда с саблей наготове.
В долине Куруг [2]
Скакунов бесчисленных пасут,
Наша битва не удалась <по вине>
Кунчукова Пщимафа тучного.
Кумыков Хаджи старый тучный
В тот день ему <был> наставником,
В Каабу съездить, кто своей обязанностью сделал,
<Но> веру свою потерял, –
<Это> Кумыковых Хаджи тучный.
Чачоковых Татаршао проклятый
Всю жизнь над трусами предводитель,
Войско большое приводя, кто нас отдает
<на разграбление>, –
<Это> Тамбиевых Махамат.
Ерстемовское <ружье> золотом отделанное
Мугуков проклятый заполучает,
<Кто>, в своем селении <не отступая>, сражается,

<Кто> в залог своей чести погибает, –
<Это> Маджаджоковых ваш Хатко Малый.
Ерстемовское <ружье> твой трофей злосчастный,
Мекеровского <коня> буланого с седлом
У чьей могилы водят, –
<Это> Маджаджоковых ваш Хатко мужественный.
С белого <коня> кровь <красная> струится,
Французское <оружие>, ра, кто < в битве> изламывает, –
<Это> Куловых ваш Эльмирза.
Позолотой покрытые удила перебирает,
<Назад> к дороге, выходящей из-под лесной чащи, возвращается,
С болотоковского доброго <коня>
Спешивается и упускает из рук,
Два скакуна резвые насмерть грызутся,
Свою смерть кто предчувствовал, –
<Это> Айтековых Кербеч-князь.
У двух сестер золотом вышитые рукава,
<Чье> лицо <подобно> изрубленному полену –
<Это> Зормыковых Ногай длинный.
Четаовского коня быстроногого
К весеннему походу кто готовит,
Сафьяном покрытое ружье тонкое
Во время битвы <у кого> на поясе привязано,
Со множеством стальных пуль в бедре
Ранение тяжелое кто испытывает, –
<Это> Чундоков неженатый.
Камболата острая <шашка> с родовой печатью
Вражеской кровью закаляется,
В день, <когда > его тело выносили <из дома>,
Небесные врата разверзлись.
«Наш отец, <вдовцом оставшийся>,
Мне подобных не считает мне достойными,
Казаки проклятые, посадив нас на крупы коней,
За Кубанью нас развозят», – говоря,
Кутас плачет.
«<Из> оленьих рогов два моих башмачка
В кустарниковой низменности (ложбине) остались,

Печаль, что я оставила –
<Это> матерью моей рожденый родной Пщимаф
Малый», – говоря Ногайхан плачет.
Анатолийский мой корсет
Врагам многим не снимала,
Моему спутнику <любимому> дала бы снять,
До вечернего срока дожить нам не дают», – говоря,
Кутас плачет.
Мою золотую шапочку,
Штыком с меня срывают,
В серебряном моем нагруднике
Увидев изнанку, гуща, на мне разбивают <штыком>,
Бриллиантами украшенные мои рукава
Копьем срывают, – говоря,
Тхаишаовых дочь, его супруга красивая
В черный день громко плачет.

[1] *Пхао* – топоним, местность близ г. Горячий Ключ Краснодарского края.
[2] *Долина Куруг* – равнинная местность между аул. Габукаем и ст. Рязанской.

Из журнала «Псалъ». № 2. Ростов-на-Дону, 1926. С. 109–111. Исп. Битлеустен Тлипий: 1878 г. р., аул Хатукай Адыгеи; хатукай. Перевод на русский язык М. А. Табишева.

4.6. ЩЭХЭПЭ ЗАОМ ИГЪЫБЗ

Цопсынэ гущэм гот унэ гущэр щагъаблэ,
Зыпсэ емыблэжьырэр убыхи, сэрмафэ.
ПкIэгъуалэми дахэу зегъазэ,
Къымыгъазэу дзэшхом ахахьэ, сэрмафэ,
— Ары гущэ хэтмэ ащыща? —
— Зэишъумэ я-Къасболэти, сэрмафэ.
ТIопсэ къалэ гущэр псынкIэ мыгъоу рагъаштэ,
А, ПсышIопэ къалэхэр щтэгъошIуи, сэрмафэ,
А, Щэхэпэ къалэри емынэ,
А, шыу минищымэ рамыкуи, сэрмафэ.
ЧылитIу гущэр хьажъэуи зэрэшхы,
Яунэ шхакIо мэкIожьы, сэрмафэ,
— Ары гущэ хэтэу къэтIон? —
— ГъорыкIожъмэ я-Джыгытыжъи, сэрмафэ.
«Орэды гущэу сышъумыус,
А, тиунэ лIы исэпи сэкIожьы, сэрмафэ!»
— Ары гущэ хэтэу къэтIон? —
— Тхьэркъуахъом я-Лъэпшъы ихьакIи, сэрмафэ.
Щэхапэр топышхом ихьакIэ,
ХьэкIэ къэрабгъэр тиджагъуи, сэрмафэ.
Къамыщэ кIэпщыр кIэ пытэ,
Пхъэбгъу унэ пытэхэр щябгъэшIи, сэрмафэ,
Ары гущэ хэтэу къэтIон? —
Шэрэнымэ я-Джамболэти, сэрмафэ.
А, дэхэнэфыхэр къышъуащы,
Хьэщпакъым дыращэкIи Iурахы, сэрмафэ.

**ГъэпцIагъэджэ куожьэр къытфакIо,
МыкIожьын заохэр къыташIылIи, сэрмафэ.
КъыташIагъэр тщэрэмыгъупш,
Зыщыгъупшэрэр щэрэмыIэжьи, сэрмафэ.**

4.6. ПЕСНЯ-ПЛАЧ О БИТВЕ В ДОЛИНЕ УСТЬЯ ЩАХЕ

**В Чопсинской долине пороховые погреба, гуща, горят,
Кто не жалеет своей жизни, это убыхи, сармафа.
Белый <конь> красиво разворачивается,
Не поворачиваясь назад, гуща, бой ведет, сармафа,
Чей он, гуща, родом? –
Зеишовых Касболат, сармафа.
Туапсинскую крепость, гуща, быстро, о горе, берут,
А, у истока Псишо <стоящие> крепости легко сдаются,
сармафа,
А, у истока Щахе <стоящая> крепость, наводит ужас,
А, три тысячи всадников не осмеливались его
штурмовать, сармафа.
<Эти> два селения, гуща, подобно <матерым> волкам
грызутся...
К себе домой на обед <кто> уходит, сармафа,
Кем, гуща, его назовем? –
Горкожевых Джигит, сармафа.
«Песню позорную про меня не складывайте,
А, в нашем доме мужчин <кроме меня> нет,
потому возвращаюсь, сармафа..»
Кем, гуща, его назовем? –
Тхаркаховых Тлепша гость, сармафа.
В долине устья Щахе[1] пушки большие гостят,
Гость трусливый нам не по душе, сармафа.
Рукоять плети – рукоять надежная,
Деревянные дома надежные <заставляешь> строить,
сармафа,
Его, гуща, кем мы назовем? –
Шорановых Джамболат, сармафа.**

А, красавиц светлооких вам <врагам> продают,
Под навесами ведя, выводят их и увозят, сармафа.
Обманом к нам глашатай приходит,
Неуходящую [нескончаемую] войну нам навязывают, сармафа.
То, что нам навязали, пусть нами не забудется,
Если кто забудет, пусть сгинет, сармафа.

[1] *Щахе* – река, впадающая в Черное море у пос. Головинка.

Архив АРИГИ, ф. 1, оп. 2, п. 55, д. 2. Исп. Алий Схаляхо: 1884 г. р., аул Афипсип Адыгеи; шапсуг. Зап. 18.05. 1959 г. Б. Хачемизова. Перевод на русский язык М. А. Табишева.

4.7. ЩЭХЭПЭ ЗАОМ ИОРЭД

**Гъуитхы шыблэр щэгъуагъу,
Щэхэпэ къалэри штэгъуай, сэрмафэ.
Шыу минитфымэ рамыку,
Шыу пшIыкIутфымэ рагъашт, сэрмафэ.
Орэдэу сышъумыус,
Тиунэ лIы ис гущэпи сэкIожьы, сэрмафэ.
ЫцэпэшIонитIу гущэри зэтес,
Гу кIоцIымылъына лIы дэд, сэрмафэ.
А, гу кIоцIымылъына лIы дэди?!
А, къэгъази зы щэ тфахэдз, сэрмафэ.
Ынапцэрэ ыпакIэрэ зэфэдэ
Ащ фэдэ шыу минищыми хэтыгъэп, сэрмафэ.
А, мэзэныкъо гущэри зитэмыгъ,
Щытхъу къытфэзыхьырэр Къасболэт,
ЫIэпшъэ-лъапшъэ гущэхэр пхъэцэкъутакI,
Бгъуджэу щылъэуи язау, сэрмафэ.
ЫлъэпкъкIэ укIэупчIэмэ – Зэишъу,
ЫцIэкIэ укIэупчIэмэ – Къасболэт.
Къасболэт зыщымыIэжьым
ДзэкIошымэ загъэпсэфыжь,
Къасболэт зыщымыIэжьым
Мэкъумэщым тыфежъугъэжьэжь, сэрмафэ.**

4.7. ПЕСНЯ-ПЛАЧ О БИТВЕ В ДОЛИНЕ УСТЬЯ ЩАХЕ

**В Гуитхе гром гремит,
Крепость у устья Щахе[1] неприступна, сармафа,
Пять тысяч всадников напасть не осмеливаются,
Пятнадцать всадников взять <сумели>, сармафа.
Песню <позорную> обо мне не сочиняйте,
В нашем доме мужчин <кроме меня> нет,
потому возвращаюсь, сармафа.
Его передние зубы, гуща, сжаты,
Сердца <мужества> не имеющий <разве> мужчина,
сармафа,
А, сердца <мужества> не имеющий <разве> мужчина!
А, повернись и одну пулю <во врагов> выпусти,
сармафа.
Его брови и его усы одинаковые,
Ему подобного среди трех тысяч всадников нет, сармафа.
А, полумесяц, гуща, чей знак <опознавательный>, –
<Это> славу нам доставляющий Касболат.
Чьи руки-ноги, гуша, изрубленным поленьям подобны,
< И кто> лежа на боку сражается, сармафа,
<Чей он> родом, если спросишь – Зеиш,
<Каково> имя его, если спросишь – Касболат.
Касболата, <когда> уже нет в живых,
Походные кони <вынужденно> отдыхают,
Касболата <когда> уже нет в живых,
Крестьянской работой <давайте> вновь займемся,
сармафа.**

[1] *Крепость у устья Щахе* – ныне Головинка, курортный поселок Черноморского побережья.

Архив АРИГИ, ф. 1, оп. 1, п. 7, д. 17. Исп. Ибрагим Хущт: 1879 г. р., аул Афипсип Адыгеи; шапсуг. Зап. 09.08. 1959 г. Л. Едыджевой. Перевод на русский язык М. А. Табишева.

4.8. ЩЭХЭПЭ ЗАОМ ИПЩЫНАЛЪ

ТIопсэпэ къалэ гущэри псынкIэу ябгъашти,
А, ПсышIопэ къалэхэр штэгъошIу,
О, Щэхэпэ къалэри, ар, емын.
Ра, шыу минищыми, ар, рамыкуи,
Ра, шыу пшIыкIутфыми, ар, аштагъи.
Зи пкIэгъуалэ гущэми дахэуи зегъаз,
Къымыгъазэ гущэуи заоми ахахь, –
Зэишъо гущэмэ я-Къасболэт, –
Ра, джэнэт лъапIэр Тхьэм зэритын.
Шъхьабэ лIиблы гущэри къызырагъакIым,
Мыгу гущэми хычIэр иун,
Плъыры унэ гущэри къызаунэкIым,
Ра, гукIэгъор зиIэми, ар, къегъазэ,
Къэгъазэ гущэри зы щэжъэр къахадз,
Зыхэудзэ гущэри джауры къожъых.
О, джауры къожъы гущэмэ, ар, таукIы,
КъаукIы гущэри щэгиды къабз.
Абадзэ гущэмэ янэкIэмэза,
Ра, Кодышъэ мэзы гущэми хащэжьи,
Ра, Кодышъэ мэзы гущэм о сыхаплъэмэ,
Шъо плъыжьы цуакъэ гущэхэр къызэлъыхэщы,
О, Къэлэжь гъунэ гущэм сеплъыжьымэ,
Ра, чэмышъо цуакъэ гущэхэри, о, щэджэгу,
О, нысэщэ джэгу нахьи ор шIомышIи,
ГъэшIыгъэ гущэмэ я-Тхьэри фэраз, –
Зэишъо гущэмэ я-Къасболэт,
Ар, джэнэт лъапIэри Тхьэм зэритын.

Ыпшъэ гущэкIэ Хьаткъокъо еси,
Ра, ыхэ гущэкIэ Нэгъоижъый,
О, ыпшъэрэ шыухэр, ра, къэшэсыхэмэ
«Нэгъоижъыер дэса?», – аIуи къыракIо.
О, Нэгъоижъыехэр, ра, шыупи,
А, шхончыщэ хао гущэми Тхьэр хабг,
Хьабэчышы гущэхэри нэчэпэрыплъ,
Хьабэчыры гущэхэри шымэ ялый,
А, лIы гущэмэ урялыягъ, –
Хьаджэм ыкъо гущэкIэ Нэгъоижъый.
Нэгъоижъые гущэр зыщымыIэжькIэ,
ШъуидзэкIошыхэр, ра, пщэрыжьыных.
О, яорзэ унэхэри чэпаф,
А, дэхэнэпэфыхэр къегъэкIы,
АплIэIу гущэхэри, о, тыжьыным къеуфэ,
О, зауфэ гущи мэзым чIэхьажьых.
Сэрэкъэмыщы чэмыхэри къызафы гущэм
ПсышIопIэ нысэхэр бгъэгушIуи,
Джэнэты гущэкIэ Тхьэм ыгъэгушIоныри, –
Хьэджэмыкъо гущэкIэ Нэгъоижъыеба!
О, яшыбзы гущэхэри лыгъапкъэм щагъэхъу,
Ра, яшыхъу гущэхэри зэнтхъыкIэ къагъатхъэ,
«Тэ тытхъапэ гущэу тучанымэ татес,
ТикIасэ гущэмэ дариер къалажьэ,
Тызэрэлажьэ гущэри, о, пэчъахьым ипар», – аIо.
О, кутурэр къашIи къэзаох,
Кутурэ гущэмэ зашIудадзэжьы,
Къумалыжъыхэр даупкIэтахьи.
Напцэ гущэмрэ пакIэ гущэмрэ, ар, зэфэди,
Шыу мины гущэми фэдэр хэмыта, –
Хьамытэжъы гущэкIэ шъуи-Абрэдж.
Къумалыжъы гущэхэри даупкIэтахьи,
Зихьадэ гущэри къытфыдэзынэри, –
Хьамытэжъы гущэкIэ шъуи-Абрэдж.
О, кIэкIуапцIэр зэсымыпэсырэр
Ра, сихьадэ гущэми къытепсыхэжьи, –

Едыджы гущэкIэ Ягъубэкъошху.
Ра, джэгъо нэпэфэр исхыжьи.
Iошъхьэныкъо шыу гущэхэр кIочIапцI,
КIэкIуапцIэ гущэр осэмыпэси,
Сихьадэ гущэм укъытепсыхи, –
Едыджы гущэкIэ Ягъубэкъошху.
Шъхьаныкъо гущэу хьазырэбгъуитIор
Къэзэкъыжъы гущэмэ къызэтырахы,
Ра, ынапэ гущэм тыреплъыжьын,
ЕIи хьазырыбгъу гущэр къатырехыжьы, –
Едыджы гущэкIэ Ягъубэкъошху.
Шы дэхабэ гущэри ар зэсэтэр,
Хъохъон гущэми къыслъемыхьажь.
КIэкIуапцIэ гущэр зэсэмыпэсэр,
Сихьадэ гущэми къытепсыхэжьи, –
Ра, Дэгуфы гущэу Цыекъомрэ
Ожъубанэкъо гущэуи Хъаджэжъымрэ,
Ра, пчыпэ сэламы гущэхэри сфятыжь!
Нэгъоижъые ихьэми сыкъешхы нахь,
Ра, пыты нэтIапчъэмкIэ фисфыныхэеба!
Хьэтауе гущэм зыщызэзаохэм
Афицарэ шыу гущэхэр, ра, къахищи, –
Наго гущэкIэ шъуи-Исмэхьила,
Исмэхьилэ гущэм шъуемыгыижь!
Есэные гущэр кIэпщыкIэ, ра, бгъэхъуахъуа,
Ергъужъы гущэкIэ Дэгокъу,
Ергъужъы гущэми шъуемыгыижьыба!
Елмызэ гущэми къушъхьэм регъэхъу,
Ра, бжызэгъуритIумэ азыфагу
Ра, тишы лъэгуаджэхэри, ра, къэкъути,
ЗынэкIушъхьэ гущэхэри пхъэцIэкIэ къутакIэр, –
Шъэухьыкъо гущэкIэ ефэнды цIыкIу.
Мы ефэнды гущэри заукIы мафэм,
Ошъуапчъэ гущэм зыкъызэIуихи,
МэлаIичы гущэхэр къытепсыхагъ.

4.8. ПЕСНЯ-ПЛАЧ О БИТВЕ В ДОЛИНЕ УСТЬЯ ЩАХЕ

У устья Туапсе <стоящую> крепость помогаешь быстро взять,
А, у устья Псишо <стоящие> крепости легко сдаются,
О, у устья Щахе <стоящая> крепость, ар, наводит ужас,
Ра, три тысячи всадников, ар, не осмеливались его штурмовать,
Ра, пятнадцать всадников, ар, его взяли.
Белый <конь> <чей>, гуща, красиво разворачивается,
Не поворачиваясь назад, гуща, кто в бой идет, –
<Это> Зеишовых, гуща, Касболат,
Ра, <тот>, кому райские блаженства Бог дарует.
Из Шхабы семерых мужчин, гуща, <когда> прислали,
Мугову, гуща, морское дно <стало> домом,
Сторожевой дом, гуща, <когда> уничтожили,
Ра, милосердием наделенные, ра, поворачивают <назад>,
Развернись, гуща, и одну пулю добрую <во врагов из ружья> извергни,
<Ведь> ты стреляешь, гуща, в гяуров-свиней проклятых.
О, гяуры-свиньи, гуща, ар, нас, убивают,
Убитые, гуща, – шагиды истинные.
У абазин, гуща, месяц уразы,
Ра, в лес Кодыш, гуща, их увозят назад,
Ра, в лес Кодыш, гуща, <когда> смотрю, –
<Там> из красного сафьяна чувяки виднеются,
О, на окраину Калежа, гуща, если посмотрю –
Ра, из коровьей кожи чувяки, гуща, о, резвятся (играются),
О, <не более>чем свадебными играми, ор, они ему не кажутся,
Всего сущего, гуща, создатель доволен им, –
<Это> Зеишовых, гуща, Касболат,
Ар, <тот>, кому райские блаженства Бог дарует.

Наверху, гуща, Хатков мужественный
Ра, в низовьях, гуща, Нагойжий,
О, в верховьях <живущие> всадники, ра, <когда> на коней садятся,
«Нагойжий дома?» – спрашивая, к нему приходят,
О, Нагойжий, ра, <всегда> ведь наездников предводитель.
А, пуля, выстреленная из <его> ружья – Божья кара,
Хабечировские <кони>, гуща, искоса смотрящие,
Хабечировские <кони>, гуща, коням равных нет,
А, <среди> мужчин, гуща, равного тебе не было, –
Хаджи сын, гуща, Нагойжий.
Нагойжия, гуща, <когда> в живых больше нет,
Ваши походные кони, ра, вновь располнеют.
О, из соломенных домов белостенных,
А, красавиц белолицых <оттуда> выводят,
Их плечи [закорки], гуща, от серебра сгибаются,
О, согнувшись, гуща, в лес уходят.
Саракамышевских коров когда пригоняют, гуща,
Невесток из Псишо <ты> радуешь,
Райскими же блаженствами, гуща, кого Бог да обрадует, –
<Это> Хаджемуковых, гуща, Нагойжий.
О, их кобылиц, гуща, на подпальных лучах выгуливают,
Ра, их жеребцов, гуща, овсом откармливают,
«Мы, благоденствуя, на торговых лавках сидим,
Наши любимые, гуща, в шелковых <одеждах> ходят,
Мы зарабатываем, гуща, о, на царских деньгах», – говорят.
О, хутора строят и с нами бьются,
В хутора, гуща, обратно прячутся,
Лазутчиков проклятых там вырезают.
<Его> брови, гуща, и усы, гуща, ар, подобны <одно с другим>,
Среди тысячи всадников подобных кому нет, –
<Это> Хамитиживых, гуща, ваш Абредж.
Лазутчиков проклятых, гуща, там вырезают,
Чье тело, гуща, <на хуторе> остается, –
<Это> Хамитижевых, гуща, ваш Абредж.

О, бурки черной кого считал недостойным,
Ра, над моим телом, гуща, спешивается, –
<Это> Едыджев, гуща, Егубоко Большой.
Ра, неприятельскую белолицую я унес,
Из-за курганов <выглядывающие> всадники, гуща, немощны,
Черной бурки я тебя не удостаиваю, <но ты>
Над моим трупом спешиваешься же, –
Едыджевых, гуща, Еджибоко Большой.
Шхануковские, гуща, наполненные газыри <по обеим сторонам груди>
Казаки проклятые друг у друга отбирают,
Ра, <чтобы> на лицо его, гуща, посмотреть и <проститься>,
Бросается и <свои> газыри отбирает, –
Едыджевых, гуща, Егубоко Большой.
<Тому>, кому табун коней красивых [породистых] я дарил,
В Хохоне, гуща, ко мне не подходит [меня не проведывает],
Бурки черной кого считал недостойными
Над моим телом спешиваются, –
Ра, <это> Дагуфовых, гуща, Цыеко [Цей] и
Ожбаноковых, гуща, Хаджи могучий,
Ра, острием копья, гуща, приветствие мое <им> передай!
Нагойжия собака, если бы меня не укусила,
Ра, ведь через кухонную дверь я бы <его> выскочить принудил!
В Хатауе, гуща, <когда> воевали друг с другом,
Офицеров конных, гуща, ра, выводил, –
Наговых, гуща, ваш Исмаил,
Исмаила, гуща, не укоряйте!
Есенеевского <коня>, гуща, плетью, ра, <заставляешь> <громко> ржать,
Ергужевых, гуща, Дагок,
Ергужева, гуща, не укоряйте!
Эльмирза, гуща, к горам подстегивает,
Ра, между скрестившимися копьями

24 Заказ № 246

Ра, наших коней колени, ра, разбивают,
Лицо <кого>, гуща, изрубленному полену подобно –
<Это> Шаухиковых, гуща, эфенди малый.
Этого эфенди, гуща, в день, когда убили,
Небесные врата разверзлись, и
Ангелы, гуща, над ним спешились.

Архив АРИГИ, ф. 1, оп. 2, п. 90, д. 47. Исп. Алий Схаляхо: 1884 г. р., аул Афипсип Адыгеи; шапсуг. Зап. 17.07. 1963 г. Ч. Жанэ. Перевод на русский язык М. А. Табишева.

4.9. СЭНДЖЭЛЫЕМ ЩЫЩ

Дышъэ гущэу нэрыплъэ дахэри
Арджэн пэтагъэм езгъэплъ,
Сынапэ къэсIэтэу сыкъаплъэмэ,
Ра, чэтэ ихыгъэри сшъхьащыт.
Шыу купэу сызыхэтыгъэри
Ра, зэрэгъэлъэхъузэ мэкIожьы,
Мыдэ шхончы хъураеми идахэр
Атэлыкъыр сэIошъы есэты,
Ра, шы къэрэ чъэрэуи естыгъэм
Ра, къемыжэдаIуи мэкIожьы, –
ЛахъумыкъокIэ Быракъ,
Быракъые хьабзыми къылъфыгъ.
Цые джэфыжъитIури зэшъогъу,
Шъуигъолъыжьэгъуми шъуафэд,
Ра, къуэжъугъазэри зы щэри къахэшъудз, –
КъырымызэкъокIэ Ракъэй,
БиданокъокIэ Къагъыжъ.
Сэнджэлыем щамыгъэуагъэр
СапшъэкIэ къехьышъы къыпедзэ,
КIыбы шъхьаныгъупчъэмкIэ издзынти,
Ра, сиоркъы напи сышIолIы.

4.9. ИЗ ПЕСНИ О САНДЖАЛЕЕ

Золотым, гуща, биноклем красивым
Ардженовскую вышку рассматриваю,
Подняв свой взор, если всмотрюсь,

**Ра, с саблями обнаженными <над моей головой> стоят,
Всадники, что со мной вместе были,
Ра, не сдерживая поводья, уходят.
А здесь из оружий лучшее
Тому, <кого> аталыком называю подаю,
Ра, коня черного быстроного, что я ему подал,
Ра, не придерживая поводья, уходит, –
Лахумиковых Бырак,
Баракаевской сукой рожден.
Черкески светлые одного цвета,
Тем, с кем в постель ложитесь, вы подобны.
Ра, повернитесь и одну пулю в них выпустите, –
Карамизоковых Ракай,
Биданоковых Кагиж.
В Санджалее не выстрелившее <оружие>
У моего изголовья приносит и вешает,
Через заднее окно выбросила бы,
Ра, моей дворянской чести считаю это недостойным.**

Архив АРИГИ, ф. 1, оп. 1, п. 48, д. 85. Исп. Теучеж Хатков, 1879 г. р., аул Хакуринохабль Адыгеи; абадзех. Зап. 08.01. 1935 г. Ш. Кубова. Перевод на русский язык М. А. Табишева.

4.10. СЭНДЖЭЛЫЕ ИОРЭД

**«Утлъэгъуныр» аIошъ, Iошъхьэшхо<м>
Генералышхохэр щаукIы,
«Чэтыунэр» аIошъ тагъапцIэ,
Гумышъхьэ пцIанэм тыращэ,
Нэгъой улусым сыкъащэ,
Нэгъой хъаныжъым сырати.
Нахьыпэрэ лIитIум адэжь сызесым
Къэзакъ зэтесхэр къысфащэ,
Нэгъоижъэу сызыщэжьыгъэм
Сэнджэлыем щамыгъэуагъэхэр
СапшъэкIэ къехьышъы къыпелъэ,
Сиоркъы напэмэ семыплъытэмэ,
КIыбы шъхьэныгъупчъэмкIэ издзынти.
Еджэркъуаемэ ягощэнысэ
Сэраир пыхьэу къекIухьэ,
ЗекIошыжъхэм къафэмыкIухьэрэр
Хьаджырэтыкъэхэуи зэхэлъ.
КIэдэхъэжъхэр зыхэлъ къэхалъэм
Шыхьит машIохэр къыдехы,
Къэрэкъарэм дахэу зегъазэ,
Елмызэ къушъхьэм дэбгъэкI,
Убых къыдэкIырэм яхъан,
ХъаныкъуитIум дышъэр япакI,
КIэрэкIитIур тэхъутэй темых.**

4.10. ПЕСНЯ-ПЛАЧ О САНДЖАЛЕЕ

«Хотим увидеться!» – говоря на кургане большом
Генералов больших убивают,
Выезжаем в <Четиун>[1] говоря, нас обманывают,
И на Гумский пустырь[2] выводят,
В Ногайский улус привозят,
Ногайскому хану проклятому отдают.
Раньше, в доме у двоих <князей> когда я жила,
Казаков верховых мне приводили <в прислужники>,
Ногаец проклятый, что меня предал,
В Санджалее не выстрелившее <оружие>
У моего изголовья приносит и вешает,
Моей дворянской чести, если бы это не сочла недостойным
Через заднее окно выбросила бы.
Егерукаевская[3] княгиня
Вокруг высокой ограды с громким плачем ходит,
<Что> походные кони не могут обойти –
Хаджиретскими могилами лежат в ряд.
Могилы тех, на кого мы рассчитывали,
Шагидским огнем пылают.
Каракаровский <конь> величаво поворачивает,
Елмизу в горы позволяешь уйти,
Из Убыхии идущим хан,
Хана два сына золотоусые,
Любители рядиться с <ружей> чехлы не снимали.

[1] *Четиун* – адыгское название гор. Лабинска Краснодарского края.

[2] *Гумский пустырь* – топоним, очевидно, так называемые Кумские пепелища; местность в долине рек Кума и Подкумок, коренное население которой покинуло ее в следствие опустошительных воин.

[3] *Егерухаевцы* – локальное подразделение кемиргоевцев, одной из субэтнических групп западных адыгов, населяющих междуречье Белой и Лабы.

Архив АРИГИ, ф. 1, оп. 1, п. 41, д. 21. Исп. Титу Шаотлох: 1885 г. р., аул Хатажукай Адыгеи; кемиргой. Зап. 13.12. 1958 г. А. Шаова. Перевод на русский язык М. А. Табишева.

4.11. ХЪЫРЦЫЖЪЭКЪО АЛЭМ ИГЪЫБЗ

**Тапэ гущэм тыплъэмэ – шышъхьэзэшIуадзэ,
Таужым тыкъэплъэжьымэ – езэрэдзыхыха,
Пахъэр шъхьащихэу Алэр мэзао.
Къэрэмызэ шхъуантIэр шхоIум рэджэгуа,
Зыпсэ рыджэгужьырэр, –
Хъырцыжъыкъо Алэ гущэба.
Абэдзэ къушъхьэми лъыпсэр щагъачъэ,
Ечъэжьэжьыгъэ гущэр, –
Мыжыкъыжъы шыуа.
Къэрэмызэ шхъуантIэр бгъэхьэрэхьата,
Къэзэкъы нашхъомэ уряхьатыякIу, –
ХъырцыжъыкъокIэ шъуи-Алэ ЦIыкIу.
О, Абэдзэ къарэ гущэр къытфэзыгъэпшъ,
А, лIы пшъыгъэ купхэр къытфэзыщэжьыхэрэр, –
Шэуджэн гущэкIэ шъуи-Чыналыкъу.
Думыдырыгъуапчэми зешти, зыресэ,
Зымыдэрэ заомэ запэчIесэжьы, –
Батэкъо гущэкIэ шъуи-Талъэустэна.
ТхьэкIумэкожъым тхъурбэр къыпэзы,
Заом зыфэзыджэ щэджыблэ машIу, –
Шэуджэн гущэкIэ шъуи-Чыналыкъу.
Къэрэмызэ шхъуантIэ гущэр копкъкIэ зэрефэ,
ЫпэкIэ къифэрэр чатэкIэ релIыхы, –
Хъырцыжъыкъо гущэкIэ шъуи-Алэ мыгъот.
КIэхэ шапсыгъэхэр къызэлъынэсы,
Зыпсэ рыджэгужьырэр, –
Хъырцыжъыкъо гущэкIэ шъуи-Алэ мыгъот.
Абэдзэ къушъхьэ гущэр, а, уикъэщэ-нащэ,**

Хьадэу къащэжьы гущэхэр, –
Хъырцыжъ гущэм ыкъуитIуи.
Дунэе унэл гущэм шъузэдимыхьа,
Ахърэты унэми шъузэдехьажьы, –
Хъырцыжъы гущэм ыкъуитIу.
ХъырцыжъыкъуитIу гущэхэр
Зы мафэ укIы гущэхи, –
ЕкIокIыжьыгъэхэр мыжыкъыжъы шыуи.
Е, уишы шхъонтIэшхо гущэми пахъэр шъхьащехы,
Хьэдэ гухэкIы гущэу къащэжьы, –
Хъырцыжъым ыкъокIэ Алэ мыгъот.
Налыхъанышхо гущэми быракъыр шъуфеды
Зымыдэрэ пыимэ сэшхо утыр ахьы, –
Къахьыжьырэ хьадэхэр Хъырцыжъым ыкъуитIуа.

4.11. ПЕСНЯ-ПЛАЧ О ХИРЦИЖЕВЕ АЛЕ

Вперед, гуща, посмотрим – <в схватке> кони головами скрестились,
Назад посмотрим – <всадники> сбрасывают друг друга с коней,
Так, что пар над ним пышет, Аля сражается.
Карамурзовский <конь>[1] серый удилами играет,
Своей же жизнью играет –
Хирцижевых Аля, гуща, ведь.
В абазинских горах кровь ручьем льется,
Побежали <оттуда>, гуща, –
<это> мужицкие презренные всадники.
Карамурзовского <коня> серого успокаиваешь,
Над казаками голубоглазыми <ты> распорядитель, –
<это> Хирцижевых ваш Аля малый.
О, абазинского <коня> черного[2], гуща, <в битве> утомляющий,
А, мужей утомленных <нам> возвращающий, –
<это> Шовгеновых, гуща, ваш Чиналук.
Думдыровский <конь> серый[3] с подпалинами встает на дыбы,
Битве, <которой не хочет>, противится, –
Батоковых, гуща, ваш Татлостан.

С верного <коня> одноухого пена валит,
В битве для встречных <врагов> от молнии огню <подобен>, –
<это> Шовгеновых, гуща, ваш Чиналук.
Карамурзовского <коня> серого, гуща, бедрами направляет,
Навстречу идущих <врагов> мечом разит, –
<это> Хирцижевых, гуща, Аля незабвенный.
Низовые шапсуги <вместе> подоспевают,
Своей жизнью играет, –
Хирцижевых, гуща, Аля, незабвенный.
Абазинские горы, гуща, извилисты,
Чьи трупы возвращают, гуща, –
<это> Хирцижева, гуща, двое сыновей.
В доме мирском, гуща, <вам не суждено> вместе быть,
В загробный дом вместе возвращаетесь, –
Хирцижева, гуща, двое сыновей!
Хирцижева двое сыновей, гуща,
В один день убиты, гуща,
Стороной от <нас> уезжающие – <это> мужицкие проклятые всадники ведь.
Е, над твоим конем серым пар клубится,
Чье тело скорбное, гуща, возвращают –
<Это> Хирцижа сына Аля незабвенный.
Нальхан Большая, гуща, знамя вам шьет,
Не приемлющие этого <враги> принимают сабельные удары,
Среди доставляемых <назад> погибших –
Хирцижева двое сыновей.

[1] *Карамурзовский конь серый* – по фольклорным данным, кличка коня Али Хирцижева.
[2] *Абазинский конь черный* – по фольклорным данным, кличка коня Чиналука Шовгенова.
[3] *Думдыровский конь серый* – по фольклорным данным, кличка коня Татлостана Батокова.

Архив АРИГИ, ф. 1, оп. 1, п. 7, д. 33. Исп. Ибрагим Хущт: 1879 г. р., аул Афипсип Адыгеи; шапсуг. Зап. 10.03. 1959 г. Л. Едыджевой. Перевод на русский язык М. А. Табишева.

4.12. ОСТЫГЪАЕМ ИОРЭД

Остыгъае тIасхъэр аIуи
Макъэ зэлъырашъ,
Нэфышъэгъо топым
МашIор къыкъолъэлъы,
Къэлэ хьамдэчым
Лъыпсыер щагъачъэ,
Топыр къэзыщэфым
Алахьэр фэраз,
Нэтхъуаджэ илъэсхэр
Къалэм къыдэнагъ,
Зыпсэ къыдэнагъэм
Джэнэтэр егъот,
Къэзыгъэзэжьыгъэр шапсыгъэм илъэс.
Тхьаумэфадзэр сыхьатымыгъу,
Тхьэмафэм зэзэшъым
Нэлатэр имаф,
А борщэ мазэм
УIагъэхэр къащэшъо,
Тхьаркъо бзахьым акIэшъуахьырэр
Быслъымэн хьадэх.
ШIуагъэ зэрапэсэр Кушъутанэкъо Нэшъу,
Чэмышъо Хьапэхъум щэмэджэр къегъабз,
Чатэр зыгъэбзаерэр шъуицахьэмышI.
Наурзэкъо Нэшъор щысэкум хэфагъ,
Къезыгъэгъыхырэр Аслъэнбэчыпщ.

ШIуцIэу Лъэпшъы – хьаджэм быракъэр рапэс,
Гуащэмэ яхъутыкъэр лъэш псащэм халъытэ,
Гъуаемэ я-Хьитыкъэ шыхьитэу алъэгъу.
Дэнагъо шъхьацэр зекIолIымэ афырачы,
А, яфэрэ псыгъохэр сэраим щэшъыгъу,
Пчъэблэ ичыжьых, гууз-гухэкIых.

4.12. ПЕСНЯ ОСТАГАЯ

Об уязвимом месте Остагая[1]
Весть передают друг другу,
Из предрассветных пушек
Огонь искрами сыплется,
В крепостных окопах
Кровь ручьем течет,
Пушку покупающим
Аллах доволен!
Натухайские[2] пехотинцы
В крепости остались,
Чьи души остались <там>,
Те рай обретают!
Те, кто вернулся – шапсугская пехота,
Воскресное войско в несчастливый час <встало>,
Кто в воскресенье предводительствует,
Тот предан проклятию!
В тот священный месяц [в месяц исполнения долга]
Раненые танцуют,
Под листьями лопуха что гниют, –
<Это> мусульманские трупы.
Помощь кому оказывают, – <это> Куштаноков Кривой,
Чемсо Хапаху косой орудует,
Мечом орудовать, кому не доверяем.
Наурзоков Кривой в лошадиную гриву <головой> упал,
Кто громко рыдает, – <это> Асланбеч-князь.
Черному Тлепшу Хаджи знамя доверяют

**За женщинами прячущихся к опозоренным причисляют,
Гуаевых Хатика шагидом видят.
Шелковые волосы, <плача> по наездникам, вырывают,
А, чистокровные <кони> тонкие в крепости
траур держат,
Косяки дверей опали, горе какое горькое!**

[1] *Остагай* – адыгское название ст. Гостагаевская и небольшой реки, на которой она расположена.

[2] *Натухаевцы* – локальное подразделение шапсугов, одной из субэтнических групп западных адыгов. Занимали земли по Черноморскому побережью от Анапы до Геленджикского залива.

Архив АРИГИ, ф. 1, оп. 1, п. 5, д. 22. Исп. Шерифа Шехетль: 1889 г. р., аул Натухай Адыгеи; натухаевка. Зап. 05.08. 1969 г. С. Ш. Аутлевой. Перевод на русский язык М. А. Табишева.

4.13. МАХОКЪО МОСЭ ИГЪЫБЗ

Хьаджэкъэсэй гущэмэ яунэм
Насыпэр симыIэу сыкъихъуи,
Махокъо гущэмэ иунэхъугъом
Тхьэ лъапIэм сыкъырихьагъ.
НыбжьыкIэу щыIогъэ дахэр
Тыщы унэм щызыгъэпахь,
О уянэ гущэу Хьазрэтыкъо япхъур
Стамбол гущэм къыдэпахьыкI.
ПшынахьыкIитIоу къыдэунагъэмэ
Мысыры гущэ КъурIанхэр щагъазэ,
Джэнэт унэм фэзыгъэзэжьэр, –
Махокъо гущэу шъуи-Мосэ цIыкIу.
Махокъом ишхончы цIыкIор
Къарэ гущэу зэрэныбэф,
Тимэфаеу афицарышхор
Ихьадэ гущэм дырегъэхыжьы, –
Махокъоу шъуи-Мосэ цIыкIу.
Бэрчэшхо гущэм щэджэгъоужьым
Бахъсымэ пIуакIэм шъукъезгъашъуи,
Мы пщитIумэ яшъуашэ къэсэды,
«Пщыр хьадэмэ къысфихьыжьын» сэIошъ,
Мыхьамэтым сыкъыщэгугъу,
ДзэжъыекIэ сыкъызыщыгугъурэр
ЯхэзыбгъукIэ ебгъукIожьыгъ.
ШъуегъашIэ гущэкIэ бэслъэнэежъыкIэ
Хьадэ къыщынэхэр шъуихабзэ,
КIэмыгуемэ ямыхэбзахэр

**ХьакIышъаокъом къеублэ.
Чэтыунэ гущэр аIошъы тагъапцIэ,
Гумышъхьэ пцIанэм тыращэ,
Щагъыдыибэхэр щагъэпшъы,
Шыу пшъыгъапэхэр къыранэ,
ЗегъашIэм фэрэ зэблэхъор
Мыжыкъы алэшэжъыкIэ къехъожьы, –
Iэжэгъуекъоу шъуи-Биболэт.
Тыжьынэу нэрыплъэ шIагъохэр
Зэтесэгъэчъышъы сыреплъэ,
Сашъхьагъы гущэкIэ сызыдэплъыекIэ
Сэшхо ихыгъэр сшъхьащыт.
Шыу купэу сэ сызыхэтэр
Езэрыгъаохэзэ мэкIожьых,
Къамболэты гущэм сыкIэлъыджэнти,
Сшъхьэ гущэм есымыпэс.
Зэзакъо сышэсыжьыгъэемэ,
Сихьадэ гущэр дязгъэхыжьыни, –
IэжэгъоикъокIэ шъуи-Биболэт.
«Атэлыкъыр» сэIошъы зэсэщэ,
Шхончым идахэр есэты,
Шы къэрэжъэр чъэрэу естыгъэшъ,
КъемыжэдэIахэ гущэу мэкIожьы, –
ДахъокIэ шъуи-Быракъый,
Быракъые гущэр хьабзым къылъфыгъ.
Брыулэ гущэр пырэжъыяшъу,
Арджэн Iушъом къыIуанэ:
Къышъулъыджэу къыщышъунагъэмэ,
ЗыукIыгъэ къэзакъмэ шъуафэд,
Шъуеджагъэ гущэу зэхимыхыгъэмэ,
Дунэе лажьэ шъуимыI.
Гощнагъо гущэр мэтхьаусыхэ:
Мы зы орэд гущэр къызаIорэм
Зы гоу сиIэхэр мэузы,
Аслъэн гущэр сыгум къызыкIырэм
Бгы гущэм сыдэкIышъ сыкъаплъэ,
Тиунэм сызиплъахыжьыкIэ
Iэбжъэнэ мыбзэхэр къинагъ,**

**Ордэ унэ гущэр пахьым зэщечы,
Чэрэчэор щэнтэу палъэжьы.
Чэсэй джанэр нэпсым егъэшъу,
Пщы шъаор панэм хэшъуахьы, –
Къанэкъо гущэкIэ Айтэч,
Айтэчыкъоу шъуи-Джамболэт.
Мы пщитIу гущэмэ яунэ сызесым
Къэзакъэр зэтесэу къысфащэ,
Нэгъоижъэу сызыщэжьыгъэр
Сэнджэлэим щамыгъэуагъэр
Сашъхьагъ гущэ къехьышъы къыпелъэ,
КIыбыпчъэмкIэ исыдзыжьынти,
«Сиоркъы напэ гущэр сшIокIодыжьын» еIошъы,
Гощнагъо гущэм къырегъэгъыхы.
Инэралэу НэкIугъонэжъымрэ
Хъаныкъожъэу онджэкъым исыгъэмрэ
Борэкъо гущэм иIуашъхьэ къыщэплъэ,
Щыуахь гущэу гъончэдж плъыжьэр
Гыныжъым езыгъэкъут.
Хъаныкъор зытесы кIэфэр
Инэрал пакъэм гу лъетэ,
Къэплъаныкъор зыхэт купэр
Бжъэпэ чIэплъыгъор къыракIо.
Сэнджэлэим екIурэ шыумэ
Ядышъэ напэхэр мэлыд,
Дышъэ гущэр зипэкIэгъуазэр
Зинэмэзапэм щагъаз,
Мортэзыкъыхэр къызызэдеохэкIэ
Сэрмэкъэу гущэр къыхэзымынэр, –
Бэгъарсэкъэу Мыхьамчэрый.
Шъоджэхъум зыщызэзаом
Пщы шъаошъы тэчэхъу пащ,
Шхончыпэр зызэхэщаекIэ
ЗиIахьэр сэшхокIэ зыукIэр, –
Бэгъарсэкъэу Мыхьамчэрый.
Етдыгъын гущэу Iошъхьэшхом
Афицерышхор щаукIы,
Мамгъэтыкъор заукIы мафэм**

Ошъуапчъэ гущэр къызэлъыIуахы,
МэлэIичхэр къыдэзэрэхы,
Хьур пшъашъхэр къехышъы мэуцу,
УкъаукIынышъы Сахьид,
УкъауIэнышъы дауш,
ЗекIошымэ афэмыкIуахьырэр
Щэхьидыкъэхэу зэбгъулъ,
Мамгъэтыкъо зыхэт къахэм
Щэхьид машIор къыхехы,
Есэныер кIышъо пкIэгъуалэу
КъэралитIумэ ягъэшIэгъонэр, –
ДаурыкIэ ХьэпакIэ нэшъу.
Есэныем дахэу зегъазэ,
Фэрзапэ заор щеублэ, –
ДаурыкIэ ХьэпакIэ нэшъу,
ЛIы нэшъор ешъумыIожь.

4.13. ПЕСНЯ-ПЛАЧ О МАХОКОВЕ МОСЕ

У Хаджикасаевых, гуща, в доме
Несчастливой родилась я,
Махокову, гуща, к его несчастью
Бог Всевышний меня дал.
Молодую жену красивую
В отчем доме заставляющий плакать,
Твоей матери, гуща, Хазратоковых дочь
В Стамбуле, гуща, рыдает, а ее голос к нам доносится.
Двое братьев меньших, что <ты> оставил,
Мысыровский, гуща, Коран перечитывают,
В райский дом кто возвращается, –
<Это> Махоковых, гуща, ваш Мос Малый.
Махокова ружье маленькое
Черное, гуща, с белым ложе,
На наше несчастье офицера большого
Тело, гуща, кто заставляет унести, –
<Это> Махоковых ваш Мос Малый.
В пятницу, гуща, после полудня
Бузой крепкой угощаю вас,

<Для> этих двух князей одежду шью,
<Если> князь мертв, он его вернет, говорю, и
На Махамата надеюсь,
Отряд небольшой, на помощь которого рассчитывала,
Стороной прошел мимо.
Испокон веку, гуща, у бесленеевцев
Погибших <на поле боя> оставлять в обычаях было,
У кемиргоевцев[1] чего не было в обычаях
Хачешаоков начинает <первым>.
На Четиуна ссылаясь, нас обманывают,
На Гумский пустырь нас выводят,
Табуны <породы> шагди там пасут,
Всадников утомленных там оставляют,
Всю жизнь чистокровных коней часто меняющий,
На мужицкого мерина <своего коня> кто меняет –
<Это> Ажигоевых ваш Биболат.
В серебряную трубу подзорную
Разворачиваю и всматриваюсь,
Наверх, гуща, <когда> свой взор обращаю
С саблями обнаженными <над моей головой> стоят.
Конный отряд, в который я вхожу,
Отбиваясь <от врагов>, уходит.
Камболату, гуща, вслед крикнул бы,
<Считаю это> ниже своего достоинства.
Один раз <если бы> верхом <на коня> сел бы
Мое мертвое тело, гуща, <позволил бы> унести
Ажигоевых вашему Биболату.
«Аталыком» называю и придерживаюсь его,
Из оружий лучшее даю,
Коня черного надежного быстроногого дал,
Не придерживая поводья, гуща, уходит, –
Даховых ваш Быракый,
Быракый, гуща, сукой рожден.
Чалый <конь>, гуща, тернового цвета,
На краю Арджена оставляют:
Окрикивающим его, если <его> вы оставили,
Убившего его казакам вы подобны,
Но, окрикивая его, если он не отозвался.

25 Заказ № 246

**Вашей вины нет.
Гошнаго, гуща, жалуется:
Эту песню, гуща, когда поют
Сердце от боли стонет,
Об Аслане, гуща, когда задумываюсь
На гору, гуща, иду и осматриваюсь,
В нашем доме, когда <снова> смотрю,
Ногти нестриженые остались,
Большой дом, гуща, от громкого плача стонет,
Чарачаовское <ружье> на стену вешают.
Кисейная сорочка от слез гниет,
Молодые князья, что под колючим кустарником гниют, –
<Это> Каноковых, гуща, Айтеч,
И Айтековых ваш Джамболат.
В доме у этих двоих князей, гуща, когда я жила,
Казаков живыми мне приводили,
Ногаец проклятый, что меня предал
В Санджалее не выстрелившее <оружие>
У моего изголовья, гуща, приносит и вешает.
«Через черную дверь выбросила бы,
Моей дворянской чести это недостойно», – говорит, и
Гошнаго, гуща, громко рыдает.
Генерал с изрешеченным лицом и
Хана сын трусливый, что в дымаре сидел
Из-за Бароковского, гуща, кургана [2] смотрят,
Из тонкого сукна, гуща, шаровары красные
От пороховых зарядов изнашивается,
На коня белохвостого, что <под седлом> ханука
Генерал курносый свое внимание обращает,
Капланука отряд, <в строю> которого он находится
На возвышенности, осматриваясь, ходит,
К Санджалею у поспевающих всадников
Золотые лица сияют,
<Чьи> золотые, гуща, усы кому ориентиром <служат>,
Во время намаза кто их крутит,
Муртазики <когда> вместе <начинают> биться,
Шутки, гуща, <кто> не оставляет, –
<Это> Багарсоковых Махамчерий.**

**В Шоджохе[3] когда сражались
Князь юный над валухами предводитель,
Стволы оружий, когда скрещивают,
Свою долю мечом кто разит, –
<Это> Багарсоковых Махамчерий.
На Этдегене[4], гуща, кургане большом
Офицера большого сразили,
В день, когда Мамготыко убили,
Небесные врата разверзаются,
Ангелы <оттуда> выходят,
Гурии-красавицы спускаются и встают.
Тебя убить – Сагид,
Тебя ранить – похвала,
<Что> походные кони не могут обойти –
<Это> шагидские могилы, лежащие рядами,
Мамготыка могила
Шагидским огнем пылает,
Подобно есенеевскому <коню> белому
Странам двум на удивленье, –
<Это> Дауровых Хапача кривой.
Есеней<ский конь> мерно поворачивается,
В верховьях Фарза битву начинает,
Дауровых Хапача кривой,
Муж кривой про него больше не говорите.**

[1] *Кемиргоевцы* – одна из субэтнических групп западных адыгов, населяющая междуречье Белой и Лабы.
[2] *Бароковский курган* – топоним, название возвышенности в окрестностях аула Едепсукай I (затоплен Краснодарским водохранилищем).
[3] *Шоджох* – топоним, равнинная местность за рекой Лабой напротив аула Ходзь.
[4] *Этдеген* – топоним, в других версиях – Етельген. Адыгское название ст. Константиновское и местности, на которой она расположена.

Архив АРИГИ, ф. 1, оп. 1, п. 48, д. 65. Исп. Халид Напцок: 1865 г. р., аул Лакшукай (аул затоплен Краснодарским водохранилищем); бжедуг. Зап. 26.09. 1935 г. Р. Меркицкого. Перевод на русский язык М. А. Табишева.

4.14. КЪЭСЭЙМЭ Я-МЫХЬАМЭТЫ ИГЪЫБЗ

Чэтыунэр аIошъы тагъапцIэ,
Гумышъхьэ пцIанэм тыращэ,
Щагъыдыибэхэр щагъэпшъы,
Оркъы пшъыгъабэхэр къыранэ,
Зихьадэ гущэхэр ижъыгурынэхэр, –
Къэсэймэ я-Мыхьамэт.
Мыхьамэт заукIы мафэм
Щэгидэ машIо къеIэты,
Чэтыунэ аIошъы Iошъхьэшху,
Афицарышхор щаукIы,
Мыхьамэт заукIы мафэм
Зы Тхьэ зэрэщыIэр тшIошъы хъугъэ.
ПцIэгъоплъы цIыкIум къечъахьы,
Зисабыищ лъэрычъэу къэнагъэр, –
Къэсэймэ я-Мыхьамэт.
Залихъанэу бысымгуащэм
ДэIыешъ шъхьацэр фырей,
Зипчъаблэ пхъэблэнчыжьэр,
Къэсэймэ я-Мыхьамэт.
КIэкIуапцIэр къызышъхьарысхымэ,
Чэтэ ихыгъэхэр сшъхьарыт,
Оркъы купэу сэ сигъусагъэхэр
ЕмыжэдэIахэхэу мэкIожьых.
Къышъуаджэзэу къыщышъунагъэмэ,
ЗыукIыгъэ къэзакъымэ шъуафэд,
Шъуеджэзэ шъукъымышIагъэмэ,
Шъузи-Алахьэр шъуфэраз.

4.14. ПЕСНЯ-ПЛАЧ О КАСАЕВЕ МАХАМАТЕ

**<Выезжаем в> Четиун говоря, нас обманывают,
И на Гумский пустырь нас выводят,
Табуны <породы> шагдий там пасут,
Дворян утомленных там оставляют,
Тело <кого>, гуща, в пустыне осталось, –
<Это> Касаевых Махамат.
В день, когда Махамат погиб,
Шагидский огонь поднимается,
На кургане большом, называемом Четиун,
Офицера большого убивают,
В день, когда Махамата убили,
Единый Бог что есть, мы поверили.
Буланый <конь> малый бегает,
Чьи трое детей, едва <научившись> ходить, <сиротами> остались, –
<Это> Касаевых Махамат.
Залихан – хозяйка <твоего> дома,
Протягивает руку вверх и волосы по тебе рвет
Дверные косяки чьи вырваны, –
<Это> Касаевых Махамат.
Бурку черную если сниму я,
С саблями обнаженными <над моей головой> стоят,
Дворяне, что со мной вместе были,
Не сдерживая поводья, удаляются.
Окрикивающим вас, если вы <его> оставили,
Убивших его казакам вы подобны,
Но, если вы окрикивали его, а он не отозвался,
Ваш Аллах вами <пусть да будет> доволен!**

Архив АРИГИ, ф. 1, оп. 2, п. 71, д. 16. Исп. Меджид Чич: 1880 г. р., аул Нешукай Адыгеи; бжедуг. Зап. 07.07. 1963 г. Перевод на русский язык М. А. Табишева.

4.15. КЪАЛЭР АШТЭУ КЪЫЗАГЪЭЗЭЖЬЫКIЭ КЪАIОЩТЫГЪЭ ОРЭД

**Инджарым икъоу Къасым,
Къасымыхэр лIыхъу шъэджашъ,
Шыуишъэ гущэри зэубз,
Ибзэжъыхэри фаух,
О, ифарэ гущэри фалъэкI,
О, идэпкъы гущэми палъэжь,
Пызыхыны гущэри щымыI.
ЫшнахьыкIэ гущэми ичат
Къэзакъышъхьэ гущэми рэджэгу,
Еры-еры, Къанышъэошху,
Губгъошхом ари щызекIу,
Сиорэдэри орэды маф,
Рэшэсырэм ахэр къерэIу,
ЗыIохэри гъогумафэм ежьэн!**

4.15. ТРИУМФАЛЬНАЯ ПЕСНЬ

**Инджара сын Касым,
Касым – муж достойный, доблестный,
Сто всадников, гуща, кому прислуживают,
Чьи старые добрые тетивы для стрел изнашиваются.
О, за его чистокровным конем, гуща, ухаживают,
О, <его оружие> на стену, гуща, вешают,
Снять <его> оттуда, гуща, ведь некому.
Его младшего брата, гуща, меч
Казачьими головами, гуща, играет,**

Еры-еры, Каншао Большой,
В поле большом он разъезжает.
Моя песнь – песнь счастливая [триумфа],
<Коней> седлающие пусть ее поют,
Поющие ее в счастливый путь да отправляются!

Архив АРИГИ, ф. 1, оп. 1, п. 52, д. 124. в Исп. Сапщах Негуч: 1872 г. р., аул Агуй-Шапсуг Краснодарского края; шапсуг. Зап. 05.12. 1936 г. Р. Меркицкого. Перевод на русский язык М. А. Табишева.

4.16. ХЬЭНАХЫКЪО САХЬИДЭ ИОРЭД

**ФэракIоу мэз макIэр
Хьэнахыкъом къыфегупшыс,
Ормэлыжъыр къэзыугупшысырэр, –
ХьэнахыкъокIэ Сахьидэ псыгъу.
ДзэкIо шыу зэтесыр
ЛъытакIом къегъэхъуреяхьы,
ХьакIэщыжъы гущэм узыращэлIэжькIэ
Зэошхохэр къытфеугупшысы,
Пэчъахьыжъы гущэм къыугупшысырэр
Зы илъэскIэ къызэхэзыкъут,
Ормэлыжъэр зэхэзыкъутэрэр, –
Хьэнахыкъом иоркъы куп.
Пэщэжъэу нэбгырэ пшIыкIутIур
ЛэндышъэкIэ къытфэзытхьал,
Хьэнахыкъом зыстхьалэжьын ыIомэ,
Бзылъфыгъабэхэр зэхэмэхахь.
Оркъы гущэу къытхэпсыхьагъэмэ
Мэфаем зыкъырагъэукIы,
Ормэлым ипсыхъо чъэрым
Бзылъфыгъабэмэ зыщатхьэлэжьы.
Сабыибэ гущэхэр зыщагъэстыгъэр
Ормэлым имэзыдэгу,
Дунэежъэу тэ тызытетым
Сыхьаты нахь щытымыгъэшIэжьыщтми,
Бзылъфыгъабэу тыбгъэм кIачъыгъэр
ПсэемыблэжькIэ къэтэжъугъахыжь.
Анаутэу цэ зыIумытым**

Мэфаем тэ тыրипый,
Урысэу тэ тызэпый гущэр
ШылъэгуаджэкIэ къытэгъэтIыс.
Анэуты гущэу тэ тызэпыим
Исэмэгу жъагъэхэр къыкIэтэуты,
Джауры гущэм ичэтэуты
Мэфае гущэм тыгор къырехы,
Бзылъфыгъабэ гущэу тыбгъэ кIахыгъэр
Мэфае гущэм чэмыжъы фыкI.
Фэмыфы гущэу къытезыгъазэрэм
ЧэтэшIу гущэхэр дэтэгъэджэгу,
Сэхъэрым ипсыхъо чъэрым
Бзылъфыгъабэ гущэмэ зырагъэтхьалэжьы,
Хьэнахыкъо гущэм иоркъымэ
Мэфае гущэмэ къытырагъази,
Тимыхьакъы лажьэу тэ къытщышIыгъэр
Муслъымэны гущэмэ ащэрэмыгъупши.
Дунае гущэу тэ тызытетым
Сыхьат нахь щытымыгъэшIэжьыщтми,
Ахъэрэты гущэм тэ зыдгъэзэжькIэ
Тичэбэ напэ гущэхэр дгъэукIытэжьынэеп.
Едыджы гущэм идзэ къэщагъэхэр
Къумалыжъы гущэми къызэпыращ,
Мы дзэшхо гущэр къызэблэзыщырэр, –
ХьэнахыкъокIэ Сахьидэ псыгъу.

4.16. ПЕСНЯ-ПЛАЧ О ХАНАХОКОВЕ САГИДЕ

Фарако-лес[1] небольшой
Ханахоков нам придумывает,
<Кому> Ормаль[2] проклятая на ум приходит, –
<Это> Ханахоковых Сагид Тонкостанный.
Воина-всадника
Наблюдатель <заставляет> окружить,
В хачещ, гуща, когда тебя возвращают
Битву большую нам придумывает,
Царю проклятому, гуща, что на ум приходит
В течение года разрушающий [уничтожающий],

<Кто> Ормаль проклятую разрушает [уничтожает], –
<Это> Ханахоковская уоркская дружина.
Предводителя двенадцати человек
Нарядным поводком нам удушающий,
Ханахоков, «удушу себя» когда говорит,
Женщины в обморок падают.
Уорки, гуща, что к нам присоединились,
В черный для себя день погибают,
В Ормалевской реке быстрой
Женщины <бросаются> и себя топят,
<Где> детей <невинных>, гуща, во множестве сжигали, –
<Это> в Ормалевских лесах глухих.
В <этом> мире бренном, где мы живем,
Не больше часа, если <даже> нам прожить осталось,
Тех женщин, что от груди нашей отняли,
Не жалея своей жизни давайте отберем.
Анауту беззубому
В злосчастный день мы враги,
Русских, с которыми мы враждуем, гуща,
Лошадиными коленями <заставляем> присесть,
Анаутам, гуща, с которыми мы враждуем,
Их левые легкие мы отбиваем.
От гяурского, гуща, удара меча
В черный день, гуща, наши сердца стонут,
Женщин, гуща, что от наших грудей отняли,
В черный день, гуща, <подобно> коровам обычным гонят,
Трусливых, гуща, которые повернут назад,
С мечом добрым, гуща, <заставляем> играть.
В Сахару-реку[3] быструю
Женщины, гуща, <бросаются> и себя топят,
Ханахоковские, гуща, уорки
В черный день, гуща, снова возвращаются,
Без нашей вины беды, что нам достались,
Мусульмане, гуща, <пусть> вовек не забудут.
В мире, гуща, <где> мы живем,
Не больше часа, если <даже> нам прожить осталось,
В загробный мир, гуща, когда мы уйдем,

Свою честь, гуща, мы не уроним.
Едыджа, гуща, войско пришлое
Лазутчики проклятые, гуща, <через реку>
переправляют,
Ряды этого войска, гуща, кто косит, –
<Это> Ханахоковых Сагид Тонкостанный.

[1] *Фарако-лес* – топоним, местность не установлена.
[2] *Ормаль* – гидроним, местность не установлена.
[3] *Сахара-река* – гидроним, местность не установлена.

Архив АРИГИ, ф. 1, оп. 1, п. 21, д. 85. Исп. Ибрагим Ачегу: 1875 г. р., аул Панахес Адыгеи; шапсуг. Зап. 1960 г. И. Хешха. Перевод на русский язык М. А. Табишева.

4.17. ХЬЭНАХЭКЪО САХЬИДЭ ИГЪЫБЗ

Зэчэрые гущэ шыгъоу зытесым
Елъэбжъаозэ мыжъор хеуты,
Анаутэу хьашхъуэрыІуцэр
ШылъэгуанджэкІэ тфаІэкІегъэзы,
Инджылызэу ишхонч баор
Сотнищы гущэм кІоцІырегъэх, –
Мэджаджэкъоу Исхьакъбый.
Исхьакъбыир зырагъэпсыхым
Чатэр рихи шъхьарыпсыхэжьыр, –
Хьаткъомэ я-Зэчэрый.
Зэчэрые зыщымыІэжьыкІэ
Сыды мыгъор тэ тизау.
Ормэлым зэошхор зыщашІым
Ошъуапчъэр къызэлъыІуахы,
Хьур пшъашъэхэр къехышъы мэлъаІо,
Ти-Долэтэр шІукІэ тфэлъэІон.
«ШъуаужыкІэ шъузэкІэмыкІоу
ШъуякІоталІи зыкъяжъугъэукІ», –
Пэшэжъхэр атегыяхьышъ.
Чэмыдэу шы зыкІэмыхьэм
Ынашъэм щэхэр къытефэ,
Щыуахьэу уицые фыжьыр
Джаурыжъмэ нэхашы къашІы,
Тыжьын гущэу уиІэшэ шІагъохэр
Дич шІыпІэ щызІэкІагъэшы,

Пэшэжъэу уашъхьагъы итымэ
АжакIэм нэпсыр хэтакъо,
Къары япхъоу уикъэщэгъакIэм
ДэIыешъы шъхьацыр пфыречы,
Зиунагъор пчъэблэ ичыжьыр, –
ХьэнахэкъокIэ Сахьидэ псыгъу.

4.17. ПЕСНЯ-ПЛАЧ О ХАНАХОКОВЕ САГИДЕ

Зечерия, гуща, буланый конь, на котором сидит,
Играючи камни вырывает,
Анаутский <меч> острый
Лошадиными коленями заставляет <врагов> ронять
<от страха>,
Английское его ружье многократно стреляющее
Три сотни, гуща, наповал разит, –
<Это> Маджаджоковых Исхакбий.
Исхакбия <когда> заставляют спешиться
С мечом, поднятым вслед за ним спешился, –
Хатковых Зечерий.
Зечерия, <когда> нет в живых,
Какое, о горе, нам еще сражение!
В Ормале, битву большую когда начинают,
Небесные врата раскрываются,
Гурии-красавицы спускаются и молятся,
Наш Довлет о хорошем помолится.
«Назад не отступая,
Приблизьтесь и примите гибель», –
<Говоря такие слова>, предводители их упрекают.
Темно-гнедому коню быстроногому
В междубровье пули попадают,
Из тонкого сукна твою черкеску белую
Гяуры проклятые оскверняют,
Серебряные, гуща, твои оружия великолепные
В долине Дич[1] <как трофеи> забирают,

У предводителей храбрых, что над тобой стоят,
В бороды слезы капают,
Каровых дочь, на ком ты только женился
Протягивает руку верх и волосы по тебе рвет,
Дверные косяки чьи вырваны, –
<Это> Ханахоковых Сагид Тонкостанный!

[1] *Долина Дич;* в других версиях – *Диш* – топоним, местность, прилегающая к одноименной реке, левого притока Псекупс.

Архив АРИГИ, ф. 1, оп. 1, п. 48, д. 108. Исп. Халид Напцок: 1865 г. р., аул Лакшукай Адыгеи (аул затоплен Краснодарским водохранилищем); бжедуг. Зап. 20.09. 1933 г. Р. Меркицкого. Перевод на русский язык М. А. Табишева.

4.18. ХЬЭНАХЭКЪО МЫХЬАМЭТЫ ИГЪЫБЗ

Хьэнахэкъоу шъуи-Мыхьамэт гущэр
ЗэонкIэ лIыкъо блыпкъы,
Нарты пкъыхэр ащ хэлъ,
Шэу зытесэр мэхьарз,
Ибзэ лъапэми машIор къекI,
Щэу ригъэкIырэр щэмыохъу,
Ипсэ пшъэхъор зэпэут,
ЫкопкъитIур зэпаут,
ЩэталитIур зэкIагъагу,
Хьэнахэкъор къыщэкIод,
Пахь орэдхэр къыщагъэщ,
Ишъэогъухэри къыщэпахь,
Хьаджэхэри егъэгъых,
КъэхапIэри егъэлыд,
Мюридхэри къыфэлъаIу,
Хьур пшъашъэхэри къыщэтэдж,
Джэнэтыпчъэри къыфыIуах,
Дышъэплъыхэри къытырахъу,
Мыхъурхэри къытырадз.
Шъыхьахьэхэри къызынэсым
Унэм исхэр зэтепахьэу,
Янэ гущэри афэмыубыт,
Анэхь лIы пытэр иубытакIо,
ЕдэIурэр быслъымэн.
ПщынахьыкIэу Къымчэрыем
КъурIанхэр къыпфегъаз,
Зи-Тхьэ зыфэразэр, –
Хьэнахэкъоу шъуи-Мыхьамэт.

4.18. ПЕСНЯ-ПЛАЧ О ХАНАХОКОВЕ МАХАМАТЕ

**Ханахоков ваш Махамат, гуща,
В сражении <нам> опора,
Нартским станом он наделен,
Конь, что под <его седлом>, подобно вихрю, кружится,
Из дула его <оружия> огонь сыплется,
Пули, что сыплются оттуда – пули, бьющие без промаха,
Его жизни ток прерывается,
Его оба бедра перебивают,
Где оружие скрещивается,
Там Ханахоков пропадает,
Похоронные песни поют,
Его друзья там рыдают,
Хаджи <тоже> заставляет плакать,
Могилу он <заставляет> сиять,
Мюриды <о нем> молятся,
Гурии-красавицы <в честь него> встают,
Райские двери для него распахивают,
Червонным золотом его осыпают,
Печати <на нем> ставят.
Горевестники когда до нас доходят,
Домочадцы громкий плач поднимают,
Его мать, гуща, <никак> не могут удержать,
Самый крепкий мужчина ее сдерживает,
<Кто> слушает их – <это> мусульмане...
<Твой> младший брат Крымчерий
Коран тебе читает,
Чей Бог кем доволен, –
<Это> Ханахоковых ваш Махамат.**

Архив АРИГИ, ф. 1, оп. 3, п. 48, д. 100. Исп. Алеби Чуяко: аул Гатлукай Адыгеи; бжедуг. Зап. 12.06. 1928 г. Т. Ханахока. Перевод на русский язык М. А. Табишева.

4.19. КЫРАНДЫКЪО ИОРЭД

Терчышъхьэ къалэм
Пощтэр щызечъ,
Шыу закъоу къечъэжьэжьыгъэр
Сэ сишъахьихь.
Шъыхьакъоу сипхъэцокъитIор
Къэлэпэхас,
Ай-яй, бэнытIэсаер
Нэпсым егъэшъу.
Тыжьынэу сыбгъэшъофыжьыр
Радэ мыгъо, къыфэсэгъэшъыгъу,
Кырандыкъом янэжъы мыгъом
Ео-ой, жъамэр егъэу.
Ар, Алахь, ЛэукъэритIум
ШышIоIор ракI,
Е-о-ой, пчъэблэичыжьыр, –
Рэдэ мыгъо, си-Кырандыкъу.
Кырандыкъом ихьакIэщыжъыр
Адэ мыгъо, бэджымэ яхъ,
Ар, Алахь, ишы лъэхъапIэм
Еу мыгъо, панэр къекIэжь.
Ары ей, трамы пкIэгъуалэр
Адэ мыгъо, сомишъэ уас,
Ар, Алахь, нэчахь уасэмджэ
Стамболы шъумыкIожьыщт.
Ай-ей, ТIопсэпэ къалэм
Шъыдэ мыгъо, топыхэр щэо,
Ныбджэгъоу къырихьылIагъэмэ

26 Заказ № 246

Ар, Алахь, яхьэдэгъэшху.
Еу мыгъо, мы къэлэ кIоцIымджэ
Адэ мыгъо, усипсэлъыхъуи,
БгъэшIэным укъыслъыхъугъэджи
Еу мыгъо, сымыгъотын.
Ары-ей, шъуихьэблэ пшъашъэхэм
Мастэджэ зыкъытфагъас,
Адэ мыгъо, мы хьэблэ пшъашъхэмэ
Лъы нэпсэр тэ тфырагъэхы.

4.19. ПЕСНЯ-ПЛАЧ О КИРАНДУКО

У крепости в верховьях Терека
Почтовые <кареты> разъезжают,
Одинокий всадник, что возвращается, –
Мой горевестник.
<Из> оленьих рогов два моих башмачка
Остались воткнутыми в землю у въезда в крепость,
Ай-яй, траурное платье
От слез гниет.
Серебру <подобные> мои груди белые,
Рада, о горе, держу в трауре,
Кирандука мать старая, о горе,
Ей-ой, поминальные яства готовит.
Ар, Аллах, лоовские <кони> черные
Коновязь валят,
Е-о-ой, дверные косяки кто валит, –
Рада, о горе, <это> мой Кирандуко.
Кирандука старая кунацкая
О, горе, ведь паутиной опутана,
Ар, Аллах, <место>, где он лошадей отпускал
на пастьбу,
Еу, о горе, колючими травами зарастает.
Ары ей, трамовская <лошадь> белая,
О горе, ведь сто рублей стоит,
Ар, Аллах, брачными деньгами
В Стамбул не можете выехать.

Ай-ей, в Туапсинской крепости,
О горе, пушки гремят,
Друзья, что прибыли <сюда>,
Ар, Аллах, в большом трауре.
О горе, внутри этой крепости
О горе, ты мой жених,
Вечно если даже будешь меня искать,
О горе, не найдешь.
Ары-ей, в твоем квартале <живущие> красавицы
Шитье для нас готовят,
О горе, в этом квартале <живущие> красавицы
Кровавыми слезами по нам плачут.

Архив АРИГИ, ф. 1, оп. 1, п. 48, д. 46. Исп. Хаджимос Хурум: 1890 г. р., аул Натухай Адыгеи; натухай. Зап. 16.09. 1935 г. Р. Меркицкого. Перевод на русский язык М. А. Табишева.

А. М. Гутов

ОБЩИЕ ЗАМЕЧАНИЯ

Этот раздел введен в состав второго издания, чтобы дать более объективное представление о народных песнях обозначенного типа. Издание, из которого взяты материалы, вышло в свет в Адыгее и содержит тексты на западно-адыгских диалектах. Поскольку большинство материалов, представленных в других разделах, записаны в Восточной Черкесии (нынешняя Кабардино-Балкария, Карачаево-Черкесия, Ставропольский край) или хранятся в архиве КБИГИ, у читателя могло создаться неверное представление о характере бытования адыгского фольклора о Кавказской войне. В связи с тем, что первые сокрушительные удары имперской регулярной армии приняла на себя Кабарда, почти в течение пятидесяти последних лет войны наиболее ожесточенные боевые действия происходили именно в Западной Черкесии. Туда же ушли в свое время те из кабардинцев, которые получили прозвище непокорных, из-за того, что не пожелали подчиниться введенному на их землях российскому административному правлению. Естественно, в такой ситуации песнетворчество как форма выражения настроений общей массы этноса активизировалась более всего среди западных адыгов.

В числе помещаемых здесь текстов определенную долю составляют произведения из арсенала, который можно назвать общеадыгским. Это песни, имеющие достаточно широкое распространение среди всех адыгов: о погибших героях, о разорении аулов, о знаменательных сражениях. Самим своим существованием они подтверждают былое культурное единство адыгов как этноса, разрушенное в результате войны, физического уничтожения огромной массы коренного населения, насильственного выселения большей его части и установления административных границ без какого-либо учета этнического фактора.

Целый ряд песен правомерно отнести к произведениям локального характера бытования, записанных всего лишь несколько раз. Для исторического фольклора характерно, что не все песни получают одинаковую популярность во всем ареале распространения того или иного языка. В одном случае может оказаться, что герой песни не был настолько знаменит, чтобы его личность привлекла к себе внимание в разных уголках края. В другом – событие может оказаться одним из нескольких или даже многих, которые уже ранее стали предметом то воспевания, то оплакивания в песне соответствующего характера. В обоих случаях нельзя исключать того, чтобы несколько песен на сходные темы не образовали своего рода интерференцию: какая-то одна из них благодаря своим художественным достоинствам начинает доминировать, а остальные имеют локальное распространение или же вовсе «поглощаются» более популярной. Таковы, например, «Песня-плач Чужкуапы», «Песня-плач Чутхакумоко Камболата», «Песня Остагая» и др. Событий и лиц, которым посвящались песни во времена Кавказской войны, было гораздо больше, чем самих песен, сохранившихся в народной памяти. Некоторые из них, близкие по тематике (например, плачи по сожженным аулам, песни о нападениях на крепости – тех и других было множество) могли «сливаться», причем одна, более удачная в художественном и эмоциональном плане, поглощала другую или даже несколько сходных по содержанию.

Еще одна особенность фольклора проявилась в данном разделе: иногда песни, сложенные намного раньше, трансформируются, переориентируются и наполняются новым содержанием. Так произошло с песней о Санджалее, варианты которой даны в этом разделе. Прототипом ее героя является реальная историческая личность, Сунчалей Черкасский, живший в конце XVI – начале XVII столетия.

НОВЫЕ ПУБЛИКАЦИИ ИЗ ФОНОТЕКИ И АРХИВА КБИГИ И АРИГИ

5.1. ХЬЭЖРЭТ УЭРЭД

И анэу Къэсейхэ я гуащэр
ДжэдыфэкIэ къызэрагъашхэ,
Мудавейм ягъэшха щIалэр
КъуэгъэнапIэм щрагъэхуэх.
Я адэу Жамботышхуэр
ЗэрыцIыкIурэ шыщхьэмыгъазэт,
Мудавейм ныщигъэзэжкIэ,
Мысост пэхур нытещIокIэлIыкI,
ЗэрылIэнур и гум къигъэкIри
И адэ и щIапIэм ихьэжащ.
Хъыджэбз хьэдэр зи зэпэбаш,
Къуэшищ и хьэдэр зи нэрылъагъу,
Трамэ и къуэу Хьэжыбэчыр,
Траму хакIуэ пцIэгъуэплъ,
Сэмэгум тхуогъэтэрэз,
Хэмызагъэу афицар ябгэр
Зы шэкIэ трегъэпсых.
Хьэжыбэчыр щепсыхыж махуэм
Дэплъейри вагъуэр и хьэкъут,
Бэрэгъуну хьэкъур зэдзам
Фахэуэркъэ, зауэр зи хабзэ!
Мылицэжьу кхъуэцыр зыгъэкI,
УкъыхэкIри пощтыр къэбгъауэщ.
Брулыжьыр бэрэжьеяфэт,
И фэр бдапцIэшэ Iунэт,
Тхьэм и унэр зи нэрылъагъу,
Жэнэт лъапIэм щалъэгъужын, —
Трамэхэ Къэрэбатырщ.

5.1. ХАДЖИРЕТСКАЯ ПЕСНЯ

**Мать его, княгиню Касаевых,
Курятиной <одной> кормят,
Мудавеевцами вскормленного юношу
В укрытии сбивают <с ног>.
Отец его Жамбот Большой
С малолетства лихой <человек>,
Когда мудавеевец повернул назад,
Беломордый конь мисостовский под ним умирает,
Догадавшись, что и он умрет,
Он [мудавеевец] в отцовский дом возвратился.
Тот, кому <в бою> сошкой <служит> девичий труп,
Тот, кто тела трех своих братьев видел –
Это Трама сын Хаджибечир.
Трамовского жеребца гнедого
В левую сторону сваливаешь,
Неудержимого офицера рьяного
Один выстрел спешивает.
В день, когда Хаджибечир спешивался,
<Он> вверх посмотрел – <там> звезда в силках,
Барагунцев, которым расставлены силки,
Бейте же, привычные к битвам!
Милиционер проклятый, свиную щетину отращивающий,
<Ты> выскочил и почту взорвал.
Чалый могучий был цвета бузины,
Его [воина] кожа была в гвоздиках из свинцовых пуль.
Божье обиталище глазами своими увидел,
Да увидят его в священном раю? –
<Это> Трамовых Карабатыр.**

Архив КБИГИ, ф. 12, оп. 1, ед. хр. 17а, пасп. № 14. Исп. Шамиль Мацухов: 1879 г. р., сел. Куба Кабардино-Балкарии; кабардинец. Зап. 11.06. 1957 г. Х. Шогенова. Перевод на русский язык А. М. Гутова и Л. А. Гутовой.

5.2. ХЬЭЖРЭТЫР ПАЩТЫХЬЫМ ЗЭРЕЗЭУАМ И УЭРЭД

Алыхь талэм и КъурIэн лъапIэр
Хьэкъым тетурэ, уэр, тхузезыгъакIуэ,
Мухьтеишхуэм щызэдекIуэжым,
ФэрэизкIэрэ къэзыгъэгуашэ.
Фэрэизыр къезыгъэгуэшыр
Уи шыпхъуурэ Хьэзизэу дахэрщ,
Хьэзизэр щагъэгузавэм,
Хьэжрэтым фи гузэвэгъуэт.
Iэщэ Iыхыр Хэкум къыщихьэм,
А махуэм Iэхъуэм щызэхызох.
Инджылызурэ шы гъуабжэ кIэхур
Уэр, а махуэм къызо[у]быдыж,
Саур уанэр къызэкъузохри
Шыныбэпхри зэщIызокъузэ.
Си джэбыныр кIэрыкъузауэ
Дзэшхуэм я бгъум зынызогъахуэ.
Я дзэ тетыр зэрегъэцIыху,
Ар биижьти ирегъэхуэх,
Егъазэри и пащIэкIитIыр
Сэлэтыдзэм яхуегъэкIэрахъуэ,
Францызурэ кIэрахъуэ псыгъуэр
Табыныгум къыщегъэлъалъэ,
Хьур хъыджэбзхэр плъапIэм щиувэм,
«А шур хэтхэ ящыщ», – жаIэри щIоупщIэ.
Майорым и къуэу Пщымахуэ ЦIыкIурт…
А махуэм епсыхыжащ.

5.2. ПЕСНЯ О БИТВЕ ХАДЖИРЕТОВ С ЦАРЕМ

<Тот, кто> Коран священный Аллаха единого
По сущности нам растолковывает,
Когда уходили <всем обществом> на Мухтей[1] большой,
Каждому полную долю <добра> он умел раздать.
<Эту> полную долю на каждого раздавала
Его сестра, Хазиза-красавица.
<День>, когда Хазизу тревожиться заставили,
Был тревожным для всех хаджиретов.
Когда отбор оружия по краю пошел,
В тот день я весть эту услышал на пастбище.
Английского серого коня белохвостого,
Уор, в тот день я отлавливаю,
Сафьяновое седло достаю,
Подпруги затягиваю.
Саван свой тоже прикрепив,
С боку к большому войску подъезжаю.
Предводителя того войска он замечает,
И его, врага старого, сбивает <наземь>,
Разворачивается и концы своих усов
Войску солдатскому <грозя>, закручивает,
Французский револьвер тонкий
В гуще <сражения> разряжает.
Гурии-девушки, обозревая <сражение>,
Спрашивают <друг дружку> о том, кто этот наездник,
То был сын майора, Пшимахо Малый...
И в тот день он спешился.

[1] *Мухтей* – топоним, название горы. Различают Мухъътеишхуэ (Большой Мухтей) и Мухъътей цIыкIу (Малый Мухтей).

Архив КБИГИ, ф. 12, оп. 1, ед. хр. 17а, пасп. № 24. Исп. Цук Ашхотов: 1890 г. р., сел. В. Курп Кабардино-Балкарии; кабардинец. Зап. 09.10. 1956 г. Х. Шогенова. Перевод А. М. Гутова и Л. А. Гутовой.

5.3. ХЬЭЛЪЭКЪУЕЙ УЭРЭД

Хьэлъэкъуейр гуэрэным щихьэжым
Я пщащэхэр дыщэ лэрыпсщ,
Я щауэхэр псэемыблэжщ,
Мэзауэхэр, зауэри я бащэщ.
Гум и щIасэр къыз<ы>дэхъун,
Зи мурадхэр зымыхъуэжын,
ЗэрыкIуэдым щIэмыгупсыс.
Зи анэжь гущэр зи гупсысэгъуэ<р>
Жанджатэм фи нащхъуэ дахэщ,
Тхьэм и хьэкъыр зи ныбэм илъ,
Хьур пщащэр зи нэрылъагъу.
Шы къаритIыр къуэугъэлъэхъу,
Кхъухьым екIуэжым, –
Хьэуауэ и къуэкIэ Хьэжыбий цIыкIурщ.
ЗэрыкIуэдым щIэмыгупсыс,
Зи анэжь гущэр зи гупсысэгъуэ
МэшхэщIэ и къуэкIэ
Си Нащхъуэ щауэ цIыкIу<щ>,
Зи Iыхьлыхэр зи гъусэ,
Зи башыр зи гъусэ пэжу зыгъуэт
МэшхэщIэ Нащхъуэ.
Си цей фIыцIэр Iэщэм къелажьэ,
Хъатэ гущэр къэзылэжьар, –
Сыхьэт и къуэкIэ Состыналщ.
ЗэрыкIуэд гущэм щIэмыгупсыс,
И пщащэ и гупсысэгъуэщ, –
Хъукъуэ и къуэкIэ Хьэжыбий цIыкIурщ.

ЗэрыкIуэд гущэм щIэмыгупсыс,
Зи сабийхэр зи гупсысэгъуэ, –
Хьэщауэ и къуэкIэ Жамбот цIыкIу.
Нэмэз щыгъэр зи Iэпэм пылъ,
Псыкъупс зы пкIэгъуэ зыхуэмыхъу, –
Къэзан и къуэкIэ Едыдж.
Полковникым зыкъыщигъазэм
Дзэшхуэм ез<ы>гъэгъэзар, –
КIэшхэ япхъу Iэминэщ.
Полковникым зыкъыщигъазэм,
Полковникыр езыдзыхар, –
Хъуэжхэ япхъу Хьэнифэщ.
АйтIур зы анэ къилъхуауэ зэшыпхъут,
И сабий цIыкIуищыр земыкIуэм,
Я унэбжэр къыхуищIыжам, –
Хъуэджэхэ Лоу тхьэмыщкIэщ.

5.3. ПЕСНЯ-ПЛАЧ ГАТЛУКАЯ

Когда <аул> Гатлукай уходил в леса,
Его девушки были <украшены> золотыми шнурками,
Его юноши были самоотверженны,
Сражаются они, и сражений очень много.
Да осуществится то, что вашим сердцам мило,
Да не измените вы своим замыслам,
Да не пожалеете вы о том, что погибаете!
Кто о несчастной своей матери тревожится, –
<Это> Жанджатовых ваша Нашхо-красавица,
В утробе ее дар от Бога,
Гурий-девиц воочию увидевшая.
Двух вороных коней подгоняешь,
На корабль садишься, –
<Это> Хажибий малый, сын Хауауа.
Тот, кто о <своей> гибели не думает,
А о матери несчастной своей тревожится, –
<Это> Машхачев сын
Мой Нашхо, юноша малый,
Тот, кто со своей родней в спутниках,

Кому посох – надежный спутник, –
<Это> Нашхо Машхачев.
Мою черную черкеску оружие протирает [изнашивает],
Тот, кто неудачу принес, –
<Это> Сахатов сын Состынал.
Тот, кто о гибели своей не думает,
А о девушке <возлюбленной> тревожится, –
<Это> Хуков сын Хажибий Малый.
О гибели своей не думающий,
А о детях своих тревожащийся, –
<Это> Хашаов сын Жамбот Малый.
Тот, у кого в пальцах <всегда> четки,
Кому Псекупс перейти одного прыжка много, –
<Это> Казанов сын Едыдж.
Когда полковник повернулся к ней
Она войско целое повернуть назад заставила, –
<Это> Кешевых дочь Амина.
Когда полковник повернулся к ней,
Она полковника наземь сбросила, –
Хуажевых дочь Ханифа.
Обе они были сестры, одной матерью рожденные,
У кого трое детей еще ходить не начали,
А он дверь дома своего закрыл, –
Это Ходжаевых Лоу несчастный.

Архив КБИГИ, ф. 12, оп. 1, ед. хр. 17а, пасп. № 25. Исп. Габидет Хашханок: 1838 г. р., аул Вочепший Адыгеи; бжедуженка. Зап. 14.10. 1958 г. М. Керимова. Перевод на русский язык М. А. Табишева.

5.4. IЭЩЭ IЫХЫМ И УЭРЭД, И ТАУРЫХЪ

ЖыпIэнкIэ КъурIэным и уазщ,
Уежьуун гущэкIэ, уарейдэ, зэчырым хуэдэщ.
Шы бланэу данэр зи сокур
Кърымыжьым къыщызэрашэ,
Уи шыпхъуу Хьазизэт дахэм
БланэшкIэу къыпкIэлъежыхь,
Зи хьэдэр хьэршым яхьари
Андеурхэ Пщымахуэ ЩIыкIурщ.
Данагъуэу и пащIэкIитIыр
ДоIэбейри къегъэджэрэз,
Хъаныжь бзаджэм и хуарэ шыбзыр
Аркъэн фIыцIэкIэ къытхухэзыш.
Iэщэ Iыхыр къыщыдашалIэм,
КъурIэн уазым дыщIагъэдэIу,
Зи адэшхуэхэм едэIуа щIалэхэм
КъэзэуаткIэ загъэлIэжащ.
Амфокъуэу шы гъуабжэ цIыкIур
Бэракъ жьэгъум нышIокIэрахъуэ,
Инджылызу и кIэрахъуэжьыр
Табыныгум ныщеунэщI.
Ар биидзэм зэхуагъэщIагъуэу
И мыгъуэу зауэр еублэ,
ДыгъэмкIэ дыхудэплъейм
МелэIычхэр къыттофэразэ,
ЩIылъэмкIэ дыкъеплъыхыжым
Лъыпсей гущэр лъэкIэбдзым къос.
А махуэм дяпэкIэ дыплъэм,

Адэ щIеинхэр дэ дагъэбзытэ,
ДяужькIэ дыкъеплъэкIыжым,
ДгъэщIэным дыхуэмеиж.
Ди пщащэу данагъуэ щхьэцхэр
Топыжьым дыдогъэджэгу,
Сабийуэ къытщIэджэгукIхэр
Топ шэпхъым хыфIыдогъадзэ.
А махуэм ди щуIэгъэфIхэм
Жыр лэныстэкIэ ди джэбынхэр тхуабз,
Зэныбжьэгъуу пащIэ бзииплъхэр
БгъэкIэ зауэм нафIокIуэ.
А махуэм зезыгъэукIыр
Шахьиду Тхьэм йокIуэлIэж,
А махуэм къащтэу кIуэжахэр
И ныбжькIэ диным икIащ.

Къубанскэр пащтыхьым гуэмыхьэ щIыкIэ пащтыхьыр куэдрэ къа[й]ныкъуэкъуащ. ИкIэм, дауэ хъуми, Арысейм гухьащ. Ахэр пащтыхьым и IэмыщIэ ихуа зэрыхъуу я Iэщэр яIихыну куэдрэ къеныкъуэкъуащ. Ауэ сыт хуэдизкIэ къемыныкъуэкъуми, Къубанскэм я Iэщэр ямытыну мурад ящIащ. «Еттми едмытми, пащтыхьыр зэ къыдэзэуэнущ, ауэ щыхъукIэ, едмытмэ дэркIэ нэхъыфIщ, нэхъ къару дгъуэтынщ», – жаIэри. Ирамыту Iэмал имыIэ щыхъум, зыкъедгъэукIынщ жаIэри гуп зэрыгъэхъуащ. Къезэуэну дзэ къыщаутIыпщым, я сабийхэмрэ цIыхубзхэмрэ ягъэтIысри шэр пхыкIыну, ауэ къаримыгъэлъагъуу Iупхъуэ хуащIри, гупэмкIэ ягъэтIысри езыхэр IэщэкIэ хуэхьэзыру я щIыбагъымкIэ къыдэуващ.

Зауэр яублэри хуабжьу зэзэуахэщ, сабийхэри, цIыхубзхэри, жьыкIэ-фэкIэхэри къаукIащ. Езыхэри зауэу щIадзэри хьэч зэрыщIащ, псэууэ яIэрыхьэри зэрыпсэууэ щIатIащ.

5.4. ПЕСНЯ О СДАЧЕ ОРУЖИЯ

Петь <эту песню> – поучения из Корана,
Подпевать – подобно пению закира.
Коня мощного, с гривой шелковой
В Крыму за повод водят,

**А сестра твоя, Хазизат-красавица,
Словно молочная лань, за тобой бегает,
Чье тело на небеса унесли, –
<Это> Андеуровых Пшимахо Малый.
Золотистых шелковых своих усов кончики
<Он>, руку подняв, закручивает,
Хана свирепого кобылицу чистокровную
<Он> черным арканом для нас отлавливает.
Когда к нам приходят сборщики оружия,
Поучения из Корана дают нам послушать,
Юноши, которые своих дедов послушались,
В газавате смерть обрели.
Амфоковский конек серый
<Прямо> до <вражеского> знамени, вертясь, доходит,
Английский револьвер свой грозный
В гуще конных он разряжает,
Ар, на удивление вражескому войску
Не в урочное время он битву завязывает.
На солнце, вверх, поглядим –
Ангелы над нами кружатся,
На землю, вниз, поглядим –
Кровь, <поднимаясь>, до бедер достает.
В тот день мы вперед поглядим –
Отцовское наследие <своими руками> кроить нас принуждают,
Назад мы оглянемся –
И жизни больше нам не надо.
Наши девушки златоволосые
С ядрами пушечными играются (т. е. мечутся, спасаясь от ядер),
Детей, которым играться бы надо,
Осколками от снарядов разметало.
В этот день наши жены любимые
Стальными ножницами наши саваны кроят,
Друзья пламенно-рыжеусые**

Грудью в битве пробиваются.
Те, кто в этот день предпочитает погибнуть,
Шагидами перед Богом предстают,
Те, кто в этот день, дрогнув, бежали,
На всю жизнь веру <свою> утратили.

В предании, сопровождающем песню, сообщается, что песня сложена по поводу сражения, которое произошло уже после окончания Русско-Кавказской войны. «Кубанские», т. е. западные адыги, уже покоренные царем, были принуждены сдать все свое оружие, что в те времена считалось большим унижением достоинства. Видя, что иного выхода нет, воины вывели своих детей, стариков и женщин перед царским отрядом, и те были расстреляны в первую очередь. Затем началось жестокое сражение, в котором все участвовавшие адыги были истреблены превосходящим по силе и численности отрядом.

Архив КБИГИ, ф. 12, оп. 1, ед. хр. 17а, пасп. № 27. Исп. Казгирей Пшиншев: 1875 г. р., сел. В. Курп Кабардино-Балкарии; кабардинец. Зап. 08.10. 1956 г. Х. Шогенова. Перевод на русский язык М. А. Табишева.

5.5. ЩХЬЭГУАЩЭ

Щхьэгуащэу Тхьэр зыдэбгэным
Лъы бахъэр къызэрыдох,
Муслъымэну дызэхэзыхым
Гъыбзэ дахэр къытхуагъэфащэ.
Шы-фащэу дыщэ зэрылэр
Уардэ унэу щызэпекIухь,
ЩыхьэкIуаер къыщыдыхьэжым
И щуIэгъэм бжаблэм зредз.
Шыджэринэу лъэгуажьэ фIыцIэм
ЖэщрыкIуэкIэ къытхуегъэпсыгъуэ,
Бетэмырым и пщащэ псыгъуэр
Жорыжь гущэм зытребгъэхщ.
Къанталоуэ сэ си бгъэщIэпхэр
Уэркъ щауэфIым зыщезгъэхынут,
Пшыхь пIалъэм сынимыгъэс.
Къумгуэрэ си хьэзыр тIощIыр
ФочпащIэм щызоунэщI,
Сабий жейуэ къыщIэнагъэхэр
Гын гъуазэкIэ къытхухегъасхьэ
Къарэхъу и къуэкIэ Къарэхъу Ботэ.

5.5. ШХАГУАША

Над Шхагуашей, Богом проклятой,
Пар кровавый густой клубится,
Мусульмане, которые нас слышат,
Плача душевного нас удостаивают.

Конь со сбруей, золотом отделанной,
Словно огромный дом ходит,
Когда горевестник домой возвращается,
Его супруга за дверной косяк хватается.
Коня резвого с черными коленями
В ночных разъездах стать тонким (похудеть) заставляет,
Бетамировской девушкой тонкостанной
Крестопоклоннику завладеть позволяешь...
Суровый мой корсет (букв.: подгрудник)
Я хотела, чтобы достойный уоркский юноша снял,
<Но крестопоклонник> не дал мне сроку до вечера.
Заряженные мои двадцать газырей
В ружье одном я опорожняю...
Детей, которые во сне осиротели,
С пороховым дымом <вместе> сжигает
Кароха сын, Бота Карохов.

Архив КБИГИ, ф. 12, оп. 1, ед. хр. 17а, пасп. № 26. Исп. Шухиб Тхагапсоев: 1860 г. р., сел. В. Куркужин Кабардино-Балкарии; кабардинец. Зап. 17.06. 1957 г. З. Налоева. Перевод на русский язык М. А. Табишева.

5.6. ХЬЭЖРЭТ УЭРЭД

Зауэм хуалъхуауэ шы гъуабжэ кIэхур
Станицэбгъум ныщызогъафэ,
Гъуабжафэу си цей пхъашэжьыр
ГыныпскIэ къысхуагъэуфIыцI.
Къэрымщокъалу си фоч фIыцIэжьыр
ИжькIэрэ уи лIымыгъапцIэт,
ПщIантIэм дыщраубыдэ мыгъуэ[м],
Шахъшыныр езгъэтхъунщIащ.
Хьэжрэтурэ хъунщIэ къэзыщIэхэ,
Фахэуэркъэ, зи уз кIуэдынхэ!
Лабэдэсым фи щIалэгъуалэхэр
Щхьэ чэзукIэ зынывогъэтхырэ,
Сом миныр зи нэчыхь тхыпщIэм,
Ар, сыт напэкIэ фаIуплъэжын?
Лабэжь гущэм фи щIалэгъуалэ<м>,
Ар, хамэхьэм зыкъывогъэшх,
Къэбэрдеймэ фи шыжь гъэшхахэр
ХьэдэIух мыгъуэм нигъэувыIащ.
Къалэжь биймкIэ дызэпроплъри
Топ фIыцIэжь гущэр къызэдагъэпс,
Лъхукъуэщауэу зи псэ зытынухэм
МелэIычхэр я жэнэт пашэщ.
ЛIы и лIэкIэу зызымыгъалIэ,
Джэбын джанэр зыхуэмыфащэ,
Зи лIы фащэр цIыхубзым къыхуэнэжын,

Жэнэт бжэIур зыхуэхьэрэм,
ЩIакIуэ къуапцIэм кIуэцIалъхьэжауэ
Зи фыз и унэм зезыгъэхьыж, –
Мусэжь цIыкIу и къуэкIэ Сырыхущ.

5.6. ХАДЖИРЕТСКАЯ ПЕСНЯ

Рожденную для битв лошадь серую белохвостую
У окраины станицы заставляю плясать,
Серого цвета мою черкеску грубошерстную
Вспышки пороха чернеть заставляют.
Крымшокаловское мое ружье черное грозное
Никогда мужчину не подводило,
Когда нас во дворе окружили,
Довелось мне им сполна орудовать.
Хаджиреты, устроившие <это> нападение,
Мужайтесь же, да сгинут ваши болезни!
Лабы жителей молодое поколение,
Вы строем даете себя переписать,
Той, обручение с которой тысяча рублей,
Ар, с какой совестью вы <потом> в глаза смотреть будете?
Лабы старой ваша молодежь,
Ар, чужой собаке вы позволяете себя искусать,
А кабардинцев ваши лошади откормленные
Утомились, вынося погибших <с поля>.
Во вражескую крепость, за стены, смотрим –
<Там> пушки черные грозные заряжают,
Тфокотлям вольным, готовым жизнь отдать,
Предводительствуют ангелы на их пути в рай.
Тот, кто мужчины достойную смерть не может принять,
Кто не достоин одеяния в саван,
Чью одежду мужскую достойно оставить женщинам,
Кто порога рая недостоен,
Кого в черную бурку завернутым
В дом своей жены доставляют, –
<Это> Мусы неприглядного сын Сырух.

Архив КБИГИ, ф. 12, оп. 1, ед. хр. 17а, пасп. № 9. Исп. Нух Орзалиев: 1896 г. р., аул Адыге-Хабль Карачаево-Черкесии; зеленчукский кабардинец. Зап. 27.09. 1958 г. Х. Шогенова. Перевод на русский язык А. М. Гутова и Л. А. Гутовой.

5.7. ЖАН И ГЪЫБЗЭ

Жан мыгъуэм хьэкъугъыр къреш,
Шэ пIэнкIри къыщелъэлъэхым,
Жан и нэпситIыр къыфIолъэлъэх.
Джаурыдзэр гум къыщилъэлъым,
Жан гущэр къызэфIомахэ,
ХэщIапIэм хэта и дэлъхур
ФочпэбжкIэрэ кърахулIэжыр,
ЛIы щауэм и псэуныгъэр
А щIыпIэм щрагъэух.
Сэ си дэлъхуу данагъуэ пащIэ,
УмыпIащIэуэ зыпшыIэфатэмэ,
Уи псэ тIэкIур IэщIэкIыфынт.
Уи пыIэщхъуэр дыгъэм полынд,
Къантэлэууэ уи ержыбыжьыр
Къэззэуатым кIэлъызэрахьэт,
Зэман кIыхькIэ къыщIепхьэкIар
Нобэ махуэм къебгъэлэжьащ.
Дэ лэжьэшхуэу нобэ тлъэгъуахэр
Ди бын къэхъухэм щаремыгъупщэ.
Къулътынуэрэ куэншыбэ дахэр
ФочыпэкIэ зыщыдагъэхыр,
Гу зыхуэтщIауэ уэркъ щауэ щIалэхэм
Зыщедгъэхыным дыхунагъэскъым,
Сыт мыгъуэр дэ ди махуэж!
Щхьэгъусэу псэм емыблэжым
Хьэзырыбгъэу зэIулъ пщыкIухыр
Уэрамыпэм щатыреухэр.

**Инжыдж псыхъуэу Тхьэр зыдэбгэным
Лъы бахъаер щызэрызохьэр,
Муслъымэныр дызэрызехьэуэ
Джаурыдзэм хьэлэч дыкъащI.
ЩIыгу гущэуэ дызыщалъхугъэр
ЛъыпсаекIэ къытхураIащ,
МыдэкIэрэ дэ ди гум къеIари
Сабий гъащIэу дэ тIэщIаударщ.
Удын бзаджэу дэ къытлъысахэм
Гуауэ гъыбзэр дэ дагъэусыр.
Къэралышхуэм и дзэ пакIэшхуэр
Нэхущ мыгъуэм дэ къытщIотаджэ,
Сабий цIыкIуу къэмытэджахэр
ФочпэбжкIэрэ нызэбгырадзыр,
КъуэкIий нэфым ныдадзэжахэр
Анэ мыгъуэм зэщIащыпэж,
Анэ бгъафэм къыщIаудахэр
Сыт емынэм ящигъэгъупщэн?!**

5.7. ПЛАЧ ЖАН

**Жан, о горе, громко рыдает [букв.: волчицей воет],
Когда пули щелкающие сыплются,
Сыплются слезы у Жан.
<Когда> гяуры из телеги <горохом> посыпались,
Жан, гуша, рассудок теряет,
В бегах находившегося ее брата
Штыками назад пригоняют,
Мужчины храброго жизнь
На этом месте прерывают.
Брат ты мой шелковозолотоусый,
<Если бы> не спешил, потерпел бы,
Твоя душа могла бы спастись.
Твоя шапка серая на солнце сияет,
Твое ружье эржибовское кантолоовское
Для газавата было ношено,
Долгое время, что ты его носил,
Сегодня ты заставил отработать.**

То горе большое, что мы сегодня увидели,
Наши дети подрастающие пусть не забудут.
Из культына корсет нарядный
Штыком нас заставляют снимать,
Чтобы возлюбленные наши уоркские юноши
Их сняли с нас, дожить нам не дали,
Что, о горе, в жизни остается!
Супруг отважный
Шестнадцать газырей заряженных, что на груди черкески,
У начала улицы [т. е., на подступах к селу] <на врагов> опорожняет.
Над Инжидж-рекой[1], Богом проклятой,
Кровавый пар носится,
Мусульман, <врасплох застигнутых> мечущихся,
Гяурское войско истребляет.
Землю, гуша, для нас родную,
Кровью обильной поливают,
По ком сердца наши кровью обливаются, –
Это детские жизни отнятые.
Потрясения суровые, что нам достались,
Скорбную песню из нас исторгают,
Огромного государства войско большое
С утренней зарей перед нами встает.
Детей маленьких, что еще не встали,
Штыками разбрасывают.
В глубокий овраг сброшенных <детей>
Матери несчастные собирают.
Тех, кто от материнской груди отняли,
Какое горе их [матерей] заставит забыть.

[1] *Инжидж-река* – гидроним, река Большой Зеленчук.

КБИГИ, ф. 12, оп. 1, ед. хр. 17, пасп. № 14. Исп. Мухамет Таашев: 1888 г. р., аул Али-Бердуковский Карачаево-Черкесии; зеленчукский кабардинец. Зап. 24.09. 1958 г. Х. Шогенова. Перевод на русский язык М. А. Табишева.

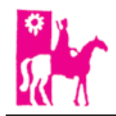
5.8. ГУЭЩХУЖЬ И ГЪЫБЗЭ

Сигу пымыкIыурэ си фащэ дахэр
Джаурыжьхэм зыIэрагъыхьэ,
Си дэлъхуфIу Пилъостэнышхуэр
Сэлэтыдзэм щаIэрыхьари
Си псэхэхти, си нэр ункIыфIщ.
Лабэ къуакIэм акъужь къыщопщэ,
Дэ мы жьышхуэр къыщытщIэпщам
Ди унагъуэ мыгъуэр ирилъэсыкIщ.
ЛIы пхъашэу си адэ Ботэр
ПщIантIэкум щрагъэбэт,
Бэтауэ си анэжь тхьэмыщкIэр
ФочыпэкIэ нысхузэхуашэ.
Ди пщIантIэ шэ уэфыр къыщыдэлъалъэм,
Си гущIэм зыкъигъэзащ,
Дзэ гупым ныщагъэзэжым,
Щакъмэныр надокIуэтэж,
Ажалыр Тхьэм зритыныр
Шэ пIэнкIым дауэ къелат?
Лалыхуу си шыпхъу нэхъыжьыр
ФочпэбжкIэ драIэтей,
Дзэм ныпыр щаIэтыжам,
Даущыншэу къуажэр къэнат,
Къуажэм хьэдэу къытхуагъэнахэр
Сыт мыгъуэм тщигъэгъупщэн?
Пщыяеуэ дзэпашэ гукъэр
Дзэ накъырэм ныжьэхолъадэ,
Накъырэжьыр дзэ Iушыж макъщи,

**ЩIыпIэ псомкIи къыщыздогуоу.
Гуу макъыу къуажэм дэIукIыр
Хьэдагъэ гыбзэщи гущIэр дохъей,
Дзэр щыхъейм къыкъуэкIыжар
Сыт напэкIэ фыкъытхыхьэну?
Гуп гущэр ныщызэхыхьэкIэ,
Пилъостэнышхуэр яхэмытыж,
Псэ закъуэти, хэкIуэдэжащ.**

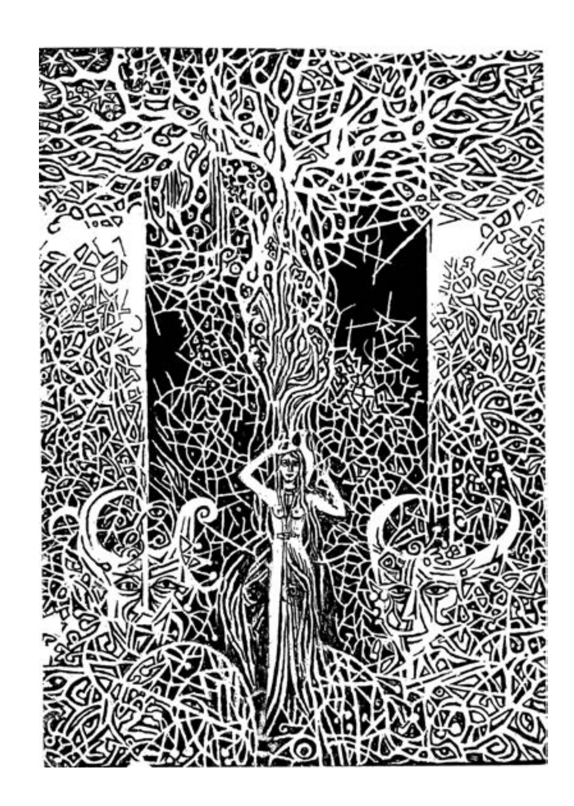
5.8. ПЛАЧ ГУАШХУЖ

**Сердцем любимый наряд мой красивый
Проклятые гяуры захватывают,
Мой любимый брат Большой Питлостан
К солдатам, когда попал,
Это <стало> моей смертью, и в глазах померкло.
В долине Лабы утренний ветерок веет,
Когда ветер большой на нас повеял,
Он нашу семью <всю>, о горе, унес.
Сурового мужчину, моего отца Бота,
Во дворе <родном> подкашивают,
С подкосившимися ногами мою мать бедную
Под угрозой штыков <заставляют> съежиться.
Когда пули в наш двор градом сыпались,
Сердце мое в груди перевернулось,
Воинский отряд, <когда> поворачивает,
Шакман с ним вместе уходит.
Смертью <кого> Бог да наградит
Как он пуль <густо> летящих избежал?
Лалюх – мою старшую сестру
На штыки поднимают,
Войсковое знамя, <когда> поднимали,
<К этому времени> безмолвным селение осталось,
Трупы, что нам оставили,
Кто нас заставит забыть?
Самонадеянный предводитель войска, князь упитанный,
К войсковому горнисту подбегает,
Злосчастного горна звук, что вещает об уходе войска,**



Со всех сторон призывно доносится.
Вой, что из аула доносится,
<Это> проклятья оплакивающих, разрывающие сердце,
Возвратившиеся, <когда> войско <уже> ушло,
С какой совестью к нам вернетесь?
Люди, гуша, когда собираются
Большого Питлостана с ними уж нет,
Единственной душой <он> обладал и ее пожертвовал.

Архив КБИГИ, ф. 12, оп. 1, ед. хр. 17, пасп. № 7. Исп. Мухамет Таашев: 1888 г. р., аул Али-Бердуковский Карачаево-Черкесии; зеленчукский кабардинец. Зап. 24.09. 1958 г. Х. Шогенова. Перевод на русский язык М. А. Табишева.



5.9. ГУМЛЭУ КЪУАЖЭМ И УЭРЭД

**Гумлэу къуажэм дзэшхуэм къыщракъулIэ гущэм
Къэзэуат гущэкIэ дызоупщIыж,
Къэзэуат гущэм тхэщтыжа лIыжьхэр
Мэз гъэкIыгъэм къыздыхэуплъ,
Жыхьэрмэ гуащIэр зыхуагъэплъынур
Мамыщ и къуэкIэ Едыдж джаурщ.
Гумыжь гущэр андезыпскIэ къыщы<т>паубыдкIэ,
МелэIич гущэр къыткIэлъохъуахъуэ,
Хьур хъыджэбз дахэ гущэхэр къыткIэлъыухъуапсэ,
Жэнэт псынэ гущэр къытхудрашей,
Зи хьэдэр хьэм яшхыжыныр
Мамыщ и къуэкIэ Едыдж бзаджэщ.
Си адэ гущэкIэ Мыхьэмэтышхуэм
И лэжьыгъэбэ гущэр
Кърымыдзэм къызыдагуэш,
ЧэрэчэкIэ ягуэшыжыныр
Мамыщ и къуэкIэ Едыджыжьырщ.
ЩыхьэкIуей гущэр къыщыдыхьэжкIэ,
И щуIэгъэ гущэм бжаблэм зредз,
УедэIуэн гущэкIэ КъурIэным и уазщ,
Уежьуун гущэкIэ зэчырым хуэдэщ.**

5.9. ПЕСНЯ-ПЛАЧ ГУМЛООВЦЕВ

**Когда войско большое к селению Гумлоу подходит, гуша,
На газават, гуша, мы поднимаемся,
Газавата, гуша, испугавшиеся старики
Из лесных зарослей выглядывают,**

Адский огонь кому готовят, –
<Это> Мамыша сын Едыдж неверный.
У Гума могучего, гуша, омовение <делать>
когда нам запрещают,
Ангелы, гуша, за нас хох говорят,
Гурии-красавицы, гуша, о нас мечтают,
Райские источники, гуша, нам готовят,
Чье тело да собаки съедят, –
<Это> Мамыша сын Едыдж коварный.
Моего отца, гуша, Мыхамата Большого
Добро огромное, потом добытое, гуша,
Крымское войско делит на части,
Словно выморочное имущество <пусть> разделят
Мамыша сына Едыджа проклятого.
Горевестник, гуша, когда возвращается,
Его супруга, гуша, к дверному проему бросается,
Ее слушать, гуша, – словно наставления Корана читать,
Ей подпевать, гуша, – словно закир[1] петь.

[1] *Закир* – религиозное мусульманское песнопение; мусульманская песня.

Архив КБИГИ, ф. 12, оп. 1, ед. хр. 17, пасп. № 8. Исп. Хасанш Темроков: 1889 г. р., сел. Н. Курп Кабардино-Балкарии; кабардинец. Зап. 03.06. 1958 г. М. Керимова. Перевод на русский язык М. А. Табишева.

5.10. ХЬЭЖРЭТ УЭРЭДЫЖЬ

ІэпщэхэфишуужьымФоч сампІалыр тхузэрегъэкІу,

Іэпщэхэ фи шуужьым
Фоч сампІалыр тхузэрегъэкІу,
АфэщІагъуэхэ фи Мэтыжьыр
ИгъащІэм зэрыпщыгъусэ,
Зи гъусэр къэзыгъанэр
Фыз башым иреукІыж.
Хьэжрэтым фи щІалэгъуалэр
Мэлыхъуэхьэу фыкъызэрош,
МыдэкІэ фи пщыжь гъэшхахэр
Іуащхьэ къуагъым фыкъыкъуэмыкІ.
ЩІалэгъуалэу къаукІым
Дыуэ тращІэри щІалъхьэж,
Дыхьэрэным Іуащхьэр неубэ,
Шыбэ кІэхухэм пхъащхьэр пауд,
Пщы удын зытелъыр
ТІуащІэ дэсым ди щІалэгъуалэщ,
Джатэ удыным ихьар
А махуэм щэиту къабзэщ.
Гузэвэгъуэр дэ къыщытлъысым,
Зэпрадзыжу гъыбзэр къаус,
Сытхэри ди лажьэу
А махуэм дыхэкІуэда?
Махуаеми дызылъэгъуами,
Ди кІуэдыкІэр щыремыгъупщэ.

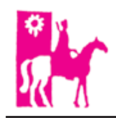
5.10. ПЕСНЯ-ПЛАЧ ХАДЖИРЕТОВ

**Апшевых ваш всадник лихой
Ружье самопальное заряжает,
Афашаговых ваш Мет Большой
Всю жизнь верный княжеский спутник,
Своего спутника кто оставляет,
Пусть женским посохом будет бит.
Хаджиретовская ваша молодежь <там>
Словно псы пастушьи грызутся,
А ваши князья упитанные,
Из-за кургана вы не выходите.
Над юношами, которые гибнут,
Молитву произносят, <затем> хоронят,
<А>, сафьяновые сапоги [т. е. взрослые знатные наездники], <не ввязываясь в бой>, курган утоптали,
Табун белохвостых лошадей по лесу носится,
Побоями <из-за трусости> князей кто помечен, –
<Это> в междуречье живущая молодежь,
От меча погибшие
В тот день шагидами настоящими <стали>.
Горе <это> когда до нас доходит,
Наперебой гыбзы слагаются,
В чем наша вина,
Что в тот день мы погибли?
В тот черный день <нас> увидевшие,
Пусть не забудут, как мы погибали.**

Архив КБИГИ, ф. 12, оп. 1, ед. хр. 21о, пасп. № 17/2. Исп. Таркан Кемов: 1891 г. р., аул Хабез Карачаево-Черкесии; зеленчукский кабардинец. Зап. 13.09. 1958 г. А. Шакова. Перевод на русский язык М. А. Табишева.

5.11. УЭРЭДЫЖЬ

Къэзакъыу мыбы къэсахэр
Шу минкIэрэ къалэу зэхэтщ,
Къэплъэныкъуэр зыхэт дзэшхуэм
Топу ягъауэр гуихщ.
Си нэр зэтесхмэ,
Сэшхуэ къихахэр сщхьэщытщ,
ИпщэкIэ соплъэри,
Лъы фIыцIэ жагъуэр къожэх,
Зэрогъэлъэхъури мэкIуэж.
МыдэкIэ щхьэдэхыпIэм
НызэщIэпыджэм къыщIадзэ,
Мамкъут и къуэу ди Заурбэчым
Лъэгуажьэр кърегъэкъутэ,
Дунеижьым и къутэжыгъуэм
Заурбэчри уепсыхыжащ.
Аржыным бэтэгъэжь лъагэм
Лъы тхъурымбэр пощткIэ зэрашэ,
Къэнэмэтыр хэкум щрашым,
А махуэр хьэдагъэ тIуащIэт.
Пщы хьэдэм и къэшэжыкIэр
Гуащэнагъуэм фIэмыгунэс,
Гуащэнащхъуэр зи жьантIэ дэсым
И дыщэ пыIэр щхьэрыгъщ,
А махуэм ди дыщэ быным
Хьэкъугъ и макъыр ираш,
Къэзакъыдзэр къытхуэзышам
Алыхьым къыхуимыгъэгъу!



5.11. ПЕСНЯ-ПЛАЧ

Казаки, которые сюда добрались,
На конях тысячами выстроились как стена,
Большое войско, где находился Каплануко,
Из пушек <грозных> стреляет.
Глаза открою –
Сабли обнаженные надо мной возделись,
Вверх посмотрю –
Черная кровь ручьем струится,
<Всадники> уезжают крупной рысью.
Здесь же на перевале
Рубку жестокую начинают,
Мамкутову сыну нашему Заурбечу
<В этой рубке> бедро раздробляют,
В день, когда мир рушится,
Заурбеч, ты спешился.
На Ажине каланче
Кровь пенистая стекает.
Канамета когда увозили из края родного
Этот день стал двойным горем.
Князя тело как привезли
Для Гуашанаго не по сердцу было,
Гуашанашхо у кого на почетном месте находится,
Того золотая шапочка на ней сидит.
В тот день наши золотые дети
Волчьим воем рыдают,
Казачье войско кто к нам привел,
Аллах пусть того не простит!

Архив КБИГИ, ф. 12, оп. 1, ед. хр. 21о, пасп. № 17/1. Исп. Таркан Кемов: 1891 г. р., аул Хабез Карачаево-Черкесии; зеленчукский кабардинец. Зап. 13.09. 1958 г. А. Шакова. Перевод на русский язык М. А. Табишева.

5.12. ЛАБЭЖЬЫМ И ГЪЫБЗЭ

Лабэжьым уэздыгъей мэзым
Ермэлофыр укъыщIотIысхьэ,
Щхьэнтэ тIуащIэм тесыгъа гуащэхэм
Дакъэжь тIысыпIэр ямыгъуэтыж.
Лабэжьым дыщыдэсагъэм
Жэхафэр ди шэджэгъуакIуэт,
Ермэлофым дыкъыщыдишым
Мыжьыкъышым дыдегъэлъэхъу.
Ермэлофым и топ щхъуантIэжьым
Ахъмэтыбгыр къытхуегъэпсалъэ,
Мы тетыжьыр къыщыдэпсалъэм
Тэрмэшым дыхуогумэщI.
Къэтейуэ си Мысостышхуэр
А махуэм зэрыдэмыс,
ЩIалэгъуалэу дэсыгъэ тIэкIурикI
Куэбжэшхуэм зэхопсыхэж.
Амджыщхъуэу си щхьэгъумжэшхуэм
Сэрмахуэ сызэпхыроплъ...
. . . .
. . . .
Пщыхьэщхьэпэм ди пIэ щIыжахэм
ФочыпэкIэ дыщагъэтэдж,
Дыхьэрэну сэ си куэншыбэр
ДжатэпэкIэ зыщызагъэх.
Уэ уи адэу Щоджэн Шумахуэр
А махуэм шыщхьэмыгъазэщ,
Фоч пэбжкIэ хагъэзыхьар

Щоджэнхэ Гуащэхъурейщ.
Жырыщхъуэу си мастэ кIэщIыр
IэщIтелъым къыщытокъутэ,
Дунеижьыр зытекъутэжар
Къалмырзыкъуэу Темырлъостэнщ.
Тутыкъухэ Бэракъей цIыкIур
ЛIы хъункIэ дыщымыгугът,
Къалэжьу дызщыгугъахэр
АндырыгукIэ кIэрыхьэжащ.
Биидзэм я шэ фIыцIэжьхэр
ЩIакIуэ фIыцIэм тыдогъэлъалъэ,
Нэпс жагъуэр къедгъэлъэлъэхыу
Мэхуаем дызэбграш.
Безырокъуэм шы къарэ цIыкIур
Гу турым щагъэлъэразэ,
ФочыпэкIэ хагъэзыхьар
Щоджэнхэ Гуащэхъурейщ.
Биидзэм я фоч фIыцIэжьхэр
Пщэдджыжьым къыттракъутэ,
Сабийуэ жылэм дэсахэр
Лабэжьым хыдокIутэж.
Лабэжьу мы псыхъуэ ехыр
Сабий хьэдэм къытхудехух,
Лабэдэсым дэ ди нэхейр
Щогъурыжьым кIэщIкIэ иреуэ.
Лабэжьу мы псыхъуэ ехым
Лъы бахъэр къызэрыдох,
Лабэжьым сыщыреплъыхкIэ
Сабий хьэдэр и псыхьэлъахуэщ.
Мамжьеижьу дыщэр зи гъуазэмрэ
Си быным я нэхъ кIасэмрэ,
Алыхь талэм и Iэнэмэтщ жызоIэри,
Лабэжьым хэзгъэфэхъуэжщ.
КъуажэкIэм банэпцIэ чоур
ШыбгъэкIэ къызэдакъутэ,
Мы махуэр дуней къутэж мыгъуэт –
НыбжьыщIэр щызэбграш,
НэчыхькIэ дыкъэзыша мыгъуэхэр

Махуэ Іейм къытщхьэмыпэж.
Дохъушокъуэм Кърымджэриижьыр
ИгъащІэм шагъырыбафэт,
Щогъурыкъуэу кхъуэ джафэжьитІым
Лабэдэсыр датекІуэдащ.

5.12. ПЕСНЯ-ПЛАЧ ЛАБЫ МОГУЧЕЙ

В Лабинском сосновом лесу
Ермолов <ты> усаживаешься [располагаешься],
На подушках двойных сидевшие княгини
И пня старого для сидения не находят.
У Лабы могучей, когда мы жили,
До порога наш путь в полдня был,
Ермолов, когда нас вывез <из аула>,
С мужицким мерином наперегонки он нас гоняет.
<На звуки> ермоловских пушек голубых проклятых
Ахмет-гора <эхом> разговаривает.
Когда правитель ненавистный с нами разговаривает,
К переводчику мы обращаемся.
Катеевых моего Мисоста Большого
Как жалко, что нет дома,
И молодежь небольшая, что дома была,
У ворот больших <навеки> спешивается.
Через стекло голубое моего большого окна,
Сармахо, смотрю...
. . . .
. . . .
Из наших кроватей, застеленных вечером,
Штыком нас <заставляют> вставать,
Алый мой корсет
Концом меча заставляют меня снять.
Твой отец Шогеновых Шумахо
В этот день храбро <сражается>,
Штыком кого гоняли, –
<Это> Шогеновых Гуашахурей.
Стальная каленая моя иголка короткая

<При изготовлении> натыльника ломается,
<Этот> мир бренный на кого обрушился, –
<Это> Калмырзоков Темиртлостан.
На Тутукова Баракея Малого
Как на мужчину надежного мы не рассчитывали,
А как на крепость на кого мы надеялись
Через Андруг ушел.
Вражеского войска пули черные проклятые
На бурку черную нашу льются,
Слезами горестными обливающихся <женщин>,
Нас в черный день развозят.
Безроковского коня черного маленького
У метки <заставляет> кружиться,
Штыком кого гоняли, –
<Это> Шогеновых Гуашахурей.
Вражеского войска ружья черные
Под утро на нас опорожняют,
Детей, что в ауле жили,
В Лабу грозную мы бросаем.
Лаба могучая, что в пойме течет,
Детскими трупами запруживается, и из поймы выходит.
Лабинцев наше проклятие
На Шогурова проклятого <пусть> немедленно падет.
Над Лабой могучей, что в пойме течет,
Кровавый пар поднимается,
По руслу Лабы могучей, когда вниз посмотрю, –
Детские трупы в потоке уносит.
Мамжеевское <ружье> с золотой мушкой и
Из моих детей <самого> младшего
Аллаху Всевышнему вручаю, сказав,
В Лабу бурную <я их> опускаю.
В нижнем конце села плетеную ограду колючую
Напором лошадей разрушают,
Этот день подобен света крушению:
<Наших> юных < и невинных> увозят,
А те, с кем законно мы сочетались,
В черный день за нас не в силах заступиться.

Докшоковых Крымджерий проклятый
Всю жизнь охоч до вина,
<По вине> Шогуровых, двух свиней подлинных,
У Лабы живущие <невинные люди> погибли.

Архив КБИГИ, ф. 12, оп. 1, ед. хр. 17е, пасп. № 15. Хабез КЧР. Исп. Мурзабек Ордоков: 1884 г. р., аул Хабез Карачаево-Черкесии; зеленчукский кабардинец. Зап. 20.03.1960 г. А. Гукемуха. Перевод на русский язык М. А. Табишева.

5.13. БАБЫГУХЭ Я УЭРЭД

**Дэ Лабэжьым дыкъыщыдэсым,
МатIушкIэжьхэр ди саугъэтт,
Алмэжьым дыщыхуэкIуэжым,
Къэзакъ сотнэм дыныдагъакIуэ,
Пхъэрышхуэр къыщыткIэлъыкIуэм,
Алащэр къыдогъэлъэхъу.
Хъужьыщэу си мастэ кIэщIыр
ЗекIуэ щIалэм къахузогъадэ,
СхуэдэнкIэ зэзмыпэсыххэм
Си пащхьэм зыкъыщегъалIэ.
Си лIынкIэ сызэгуэкIуам
Си нэ къуагъкIэ зыкъысщегъэпщкIу,
Зи хьэдэ схуэмыгъэпщкIужыр
Вындыжьым и къуэкIэу Бэчмырзэ щIалэщ.
Вынд къабзийуэ си нэжьгъуцитIыр
МатIушкIэжьхэм къысхузэрадзэ,
Топ кIуэцIым зафIиддзэжынути,
Ажэгъур ди зэдэдибащэщ.
Чэщейуэрэ си пхъэ вакъитIым
Жыхафэм сринэмыс,
Сырымэу си дыжьыныбгъэр
Фоч дакъэкIэ зэрагъэлъэлъ.
Тажу си дыщэ пыIэр
Пщэдыкъыщхьэм къытракъутэ,
Къутыну сэ си гъуэншэджыр
Шырыкъу лъапэкIэ къысхузэфIатхъ,
Уэркъ щIалэхэм захуэчэстхъэнути,
Жьэпкъ мэзыжьым зэдыщIохьэж.**

5.13. ПЕСНЯ БАБУГОВЫХ

**Когда мы на Лабе славной жили,
Мату́шки[1] презренные были нашими подарками,
Когда в Альмовский <аул> переселились,
Казачьей сотни наложницами быть нас заставляют,
Большая погоня когда за нами была,
Мерина заставляем крупной рысью идти,
Моя игла короткая
Шитьем для наездников-юношей занята.
Тот, кого считала недостойным себя,
На виду у меня на смерть идет.
Быть моим мужем кого я пожелала,
Тот от глаз моих прячется.
Чей труп я не могу упрятать, –
<Это> Виндыжав сын Бекмурза молодой.
Как перья грача <черные> мои волосы на висках
Мату́шки презренные завязывают узлом,
В жерло пушки мы хотели броситься,
<Но в тот день> препятствующих нам <людей> много.
На самшитовых моих котурнах,
До середины комнаты дойти не успеваю, <как>
Серебряный мой нагрудник
Ударом приклада расстегивают.
Шлему подобную золотую шапочку
На затылке разбивают [сминают],
Шелковые мои шаровары
Носками сапог разрывают,
Для уоркских юношей я разорвалась бы,
<Но они> в предгорный лес убегают.**

[1] *Мату́шки* – общее название русских женщин, иногда с негативным оттенком.

Архив КБИГИ, ф. 12, оп. 1, ед. хр. 17и, пасп. № 1. Исп. Казгирей Пшиншев: 1875 г. р., сел. В. Курп Кабардино-Балкарии; кабардинец. Зап. 08.10. 1956 г. Х. Шогенова. Перевод на русский язык М. А. Табишева.

5.14. ВЫНДЫЖЬ БЭЧМЫРЗЭРЭ ВЫТХЬЭКIУМЭ КЪАНИБОЛЭТРЭ Я УЭРЭД

ЖыпIэнкIэрэ КъурIэным и уазщ,
УежьуункIэрэ зэчырым хуэдэт,
Шэджэрокъуэти, Шэджэрокъуатхъуэщ.
Тхъуэжьеижь гущэр лъэгуажьэ фIыцIэщ,
Фоч фIыцIэжь гущэр къаниталоущ,
Лоу гъуабжэжьхэр нэзкIэпэщIэплъщ,
Зи щуIэгъэм хуемыплъэкIыжыр
ВытхьэкIумэм и къуэкIэ Къаниболэтщ.
Сэ си лIынгуэрэ сызэхъуэпсам,
Банэ къуагъым зыкъыщегъэпщкIу,
Сэ си лIынуэрэ сымыдагъэххэм,
Мы си пащхьэм зыкъыщегъалIэ,
Сэ зи лIахэр схуэмыгъэпщкIужыр
Выдыжьым и къуэкIэрэ Бэчмырзэу щIалэщ.
Вынд къабзийуэрэ си нэжьгъуцитIыр
МатIушкIэжь мыгъуэм къысхузэрадзэ,
Мы топ гъуанэм зафIиздзэжынущ жысIэри
Iэжьэгъу гущэм сынаугъэскъым.
Уэ-э-э жыпIэнкIэрэ, ра-и-йай, КъурIэным и уаз гущэт,
УежьуункIэрэ, ра ялыхь, зэчырым хуэдэт.

5.14. ПЕСНЯ ВИНДИЖА БЕКМУРЗЫ И ВИТХАКУМА КАНИБУЛАТА

Петь ее – словно наставления из Корана,
Ей подпевать – словно закир,

Шеджероко, Шеджероко седой,
Чалый, гуша, с коленями черными,
Черное ружье, гуша, – грозное,
Лоовские серые могучие <лошади> из-под челки выглядывают.
На супругу свою не оглядывающийся, –
<Это> Витхакумов сын Канибулат.
Тот, кого я желала <иметь> своим мужем
За колючими <кустарниками> прячется,
Моим мужем быть кого я считала недостойным
На виду у меня на смерть идет.
Чей труп я не могу спрятать, –
<Это> Виндижа сын Бекмурза молодой.
Как перья грача <черные> мои волосы на висках
Матушки <казачьи> завязывают узлом,
В жерло этой пушки я хотела броситься,
Но до него, гуша, не дают мне дойти.
Уа-а-а, петь ее, рай-й-йай, словно наставления из Корана, гуша,
Ей подпевать, ра-аллах, словно закир.

Архив КБИГИ, ф. 12, оп. 1, ед. хр. 17и, пасп. № 2. Исп. Паша Жигунов: 1893 г. р., сел. Плановское Кабардино-Балкарии; кабардинец. Зап. 09.12. 1968 г. А. Гукемуха. Перевод на русский язык М. А. Табишева.

5.15. ХЬЭЖРЭТ УЭРЭД

**Iуэхушхуэр тхузэпызыч,
Фоч гъэуэныр зыгъэтэрэз,
И ныбжьыр нартыжь зауэкIэт,
КъаукIри дыкъагъэунэхъущ,
Езы гущэр хэтхэ ящыщ? –
Тхьэджащэм и къуэкIэ ди Бэтрэз<щ>,
Джатэ Iэпщэр дыщэпскIэ евгъалэ!
Шы кхъаблэкIэ зрегъэхьыж,
Езы гущэр хэтхэ ящыщ? –
Уэлбэчым и къуэкIэ Бэчмырзэ цIыкIущ.
Зи анэжьыр зытепыхьэн,
Зи шыпхъуитIыр зытекъугъэн,
Къэгъази зы шэр къахэдзэ,
Зедзыхи къуэш хьэдэр хьыж,
ХьэтIохъущокъуэу щауэ хужь фагъуэ!
Уопсыхри Iэнэр уохъуэнщI,
Уошэсри шыбгыр уоухуэ,
Зоухуэри хуейм ущIохьэж,
Хьэпщтым къизыгъэ.
Брулыжьыр бэрэжьеифэ,
Зи фэри бдзапцIэшэ Iунэ,
Тхьэм и унэри зи нэрылъагъу,
Жэнэт лъапIэм щалъэгъужын!
Хьэжрэтым ди щIалэгъуалэм
Хьэ хабзэти зыкърагъэшх,
Къэбэрдейм фи пщыжь гъэшхахэр
Iуащхьэ къуагъым къызэдыкъоплъ,**

Си ныбжькIэ сызыхукъуэплъыр
Жьуджалэ къуагъым къыкъоплъ,
Си ныбжькIэ фэ зэзмыплъам,
Си пащхьэм зыкъыщегъалIэ,
БдзапцIэшэм ар хуэмыгъалIэу
ШыплIэкIэ саныхехьэж,
Хьэжрэтыр дызэтокIуадэ!

5.15. ПЕСНЯ-ПЛАЧ ХАДЖИРЕТОВ

Дела большие <для нас> совершающего,
Ружьем умело владеющего,
Всю жизнь как нарт воюющего,
Погубили нам на беду,
Он сам, гуша, чей родом? –
<Это> Тхаджаши сын наш Батраз,
Рукоять меча позолотой велите покрыть!
На конных носилках его уносят,
Он сам, гуша, чей родом? –
<Это> Ульбека сын Бекмурза малый.
Да оплачет тебя твоя мать старая,
Да взвоют над тобой обе твои сестры,
Развернись и одну пулю <во врагов из ружья извергни>,
Нагнись и тело брата забери,
Хатакшоковский наездник белый, бледный!
Спешиваешься – и опустошаешь стол,
Верхом садишься – и спину коня сгибаешь,
Согнувшись, в лес убегаешь,
Из собачьей утробы рожденный!
<Его> чалый могучий – цвета бузины,
Его кольчуга свинцовыми пулями усеяна,
Божье пристанище воочию увидел,
В раю священном его да увидят!
Хаджиретовская наша молодежь
Словно <благородные> волки, <не отступая>,
идут на гибель,
Кабарды ваши князья откормленные
Из-за холма дружно выглядывают,

Всю жизнь на кого я украдкой поглядывала
Из-за бурьяна выглядывает,
Никогда кого не уважала,
На виду у меня жизнь отдает,
Пуле свинцовой жизнь не отдав,
На холке лошади меня он забирает,
Хаджиреты мы, погибаем!

Архив КБИГИ, ф. 12, оп. 1, ед. хр.17а, пасп. № 17. Исп. Мол Амшоков: 1876 г. р., сел. Вольный Аул Кабардино-Балкарии; кабардинец. Зап. 01.02. 1957 г. Х. Шогенова. Перевод на русский язык М. А. Табишева.

5.16. ХЬЭЖРЭТ ГЪЫБЗЭ

Хьэжрэт гущэм я гъыбзэр
ЗыщIэ щауэм къызызогъыIэ,
А гъыбзэ гущэр къыщыжаIэкIэ,
ЩIалэгъуалэ щысхэр фежьу,
Емыжьууфхэм фи сэмэркъэоухэр щывгъэт.
Жэнэтым хуе[й]уэ,
Былым хуэме[й] щауэр фышэс,
Шу гущэу шэсахэм
ХьэпцIэ и къуэм я хьэ къарэшхуэр ди гъуазэщ,
КъыщыдгъэзэжкIэ, Хьэжыбрамышхуэр ди къалэщ.
ПIуашэ гущэу мы лIыжь тхъагъэр
Дэмысауэ къэсыжащ,
ПIуашэм и ныситI гущэр мы пщIантIэ кIуэцIым дэст.
Еуэуей, «ди пщыжь дыщэ» жаIэри
Хьэжрэт щIалэгъуалэхэр ежащ,
Хьэжрэт щауэхэм топ уэ макъри къагъэIу.
Адэ гущэ си нысэ нагъуэ,
УкIуэрэ си шыр къапшэрэ,
Си уанэр теплъхьэрэ,
Си уанэ къуапэр уубыдрэ сытебгъэтIысхьэтэм,
Хъыбар дахэр къэсхьыжынт.
ПIуашэ гущэм и нысэ нэхъыжьым
Унафэ хуищIар игъэзэщIащ,
ПIуашэ гущэм и нысэ нэхъыщIэм
Дыжьын нэрыплъэр къихьри пщIыхилъхьащ.
ПIуашэу мы лIыжь тхъар
Мы Iуащхьэ лъагэм дэкIуе[й]ри,

Нэрыплъэр къищтэри мы лIыжь тхъагъэм зиплъыхьащ,
Нэрыплъэм фIыцIагъэ мащIэр къридзащ,
ПIуашэу мы лIыжь тхъагъэр
Къэшэсыжри фIыцIагъэм къахыхьащ.
Джаурым я хьэдэ гущэри
Мэш бжьэпэ<I> увщи зэбгъурылъщ,
Муслъымэну яхэлъыр пщэдджыжь дыгъэу
къахэпшэплъщ,
КъахэпшэплъыкIыр Хьэжыбрамым и хьэдэрщ.
Еууей мыгъуэ, си щIалэ дыщэ,
Хъуагъэщагъэу щыIэр къуалэжьщ,
ПIуашэу Хьэжыбрамышхуэр
УкIыгъэ хъуащи къахьыж,
Хьэжыбрам укIыгъэр ди унэ цIыкIум ефшалIэ.
ПIуашэу ХьэгъукIэр уIэгъэ бзаджэу къахьыж,
ХьэгъукIэр уIэгъэмэ, ди хьэщIэщышхуэм ефшалIэ,
ПIуашэу Шыгъушэр уIэгъэ хъуауэ къахьыж,
Шыгъушэр уIэгъэмэ, хьэщIэщжье[й]м ефшалIэ.
Айщым и нэмыщI къащымыщIамэ,
Сыхьэт махуэ сежьащ,
Ар гущэр ди лIэужь хабзэщ жиIащ,
ЗыфIимыгъэщI гущэу шэсыжащ,
Нэмысыжу игу къекIуэри
ЩIалищым ядэр гъуэгум щылIащ.

5.16. ПЕСНЯ-ПЛАЧ ХАДЖИРЕТОВ

Хаджиретов плач, гуша,
Знающего воина призываю петь,
Этот плач, гуша, когда поют
Молодежь сидящая, подпевайте,
Не умеющие подпевать, свои шутки прекратите.
Воины, которые рай хотят обрести,
А богатства не хотят обрести, на коней!
У всадников, гуша, севших на коней,
Хапцева сына черная собака впереди,
А когда назад поворачиваем, наш Хажибрам Большой –
наша крепость.

**Пуаша, гуша, этот старик вольготно живший,
Бывший в отъезде, вернулся,
Пуаши две снохи, гуша, в этом дворе жили.
Увы, «наш князь золотой» сказав,
Хаджиретовская молодежь собралась,
Хаджиретовские воины, <из ружей > стреляют
с грохотом, словно из пушек.
Ах, гуша, моя сноха кареглазая,
Сходила бы и коня моего привела бы,
Оседлала бы его,
И придержав бы луку седла, помогла мне сесть,
Я принес бы радостные вести.
Пуаши, гуша, сноха старшая
Его распоряжения выполнила,
Серебряную трубу подзорную принесла
и на шею ему повесила.
Пуаша, этот старик вольготно живший,
В этот курган высокий взобрался,
Взяв трубу, этот старик вольготно живший, осмотрелся,
<В ту> трубу чернота небольшая видится.
Пуаша, этот старик вольготно живший,
На коня вновь сел и в черноту эту ворвался.
Гяуров трупы, гуша,
Густыми снопами лежат,
Мусульмане, в их среде лежащие, как утреннее
солнце сияют,
Подобно ореолу вечернему сияет, –
это Хажибрамово тело.
Увы, увы, горе, мой юноша золотой,
Жестокости, как возможны, над тобой учинили!
Пуашевского Хажибрама Большого
Убитым <домой> несут,
Хажибрама убитого в наш дом малый довезите.
Пуашевского Хагучу с тяжкими ранами приносят
<с поля битвы>,
Если Хагуча ранен, в наш хачеш большой отнесите,
Пуашевского Шугушу раненного несут <с поля битвы>,**

**Если Шугуша ранен, <в наш> хачеш малый
его отнесите.
Если кроме этих троих <ни с кем> ничего не случилось,
Я в счастливый час родился,
<Ибо> это, гуша, нам на роду написано, –
Как ни в чем не бывало вновь сел на коня,
Но, не доехав <до дому>, потерял сознание,
И в пути скончался <он>, отец троих сыновей.**

Архив КБИГИ, ф. 12, оп. 1, ед. хр. 17а, пасп. № 3. Исп. Темир Барагунов, 1890 г. р., гор. Моздок Северной Осетии; моздокский кабардинец. Зап. 26.05. 1958 г. М. Керимова. Перевод на русский язык М. А. Табишева.

5.17. ХЬЭЖРЭТ УЭРЭД

Пщащэ хьэдэр зи зэпэбаш,
Къуэшым и хьэдэр зылъэгъужа
Тау и къуэкIэ дэ ди Джэмал,
Хьэжрэтым фи щIалэ жанхэр
А махуэ гущэм зэщIэзыгъавэ,
Зэрывэну витI зимыIахэм,
ПхъэIэщэвкIэ загъэнщIыжащ,
Фызэхыхьэркъэ, жылагъуэ махуэ!
А махуэм нахухэмыхьэр
Мысостышхуэхэ фи Хьэгъурыжьырщ,
И ныбжькIэ хуэмыху щIэращIэщ.
Янэгуэрэ Къурмэнхэ я гуащэр
ДжэдыфэкIэ къызэрагъашхэ,
Мудавейм ягъэшха щIалэр
КъуэгъэнапIэм щрагъэхуэх.
И адэу уи Жамботышхуэр
ЗэрыцIыкIурэ шыщхьэмыгъазэт,
Мудавейм къыщагъэзэжкIэ,
Мысост и пэхур ныткIэщIолIыкI.
ЗэрылIэныр и гум къигъэкIри
И адэм и щIапIэм игъэзэжащ,
А махуэ[р] и насып щыпкъэт,
И пкъы тIэкIур «псэууэ ихьыжащ».
Ныбжьэгъу щIалэхэм «яхэжаныкIащ»,
И анэ и лъэпагъыр игъуэтыжащ,
Хуэмыхубжьэр къафIихьащ, –
Тогъулэухэ Бечкъаныжь цIыкIу.

Трамэ и къуэу хакIуэ пцIэгъуэплъ,
Нэр зыщыплъэм нышофэразэ,
Фыз папщIэжьу ди Хьэгъурышхуэхэр
Шу дэмыхъуу къыкIэрощэт,
Трамэ и къуэу ди Аслъэн хахуэм
СэмэгумкIэ тхуогъэтэрэзыр,
Хэмызагъэу афицар пхъашэр
Зы шэ закъуэкIэ тхурегъэпсых.
Хьэжыбэчыр щепсыхыж махуэм
Дэплъейри вагъуэр и хьэкъут,
Бэрэгъуну хьэкъур зэдзам
Фахэуэркъэ, зауэр зи хабзэ!
Мылицэжьу кхъуэцыр зыгъэкI,
УкъыхэкIри топыр къэбгъэауэщ,
Брулыжьыр бэрэжьеифэщ,
И фэ гущэр бдзапцIэшэ Iунэт.
И IэнатIэр екIукIэрэ игъэзэщIащ,
Тхьэм и унэр зи нэрылъагъу,
Жэнэт лъапIэм щытлъагъужын, –
Трамэ и къуэкIэ Къарэбатыр,
Батэр зыгъэшу ди лIы мышынэт,
Шуупэ хутэти, нахохьэ,
Шу гупу ар зыхыхьахэр
Хьэм щыщта мэлти, зэщIогъуэ.
КъахэкъугъыкIыурэ я тетыр
Трамэ шыбгъэм къыщIозэрыхь,
И щхьэр фIихыным щыхуэкIуэм,
И Iэр Iэтауэрэ къохуэх.

5.17. ПЕСНЯ-ПЛАЧ ХАДЖИРЕТОВ

Труп девушки <ему> сошкой служит,
Брата труп он увидел, –
Таова сын ты наш Джамал,
Хаджиретовских проворных юношей
В тот день, гуша, заставляют поднять гвалт,
Те, у кого не было двух быков для пахоты
Вполне удовлетворились одним быком под соху,

Соберитесь же, люди, достойные радости!
Кто в тот день никак не выйдет к людям, –
<Это> Мисостишховых ваш Хагур подлый,
Всю жизнь он лентяй нарядный.
Его мать Курмановых гуашу
Курятины кожей откармливают,
Мудавеями откормленного воина
В укрытии заставляют спешиться.
Отец его Жамбот Большой
С малых лет лихой наездник,
Мудавеи, когда возвращались,
Мисостовский белоносый <на ходу> умирает.
Вспомнив о смерти <возможной>,
Вернулся в отчий дом,
Этот день для него был удачлив,
Свое тело «целым» <домой> доставил».
Из среды своих друзей «выделился расторопностью»,
Матери изножье нашел [в ногах матери место
для ночлега нашел],
Чашу позора он «завоевал», –
Тоглоовых Бечкан презренный, низкорослый.
Трамова сына жеребец гнедой,
В отдалении на виду разъезжает,
Женоподобный наш Хагур Большой,
Не успевая за наездниками <славными>, отстает,
Трама сын наш Аслан храбрый
Левую сторону один удерживает,
Не удержавшегося <в строю>офицера дерзкого
Одной пулей с коня снимает.
В день, когда Хажбекир с коня спешивался,
Поднял глаза – звезда-аркан [последнее, что он увидел],
По барагунам, на которых набросили аркан,
Стреляйте же, для кого война стала обычаем!
Проклятый милиционер, отращивающий свиную
щетину,
Вышел вперед и из пушки выстрелил.
<Его> чалый могучий – цвета бузины,
Его кольчуга, гуша, свинцовыми пулями усеяна.

Свой долг достойно выполнил,
Бога пристанище воочию кто увидел,
В раю счастливым кого да увидим, –
<Это> Трамы сын Карабатыр,
Горы сворачивающий он муж бесстрашный,
Дозорным всадником врывается,
Массу всадников, куда он ворвался,
Как волка испугавшееся стадо овец, заблеяло.
Завывая <громче всех>, их правитель
У трамовского коня под грудью оказывается,
Голову отрубить, когда <Карабатыр> собирается,
С поднятыми руками тот падает <со своего коня>.

Архив КБИГИ, ф. 12, оп. 1, ед. хр. 17а, пасп. № 8. Исп. Касбот Разов: 1899 г. р., аул Адыге-Хабль Карачаево-Черкесии; зеленчукский кабардинец. Зап. 25.09. 1958 г. Х. Шогенова. Перевод на русский язык Н. Г. Шериевой.

5.18. ХЬЭЖРЭТ УЭРЭД

Iуэхушхуэри тхузэпызыч,
Фоч гъэуэныр зыгъэтэрэз,
И ныбжьым нартыжь зэуэкIэт,
КъаукIри дыкъагъэунэхъущ.
ЛIыхъуру чыданэ Iэпщэ,
Хьур пщащэри зи нэрылъагъу,
Тхьэм и унэм щалъэгъужыныр, –
Бабыгухэ ди Жанхъуэтщ,
Жэнэтыбжэр хузэлъыIуах,
Напэ хужькIэ Тхьэм бгъэдохьэж,
Ажалым ныщымышынэт.
И бжыщхьэм лIищэ еукIыр,
Афицарыр егъэбзэрабзэ,
И джатэр яхуегъэбзакъуэ,
Гъыбзаер щыхузэхалъхьэм
ЦIыхубзхэм щхьэцыр хурач.
ПщIэгъуалэу хьэм яшхыжын,
ЗэбиитIыр уи нэм елъагъу,
Гын гъуэзым хамылъэгъуэжыр, –
Къандорхэ Елмырзэ цIыкIущ.
Санейуэ хьэзыр пщыкIутIыр
Гыныпсым къыфIегъэуфIыцI,
Ержыбу и фоч фIыцIэжьыр
Джаурыжьхэм натреунащIэ,
И хэкущIыр бийм яримыту
И псэ тIэкIур щхьэщитыкIащ.
Утыкум ныщизэрыхьым

**Хьэжь хабзэу нызэбгреху,
И куэпкъыщхьэр кърегъэкъутэ,
Дунеишхуэм и къутэжыгъуэм,
МылIэжыну къызыфIэщIар, –
Трамэхэ ди Ботэ дыщэщ.
Шы фащэм шыбгъэр къеухуэ,
Зеухуэри мэзым йокIуэж,
ХьэтIохъущокъуэу щIалэ хужь фагъуэр
IэщIэкIыну мурад нащIащ.
Дыхьэрэным Iуащхьэр къеубэ,
Шабэ кIэхум пхъащ[хь]эр пеуд,
Мы уэрэдымкIэ дажьэхэвгъауэ,
УэрэдкIэрэ дажьэхэуэнщ.
Жьэгу дэсурэ фызым пэщIахэм
ПщыIэтесхэм зыныхуратIэ,
Хьэжрэтым фи щIалэгъуалэхэм
Хьэ хабзэу зыкърагъэшх,
Къэбэрдейм фи пщыжь гъэшхахэр
Iуащхьэ къуагъым къызэдыкъоплъ.
Щолэхъужьурэ шы гъуабжэ кIэху,
ЖэщырыкIуэным зрегъэхъунщIэ,
Инэралхэр къэзыхъунщIар, –
Хъанхэ я щIалэу Къарэбэтырщ.
Уи шыпхъу гущэу Хьэтэхъан-дахэм
ДжэдыфэкIэ сыкъимыгъашхэ,
Соку хьэлууэрэ сэ уэзгъэшхар
Чэрычанэм къ<ы>уигъэIуэтэж!**

5.18. ПЕСНЯ-ПЛАЧ ХАДЖИРЕТОВ

**Дела большие <для нас> совершающего,
Ружьем умело владеющего,
Всю жизнь как нарт воюющего,
Погубили нам на беду.
Муж доблестный, у кого как железная проволока запястье извито,
Гурий-девиц кто воочию увидел,
В доме Божьем кого да увидят, –**

<Это> Бабуговых наш Жанхот,
Ему райские двери раскрывают,
С совестью чистой к Богу возвращается,
Смерти он не боится.
Его наконечник копья сотню <вражеских> воинов истребляет,
Офицера заставляет трепетать,
Мечом своим с ними расправляется,
Плач горький, когда о нем складывают,
Женщины волосы на себе рвут.
Белый конь, пусть тебя волки съедят,
Двух врагов твои глаза видят,
Среди порохового дыма кого не видно, –
<Это> Кандауровых Эльмирза Малый.
Из виноградной лозы двенадцать газырей
Порохом очерняются,
Эржибовское черное грозное ружье
В гяурах проклятых разряжает,
Свою родную землю врагу не отдавая
Свою душу за нее отдал.
Когда оказался в кругу среди них
Как волков <стаю, он их> разогнал,
И бедра свои <позволил> раздробить,
В день, когда великий мир разрушался,
В свою смерть кто не поверил, –
<Это> Трамовых наш Бот золотой.
Сбруя грудь коня сгибает,
Кто согнутым в лес уходит, –
<Это> Хатакшоков парень светлый бледный,
Ускользнуть решил.
<Обутый> в сафьяновые сапоги, кургана вершину топчет,
Стрелы белохвостые верхушки деревьев сносят,
Этой песней заденемте их,
Песней же заденем!
Те, кто у своего очага и возле женщин были,
Перед теми, кто в стане были, храбрятся,
Хаджиретии ваша молодежь

Словно <благородные> волки, не отступая,
идут на гибель,
Кабарды ваши князья откормленные
Из-за холма дружно выглядывают,
Шолох могучий конь серый, белохвостый,
От частых ночных походов норовистым делается,
Генералов обездолил, –
<Это> ханского рода парень Карабатыр.
Твоя сестра, гуша, Хатахан-красавица
Курятины кожей меня не откормила,
Медовую халву, которой я тебя угощал
Пусть в предсмертном слове ты вспомнишь!

Архив КБИГИ, ф. 12, оп. 1, ед. хр. 17а, пасп. № 15. Исп. Хасанш Темроков: 1889 г. р., сел. В. Курп Кабардино-Балкарии; кабардинец. Зап. 03.06. 1958 г. Х. Шогенова. Перевод на русский язык М. А. Табишева.

5.19. ХЬЭЖРЭТ УЭРЭД

**Iуэхушхуэ гущэ тхузэпызыч,
Фочэуэныр зыгъэтэрэз,
Зи ныбжькIэ нартыжь зэуэкIэ,
КъаукIри дыкъагъэунэхъу, –
Лъахъэдыгъум и къуэкIэ ди Жанхъуэт.
ХьэтIохъущокъуэхэ фи унэ лъагэр
Фыз хьэдагъэм къызэтрач,
Чэрэчанэу шы гъуабжэ кIэщIыр
Бахъсэнысщхьэ нысцызэрашэ,
Сэ мы хэкум сынизышэжыр
ПщащитIым ныхэзгъэдэнт.
Шы жьажьэу шы пцIэгъуэплъ цIыкIум
IэщэщIэм шыбгэр неухуэ,
Зиухуэрэ мэзым щIыхьэжым,
ХьэтIохъущокъуэхэ лIы фIыцIэ егъурщ,
Къэбгъазэрэ зы шэ яхэбдзэркъэ,
Зебдзыхрэ зы хьэдэ къапщтэркъэ,
Напэ пхьырэ хэкум уихьэжкъэ,
ХьэтIохъущокъуэхэ лIы фIыцIэ егъу!
Инжыджышхуэкlэ сынысцыдашым,
Дэрэгуныдзэм хьэкъур къызадз,
Дзэху-дзапцIэу си куафэшхуитIым
Шэ уэфхэр нытызогъахэ,
Муслъымэну сызыхэзыхым,
Сэ си лажьэр щремыгъупщэ.
Уи адэжьыр кристан Iэхъуэщ,**

Мылицэжьу кхъуэцыр зыгъэкIым
КъыхокIри зы фоч къегъауэ.
ХьэпащIэм къеуа шу закъуэм
И Iэпщэр дыщэпскIэ евгъалэ,
Дыщэурэ и уанэгу щхьэнтэр
Лъатэпсым къыкIэребгъащIэщ,
Хьэжрэтым фи щIалэгъуалэм
Хьэ хабзэу зыкърагъэшх,
Къэбэрдейм фи пщы гъэшхахэр
Iуащхьэ къуагъым къызэдыкъоплъ.

Хьэжрэтыр щтауэ щыщымытам, гуэмыхьэу икIи яхуэмейуэ <езыхэм> IэщэкIэ заIыгъыфыну мурад ящIат. Арысейм ищтэну къыщыпыхьэм, зауэкIэ IэщIэкIын мурад иIэу езауэу щIидзащ. КъарукIэ пэмылъэщын щафIэщIыну щыхъум, Къэбэрдейм хъыбар кърагъэщIащ: «ДызэтраукIэ, фыкъыддэIэпыкъу», – жаIэри. ХьэтIохъущокъуэр унафэщIти, фымыкIуэ жиIэну и жьэ къемыкIуэу, ауэ кIуэнуи фIэмыфIу, зыбжанэ IэщIэкIри Къэбэрдейм щыщ зыбжанэ кIуащ. Ауэ абы кIуа пщыжь-уэркъыжьхэр псори пащтыхьым гуэхьауэ щытт, абы къуэлъхэти, яхузэфIэкIыу ирагъэзэуэнутэкъым.

ЗауапIэм щынэблагъэхэм, епсыххэри зы Iуащхьэ къуагъ гуэрым къуэувахэщ, сэте[й]м темыхьащэу. Абы я зауэр куэдрэ яIыгъынт, зауэр яухащ. Мобыхэм къалъыхъуэри арат.

«Мыбы зауэр яухащ, яукIынри яукIащ, дэ мыбы дапэувкIи тхуещIэн щыIэкъым, дапэлъэщынукъым. Узыпэмылъэщыну псым зегъэхь жыхуаIэр аращи, я гугъу пщIынкIэ файдэ иIэкъым, абы нэхърэ нэхъыфIщ дывгъэкIуэжи!» – жиIэри ХьэтIохъущокъуэм къызэщIикъуэри къишэжащ. Мис аращ уэрэдым:

«Зиухуэурэ мэзым щIыхьэжым,
ХьэтIохъущокъуэхэ лIы фIыцIэ егъурщ,
Къэбгъазэрэ зы шэ къахэбдзэркъэ,
Зебдзыхрэ зы хьэдэ ныздэпщтэркъэ!» –
щIыжиIари.

5.19. ПЕСНЯ-ПЛАЧ ХАДЖИРЕТОВ

**Дела большие <для нас> совершающего,
Ружьем умело владеющего,
Всю жизнь как нарт воюющего,
Погубили нам на беду, –
Лахадуга сын ты наш Жанхот.
Хатакшоковых ваш дом высокий
Женский плач по покойному разрывает,
Чарачановской породы коня серого маленького
В верховьях Баксана выгуливают,
<Тому,> кто меня из этих мест выведет
Дам возможность выбирать из двух невест.
У коня медлительного, коня гнедого маленького
Новое оружие спину сгибает,
Кто, согнувшись, в лес убегает, –
<Это> Хатакшоковых муж черный недоброжелательный,
Развернулся бы ты и одну пулю <во врагов> выпустил,
Нагнулся бы ты и труп одного <воина> поднял,
Совесть унося, [не растеряв], вернулся бы на Родину,
Хатакшоковых муж черный недоброжелательный!
По долине Большого Инжиджа когда меня везли
Драгунское войско меня заарканивает,
Словно оловом покрытые мои большие бедра
Пули градом осыпают,
Мусульмане, слышащие меня,
О том, что со мной случилось, пусть не забывают.
Твой отец старый христианский пастух,
Милиция проклятая, которая свиную щетину отращивает,
Выходит и один выстрел производит.
В Хапачу стрелявшего одинокого всадника
Рукоять позолотой велите покрыть,
Из золота его седельную подушку
На ремешках на задней луке седла заставил привязать.**

Хаджиретии ваша молодежь
Словно <благородные> волки, не отступая,
идут на гибель,
Кабарды ваши князья откормленные
Из-за холма дружно выглядывают.

Когда хаджиреты еще не были покорены, они решили <ни к кому> не присоединяться, а держаться силой оружия. Россия, приступила к Хаджиретии, чтобы захватить ее, последняя затеяла войну, надеясь спасти себя этим путем. Убедившись, что силой невозможно победить <Россию, хаджиреты> дали знать в Кабарду <князю> Хатакшоко. Он не решился сказать «Не езжайте!», но и не хотел туда ехать. Однако часть кабардинцев-воинов тайно ушла от него. Оказалось, что все князья-дворяне, отправившиеся туда, еще ранее заключили союз с царем и были на его стороне, и поэтому они не хотели ввязываться в войну.

Когда приблизились к месту сражения, они спешились и ушли за какой-то курган, не особо обнаруживая себя. Долго ли было закончить сражение – и вот оно закончилось. Эти же того только и хотели.

«Тут сражение уже закончилось, кому суждено было, те погибли, противостоять им для нас не по силам, мы их не сможем одолеть. Как говорится «потоку воды, которую осилить не сможешь, дай себя унести», поэтому нет смысла ввязываться в битву, а лучше уйти восвояси!» – так сказав, <князь> Хатакшоко, собрал всех и увел домой. Вот почему в песне поется:

Кто, согнувшись, в лес убегает,
<Это> Хатакшоковых муж черный
недоброжелательный,
Развернулся бы ты и одну пулю <во врагов>
выпустил,
Нагнулся бы ты и труп одного <воина> поднял!

Архив КБИГИ, ф. 12, оп. 1, ед. хр. 17а, пасп. № 10. Исп. Хасанш Темроков: 1889 г. р., сел. В. Курп Кабардино-Балкарии; кабардинец. Зап. 04.06. 1958 г. Х. Шогенова. Перевод песни на русский язык М. А. Табишева.

5.20. ХЬЭЖРЭТ УЭРЭД

Іуэхушхуэри тхузэпызыч,
Фоч гъэуэнри, уэр, зыгъэтэрэз,
И ныбжьым нартыжь зэуэкІэт,
Уэр, къаукІри дыкъагъэунэхъущ.
ЛІыхъурурэ чыданэ Іэпщэ,
Уэр, хъур пщащэхэри зи нэрылъагъу,
Тхьэм и унэм щалъэгъужыныр, –
Уэр, Бабыгухэ ди Жаныхъуэтщ.
ПщІэгъуалэурэ хьэм яшхыжын,
КъэралитІри уи нэм елъагъу,
Гын гъуэзым хамылъэгъуэжыр, –
Уэр, Къандорхэ Елмырзэ цІыкІущ.
Пхъэмыфу си хьэзыр тІуащІэр
Уэр, гыныпсым къысфІегъэуфІыцІ,
Ержыбу си фоч фІыцІэжьыр
Уэр, биижьхэм ятызоунащІэ,
Куэпкъыщхьэри кърегъэкъутэ.
Дунеишхуэм и къутэжыгъуэм
МылІэжыну къызыфІэщІар, –
Трамэхэ ди Ботэ дыщэщ.
Шы фащэм шыбгъэр еухуэ,
Уэр, зеухуэри мэзым нокъуж,
ХьэтІохъущокъуэу щІалэ хужь фагъуэрщ.
Дыхьэрэным Іуащхьэр къеубэ,
Шыбэ кІэхум пхъащхьэр пауд,
Мы уэрэдымкІэ дажьэхэвгъауэ,
Уэр, уэрэдкІэрэ дажьэхэуэнщ.

Хьэжрэтым фи щIалэгъуалэм
Уэр, мэзыхьэурэ зыкърагъэшх,
Къэбэрдейм фи пщыжь гъэшхахэр
Iуащхьэ къуагъым къызэдыкъоплъ.
Щолэхъужьурэ шы гъуабжэ кIэху,
ЖэщырыкIуэным зыдегъэхъунщIэ,
Инэралхэр къэзыхъунщIари
Уей, Хъанхэ я щIалэу Къарэбатырщ.
Уи шыпхъу гущэу Хьэтэхъан-дахэм
ДжэдыфэкIэ сыкъимыгъашхэ,
Соку хьэлууэрэ сэ уэзгъэшхахэр
Чэрычанэмэ къыуигъэIуэтэж!

5.20. ПЕСНЯ-ПЛАЧ ХАДЖИРЕТОВ

Дела большие <для нас> совершающего,
Ружьем умело владеющего,
Всю жизнь как нарт воюющего,
Ор, погубили нам на беду.
Муж доблестный, у кого как железная
проволока запястье извито,
Ор, гурий-девиц кто воочию увидел,
В доме Божьем которого да увидят, –
Ор, Бабуговых наш Жанхот.
Белый конь, пусть тебя собаки съедят,
Две вражеские страны твои глаза видят,
Среди порохового дыма кого не видно, –
Ор, <это> Кандауровых Эльмирза Малый.
Из дуба пробкового мои двойные газыри,
Ор, от пороха чернеют,
Эржибовское мое грозное ружье черное,
Ор, в гяуров проклятых разряжаю,
И бедра свои <позволил> раздробить.
В день, когда великий мир разрушался,
В свою смерть кто никак не поверил, –
<Это> Трамовых наш Бот золотой.
Сбруя грудь коня сгибает,
Ор, кто, сгибаясь, в лес уходит, –

<Это> Хатакшоков парень светлый бледный.
<Обутый> в сафьяновые сапоги,
кургана вершину топчет,
Стрелы белохвостые верхушки деревьев сносят,
Этой песней заденемте их,
Ор, песней же заденем!
Хаджиретии ваша молодежь
Ор, словно <благородные> волки, не отступая,
идут на гибель.
Кабарды ваши князья откормленные
Из-за холма дружно выглядывают.
Шолох могучий конь серый, белохвостый,
От частых ночных походов норовистым делается,
Генералов обездолил, –
Уей, <это> ханского рода парень Карабатыр.
Твоя сестра, гуша, Хатахан-красавица
Курятины кожей меня не кормила,
Медовую халву, которой я тебя угощал,
Пусть в предсмертном слове ты вспомнишь!

Архив КБИГИ, ф. 12, оп. 1, ед. хр. 17а, пасп. № 16. Исп. Цук Ашхотов: 1890 г. р., сел. В. Курп Кабардино-Балкарии; кабардинец. Зап. 09.10. 1956 г. Х. Шогенова. Перевод на русский язык М. А. Табишева.

5.21. ХЬЭЖРЭТ УЭРЭД

ЖыпIэнкIэ КъурIэным [хуэдэу] къуалэбзу макъщ,
УежьуункIэ псэм и нэхущ,
Хьэжрэтым фи щIалэгъуалэм
Чытап хьэкъкIэ зрагъэукI,
Шэджэрокъуэр щаукIа махуэм
Уафэм и къатиблкIэ ызэкъуех,
Зыхэзых гущэм гущIыхьэ щохъу,
Гум имыхужынхэр нобэрей зауэрт.
Муслъымэнурэ дызэхэзыхыр
Дуней IуэхукIэ къыдэмыхъуапсэ,
Ахърэтым драхъуэпсапIэщ,
Хьур хъыджэбзхэр къызыпэплъэ,
МелэIычхэр къызыхуеплъых, –
Шэджэрокъуэм и къуэкIэ Алий цIыкIу.
Мэрем махуэ пщэдджыжь фIыцIэм
Дзэ фIыцIэшхуэр къытщIотаджэ,
Дзэ фIыцIэшхуэу къытщIэтэджар
Фоч гъауэкIэ къуажэм ыдохьэ,
Сабийуэрэ къэмытэджахэр
Фочым и пащIэкIэ зрагъэдзэкI,
Я лIыжь-фызыжьхэр щтапIэ мэкIуэж.
Къуажапщэм топыр щогъуахъуэ,
КъуажэкIэм хьэхэр щокъугъу,
Сабий къугъу макъхэм
МелэIыч лъапIэхэр ытохуарзэ,

Жэщ ныкъуэр щыхъумкъуажэкум
МафIэ лыгъей гущэр къыщоблэр,
Зи псэ емыблэжыр хокIуадэ,
КIуэдыкIейр хьэжрэтым къахуэкIуащ,
А махуэ гущэр щауэ пэжым щремыгъупщэ.

5.21. ПЕСНЯ ХАДЖИРЕТОВ

Ее петь как Корана птичье пение,
Ей подпевать как свет души
[словно просветлить душу],
Хаджиретия, ваша молодежь
По установлениям Священной книги
идет на смерть,
В тот день, когда Шеджероко погиб,
В небе семь сводов открываются,
Кто слышит, гуша, того за душу задевает,
Что не забудется – это сегодняшняя война.
Мусульмане, которые слышат нас,
В этой жизни пусть нам не завидуют,
В загробном мире мы сильно желанны, –
Гурии-красавицы кого ждут <в раю>,
Ангелы на кого смотрят, –
<Это> Шеджероков сын Алий Малый.
В пятницу утром ранним черным
Войско черное на нас восстает,
Войско черное, которое восстало на нас,
Ружейной стрельбой в село заходит,
Детей малых, еще с постели не вставших,
Штыками вскакивать заставляют.
Старики и старухи в убежище уходят.
В верхней части села пушки гремят,
В нижней части собаки воют,
Над рыдающими детскими голосами
Ангелы святые парят,

В полночь в середине села
Огонь мощный вспыхивает,
Кто не жалеет себя – гибнет,
Гибель страшная на хаджиретов обрушилась,
Этот день, гуша, юноша достойный <пусть>
не забудет.

Архив КБИГИ, ф. 12, оп. 1, ед. хр. 17и, пасп. № 17. Исп. Фица Долов: 1899 г. р., сел. Псыгансу Кабардино-Балкарии; кабардинец. Зап. 11.08. 1958 г. М. Керимова. Перевод на русский язык Н. Г. Шериевой.

5.22. ХЬЭЖРЭТ УЭРЭД

**Зауэм хуалъхуауэ шы гъуабжэ кIэхур
Станицэбгъум ныщызогъафэ,
Гъуабжафэу си цей пхъашэжьыр
ГыныпскIэ къысхуагъэуфIыцI.
Къарымщокъалу си фоч фIыцIэжьыр
ИжькIэрэ улIымыгъапцIэт,
ПщIантIэм дыщраубыдэ мыгъуэ<м>
Шахъшыныр езгъэтхъунщIащ.
Хьэжрэтурэ хъунщIэ къэзыщIэхэ,
Фахэуэркъэ, зи уз кIуэдынхэ!
Лабэдэсым фи щIалэгъуалэхэр
Щхьэ чэзукIэ зынывогъэтхырэ,
Сом миныр зи нэчыхь тхыпщIэм
Ар, сыт напэкIэ фаIуплъэжын?
Лабэжь гущэм фи щIалэгъуалэ<м>
Ар, хамэхьэм зыкъывогъэшх,
Къэбэрдеймэ фи шыжь гъэшхахэр
ХьэдэIух мыгъуэм нигъэувыIащ.
Къалэжь биймкIэ дызэпроплъри
Топ фIыцIэжь гущэр къызэдагъэпс,
Лъхукъуэщауэу зи псэ зытынухэм
МелэIычхэр я жэнэт пашэщ.
ЛIы и лIэкIэу зызымыгъалIэ,
Джэбын джанэр зыхуэмыфащэ,
Зи лIы фащэр цIыхубзым къыхуэнэжын,
Жэнэт бжэIур зыхуэхьэрэм,
ЩIакIуэ къуапцIэм кIуэцIалъхьэжауэ
Зи фыз и унэм зезыгъэхьыж, –
Мусэжь цIыкIу и къуэкIэ Сырыхущ.**

5.22. ХАДЖИРЕТСКАЯ ПЕСНЯ

Родившуюся для битв лошадь серую белохвостую
На краю станицы заставляю гарцевать,
Серая моя черкеска грубая
От пороха почернела.
Крымшокаловское ружье мое черное старое,
Ты всегда верно своему хозяину служило,
Когда нас застали незащищенными,
Землю голую я стала разрывать.
Хаджиреты, набег устроившие,
Бейте их, <врагов>, чтоб вы долго жили!
Жителей Лабы ваша молодежь
По очереди дает занести себя <в список>,
Тем, чей брак заносится за тысячу рублей,
С какой совестью вы в глаза <им> посмотрите <потом>?
Лабы могучей, гуша, ваша молодежь,
Ар, от презренных собак <беды> терпите,
Кабарда, ваших лошадей упитанных
Сбор трупов утомил.
Пушки черные <в нас> нацелены,
Крестьянам, готовым жизнь отдать,
Ангелы по дороге в рай предводители.
Тот, кто не погибает по-мужски,
Кто не достоин погребального савана,
Чья одежда останется женщинам,
Тот, для кого врата рая навсегда закрыты,
Тот, кого в темную бурку завернули,
Кто заставил вести себя к жене, –
<Это> Маленького Мусы сын Сырух.

Архив КБИГИ, ф. 12, оп. 1, ед. хр. 17а, пасп. № 9. Исп. Нух Орзалиев: 1896 г. р., аул Адыге-Хабль Карачаево-Черкесии; зеленчукский кабардинец. Зап. 27.09. 1958 г. Х. Шогенова. Перевод на русский язык Л. Н. Канаметовой.

5.23. ХЬЭЖРЭТ УЭРЭД

Инджыдж псыхъуэу Тхьэр зыдэбгэн<ым>
Лъы бахъэ гущэр щызэрызохьэ,
Зиусхьэнхэм занезмытынурэ
Си псэ тIэкIур нэхъапэ стащ.
Муслъымэну сэ сызэхэзыхым
Гъыбзэ тIэкIухэр къысхуреус,
Чешемиру си босцей цIыкIур
ФочыпэкIэ зыщезмыгъэхырэт,
Си псэлъыхъум зыщезгъэхынути,
Сыздалъхуауэ си къуажэжь дыщэр
Сыпыхьэурэ къызызонэкIрэ,
Сабий быну къызэзнэкIахэр
Фоч пащIэкIэ псым ныхакIутэ.
Си нэпситIу къысфIелъэлъэхым
Гъуэгу напщIитIыр нызогъэуфэнщI,
Сэ сыпсэууэ сызыфыщIари
Си гъащIэм сызыхуэлэжьаращ.
Жыргуэрэ си мастэ кIэщIыр
Уэркъ щауэм нахузогъадэрэ,
Сэ си щхьэм зикI хуэзмыгъадэр
Си пащхьэм зыкъыщегъалIэ.
Сэ лIы сщIыну сызэхъуэпсар
Бгы къуагъым сэ къысхукъуоплъ,
Дзэ фIыцIэу дэ къыдэплъакIуэм,
Банэ цIычэухэр къызыдращI,
Дэ къыдащIахэр фщремыгъупщэ!
ЩауэщIэу Бэчмырзэ цIыкIур

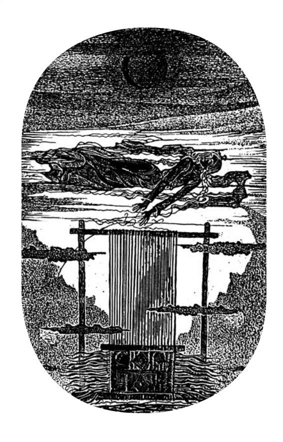
Шу пашэу зауэм ныIуешэ,
Къэзэуату зауэр зыублэр
Лабэдэсым ди щIалэгъуалэрщ.
Лабэдэсым зауэр щаублэм,
Дзэхушэр щIэфыеу къысхузэбладз,
Шэ фи[й]уэрэ къысщхьэпырадзым,
Ажалышэр къысхухэмыкI.
СыщIэхъуэпсу сыпыщIэкIуатэм
Сщхьэпредзри лIыхъур къеукI,
Фоч фIыцIэжьыр зэтезыгъапсэ,
КъэзэуаткIэ тхузэщIэгъаплъэ,
Зи щуIэгъэм хуемыплъэкIыжыр, –
Бэлэтокъуэм и къуэкIэ дэ ди Бэчмырзэщ.

5.23. ПЕСНЯ-ПЛАЧ ХАДЖИРЕТОВ

В долине Инжидж, Богом проклятой,
Кровавый пар, гуша, клубится,
Чтобы тело господам <врагам> не отдать,
Я душу свою <Богу> отдала.
Мусульмане, которые меня услышат,
Пусть песни-плачи по мне слагают,
Кашемировое мое платьице
Не дала я штыками с себя снять,
Я позволила бы его снять любимому своему,
Но до условленного срока мне не дают дожить.
Село мое золотое, где родилась я,
Рыдая, я покидаю,
Детей, которых покинула,
Ружейными дулами в реку сгребают.
Слезы мои, что льются ручьем,
Орошают обочины дороги,
Кто меня живую ограбил, –
Тот, на кого я всю жизнь работала.
Стальная моя иголка короткая
Для уоркского юноши шьет,
Тот, кого я не удостаивала своим вниманием,
Прямо передо мной жизнь свою отдает.

Тот, кого я мечтала видеть своим супругом,
Из-за горы за мной подглядывает,
Полчище, что <издали> за нами подглядывает,
С треском колючий кустарник попирает,
То, что с нами сделали, пусть вам не забудется!
Юный наездник Бекмурза малый
Предводителем на битву <воинов> приводит,
Кто начал газават-войну – <это>
Жителей Лабы наша молодежь.
Когда жители Лабы начали битву, <они>
Оловянные пули со свистом в разные стороны мечут,
Среди свистящих пуль, пролетающих надо мной,
Не оказалась смертельной.
Желая смерти, когда я <под пули> ступаю,
Она пролетает надо мной и убивает героя.
Тот, кто позволяет прицелиться в себя из ружья черного,
<Кто> газаватом воодушевляется,
Кто не оглядывается на жену свою
(т. е. жертвует семейным уютом) –
<Это> Болотоко сын Бекмурза.

Архив КБИГИ, ф. 12, оп. 1, ед. хр. 17а, пасп. № 7. Исп. Касбот Разов, 1899 г. р., аул Адыге-Хабль Карачаево-Черкесии; зеленчукский кабардинец. Зап. 25.09. 1958 г. Х. Шогенова. Перевод на русский язык Л. Н. Канаметовой.



5.24. КЪЭБЭРДЕЙ УЭРЭД

ЖыпIэнкIэ КъурIэным и уазщ,
УежьуункIэ къэзэуат и чынтщ.
Шы бланэу данэр зи сокур
Къумыжьым къыщызэрашэ,
Уи шыпхъуу Хьэзизэт-дахэм
БланэшкIэу къыпкIэлъижыхьт,
Зи хьэдэр хьэршым яхьар, –
Андаурхэ Пщымахуэ цIыкIу мыгъуэт.
Данагъуэу и пащIэкIитIыр
ДоIэбейри егъэджэрэз,
Пащтыхьыжьым и хуарэ шыбзыр
Аркъэн фIыцIэкIэ къытхухэзыш,
Iэщэ Iыхыр къыщыдашалIэм,
КъурIэн уазым дыщIагъэдэIу,
Ди адэшхуэм едэIуа щIалэхэм
КъэзэуаткIэ загъэлIэжащ.
Амыфокъуэу шы гъуабжэ цIыкIур
Бэракъ бгъэгум ныщIокIэрахъуэ,
Инджылызу уи кIэрахъуэжьыр
Табыныкум ныщоунэщI.
Сэлэтыдзэм зыхуагъэщIагъуэу
И мыгъуэу зауэр еублэ,
А шур хэтхэ ящыщ жыпIэмэ, –
Мэремыкъуэм и къуэкIэ Хьэжысмелщ.
ДыгъэмкIэ дыхудэплъеймэ,
МелэIычхэр къыщофэразэ,
ЩIылъэмкIэ дыкъеплъыхыжым,

Лъыпсейр лъэкIэбзым къос.
А махуэм дяпэмкIэ дыплъэмэ,
Адэ щIэинхэр зэдагъэбзытэ,
Ди ужькIэ дыкъеплъэкIыжмэ,
ДгъэщIэнум дыхуэмеиж.
Ди пщащэу данагъуэ щхьэцхэр
Топыжьхэм къадыдогъэджэгу,
Сабийуэ къытщIэджэгукIхэр
Топ шэпхъым къытхухыфIедзэ,
А махуэм зезыгъэукIхэр
Шэхьиду Тхьэм йокIуэлIэж,
А махуэм къащтэу кIуэжахэр
И ныбжькIэ диным икIащ.

5.24. ПЕСНЯ КАБАРДЫ

Ее петь – словно наставления из Корана,
Ей подпевать – <как> вести газават.
Лошадь мощную с шелковой гривой
В пустыне водят,
Сестра твоя Хазизат-красавица
Как лань ручная за тобой бегала,
Чей труп унесли в загробный мир, –
<Это> Андауровых Пшимахо Малый, несчастный.
Шелковые свои усы
<Он>, подняв руку, закручивает,
Чистокровных кобылиц царевых
Арканом черным он выводит,
Когда к нам подводят <войско>, чтобы забрать оружие,
Поучения из Корана дают нам послушать,
Юноши, которые своих дедов послушались,
В газавате смерть обрели.
Амфоковский конек серый
Под сенью стяга резвится,
Английский твой револьвер грозный
В гуще сражающихся ты опорожняшь.
Солдатскому войску на удивление
Он не во время сражения начинает,

Этот всадник откуда если спросишь, –
<Это> Маремуко сын Хажисмель.
В сторону солнца когда взглянем –
Ангелы там парят,
На землю когда посмотрим –
Кровь горячая до бедра доходит.
В тот день когда вперед посмотрим –
Отцовское наследие дружно кромсают,
Назад когда оглянемся –
Жить нам не хочется.
Наших невест с желтошелковыми волосами
Под звуками грозных пушек заставляем резво бегать,
Детей, что меж нами резвились,
Осколками ядер разбрасывает,
В тот день, кто смерть принимает,
Шагидами к Богу возвращаются,
В тот день, кто, испугавшись ушел,
На всю жизнь от веры отлучил себя.

Архив КБИГИ, ф. 12, оп. 1, ед. хр. 17и, пасп. № 9. Исп. Жамурза Хавеяшхов: 1871 г. р., сел. Псыгансу Кабардино-Балкарии; кабардинец. Зап. 24.07. 1951 г. З. А. Аксирова. Перевод на русский язык Н. Г. Шериевой.

5.25. КЪАЛЭДЭСЫМ Я УЭРЭД, Я ТАУРЫХЪ

**Уэр, жыпIэнкIэрэ, ра иай, КъурIэным и уазт,
УежьыункIэрэ-тIэ, уой дуней, зэчырым хуэдэт.
Шу лъагъуэ закъуэкIэ къытфIыдохьэ,
Дэ ди куэбжэшхуэ гущэри-тIэ
Уой, дуней, зэхудощIыжри догъэбыдэ,
Шэмрэ гынымрэ куэбжэшхуэм къыщыдокIут,
НатрикIутэурэ шэр ятриухэщ.
КъуажапщэмкIэ топыр щыхасэ,
КъуажэкIэмкIэ ныпыр щыхатIэ,
КъуажапщэмкIэ топыр щогъуагъуэ,
КъуажэкIэмкIэ сабийр щогъуэг,
Жэщыбгым фыкъытщIотаджэ,
Сабийуэ къэмытэджыгъэр
Фоч пащIэкIэ къыщагъэлъэт.
Мыщхъуэжхэ фи хьэжы цIыкIум
Андезхэр нафIещтэ,
ДоIэбейри джатэр къыпех,
ЗэпелъэщIыхьри зауэм ныIуохьэ,
Инэралхэм я щхьэр къыфIегъащIэ.
ХьэтхьэкIумэхэ я нагъуэм
И дарий Iэщхьэхэр ныдеупщIэ,
И жыр лэныстэр къещтэри нафIыщIокI,
Куэншыбэр зыщрагъэх,
Уэркъ щауэфIым зыщезгъэхынути,
И пIалъэм сынамыгъэс.
Хьур хъыджэбзхэр уафэмкIэ ныдохъуэпсей,
Дыгъуэгыу кIэсу дыныдах.**

Къалэдэсым пащтыхьым къулыкъу хуащIэн ямыдэу, дзэм кIуэн ямыдэу хуежьащ. Пащтыхьым и унафэкIэ лIыгъэкIэ ящтэну дзэ къэкIуащ. Къуажэм зы дыхьэпIэ закъуэ инэмыщI иIэтэкъым. Аби куэбжэ быдэ хуащIри уемызэгъыну къагъэбыдащ. Дзэр къэсри дыхьэпIэ ямыгъуэту зы шу къыдэкIауэ къагъуэтри лIыгъэкIэ кърагъэIуэтащ. Дзэм къызэраувыхьар къыщащIэм, къезэуэну зыкъызэрагъэпэщащ. ХьэтхьэкIумэхэ Къамболэт шэрэ гынрэ къыщIихри арджэным тезу къытрикIутэри куэбжэм къэтIысащ. Дзэр яфIыдыхьэу щыхуежьэм, къахэуэу хуежьэри куэди къиукIащ, езыри яукIащ. «Фымышынэ, фымыгужьей!» – жиIэри, Мыщхъуэж-хьэжы цIыкIум андез ищтэри джатэ къихар иIыгъыу къыщIэкIащ. Дзэм яхыхьэри еуэр иригъэжьащ. Дзэм ящыщу зыбжани иукIащ, езы хьэжы цIыкIури къаукIащ. ХьэтхьэкIумэхэ къашагъащIэу, илIри щIэмыхьэжауэ нысащIэ яIэти, зрапщыту щIадзащ. «Си куэншыбэр уэркъ щауэфIым зыщезгъэхынути, и пIалъэм сынамыгъэс», – жиIэри, гъыбзэр иусурэ и дарий джанэ Iэщхьэхэр диупщIэри, и жыр лэныстэр къиштэри яхыхьащ. Яхэзэрыхьу щIидзэри хуэщIэри ищIащ. Езыри яубыдри и куэншыбэр щахащ икIи яукIыжащ. Арати, къуажэр хьэлэк' ящIащ, я цIыхубзхэри кIэсу къыдахри къыдэкIыжащ. Къалэдэсыр а махуэм IэщэкIэ къащтащ.

5.25. ПЕСНЯ КАЛАДЕСОВЦЕВ

Уор, ее петь, ра-иай, словно суры Корана читать,
Ей подпевать-то, уо дуней, подобно закиру.
Всадник по тропе одной насильно заходит,
Наши большие ворота, гуша,
Уой дуней, надежно закрываем,
Пули и порох на входящих в ворота высылаем,
Выпуская пули, опустошаем <свои запасы>.
Вверх по селению пушки устанавливают,
Вниз по селению штандарты <в землю> втыкают,
Вверх по селению – пушки гремят,
Вниз по селению – дети рыдают.
В полночь вы восстаете на нас,
Детей малых еще с постели не вставших,
Ружейным штыком заставляют вскочить,

Мишхожевых ваш Хаджи Малый
Вопреки <нападающим> совершает омовение,
Руку, вверх протянув, меч снимает,
Почистив его, в битву вступает,
Генералам головы снимает.
Хатхакумовых кареглазая
Свои шелковые рукава заправляет,
Свои стальные ножницы берет и выходит,
Корсет заставляют ее снять,
Уоркский молодой юноша хороший,
чтобы снял я мечтала,
До <брачной ночи> дожить мне не дали.
Гурии-красавицы мечтают о небе,
Рыдающих, нас <на крупе коня> увозят.

Каладесовцы не хотели служить царю и решили не идти на службу. По приказанию царя взять их силой, явилось войско. В селении имелся только один вход. Да и там установили крепкие ворота и плотно их закрыли. Когда войско подошло, <солдаты> не могли найти вход, и поймали одного всадника, которого силой заставили показать дорогу. Когда <каладесовцы> узнали о том, что войско окружило их, они подготовились воевать.

Хатхакумовых Камболат вынес много зарядов и пороха, высыпал на циновку и сел у ворот. Когда войско стало наступать, он начал стрелять и многих убил, и сам погиб.

«Не бойтесь, не паникуйте!» – сказал Мишхожевых Хаджи Малый и, сделав омовение, вышел с обнаженным мечом. Ворвавшись в войско, начал рубку. Он убил нескольких и сам тоже погиб.

У Хатхакумовых была невестка, которая только что вышла замуж, а жених не успел еще вернуться. <Солдаты> начали к ней приставать. «Я мечтала, чтобы мой корсет снял молодой уорк хороший, но до брачной ночи не дали дожить», – сказала она и, сочинив песню-плач, заправив шелковые рукава, взяла стальные ножницы, и вступила в бой. Начавши биться, она сделала все, что смогла. <Но> и ее саму захватили, сняли корсет и убили.

Так разорили селение, а женщин, захватив в плен, забрали и ушли. Каладесовцев в тот день покорили оружием.

31 Заказ № 246

Архив КБИГИ, ф. 12, оп. 1, ед. хр. 17и, пасп. № 12. Исп. Лат Кешев: 1882 г. р., гор. Нарткала Кабардино-Балкарии; кабардинец. Зап. 14.06. 1958 г. Х. Шогенова. Перевод на русский язык М. А. Табишева.

5.26. КЪАЛЭДЭСХЭМ Я ГЪЫБЗЭ

Уэ-а-ро-ра-ой-дэ, жыпIэнкIэрэ,
Уэр, КъурIэнмэ и уазт, иджы, уэрайда!
Е ж ь у: Уэри-рэу-уа-рира-ри!
Е-е-ра-ойда, къалэдэс гущэмэ,
Е ж ь у: Уей-уей!
Дэ къытщыщIа, уа, лей гущэри, уа-райда,
Е ж ь у: Уей-уей!
Дяужь къинэ гущэм, иджы, уа, а махуэри
щыремыгъупщэт!
Ежьу: Арира, ой, уэрира, ой, уоу, рирари!

Е-е-ра, уой-да, Гумыпсыжьуэрэ
Е ж ь у: Уей-уей!
Хьэмрэ кхъуэмрэ, уа-уэ, уэр ирамыфыжт, жери, уа.
Е ж ь у: Арирэу-рира, уой, уэрира, уой, уоу, рирари!
Къэзакъ сотнэ гущэм, иджы, уа, а махуэм
къытпаубыдтэрэ, жиIащ.

Е-е-рау, уойда, къыщытпаубыдкIэрэ,
Жэнэт псынэ гущэр, иджы, уа, мэлыIичхэм
къытхузэрашэт, жиIащ.

Уа-а, ра, уойда, жэнэт псынэмкIэрэ дэ андез
къэ-уэ-дощтэр, иджы, уарайда!
Дэ къыткъуэщт гущэмикIэ, а махуэм янэм и пIынэр
щхьэрыгъщ, жиIащ.
Уа-а-ра, уойда, жор зыпщIэхэлъуэрэ

Дэ нэдгъэкIуа, уа, лIибл гущэми, уарайда,
Мэз Къуэдыбгъу гущэмкIэри, уа-уа, а махуэм тхытхэ
нышащI, Iэу!

Уэ-а-ра, уойда, Къалэдэс гущэм-а,
Дэ къытщыщIа лей гущэри, уарэйдэ,
Дяужь къинэ гущэм иджы а махуэм щыремыгъупщэ,
жиIащ, Iэу!
Уа-а-ра, уойда, с-ябгъу итынкIэрэ,
Уэ, зэзмыпэ-уа-са гущэми, уа-райда,
Мы си пащхьэ гущэм, иджы, уа, а махуэм
зыкъыщигъалIэт,
Е-е-рей, уойда, си лIынкIэрэ, уэ, сызэхъуэ-уа-пса гущэми
уа-райда!
Негъазэ гущэр, иджы, уа, а махуэм мэзым щIохьэж,
жиIащ, Iэу!

Уа-ри-а, уойда, Хьэжнэгъуейхэрэ,
Уэр, фи Нагъуэ, уа, дахэт, иджы, уа-райда,
Шэр щытехуэ гущэкIэрэ, уа, зэчыр жиIэурэ
зафIыредзых, жиIащ.
Е-е-рей, уойда, къэзакъ едзых гущэри
Дэ къытхуэзы-уа-ублэр, иджы, уа-райда,
Мыщхъуэжмэ и къуэкIэрэ-уа, а махуэм ди Хьэжы
дыщэт, жиIащ, Iэу!

Ей-ора-уо-оу, Анфокъуэрэ,
Уай, къуэлэн кIэхуитIурэ, ри-уа-ей, йоуэри...
Iэдэж уанэ тра-уа-йей, махуаем нытхузэрашэ.
Хьэжыгъашэ гущэмэ, уо-райда, уай, щезэуэ, махуэт,
иджы, уа-райда!
Зэу зэшитIти-рэ, а-уа-ией, еу-уей, мыгъуэ,
зыфIимыгъэщI, жи.

Къалэдэс гущэмэ, рэ-уа, уай, мы фи мэжджытыр, иджы,
ра-уо-ией,
Лъы икIыгъэкIэрэ, уай, а махуэм нызэщIацIалэ.

5.26. ПЛАЧ КАЛАДЕСОВЦЕВ

Уа-а-ро-ра-ой-да, петь ее,
Уар, <подобно> сурам из Корана, иджы, урайда!
Е-е-ра-ойда, то, что с нами,
С нами, каладесовцами, произошло, уа-райда,
Пусть не забудут те, кто после нас остается <на свете>!

Е-е-ра, уой-да, Кумы воду бурную
Собаки и свиньи, уа-уа, уор, пить брезгуют уже, уа!
<Ее> казачья сотня нам <пить> не позволяет [1].

Е-е-рау, уойда, когда нам ее <пить> не позволяют,
<Воду> из райских ключей ангелы нам доставляют [2]!

Уа-а, ра, уойда, <водой> из райских ключей мы абдест [3] совершаем, иджы, уа-райра!
А кто за нами струсит, на голове того его матери пина [4] надета!
Уа-а-ра, уойда, с крестами на шее [5]
Мы отправили семерых всадников, уарайда,
<Но они> у края леса, уа-уа, в этот день <от страха> дрожат!

Уа-а-ра, уойда, то, что с нами,
С нами каладесовцами, произошло, уарайда,
Пусть не забудут те, кто после нас остается <не свете>!

Уа-а-ра, уойда, тот, кого рядом с собой видеть,
Уа, я и не пожелала, уа-райда,
Впереди меня, иджы, уа, в тот день смерть <достойно> принимает.
Е-е-рей, уойда, тот, кого своим мужем, уа, я видеть мечтала, уа-райда,
Поворачивает назад, иджы, уа, и в тот день в лес убегает!

Уа-ри-а, уойда, Хажнагоевых,
Уор, ваша Наго, уа, красавица, иджы, уа-райда,

Пулю приняв, уа, с закиром на устах наземь бросается,
Е-е-рей, уойда, казаков наземь сбрасывать
Среди нас первым начинает, иджы, уа-райда,
Мисхожев сын, уа, в тот день наш Хаджи золотой!
Ей-ора-уой-ой, Анфока,
Уай, на двух пегих белохвостых, ри-уа-ей,
Ведомых под уздцы и с пустыми седлами
в тот день привозят[6].
То был день сражения с теми, кто развозит муку
[продовольствие],
Их двое братьев было, ра, а-уа-ией, <будучи ранены>,
не подавали виду[7]!

Каладесовцев, ра-уа, уай, ваша мечеть, ра-уо-ией,
Кровью, обильно пролитой, в тот день окрашивается.

[1] Первый стих данной строфы иносказательно указывает на то, что вода реки настолько сильно окропилась кровью, что стала непригодной для питья; второй – на то, что мирных жителей изгоняют с берегов этой реки.

[2] Иносказательное указание на то, что альтернативой жизни в родном ауле остается только гибель.

[3] *Абдест (андез)* – омовение перед молитвой; здесь – указание на то, что люди сознательно готовятся к смерти.

[4] *Пина* – женская шапочка; здесь – знак позора.

[5] «...с крестами на шее» – возможно, речь идет о переговорщиках из числа адыгов, бывших на русской службе.

[6] Погибших в битве было принято приносить домой на так называемых «конных носилках», для чего требовались две лошади; то, что они были «с пустыми седлами», свидетельствует о функции доставки погибшего.

[7] Смысл фразы не совсем ясен; один из атрибутов подлинного рыцаря – выдержка: герой не должен подавать виду, что ранение доставляет ему боль и неудобства.

Фонотека КБИГИ, м/л №532 ф/11. Исп. Нану Гусов: сел. Куба-Таба Кабардино-Балкарии; кабардинец. Партия «ежу» – Анатолий Казанов: сел. Куба-Таба Кабардино-Балкарии; кабардинец. Последние 4 стиха исполняет А. Казанов, «ежу» – Н. Гусов. Зап. 21.11. 1977 г. А. М. Гутова. Выписка с м/л Н. Г. Шериевой. Перевод на русский язык М. А. Табишева.

Текст представляет собой версию одной из песен, посвя-

щенных уничтожению царскими войсками мирных адыгских аулов.

Согласно преданию, аул Каладес (букв.: живущие в крепости; видимо, аул, расположенный на открытой местности, был укреплен, откуда и пошло его название) располагался на реке Куме, недалеко от нынешнего города Георгиевска. На требование царского военного командования покинуть родные места каладесовцы ответили отказом, что и стало поводом для уничтожения аула. Многочисленный отряд регулярной армии и казаков, окруживший селение, устроил жестокую резню; многие жители погибли, другие были угнаны в казачьи станицы, спасшиеся ушли в сторону гор, за реку Малку, которая была одно время определена границей между кабардинскими землями и территорией, занятой царскими войсками. – *Ред.*

5.27. АЖЫНЫЖЬЫМ И ЗАУЭМ СЫХОПЛЪЭ

Мыр, Ажынмэ зауэм сыхоплъэ,
Зы фончы дакъэ мэлыд,
Уэр, и фончы дакъэмкIэ сеплъэкIмэ,
Джэбэхъ мыгъуэр ирищIэжакъэ,
Ажын зауэм щымыIа фончыр
Си жьантэм къыщыпывмылъэ,
Ар жэхафэм фэ щыпыфлъэжыркъэ.
Гумыщхьэжьуэ топыр емынэщ,
Шу минитIыр къалэу зэхэтщ,
Къэплъэныкъуэр зыхэта дзэшхуэм
Топу ягъауэ мыгъуэр гуихщ.
Уэр, си нэр зэтесхыу сыкъаплъэмэ,
Мы сэшхуэ къихахэр пщхьэщытщ,
Шур зэрыгъэлъэхъуурэ мэкIуэж.
Пщакъэ щхьэдэхыжыпIэм
НэзэщIэпыджэр щагъэш,
Лъэгуанжэр кърегъэкъутэр
Мамкъутыкъуэу ди Заурбэч.
Заурбэчыр щаукIа махуэм
УдаукIынкIэ хъуэпсэгъуэт.
Ажыным бэтэгъэжь лъагэм
Лъы тхъурымбэр пощткIэ зэрашэ,
Къэнэмэтыр псымэ щикIыжым,
Пщы хьэдэм и къэшэжыкIэр
Гуащэнагъуэ фIэмыгунэст,
Гуащэнагъуэ зи пщIантIэ дэсым
И дыщэ пыIэр пщхьэрыгъщ.

5.27. НА АЖИНСКУЮ БИТВУ СМОТРЮ...

**Сражение под Ажином[1] наблюдаю,
Один приклад ружья сверкает,
Ор, на его приклад со стороны посмотрю,
Паутиной несчастной, о горе, он покрылся.
Ружье, что ажинскую битву не видело,
На мое почетное место не вешайте,
Его ближе к двери вы повесьте!
В верховьях Кумы гремящая пушка – чудовище,
Две тысячи всадников выстроились,
Большого войска, где находился Каплана сын,
Пушек стрельба – страшна.
Уор, глаза раскрою и гляну –
С обнаженными саблями <пешие> над тобой стоят,
А всадники крупной рысью уходят.
На Пшако[2] перевале
Рубка жестокая идет,
<В этой рубке> бедро раздробляют
Мамкута сыну нашему Заурбечу.
В день, когда Заурбеч погиб,
С ним вместе погибнуть было бы честью.
На Ажина оползающем склоне
Кровь пенистую повозками возят.
Канамет когда через реку уходил
Князя тело как привезли
Гуашанаго не по сердцу было.
О тот, в чьем дворе Гуашанаго живет,
Ее золотая шапочка на тебе сидит.**

[1] *Ажин;* в других версиях – *Аржин, Аржен, Арджи, Арджен* – топоним, местность, на которой ныне расположена ст. Зассовская.

[2] *Пшако перевал* – горный хребет близ г. Ставрополя.

Архив КБИГИ, ф. 12, оп. 1, ед. хр. 21о, пасп. № 1. Исп. Хабту Тлисов: 1880 г. р., аул Адыге-Хабль Карачаево-Черкесии; зеленчукский кабардинец. Зап. 25.09. 1960 г. А. М. Гукемуха. Перевод на русский язык М. А. Табишева.

5.28. ГЪУБЖЫМ И УЭРЭД

Ар, а гъубж гущэм и пщэдджыжьым
Дзэ фIыцIей жагъуэм дыкъыщIотаджэ,
Сабийуэ дэ къытщIэтаджэр
ФочыпэбжкIэ ныхагъэлъэт,
Лъы нэпсурэ дэ щIэдгъэлъэтым
Дарий джанэу куэщIыр къpeгъэуфэнщI.
Жырыщхъуэу си мастэ цIыкIур
Щауэ щIалэм къыхузогъадэ,
Си лIыну сэ сымыдам,
Си пащхьэм зыкъыщегъалIэ,
Си лIыну сызэхъуэпсам,
Си къуагъым зыкъыщегъэпщкIу,
Зи хьэдэр тхуэмыгъэпщкIуж<ыр>, –
ВытхьэкIумэ и къуэкIэ Къаниболэт<щ>.
Данагъуэу и пащIэшхуитIыр
ДоIэбейри къегъэджэрэз,
Анджылызу кIэрахъуэ псыгъуэр
Бэракъ жьэгъум щрегъэунэщI,
Дыщэжьу уи уанэгу щхьэнтэр
ЛъэтэпскIэ къызэкIуэцIапхэ,
Зи хьэдэр кIуэцIапхэжар, –
Бэлэтокъуэм фи Исмелышхуэщ.
Ар, а гъубж гущэм и пщэдджыжьмэ, уо-уа-ри-ей,
Дзэ фIыцIэ жагъуэмэ, ай лажьэ, дыкъыщIотаджэ,
Ау-ри-ра, ау-ри-ра-ра,
Ау-ри-ра, ау-ри-ра-ра.

5.28. ПЕСНЯ ВТОРНИКА

Ар, в тот вторник, гуша, ранним утром
Войско черное, грозное поднимается,
Дети, которые с нами встают
Штыками вскакивать заставляют,
Кровавые слезы, что мы проливаем,
Шелковых сорочек подолы увлажняют.
Мою иголку маленькую каленую
Будущему жениху заставляю шить,
Кого я не хотела своим мужем <иметь>,
Передо мной погибает,
Кого я своим избранником считала,
За моей спиной прячется,
Чей труп мы не можем спрятать, –
<Это> Витхакумова сын Каниболат.
Шелковые свои усы большие,
Подняв вверх <руку>, закручивает,
Английский револьвер тонкий
На подступах к стягу <врага> опорожняет,
Золотом старым <шитую> седельную подушку
Ремешком затягивают,
Чей труп, завернув, затянули, –
<Это> Болотоковых ваш Исмел.
Ар, в тот вторник, гуша, ранним утром, уо-уа-ри-ей,
Войско черное, грозное на нас поднимается,
Ау-ри-ра, ау-ри-ра-ра,
Ау-ри-ра, ау-ри-ра-ра.

Архив КБИГИ, ф. 12, оп. 1, ед. хр. 17и, пасп. № 6. Исп. Паша Жигунов: 1893 г. р., сел. Плановское Кабардино-Балкарии; кабардинец. Зап. 09.12. 1968 г. А. М. Гукемуха. Перевод на русский язык Н. Г. Шериевой.

5.29. ПСЫЖЬ УЭРЭД

Ди Псыжьыр уи нашэкъашэт,
И къуакIэбгыкIэм батэр щагъэш,
Лъыпсейрэ жагъуэр щагъажэ,
Ди щIалэ жанхэр уи псыхьэлъахуэт,
Лъэрытемытурэ нытфIырехьэх,
Дэ гущэр дызэхэзыхым,
НыбжькIэ гухэщIу щремыгъупщэ!
Гугъэпщэхыр зытетлъэгъуэну
Пщыжь бзаджэу Дарыкъуэ ябгэм
Гыбзафэ бащэр худогъэхъей,
ЩIалэгъуалэр щызэщIэхъаем
Хьэжьокъуэр дэ ди шу пашэщ.
Хьэдэшэжхэр къыщыдыхьэжым,
Щынэншэ мэл мыгъуэти зэщIогъуэ,
КъахэкъугъыкIыр Зейнэбщ.
Зейнэбу дахэр ныдоIэбейри
И щхьэцыр налъэ зырызу
Iэбжьанэм дэлъу къыздрехьэх,
Ар зэхэзыхым я гур къреч,
Зейнэб и куафэр кърычыжащ.
Псыжь къуакIэм лъыпсейрыжагъуэр,
Псыхьэлырыгъуэщи, щызожэ,
МыдэкIэ сабийуэ уи зэхэзежэр
Хэт мыгъуэм ежэлIэжын?
Сабийуэ дэ къытщIачахэр
Гъатхэпэ щынэ гущэти зэщIогъуэ,

Дзэшхуэр яугъуейри пщыжь гущIэгъуншэт,
Дзэшхуэ гущэр къыщыдашалIэм,
Щету дылIэным дыныхущIокъу,
Хьэдрыхэм хущIэкъуа цIыхухэр
Тхьэм и пащхьэм щыгуфIэжащ.

5.29. ПЕСНЯ ПСЫЖА

Наша Псыж [1] она извилистая,
В ее долинах большие события вершатся,
Жестоко кровь рекой проливают,
Наши проворные парни, принесены потоком,
<словно коряги>,
Сбитых с ног, их уносит,
Нас, гуша, слышащие
Всю жизнь <это> горе пусть не забудут!
Тот, на ком мы хотели бы зло свое выместить, –
<Это> князь жестокий Дарыко суровый.
Мы ему лавину проклятий посылаем,
Молодежи, что <на бой> поднимается,
Хажоко наш предводитель.
Трупы привозящие, когда возвращаются,
Словно овца, потерявшая ягненка, рыдают все,
Больше всех рыдает Зейнаб.
Зейнаб-красавица руку вздымает и
Волос своих пучки
Ногтями вырывает,
У тех, кто это слышит – сердце разрывается,
Зейнаб себе бедра растерзала.
<Там>, в лощине Псыжа жестокая кровь
Потоками разливается,
А здесь дети разбегающиеся
К кому, о горе, будут бежать!
Дети, оторванные от нас,
Ранневесенними ягнятами орут,
Большое войско собрали князья проклятые,
безжалостные,

Большое войско, гуша, когда подводят к нам,
Шагидами умереть мы стремимся,
Люди, стремившиеся в загробный мир,
Перед Богом воспрянули духом.

[1] *П с ы ж* – адыгское название реки Кубань.

Архив КБИГИ, ф. 12, оп. 1, ед. хр. 17и, пасп. № 27. Исп. Мажид Унажоков: 1913 г. р., сел. Вольный Аул Кабардино-Балкарии; кабардинец. Зап. 25.06. 1971 г. Х. Шогенова. Перевод на русский язык М. А. Табишева.

5.30. ШЭДЖЭРОКЪУЭМ И УЭРЭД

Шэджэрокъуэти Шэджэрокъуатхъуэ,
Уи шытхъуэжьыр лъэгуажьэ фIыцIэщ,
Фоч фIыцIэжьыр зауэм узэдегъэплъ,
Зи щуIэгъэм хуемыплъэкIыжыр
Бэлэтокъуэхэ Бэчмырзэ цIыкIурщ.
Арысейуэ уи хьэзыр тIощIыр
Куэбжэ дыхьэм къыщогъэкъутэ,
Мы дунейм и къутэжыгъуэм
Уэркъ щIалэр къыхремылъхуэ,
Уи анэжьу укъэзылъхуар
Хьэжь хабзу и гум щокъугъ.
Ямыфэгъу къуэлэныгъуэшхуэр
Iэдэж уанэкIэ зыхузэрашэ,
Хьэжыгъашэм зауэр щаублэм
А махуэм батэр егъэшыр,
А махуэм батэр зыгъэшыр
Хьэжыхэ фи Мысост цIыкIурщ.
Щомахуэхэ фи пщащэ дэгъуэм
Данагъуэр и щхьэцыкIитIщ,
Данагъуэр зи пащIэкIитIым
ЩхьэщIыбым щыхузэредзэ.

5.30. ПЕСНЯ ШЕДЖЕРОКО

Шеджероко, Шеджероко седой,
Твоя лошадь с черными коленями,
Черное грозное ружье о войне заставляет думать,
О своей супруге кто не думает, –

<Это> Болотоковых Бекмурза Малый.
Русские твои двадцать газырей
На входящих в ворота обрушив,
Мир этот, когда рухнет,
Уоркский юноша пусть не рождается,
Твоя мать, которая тебя родила
Волчице подобно в пустыне рыдает.
Несравненную <лошадь> пестро-пегую
Под уздцы коня для тебя ведут.
Когда в Хажигаше [1] битву затеяли,
В этот день кто горы сворачивает, –
<Это> Аджиевых ваш Мисост Малый.
У Шомаховых вашей девушки красивой
Шелка желтого две косы,
Носящему желтошелковые усы <она>
На затылке завязывает узлом <в знак позора за его трусость>.

[1] *Хажигаша* – топоним, местность не установлена.

Архив КБИГИ, ф. 12, оп. 1, ед. хр. 17и, пасп. № 23. Исп. Кешар Уначев: 1889 г. р., сел. В. Акбаш Кабардино-Балкарии; кабардинец. Зап. 13.12. 1956 г. Х. Шогенова. Перевод на русский язык Н. Г. Шериевой.

5.31. ШЭДЖЭРОКЪУЭМ И УЭРЭД

Шэджэрокъуэр щаукIа махуэм
Уафэбжэм зыкъызэкъуех,
Шэджырокъуэт Шэджэрокъуатхъуэ,
Уи шытхъуэжь мыгъуэри-тIэ,
Уэрайдэ, лъэгуажьэ фIыцIэщ.
Фоч фIыцIэжьурэ къанталоужьыр
Къэзэуат гущэмэ кIэлъызэрахьэ,
Дыхьэрэнурэ фэ плъыжь куэншыбэр
Ар, фочыпэ гущэкIэрэ зыщыдагъэх,
Уэркъ щIалэм зыщедгъэхынути,
Жэщ пIалъэ гущэмэ дынамыгъэс.
Санейуэ хьэзыр пщыкIутIыр
Куэбжэ дыхьэм триунащIэщ,
Езыр хэтхэ ящыщ жыпIэм, –
ХьэтхьэкIумэ и къуэкIэ Жаниболэтщ.
Щхьэгуащэу Тхьэр зыдэбгэным
Лъы бахъэр къызэрыдох,
Муслъымэну дызэхэзыхым,
Гъыбзэр дэ къытхуаус.
Арысей къэралым и куэдыр
Нэхущым дэ къытщIотаджэ,
Ди сабийуэ къэмытэджахэр
ФочыпэкIэ нызэбграх.

5.31. ПЕСНЯ ШЕДЖЕРОКО

В тот день, когда Шеджероко погиб
Двери небесные раскрываются,
Шеджероко, Шеджероко седой,
Твой конь серый, несчастный тоже,
Уарайда, с черными коленями.
Черное грозное ружье, несущее несчастье,
Для газавата, гуша, носят,
Из<шелка> красного корсет,
Ар, ружейным штыком с нас снимают,
Уоркский юноша, чтоб снял, мы мечтали, но
До <брачной ночи> дожить нам не дали.
Смородиновых моих двенадцать газырей
Во входящих в ворота <врагов> опорожнил,
А он сам чей родом, если спросишь, –
<Это> Хатхакумовых сын Жаниболат.
В Шхагуаше, Богом проклятой,
Кровавый пар поднимается,
Мусульмане, которые слышат нас,
Плач о нас возглашают.
То, что у русского государства в избытке,
На нас утром поднимается,
Наших детей, которые еще не встали,
Ружейными штыками разбрасывают.

Архив КБИГИ, ф. 12, оп.1, ед. хр. 17и, пасп. №24. Исп. Тембулат Иванов: 1889 г.р., сел. Ст. Черек Кабардино-Балкарии; кабардинец. Зап. 01.11.1956 г. Х. Шогенова. Перевод на русский язык М. А. Табишева.

5.32. ЖЫРАСЛЪЭН И УЭРЭД

Сотхьэусыхэ,
Тхьэусыхафэ гущэр согъэш,
Шы пшэр зэхуэфIыр
Къалэдэсым къытхузэрашэ,
Жан цIыкIум и хъарзыналъэр
Гъатхэпэм зэпытчыжащ.
Нэхущым и джэд гущэр къыщыIуэм,
Уэркъ щауэ гущэр фызыщIошасэ,
Бжэшхуэ гущэм фынызыдокIуалIэ,
Бжэшхуэ гущэм фынызыдеуIущ.
Си шэху уэздыгъэр щIэзгъанэщ,
Фэ лIы фIе[й]ри фэзыплъщ,
Санэху мыгъуэм фыздезгъэплъщ,
Санэхулъым фыздезгъафэщ,
Си къуэурэ Аслъэныр нывдэзутIыпщщ.
Аслъэныр си гум къридзэм,
Аржэн и шытхым сыноплъэ.
Уардэ унэжьу Тхьэр зыщIэбгэным
Щызуплъыхьым си щIалэ закъуэр щIэсыжкъым.
Си фащэ дахэр фIэдзат,
Си ержыбыжь гущэр къыпысхым,
Дыщэ сэмпал гущэм сыкъеплъым,
Гъуджэм и мазэхэти сыкъищкъым,
Фоч пащIэм сыкъеплъэкIыжмэ,
Бэджыхъыу ирищIэжат.
Аржэн и къалэ мыгъуэм
Тхьэр дыбгэ,

Пщы ябгэ щIалэр докIуадэр.
Аржэн и шытхым сриплъэм,
Жыг лыдинэ гущэр щагъэш,
Гум аузкIэ сыкъеплъэкIыжым,
Къэрабгъуэ гущэр зэрашэкIыж.
Данэху сарыкъ едзых гущэр зэблэдзу
Къалмыкъ едзых гущэр хэзнэжт,
Къанокъуэ и къуэкIэ Етэч, –
Бэчмырзей гущэм ди бжаблэ ичыжщ.

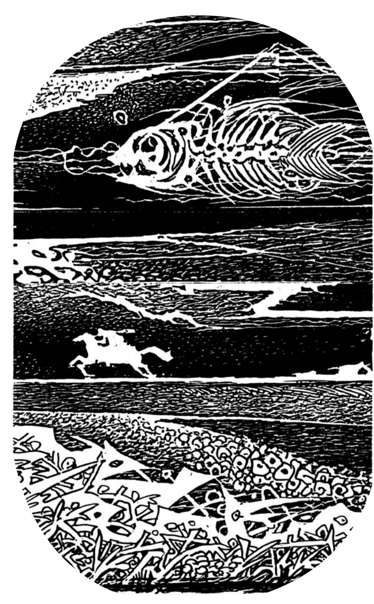
5.32. ПЕСНЯ ЖИРАСЛАНА

Я сетую,
Песню-плач, гуша, я пою,
Лошадь выезженную
Каладесовцы приводят,
Жана Малого поместье
В начале весны разоряют,
На рассвете, когда <петух>, гуша, заголосит,
Уоркские юноши, гуша, дружно седлаете коней,
К большим воротам, гуша, дружно подъезжайте,
В большие ворота дружно стучитесь.
Свечку восковую я зажигаю,
Нечистыми вас признав,
Светлую сана я вам показываю,
Белым вином вас напоил,
Моего сына Аслана с вами отпустил.
Когда по Аслану я скучаю,
На хребет Аржина гляжу,
В этом большом доме, да проклянет его Бог,
Когда я оглядываю, нет моего единственного сына.
Мой наряд красивый висит,
Мое ережибовское <ружье>, когда сниму <с гвоздя>,
Золотой затвор, гуша, осматриваю,
Как в зеркале безумной ночью нет отражения,
На дуло ружья еще раз оглядываюсь,
Паутина внутри затянулась.
Крепость Аржина, о горе,

Пусть Бог проклянет,
Князь суровый, юный в нем гибнет.
На хребет Аржина когда смотрю,
Деревьев стволы, гуша, сгибают,
В Гумской долине, когда оглянусь, <вижу> –
Труса, гуша, уводят.
Шелковая белая чалма со светлошелковыми подвесками
Крест-накрест калмыкской подвески, гуша, лишаюсь,
Каноков сын Етэч, –
У Бекмурзовского аула[1] <сегодня день> утраты
дверного косяка.

[1] *Бекмурзовский аул* – Ныне бесленеевский аул Коноковский на берегу р. Уруп в Успенском районе Краснодарского края.

Архив КБИГИ, ф. 12, оп. 1, ед. хр. 21о, пасп. № 4. Исп. Нагой Ширитов: 1872 г. р., сел. Баксаненок Кабардино-Балкарии; кабардинец. Зап. 16.06. 1957 г. М. Керимова. Перевод на русский язык М. А. Табишева.



5.33. КЪАНОКЪУЭМ И УЭРЭД

Етэч и къуэу Щэрэлыкъуэпщ,
Уардэ унэхэр зэгъуэкIщ,
Уи хьэщIэгъуакIуэхэр докIыж,
Чэщей щхьэгъубжэхэр зэIуож,
Сыплъэнщ жызоIэри зызогъэхьэзыр.
Уэртэным и къалэм сыдоплъэ,
Уэртэным и къалэм Тхьэр дыгъэ.
Бгыр зи гъуэгуу, гушхуэ зыкIуэцIылъ,
Пщы ябгэ закъуэри дэкIуадэщ.
Къарэкъулэным и шыгъуэхэр
Къуэщхьэ къуагъым къытхукъуэзыху,
Хым хэтыр къытхухэзыш,
НыбжькIэрэ джатэ гъэхуахуэщ,
Хуарэхэр къытхузэблехъу,
МыжьыкъышкIэ зрегъэхъуэж,
Уэ сытхэр дыусыжын!
Быдзышэ хужькIэ сыпхуи[э – ?]пIат,
Бгъафэ чэсейкIэ успIат,
Мылыф и пIэжьми уранэ,
Пщым и хьэдэр къызэрынамкIэ
ХьэгъакIэ пщащэри мэгусэ,
Жыр лэныстэм сыкъыхуэнамэ,
Пщым и хьэдэр къэзмыгъэнэнкIэ.
Джатэ кIэщI зыIыгъыр
Хьэгъундокъуэр аращи иремыбэлэрыгъ,
Пщы хьэдэ къэгъэнэныр

**КIэмыргуейм и хабзэкъым,
Ар зи хабзэр унэм иремыкIуэж.
Хьэтууейм димыхабзэххэу
Тхьэщауэ и къуэм къытхуиублащ.
Пщым... хабзэр...
Ирыгу шапсыгъыр щаукIым,
Лъахъэдыгъу и къуэр псым нокIыж.
Псыуэ нызикIыжар Кубанти, зэпэнэпкъитIщ,
Пщым и хьэдэр адрыщIкIэ къэнат.
Пщым и хьэдэр хэт недгъэхьын,
Лъахъэдыгъум дыщыгугъати,
Губгъуэм пщы хьэдэр къринэщ.
Уэ сытхэр дыусыжын мыгъуэ?
Хъан и къуитIым дыщэр я пащIэщ,
ЩIэращIэ и къуэхэр дохъутей темыхщ,
Хе[й]уэ къаукIар кърамыхьэхыу
Унэм дахьэж.
Мызэ и къуэжьитIыр къэрабгъэжьитIти,
Къамыгъазэу я унэ дохьэж,
Шыщхьэмыгъазэу зезымыгъэзыхыр
Ар хэтхэ я лIакъуэ жыпIэмэ, –
Къэрэмызэм и къуэкIэ Акъещ.
Болэтыжьым и къуэкIэ Алъхъуоужь.
Къэрабгъуэ джанэр пхуабз,
Си жыр лэныстэр мэбзакъуэ,
Жыр мастэ кIэщIри мэкъутэ,
Дуней къутэжти,
Пщы хьэдэр хэкIуэдащ.
Лъэпщ и къаным икъутэжынур
Си пащхьэм къыщызэфIумыдзэ,
АдэкIэ ныфIадзэжащ.
Данагъуэр зи пащIэкIитIыр
Къамылыжьым щызэралъафэ,
Шы задэ лъэхъукIэ нахьыж,
Пщым и хьэдэр дахырт,
Уэ сыт мыгъуэр дыусын?**

5.33. ПЕСНЯ О КАНОКОВЕ

**Айтеча сын Шеретлоко-князь,
Дворцы <твои> безлюдные,
Твои гости уходят,
Окна самшитовые растворяются,
Посмотреть, решив, готовлюсь.
В Ортана крепость [1] гляжу,
Ортана крепость пусть Бог проклянет (букв.: заплачет).
По горам чей путь лежит и кто мужественное сердце имеет,
Князь суровый единственный, <в ней> затерялся
Каракулановских коней буланых
Кто из-за холма нам выгоняет,
Обитателей моря нам выводит,
Он всю свою жизнь мечом играл,
Чистокровных коней <под своим седлом> менял,
На мужицкого <беспородного> коня меняет,
Что мы будем <теперь> сочинять!
Материнским молоком белым меня [тебя – ?] вскормила,
Белой грудью тебя я вскормила.
<О том, что> тело князя оставили
Хегаковская девушка печалится.
Если бы <даже> только стальные ножницы оставались,
Тело князя не оставила бы.
Меч короткий кто держит, –
<Это> Хагундоков, пусть будет внимательным,
Оставлять тело княжеское
У темиргоевцев в обычае никогда не было,
У кого это в обычае, <пусть> домой не возвращается.
У хатуеевцев это в обычае не было,
Тхашауа сын <такое> завел.
<...>
Ируга-шапсуга когда убивали,
Тляхадугов сын через реку переходит.
Реку, которую переходит – это Кубань, и
Берега ее с обеих сторон крутые,
Тело князя на другом берегу осталось.**

Тело князя кого заставим принести?
На Тляхадуга надеялись,
А он в поле тело князя оставил,
Что мы будем сочинять, о горе!
Хана два сына золотоусые,
Любителя рядиться сыновья с <ружей> чехлы
не снимали,
Безвинно убитых не снимая <с коней>,
Во двор дома заносят.
Миза два сына – оба трусы,
Не повернувшись, в свой дом заходят.
Не сворачивающий и не приклоняющийся
<в сражении>
Из чьего рода, если спросишь, –
Это Карамурзов сын Акеш.
Болата старого сын Альхо могучий
Кроют для тебя рубашку труса,
Мои стальные ножницы не по линии режут,
Стальная иголка короткая крошится,
Это время, когда мир крушится,
И тело князя <в нем> исчезло.
То, что Тлепша любимец разрушит
Передо мной не вешай,
Дальше повесили.
Того, кто с желто-шелковыми усами,
По камышам густым <тело> волочат,
На неоседланном коне крупной рысью
Тело князя несли <хоронить>,
О, что мы, о горе, сочиним!

[1] *Ортановская крепость* – топоним, местность не установлена.

Архив КБИГИ, ф. 12, оп. 1, ед. хр. 20а, пасп. № 7. Исп. Чаго Акбашев: 1882 г. р., аул Первомайский Карачаево-Черкесии; кабардинец. Зап. 15.09. 1958 г. П. М. Багова. Перевод на русский язык М. А. Табишева.

5.34. ИРЫГУ ЩХЬЭПСЫГЪЫМ И УЭРЭД

Си абдж щхьэгъубжэр зэIуож, сэрмахуэ,
Аржын и къалэм сыдоплъэ,
Аржын и къалэм Тхьэр дыбгэ,
Пщы ябгэ закъуэр дэукIуадэщ.
Къарэкъуэлэным и дахэр
Iуащхьэ къуагъым къыкъуребгъэхущ,
НыбжькIэ ухуарэзешэт,
Мыжьыкъ алащэкIэ къашэжыр, –
Етэч и къуэкIэ ди Щэрэлыкъуэщ.
Ди къану ди Гуащэнысэ,
Быдзышэ хьэкъкIэ дыпхуэпIэщ,
Мылыфэ пIэжьым дыкъинэщ,
Пщы щауэм и къэгъэнэкIэм
ХэгъэкIэхъу пщащэр мэгусэ,
Ирыгухэ я нысэр ирогубжь.
Ирыгу Щхьэпсыгъыр щаукIым,
Лъэхъэдыгъур псым щикIыжым,
Пщы хьэдэр хэт къихьыжын щыжаIэм,
Хъан и къуитIым данэр я пащIэт,
Зэхуэдэ шу щIэрэщIитIт,
Ра, а махуэм дохъутей темыхщ.
Жэщыбг щыхъум зауэр наублэ,
Псыфэр Iумылти дагъажэ,
Ди адэ и жылэм дыкъыIурагъэш,
Шы кхъаблэкIэ зрегъэхьыж, –

Етэч и къуэкIэ ди Щэрэлыкъуэм.
Быдзышэ хьэкъкIэ дыпхуэпIэщ,
Мылыфэ пIэжьым дыкъинэщ,
Пщы щауэм и къэгъэнэкIэм
ХэгъэкIэхъу пщащэр мэгусэр.

5.34. ПЕСНЯ О ИРУГОВЕ ШХАПСИГО

Мои застекленные окна распахиваются, сармахо,
В крепость Аржина гляжу я,
Крепость Аржина пусть Бог проклянет,
Князь суровый единственный в нем погиб.
Из <породы> каракуланов красивейших <лошадей>
Из-за холма заставил выгнать,
Всю жизнь ты водил хуару,
<А тут> на мужицком мерине привозят, –
<Это> Айтека сын наш Шеретлоко.
Наша воспитанница Гуашаниса,
Материнским молоком мы тебя вскормили,
В постели из прошлогодней сухой травы мы остались.
Тем, как юный князь был оставлен <на поле боя>,
Хегаковская девушка расстраивается,
Ируговых сноха сердится.
Ируговых Шхапсиго, когда погиб,
Лахадугов когда через реку ушел,
Тело князя кто принесет, когда сказали,
Два сына Хана были шелковоусые,
Одинаковые два всадника нарядные,
Ра, в этот день не снимали чехлы для ружей.
В полночь войну начинают,
По льдом покрытой кромке нас бежать заставляют,
С отцовской земли нас увозят,
На конных носилках быть привезенным удостоился, –
<Это>Айтека сын наш Шеретлоко.

Материнским молоком мы тебя вскормили,
В постели из прошлогодней травы мы остались,
Тем, как юный князь был оставлен <на поле боя>,
Хегаковская девица расстраивается.

Архив КБИГИ, ф. 12, оп. 1, ед. хр. 21о, пасп. № 5. Исп. Хатут Шомахов: 1886 г. р., сел. Малгобек Северной Осетии; кабардинец. Зап. 09.10. 1957 г. М. Керимова. Перевод на русский язык Н. Г. Шериевой.

5.35. КЪУНДЕТ И КЪУЭ МЫХЬЭМЭТ ІЭШЭ И УЭРЭД

ДынокIуэталIэри даукI,
ДыкъыIуокIуэтри дауб,
Дызыубыр Мыхьэмэт Іэшэщ.
И хьэзырыр и кIэм щырех,
Дохъутей техынхэр лIыгъэжьщ.
Нэгъуеижьхэм фи зэпэбашыр
Нэпкъыпэм щыздыхывосэ,
Тыгъуэнхэ фи Мусэ цIыкIур
А махуэм дэрыгун пашэщ.
Данагъуэр зи пащIэкIитIыр
Къамылыжьым щызэралъафэр,
Шыпсафэ зауэр наублэри
К'этэн и дорбэр зэрахьэ,
Къэрэшей щыдыхьэкIэ ди гъуазэщ,
Зыгъэзэжыгъуэм Тхьэм хуишэ.
Бгъурышасэкlэ Бэчыр гъэжэхугъуэ дригъэхуэнт.
Къэрабгъэ джанэр пхузобзыр,
Си жыр лэныстэр мэбзакъуэ,
Си мастэ кIэщIыр токъутэ,
Лъэпщыжь и къанмэ икъутэжыныр
Имыгъэуэххэу нехьыж.

5.35. ПЕСНЯ О МУХАМЕТЕ КОЛЧЕРУКОМ

**Подойдем – нас убьют,
Отступим – о нас злословят,
Злословит кто – Мухамет Колчерукий.
<Свои> газыри снимает в конце,
Чехлы снимать <с ружья> – слава.
Ногайцы, вы свои сошки
На обрыве ставите,
Тугановых ваш Муса Малый
В этот день драгунский предводитель.
Обладателя желто-шелковых усов
Среди камышей таскают волоком,
У водопоя, когда битву начинают
Катановскую торбу носят,
В Карачае, когда заходят, – <он> наш предводитель,
Дай ему Бог проявить себя [развернуться].
Бгурушасовых Бачир отдохнуть позволил бы.
Труса рубашку шью тебе,
Мои стальные ножницы не по линии режут,
Моя иголка короткая ломается,
Тлепша кан [воспитанник] то, что разобьет (т. е. ружье),
Не разряжая, домой приносит.**

Архив КБИГИ, ф. 12, оп. 1, ед. хр. 20а, пасп. № 24. Исп. Кешар Уначев: 1863 г. р., сел. В. Акбаш Кабардино-Балкарии; кабардинец. Зап. 13.12. 1946 г. Х. Шогенова. Перевод на русский язык Н. Г. Шериевой.

5.36. ПЩЫ АСЛЪЭНДЖЭРИЙ

(Гущэкъу уэрэд)

Жэщыбгыр мэхъури
Джэдыр къыщыIуэм,
Уи адэр уэ къоджэри
Укъегъэтэдж,
Уи джыдэр къощтэри
Iуэбжэ хьэлэр къыIубоуд,
Iуэмэ унохьэри
Уи пэхужьитIыр зэкIэрыбощIэ,
Iуэм къыбошри
Гумэ къыщIощIэ,
Мэзым унокIуэ.
Мэзу уздэкIуэр
Асыкъуей мэзщ,
Дейр лъэбыху дахэт,
Уи джыдэр къощтэри ибоупщIэтыхь,
Гумэ къыболъхьэр,
КъызэщIокъузэ,
КъызэщIокъузэри укъыхокIыж,
Гъуэгум утохьэ.
Уи пэхужьитIыр
Кхъуагъэм къыщощтэ,
Укъэмыщтэн щхьэкIэ,
А махуэм зыбогъэукI, –
Уей маржэ, пщыгуэрэ Аслъэнджэрий!

Ар езыр Іэпхъуамбэ пІащэт,
Шэ пІащэрыуэт,
Техуэмэ, иремыхъуж,
Уей маржэ, пщыгуэ Аслъэнджэрий!

5.36. ПЕСНЯ КНЯЗЯ АСЛАНДЖЕРИЯ

(Колыбельная песня)

Глубокая ночь наступает, и
Во время пения петухов
Твой отец позвав,
Поднимает тебя.
Свой топор берешь и
Клин в воротах скотного двора выбиваешь,
В скотный двор заходишь и
Своих беломордых <волов> связываешь
друг с другом,
Выводишь из скотного двора и
В повозку запрягаешь,
В лес с ними отправляешься.
Лес, в который едешь –
Асыкоевский лес [1].
А орешники светлоногие красивые,
Свой топор, взяв, ты вырубаешь,
Кладешь в повозку и
Перетягиваешь <веревкой>,
Перетягиваешь и выезжаешь <из лесу>.
На дорогу выезжаешь,
Твои беломордые два <вола>
В местечке Куага [2] вздрагивают,
Чтобы не испугаться [не подать виду],
В этот день на смерть идешь, –
Уей, маржа, князь Асланджерий!
Он сам с крупными пальцами,
Крупными пулями стрелял,
В кого попадет, пусть не выживет, –
Уей, маржа, князь Асланджерий!

[1] *Асыкоевский лес* – топоним, местность не установлена.
[2] *Куага* – топоним, местность не установлена.

Архив КБИГИ, ф. 12, оп. 1, ед. хр. 31, пасп. № 41. Исп. Жамурза Кишев: 1888 г. р., сел. В. Акбаш Кабардино-Балкарии; кабардинец. Зап. 12.10. 1956 г. З. М. Налоева. Перевод на русский язык М. А. Табишева.

33 Заказ № 246

5.37. БЕЩТО ЖАМБОТ И УЭРЭД

Щолэхъужьыр кIэбдзкIэ егъафэ,
Шэ уэфхэр зытрегъахэ, –
Бещтом и къуэкIэ ди Жамбот дыщэ.
Къэбэрдейми щынэрылъагъу,
Ди цIыхухэм ялъэгъужын, –
Бещтом и къуэкIэ ди Жамбот дыщэ.
Уи шы къарэжьыр хуэлъэпщт,
И лъэгуажьэпщэм къыщещтэ,
И дзэ кIапитIыр къехуз,
«Сывмыгъазэххэу сыфшэ!»
Шорэ и псынэм фочыр къыщещтэ,
Шорэ и псынэм зауэр щеублэ,
Бэчу и гъусэр лIы цIыкIу макъышхуэт,
ПщIэгъуалэмкIэ дзэшхуэм нахохьэ,
Уей, зыхыхьэр сэшхуэрыуэшхуэщ.
Жамботышхуэр екIэ мэдалъэр,
Лъэрытетурэ щхьэхэр пегъэщ,
А щIалэр хэтхэ ящыщ жыпIэм, –
Бещтом и къуэу ди Жамбот лIыхъущ.
ЛIыфI пашэти, и кIуэдыжыгъуэт,
Борыкъуей пщыIэхэр ягъэс,
Губгъуэ станицэхэр якъутэ,
Губгъуэ станицэхэр щакъутэм,
Инэрал пакъэм и топыр
Бгырысхэм я дзэбгъум щегъэпс,
Жамботым и фоч гъэпсар
Мыубзэщхъуу а махуэм мауэ.

**Зэ уэгъуэм топгъауэ лIышхуэр
А щIыпIэм къыщыхегъащIэ,
ЩIэращIэм и фочыжь хьэлъэр
Имыгъэуэххэу къахьыж.
Дыщэ цеишхуэр щыщыгъым,
Дыщэ лъэрыгъым ущитым
Шууищэ урапIэу ди гугъэт, –
ЩIэращIэм и къуэу Мысост.
Къэрабгъэ джанэр къебгъэбзщ,
Ди жыр лэныстэр мэбзакъуэ,
Ди мастэ кIэщIыр текъутэщ.
ЩIэращIэу, уей, ди Мысостыжьыр
Си пащхьэм къысхуивмыгъаплъэ,
И хъыбари къысхуэвмыхьыж,
Фызхэми яхуэфIуэтэж.**

5.37. ПЕСНЯ-ПЛАЧ О БЕШТОЕВЕ ЖАМБОТЕ

**Шолоховского <коня> доброго на задних ногах
<заставляет> танцевать,
Под град пуль становится, –
<Это> сын Бештоева – наш Жамбот золотой.
В Кабарде <наездник> приметный,
Пусть люди тебя <не однажды> приметят, –
Сын Бештоева наш Жамбот золотой.
Твой конь черный могуч,
Бедрами выше колена берет,
Войско <вражеское> притесняет,
«Не отступая, вперед ведите!»
У родника Шоры[1] за ружье берется,
У родника Шоры битву затевает,
Бек, его товарищ, был маленький мужчина
с громовым голосом,
На своем белом <коне> в большое войско врывается,
Уей, куда он ворвался – <это> большая шашками рубка.
Жамбот большой страх наводит,
Головы отсекает так, что они еще остаются на месте,
Если спросишь, чей это юноша, –**

Сын Бештоева наш Жамбот храбрый.
Добрый был предводитель, но время ему предписанной гибели пришло.
Борукаевские шатры поджигают,
Степные станицы разрушают.
Когда степные станицы разрушали,
Генерал курносый свои пушки
У флага войска горцев заряжает,
Жамбота ружье заряженное
Не делая осечек, в тот день стреляет.
Один выстрел – и пушкаря-детину
В этом месте сражает,
Нарядного <князя> ружье тяжелое
Не сделавшим выстрела, назад приносят.
Когда на нем была золотая черкеска,
Когда ты стоял в золотом стремени,
Ты мне казался равным сотне наездников, –
Нарядного <князя> сын Мисост.
Скроили для тебя рубашку труса,
Наши стальные ножниц делают огрехи,
Наша иголка короткая ломается,
Нарядного нашего, ой, Мисоста презренного
Передо мною не выводите,
И вестей о нем мне не приносите,
И женщинам о нем рассказывайте.

[1] *Родник Шоры* – гидроним, местность не установлена.

Архив КБИГИ, ф. 12, оп. 1, ед. хр. 21, пасп. № 27. Исп. Хажби Хамгоков: 1873 г. р., сел. Зарагиж Кабардино-Балкарии; кабардинец. Зап. 17.06. 1958 г. Х. Шогенова. Перевод на русский язык М. А. Табишева.

5.38. АЖЭГЪУЕЙХЭ АСЛЪЭМБЭЧ И КIУЭДЫЖЫКIЭ, АБЫ И УЭРЭД

Ажэгъуей Аслъэмбэчыр щIалэ лъэрызехьэ гуэрт. Езыр гуащIэрыпсэухэм ящыщт. ШынагъэкIэ къэзыгъэзэну лIытэкъым. Аслъэмбэчым фыз къишэну мурад ищIауэ, лъыхъуэурэ, зы щIыпIэ пщащэ дэгъуэ гуэр къыщигъуэтащ. Пщащэм хуабжьу егуэкIуащ. Ауэ лъэпкъкIэ яхуэдэтэкъыми, къратын ядакъым. Ар мо щIалэ пхъашэм игу темыхуэу шу тIощI зыщIигъури а пщащэм лъыхъуну кIуащ, кърамытым къихьыну и мураду. Зэман зыкъомкIэ щыIэхэри, зэрымыхъуныр ящIэри, пщащэр къратри и нэчыхь ятхащ. Аслъэмбэчри и шу гупыр къишэжри къэкIуэжащ. КъыздэкIуэжым, я къуажэм къэблэгъэжауэ, къаплъэри къуажэм дзэ къатеуэри хьэлэч ящIауэ, цIыхубз иралъэфэжьахэу зэрызехьэхэу ялъэгъуащ.

– Алыхь-Алыхь, мы дэ дызыхэтхэр зыкIи сэбэпкъым, мыр лIэужь, ди къуажэр хьэлэч хъуащ, фынакIуэ! Нобэ дызэрылIэн фIэкIа дыпсэуну дыхуей къым, – жиIэри Аслъэмбэчыр илъащ, дзэм яхэлъэдэну, зэуэну.

– Уэлахьи, Аслъэмбэч, дэ абы дыкIуэкIэ тщIэжыфын щымыIэ, сыти тщIэжыфын? – жаIэри и гъусэ шухэм лъэныкъуэ егъэз защIыну, зэрыIукIыным иужь ихьахэщ.

– Уэлахьи, сэ нобэм адэкIэ сыпсэуну сыхуэмеиж, – жиIэри Аслъэмбэчыр елъэдэкъауэри щIэпхъуэри ежьэжащ. Мыдрей шу гупыр IукIри хыхьэжащ.

Ауэ ахэм ящыщу Аслъэмбэч нэхъ и ныбжьэгъуфIу зыгуэр къахэкIри иужь иуващ: «Уэлахьи, Аслъэмбэч и лIэр сэри си лIэм, ар мыпсэужу сэ сызэрыпсэуным сыхуэмей!» – жиIэри. Зэрыжэм хуэдэурэ дзэм яхэлъадэри зауэр щIадзащ.

Аслъэмбэч и шыпхъуу зы пщащэ дахэ гуэр щыIэт, ФэрдэускIэ еджэуи, ари дзэм ирихьэжьати, къатрихыжащ,

зыхьри иукIащ. И шыпхъур кърихьэжьэжауэ къихьыжу, дзэр къезауэу хуежьэри, Аслъэмбэчри и ныбжьэгъу и гъусэри абдежкIэм къыщаукIри Фэрдэусу и шыпхъу дахэри дзэм яIэрыхьэжащ. Дзэри зэрыдэхыжащ. ЩIалитIым я хьэдэр щыщIалъхьэм, Аслъэмбэч и гъусам и анэр Аслъэмбэч и дыуэщIым яхыхьэри: «Аслъэмбэч и анэр гъыкIэ емыкIу фымыщI, абы и анэми, нэгъуэщIми апхуэдэ къыхуэлъхужынукъым. Ауэ сэ си къуэм хуэдэ хэти къилъхуфынущи, сэ сыгъым емыкIущ», – жиIащ. Абы къыхэкIыу Аслъэмбэч уэрэд хуаусащ.

Ажэгъуейхэ я Фэрдэусыр
ДаныскIуейм кIэсурэ щыдахым,
«ДакIэлъоплъри пщащэр долъагъу,
Идогъэхьри жылэм ди хъуэнщ,
Догъазэри ди напэр токI,
ДаукIым ди бжэ хуэщIыжщ», –
ЖеIэри уэркъ щауэ щIалэт,
Ар нэмысыфIэти, хогупсысыхь.
«Ди ныбжькIэ зэ дылIэжынущ,
ДаукIми, дыкъэзэуатщ,
Тхьэм къытхуищIари тлъагъунщ», –
ЖеIэри щIалэ мэхъаджэм егъазэ.
Дзэшхуэм хэуэныр еублэ,
Дзэ фIыцIэжьыр къызэдыхуолъ,
Дарий къэпталым лъыр ез,
ХакIуэ щолэхъуурэ пщIэгъуалэм
Лъы фIыцIэр къытребгъакIэщ,
Данагъуэу си пащIэкIитIыр
Фоч гъауэкIэ нащрегъанэ,
Аслъэмбэчым и псэр щыщинэм,
ДаныскIуейм пщащэр ныIуахщ.
Данагъуэу си щхьэцышхуэмкIэ
Тэрмэтасыр ныззщIызобгъэ,
Сыбгъурысу жорым хуэлажьэм,
Анэм къилъхур лажьэу къызитщ.
Чэщейуэ си IэбжьанипщIым
Лъы лъагъуэр кIуэцIрызогъэх,
Инжыджыжьым дыщыдыхьэжым,

ДаныскIуейхэм хьэкъур къызадз.
Бырысыфэу си зэпырыдзыр
Лъы нэпсым кIуэцIрезгъэхщ,
Анэдолэу си дыщэ плIэпсыр
Фоч бжыпэкIэ зыщызагъэх.
Муслъымэну диным ирилажьэм
Къыдалэжьыр щремыгъупщэ,
Ди лъэпкъым яхуэмыфащэу
Щэныншагъэр къыдалэжьащ.
ЩхьэщIыб лажьэр къажьэхэуэну
Си Тхьэу зи закъуэм солъэIур,
Ди адэжьурэ дыкъэзылъхуахэм
Фи тхьэлъэIур Тхьэм къыфхуищIэнщ.
Лъы щIэжыпIэ фыщихуэ махуэм
Къытхуихуахэр фщремыгъупщэ,
Зи дунейр зыщыгъупщауэ си Аслъэмбэчым
Илъ мыгъуэр хэт ищIэжын,
Псэ закъуэти, и бжэр хуищIыжыпащ.
Пщащэ мыгъуэурэ сом мин и уасэр
Дыщ жьантIэ мыгъуэм дэгъухьыжакъэ,
Уэркъ щауэфIу къэзэуат пашэр
Ажэгъуейхэ фи Аслъэмбэчти епсыхыжащ.
Ажэгъуейхэ фи Аслъэмбэч щIалэр
Хьур хъыджэбзхэм нызэIэпах,
Щет къабзэу хэкIуэдэжати,
Жэнэт бжэIур хузэлъыIуах.
Хьур хъыджэбзхэр и дэджэгуэгъуу
Жэнэт псэупIэр Тхьэм зритар
Ажэгъуейхэ фи Аслъэмбэчышхуэрщ.

5.38. ГИБЕЛЬ АСЛАМБЕЧА АЖАГОЕВА, ЕГО ПЕСНЯ

Асламбеч Ажагоев был славный юноша. Сам он происходил из крестьян. Не из тех он был, кто перед страхом отступит. Решив жениться, он в поисках нашел в одной местности красивую девушку. Очень ему девушка понравилась. Но поскольку по рождению он был не ровня, ее отказались выдать за него.

Рассердившись на это, он взял с собой двадцать наездников и поехал свататься, с намерением умыкнуть девушку, если ее добром не выдадут за него. Находился он там долго, покуда те не поняли, что у них другого выхода нет, выдали за него девушку, заключив и брак. Асламбеч увел <тогда> своих наездников и возвратился к себе. Подъезжая к селению, глянули <всадники> и увидели, что оно разорено войском, увидели и то, как отбивались женщины, которых <нападавшие> захватили с собой.

– Аллах-Аллах! То, чем мы заняты, ничто, а это важно! Наше селение разорено, помчались! Нам сегодня незачем жить, – сказал Асламбеч и понесся с намерением ворваться в гущу врагов и воевать.

– Уаллаги, Асламбеч, оттого, что мы туда направимся, ничего поделать не сможем, и что мы можем? – так сказали его спутники, намереваясь уклониться <от участия>.

– Уаллаги, я предпочту сегодня не жить, <чем стерпеть такой позор>, – сказал Асламбеч, пришпорил коня и уехал. Всадники же отъехали в сторону.

Но один из них, бывший хорошим другом Асламбеча, направился следом за ним, сказав: «Уаллаги, гибель Асламбеча – и моя гибель, если его не будет, то и я не хочу жить!» Как решились, так и на войско напали и завязали сражение.

У Асламбеча была одна сестра красивая, по имени Фардаус. Ее тоже войско захватило как добычу, и <Асламбеч> отбил ее. <Но> войско <целое> стало против него, и сам Асламбеч и его друг там погибли, а Фардаус снова забрали. После этого войско ушло.

Когда тела юношей хоронили, мать того парня, который был с Асламбечем, пришла на похороны Асламбеча и сказала: «Не осудите, если мать Асламбеча плачет, ибо ни она, ни другая мать подобного ему не произведут на свет. Но такого, как мой сын, может родить любая мать, поэтому мне будет предосудительно плакать». Вот по такому поводу об Асламбече сложили песню.

Ажагоевых Фардаус-<красавицу>
<Когда> донские <казаки> увозили
Глядим вперед – и видим девушку:
«Позволим украсть – получим упрек,

**Вернемся – опозоримся,
Если нас убьют – значит, дверь затворится», –
Говорит уоркский юноша,
Он был благовоспитанным, <и потому> задумался.
«Все равно мы когда-нибудь умрем,
Если убьют, то <погибаем> в священной войне,
Увидим, какую судьбу нам Бог послал», –
Говорит, и юноша суровый поворачивается <назад>,
Войско бить начинает.
Войско черное дружно выступает,
Парчовая рубашка <мужская> кровь процеживает,
Жеребца шолоховского белого окропляешь,
Золотистые усы мои
От ружейных выстрелов <дымом> изводятся,
Донские <казаки> увозят девушку.
Золотистыми моими волосами густыми
Я тарантас <весь> накрываю,
Сидевший со мной крестопоклонник
По <брату> родному кручину мне доставляет.
Аккуратными десятью ногтями своими
Кровавые следы <на своем лице> провела,
Когда мы возвращаемся в Инджидж родной
Донские <казаки> заарканивают <меня>.
Анатолийской ткани мою клетчатую <кофту>
Кровавыми слезами я прожгла,
Свой золотой анатолийский ремешок
Штыком заставляют с себя снять.
Мусульмане те, что вере служат,
Пусть не забудут того, что с нами делают,
Недостойное нашего рода
Позорное <дело> над нами совершили.
Чтобы позором им же это обернулся
Бога моего Единственного я прошу,
Наши предки, кто породил нас,
Бог услышит вашу просьбу.
В день, когда вы могли бы отомстить <за нашу кровь>,
Пусть вами не забудется то, что с нами произошло,**

За Асламбеча моего, покинувшего раньше срока
свой мир,
Кровную месть кто совершит?
Он единственным <продолжателем рода> был,
И дверь свою притворил.
Бедная девушка, которая стоит <калыма>
в тысячу рублей,
На почетном месте родительского дома совсем истощала,
Уоркский юноша добрый, в священной битве
предводитель,
Ажагоевых ваш Асламбеч, <навеки> спешился.
Ажагоевых вашего Асламбеча юного
Гурии-красавицы передают из рук в руки,
Шахидом подлинным он погиб, и потому
Ему открывают врата рая.
Тот, с кем играют гурии-красавицы,
Тот, кому Бог даровал рай, –
<Это> Ажагоевых ваш Асламбеч Большой.

Архив КБИГИ, ф. 12, оп. 1, ед. хр. 21, пасп. № 5. Исп. Гиса Маремуков: 1909 г. р., аул Инжиджишхо Карачаево-Черкесии; зеленчукский кабардинец. Зап. 17.09. 1958 г. Х. Шогенова. Перевод предания на русский язык А. М. Гутова, песни М. А. Табишева.

5.39. АЖЬЭГЪУЕЙХЭ Я УЭРЭД

Ажьэгъуейхэ я Фэрдаусыр
ДаныскIуейм кIэсу щыдахым,
ДакIэлъоплъыри пщащэр долъагъу...
«Идогъэхьри – жылэм ди хъуэнщ,
Едмыгъэхьым – дыкъаукIынущ.
Догъазэри ди напэр токI,
ДаукIри ди бжэр хуащIыж», –
ЖиIэри уэркъ щауэфIыр хэгупщысыхьщ.

«Ди ныбжькIэ зэ дылIэжынущ,
ДаукIми дыкъэзэуатщ», – жеIэри,
Негъазэри дзэшхуэм нахоуэ.
Дзэ фIыцIэжьыр къызэдибгъэлъщ,
Дарий къэпталым лъыр къез,
Къазуэрэ щолэхъу пщIэгъуалэм
Лъы фIыцIэр къытыребгъакIэщ.
Данагъуэр зи щхьэцыкIитIыр
Фоч гъауэкIэ нащырегъанэ,
Аслъэмбэк[ч]ым и псэр щыщинэм,
ДаныскIуейм пщащэр ныIуах.
Данагъуэу сэ си щхьэцышхуэм
Тэрмэтасыр нырыщIызобгъэ,
Сыбгъурысу жорым хуэлажьэм
Анэ къиилъхур лажьэу къызы[и-?]тщ.

Чэщейуэ си IэбжьанипщIым
Лъы гъуэгур кърызогъажэ,

**Инжыджыжьым дыщыдыхьэжым,
ДаныскIуейм хьэкъур къызадз.
Брисыфэу си куэщIыридзэр
Лъы нэпсым кIуэцIырезгъэхщ.
Анэдолэу дыщэр зи плIэпсыр
Фоч бжыпэкIэ зыщызо[а-?]гъэх.
Муслъымэну диным ирилажьэм
Ди лажьэр щыремыгъупщэ.**

**Пщащэу сом мин зи уасэр
Дыщ жьантIэм дыдогъэзашэ,
Уэркъ щауэфIу къэзэуат пашэр, –
Ажьэгъуейхэ фи Аслъэмбэк'[ч]щ.**

**Ажьэгъуейхэ фи Аслъэмбэк'[ч]ыр
Хьур хъыджэбзхэм зыхашэжащ.
Уи анэкъилъхуу Бринэ-дахэр
ЩIакхъуэгъажьэм яхэгъуэщэж мыгъуэщ.**

5.39. ПЕСНЯ АЖАГОЕВЫХ

**Когда Ажагоевых Фардаус
Донские на конях уносили,
Мы вслед глядим – девушку видим...
«Позволим увезти – на наш аул позор навлечем,
Не позволим увезти – мы погибнем.
Повернем назад – опозорены будем,
Погибнем – наш род пресечется», –
Так сказав, добрый уоркский юноша задумался.**

**«В жизни один раз нам <дано> умереть,
А погибнем, так в газавате», –
Так сказавши, разворачивается и выступает против большого войска.
Войско черное ты заставил выступить,
Шелковый кафтан кровью сочится,
Белого шолоховского коня, <белизной подобного> лебедю,**

Кровищей черной окрашиваешь,
Ту, у которой косы желтошелковые,
Ружейными выстрелами отпустить заставляет,
<Но> когда Асламбек свою душу испускает –
Донские девушку уносят.
Желтошелковыми своими волосами густыми
Я тарантаса верх накрываю,
Сидящий рядом крестопоклонник
Заставил меня моего единоутробного оплакивать.

Самшиту <подобные> мои десять ногтей
Я заставляю проводить кровавые борозды.
Когда мы повернули к старому Инжиджу,
Донские арканы на меня набрасывают,
Украшенные мои подола края
Кровавые слезы прожигают.
То что на золотых анатолийских лентах держится,
Концом ружейного штыка с меня снимают.
Мусульмане, вере служащие,
Нашу участь пусть не забудут.

Невесту, у которой калым тысяча рублей,
В родительском доме грустить < оставляет>,
Уоркский добрый наездник, предводительствующий в газавате,
Это Ажагоевых ваш Асламбек.
Ажагоевых ваш Асламбек
Гуриями-девицами приласкан,
Твоя единоутробная Брина-красавица
Уравнялась с хлебопеками.

Архив КБИГИ, ф. 12, оп. 1, ед. хр. 97/16. Исп. Казгери Пшиншев: 1876 г. р., сел. В. Курп Кабардино-Балкарии; кабардинец. Зап. 24.03. 1949 г. А. Т. Шортанова. Перевод на русский язык А. М. Гутова.

Согласно преданию, Асламбек из рода Ажагой, славный наездник, посватался к одной знатной красавице. Сватовство было удачным. Но по возвращении герой и его спутники застали свой аул разграбленным; напавшее не него войско уже уходило, увозя с собой девушку. Асламбек посчитал для себя позором позволить войску уйти с добычей.

Однако спутники его, за исключением одного юноши, не решились выступить против многочисленного войска. Двое наездников дерзко напали на неприятелей, рассеяли их и даже отбили девушку, которая оказалась сестрой Асламбека. Но силы все же были слишком неравны, и смельчаки в конце концов погибли, а девушка была увезена нападавшими – «крестопоклонниками». Песня сложена как эмоциональный отклик на событие, поэтому в ней есть слова и от третьего лица, и от лица героя, и от лица его сестры, а также в форме обращения к герою – это характерная стилевая черта адыгских героических песен. – *Ред.*

5.40. АЖДЖЭРИЙ И КЪУЭ КУШЫКУПЩ И УЭРЭД

Уей, маржэ Аджэрийхэ а-а-а фи Кушыкупщтэкъэ,
а-хьэ-хьэй,
Апхуэдэпщ гущэр гъуэтыжыгъуей мыгъуэщ,
Е-ей-рэу-ой-рау, е-ей-роу-оу-о-ой-ри-ра-ри,
Дыщэхэр зи шхуэмылакIэурэ, а-хьэ-хьэй,
Данагъуэхэр зи пащIэкIитIтэкъэ.

Урысыжьым фи лэндэныжьхэр
Шы лъэгуажьэкIэрэ нарегъэкъутэри,
Дунеижь гущэмэ и къутэжыгъуэмэ
Пщы щауэфIхэри зыкIэлъопсыхри,
Кушыкупщ щепсыхыжакIэрэ
КуэбзэбгитIыр зэIуреуэж иджы.

Аджэрийхэ фи сэреишхуэмэ
Хьэж-молэхэм дыуэ къыщащIри,
Тумэ тIуанэ къыстомыщIатэмэ,
Жыр лэныстэкIэрэ зыпхуэслIыжынтэкъэ.

Хуарэурэ уи шы щхъуантIэшхуэмэ
Ар, ущеуэкIэ, кIэбзкIэ зыресэри,
ДзитIкIэрэ щызэщIэшасэкIэ,
Шууищэ папщIэу дэ удгъэлъагъуэрти.

Хуарэурэ уи шы пэхушхуэри
Бжь[л-?]эщхъуэ зеуэкIэурэ дэ къыджьэхохуэри,
Дунешхуэм темыхуэжыхэри
Гуащэурэ КумпIылхъан-дахэкъэ.

**Дыщэурэ си пыIэ цIыкIур
Ар, дэпхьейурэ щхьэрыбгъэкIуэтрэ,
Дакъэжьым себгъэтIысылIэурэ
Ар, пщы хьэдэм сытебгъэпыхьэркъэ,
Ди Кушыкупщтэкъэ,
Апхуэдэпщ гущэр гъуэтыжыгъуей мыгъуэщ.**

5.40. ПЕСНЯ КНЯЗЯ КУШУКА, АЖДЖЕРИЕВА СЫНА

**Ой, маржа [1], Аждждериевых ваш Кушук-князь,
Подобного ему князя <другого> нелегко сыскать, о горе,
Золотые были его удила, а-ха-хай,
Желтого шелка были его усы.**

**Ваши русские ограды суровые
Коленями коня своего он разрушал,
В пору разрушения мира сурового
Княжеские наездники добрые один за другим спешиваются [2],
Если уж Кушук-князь уже спешился,
Пусть ворота <словно> две скалы сойдутся [замкнутся].**

**В крепости вашей, Аджжериевы,
Хаджи-муллы молитву творят [3],
Если бы ты не привел ко мне вторую жену-туму [4],
Я бы <в день твоей гибели> стальными ножницами закололась.**

**Чистокровная твоя лошадь гнедая высокая,
Когда ее ударишь, на дыбы подымается,
Два войска друг на друга когда подымались,
Мы тебя вместо ста всадников <одного> выставляли.**

**Чистокровную твою лошадь беломордую высокую
Словно серого змея, <которому мир тесен>, мечущегося ты к нам подгоняешь,**

Кому мир этот тесен <из-за горя>, –
<Это> княгиня Кумпылхан-красавица.

Золотую мою шапочку
Приподняв и сдвинув на сторону,
Дай мне сесть у изголовья
И оплакать тело князя,
Наш он Кушук-князь,
Подобного ему князя не сыскать.

[1] *Маржа* – ритмизирующее слово, имеющее и эмоциональную окрашенность, так же боевой клич.

[2] Спешиваются, спешиваться – иносказательное обозначение гибели воина.

[3] Имеется в виду заупокойная молитва, которую многократно совершают во дворе, в доме покойного или же над его могилой в день погребения и последующие три дня.

[4] *Вторую жену-туму* – в вариантах песни «вторая жена» – довольно устойчиво встречающееся сочетание, хотя двоеженство у адыгов было непопулярно. «Тума» – человек, рожденный от брака князя с женщиной, имеющей более низкий социальный статус. Первая жена, как правило, видела во второй свою соперницу и всячески старалась ее принизить, что, вероятно, отражено и в данной песне.

Фонотека КБИГИ. Исп. Хейри Думан: 1933 г. р., гор. Пинарбашы (вилайет Кайсери) Турции; кабардинец. Звукозап. 1993 г. Х. М. Думанова. Выписка с м/л Н. Г. Шериевой. Перевод на русский язык А. М. Гутова.

Текст представляет собой версию распространенной песни о герое Кавказской войны Кучуке Аджигирееве.

34 Заказ № 246

5.41. ЩАМИЛЫМ И УЭРЭДЫМРЭ И ТАУРЫХЪЫМРЭ ЩЫЩ

Щамилурэ ди дыщэ жьакIэ,
Сядэжьым и жьакIэм пыбгъахъуэщ,
Сянэжьым и хъуэным хэбгъэщIщ.
Щалыжьым Щалихьыр щогъаджэ,
Къэзэуатым и джакIуэр къокIуэж.
Яшхэр пшэрурэ къазыбгъэщ,
Къэзэуатым бгъэкIэ нафIокIуэ.

Щамилыр щаубыдым, и Iэщэр яритакъым. И Iэщэр зэриIыгъым хуэдэу, ирагъашэри ягъэтIысауэ щытащ.

Пащтыхьым къуэ къыхуалъхуащ. Щамилым дей фыкIуи хъыбар евгъащIэт жери [пащтыхьым] игъэкIуащ. ИгъэкIуати, и сэшхуэ пащтыхьым иримытар къыпихри щIым игъэтIылъащ.

«Сыт жиIа Щамилым, дауэ зищIа?» – жиIэри пащтыхьыр игъэкIуам еупщIащ. «Зыри жиIакъым, и Iэщэр къыпихри щIым игъэтIылъащ», – жиIащ зэупщIам.

«АпхуэдэлI уукI хъункъым», – жери [пащтыхьым] езбы [Щамил] фIэфIыр ищIэну игъэгугъащ. «Истамбыл сыкIуэжынущ мыхъумэ, зыри сыхуейкъым», – щыжиIэм, хуит ищIри Истамбыл кIуэжащ.

Уэрэдри таурыхъри сыщыщIалэм зэхэсхащ. Гублащхьэ уэрэду жытIэу къэткIухьащ. Фадафэм щыжаIэу зэхэсхакъым.

5.41. ПОХОДНАЯ ПЕСНЯ ШАМИЛЯ

Шамиль наш золотобородый,
Моему отцу дорогому бороды ты прибавил,

Моей матери дорогой упрекам убавил.
В местности Шали[1] Щалиха звать ты обучаешь,
Газавата посыльным <он> возвращается.
Кони упитанные лебедогрудые,
В газават грудью пробиваются.

Когда Шамиль сдавался победителю, он не отдал свое оружие. Его при оружии отвезли и посадили.

У царя родился сын. «К Шамилю сходите и сообщите ему об этом», – сказал <царь> и отправил <к нему вестников>. Тогда Шамиль снял саблю, которую он не дал царю, и положил на землю.

«Что сказал Шамиль, как себя повел?» – спросил царь посланного. «Ничего не сказал, оружие снял и положил на землю», – ответил он.

Решив про себя, что такого мужчину убивать нельзя, <царь> пообещал исполнить любое желание Шамиля. «Поеду в Стамбул, больше мне ничего не нужно», – ответил <Шамиль>, и царь его отпустил туда.

И песню, и предание я слышал в молодости. Мы пели песню как аробную. Чтобы ее пели во время застолий, я не слышал.

[1] *Ш а л и* – населенный пункт в Чечне.

Архив КБИГИ, ф. 12, оп. 1, ед. хр. 20а, пасп. № 20. Исп. Цру Набитов: 1880 г. р., сел. Арик Кабардино-Балкарии; кабардинец. Зап. 13.12. 1968 г. А. Гукемуха. Перевод на русский язык Н. Г. Шериевой.

5.42. ЩАМЕЛ И УЭРЭД

И щхьэм топыр щогъуагъуэ,
И лъабжьэм сабийр щогъуэг,
Бейдэушхуэр зыхузэрашэ
НапцIэ и къуэ гущэр хьэдэу къашэжщ.
НапцIэ и къуэжьым и Тхъуэжьей псыгъуэр
Къэзэуатым ныхуагъэпсыгъуэт,
Гъуэгуанэшхуэм хуэхьэзырыххэт,
Фызауэркъэ, зи уз кIуэдынхэ!
Щамелу лIы хахуэ,
Дыщэр зи шхуэмылакIэ,
Данагъуэр зи пащIэкIитI,
ТIуащIэм зыкъытхуэбгъазэщ,
Фызауэркъэ, дагъыстан щауэхэ!
АтIэ, гущэ, данэху хьэжыкIэр мэбыб,
Бэрэбэнауэр а махуэм хагъащIэ,
Дзэпэ башым нобэ щIокIыж,
Фызэдежэркъэ, зи уз кIуэдынхэ!
Ущыщ гущэм дубэр негъэбзэрабзэ,
Нэтэджмэ, джатэ гъэбзейт,
Фызауэркъэ, дагъыстан щауэхэ!
Цей джэхушхуэ гущэр зэрыкIэщакъуэ,
ЛIы и къуэр нобэ мэзауэ,
Уей, фызауэркъэ, зи уз кIуэдынхэ!

5.42. ПЕСНЯ-ПЛАЧ ШАМИЛЯ

На верху пушки гремят,
Внизу дети рыдают,
Для кого извергателя бед возят
Напца сына, гуша, тело привозят.
Напца сыну принадлежащего Тхожея тонкого
К газавату готовили,
К большим переходам он подготовлен,
<Так> сражайтесь же, да сгинут ваши болезни!
Шамель, муж доблестный,
Золотые были твои удила,
Золотого желтого шелка твои усы,
К междуречью к нам повернулся,
Сражайтесь же, дагестанские воины!
Так, гуша, шелковый вымпел развевается,
Барабанщик в тот день погибает,
Под расставленными сошками проходят,
Собирайтесь же, да сгинут ваши болезни!
Когда сидите <на досуге>, умело мелодию выводите,
Когда выйдете <в сражение>, мечом грозным владеете,
Сражайтесь же, дагестанские воины!
У черкески белой полы взлетают,
Достойных мужей сыны сегодня сражаются,
Эй, сражайтесь же, да сгинут ваши болезни!

Архив КБИГИ, ф. 12, оп. 1, ед. хр. 20а, пасп. № 17. Исп. Калмык Шерхов: 1880 г. р., сел. Заюково Кабардино-Балкарии; кабардинец. Зап. 02.06. 1957 г. Х. Жакамухова. Перевод на русский язык М. А. Табишева.

5.43. ЩАМЕЛЫМ И УЭРЭД

Фызауэт, Щамелу дыщэ, о-о-оредэ,
Дыщэ гущэр зи пащIэкIитIкъэ, о-о-оредэ,
Пщэдджыжьым КъурIэныр вгъэбзабзэ, о-о-оредэ,
Шэджагъуэм джатэр вгъэбзытэ, о-о-оредэ.
Фызауэркъэ, Щамелу дыщэ, о-о-оредэ,
Зычыр жаIэм уранэхъ лъапIи, о-о-оредэ,
Саур къэнжал гущэм <...>, о-о-оредэ,
Къэзэуатым дыздигъэгъуакъэ, о-о-оредэ.
Фызауэт, Щамелу дыщэ, о-о-оредэ,
Дыщэ гущэр зи пащIэкIитIкъэ, о-о-оредэ,
Щамелыр шыбгым щоджэгур, о-о-оредэ,
Сэлэтыдзэм ар ядоджэгур, о-о-оредэ.

5.43. ПЕСНЯ-ПЛАЧ ШАМИЛЯ

Бейтесь же, Шамиль золотой, о-о-ореда,
Золотые, гуша, чьи усы, о-о-ореда,
Утром Коран нараспев читайте, о-о-ореда,
В полдень мечом орудуйте, о-о-ореда.
Бейтесь же, Шамиль золотой, о-о-ореда,
Из всех закиров ты ценнее, о-о-ореда,
<...>
Газават нас утомил ведь, о-о-ореда
Бейтесь же, Шамиль золотой, о-о-ореда,
Золотые, гуша, чьи усы, о-о-ореда,
Шамиль в седле играется, о-о-ореда,
С солдатским войском он играется, о-о-ореда.

Из личного архива М. А. Табишева. Исп. Хапаго Губжоков: 1930 г. р., сел. Н. Черек Кабардино-Балкарии; кабардинец. Зап. 04.06. 2007 г. М. А. Табишева. Перевод на русский язык М. А. Табишева.

5.44. НАИБЭ ИОРЭД

Е, наибэр аӀошъы,
Е, щэщэн жакӀэу къытхахь,
Ар къызэрытхахьэуи
А, дины тхьарыӀор тегъэшӀ,
Нэмазэр зымышӀэр еӀошъы,
Сомэ тазырэр тӀех.
Афыпсыпэм ибжъапэми
Къадыр унэшхо щябгъэшӀ,
Пшъашъэм идахэр
Чэщ зэблэхъукӀэ хябгъэщ,
Зымафэрэ джэгуми
Хъымсадэ-дахэри щегъых,
Зымафэрэ джэгуми
Хъымсадэ-дахэри щымыӀ,
Хъымсадэр зыщымыӀэжькӀэ,
Сыд мыгъор тищыӀэжь?
Мэщы плъэныр яушъхьэгъоу
Шыу пшӀыкӀухэу къыдэкӀ,
Къадуунэ пчъэӀупэр къыракӀу,
«Хьаджырэтых» аӀуи рафыжьэх,
Ар, къытфагъази зэо мэкӀэ тӀэкӀор щаублэ.
Къадуунэ пчъэӀупэми
Сэлатыжъым илъ мыгъор щагъачъ,
Ар, хьадэу илъхэр
Бганэм фэдэу зэлъилъ,
Адыгэуи хэлъ мыгъор
Ар, огукӀэ мазэшъы мэлыд,

**А, къахэлыдыкIырэр Хьаджэбирамышхом ихьад.
Заом тызыIухьэкIэ,
Шыу мины къабзэуи ташIошI,
Тэры, гущэ, зыкъэтлъытэжьмэ,
Шыу пшIыкIутIу нахьы тыхъужьрэп.
Тызэон тэIо шъхьакIэ, –
Хьаджэбирамышхор щыIэжьэп,
Заом тызыIухьэкIэ, –
Хьаджэбирамышхор тиблыпкъ,
Тыкъагъэгузажъомэ, –
Хьаджэбирамышхор тикъал,
ТыкIожьын тэIо шъхьакIэ,
Джэныкъом дэсымэ тауб.
«Хъугъэ-шIагъэм сыкIэупчIэн» еIошъы
Коблэ Титыушхор къыдэкI,
Коблы Титыушхори къэфазэ
О, шыхьахь шыум.
Коблэ Титыушхо мыгъор къеупчI,
Ар, укъыкIэупчIэмэ, –
Долэ гущэр уIагъэу зэхех,
Хьаджэбирамэр аукIыгъэу къыраIу,
Ер, идышъэ жакIэр
Нэпсым ыгъэшъу мыгъоу къегъазэ,
О, къызигъэзэжьыкIэрэ
О, шъыгъошъэ джанэри арегъэшI.
Хьаджэбирамэр къэкIожьын аIошъы
Сабый цIыкIуитIор мэгугъэх,
Емыгугъэжьыхэрэр
Мэлыщ япхъу дахэшъ егъых,
Щымыгугъыжьыхэу
Отахь ыкъо закъуй блащыжь.**

5.44. ПЕСНЯ НАИБА

**Е, наибом его именуясь,
Е, с чеченской бородой <человек> к нам пришел,
<Как> он к нам пришел,
Вере присягать нас принуждает.**

Кто намаз не делает, говорит, и
<С тех> штраф по рублю берет.
На холме Афипсипа [1]
Военный лагерь большой располагаешь,
Красивейших из девушек
Для ночной смены приглашаешь,
В недавнем джэгу
Хымсад-красивица расплакалась,
В последнем джэгу
Хымсад-красавицы нет,
Когда Хымсад больше нет,
То какая нам, о горе, жизнь?
Под видом посмотреть на просо
Шестнадцать всадников выезжает,
Военный лагерь проезжают,
«Хаджиреты» говоря, гонятся за ними,
Ар, поворачиваются и битву небольшую начинают.
У военного лагеря
Кровь солдата, о горе, проливают,
Ар, тела их лежащие,
Словно снопы уложенные,
Адыги, среди них лежащие, о горе,
Ар, словно молодая луна, сияют,
А, всех ярче сияет Хаджибирама Большого тело.
Когда на бой идем,
Нас принимают за тысячу всадников,
А мы, гуща, когда себя сосчитаем,
Нас только двенадцать всадников.
«Хотим сражаться» <хотя> говорим, –
Хаджибирама Большого нет больше <с нами>,
Когда на бой идем, –
Хаджибирам Большой – наша опора.
Когда нас притесняют, –
То Хаджибирам Большой – наша крепость,
<Хотя> «уходить» говорим,
Сидящие у очага нас осудят.
«Спрошу о случившемся» говоря,
Коблев Титу Большой выходит,

Коблев Титу Большой встречается
О, с всадником – горевестником.
Коблев Титу Большой <его> расспрашивает,
Ар, если ты спросишь, –
<Что> Доль, гуща, ранен, слышит,
Что Хаджибирам убит, ему говорят.
Ер, с золотой бородой
Мокрой от слез, о горе, возвращается,
О, при возвращении
О, траурную одежду <заставляет> ему изготовить.
«Хаджибирам вернется», считая,
Двое маленьких детей надеются,
Без всякой надежды <оставшаяся>
Дочь Мелищевых, красивица, плачет,
Безнадежного
Отахова сына единственного тоже мимо провозят.

[1] *Афипсипский холм* – местность на территории современной Адыгеи недалеко от аула Афипсип.

Архив АРИГИ, ф. 1, оп. 1, д. 69. Исп. Беслан Липашев: 1880 г. р., аул Шхащефиж Краснодарского края; абадзех. Зап. 25.04. 1938 г. Ю. Тлюстена. Перевод на русский язык М. А. Табишева.

5.45. ШУРДЫМ ПЩЫМАХУЭ И УЭРЭД

Лъахъэдыгъум дзэшхуэр къыщежэм
Хъыджэбз хьэдэр зи зэпэбаш,
Мусэ кІэхуу Іуфэм къипшар
Зэ уэгъуэм уанэгуущІщ.
ДыщащІэу уи уанэгу щхьэнтэр
Лъатэпсым къыкІэрогъапхэ,
ЩІакІуэ фІыцІэ мыгъуэм кІуэцІыпхэжар, –
Инэрокъуэм и къуэкІэ Бахътыджэрийщ.
Бий фІыцІэжьмэ щезэуа махуэм
Зы мэзыхьэти зыкърегъэшх,
Къэбэрдейм фи пщыжь гъэшхар
Іуащхьэ къуагъым нахукъуэмыкІ.
«ХьэтІохъущокъуэуэ лІы фІыцІэ фагъуэ,
Гуащэнагъуэр зытегъуэгэн,
Зыгъази зы шэ нахэдзэ,
Е зедзыхи зы хьэдэ къащтэ,
Напэтехыурэ умыкІуэжынумэ», – жиІащ.
НахэкІыу фочыр зыгъауэм
И ІэщхьитІыр дыщэпскІэ евгъалэ,
Зи пащІитІыр дыщэ зэрылэр, –
Шурдым и къуэкІэ Пщымахуэ цІыкІущ.
Уахэуэркъэ, маржэу хэуэр зи хабзэ,
Уегугъуркъэ, маржэу губгъуэр зи унэ,
Тхьэм и унэр зи нэрылъагъуу
Жэнэт унэм щалъэгъужын!
Епсыхмэ, уой жи, КъурІэн гъэбзабзэщ,
Шэсыж гущэмэ джатэгъэбзиещ,

Ар хэтхэ ящыщ жыпIэмэ, –
Шурдым и къуэкIэ Пщымахуэ цIыкIущ.
Мэчэрурэ шы гъуабжэ кIэхур
Iуащхьэ ныкъуэмэ щызогъэлъагъуэ,
Фоч гъуэз, гущэм, хэмылъэгъуэжыр, –
Шурдым и къуэкIэ Пщымахуэ цIыкIукъэ.
Уи адэжь-анэжьурэ Шурдым даутрэ Умадэрэ
Я ныбжьым пщIантIэ дэмыкIхэщ,
Зэ дэкIыгъуэм, гущэ, напэр къэзыхьыр, –
Шурдым и къуэкIэ Пщымахуэ цIыкIущ.
УеплъынкIэрэ, уой, пащIэ сырыхущ,
Хуэмыху псо гущэмэ фи щIэгъэкъуэнщ,
А щауэр хэтхэ ящыщ жыпIэмэ, –
Шурдым и къуэкIэ Пщымахуэ цIыкIущ.
УщIэлащэти, угубгъэнынщэт,
Ажалышэр зыхуэтэрэз,
Уэ быдзышэурэ уз[ы]рагъэфар
Лъы бахъэ Iув мыгъуэу къыбжьэдагъэзыж.

5.45. ПЕСНЯ О ШУРДУМЕ ПШИМАХО

На Тляходуг войско большое когда нагрянуло
Девичий труп ему сошкой был,
Муса белохвостый, с побережья приведенный
В бою с пустым седлом оказался.
Золотом украшенную твою подушку седельную
Торокой к луке привязать заставляешь,
В бурку черную, о горе, уже завернут, –
Инароко сын Бахтаджери.
С врагом черным в день, когда он бился
Волку был подобен, не пожалел себя
[дал себя на растерзание],
Кабарды ваш князь упитанный
Из-за кургана выйти отказывается.
«Хатакшоковых муж черный, бледный,
Гуашанаго над кем завоет,
Повернись и одну пулю выпусти,
Или спрыгни и одно тело подними,

Несмываемым позором <если не хочешь>
себя покрыть», – сказал.
Того, кто выступает и из ружья стреляет,
Рукава золотом украсьте,
Чьи усы золоту подобны, –
<Это> Шурдума сын Пшимахо малый.
Бейся же, тот, кому битва привычна,
Бейся же с <врагами>, степь кому домом служит,
Божественный дом кому видится
<И> в райском дому кого увидят!
<Когда> спешивается, уой жи, Коран <заставляет>
нежными звуками переливаться,
<Когда> верхом <на коня> садится, гуша, мечом
<умело> орудует,
Если спросишь, чей он родом, –
<Это> Шурдума сын Пшимахо малый.
Мачаровской породы конь гнедой белохвостый
У кургана <заставляю> красоваться,
В ружейном дыме, гуша, кого не видят, –
<Это> Шурдума сын Пшимахо малый.
Твои старые отец и мать – Шурдумовых Даут и Умада
Всю жизнь дальше двора не уходили,
Одним уходом, гуша, славу кто принес, –
<Это> Шурдума сын Пшимахо малый.
Если посмотришь, уой, с виду светлоусый был,
Вам, неумелым, опорой был,
Если спросишь, чей он родом, –
<Это> Шурдума сын Пшимахо малый.
Ты слишком молодой, безупречный был,
Смертельная пуля тебя сразила,
Материнское молоко, которым тебя взрастили,
Кровавой пеной густой, о горе, из тебя извергли.

Из личного архива М. А. Табишева. Исп. Мусаби Шурдумов: 1921 г. р., сел. Заюково Кабардино-Балкарии; кабардинец. Зап. 25.06. 2005 г. М. А. Табишева. Перевод на русский язык М. А. Табишева.

5.46. БАСХЭГЪ ГЪЭРИБ И УЭРЭД

Дагъэсри нобэ Басхэгъ жылэшхуэр,
Сыт лажьэм Тхьэм укъытшишэт?
Зыхуэмыгъуну Къарэхъу и къуэжь,
НафIэ лыгъейм си ныбжьыр щIалэу сэ сынышIехуэ,
Дэнэ сыкIуэн жызори саIэщIэкIын щхьэкIэ,
Шхахуэ бидолым саныфIыщIопщхьэ,
НафIэ лыгъейм сыщIимыгъэсу,
Шхахуэ бидолым сыкъыщIехуж,
СыкъыщIехужри Лабэ мэзыжьым сынышIохьэж.
Чыху щхьэкIэм сегъуурэ сыгъуэмылэншэу,
Жэщ-махуэ куэдыр нызогъэкIуэкI
Жыг кугъуэнэшхуэри сэ си хэщIапIэу.
Пшэрыхьым я хьэр банэу зэхэсхщ,
Хьэ банэ макъым пшэрыхь къысхуехьри,
Езыр Ертут, къанитэлор къызэпщIыхехри
И бжьэпэ щIэсэм къытрегъэувэ,
КъызиутIыпщын щхьэкIэ жыгым сыкъуокIри...
– ЦIыху цIыкIухэм сакъыхэкIащ,
Тхьэр си гъусэу сынолъэIури укъызэмыуэ,
Басхэгъ яшхам сакъыщIэнащ,
СыхэщIапIэншэуи сыгубгъуэринэщ.
– Ауэ щыхъукIэ къакIуэ, си щIалэ!
Зы къуэ сиIэщи уретIыуанэщ.
Ерту Мысостым я дей сыкъишэри
Илъэсищ кIуэхукIэ и къуэм сыдипIщ.
Илъэс пщыкIуийхэр си ныбжь щырикъукIэ,
Ди хэкIуэдэкIэр си гум къохьэжыри

Iэщэ-фащэхэм сытохъуэпскIыхь.
Ерту Мысостым ныжызоIэпэри
Шырэ IэщэкIэ сынышIолъэIу.
— Уи ныбжьыр щIалэщ, и чэзу ухъумэ,
СыбдэIэпыкъуу Iэщэр уэстынщ.
Си Ерту-дадэр согъэгъуэлъыжри
Алащэ пэхуу IэдакъэщIэнэм
Уанэр тызолъхьэри Iэщэр къызощтэ,
Ертум и Iэщэхэр си пщэм идзауэ
ЛахърэнышхуэкIэ ньзоунэтI.
Дыгъэшхуэм зыкъыщиужьым
Лахърэныжь бжьэпэм сынышхьэщохьэ,
Жыжьэу сыздэплъэм шу гуп солъагъу,
ЗызоплъыхьыIуэри и Iэшэлъашэм лIы гуп щожей.
СынокIуэтэхри я шыхъуэ щIалэм
«Бохъу апщий» машIэри ньзоIуэталIэ,
— Къарэхъу и гупым сызыхагъыхьэтэм
Фэра си гугъэу сыкъэшэсат.
— Мэжейхэр, къыумыгъэуш,
Къарэхъу къэушмэ, сэ уахэсшэнщ.
— Сэ си цIыхугъэщ, сырапхъурылъхущи, ягъэ секIынкъым,
Сэ сахыхьэнщ, — жысIэри щIалэр къэзгъапцIэщ.
Саныбгъэдыхьэри си къантэлор къызыпщIэхэсхщ,
Япэ дыдэу кхъуэ пIащэ пашэм
ЕзутIыпщри зэщхьэщызудщ.
Сэнджакъ щIэтхэмкIэ нахузогъазэри
Зы фIэкI къэмынэу си лъыр сощIэж.
Шыхъуэр къэнати хъыбар жыреIэ,
Басхэгъ жылэм я лажьэ псор
Сэ, Гъэриб щIалэм, згъэзэщIэжащ.

5.46. ПЕСНЯ ГАРИБА БАСХАГОВСКОГО

Сожгли сегодня Басхаг[1] — аул большой.
В чем же мы провинились перед Богом?
Да не простится это Кароха[2] сыну недостойному!
Огонь всепожирающий меня, юного, метаться заставляет.

Не зная, куда деться, чтобы спастись,
В ясли, что в хлеву, я залезаю.
Огонь всепожирающий, не давая мне там быть,
Из яслей, что в хлеву, меня выгоняет.
Выгоняет, и я в Лабинский лес дремучий ухожу.
Обгладывая верхушки веток, без пищи
Много дней-ночей я там провожу,
Дупло большого дерева сделав жилищем.
<Однажды> я услышал лай охотничьих собак,
Этот лай привел ко мне охотника.
Имя его было Ерту, ружье свое он с плеча снимает
И на присошку ставит.
Пока не выпустил <заряд> в меня, я из дерева выступаю:
– Я такой же человек, <как ты>,
Вместе с Богом тебя прошу не стрелять,
Я сколок от разоренных басхаговцев,
Я бездомный житель пустыни.
– Если так, то иди сюда, сынок!
Есть у меня один сын, ты будешь вторым.
<Так> Мисост Ерту к себе меня привел,
В течение трех лет вместе со своим сыном меня содержал.
А когда, мне исполнилось восемнадцать лет,
Мое сердце стала тревожить память о том, как нас разорили,
И я стал поглядывать на оружие.
Мисосту Ерту я прямо открываюсь
И прошу его о коне и оружии.
– Ты юн, а когда срок подойдет,
Я, помогая тебе <сам>, и оружие дам, – <он отвечает>.
Моего Ерту-даду [3] я спать укладываю,
<Затем> мерина беломордого послушного руке
Седлаю, оружие беру,
С оружием Ерту на себе
Я направляюсь в сторону Большого Лахрана [4].
<В пору>, когда солнце большое пробуждается,

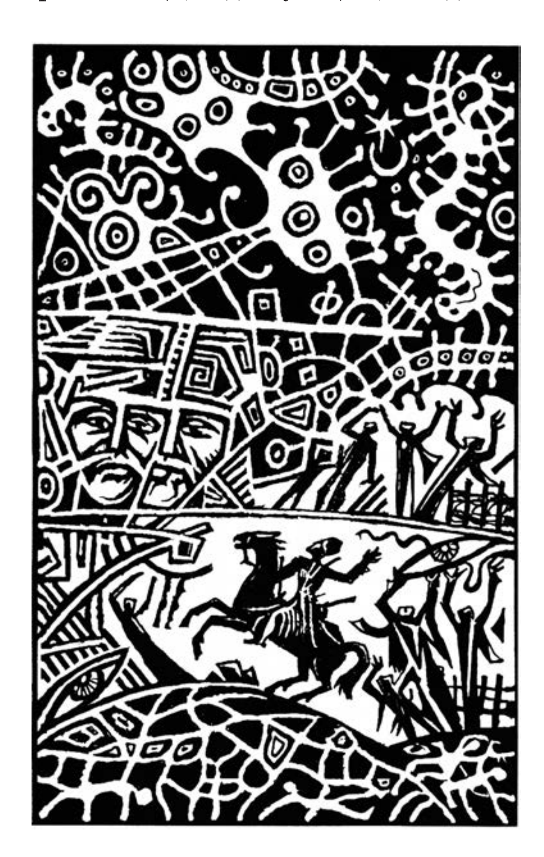
Я подъезжаю к высоте Лахрана Большого.
Вдаль погляжу – отряд всадников вижу,
Вокруг оглядываюсь – невдалеке отряд наездников спит.
Спускаюсь вниз и их табунщика молодого
Тихим «Бох апши» [5] приветствую:
– Кароха отряд если бы меня принял...
Надеясь, что это вы, я к вам поехал, – <говорю>.
– Они спят, не буди,
А как Карох проснется, я тебя к ним поведу, – <отвечает>.
– Я им свой, я сын женщины Кароховых, поэтому мне можно,
Я сам к ним подойду, – сказав, я парня обманул,
Подъехал к ним, снял свой кантало [6]
И прежде всего в вожака диких свиней
Выпустил <заряд> и поразил его.
<Затем> я разворачиваюсь к его подручным
И мщу за свою кровь, пока не остается <в живых> лишь один.
Табунщик остался <один в живых> – пусть он расскажет,
Как весь долг аула Басхаг сполна
Я, <один> юноша обездоленный, исполнил.

[1] *Басхаг* – название аула.
[2] *Кароха сын* – видимо, реальная историческая личность, один из известной фамилии Кароховых, служивший в царской армии и принимавший участие в войне против своих соплеменников.
[3] *Дада* – нарицательное имя, которое часто прибавляется к имени пожилого человека, старшего по возрасту.
[4] *Лахран* – топоним, местность в предгорной зоне на территории современной Кабардино-Балкарии.
[5] *Бох апши!* – форма приветствия пастуха или табунщика.
[6] *Кантало* – марка ружья.

Архив КБИГИ, ф. 12, оп. 1, ед. хр. 9, пасп. № 4. Исп. Пшимурза Кауфов: 1880 г. р., сел. Дугулубгей Кабардино-Балкарии; кабардинец. Зап. 25.04. 1949 г. З. П. Кардангушева. Перевод на русский язык А. М. Гутова.

Текст представляет собой единственную запись данной песни. Помещенная в кн. «Кабардинский фольклор» песня «Взятие Басхага» ничего общего кроме упоминаемого названия села не имеет с данным текстом.

Исполнитель считает слово «Гариб» именем собственным героя песни, что он подтверждает и информацией о событии, которому песня посвящена. Оставив это в названии, мы посчитали более целесообразным в тексте перевода дать его не в форме собственного имени, а в переводе его семантического значения: гъэриб – человек, оказавшийся на чужбине и не имеющий пристанища, бедствующий, обездоленный. – *Ред.*



5.47. ХЬЭНИФЭ И УЭРЭД

Джаурыжьым я сэнвар цIыкIухэр
Щхьэгъумжащхьэм щытизолъащIэ,
ЗыслъэщIу сыщытIысыжым,
Кхъуэлоумэм симыгъэзагъэ.

Дарийуэрэ сэ си куэншыбэр
Сэлэтыжьым зыщизогъэх,
Бирсымэну сызэхэзыхым
Я гущхьэр изокъутыхь.

Нэзычурэ си нэзгъуцитIыр
Тел кIапсэу ныпхуизогъашэ,
Бырсымэну шы фэкъу зезышэр
Мы гордым зэрыримыкIуэ.

Сянэурэ сыкъэзылъхуахэм
Урыс тхылъыр къысхурегъэхь,
Хьэнифэм и нэчыхьытхыр
Джаурыжьым я поп щхьэбапхъэщ.

Джыналдыкъуэу си дэлъху нэхъыщIэм
Урыс пшынэр къысхуегъэпсалъэ,
Джаурыжьым я псэлъэмакъыр
ЩIы фIыцIэм щызэхызох.

Джаурыжьым мыжьыкъ алащэр
Авосым къызэгуеуд,

Хьэнифэ и хьэдэ дахэр
Чылисэм щызэгуоуд.

Нэзычурэ си нэзгъуцитIыр
Чын кIэпщу ныпхузогъаджэ,
Бырсымэным я азэн джэ макъым
Хьэнифэр нышIэбэгащ.

Джаурыжьым я сэлэт цIыкIухэр
СмотыркIэ къыздагъэув,
Бырсымэнхэр фыкъыздэуви
ЖэнэткIэ фыкъысхуэлъаIуэ.

Джаурыжьым я жыр лэныстэр
IэщIыбкIэ зэIузогъабзэ,
Хьэнифэ и джэбыныбзыр
Джаурыжьым матушкIэ нащхъуэщ.

5.47. ПЕСНЯ ХАНИФЫ

Самоварчик проклятых гяуров
Я вытираю у подоконника,
Когда я вытру <лицо> и усядусь,
Запах поросячий не дает мне покоя.

Шелковый мой корсет
Солдат проклятый с меня срывает,
Мусульманам, что меня слышат,
Я сердце разрываю.

Прекрасные мои завитушки
<Словно> кожаные шнурки я вытягиваю,
Мусульмане, что белолобых коней водят,
В этом городе почему не появляются!

Мать, что меня родила,
Русские грамоты мне присылает,

Ханифы грамоту венчальную кто пишет, –
Это гяурский поп волосатый.

Джиналдуко, мой брат младший,
Русскую гармошку говорить заставляет,
Гяуров проклятых разговоры
И под черной землей я слышу.

Мужицкий мерин, <что держал> гяур проклятый,
От овса лопается.
Ханифы труп красивый
В церкви <,вздувшись,> лопается.

Прекрасные мои завитушки
<Подобно> плети для волчка[1] я заставляю щелкать (букв. звать)
По призывному голосу мусульманского азана[2]
Ханифа, тоскуя, умирает.

Гяуры проклятые солдатиков
На смотр выстраивают,
Мусульмане, выстройтесь вместе
И помолитесь о рае для меня.

Гяуров проклятых стальные ножницы
Тыльной стороной руки я кроить заставляю.
Для Ханифы саван кроить довелось
Гяурской проклятой женщине сероглазой.

[1] Плеть для волчка – волчок вертели ударом плети из конского волоса, которая издавала звук щелчка.
[2] *Азан* – призыв муэдзина, служителя мечети, мусульман на молитву.

Архив КБИГИ, ф. 12, оп. 1, ед. хр. 92, пасп. № 4. Исп. Анна Желокова: 1906 г. р., сел. Губжоково Ставропольского края; моздокская кабардинка. Зап. 20.11. 1968 г. А. М. Гукемуха. Перевод на русский язык А. М. Гутова.

Текст представляет собой вариант распространенной песни-сетования кабардинской девушки-мусульманки, насильно уведенной царскими солдатами на чужбину.

Другие версии известны в записях на территории Кабарды, Черкесии и Адыгеи. Данная запись интересна тем, что исполнительницей является христианка, что обнаруживает в песне не антихристианские мотивы, а протест против насилия. – Ред.

5.48. БЖЪЭДЫГЪУ ШЫУХЭР

Мэфаем бжъэдыгъу шыухэр
ЛIэныгъэми къышIомылIыкIых,
НыбжьыкIэуи шыкIэпцIэ шыухэр
Хьадрыхэми зэлъыкIэпсыхэх.
Зэхэзыхыр нэпсы мыгъакъоу
Афэмыхъоу зырагъэIэты,
Онэубатэ къыщырагъажьи,
Нэкъоежъым зэлъыпэшIуекIух.
Тхьэйчэтэ хэкужъым зынэсхэм
ЧIытIырыри къызэдыдашIы,
Тэймыр лъэгум хъункIэр зыщадзым
Инэралышкор къагъэгузажъуи.
Гузэжъогъу ар зыхагъафэм
Афицарыбэр къызэлъегъэсы,
Дзэр зезыщэу афицарищэри
Тэймыр лъэгум къыщыхагъафэ.
Чэщ-мэфихым замыгъэпсэфэу
Бжъэдыгъу шыухэр къызэдэзаох,
Афыпс мэзым топэу къыщыорэм
Тэймыр лъэгури зэлъегъэгырзы.
Бжъэдыгъу шыумэ тырамыгъазэу
Гъозым хэтэу щамбул къырадзы,
Дзэр зезыщэу инэрал плъыжьым
Бжъэдыгъу шыумэ ащ къаримыку.
Куожьджэ зызыкIэтаджэхэм
ПчыпэхэмкIэ заор къаублэ,
Инэралым ипкIэгъолэшком

**ЗеIэтышъ чIытIырым къелъэ.
Лъы пцIагъэу ыгу дишIагъэр
Хэты мыгъом къыдигъэзын,
Пшызэжъыми ипытэгъэшкор
Бжъэдыгъудзэми къызэхекъутэ.
Къэлэ пытэми итамбырыгуми
Пыим ыгуи къыщагъэкIоды,
ГукIодыгъом плъыжьыр зыхафэм
Имэфаешъ ышъхьэ Iуехыжьы.
Кущмэзыкъо гъуим зыхэхьажьым
Плъыжьым ыгуи ащ къыщехьажьы,
Хьаджырэт заори къызашIым
Бжъэдыгъудзэм шIагъор ышIагъ.**

5.48. БЖЕДУГСКИЕ ВСАДНИКИ

**В черный день бжедугские[1] всадники
Со смертью не считаются,
Юноши, что на неоседланных конях черных,
В мир иной спешиваются.
<Те>, кто слышит <об этом>, обливаясь горькими слезами,
Поневоле плач поднимают.
От Онеубата[2] начиная,
До Накоя[3] старого противостоят друг другу.
До Тхаичатовских руин[4] когда дошли,
Окопы дружно роют,
В Теймировской долине <когда> нападение устраивают,
Генерала большого <заставляют> тревожиться (волноваться).
Тревога, которая их охватила,
Офицеров многих сюда приводит.
Войском предводительствующие трое офицеров
В долине Теймир[5] долине падают.
Шесть ночей и дней не зная роздыха,
Бжедугские всадники сражаются,
Пушки из Афипского леса палящие
Теймировскую долину сотрясают,**

Бжедугские всадники не оборачиваясь,
В пороховом дыму сражаются.
Предводитель войска генерал огненно-рыжий[6]
С бжедугскими всадниками он не осмеливается <воевать>.
На клич когда встали,
Копьями битву начинают,
Генерала <конь> белый большой
Встает <на дыбы> и через окоп прыгает.
<Наездника> с запекшейся кровью на сердце
Кто, о горе, нам <...>,
На Пшизе могучей <стоящую> крепость большую
Бжедугский отряд разрушает.
У крепости прочной на поле брани
Врагов <заставляют> упасть духом,
В отчаяние <генерал> красный <когда> пришел
<Это> его злосчастный день был, <и он> восвояси уходит.
В Кушмазукинское мелколесье[7] когда вернулся,
<Генерал> огненно-рыжий там приходит в себя,
Хаджиретскую битву <когда> устроили
Бжедугский отряд чудеса творил.

[1] *Бжедуги* – субэтническая группа западных адыгов, подразделяющая на две локальные подгруппы – хамышеевцев и черченаевцев. Земли хамышеевцев располагались между нижним течением рек Афипс и Псекупс, а черченаевцев – на востоке между низовьями Псекупса и Пшиша.

[2] *Онеубат* – гидроним, река, впадающая в Шенджийское водохранилище.

[3] *Накой* – топоним, местность близ аула Вочепший.

[4] *Тхаичатовские руины* – топоним, местность, ныне затопленная Октябрьским водохранилищем.

[5] *Долина Теймир* – топоним, местность, ныне затопленная Октябрьским водохранилищем.

[6] *Генерал огненно-рыжий* – прозвище генерала царской армии Г. Х. Засса.

[7] *Кушмазукинское мелколесье* – топоним, лес в окрестностях аула Псейтук.

Архив КБИГИ, Фонд С. Ш. Аутлевой. Перевод на русский язык М. А. Табишева.

5.49. ШЭРЭЛIЫКЪОМЭ ЯГЪЫБЗ

ШэрэлIыкъор зэкъо-зэшыб,
Оркъыбэмэ зэдяпщыналъ,
О пшыпхъоу Хьэбибэ-дахэм
Дышъэплъыр зэлъикъутас.
Сэрмаеу убгъэпэ кIыIур
Шъэолэхъум къызэребгъэх,
О пшыпхъоу Хьэбибэ-дахэм
Лъынэпсыр зэлъырегъэх.
Е-оой, мэфэренихым
Шыуихыр чатэм рырегъэхьых,
ЗэрэлIэщтыр зышIошъ хъугъэр, –
ШэрэлIыкъомэ я Мыхьэмэт.
Е-оой, Мыхьэмэтышхом
Зэошхор къытфызэхещэ,
Шы дахэу ипцIэгъоплъышхор
Топышхом къытфырегъалъэ.
Зихьадэм тыгъэр пэшэплъэу,
Зичатэм лъыпсыр ечъэхэу,
Хьадрыхэ лъэсынчъэ Iэпчъэм
Зэтесэу ашIукIэпсыхыжьыгъэр, –
ШэрэлIыкъомэ я Мыхьэмэт.
НэхьыкIэу Хьэтыгъужъэкъор
А мафэм къунаным тес,
Мэфаем къунаным тесэу
Дзэшхор къелъэрэзыхьэ.
Ышъхьэпкъы пцэшIуащэр исэу
Шъэолэхъур зэлъегъэгырзы,

**Iинджылызэу мы гыны пхъашэр
Къушъхьэ тIуакIэм зэлъыдатакъо.
КъэралитIум зызэхатакъокIэ
Хьэзыр Iукор афыIумычэу
Мэзы-мыкIым ашIоекIужьыгъэр, –
ХьэджэмыкъокIэ Хьэджэ-Пщымаф.
Мэз-мыкIым ашIоекIужьыгъэу
ХьэджэмыкъокIэ Хьэджэ-Пщымафэм
Гощэ шысыр фэрэмытэдж,
Тэджымэ дэрэмыкIуат.
УтэнкIэ у-Болэтэкъу,
УзэонкIэ у-Хьэткъокъошху,
ДзэшхуитIум урялIыкIонкIэ, –
ХьэпакIэкъокIэ о Мыхьэмэт.**

5.49. ПЛАЧ О ШЕРЕТЛОКОВЫХ

**Шеретлуковых род многочисленный,
Уоркам многочисленным – общий этот пщинатль,
Твоя сестра Хабиба-красавица
Черной золотой бахромой украшенное <платье одета>.
Золотые твои нагрудные пуговицы
Шолоху даешь расстегнуть,
<А> твоя сестра Хабиба-красавица
Кровавыми слезами обливается.
Е-оой, в течение шести дней
Шесть всадников мечом <кто заставляет> спешиться,
Свою смерть кто предчувствовал, –
<Это> Шеретлуковых Махамат.
Е-оой, Махамат Большой
Битву большую зетевает,
Конь его гнедой красавец
Через пушки большие прыгает
Над чьим телом солнце сияет,
С чьего меча кровь струится,
Вход в иной мир, где пешими не ходят,
Он въезжая <там спешивается>, –
<Это> Шеретлуковых Махамат.**

Младший <брат> Хатугжоко
В тот день на стригуне [трехлетке] сидит,
В черный день на стригуне сидя,
<Вокруг> войска большого кружится [парит].
В голове со свинцовой пулей
Шолоховского <коня> заставляет стонать,
Английский этот порох грубый
В междугорье мы опустошаем,
Два <этих> государства когда бросаются друг на друга
Газырей закупорки (пробки) не сумевший откупорить
В лес вернулся, –
Хаджемуков Хаджи-Пщимаф.
В лес вернувшемуся
Хаджемукову Хаджи-Пщимафу <навстречу>
Княгиня сидящая <пусть> не встает,
<Если и > встанет, <пусть> не провожает.
В дарении ты подобен Болотоку,
В битве ты <подобен> Хатко Большому,
Двум войскам большим посланником быть
<кто достоин>, –
<Это> Хапачевых, о, Махамат.

Архив АРИГИ, ф. 1, оп. 3, п. 128, пасп. № 19. Исп. Салих Зезарахов: 1891 г. р., аул Джерокай Адыгеи; кемиргой. Зап. 1975 г. К. Зезарахова. Перевод на русский язык М. А. Табишева.

А.М. Гутов

ОБЩИЕ ЗАМЕЧАНИЯ

Материалы настоящего раздела составлены из записей разного времени. Одни тексты извлечены из фондов рукописных архивов КБИГИ и АРИГИ, другие – из фонотеки или личных архивов. Помимо того, считаем должным обратить внимание на разновременность записей (1949, 1968, 1977, 1993, 1999, 2005, 2007 и др. годы), что свидетельствует об устойчивом сохранении произведений данной тематики в адыгском фольклоре. Здесь было бы резонным хотя бы мысленно добавить немалое число преданий, легенд, пословиц и поговорок, произведений других жанров адыгского фольклора, порожденных Русско-Кавказской войной или переосмысленных в ее свете.

Учитывая специфику настоящего издания, мы не стали фиксировать все ритмизирующие слова и огласовки, неизменно присутствующие при живом исполнении, поскольку это излишне перегружало бы текст, не неся никакой эстетической или информативной функции и в то же время затрудняя восприятие. Вместе с тем в текстах, которые выписаны с магнитной ленты первая поэтическая строфа дается со всеми огласовками и ритмизирующими словами, чтобы читатель получил более полное представление о структуре песни.

Относительно конкретной тематики, поэтического языка и структурных особенностей песен принципиальных различий между текстами, помещенными в данном и в других разделах, не отмечается.

ПРИЛОЖЕНИЯ И КОММЕНТАРИИ

1. ИЗВЛЕЧЕНИЯ ИЗ КНИГИ «УТВЕРЖДЕНИЕ РУССКОГО ВЛАДЫЧЕСТВА НА КАВКАЗЕ»

под ред. ген.-майора Потто. Тифлис, 1904. С. 191–198. Т. 3. Ч. 2. К песне «Лабэдэсхэм я гъыбзэ»

Вельяминовъ заранѣе намѣтилъ своею цѣлью богатый кабардинскій аулъ князя Али-Карамурзина, дерзко расположившійся на большой Лабѣ, за горою Ахметъ, какъ вѣчная угроза нашимъ границамъ. Карамурзинъ былъ однимъ изъ вліятельнѣйшихъ владѣльцевъ, славился своею храбростью, силою своихъ узденей и гибель его, конечно, должна была произвести за Кубанью глубокое впечатлѣніе. Надо было только захватить его врасплохъ и не дать уйти въ горы, а для этого нужны были скрытность и быстрота движенія. Все предпріятіе держалось Вельяминовымъ въ величайшемъ секретѣ, и только 1-го апрѣля 1825 года, когда начались темныя, безлунныя ночи и ни одна звѣздочка не зажигалась на небосклонѣ, задернутомъ сѣрыми тучами, войска получили приказаніе сосредоточиться у Прочнаго Окопа. Здѣсь три баталіона пѣхоты, 18-ть орудій, Кавказскій и Кубанскій линейные казачьи полки (въ весьма слабомъ составѣ) перешли Кубань и, переправившись на слѣдующій день черезъ р. Чамлыкъ, къ разсвѣту 4-го апрѣля прибыли на урочище Калымшоко, лежащее уже на самой Лабѣ. Отсюда до аула Карамурзина оставалось около 20-ти верстъ. Все шло благополучно; ожидали только ночи, чтобы двинуться дальше, какъ вдругъ случилось одно обстоятельство, едва не разстроившее весь успѣхъ предпріятія.

Еще наканунѣ вечеромъ, когда совершенно стемнѣло, въ аулъ Карамурзина прискакалъ незнакомый всадникъ, весь закутанный башлыкомъ и буркою. Онъ тихо постучалъ въ оконце княжеской сакли, и, вызвавъ самого Карамурзина, отвелъ его въ сторону. «Я служу русскимъ,—сказалъ онъ,—но судьба дѣтей и женщинъ твоего аула внушили мнѣ жалость. Спасайте семьи. Сегодня или завтра нагрянутъ на васъ русскіе—ихъ ведетъ Вельяминовъ». Замѣтивъ на лицѣ князя раздумье, онъ прибавилъ:—«Поступай какъ знаешь. Я предупредилъ тебя и теперь ѣду къ русскимъ».—«Скажи, какъ твое имя? спросилъ Карамурзинъ».—«Я бесленеевскій уздень Крымъ-Гирей Довшоковъ, отвѣчалъ незнакомецъ, и, ударивъ коня плетью, скрылся изъ виду.

Карамурзинъ тотчасъ собралъ на совѣтъ стариковъ, но его никто не послушалъ. «Сколько разъ—говорили они,—насъ подни-

мали ночью, заставляли бѣжать и всегда напрасно; ни Вельяминовъ, ни Коцаревъ никогда не доходили до насъ. Мы живемъ позади бесленеевцевъ, которые не пропустятъ русскихъ, да и русскіе не пройдутъ мимо, чтобы ихъ не ограбить; слѣдовательно, уйти всегда будетъ время». Карамурзинъ уступилъ этимъ доводамъ. «Хорошо,—сказалъ онъ,—я останусь съ вами. Но если меня сегодня убьютъ, то передайте всѣмъ, что Крымъ-Гирей Давшоковъ предупреждалъ васъ.»[1]) Тревога, поднятая въ аулѣ, мало по малу утихла, огни въ сакляхъ погасли и жители заснули безмятежнымъ сномъ. Давшоковъ между тѣмъ возвратился назадъ и засталъ отрядъ еще на мѣстѣ. Онъ сообщилъ Вельяминову, что ѣздилъ въ аулъ Карамурзина, но никого не засталъ: кабардицы уже удалились въ горы». Извѣстіе это,—говоритъ Вельяминовъ[1]), —показалось мнѣ страннымъ; я усомнился въ немъ, потому что войска шли по ночамъ и весьма скрытно; правда, хотя и за всѣмъ тѣмъ движеніе ихъ могло быть какъ-нибудь замѣчено или открыто посредствомъ армянъ, торгующихъ на мѣновыхъ дворахъ, но намѣреніе мое напасть на аулъ Али-Карамурзина никакъ не могло быть извѣстнымъ, ибо множество другихъ ауловъ имѣли столько же причинъ опасаться нашего нападенія. Я рѣшился идти далѣе съ тѣмъ, что если не удастся напасть на аулъ, то по крайней мѣрѣ заставить его совсѣмъ уйти къ абадзехамъ, гдѣ кабардинцы находятся въ весьма стѣсненномъ положеніи».

Въ это время къ Вельяминову подъѣхалъ другой лазутчикъ Шавгуровъ и шепнулъ ему на ухо: «Не вѣрь Давшокову: онъ измѣнникъ и лжетъ. Я сейчасъ поѣду самъ и узнаю правду; никто не могъ предупредить Карамурзина». Къ вечеру онъ вернулся и сообщилъ, что аулъ стоитъ на мѣстѣ [2]). Давшокова арестовали, а Вельяминовъ въ ту же ночь двинулъ впередъ всѣхъ линейныхъ

[1]) Рукописи Военно.-Историч. Отдѣла при Шт. Кав. Воен. округа. Записано А. А. Прореплавскимъ въ Ульскомъ аулѣ со словъ Хадри-Шоцгенова и Султана Шахинъ-Гирея.

[1]) Архивъ штаба кавказск. воен. округа. Дѣло 1825 г. № 152. Рапортъ Вельяминова 17-го апрѣля 1825 г. № 159.

[2]) Записано въ Ульскомъ аулѣ.

казаковъ, подъ начальствомъ князя Бековича-Черкасскаго[1]), приказавъ ему какъ можно скорѣе обложить аулъ и держать его въ блокадѣ до прибытія пѣхоты. Предпріятіе было не легкое. Въ распоряженіи Бековича въ обоихъ полкахъ находилось только 350 казаковъ, а путь былъ кружный и далеко не безопасный, такъ какъ предстояло проходить мимо бесленеевскихъ auловъ, раскинутыхъ по скатамъ горы Ахметъ. Вельяминовъ самъ сознавалъ трудность предпріятія, а потому вслѣдъ за казаками двинулъ остальныя войска форсированнымъ маршемъ. Но какъ ни торопился отрядъ, онъ все-таки не поспѣлъ во-время—казаки управились одни безъ пѣхоты и пушекъ.

Беззвучно, точно н чныя привидѣнія, проносились сотня за сотнею мимо безсленеевскихъ ауловъ, покоившихся сномъ и, переправляясь опять черезъ Лабу на лѣвый берегъ, скрывались въ узкой лѣсистой тѣснинѣ, которая поднималась все выше и выше. Но вотъ казаки взобрались на послѣдній уступъ горы Ахметъ и остановились въ изумленіи. Начинало свѣтать, а внизу подъ ихъ ногами растилался не простой аулъ въ 30—40 хижинъ, какъ говорили лазутчики, а цѣлый городъ, гдѣ было не менѣе 200—250 укрѣпленныхъ домовъ, мрачно смотрѣвшихъ своими бойницами, замѣнявшими окна. Отступать, однако, было уже поздно. Позади—бесленеевцы, впереди аулъ, который вотъ-вотъ проснется, и тогда тѣснина, пройденная съ такимъ трудомъ, обратится въ могилу отряда. Но Бековичъ зналъ, что у людей, подобныхъ кавказскимъ линейцамъ, мужество растетъ по мѣрѣ опасности,— и рѣшился дѣйствовать. Спустившись внизъ, казаки появились совсѣмъ не съ той стороны, откуда ихъ ожидали, а потому даже караулъ, стоявшій у воротъ, замѣтилъ опасность только тогда, когда головная сотня уже ворвалась въ аулъ. Шумъ, гикъ и ружейные выстрѣлы подняли жителей, но въ ту же мину-

---

[1]) Князь Федоръ Александровичъ Бековичъ-Черкасскій принадлежалъ къ одной изъ древнѣйшихъ княжескихъ фамилій въ Кабардѣ и приходился внучатымъ племянникомъ того Бековича, который погибъ при Петрѣ подъ Хивою На Кавказѣ онъ былъ любимымъ адъютантомъ А. П. Ермолова и былъ назначенъ на Кубань вмѣсто заболѣвшаго Коцарева.

25

ту одна за другою запылали сакли, и пламя, быстро перебѣгая по сухимъ плетнямъ, охватило все, что только могло горѣть. Сплошной огненный столбъ всталъ надъ ауломъ, и черный дымъ закуталъ окрестности. Большая часть женщинъ и дѣтей, не понимая съ просонья что твориться вокругъ, метались ошеломленныя, не зная куда спасаться. Но куда не обращались они, вездѣ встрѣчалъ ихъ огонь, вездѣ встрѣчала ихъ гибель—и спасенія не было.... Только страшная смерть гуляла, широко размахивая своею косою. Даже храбрѣйшіе уздени растерялись среди этой сумятицы и гибли почти безъ обороны. Между тѣмъ Дадымовъ налетѣлъ на самого князя Карамурзина, который въ одномъ бешметѣ съ ружьемъ въ рукахъ стоялъ у порога своего дома. Они знали другъ друга въ лицо и выстрѣлили разомъ: Карамурзинъ промахнулся, а Дадымовъ положилъ противника на мѣстѣ—пуля ударила ниже праваго глаза и вышла въ затылокъ.

Княгиня видѣла въ окно гибель своего мужа и безсознательно выскочила изъ сакли, держа въ рукахъ мѣшокъ съ семьюстами червонцевъ. Казаки выхватили золото, а ее взяли въ плѣнъ. Взята была въ плѣнъ и другая жена Карамурзина—сестра ногайскаго князя Эдиге Мансурова. Много было другихъ потрясающихъ сценъ, не утраченныхъ даже донынѣ въ памяти народа и переданныхъ имъ въ его пѣсняхъ. Одна изъ этихъ пѣсенъ разсказываетъ, какъ жена убитаго узденя, охваченная ужасомъ, высыпала 400 червонцевъ въ яму, сама подожгла окружающія ея строенія и погибла вмѣстѣ съ червонцами. Въ другой—воспѣвается уздень Шумафъ Шаугеновъ, который, видя, что все вокругъ него гибнетъ, взялъ своего двухъ-лѣтняго сына, привязалъ къ рукѣ его «свою завѣтную, не знающую промаха золоченую винтовку череджабъ», и со словами: «Аллахъ, въ Твои руки предаю ихъ», бросилъ въ глубокую пропасть. Дочь свою, красавицу Кошехероей, онъ защищалъ до послѣднихъ минутъ своей жизни»[1]).

[1]) По всей вѣроятности красавица Кошехероей была убита. По крайней мѣрѣ въ подробномъ спискѣ, приложенномъ къ рапорту Вельяминова отъ 22-го апрѣля 1825 г. № 181 (архивъ штаба кавказск. воен. окр., дѣло № 152), гдѣ поименно помѣщены всѣ плѣнные, и въ томъ числѣ всѣ члены семейства Шумафа Шаугенова, ее не значится. Что касается до

Черезъ два часа все было покончено. Добыча была огромная; послѣ боя во многихъ мѣстахъ аула, подъ грудами тлѣвшаго пепла, казаки находили слитки серебра и золота; скота и лошадей отбито было свыше 4-хъ тысячъ головъ, но плѣнныхъ взято было только 139 душъ. Все остальное погибло. Сами кабардинцы свидѣтельствуютъ, что ими собрано и погребено было болѣе тысячи тѣлъ. У казаковъ два человѣка было убито и одинъ раненъ.

Никогда еще кабардинцы не терпѣли такого страшнаго пораженія, нанесеннаго столь ничтожною горстью людей. «Кто не былъ самъ на мѣстѣ пепелища,—писалъ Вельяминовъ Ермолову,—тотъ почитаетъ сказкою, чтобы 350 казаковъ могли пройти черезъ такія неприступныя мѣста и сдѣлать такое страшное опустошеніе». «Къ сожалѣнію,—говоритъ онъ,—погибло много простаго народа, женщинъ и дѣтей. Всеобщій испугъ былъ тому причиною. Всѣ жители безъ памяти бросилась подъ защиту вооруженныхъ, и казаки, сражаясь съ сими послѣдними, невольно убивали и тѣхъ, коихъ желательно было бы спасти. Многіе, изыскивая средства къ спасенію, старались перебѣжать на другую сторону Лабы, но бывъ увлечены быстротою воды, утонули» [1])....

Черезъ нѣсколько часовъ послѣ погрома подошли къ аулу на помощь триста кабардинцевъ изъ ауловъ князей Джембулата Кайтукина и Кучука Аджи-Гиреева; но было уже поздно—князь Бековичъ успѣлъ миновать страшную тѣснину и былъ въ безопасности.

Вельяминовъ съ пѣхотою дошелъ только до горы Ахметъ и, получивъ здѣсь извѣстіе объ удачномъ дѣлѣ Бековича, возвратился назадъ.

Такъ погибъ знаменитый за Кубанью аулъ князя Карамурзина. Событіе это выдвинуло полковника Бековича изъ ряда спод-

---

мальчика, то черезъ три дня по уходѣ русскихъ, когда горцы собрались на окровавленное пепелище, чтобы собрать и похоронить убитыхъ, они случайно увидѣли ребенка, зацѣпившагося винтовкою за кустъ и висѣвшаго надъ пропастью. Малютка три дня оставался безъ пищи и казался мертвымъ. Его вытащили и возвратили къ жизни. Имя мальчика—Измаилъ. Потомки его существуютъ и до сихъ поръ въ аулѣ Хотоукай Баталпашинскаго отдѣла (Рукопись Воен.-Истор. Отдѣла. Записано въ Ульскомъ аулѣ А. А. Пржецлавскимъ).

[1]) Архивъ штаба кавказ воен. округа. Дѣло 1825 г. № 152. Рапортъ Вельяминовъ отъ 19 го апрѣля № 159

вижниковъ Вельяминова, и Ермоловъ просилъ о награжденіи его орденомъ св. Георгія 4-й ст. «за предпріятіе отлично смѣлое и самымъ удачнымъ образомъ исполненное». Государь, однако, не соизволилъ на эту награду. «Если распоряженія полковника князя Бековича къ первоначальному нападенію на непріятельское селеніе и къ овладѣнію онымъ безъ потери и заслуживаютъ одобрѣнія,— писалъ Императоръ Александръ I въ рескриптѣ Ермолову отъ 29-го сентября 1825 года,—то съ другой стороны онъ теряетъ право на награду тѣмъ, что благоразумно начатое дѣло, окончено совершеннымъ истребленіемъ болѣе трехъ сотъ семействъ, изъ коихъ, конечно, большая часть была женщинъ и дѣтей невинныхъ и не участвовавшихъ въ защитѣ... Умѣнье удержать часть въ должномъ повиновеніи при побѣдѣ, равно какъ и въ несчастіи, есть изъ первыхъ достоинствъ военачальника, и я не намѣренъ награждать тѣхъ, кои не дѣйствуютъ въ столь важномъ случаѣ во всей точности моихъ повелѣній».

Гуманныя чувства и взгляды Императора Александра I сталкивались здѣсь съ жестокою необходимостью и особеннымъ характеромъ кавказской войны; но Ермоловъ, наученный горькимъ опытомъ ежедневныхъ несчастій на линіи, смотрѣлъ на нея нѣсколько иными глазами, чѣмъ въ Петербургѣ.

Между тѣмъ отрядъ Вельяминова, исполнивъ свою задачу, 10-го апрѣля явился въ Прочный Окопъ. Съ плѣнными поступлено было обычнымъ порядкомъ, то есть ихъ, или разослали на крѣпостныя работы, или раздавали въ казачьи семейства. Обѣ княгини, жены убитаго князя Карамурзина, были исключены изъ этого правила, но судьба ихъ была далеко не одинакова. По донесенію Вельяминова[1]), одна изъ женъ, Ольмесъ-Ханумъ, отдана была на попеченіе родныхъ ея князей Эдиге Мансурова и Измаила Аліева; другая княгиня Ханишъ-Иль-Масханъ, родственники которой жили далеко за Кубанью у кизилбековъ, отправлена была въ Малую Кабарду и поручена Астемиру, служившему офицеромъ въ нашей милиціи. Первая вела сравнительно спокойную жизнь, но не то вы-

[1]) Тамъ же. Рапортъ Вельяминова отъ 22-го апрѣля № 181.

пало на долю несчастной Ханишъ, обращенной Астемиромъ въ свою наложницу. Въ послѣдствіи на ней женился полковникъ князь Бековичъ-Черкасскій [1]).

Поступки Шавгурова и Астемирова скоро огласились по всѣмъ закубанскимъ ауламъ, и имена ихъ стали синонимомъ вѣроломства. Оба они и пали отъ руки своихъ соотечественниковъ. Кровомстителями явились два племянника князя Карамурзина, извѣстные князья Кучукъ Аджи-Гиреевъ и Магометъ-Ашъ Атажукинъ, прозванный «короткорукимъ» [2]). Послѣдній, спустя немного времени послѣ убійства своего дяди, подстерегъ Шавгурова, когда тотъ выѣхалъ изъ своего аула и положилъ его на мѣстѣ выстрѣломъ изъ винтовки. По княжескому обычаю онъ снялъ съ убитаго оружіе, положилъ его подлѣ трупа, накрылъ тѣло буркой и, стреноживъ коня, пустилъ его возлѣ. Одинъ мирный кабардинецъ случайно наткнулся на убитаго и поднялъ тревогу. Изъ аула выскочили жители, но никого не нашли—всѣ поняли, что это была месть за Довшокина и Карамурзина.

Съ Астемиромъ расправился самъ князь Кучукъ-Аджи-Гиреевъ. Однажды въ аулъ, гдѣ жилъ Астемиръ, прискакалъ табунщикъ и сказалъ, что князь Аджи-Гирей среди бѣлаго дня угналъ табунъ его въ горы. Астемиръ сразу догадался, что Аджи-Гирею вовсе не нужны его лошади и, чувствуя за собою вину, понялъ зачѣмъ пріѣзжалъ его кровникъ. Отважный и рѣшительный по природѣ,

---

[1]) Дѣло архива штаба кавказскаго военнаго округа № 7. Въ спискѣ плѣнныхъ, приложенномъ къ рапорту князя Горчакова 17-го сентября 1826 г., значится: «княгиня Ханишъ, жена убитаго князя Алія Карамурзина, находится нынѣ въ замужествѣ за полковникомъ княземъ Бековичемъ-Черкасскимъ, а съ чьего позволенія—мнѣ неизвѣстно».

До нынѣ сохранилась трогательная пѣсня, сложенная княгиней въ дни ея бѣдственнаго плѣна. Она такъ и называется: «Плачь княгини Иль-Масханъ, жены Алія Карамурзина». «Ранѣе,—говоритъ эта пѣсня,—я была женою славнаго князя Алія Карамурзина. Я была счастлива и удостаивалась чести играть съ нимъ на разукрашенной шелками постели Теперь я наложница ненавистнаго человѣка, командующаго солдатами, которые убили моего мужа. Какъ часто, подходя къ окну русской сакли, я мечтаю о своемъ молодомъ князѣ, забывая порою, что его нѣтъ уже въ живыхъ. Горько, горько мнѣ, когда услышу вдругъ—зовутъ меня къ постелѣ богатой, и вижу тамъ лохматаго, какъ медвѣдь, ненавистнаго мнѣ человѣка»... Къ кому относится эта пѣсня къ Бековичу или къ Астемиру—неизвѣстно. (Рукопись Воен. Истор. Отдѣла при Штабѣ Кавказскаго военнаго окр. Записано Пржецлавскимъ въ Ульскомъ аулѣ).

[2]) Обѣ руки у него были перебиты и правая была значительно короче лѣвой, что не мѣшало ему отлично владѣть конемъ и оружіемъ. У него была особая винтовка, приспособленная именно къ его короткой рукѣ, и онъ билъ изъ нея безъ промаха. Съ нимъ мы еще не разъ будемъ встрѣчаться при описаніи дальнѣйшей борьбы нашей на правомъ флангѣ.

онъ не захотѣлъ уклониться отъ встрѣчи съ врагомъ и съ нѣсколькими нукерами пустился въ погоню. Табунъ настигли скоро. Завидѣвъ Аджи-Гирея, Астемиръ крикнулъ ему: «Ты пріѣхалъ за моею жизнію, такъ бери же ее, если можешь»! Тогда по старому адату уздени отъѣхали въ сторону, и оба противника понеслись другъ на друга. Одновременно въ рукахъ ихъ свернули винтовки, грянули два выстрѣла, но обѣ пули пронеслись мимо. Тогда Аджи-Гиреевъ успѣлъ выхватить изъ-за пояса свой пистолетъ, и Астемиръ былъ убитъ наповалъ.

Смерть двухъ людей, ознаменовавшихъ себя въ народномъ понятіи предательствомъ, было дѣломъ лишь личнаго мщенія кровниковъ за гибель Карамурзина и за позоръ княгини. Но кровь, пролитая въ аулѣ, являлась уже дѣломъ общественнымъ. Тысячи мертвецовъ вопіяли о мщеніи, и Вельяминовъ зналъ, что за Кубанью найдется немало отчаянныхъ головъ, готовыхъ пуститься на самое дерзкое предпріятіе. Онъ видѣлъ, что туча уже собирается и спѣшилъ отклонить грозу новымъ разгромомъ, направленнымъ на этотъ разъ уже къ сторонѣ абадзеховъ.

2. ИЗВЛЕЧЕНИЯ ИЗ КНИГИ «СЕКРЕТНАЯ МИССИЯ В ЧЕРКЕСИЮ РУССКОГО РАЗВЕДЧИКА БАРОНА Ф. Ф. ТОРНАУ». (Нальчик, 1999)

К песне «Аслъэнджэрий и гъыбзэ» (№№ 1.3; 3.12)

...Переправляясь однажды через Лабу, мы встретили человек пятьдесят черкесов, следовавших за молодым человеком на белой лошади лучшей кавказской породы. При виде его имам Хази заметно смутился, назвал мне его и советовал искать вместе с Ягызом брода в стороне, пока он сам поедет объясняться с горцем. Это был один из самых злых бичей Кавказской линии, повсюду известный абрек, кабардинский князь Аслан-Гирей. Хотя сам имам Хази не имел никакого повода его опасаться, но он боялся, чтобы проницательный глаз Аслан-Гирея не заметил во мне незнакомого человека, о котором стоит узнать, кто он таков. При этой встрече он, наверное, не думал, что неизвестный молодой путник, на которого он не обратил никакого внимания, призовет на его голову неизбежную грозу и ускорит его смерть. Да и я не полагал, ровно через год увидать себя в его руках, опутанным самым коварным обманом (С. 198).

....

...Генерал представил мне будущих проводников, кабардинских абреков, князя Аслан-Гирея Хамурзина, хаджи Джансеида и Аслан-бека Тамбиева (С. 250).

....

Первое свидание с ними произвело на меня, сколько помню, не весьма благоприятное впечатление. Аслан-Гирей меня тотчас оттолкнул. Сквозь его тихий и медленный разговор, сквозь полузакрытые глаза и сдержанные движения проглядывала кошачья натура тигра, прячущего когти (С. 251).

....

В 1821 г., когда Алексей Петрович Ермолов одним решительным делом *сломил сопротивление Кабарды*[1], и большинство

князей и дворян бежали за Кубань, уклоняясь от русского владычества, Аслан-Гирею было от роду только двенадцать лет. Он уже дрался с русскими возле своего отца и обращал на себя внимание кабардинцев своею редкою смелостью. *Беслан Хамурзин* [2], его отец, также покинул Кабарду, три года скитался в горах, а потом стал просить пощады. Ермолов, зная, что главный корень буйной непокорности существует не в народе, а в дворянском сословии, взял за правило не допускать обратно в Кабарду беглых князей и селить их на Урупе, когда они покорялись. Тут был водворен и Беслан Хамурзин, с возвратом ему, в виде особой милости, всего имущества и крестьян, захваченных у него в Кабарде русскими войсками. Весьма верный политический расчет побудил Ермолова сделать это исключение для Беслана, которого вес между беглыми кабардинцами был так велик, что с примирением его можно было надеяться, все они явятся с повинною головой. В течение года собралось около него на Урупе не менее пяти тысяч кабардинцев, готовых повиноваться русской власти. Им было позволено учредить у себя народное управление, в голове которого они сами поставили князя Беслана, выбрав его валием. На Урупе поселился также родной брат Беслана, имевший сына по имени Адел-Гирей. Между ним и его двоюродным братом Аслан-Гиреем существовало с детства соперничество, нередко доводившее их до ссоры. Аслан-Гирей был умен, пользовался отличною военною славой, но в тоже время слыл в народе злым и мстительным хитрецом. Адел-Гирей, имея менее ума, но лучший нрав, затемнял совершенно своего родственника действительно редкой красотой. Первого из них все боялись, второй пользовался общею любовью. Около того времени появилась на Лабе знаменитая красавица *Гуаша-фуджа* [3] (белая княгиня), сестра беслинеевского князя *Айтеки Канукова* [4]. У черкесов не скрывают девушек; они не носят покрывала, бывают в мужском обществе, пляшут с молодыми людьми и ходят свободно по гостям; поэтому каждый мог видеть и, увидавши, расславлять ее красоту. Многочисленная толпа поклонников окружала Гуашу-фуджу, и самые знатные князья домогались ее руки, но Кануков медлил выдавать ее замуж, во-первых, потому что у черкесов, несмотря на калым, платимый за жену по мусульманскому обычаю, редко выдают девушку против воли, она же выбора еще не сделала; а во-вторых, не являлся еще человек равный ей по древности рода. Надо заметить, что адыги в этом случае чрезвычайно разборчивы и так далеко заходят в своих понятиях о чистоте происхождения, что княжеское звание сохраняет только сын от брака князя на княжне, а сын, происшедший от князя и дворянки, получает название «незаконного – *тума*». Оба Хамурзина, Адел-Гирей и Аслан-Гирей, начали домогаться расположения Гуаши-фуджи,

и отцы их, почти в одно время, стали сватать ее за своих сыновей. Гуаше-фудже нравился Адел-Гирей, бывший в то же время другом ее брата, но так как Беслан был богат, пользовался значением у русских и сильным влиянием на черкесов, да и сын его никогда не прощал обиды, что всем было известно, то казалось опасным навлечь на себя их вражду явным отказом. Не зная как лучше решить это дело, не доводя до несчастия сестру и не оскорбляя самолюбия Аслан-Гирея, Кануков обещал ему сестру условно: «Если она будет согласна»; а Адел-Гирею допустил увести ее будто бы силой, в чем приняли участие все кабардинцы, не любившие Аслан-Гирея. У черкесов обычай увозить невесту силой или обманом, когда родители не соглашаются выдать ее добровольно, чрезвычайно распространен. Сутки, проведенные девушкой в доме похитителя, делают ее законною его женой; тогда никто не вправе отнять ее у него, и дело кончается в этом случае третейским судом, назначающим калым, который следует заплатить семейству. Можно себе вообразить бешенство Аслан-Гирея, когда он узнал о похищении Гуаши-фуджи, которая уже была для него потеряна, но зато он поклялся, что Адел-Гирей недолго будет пользоваться своим счастием. Преследуя везде Адел-Гирея, скрывавшегося с молодою женой, пока друзья обоих братьев старались, по черкесскому обыкновению, примирить их посредством шариата, он отыскал его, напал и ранил выстрелом из ружья. Адел-Гирей, обороняясь, ранил в свою очередь Аслан-Гирея. Кабардинцы, случившиеся при этом, разняли их прежде, чем дело дошло до убийства. Аслан-Гирей не хотел слышать о примирении и принялся после того мстить всем приверженцам Адел-Гирея, помогавшим ему похитить Гуашу-фуджу. От этого образовались на Урупе две неприятельские партии, между которыми грабежи и убийства сделались вседневными происшествиями, непомерно умножившимися после смерти валия Беслана Хамурзина, который при жизни своей служил еще некоторою преградой мстительности Аслан-Гирея. Чтобы избавиться от вечной тревоги, в которой он находился, будучи в соседстве своего двоюродного брата, Адел-Гирей бежал с женою из-за Кубани к чеченцам за Терек. У *черкесов поединок неизвестен*[5]. По их понятиям глупо и смешно, получив оскорбление, дать еще обидчику возможность убить себя по установленным правилам. Обиженный явно или тайно убивает своего противника, как позволяет случай и обстоятельства. При этом соблюдаются следующие правила, которыми никто не смеет пренебрегать под опасением неотразимого стыда. Если обидчик случайно встретит обиженного, то он не должен первый нападать, а вправе только обороняться. В поле он обязан уступать ему дорогу, в доме у постороннего должен тотчас уходить, когда

вошел обиженный. Нет обмана, нет вероломства, которых бы стал гнушаться черкес, когда дело идет об отплате за кровь отца, брата, сына или за честь жены, в этих случаях нет ни суда, ни платы, могущих унять в нем жажду крови, одна смерть врага дает покой его душе. Озлобленный бегством Адел-Гирея в Чечню, Аслан-Гирей убил его отца, своего родного дядю, и, опасаясь взыскания за этот поступок со стороны русского начальства, бежал со своими приверженцами к абазехам. Остальные кабардинские поселенцы, выжидавшие только удобного случая освободиться от русского надзора, последовали его примеру и разбежались во все стороны. Благодаря Гуаше-фудже Уруп опустел, и за Кубанью появилось несколько тысяч самых неугомонных абреков, тревоживших день и ночь наши пределы. В 1834 г. генерал был назначен начальником Кубанской кордонной линии. Смелыми и удачными набегами на неприятельские аулы он успел навести такой страх на их жителей, что они почти перестали тревожить Линию, находясь в вечном опасении за свои семейства и за свое собственное имущество. Лучшие абреки-вожаки были перебиты в стычках с нашими войсками, многие из них покорились, некоторые, и это были самые опасные, с упорством продолжали свое кровавое ремесло. Между последними отличались ловкостью и необыкновенным счастием хаджи Джансеид и два князя, Аслан-Гирей и *Магомет Атажукин* [6]. За каждый набег они платили генералу равно удачным нападением на нашу границу. Наконец, казалось, счастие хотело увенчать полным успехом старания генерала водворить полное спокойствие на Линии: Магомет Атажукин, тяжело раненый в правую руку, лишился возможности владеть оружием и поехал в Турцию лечить рану, а Джансеид и Аслан-Гирей объявили готовность положить оружие на условиях, о которых я уже говорил. Таким образом, Аслан-Гирей, потерявший крестьян и все имущество, захваченное русскими, когда он бежал в горы по поводу происшествий, возбужденных похищением Гуаши-фуджи, должен был через меня получить их обратно (С. 254–258).

....

Путешествие Аслан-Гирея могло действительно наделать слишком много шуму в горах и собрать около него толпу провожатых, с которыми мне неловко было бы жить по целым неделям, не расставаясь ни днем, ни ночью. Тамбиев имел у сапсугов родственников, Джансеид часто бывал на морском берегу, их привыкли там видеть, и они поэтому пользовались возможностью проехать со мною более незаметным образом, чем Аслан-Гирей. Он присоединил к ним, кроме того, еще двух кабардинских абреков, *Шаугена* и *Маргусева* [7], желавших покориться русскому правительству (С. 259, 260).

. . . .

Аслан-Гирей говорил со мною в этот вечер с такою откровенностию о своих делах вообще и в особенности о затеянном мною путешествии, показывал столько дружеской заботливости обо мне, что и каждый другой, находясь в моем положении, поверил бы совершенно его искренности, даже если б он прежде имел причины в нем сомневаться. Подавая мне сам оружие, он спросил, позаботился ли я переменить порох на полках у ружья и пистолета, и советовал никогда не забывать этой предосторожности. Когда я садился на лошадь, Аслан-Гирей держал стремя, крепко пожал мне руку и сказал: «До скорого счастливого свидания». Признаюсь, беспокойство, от которого я не мог освободиться после сцены с Лоовом и его настойчивого предложения бежать на Кубань, теперь совершенно исчезло, рассеянное спокойным видом и добродушными словами Аслан-Гирея (С. 262, 263).

. . . .

Вдруг послышался за мною шум скачущей лошади, и кто-то крикнул по-черкесски: «Убыд!» (Держи!) Невольным образом я оглянулся. В то же мгновение две сильные руки схватили меня сзади за локти и стащили с лошади. Кинжал, единственное оружие, за которое я мог еще взяться, был вырван из ножен. Пораженный, как громовым ударом, я опомнился в ту же минуту, даже не вскрикнул и только с досады перекусил чубук. Я не хотел доставить черкесам удовольствия видеть русского в испуге (С. 264).

. . . .

У черкесов часто встречаются *странствующие барды*[8], передающие песни, предания старины и импровизирующие стихи на новые происшествия. Усевшись в кунахской, посреди круга слушателей, они начинают свой рифмованный рассказ довольно медленно, мерно ударяя черенком ножа в какую-нибудь звонкую вещь, потом такт ускоряется, голос усиливается, и тихий речитатив переходит в громкую песнь, увлекающую черкесов до безумного восторга. Черкесы чрезвычайно впечатлительны и подобно бедуинам легко воспламеняются песнею и рассказом. Иногда эти барды носят с собою небольшую *семиструнную арфу*[9]. Кроме ее я видел у черкесов еще три музыкальные инструмента: *двухструнную балалайку*[10], *двухструнную скрипку*[11] *да свирель*[12].

Люди, подобно Аслан-Гирею и Джансеиду искавшие завладеть народным мнением и занять степень военных начальников в борьбе против русских, имели обыкновение, задумав какое-нибудь важное предприятие, посылать по краю сперва этого рода импровизаторов, которые, прославляя их ум и дела, увлекали за ними народ. Певцам принадлежало, кажется, исключительное право рассказывать подвиги черкесских героев: сами они никогда

не говорили о них. Черкесы, храбрые по природе, с детства привыкшие бороться с опасностью, в высшей степени пренебрегают самохвальством. Самые смелые джигиты (молодцы) отличаются у них необыкновенною скромностью (С. 326, 327).

. . . .

Хитрый Аслан-Гирей опрокидывал все его расчеты (князя Тембулата Карамурзина. – *Ред.*), находя выгодным длить мой плен до бесконечности в видах своей личной безопасности. Пока я нахожусь в руках у кабардинцев, думал он, русские власти, опасаясь за мою жизнь, не решатся его извести. Для этого он поддерживал в простоумном Тамбиеве надежду на несоразмерно большой выкуп и с удовольствием видел, когда тот отвергал все предложения нашего правительства. Теперь Аслан-Гирея не стало в живых: Адел-Гирей заплатил ему за кровь отца. *Русские не купили его головы*[13]: она давно принадлежала канле, а только ускорили ее падение (С. 367).

. . . .

Перед расставанием Тембулат передал мне *подробности Аслан-Гиреевой смерти*[14]. Это был один из тех кровавых эпизодов, которыми так богата черкесская жизнь. В начале я рассказал похищение Гуаши-фуджи, убийство отца Адел-Гирея и бегство самого Адел-Гирея в Чечню. Долго он скитался за Тереком, память отца не давала ему покоя и все тянула его к тому, кто пролил родную кровь. Он перешел к абазехам, у которых жил Аслан-Гирей. Скоро муж Гуаши-фуджи увидал, что здесь нет возможности отомстить своему врагу. Абазехи дорожили Аслан-Гиреем, находившимся на высоте своей разбойничьей славы, наравне с кабардинскими абреками. Первым делом их было созвать шариат для примирения братьев, и Адел-Гирей должен был покориться его приговору, положившему на одни весы смерть отца и похищение невесты. Канла считалась прекращенною. Братья стали видеться и не раз ездили вместе грабить русских, но откровенности между ними не было: Адел-Гирей затаил чувство мщения в глубине сердца, годы проходили, а он ничего не забывал и ничего не прощал. В то время, когда Аслан-Гирей задумал передаться на сторону русских, Адел-Гирей выказал желание остаться у абазехов. Год спустя, после того как Аслан-Гирей, обманув меня, отрезал себе все пути к примирению, Адел-Гирей счел необходимым покориться и от абазехов выселился на Уруп, ближе к русской границе. Тут он взялся за трудное дело: предпринял уверить Аслан-Гирея в своей дружбе, для того чтобы его вернее подвести под удар, который ему давно готовил. На половине дороги за Кубань, куда Аслан-Гирей беспрестанно отправлялся то с большими, то с малыми партиями, он имел случай часто видеть его у себя и помогал ему тайно во

всех его замыслах, доставлял ему самые точные известия и не раз спасал его от русских, рискуя собственною безопасностью. Такие явные доказательства откровенного примирения и нелицемерной дружбы усыпили под конец недоверчивость Аслан-Гирея, он сделался менее осторожным, а этого только и добивался Адел-Гирей. Хитрый и мстительный Аслан-Гирей забыл, что от врага можно отводить чужую руку, сберегая его для собственного мщения. В октябре тридцать восьмого года план Адел-Гирея созрел. К нему присоединились еще два человека, давшие клятву отомстить Аслан-Гирею за прежние обиды, это были: Мамат-Кирей Лоов, провожавший меня в ночь измены, и ногайский князь Канмирза, у которого он отогнал когда-то несколько сот лошадей. Давно уже они поджидали Аслан-Гирея в урупских лесах. К своему несчастью, он приготовил набег на русскую границу, прибыл с довольно значительною шайкой абреков к аулу своего брата и, узнав, что в окрестностях замечены казаки с Линии, отправил товарищей в лес, а сам остался ночевать в ауле с одним только человеком. Известие о казаках было придумано единственно для того, чтоб удалить от него провожавших его абреков, зато Лоова и Канмирзу тотчас уведомили о том, что он попал в западню. После сытного и веселого ужина, братья пожелали друг другу приятного сна. Адел-Гирей ушел к себе, Аслан-Гирей разделся, сам заклиновал изнутри дверь кунахской и лег спать, положив под подушку, по своему обыкновению, два заряженные пистолета. Кроме товарища его в комнате оставался еще десятилетний ребенок, которому поручено было поддерживать ночью огонь. Мальчик был подучен тихонько отворить дверь, когда гости заснут. Ночью он впустил Адел-Гирея, Лоова и Канмирзу, имевших по два пистолета в руках. Спящего легко было убить, но это они считали недостаточным: им хотелось, чтоб он их видел и знал, за что его убивают. Его разбудили, дали ему опомниться и потом тремя пулями пробили грудь, крикнув: «За отца! За русского офицера! За табун!» Аслан-Гирей успел разрядить оба пистолета в напавших, не ранив никого, и испустил дух.

Между тем товарищ его сидел полуживой на своей постели, не зная ожидает ли и его та же участь. Ему отдали оружие, подвели лошадь и приказали ехать в лес к абрекам, рассказать как кончил Аслан-Гирей за свои грехи и посоветовать благодарить Аллаха, что их самих отпускают живыми с Урупа, при этом показали двор, уставленный лошадьми абазин и ногайцев, приехавших с Лоовым и Канмирзою.

Через несколько дней голова Аслан-Гирея свидетельствовала в Прочном Окопе о том, что Линия от него действительно избавлена, там я ее видел, освободившись из плена (С. 368–371).

ПРИМЕЧАНИЯ*

[1] *В 1821 г., когда... Ермолов... сломил сопротивление Кабарды...* – Это произошло в 1822 г.

[2] *Беслан Хамурзин* – внук знаменитого кабардинского князя Асланбека Кайтукина (ум. в 1746 г.), сын Хамурзы Асланбекова от второй жены. По источникам в 1747 г. Беслану было 12 лет (КРО. Т. 1. С. 143), следовательно, он родился в 1735 г. В 1824 г., когда Беслан Хамурзин встречался с Ермоловым в Дагестане (Записки А. П. Ермолова. С. 396–398), ему шел 89 год. Родной брат Беслана, который, по словам Ф. Торнау, также поселился на Урупе, был скорее всего Бекмурза Хамурзин. Последний со своими подвластными участвовал в восстании 1825 г. в Кабарде и ушел к верховьям Лабы в октябре того же года (Утверждение русского владычества на Кавказе. Т. 3. Ч. 2. С. 213–222).

[3] *Гуаша-фуджа* (адыг.: Гощэфыжь, каб.: Гуащэхужь, из Гуащэ – «княжна, госпожа, богиня, покровительница дома/семьи» + фыжьы/хужь – «белая, светлая»). Женские имена с компонентом Гуащэ были очень популярны у адыгов (*Коков Дж. Н.* Вопросы адыгской (черкесской) антропонимии. Нальчик, 1973. С. 35).

[4] *Айтек Кануков* – Къанокъуэ Айтэч/Етэч. Источники сообщают, что «без бесленеевцев не совершался ни один набег. В особенности воинственность их была проявлена, когда ими... управлял и предводительствовал князь Айтек Каноков» (Покорение Западного Кавказа и окончание Кавказской войны. Тифлис, 1914. С. 7). К. Ф. Сталь писал: «В последнее двадцатилетие никто не пользовался такой славой, как Джамбулат Болотоков, князь темиргоевский; Магомет-Аш Атажукин (см. коммент. 6); Айтек Кануков, князь бесленеевский, убитый под укреплением Зассовским в 1845 г.» (*Сталь К. Ф.* Этнографический очерк черкесского народа // КС. Тифлис, 1900. С. 124). Среди адыгов сохранилось несколько вариантов песни «Къанокъуэ Айтэч и гъыбзэ» – «Плач о Канокове Айтече» (Народные песни и инструментальные наигрыши адыгов. Т. 3. Ч. 2. С. 73–85).

[5] У *черкесов поединок неизвестен.* – Существующие источники по этому вопросу противоречивы, и эта проблема до сих пор не стала предметом специального исследования. И все-таки можно сказать, что в данном случае Ф. Торнау прав лишь отчасти. Знаток адыгской истории и этнографии Хан-Гирей писал,

---

* Все комментарии, за исключением помеченных «Ред.», принадлежат Б. М. Керефову.

что «черкесы поединков не имеют в таком виде, в каком они приняты в Европе… не назначают ни места, ни времени поединка» (*Хан-Гирей.* Записки о Черкесии. С. 309). Однако оговаривается: «впрочем, бывают случаи, похожие на поединки: оскорбленный посылает сказать оскорбителю, что он отныне ему враг, и потому, чтобы тот был бы осторожен, предпринимал бы свои меры и чтобы после не сказал: «Я не ведал, что он помышлял противу меня злое». Также иногда вызывают на кровавые свидания, назначив для этого места» (Там же. С. 329. Примеч. 17).

Несколько по-иному осветил этот вопрос в 1834 г. офицер генштаба Отдельного Кавказского корпуса И. Ф. Бларамберг: «Черкесы не терпят оскорблений или грубых эпитетов в свой адрес. Если подобное случается между двумя князьями или дворянами, они вызывают друг друга на дуэль… Здесь не устанавливают ни времени, ни места поединка – там, где два соперника встретятся в первый раз после ссоры, они слезают с коней, вынимают» из-за-пояса пистолеты, и тот, кто подвергся оскорблению, стреляет первым; его обидчик стреляет вслед за ним. Если случается так, что встреча двух соперников происходит в присутствии лиц более высокого положения, то из уважения к ним соперники стреляют в воздух, а дуэль таким образом откладывается до следующей встречи» (*Бларамберг И. Ф.* Историческое, топографическое, статистическое, этнографическое и военное описание Кавказа. Ч. 1 // АБКИЕА. С. 387). Из этих данных видно, что за исключением времени и места поединка, при выяснении отношения между двумя участниками ссоры, соблюдался определенный регламент, которым, по словам Торнау, «никто не смеет пренебрегать». Все это позволяет говорить о существовании у адыгов (черкесов) своеобразной формы поединка или дуэли. Естественно, в зависимости от уровня развития феодальных отношений у разных субэтносов адыгов (черкесов) сатисфакция могла проявляться по-разному. Это подтверждается и языковым материалом. В лексиконе кабардинцев сохранилось понятие «щIакIуэкIапэ» (букв.: пола бурки) со значением дуэль, поединок, т. е. дуэлянты становились на полу расстеленной бурки и выясняли отношения. Отсюда и выражение «щIакIуэкIапэ зэдытеувэн» (букв.: становиться на полу бурки) – вызвать кого-либо на дуэль (Кабардинско-русский фразеологический словарь. Нальчик, 1968. С. 316). Все это свидетельствует о том, что у адыгов, в частности кабардинцев, бытовала дуэль в классическом ее виде. К XIX в. некоторые составляющие ее процедуры (форма вызова, место и т. д.) претерпели суще-

37 Заказ № 246

ственные трансформации. Многочисленные источники и данные фольклора свидетельствуют, что одной из характерных форм вызова на дуэль или поединок был угон лошадей, увоз крепостного или домочадца противника, зная, что последний кинется в погоню. Так поступил и широко известный кабардинский князь Кучук-Аджи-Гирей, решивший отомстить князю Астемиру за оскорбление Ельмасхан – жены Али Карамурзина. Вот как описывает это источник: «князь Аджи-Гирей среди белого дня угнал его (Астемира. – *Ред.*) табун лошадей в горы. Астемир сразу догадался, что Аджи-Гирею вовсе не нужны его лошади и, чувствуя за собой вину, понял, зачем приезжал его кровник. Отважный и решительный по природе, он не захотел уклониться от встречи с врагом и... пустился в погоню. Табун настигли скоро. Завидев Аджи-Гирея Астемир крикнул ему: «Ты приехал за моей жизнью, так бери же ее, если можешь!» Тогда по старому адату уздени отъехали в сторону, и оба противника понеслись друг на друга. Одновременно в руках их сверкнули винтовки, грянули два выстрела, но обе пули пронеслись мимо. Тогда Аджи-Гирей успел выхватить из-за пояса свой пистолет, и Астемир был убит наповал» (Утверждение русского владычества... Т. 3. Ч. 2. С. 197, 198).

6 *Мухамед Атажукин* – весьма популярная личность времен Русско-Кавказской войны. В источниках того времени и среди адыгов известен под именем Магомет-Аш Атажукин (ХьэтIохъущокъуэ Мыхьэмэт Iэшэ), т. е. Магомет-Косорукий (В. А. Потто называл его «Короткоруким»). Свое прозвище он получил в связи с ранением во время сражения с русскими в Чегемском ущелье 9 октября 1825 г. У Магомета обе руки оказались перебиты, в результате чего правая стала значительно короче левой. Однако, как пишет В. А. Потто, это «не мешало ему отлично владеть конем и оружием. У него была особая винтовка, приспособленная именно к его короткой руке, и он бил из нее без промаха» (Утверждение русского владычества ... Т. 3. Ч. 2. С. 197). Личность Магомет-Аш Атажукина наиболее ярко высветил швейцарец Жий (бывший наставник Александра II в детстве). Он характеризует Магомет-Аш как «рыцаря, поэта и романтика», в котором горцы «видели символ мужества и героизма» и которому «при жизни слагались многочисленные героические песни». По словам Жия, «жизнь этого кавказского Антара подобна романтической поэме» (*Жий.* Письма с Кавказа и Крыма / Перевод с франц. Каральбий Мальбахова. Париж, 1857. С. 141–143). Эту поэтичную натуру отважного рыцаря-наездника подчеркнул впоследствии и Н. Дубровин: «Уменье сочинять песню во все времена глубоко уважалось.

Замечательнейшие наездники не пренебрегали рифмой и пшиннером (имеется в виду музыкальный инструмент рода пшынэ – щипковый или смычковый хордофон, владение которым считалось обязательным в системе воспитания рыцарей-наездников. Позднее этим термином стали обозначать и гармонику. – *Ред.*). Магомет-Аш, один из первых богатырей за Кубанью, был отличнейшим импровизатором» (*Дубровин Н*. Черкесы (адыге). Краснодар, 1927. С. 80). Магомет-Аш Атажукин погиб в 1846 г. под Ставрополем. Попав в окружение, он трижды прорывался через казачьи кордоны и имел возможность уйти один, но не мог бросить своих товарищей на произвол судьбы (*Жий*. Указ. соч. С. 141; *Дубровин Н*. Указ. соч. С. 117). По законам воинской чести черкесов, предводитель не мог поступить иначе. Вот почему в песне «Плач о Кушуке Аджерия сыне» («Аджэрий и къуэ Кушыку и гъыбзэ») о нем так сказано: «Егъэзыгъэри дэ къытхудэзыхыр ХьэтIохъущокъуэкIэрэ Мыхьэмэт Iэшэти» / «В беду попавших, выручай Хатокшоко Магомет Косорукий» (НПИНА. Т. 3. Ч. 2. С. 57, 61). К сожалению, отдельной песни, посвященной Магомет-Аш Атажукину не сохранилось. Но, публикуя песню «Ажьджэрий и къуэ Кушыкупщ» (Аджерия сын Кушупш) в газете «Адыгэ Макъ» (Адыгский голос) в № 37 от 02.05. 1918 г., Нурий Цагов предворил ее редакторской ремаркой: «В старину кто бы [из отряда] ни совершал подвиг, [песню] заказывали на имя старшего. Эта песня о Хатакшоко Магомете Криворуком (перевод З. М. Налоева. – *Ред.*) [хотя главным ее героем является Аджерия сын Кушукупш]». Она начинается с таких строк:

ЗекIуэ шухэр щыдэшэсыкIкIэ,
Шуд акIуэхэр (уэ) кIэлъагъакIуэ;
Пхъэр шухэр къыщыкIэлъыкIуэм,
Iэрубыдхэр къытхухэзыш, –
А шур хэтхэ ящыщ жыпIэ мэ,
ХьэтIохъущокъуэ Мыхьэмэт Iэшэщ!

Походные всадники, когда на коней садятся,
Всадники – приглашателя (уа) за ним посылают;
Всадники погони, когда за тобой шли,
Пленных кто нам выводит, –
Этот всадник из рода какого, если спросишь,
Хатакшоко Магомет Криворукий это!

7 *Шауген и Маргусев* – не совсем точная транскрипция известных адыгских фамилий Щоджэн (Шоген) и Маргъущ

(Маргуш). Уздени (дворяне) 3-й степени Маргушевы со своими подвластными (более 100 дворов) в 1804 г., после подавления восстания, покинули Кабарду и поселились в долине Большого Зеленчука (АКАК. II. С. 969). Маргушев аул дважды (1821 и 1822 гг.) подвергался истреблению царскими войсками. В данном случае речь идет скорее всего об Умаре Маргушеве, фигурирующем в «Песне об Аслан-Гирее Бесланове» как «неотступный спутник в походах» Аслан-Гирея (НПИНА. Т. 3. Ч. 2. С. 94–98).

8 *Странствующие барды* – имеются в виду народные поэты, композиторы и певцы, знатоки адыгэ хабзэ (адыгского этикета) называемые джэгуакIуэ (джегуако). Они занимали в адыгском обществе уникальное место и пользовались не только всеобщим уважением, но и обладали статусом неприкосновенности (*Налоев З. М.* Из истории культуры адыгов. Нальчик, 1978. С. 25–60).

9 *Семиструнная арфа* – разновидность народного щипкового музыкального инструмента *пшынэдыкъуакъуэ* (пшынадыкуакуо) типа угловой арфы.

10 *Двухструнная балалайка* – народный щипковый хордофон Iэпэпшынэ (апепшина). – Ред.

11 *Двухструнная скрипка* – народный смычковый хордофон шыкIэпшынэ (шичапшина). – Ред.

12 *Свирель* – скорее всего имеется в виду бжьамий (бжамий – род флейты), который изготовлялся из тростника (къамыл), а позднее – из ружейного ствола.

13 *Русские не купили его головы...* – здесь Ф. Торнау явно слукавил. В данном случае, конечно, все можно списать на кровную месть. Но убийство непокорного князя Аслан-Гирея Бесланова не обошлось без тайного участия (если не без направляющей руки) генерала Засса. Иначе трудно объяснить, как голова Аслан-Гирея оказалась в Прочном Окопе, где ее видел сам Ф. Торнау (см. ниже по тексту) и, судя по контексту, висевшей на шесте, как это любил делать Засс*. Сам факт

* Засс Григорий Христофорович (1797–1883) – родом из немцев, барон фон. С 1831 г. подполковник Моздокского казачьего полка. За экспедиции 1831 и 1832 гг. в Дагестан и Чечню награжден орденом Св. Анны 2-й степени и произведен в полковники. В 1835 г. назначен командующим Кубанской линией. С 1836 г. – генерал-майор (ВЭ. Т. 10. С. 485, 486). Отличался невероятной жестокостью. Декабрист Н. И. Лорер в своих воспоминаниях писал: «В поддержание проповедуемой Зассом идеи страха на нарочно насыпанном кургане у Прочного Окопа при Зассе постоянно на пиках торчали черкесские головы, и бороды их развевались по ветру... Взойдя как-то в кабинет генерала, я был поражен каким-то нестерпимым отвратительным запахом. А Засс, смеючись, вывел нас из заблуждения, сказав, что люди его, вероятно,

отмщения (даже за отца!) в собственной кунацкой, с точки зрения адыгэ хабзэ (адыгского этикета), не мог смягчить тяжесть преступления Адел-Гирея против законов гостеприимства. Нарушая законы гостеприимства и принципы княжеской чести, Адел-Гирей не мог не знать, что он переходит всякие мыслимые и немыслимые границы, позволяя унести голову Аслан-Гирея в Прочный Окоп. На такой шаг Адел-Гирей мог пойти скорее всего под сильнейшим давлением, и, судя по обстоятельствам, одним из тех, кто мог оказать такой нажим, был генерал Засс.

14 ...*подробности Аслан-Гиреевой смерти* – гибель Аслан-Гирея нашла отражение в сохранившейся кабардинской песне «Аслъэнджэрий и гъыбзэ» («Плач о Асланджери») (См. настоящее издание 2.4. и 3.13. – *Ред.*).

поставили под кровать ящики с головами, и в самом деле вытащил перед нами огромный сундук с несколькими головами, которые страшно смотрели на нас своими стеклянными глазами. «Зачем они здесь у вас?» – возразил я... – «Я их вывариваю, очищаю и рассылаю по разным анатомическим кабинетам к друзьям моим профессорам в Берлин»... (*Лорер Н. И.* Записки моего времени // Мемуары декабристов. М., 1988. С. 518; см.: *Голубев С.* Бестужев-Марлинский. М., 1960. С. 340). Неумолимым и беспощадным убийцей изображен Засс и в адыгском фольклоре. Засс был удален с Кавказа в 1842 г., чему в немалой степени скорее всего способствовал разоблачительный роман Е. Хамара-Дабанова «Проделки на Кавказе».

3. АДЫГЭЖЬХЭР Я ХЭКУМ ЩИКIЫМ ЯУСА УЭРЭД

Уэр, дывгъэунэрIэ, а-а-а-а-а, губгъуэр зи унэ,
Дывгъэзауэ, а-а-а-а, зауэр зи хя [а] бзэ!
Ди Тхьэм и унэ э-э-э- уэ ди унэ лъапIэми, сэрмахуэ.
Уэр, напэ лъапIэкIэрэ, э-э-э, девгъэкIуэлIэжхэкъэ,
Ди Тхьэм и унэу о-ой-о ди унэ пежми, сэрмахуэ,
Напэ пежкIэрэ дыIувгъыхьэжһ[х]э!

Уэр, ди ныбжьым дызытеса щIыгумрэ,
Ар, ди ныбжьым къетхуэкIа шыбзымрэ,
Къэзакъыжьһ[х]эми щыттрах махуэми, сэрмахуэ,
Уэр, къэзэуаткIэрэ зыдвгъэгъалIэркъэ...
Къэзакъыжьми щытIэщIич махуэми, сэрмахуэ,
Къэзэуат хэлъурэ зыдывгъэгъалIэркъэ!

Ар, дывгъэунэрэIэ, губгъуэр зи унэ,
Дывгъэзауэ, зауэр зи хя[а]бзэ!
Ди Тхьэм и унэу ди унэ лъапIэми, сэрмахуэ,
Напэ лъапIэкIэрэ девгъэкIуэлIэжхэ,
Ди Тхьэм и унэу ди унэ пежми, сэрмахуэ,
Напэ пежкIэрэ дыIувгъэхьэжхэ!

Ар, Абрэм бжьэпэурэ ди кхъэхалъэри,
Ар, Ахъмэтыбгыурэ ди фо щIапIэри,
Урысыжьми къащыхуэна махуэми, сэрмахуэ,
Уэр, къэзэуаткIэрэ зыдывгъэгъалIэркъэ...
Къэзакъыжьхэми щытIэщIач махуэми, сэрмахуэ,
Къэзэуат хэлъурэ зыдывгъэгъалIэркъэ!

Ар, дывгъэунэрIэ губгъуэр зи унэ,
Дывгъэзауэ, зауэр зи хя[а]бзэ!
Ди Тхьэм и унэу ди унэ лъапIэми, сэрмахуэ,
Уэр, напэ лъапIэкIэрэ девгъэкIуэлIэжхэмэ,
Ди Тхьэм и унэу ди унэ, пежми, сэрмахуэ,
Напэ пежкIэрэ дыIувгъыхьэхэ!

3. ПЕСНЯ АДЫГОВ, ПОКИДАЮЩИХ РОДИНУ

Ор, давайте же жить, кому пустыня <стала> жильем,
Давайте же воевать, у кого воевать <стало> в обычае!
В обиталище Бога нашего, жилище святое, сармахо,
Ор, со святостью в облике давайте уйдем,
В обиталище Бога нашего, жилище праведное,
С обликом праведным давайте предстанем!

Ор, в день, когда казаки поганые у нас отбирают
Землю, которую мы всю жизнь обживали,
И лошадей, которых мы всю жизнь разводили,
Ор, с газаватом давайте погибнем...
Казаки поганые у нас отбирают когда,
С газаватом давайте погибнем!

Ар, давайте же жить, кому пустыня <стала> жильем,
Давайте же воевать, у кого воевать <стало> в обычае!
В обиталище Бога нашего, жилище святое, сармахо,
Со святостью в облике давайте уйдем,
В обиталище Бога нашего, жилище праведное,
С обликом праведным давайте предстанем!

Ар, Абрама[1] плато, где наши могилы,
Ар, Ахмет-гора, где наш мед сочащийся,
В день, когда поганым русским достаются, сармахо,
Ор, с газаватом давайте погибнем...
В день, когда казаки поганые у нас отбирают, сармахо,
С газаватом давайте погибнем!

Ар, давайте же жить, кому пустыня <стала> жильем,
Давайте же воевать, у кого воевать <стало> в обычае!
В обиталище Бога нашего, жилище святое, сармахо,
Ор, со святостью в облике давайте уйдем,
В обители Бога нашего, жилище праведное, сармахо,
С обликом праведным давайте предстанем.

[1] *Абрэм* – топоним, местность не установлена.

Фонотека КБИГИ. Исп. Кемал Думан: 1933 г. р., гор. Пынарбашы (вилайет Кайсери) Турции; кабардинец. Звукозап. 1993 г. Х. М. Думанова. Выписка с м/л Н. Г. Шериевой. Перевод на русский язык А. М. Гутова.

Других вариантов песни не представлено ни в публикациях, ни в архивных материалах. Название дано самим исполнителем. По содержанию она ближе не к песням покидающих родину, а к походным, которые функционально были призваны вдохновлять на битву. – *Ред.*

4. ХЭКУР ДОБГЫНЭ

Анзор и къуэжьым Iуэхухэр зэрехьэ,
Хъыбар къэзыхьыжыр Пщыунэ Къазийщ,
Хэкум докIыж мыгъуэри!
Налшыч тетыжьым паспорт къыдет,
Ди гум къыщIитхъыурэ Хэкум драш,
Хэкум докIыж мыгъуэри!
Пщэдджыжь мафIэгур къыткIэщIолъадэ,
Дызэхолъадэри ди щхьэр догъей,
Хэкум драш мыгъуэри!
Данэ IэлъэщIыр жьыуейм зэрехьэ,
А зы Алыхьым дызэхуихьыж,
Хэкум дыпокI мыгъуэри!
Тенджыз ФIыцIэжьым кхъухьхэр щызоуэ,
Щауей-хьэжыжьым Iуфэр къежыхь,
Хэкур добгынэ мыгъуэри!
Балъкъызу-дахэм пшынэр къегъаджэ,
Благъэр къыдэджэм, дамыгъуэтыж,
Хэкур тIэщIокI мыгъуэри!
Консулым щIэсыр пащIэ бзииплъщ,
Сабийхэм дахэплъэмэ ди гур мэуз,
Хэкур къытфIонэ мыгъуэри!
Тырку къурIэнаджэр ди гум и жагъуэщ,
Мыр зи Iэужьым бгышхуэ къытеуэ,
Ди гур къутауэ Хэкум докIыж!

4. ПОКИДАЕМ РОДИНУ

**Анзоров сын правит делами,
О делах вести приносит Кази Пшиунов,
Родину мы покидаем, о горе!
Нальчикский правитель паспорта нам вручает,
Против нашей воли нас из Отчизны увозят,
Родину мы покидаем, о горе!
Утренний поезд <незаметно> к нам подбегает,
Мы <воедино> сбегаемся и свою долю оплакиваем,
Родину мы покидаем, о горе!
Шелковый платок носит по ветру,
Аллах единый да принесет нас друг к другу,
Родину мы оставляем <навечно>, о горе!
По Черному морю носит корабль,
Хаджи старый Шаов по берегу носится,
Родину мы покидаем, о горе!
Балкиз-красавица гармонь кликать заставляет,
Если родственник нас окликает, он нас не находит,
Родины мы лишаемся, о горе!
В консульстве сидит <некто> рыжеусый,
На детей <сидящих> взглянем – сердце болит,
Родину мы оставляем, о горе!
Турецкий обряд чтения Корана нам не по душе,
Кто нас к этому привел, пусть на того гора большая обрушится,
С разбитым сердцем мы Родину покидаем!**

Текст предоставлен Х. Т. Тимижевым из собственного архива. Зап. он же в 1999 г. у турецкого адыга Нихада Джараша. Перевод на русский язык А. М. Гутова.

Один из вариантов популярной песни, сложенной по поводу исхода партии мухаджиров в пределы Османской империи. – *Ред*.

5. ПСЫИКIЫЖХЭМ Я ГЪЫБЗЭ

Урысым и пщышхуэхэр Кавказым къыхуолIэ,
ЛIыгъэр зэтрахыу жаIэурэ зауэр къыдащIылIэ.

Е ж ь у: ПсыикIыж мы махуахэр сыту лажьэшхуэ,
Лажьэу къыттехьа мыгъуэхэм ди гур кърашхыкI.

Ар къыдэзыщIылIэр гущэри мелауанищэм щIегъур,
ЗращIылIэ лъэпкъыр Iэбжьыб хуэдиз мыхъу.

Е ж ь у.

ЛIы ящэхуагъэу тхэтхэри зэрыгъаблэ нэгухэ,
Былымыжь нэкIухэти, ди хэгъуэгур ящэ.

Е ж ь у.

Молэ ныкъуэу тхэтхэм уаз пхэнжхэр къытхуащIыр,
Дэ тхуэпсэу хуэдэу жаIэурэ леишхуэ къыдахыр.

Е ж ь у.

НэджэпцIу тхэтхэм, гущэ, загъэщихъышхуэ,
Абыхэм тхьэ Iуэху дащIри дызэтралъащIэ.

Е ж ь у.

Дэ ди хьэдэ пхъэбгъухэу ди щIыбхэм ипхахэр
Ирыдагъэхыжыну жаIэурэ псори дагъэшынэ.

Е ж ь у.

Хым и уае сыджхэри кхъухь ныбэхэм къоуэ,
ЗэтелIа бдзэжьейхэр ди бгъумкIэ щызоуэ.

Е ж ь у.

Урысым и пщышхуэхэр IэщэкIэ къытхуолъыр,
Муслъымэн хэгъуэгу гущэхэр нэфIкIэ къыдоплъыр.

Е ж ь у.

5. ГЫБЗА МУХАДЖИРОВ

Великие князья российские на Кавказ зарятся,
Мужеством это считая, войной на нас идут.

П р и п е в: Какое несчастье – исход за море,
Несчастье, выпавшее на нас,
душу нам гложет!

Тех, кто нам это устроил – сотня миллионов,
Тех, кому устроили – одной горсти нет.

П р и п е в.

Мужчины продажные [среди нас] – какие ненасытные,
Со скотскими рылами, <они> продают наши земли.

П р и п е в.

Недоученные муллы наши проповеди ложные читают,
Твердя, что для нас стараются, вред нам приносят.

П р и п е в.

Лицемеры наши, о горе, строят из себя святош,
Прикрываясь Божьим именем, вконец нас разоряют.

П р и п е в.

**Наши доски с мертвецами, к спинам привязанные
Отобрать <и выбросить в море> грозя, нас стращают[1].**

П р и п е в.

**Волны суровые бьются о брюхо корабля,
Погибшие рыбы бьются по бокам <корабля>.**

П р и п е в.

**Великие князья российские с оружием набрасываются,
Мусульманская земля, о горе, добрым взглядом манит.**

П р и п е в.

[1] «Наши доски...» – во время плавания черкесы, покидавшие родину, не хотели бросать в море тела умерших, как того требовали перевозчики. Чтобы трупы не были выброшены насильно, некоторые привязывали их себе на спину. А в крайнем случае укрепляли на доске, чтобы тело не утонуло, и спускали на воду, надеясь, что когда-нибудь его прибьет к берегу и кто-нибудь похоронит его в земле.

Текст взят из журнала «Щыблэ», который в 1983–1986 гг. издавался в городе Вупперталь (ФРГ). Имя собирателя и исполнителя не указано, но, предположительно, текст поместил известный фольклорист, доктор философии Б. Озбек (Едыдж), один из членов редколлегии и издателей журнала. Подготовил текст к печати Х. Т. Тимижев. Перевод на русский язык А. М. Гутова.

6. ПЕСНЯ О РЕКЕ ХОДЗЬ

От проклятой реки Ходзи
Восходит пар кровавый.
Отказавшись отдать ружья,
За оружье люди взялись.

Ружья, лежавшие дома,
Продымлены снова порохом.
Рыжих коней наших, пляшущих,
Пушки на части рвут.

Коня с чеканным нагрудником
По грудам трупов из битвы
Вывел Токан Хохшуков:
Защитник ему – пророк.

Его полюбили хуры.
И пал он с седла у Ходзи.
Хаджибир же, прихвостень царский,
Хитростью нас одолел.

Издали царские воины
Двойным окруженьем нас давят.
Черноморский граф [1] ядрами
Недаром морит нас.

Молодые ложатся мертвыми,
Раскрываются двери неба.

**Мусульмане, про нас услышав,
Пропойте скорбную песнь!**

**Возле реки Ходзи
Сходились все храбрые,
Серебряные приклады
Протирали чистым платком.**

**Мертвой среди трупов красуется
Красавица, дочь Бабуковых.
Отвергнув посланника царского,
Начал бой Бгажиноков Умар.**

[1] По всей видимости, граф Сумароков Эльстон, начальник Кубанской области. – *Ред.*

В песне нашла отражение жестокая расправа царских войск в апреле 1868 г. над жителями одного из аулов закубанских кабардинцев, расположенного на р. Ходзь. Связанные общей клятвой, они решили умереть, но не исполнять требований военного начальства о разоружении и переселении на новое место. Оказав героическое сопротивление, все они погибли в неравном бою. Начальник Кубанской области в своем донесении наместнику Кавказа, подчеркивая «отчаянную оборону фанатиков», писал о «страшной картине», которую являли собой тела «изрубленных женщин и детей». См.: *Мамонтова А. В.* Восстание закубанских кабардинцев в 1868 г. // Ученые записки КНИИ. Т. 2. Нальчик, 1947. С. 66. – *Ред.*

7. БОЛЬШОЙ ХОЖ

**Ой, что творится в большом Хоже, умом не постичь,
Семь дней кровь течет, как река полноводная.
Ой, в Хоже семь красавиц насмерть сражаются,
Храбрости их тигрицы могли б позавидовать.
Впереди – дочь Хожа Байдымат,
А вторая – дочь Хажи Уркуят.
У Уркуят в двух колыбелях два близнеца,
Но каждым взмахом она валит врагов.
Она сражалась, пока пули не попали в колыбели,
Пока ее белый платок кровью не пропитался.**

**Русский царь насилие ставит превыше всего.
Силой солдат решает свои дела.
Пеший туман застлал и окутал равнины.**

**Нет, это не туман, это дым орудий и пушек.
Попадая в село – он обнимается пламенем.
Возгораются дымоходы, как масляные свечи,
А дети теряются под копытами коней.**

**Карохов-генерал, собакой рожденный,
Этих детей керосином обливает, сжигает заживо,
Тем самым он милость царя получает.**

**Непокорных красавиц-черкешенок милых,
Догола раздевая, плетьми заставляет избить.
В большом Хоже, как плети бесконечны,**

Бесконечны страдания и муки, –
Никак не насытятся кровью шакалы.

Кровавый царь, конечно, поверит словам генерала,
Будь же ты проклят, вместе с жестоким лакеем своим.
Богатые нивы качались в Хоже Большом.
Но остроклыких кабанов запустили туда.

В кровавых руках длинные, острые сабли,
А матери мечутся, ищут малюток в огне.
Вода Хож-реки алою стала, словно от заката,
От реки и ручьев черкесской крови.
Дети тяжко и трудно отдают небесам свои души.
Бедные матери рыдают и плачут,
И гладят волосы своих мертвых детей.

Скроили бы саван мы генералу из кожи собачьей,
Мы выпили бы кровь его, с медом мешая.
Но брызгала лишь наша кровь на камни у речки,
Вот и девушки тоже в битву включились, как парни.
Началось сражение, кровью и земля утолила жажду:
И женщины, и девушки сели в седла.
Те, кто ранним плодом тяжелыми были,
Мертвыми младенцами разрешились до срока.
А солдаты беременных женщин, как рыб, разрезают.
И, младенцев бросают в поганые ямы.

Мы палачей не пустили бы на землю свою,
Если бы горы были у нас, как в Карачае.
Мы и еще десять лет воевали бы,
Если б мы жили у Терека или у моря.
Мы поднялись, как на праздничный той,
Но полегли, и теперь остывают наши останки,
Никого не осталось нам саван кроить,
И у самой воды умираем от жажды.
У одинокой чинары в Хоже Большом,
Повесили солдаты золотом украшенные ружья.

38 Заказ № 246

А трупы наши раздирают одичавшие собаки,
И кутята лижут нашу охладевшую кровь.

Мы, женщины и девушки Большого Хожа,
С ножами на поясе шли на смертный бой
И Хож-реки пучину заполнили телами.

Большой Хож окружило кровавое войско.
И мясо наше варят, как дичину, и с упоением едят.
С нами рядом церкви строятся наспех,
И старики наши туда с поклоном идут ...

Личный архив А. Додуева члена СП КБР, глав. редактора «Минги-Тау».

Зап. А. Додуева и И. Дигешевой в 1989 г.; г. Черкесск КЧР. Исп. Роза Хапчаева, актриса карачаевского драмтеатра, 60 лет. Подпевали актеры театра. Пер. с карачаево-балкарского языка на русский А. Додуева.

Текст представляет собой версию распространенной в карачаево-балкарском фольклоре песни об уничтожении царскими войсками черкесского аула Ходзь на реке Лабе. – *Ред*.

8. ХАДЖИРЕТСКАЯ ПЕСНЯ О ПЕРЕСЕЛИВШИХСЯ В ТУРЦИЮ

В 1820–1870 гг. огромные массы адыгов, в виде протеста против царской колонизаторской политики и угнетения, покинули Кавказ и переселились в Турцию (в Сирию). Султан турецкий, по политическим соображениям, вдохновлял это переселение, но нисколько не заботился об устройстве переселенцев на местах. Переселенцы попали в тяжелое положение в чужой стране, отличавшейся по своим обычаям от их родины. Песня предостерегает от переселения, указывая на невзгоды уехавших.

Публикаторы текста не совсем точны в датировках: основная масса адыгов-переселенцев ушла в пределы Османской империи в результате окончания Кавказской войны в 1864 г., но массовые и единичные переселения продолжались до первых лет XX в. – *Ред.*

Нужник у вас на речке,
Заброшена ваша мечеть.
Вода у вас под землею[1],
Скачете вы на ослах,
Ишак на базар вас возит.
Табак растет в огородах, –
Запрягали вы буйвола-быка,
Табаку цена пять рублей.
Ружье одно на пять дворов[2],
На шесть дворов – копна сена,
На всех его не хватает.
Плуг ваш – две деревяшки,
А бычье копыто – лемех[3].

В земле борозда – ваше поле,
Мед ваш – яблочный сок.
Быков в недоуздках водите,
Вороные у вас с желтым хвостом,
А черкески с желтой тесьмою.
Эх ты, свиной поселок!

Нет у вас хабзе – порядка,
Драки у вас часты,
Честность ваша пропала.
Живете вы в пещерах,
У всех у вас на поясе
Торчат усы колосьев.
В брюхе у вас – капуста,
Капуста растет в огороде,
Рады вы сеять просо,
Траву вы, как гуси, щиплете.
Эх ты, поселок злосчастный!

Лом у вас в каждом доме,
На оружье и взглянуть стыдно!
Невесты ваши тоскуют,
Красавицы ваши сохнут.
Эх ты, пропащий поселок!
На головах у вас фески,
Черкески у вас до задницы [4],
Носите вы кисеты
И все папиросой дымите.
Эх ты, свиной поселок!

Мясо на крыше сушите,
Молотите пшеницу камнями.
Арбуз на вес продаете,
Уоко [5] дынь – десять копеек.
Повсюду у вас жанбазы [6],
Базары у вас шумные.
Вместо денег у вас – бумага.

Нет у вас кукурузы[7].
Ой ты, страна несчастья!

Сами едите курицу,
А петуха для гостя жалеете.
Куда русские вас загнали!

[1] *Вода у вас под землю...* – надо было рыть колодцы, а в Кабарде привыкли пользоваться водой из рек.

[2] *Ружье одно на пять дворов...* – для «настоящего» уорка это тягчайший позор.

[3] *А бычье копыто – лемех...* – т. е. вместо плуга взрыхляют землю копыта быка.

[4] *Турецкая куртка* – короткая (кабардинцы носили длинную черкеску).

[5] *Уоко* – турецкое «окка» (11/4 килограмма).

[6] *Жанбаз* – канатный плясун.

[7] Кукуруза – главная сельскохозяйственная культура в Кабарде.

9. ИСТАМБЫЛАКIУЭХЭМ Я ТХЬЭУСЫХЭ

1. Андзор и къуэжьмэ Iуэхур зэрехьэ,
   Хъыбар зезыхьэри Пщыунэ Къазийтэкъэ.

2. Пщыунэ Къазийхэри зэрыпщэкIыхь,
   Гъуэгуанэ кIыхь гущэм дэ дытрашэ.

3. Гъуэгуанэ кIыхьмэ дэ дытрашэ,
   Бабыгуей дашэри хьэдагъэ джэгухэри дэ
   къыттращIыхь.

4. Бабыгуей щIалэхэр дэ къыткIэлъожи,
   Къуажэр къыткIэлъыгъыурэ Балъкъ дызэпрокI.

5. Асамбикми шэщмэ завод щагъашхэ,
   Дэ дызышхахэри Мэшыкъуэ Хьузертэкъэ.

6. Хьэиуэ-хьэжыжьри зэрыщэныбэ,
   Андзорхэ ныбэмэ уэ дэ докIуадэ.

7. Тэрчкъалэ гъуэгумэ лъэмыж къыщащI (жи),
   Лажьэр къыдэзыщIэри Истамбыл кIуэнырщ (жи).

8. Къулъкъужыныжьри уи нэшэкъашэ,
   Хэкум драш мыгъуэ лъы нэпс къытщIэкIыурэ, –
   жиIащ.

9. Ди пыIэ дахэхэр натIэпэм тесщ (жи),
   Шыуэ дызытес мыгъуэр дэ къызыдонэкIи.

10. Ди адэжь-ди анэжьхэри (уэ) дэ къыттогъэ,
Хьэдагъэ тщIыуэрэ хэкум драш.

11. Хэкуу дызэрыкIмэ цIыхухэр къыттогъэ (жи),
ДызэщIэгъуагэурэ кхъухьым дыIуашэ (жи).

12. Кхъухьу дызэрашэр (иджы) италянэ кхъухьщ (жи),
Дэ дыздашэ гущэр хэку пIалъэ мыщIэтэкъэ (жи).

13. Истамбыл дыдохьэри жылэр къытхуокIуэ (жи),
Инэрал къэкIуа гущэм «Хъыджэбз къызэфт!» —
жери къытхохьэ.

9. СЕТОВАНИЯ УЕЗЖАЮЩИХ В СТАМБУЛ

(Кабардинская версия)

1. Андзоровых сын старый [нашими] делами заправляет,
Слухи разносит Пшиунов Кази.

2. Пшиунов Кази длинношеий
На дорогу длинную, гуша, нас выводит.

3. На дорогу длинную нас выводит,
В Бабугово[1] привозит и под плач пляски устраивает.

4. Юноши из Бабугово вслед за нами скачут,
Под плач всего селения мы Балк переходим.

5. В асамбикских[2] конюшнях коней кормят,
Нас съел Машуко Гузер.

6. Хаюовых хаджи старый, толстобрюхий,
В брюхе Андзорова мы пропадаем.

7. По дороге к Терчкале[3] мосты строят,
Беду нам приносит в Стамбул переселение.

8. Кулькужин-речка родная извилиста,
С родины, о горе, увозят нас, кровавые слезы проливающих, – сказал.

9. Наши шапки красивые у нас на лбу сидят (жи),
Коней, что под нами, о горе, мы навсегда оставляем.

10. Наши отцы-матери старые (уа) нас живых оплакивают,
Нас, себя оплакивающих, с родины увозят.

11. На родине, что мы покидаем, люди нас оплакивают (жи),
Рыдающих, нас к кораблю подвозят.

12. Корабль, на котором нас увозят (иджы), итальянский корабль (жи),
Куда нас везут, гуша, – страна, нам неизвестная.

13. В Стамбул мы когда входим, народ к нам идет (жи),
Генерал, что пришел (гуша), «Девушку мне дайте!» говоря, подходит.

По преданию, песня сложена Патом Шахимовым, одним из участников последней массовой эмиграции кабардинцев в Турцию во главе с Таусултаном Анзоровым (в 1905–1906 г.). Впервые ее исполнили перед отправкой в путь автор песни и крестьянин Худ Машуко.

Предание не представлено в публикациях; запись его на магнитофонную ленту хранится в фонотеке КБИГИ.

[1] *Бабугово* – селение в Кабардино-Балкарии, ныне Сармаково.
[2] *Асамбик* (от русск. особняк) – название местности к западу от кабардинского селения Каменномостское (там стоял особняк помещицы Хомяковой).
[3] *Терчкала* – город Владикавказ.

Фонотека КБИГИ, № 110/13. Исп. Рамазан Махотлов: 1900 г. р., гор. Нальчик; кабардинец. Звукозап. 1967 г. В. Махотлова. Выписка с м/л З. П. Кардангушева. Перевод на русский язык А. М. Гутова

10. ИЗ КНИГИ «ТЫРКУЕМ ИС АДЫГЭХЭР. ІОРЫПУАТЭР». (АДЫГИ ТУРЦИИ. Фольклор). Майкоп, 2004

10.1. АДЫГЭ НЫП

1. Адыгэжь бэйракъ мыгъуэр
Жьыбгъэм къызэрехьэ,
Езы Алахь лъапІэ гущэм
Дэ дызэхуихьыжи,
Уэ, докІуэ, докІуэ,
Истамбыл докІуэж мыгъуэ.

2. Уэ, Истамбыл унэхэри
Унэ зэтетси,
ИщІагъырей унэхэми
Пылгъур къыщахьэжыр,
Уэ, хьэйрэщ, уэ-рэйрэ,
Дэ дымыхьэжырІэ.

3. Мы дызхэхьа къуажэхэри
Сыт хуэдэ къуажэ?
Гъуэшэндж лъапэху мыгъуэ,
ПыІэ хъуреижыІэ,
А хьэйрэщ, хьэйрэу,
Дэ дымыхьэжырІэ.

4. Я щхьэцу упщІэхэри
БгъукІэ иражьэкІыр,

Уэу, хэбзэ мыщIэж гущэу
Лъэпкъ гъэкIуэдыжси,
А хьэйрэщ, хьэйрэ
Истамбыл докIуэж мыгъуэ.

5. Уэ истамбыл гъуэгужь гущэр
Зэрэнэшэкъашэ,
Ди хэгъуэгу закъуэ мыгъуэр
КъызэднэкIыжаIэ,
Уэ, докIуэ, докIуэ,
Истамбыл докIуэж.

6. Хэкум я мэлыхъуэ гущэр
Къущхьэхъум къыдокIыр,
Мы хэгъуэгу къикIын мыгъуэр
Дэ къытхуэмыгъуати,
А, хьэйрэщ, хьэйрэу
Дэ дымыхьэжырIэ.

7. А, хыIуфэ дзэл гущэр
Къызэдогъагъэ,
ДызэщIэугъуаеж гущэу
Хэкужьыр добгынэ,
А, хьэйрэщ, хьэйрэу
Дэ дымыхьэжырIэ.

8. А, сэ си фочыжь гущэр
Си бгъэгум къыхоуэ,
А, си гум къеуэ дахэр
Хэкужьым къизнаIэ,
Уэ докIуэ, докIуэ,
Истамбыл докIуэж мыгъуэ.

9. Уэ, адыгэ фащэ гущэр
Дыщэм къекъутэ,
Мы хэгъуэгу къута мыгъуэм
Ди гур къикъутаIэ,
Уэ, докIуэ, докIуэ,
Истамбыл докIуэж мыгъуэ.

**10. Уэ, мыхьэжыр лIыжь гущэр
Тхьэ къытхуолъэIур
Уэ, мыхьэжыр фэры гущэм
ЩIакIуэр ягъэлейти,
Уэ, хьэйрэщ, хьэйрэ
Дэ дымыхьэжырти.**

**11. Уэ, мыхьэжыр лIыжь гущэр
ЖьакIэ цыпэхущи,
Уэ, мыхьэжыр Iуэхухэри
Фымыгъэ лалэ,
Уэ, докIуэ, докIуэ,
Истамбыл докIуэж мыгъуэ,
Уэ, докIуэ, докIуэ,
Истамбыл докIуэж мыгъуэ.**

10.1. АДЫГСКИЙ СТЯГ

**1. Адыгский стяг, о горе,
На ветру развевается,
Самим Аллахом великим
Пусть нас, <развеянных> воссоединит,
О, едем, едем,
В Стамбул переселяемся, о горе,**

**2. О, стамбульские дома –
Дома многоэтажные,
На нижних этажах
Муку мелют,
О, хайра, о-райра,
Мы ведь мухажиры.**

**3. Эти селения, в которые мы прибываем,
Что это за селения?
Штаны с широкими штанинами, о горе,
Папахи круглые некрасивые, ведь,
А, хайра, хайрау,
Мы ведь мухажиры.**

4. Свои волосы слежавшиеся
<Они> набок зачесывают,
О, не ведающие этикета,
<Наш> народ разлагают,
А, хайра, хайра,
В Стамбул переселяемся.

5. О, стамбульская дорога проклятая,
Какая она извилистая,
Нашу родину единую, о горе,
Оставив за спиной,
О, едем, едем,
В Стамбул переселяемся.

6. На родине чабан, о горе,
На горные луга выходит,
Этот уход со своей родины
Для нас великим горем стал,
А, хайра, хайрау,
Мы ведь мухажиры.

7. А, вербы прибрежные, о горе,
Вместе зацветают,
Вместе вознося плачи,
Мы родину покидаем,
А хайра, хайрау,
Мы ведь мухажиры

8. А, мое ружье грозное, о горе,
В грудь мою попадает.
Ту, что в сердце мое запала,
На родине милой оставив,
О, едем, едем,
В Стамбул уезжаем, о горе.

9. О, адыгский костюм, о горе,
Золотом осыпан,

**Эта рассыпавшаяся родина
Нам сердце разбила,
О, едем, едем.
В Стамбул уезжаем, о горе,**

**10. О, мухаджирский старец, о горе,
Богу за нас молится,
О, мухаджирские фэры[1], о горе,
Бурку делают искусной,
О, хайра, хайра,
Мы ведь мухаджиры.**

**14. О, мухаджирский старец, о горе,
С бородою белой,
О, дела наши мухаджирские
Не бросайте <на произвол судьбы>,
О, едем, едем,
В Стамбул уезжаем, о горе,
О, едем, едем,
В Стамбул уезжаем, о горе.**

[1] Значение слова «фэры» установить не удалось.

С. 129,130. Исп. Хейри Урфа: 1972 г. р., аул Кадырчешми (вилайет Бурса) Турции; кабардинец. Зап. 01.06. 1998 г. Р. Б. Унароковой. Перевод на русский язык А. М. Гутова.

Данный текст представляет один из вариантов популярной песни, изводом которой, возможно, явилась авторская песня, сложенная композитором М.Баловым совместно с драматургом и поэтом З. Аксировым для драмы последнего «Дорогой обреченных». Как можно предполагать, поэт мог использовать отдельные образы из фольклорных песен о переселении в Турцию, но и авторский вариант оказал влияние на фольклор. Вместе с тем, надо отметить, что мелодии М.Балова и народной песни не имеют между собой признаков сходства, а в словесных текстах общность наблюдается на уровне отдельных строф или словосочетаний. – *Ред.*

10.2. ИСТАМБЫЛАКIУЭ

1. Дэ ди къуэпсыр, хьэрэйда,
Къафкъасыжьым къыщыщIокI,
Махьчэмэжьхэр, хьэрэйда,
Бахъсэныщхьэм щаухуэт.

2. Хабзэ ухуэми, хьэрэйда,
Жылагъуищу загуэши,
Чы гъэшахэр, хьэрэйда,
Ди щIы гъунэм къыхасэрт.

3. Уэ уи хасэр, хьэрэйда,
Шу шэсынхэр идогъажьэ,
Къущхьэ жэмхэр, хьэрэйда,
КъалэныщIэу мэувырт.

4. Уапэувмэ, хьэрэйда,
Хэкужь псори бгъэубзэрт,
Фи шыбзыжьхэр, хьэрэйда,
Хъурей губгъум къыщыхъут.

5. Ди Iэщ цIыкIухэр, хьэрэйда,
Мы къущхьэхъухэр я хъупIэт,
Фэ псэупIэмэ, си уэрэйда,
Жылэ псоми фатекIуэт.

6. ЗекIуэ вгъакIуэм, хьэрэйда,
Лъэныкъуищыр къалъэщIыртт,

ЩIым и фIыпIэм, си уэрэйда,
Ди адыгэр къикIухьт.

7. Iуэху фымыухми, хьэрэйда,
Фи фочыпэкIэ фыухырт,
Зы ухыгъи, хьэрэйда,
Мы къэралым димыIэт.

8. ЩIыуэ диIэр, хьэрэйда,
ПщIэ имыIыу дгъэкIуэдай,
ДызгъэкIуэдхэм, хьэрэйда,
КуэдыкIейри къыхукIуэ.

9. Дызэрысым, хьэрэйда,
Дырамыхуу ямыдэ,
«Дин ислъамыр, хьэрэйда,
Щаухуащ» жытIурэ дынокIуэ.

10. ДыныздэкIуэм, хьэрэйда,
Мы кIагуэжьхэм дыряжагъуэ,
Щхьэр зи жагъуэм, хьэрэйда,
Хуэдэ щIыгум иус.

11. Зы щымыщIу, хьэрэйда,
Илъэс ныкъуэр щIымахуэс,
ЩIымахуэпэр, хьэрэйда,
Къэрэкъышу къытхуадз.

12. Уэсыр къесым, хьэрэйда,
Къэнджалыщхьэси мэдиер,
Къыджьэхидзэурэ, си уэрэйда,
Ди бжэIупэр къыIуевэр.

13. Нэху къыщIэкIым, хьэрэйда,
И пащIэкIэм щIофие,
Жьы фий макъым, хьэрэйда,
Дигу бзаджэр тхурехыр.

14. Ди хэку дахэр, хьэрэйда,
ПщIэ имыIэу дгъэкIуэдай,
КIуэдыкIейри, хьэрэйда,
ДызгъэкIуэдам къыхукIуэ.

15. Мы уэрэдыр, хьэрэйда,
Дыриджэгуурэ жыдмыIэ.
Мы уэрэдыр, хьэрэйда,
Догузавэри жыдоIэ,
Мы уэрэдыр, хьэрэйда,
Догузавэри жыдоIэ.

10.2. ИСХОД В СТАМБУЛ

1. Наши корни, харайда,
К Кавказу великому восходили,
<Наши> суды добрые, харайда,
В верховьях Баксана устанавливали.

2. Те, кто обычаи устанавливает, харайда,
На три стороны расселяются,
Жерди гнутые, харайда,
На границах наших земель втыкают.

3. На хасу собираясь, харайда,
На коней садимся,
Горские коровы, харайда,
На службу нанимаются.

4. Когда выступали против них, харайда,
Всему краю угроза возникала,
Ваши лошади добрые
В Кубанских степях паслись.

5. Нашему мелкому скоту
Эти горные луга пастбищем были,
В выборе места обитания
Всех других вы превосходили.

**6. Те, кого вы в походы отправляли,
Три стороны <света> очищали,
По лучшей из земель, си уарайда,
Наши адыги ходили.**

**7. Если дело не доводили до конца,
То ружейными дулами довершали,
Никакого окончания, харайда,
Этому государству мы не имели.**

**8. Земля, которую мы имели, харайда,
Ни за что для нас пропала,
Те, кто нам утраты доставляет,
Да пропадут пропадом!**

**9. <С тех мест>, где мы жили, харайда,
Изгоняют нас силой,
«Там исламская вера, харайда,
Установлена», – <так> считая, к вам едем.**

**10. Там, куда мы едем, харайда
Короткополым <туркам> не любы,
Те, кто нам нелюб,
Пусть на такой земле живет <на какой
нас поселили>.**

**11. Совсем бесплодно, харайда,
Полгода <тут> зима,
Начало зимы, харайда,
Внезапно на нас обрушивается.**

**12. Снег, падающий, харайда,
На жестяной крыше леденеет,
Наметаясь, си уарайда,
Наши фасады заносит.**

**13. Когда рассветает, харайда,
<Зима> в усы посвистывает,**

39 Заказ № 246

Свист ветра, харайда,
Наши сердца трепетать заставляет.

14. Наш край прекрасный, харайда,
Ни за что для нас пропал,
Да пропадут пропадом
Те, по чьей вине мы пропадаем.

15. Эту песню, харайда,
Мы не для развлечения поем,
Эту песню, харайда,
Мы от горя поем,
Эту песню, харайда,
Мы от горя поем.

С. 132, 133. Исп. Хейри Урфа: 1972 г. р., аул Кадырчешми (вилайет Бурса) Турции; кабардинец. Зап. 01.06. 1998 г. Р. Б. Унароковой. Перевод на русский язык А. М. Гутова.

Текст представляет один из вариантов песни, которая бытует только у турецких черкесов и, видимо, сложена в Турции. – *Ред.*

10.3. КЪАРС И УЭРЭД

1. Урысей топыми, хьей-рэу,
Ди чэр къекъутэрIэ, уэй,
Урысей топыми хьей-рэу,
Ди чэр къекъутэрIэ, уэй,
Мыгъэрей бжьыхьэри къэмыкъутэжымэ
ДынэгугъэжIымэ дэ,
Мыгъэрей бжьыхьэри къэмыкъутэжымэ
ДынэгугъэжIымэ дэ.

2. Шы щхъуантIэ цIыкIури, хьей-рэу,
ЗэрыкIэ мащIэти, уэй,
Шы щхъуантIэ цIыкIури, хьей-рэу,
ЗэрыкIэ мащIэти, уэй,
Къэбэрдей щIалэхэр, зи гъащIэ мащIэхэр,
Къарс къагъэкIуа мыгъуэт, уэй,
Къэбэрдей щIалэхэр, зи гъащIэ мащIэхэр,
Къарс къагъэкIуа мыгъуэт, уэй.

3. ХьэмцIий хьэнтхъупсыми, хьей-рэу,
Фыкъырагъафэри фэ,
ХьэмцIий хьэнтхъупсыми, хьей-рэу,
Фыкъырагъафэри фэ,
Дэ дызщыгугъхэми Къарсым и губгъуэхэр
Лъым игъэфа мыгъуей, дэ,
Дэ дызщыгугъхэми Къарсым и губгъуэхэр
Лъым игъэфа мыгъуей, дэ.

4. Сэрэкъамышымэ, хьэй-рэу,
Шэр къыдолъалъэри, уей,
Сэрэкъамышымэ, хьэй-рэу,
Шэр къыдолъалъэри, уей.
Узун-яйлэ шухэри Сэрэкъамышымэ
Щелъэлъэха мыгъуей, дэ,
Узун-яйлэ шухэри Сэрэкъамыщымэ
Щелъэлъэха мыгъуей, дэ.

5. Мо къуалэбзухэми, хьей-рэу
КъыздагъэзыжырIэ, уей,
Мо къуалэбзухэми, хьей-рэу
КъыздагъэзыжырIэ, уей,
НэдгъэзэжынкIэ дэ дыфщыгугъырти
Гугъэр духа мыгъуи дэ,
НэдгъэзэжынкIэ дэ дыфщыгугъырти
Гугъэр духа мыгъуи дэ.

10.3. ПЕСНЯ О КАРСЕ

1. Российские пушки, хей-рау,
По нашим селезенкам колошматят, уай,
Российские пушки, хей-рау,
По нашим селезенкам колошматят, уай,
Если в эту осень <война> на закончится,
Мы уже не надеемся <на возвращение>,
Если в эту осень <война> на закончится,
Мы уже не надеемся <на возвращение>.

2. Конек серенький, хей-рау,
Короткохвостый какой, уай,
Конек серенький, хей-рау,
Короткохвостый какой, уай,
Кабардинских юношей, у которых жизни короткие,
В Карс отправили, о горе, уай,
Кабардинских юношей, у которых жизни короткие,
В Карс отправили, о горе, уай.

3. Ржаной похлебкой, хей-рау,
Вас насыщают,
Ржаной похлебкой, хей-рау,
Вас насыщают,
Те, за кого мы выйти замуж надеялись,
Карскую равнину
Кровью насытили,
Те, за кого мы выйти замуж надеялись,
Карскую равнину
Кровью насытили.

4. На Сарыкамыш, хей-рау,
Снаряды сыплются,
На Сарыкамыш, хей-рау,
Снаряды сыплются,
Узун-яйлинские всадники в Саракамыше
<С коней> посыпались, о горе,
Узун-яйлинские всадники в Саракамыше
<С коней> посыпались, о горе.

5. Эти перелетные птицы, хей-рау,
<Стаей> возвращаются, уай,
Эти перелетные птицы, хей-рау,
<Стаей> возвращаются, уай,
Возвратиться <вместе> мы надеялись,
<Но> надежда исчерпана, о горе,
Возвратиться <вместе> мы надеялись,
<Но> надежда исчерпана, о горе.

С. 153. Исп. Хейри Урфа: 1972 г. р., аул Кадырчешми (вилайет Бурса) Турции; кабардинец. Зап. 01.06. 1998 г. Р. Б. Унароковой. Перевод на русский язык А. М. Гутова.

Песня посвящена участию отряда черкесов в битве при Карсе (возможно, в Русско-Турецкой войне 1878 г. или Империалистической – 1914 г.), где русские войска, оснащенные современным для того времени вооружением, нанесли про-

тивнику серьезный урон. По преданию, со стороны русской армии также воевал отряд черкесов. Соплеменники, стоящие по разные стороны, узнали друг о друге, услышав на привале черкесские песни с противоположной стороны. Песня не имеет прямого отношения к событиям Кавказской войны. Но событие, которому она посвящена, само является одним из следствий той трагедии, которая постигла черкесов в результате этой войны. Это и послужило основанием для включения песни в настоящий сборник. – *Ред.*

А.М. Гутов

ОБЩИЕ ЗАМЕЧАНИЯ

В данной части книги помещаются разнородные материалы, призванные дополнить содержание основного корпуса книги. Таковы, например, извлечения из трудов дореволюционных российских авторов, в которых описаны отдельные события, ставшие побудительной основой для возникновения некоторых песен, а также представлены очерковые портреты реальных исторических личностей, которым посвящены адыгские песни. Объем книги не позволил сделать много подобных извлечений. Но дать хотя бы два образца мы все же посчитали необходимым.

Помимо этого, в качестве приложений представлены фольклорные записи, которые в силу тех или иных причин не вошли в основные разделы книги. Таковы, например, «Песня о реке Ходзь» и «Большой Хож», посвященные событиям не периода войны, а более позднего времени; но эти события явились прямым следствием завоевания Кавказа. Здесь же песни о переселении, песни о родине и горестной судьбе изгнанников, сочиненные уже на чужбине.

Усилиями проф. Р.Б. Унароковой в г. Майкопе вышел антологический сборник фольклорных произведений, которые были записаны у черкесов, проживающих в Турции со времен изгнания их предков с Кавказа. Мы посчитали уместным поместить в нашей книге песни зарубежной диаспоры о временах исхода с исторической родины и об отношении мухаджиров к событиям на Кавказе и к России.

Тексты, перепечатываемые нами с позволения Р. Б. Унароковой, типичны тем, что, с одной стороны, они ничего не стремятся сгладить и приукрасить, а с другой – не культивируют негативного отношения ни к какому-либо народу, ни к завоевателям.

Лейтмотив песен диаспоры – страдания, выпавшие на долю переселенцев, проблемы приспособления к новым обстоятельствам и тоска по старой родине.

Здесь же помещаются небольшой глоссарий и словарь, составленный на основе приложений к изданиям, из которых взяты публикуемые тексты. Для данного издания многие толкования пришлось, однако, значительно дополнить или же выполнить заново, поскольку сделанные ранее комментарии и пояснения далеко не всегда могли удовлетворять современного читателя.

СЛОВНИК, СОСТАВЛЕННЫЙ ПО ГЛОССАРИЮ К КНИГЕ «КАБАРДИНСКИЙ ФОЛЬКЛОР». М.; Л.: Академия, 1936

АБАЗИНЦЫ – абазэхэр
АБРЕК – абрэдж
АДАТ – адэт
АДЫГЕ – адыгэ
АТАЛЫК – атэлыкъ
АУШ-ГЕР, АУШИГЕР – Аушыджэр
АУШ-КАН – Аущ-къан
АХМЕТ-ГОРА – Ахъмэтыбг
АХУПС (АФИПС) – Ахупс (Афыпс)
АШАМЕЗ – Ашэмэз
БАКСАН – Бахъсэн
БАЛК – Балъкъ
БАСХАГ – Басхэгъ
БЕЛАЯ – Щхьэгуащэ
БЕСЛЕНЕЕВЦЫ – беслъэнейхэр
БЕСЛЕНЕЙ ПЦАПЦА – Беслъэней ПцIапцIэ
БУЗА – махъсымэ
ВОЛАГИ – уэлэхьи
ВЫШХАФЕЧ – ВыщхьэфIэч
ГАЗАВАТ – къэзэуат
ГОМЫЛО – гъуэмылэ
ГУАША – гуащэ
ГУМ – Гум
ГУНДЕЛЕН – Гундэлэн
ГУШМАЗУКОЙ – Кушмэзыкъуей
ГЫБЗА – гъыбзэ
ГЯУР – джаур

ДЖЕБЫН – джэбын
ДЖИН, ЖИН – бзаджэнаджэ
ДИГУЛИБГУЕЙ – Дыгулыбгъуей
ЗАНЫ – занэхэр, жанэхэр
ЗАЮКО (-во) – Зеикъуэ
ЗОЛКА – Дзэлыкъуэ
ИНЖИГ – Инжыдж
КАБАРДА – Къэбэрдей
КАБАРДИНЦЫ – къэбэрдейхэр
КАЙТУКО (-вы) – Къейтыкъуэхэ
КАЛЕКИХ, КАЛЕЧИХ – КъалэкIыхь
КАЛМЫКИ – къалмыкъхэр
КАН – къан
КАНШИБА – куэншыбэ
КАРАХАЛК – къэрэхьэлъкъ
КАФА – къафэ
КЕБЖЕК – къебжэкI
КЕМИРГОЕВЦЫ, ЧЕМГУЙЦЫ – кIэмыргуейхэр
КОДЗЬ – къуэдз
КОЗЛЫ – зэпэбаш
КУБГАН – къубгъан
КУМЫКИ – къумыкъухэр
КУНАЦКАЯ – хьэщIэщ
КУНДЕТ (-овы) – Къундетхэ
КУНДЕТЕЙ – Къундетей
КУРКУЖИН – Къулъкъужын
КУРМАН – къурмэн
КУРП – Курп
КЫЗБУРУН – Къызбрун
КЯХА – КIахэ
ЛАБА – Лабэ
ЛАГУНА – лэгъунэ
МАЛКА – Балъкъ
МЕДРЕСЕ – мыдрисэ
МОЗДОК – Мэздэгу
МУДАВИ – мудавейхэр
МЫСОСТ (-овы) – Мысостхэ
НАКЯХ – нэчыхь
НАЛЬЧИК – Налшыч
НАМАЗ – нэмэз
НАНА – нанэ

НОГАЙЦЫ – нэгъуейхэр
ОТХАТХУ – Іуащхьитху (Бещто)
ОУРИ-ДАДА – Уэрий Дадэ
ОЧАГ – жьэгу
ОШХА-МАХО – Іуащхьэмахуэ
ПАСТА – пІастэ
ПЕЛУАН – пелуан
ПСЫЖ – Псыжь
ПХАПШИНА – пхъэпшынэ
ПШИ – пщы
ПШИНА – пшынэ
ПШИТЛЬ – пщылІ
СЕЛЯМ АЛЕЙКУМ – сэлам алейкум
СОХСТА – сохъустэ
СТАРАЯ КРЕПОСТЬ – Старэ Крепость
СУНЖА – Сунш
ТАВРО – дамыгъэ
ТАМБИЕВЫ – Тамбийхэ
ТАТАРТУП – Тэтэртуп
ТАУРИХ – таурыхъ
ТЕГИЛЕЙ, ТЕНГИЛЕЙ – тэджэлей
ТЕРК – Тэрч
ТЛЕКОТЛЕШИ – лІакъуэлІэш
ТЛЕПШ – Лъэпщ
ТРЁХНОЖКА – Іэнэ
ТУМА – тумэ
ТУРГУТЫ – тыргъутхэр
ТХА – Тхьэ
ТЭН – Тэн
УАЛИ – уэлий
УАШХО, УАШХО-КАН – Уащхъуэ
УДЖ – удж
УЗДЕНЬ – уэркъ
УНАУТ – унэІут
УОРК – уэркъ
УРВАНЬ – Аруан
УРУХ – Урыху
ХАБАР – хъыбар
ХАБЗЕ – хабзэ
ХАГАКИ – хэгъакІэхэр
ХОГЯСЕ – хьэджасэ

ХАДЖ – хьэжыщI
ХАДЖИ – хьэжы
ХАЖРЕТ – хьэжрэт
ХАРАМА-ХОЛМ – Хьэрэмэ Iуащхьэ
ХАТАКШУКО (-вы), АТАЖУКИНЫ – ХьэтIохъущокъуэхэ
ХОДЗЬ – Хуэдз
ХОДУЛИ – пхъэ вакъэ
ХОХ – хъуэхъу
ХУАРЕ – хуарэ
ХУР – хур
ЧЕВЯК – вакъэзэщIэдэ
ЧЕГЕМ, ШЕГЕМ – Шэджэм
ЧИТАП – чытап
ЧУРЕК – чыржын
ШАГИД – щаит, шэхьид
ШАО – щауэ
ШАПСУГИ – шапсыгъхэр
ШАРИАТ – шэрихьэт
ШЕРЕГ – Шэрэдж
ШИНАК – шынакъ
ШОЛОХ – щолэхъу
ШХАГАШЕ – Щхьэгуащэ
ЭРИЖИБА – ержыб

Составитель Н. Г. Шериева

СЛОВАРЬ

АБАЗЭ, абазэхэр абазин, абазинка; абазины / Народность абхазско-адыгской языковой группы. Составляют часть коренного населения современной Карачаево-Черкесии.

АБАТЭХЭ Абат (-овы) / Адыгский дворянский род.

АБЭЗЭХЭ, абэзэхэхэр абадзех, абадзехи / Одна из наиболее многочисленных субэтнических групп западных адыгов. Местом первоначального расселения абадзехов считается горная часть исторической Черкесии – Тубинская поляна. До Русско-Кавказской войны населяли северный склон Кавказского хребта, пространство между реками Белой и Суп, отделявшей их от шапсугов. Проживали абадзехи в долинах рек Курджипса, Пшеха, Пшиша и Псекупса.

АБДЗЭХЭ КЪУШЪХЬ Абадзехская гора / Название оконечности хребта Котх, расположенного недалеко от Горячего Ключа.

АБРЭДЖ абрек / Слово это приобретало разные оттенки значения в зависимости от социальной среды и времени: а) изгнанный родом, «изгой»; б) в XVI-XVIII вв. князья и дворяне, изгнанные за пределы Кабарды в результате междоусобиц; в) во время Русско-Кавказской войны и позднее – переосмысленный термин, ставший синонимом всякого «немирного горца».

АБЫКЪУ Абук / Разновидность кабардинской породы лошадей.

АБЫН Абин / Река, правый приток Адагума (бассейн р. Кубань), протекает через гор. Абинск Краснодарского края и впадает в Варнавинское водохранилище.

АБЫНАШЪХЬЭ верховье реки Абин.

АДЭТ адат / Неписаный закон, обычное право, базирующееся на родовых пережитках и представлениях. Наравне с

шариатом определял целый спектр бытовых и моральных принципов внутриобщественных отношений.

АДЫГЭ, адыгэхэр адыг, адыги / Родовое понятие, по отношению к которому представители ряда субэтнических групп рассматривают себя как вид. Как адыги идентифицируют себя бесленеевцы, абадзехи, мамхеги, махоши, егерухаевцы, адамеевцы, хатукайцы, темиргоевцы, бжедуги, шапсуги, хакучинцы, жанеевцы и др. Язык адыгов делится на наречия: верхнее – шхагское, нижнее – кяхское, смешанно-переходное (по р. Зеленчуку) – бесленеевское.

АЖДЖЭРИЙХЭ Ажджери (-евы) / Княжеский род, ведущий свое происхождение от легендарного Инала; фамильное ответвление дома Бекмурзиных.

АЖЫН Ажин; в других версиях – Аржын, Аржэн, Арджы, Арджэн / Местность, на которой ныне расположена ст. Зассовская Краснодарского края.

АЖЫН БЭТЭГЪЭ Ажинская вышка, Ажинский наблюдательный пункт; в других версиях – Аржэн бэтэгъэ, Аржэн пэтэгъэ / Местность близ ст. Зассовская Краснодарского края.

АЗЭН: азэн джапІэ минарет.

АЗЭН ДЖЭН призывать к намазу.

АКІЭ оселедец; длинный пучок волос отращиваемый на макушке головы, символ воинской жизни.

АЛАЩЭ ***1***. мерин; ***2***. конь нечистокровной породы.

АЛЭР алар / Название разновидности растения, из которого плетут циновки.

АЛМЭКЪУАЖЭ аул Альмово / Ныне часть кабардинского селения Псыхурей.

АНЭДОЛЭ Анатолия // анатолийский, фольклорный топоним, ассоциируется с Анатолией.

АНЭМЭТ ***1***. аманат, заложник; ***2***. зэхь. то, что оставляется, передается для присмотра или хранения.

АНДЕЗ омовение перед намазом.

АНДЕЗ ЩТЭН совершить омовение.

АНДРЫГУ Андруг / ***1***. Правый приток М. Лабы; ***2***. Адыгское название ст. Андрюки Краснодарского края.

АНДРЫГУ МЭЗ Андругский лес / Адыгское название лесистой местности близ ст. Андрюки Краснодарского края.

АНДЖЭС ИІОШЪХЬИЩ название трех курганов, расположенных между селениями Унароково и Натырбово на территории современной Адыгеи.

АНДЗОРХЭ Анзор (-овы) / Один из трех родов тлекотлешей Кабарды.

АРГЪУЩ И ГУБГЪУЭ Аргушевская степь / Топоним, местность не установлена.

АРГЪУЩЫЖЬЫМ И ФЭХУ *еплъ* Аргъущ и губгъуэ.

АРДЖЭН арджен, циновка.

АРЖЭН И ШЫТХ Арженовский хребет / Название горной цепи близ ст. Зассовская Краснодарского края.

АРЖЫН И КЪАЛЭ Аржин-крепость; в других версиях – Аржыней къалэ / Адыгское название ст. Зассовская Краснодарского края.

АРУАН Урвань / ***1.*** река, рукав Черека; ***2.*** название селения.

АРХЪЫЗ Архыз / ***1.*** река, левый приток Псыш; ***2.*** местность в верховьях Большого Зеленчука; ***3.*** поселок на территории современной Карачаево-Черкесии.

АРЫКЪ Арик / Хребет, изрезанного лощинами, расположенного на юго-восточной части современной Кабардино-Балкарии.

АРЫКЪЫПС Арик-река / Речка, вытекающая у подножия хребта Арик.

АСЫКЪУЕЙ МЭЗ Асыкоевский лес / Топоним, местность не установлена.

АТЭЛЫКЪ воспитатель, которому, по адыгскому обычаю, знатные люди отдавали на воспитание детей.

АТІЭКІУМЭ Адагум / ***1.*** река, левый приток Кубани; ***2.*** адыгское название пос. Адагум Краснодарского края.

АУЩ-КЪАН см. Аушыджэр.

АУШЫДЖЭР Ауш-Гер, Аушигер / ***1.*** название возвышенности и селения у ее подножия; ***2.*** Ногмов толкует Аушигер как адыгское имя Иисуса Христа. Л. Г. Лопатинский считает это именем святого Георгия, что подтверждается этимологией имени, фольклорными данными и существующими верованиями.

АФЭ кольчуга.

АФЫ – гора в верховьях р. Афипс.

АФЫПС (АХУПС) Афипс (Ахупс) / Река, левый приток Кубани, берущая начало у горы Афы и впадающая в Кубань в районе г. Краснодара.

АФЫПС МЭЗ Афипсский лес / Лес, расположенный у подножья горы Афы.

АФЫПСЫП Афипсип / Аул в Адыгее, расположенный в устье р. Афипс.

АФЫПСЫПЭ БЖЪАПЭ Афипсипский холм / Название небольшого холма близ аула Афипсип.

АХЪМЭТЫБГ Ахмет-гора / Отвесная гора близ слияния Большой и Малой Лабы у ст. Курджиновская Краснодарского края. Когда хотят сказать, что дело немыслимо, говорят: «Это то же, что принести меду с Ахмет-горы».

АЧЭТЫР Ачатыр; в других версиях – алъчэтыр / Разновидность кабардинской породы лошадей.

АШЭМЭЗ Ашамез / Один из центральных героев адыгского нартского эпоса.

АШТЭМ ИКIЭЙ Долина Аштам / Топоним, местность не установлена.

АЩТЫРХЪАН адыгское название гор. Астрахани.

БАБЫГУХЭ Бабуг (-овы) / Адыгский дворянский род.

БАГЪ, багъхэр баг, баговцы / Локальное подразделение ашхарцев (щхъарауа), одной из субэтнических групп абазин. Населяли верховья р. Ходзь у подножья горы Ачежбок.

БАЛЪКЪ Малка / Горная река, начинающаяся у подножий Эльбруса, протекающая в северной части Кабардино-Балкарии. Принимает в себя воды Баксана и Черека. Впадает в Терек.

БАСХЭГЪ Басхаг / *1*. кабардинское название абазин; территория абазин; *2*. название аула, упоминаемого в песне.

БАТЭ: батэ гъэшын (употребительно только в данном сочетании) – вершить большие дела.

БАХЪСЭН Баксан / *1*. горная река, берущая начало у подножий Эльбруса; впадает в Малку [1]; *2*. город, районный центр в Кабардино-Балкарии.

БАХЪСЭНЫЩХЬЭ *1*. Верховье реки Баксан; *2*. Общее кабардинское название балкарских селений Баксанского ущелья.

БАШЫЛБЕЙ, башылбейхэр башильбай, башильбаевцы / Одно из наиболее крупных локальных подразделений ашхарцев (щхъарауа), одной из субэтнических групп абазин. Населяли верховья р. Б. Зеленчук, Уруп и Лаба.

---

[1] Ш. Ногмов возводит название к легендарному Баксиену, сыну Дауоя (датируя событие IV в.), убитому вместе с семью братьями якобы готским царем. Ногмов говорит, что в его времена (т. е. в 30-е гг. XIX в.), еще сохранялся обычай: весной молодые девушки с распущенными волосами, составив хоровод, пели: «Убиты, убиты Дауоевы восемь сыновей». В настоящее время никто этого обычая и припева не помнит. Карамзин сообщает легенду о наследнике короля IV в. Германриха, бывшем уже данником гуннов. Он якобы покорил антов, обитателей северного побережья Черного моря, причем был умерщвлен их князь Бокса с 70 «знатнейшими боярами». Географическая локализация сведений о Боксе весьма далека от территории р. Баксан.

БЭРАКЪ знамя, флаг.

БЭРАКЪЗЕХЬЭ знаменосец.

БЭРАКЪ ФIЫЦIЭ букв.: «черное знамя». Вывешивался на высоком шесте над домом погибшего воина (обычно на три дня).

БЭРЭКЪЕЙ, бэрэкъейхэр баракай, баракаевцы / Локальное подразделение ашхарцев (щхъарауа), одной из субэтнических групп абазин. Населяли верховья р. Губс, правого притока р. Ходзь, выше нынешнего пос. Мостовской Краснодарского края.

БЭТЭГЪЭ возвышенность, вышка, сторожевое наблюдательное сооружение, наблюдательный пункт.

БЭЧКЪАН Бечкан / Разновидность кабардинской породы лошадей.

БЭЧМЫРЗЭХЭ Бекмурза (-ины) / Один из четырех княжеских родов Большой Кабарды.

БЭЩМАКЪЫЖЬ Башмакиж; в других версиях – Шыщмагъыр, Жэщмагъыр, Бэщмакъыр / Гора, расположенная на территории Ставропольского края.

БЕСЛЪЭНЕЙ, беслъэнейхэр бесленей, бесленеевцы / Одна из субэтнических групп восточных адыгов, тесно связанная своим происхождением, культурой и языком с кабардинцами. Занимали территории по правому берегу Большой Лабы и по притокам реки Урупа – Малому и Большому Тегеням.

БЕСЛЪЭНЕЙ ПЩIАПЦIЭ Бесленей Пцапца (в других вариантах – Беслъэн ПцIапцIэ). Историческая и легендарная личность; в начале XVI в. был верховным князем Кабарды. С его деятельностью связываются реформы во внутреннеполитической структуре кабардинского общества. В фольклоре представлен как главный противник Андермикана, героя популярной песни и многих преданий.

БЖАБЛЭ дверной косяк, проем.

БЖЭНЫХЪУОКЪУЭ Бжаныхоко / Балка близ аула Хабез современной Карачаево-Черкесии.

БЖЫ копье.

БЖЫПЫДЖЫН копье.

БЖЫЩХЬЭ наконечник копья.

БЖЬЭДЫГЪУ, бжьэдыгъухэр бжедуг, бжедуги / Субэтническая группа западных адыгов, подразделяющаяся на локальные подгруппы – хамышеевцев и черченаевцев. Земли хамышеевцев располагались между нижним течением рек Афипс и Псекупс, а черченеевцев – на востоке между низовьями Псекупса и Пшиша.

40 Заказ № 246

БЗАДЖЭНАДЖЭ I скверный.

БЗАДЖЭНАДЖЭ II *1*. негодяй; *2*. зэхь. злой дух, нечистая сила.

БЗЭГУ ХЬЫН букв.: «нести язык куда-л.». Доносить куда-л. на кого-л.

БЗИИПЛЪ рыжий; чаще употребляется в сочетании пащIэ бзииплъ – усы рыжие.

БЗЫИКЪО Бзиюко / Небольшая сухая балка, начинающаяся выше нынешней ст. Дмитриевская Краснодарского края. 29.06. 1796 г. на берегах Бзыикъо, на поляне Нэджыд произошла битва, вошедшая в историю адыгов под названием Бзыикъо зау – «Бзиюкская битва».

БИБЕРДХЭ Биберд (-овы) / Абазинский княжеский род.

БИБЕРДКЪУАЖЭ Бибердкуаже / Адыгское название абазинского аула Эльбурган Карачаево-Черкесии.

БИБОЛЭ IУАЩХЬЭ Биболе-гора / Топоним, местность не установлена.

БОЛЭТОКЪУЭХЭ Болотоко (-вы) / Адыгский княжеский род.

БОРЭКЪОГУПЧ адыгское название ст. Натухайская Краснодарского края.

БОХЪУ: бохъу апщий приветствие, обращенное к пастухам.

БЫГЪУРКЪАЛ адыгское название гор. Анапы.

БЫДАПIЭ укрепление, крепость.

БЫФЫКЪУЭ приемный сын, воспитанник.

БЫФЫКЪУЭ АДЭ кормилец, названный отец.

БЫФЫКЪУЭ АНЭ кормилица, названная мать.

БЫФЫПХЪУ приемная дочь, воспитанница.

ВАКЪЭЗЭЩIЭДЭ чувяк / мягкая обувь из сафьяна или ткани, подшитая сыромятной кожей.

ВЫРЫХЪУ И IУАЩХЬЭ Вырух-холм / Топоним, точное местонахождение установить не удалось (предположительно, в районе современного гор. Георгиевска).

ВЫЩХЬЭФIЭЧ Вышхафеч / Название крутого спуска, подъема. Букв.: «Голову быкам отрывающий». Как топоним встречается в нескольких местностях; напр., спуск со склона к с/з от сел. Аушигер.

ГУ КIУЭЦIЫМЫЛЪЫН *1*. быть малодушным, трусливым; *2*. быть мягким, добросердечным.

ГУАЩЭ I *1*. княгиня, жена князя; *2*. свекровь.

ГУАЩЭ II кукла, чучело.

ГУАЩЭХУЖЬ Гуашахуж / Женское имя. Букв.: «Княгиня белая».

ГУЭРЭН скопление кого-ч.-л.
ГУИМЭ карета, специальная повозка, предназначенная для знатных особ женского пола.
ГУБЛАЩХЬЭ облучок, козлы, передок телеги.
ГУБЛАЩХЬЭДЭС кучер.
ГУМ Гум / Река Кума.
ГУМ АУЗ Кумское ущелье.
ГУМ ГУБГЪУЭ Прикумская степь.
ГУМ ПСЫХЪУЭ Кумская речная долина.
ГУМ ЦІЫКІУ Подкумок.
ГУМЫШЪХЬЭ ПЩІАН пустырь в верховьях Кумы.
ГУНДЭЛЭН Гунделен / ***1***. река, левый приток Баксана; ***2***. балкарское селение на его берегу.
ГЪАБГЪЭ ДЭХЫН не дать потомства, не плодоносить в течение очередного года; для скотины – остаться яловой.
ГЪЫБЗЭ ***1***. обрядовые причитания, плач; ***2***. жанр традиционных народных песен.
ГЪОИТХ Гоитх / Хребет в горах Западного Кавказа. Перевал через хребет покрыта дорогой, соединяющей Майкоп и Туапсе.
ГЪУАЗЭ ***1***. ориентир, образец, пример для подражания; ***2***. мушка прицела; ***3***. проводник, предводитель; 4. ориентир, маяк.
ГЪУЭГУГЪЭЛЪАГЪУЭ провожатый; проводник.
ГЪУЭМЫЛЭ продовольствие, которое берут в дорогу или на работу; дорожные припасы.
ГЪУБЖ ***1***. вторник; ***2***. слово встречается в выражении «гъубж махуэм къалъхуа» со значением «проклятый».
ГЪУО глашатай.
ГЪУРЦЫЩХЬЭ ТІУАЩІЭ топоним, местность не установлена.
ГЪУРЦ заросли мелкого кустарника.
ДАМЫГЪЭ тавро / Отличительный знак владельца, выжигаемый на лошадях или крупном рогатом скоте. При существовавшем бытовом явлении – похищении лошадей, тавро имело большое значение для розыска, судебного преследования или самочинной расправы.
ДАНАГЪУЭ золотистый / Букв.: «Цвета желтого шелка».
ДАНАГЪУЭ ІУПЭ алые губы.
ДАНАПІЭ шелковая постель.
ДАНАПІЭ ХЭСЫН жить без забот; не знать нужды.

ДЭГЫЗЭ кормилица, женщина нанимаемая аталыком для своего воспитанника.
ДЭНЫЛЪЭ корзиночка или шкатулка из прутьев для рукоделия / Букв.: «Вместилище для шитья».
ДЭНЫСКIУЕЙ искаженное русское: донской, донские.
ДЕЙ I плохой.
ДЕЙ II ореховое дерево, орешник.
ДИЧ ШIЫПIЭ топоним, местность не установлена.
ДОМБЕЙ I зубр.
ДОМБЕЙ II крупный, огромный.
ДОХЪУТЕЙ чехол для ружья, часто – из войлока.
ДЫГУЛЫБГЪУЕЙ Дугулубгей / Кабардинское селение на правом берегу р. Баксан.
ДЫЖЬЫНЫГЪУЭ букв.: «покрытое позолотой серебро». Вторая по степени знатности группа уорков.
ДУДАРЫКЪУЕЙ Дударуково / Адыгское название абазинского аула Псыж Карачаево-Черкесии.
ДУНЕЙР КЪУТЭЖЫН Букв.: «разрушить, громить мир». Неистовствовать, рвать и метать.
ДУНЕЙ НЭХУ белый свет.
ДЫУЭ ***1***. талисман, амулет; ***2***. молитва.
ДЫХЬЭРЭН I ярко-красный сафьян, обычно доставлявшийся из Персии (Тегерана).
ДЫХЬЭРЭН II алый, красный.
ДЫЩ родительский дом замужней женщины.
ДЖАУР ***1***. гяур, неверный, неверующий; ***2***. зэхь. негодник.
ДЖАДЖЭ небольшая речка, берущая начало недалеко от гор. Майкопа из лесистых предгорий, впадает в Лабу напротив ст. Новолабинская Краснодарского края.
ДЖЭБЫН саван.
ДЖЭХУ белокурый, со светлыми волосами.
ДЖЫЛАХЪСТЭНЕЙ Джиляхстаней /Неофициальное кабардинское название Малой Кабарды, правобережья Терека в Кабардино-Балкарии.
ДЖЫЛАХЪСТЭНЕЙ ЩЫХЪЭРИБГЪУ общее название для селений Арик (Борыкъуей), Урожайное (Абейкъуажэ), Плановское (Ботэщей), В. Акбаш (Астемырей), Терекское (Болэтей), Хамидие (ХьэпцIей), Н. Курп (Къаншыуей, или Алъхъокъуажэ), Дейское (Мэртазей), Инаркой (Инэрыкъуей), В. Курп (Ислъэмей). Букв.: «Джиляхстанея девять поселений (крепостей, городов)».
ДЗАКIУЭ БАШ походный посох / В военных походах «дзакIуэ

баш» регулировал продвижение войска: потому, как его поднимали или наклоняли, производились военные действия.

ДЗАПЭ БАШ *еплъ* дзакIуэ баш.

ДЗЭЛЫКЪУЭ Золка / *1.* название реки в Зольском районе КБР; *2.* название местности с альпийскими лугами в Зольском районе Кабардино-Балкарии.

ЕГЪУ недоброжелатель.

ЕНДЫГУЭ Ендуга / Судя по контексту, это разновидность дорогой ткани.

ЕПСЫХЫЖЫН букв.: «спешиться, сойти с коня». Погибнуть.

ЕРЖЫБ особый тип кремневого ружья (получил свое название по имени кабардинского оружейника XVIII в. Ерижиба).

ЕСЛЪЭНЕЙ Есленей; в других версиях – есэней / Разновидность кабардинской породы лошадей.

ЖАГЪУЭГЪУ недруг, недоброжелатель.

ЖЭНЭТ *1.* рай; *2. зэхь.* счастливая жизнь.

ЖЭРАЩТЫ жарашти / Разновидность кабардинской породы лошадей.

ЖЭРЫГЪЭ ЗАЩІЭКІЭ все время бегом.

ЖЭЩТЕУЭ *1.* персонаж «низшей» мифологии адыгов; существо, которое ночью является к спящему человеку и душит его; злой дух; *2.* ночное нападение (военный термин).

ЖЫЛАГЪУЭ *1.* все село; общество; *2.* люди одного этнического или субэтнического сообщества.

ЖЫР сталь.

ЖЫРЫЩХЪУЭ высококачественная сталь.

ЖЫХАФЭ часть дома, расположенная ближе к двери или место в конце стола; в коммуникативной культуре адыгов «жыхафэ» понимается как наименее почетное место.

ЖЫХАФЭР И ШЭДЖЭГЪУАКІУЭЩ медленным, степенным шагом (обычно о женщинах знатного происхождения).

ЖЬАНТІЭ почетное место в помещении или за столом, обычно вдали от входа, которое отводится гостям или старшим.

ЖЬЭГУ *1.* очаг / Архаическая конструкция камина, предназначенного и для отопления, и для приготовления пищи; имеет широкий дымоход с поперечным брусом, к которому прикреплена цепь, оканчивающаяся крюком; *2. зэхь.* домашний очаг, семейный очаг.

ЖЬЫУБГЪУ Джубга / Название местности и населенного пункта на территории исторической Шапсугии; ныне – поселок Джубга в Краснодарском крае.

ЖЬУДЖАЛЭ *бот*. Колючник обыкновенный.

ЗЭИКЪУЭ (ХьэтIохъущыкъуей къуажэ) Заюко (-во) / Название селений в Кабардино-Балкарии и Карачаево-Черкесии.

ЗЭИШЪУ Зеиш / **Убыхский** дворянский род.

ЗАНЭ, занэхэр (жанэ) заны, жанеевцы / Субэтническое подразделение западных адыгов, которое к середине XVIII в. растворилось в среде соседних субэтносов (темиргоевцев, шапсугов).

ЗАУЭ КЪЭРАР военная клятва, принимаемая воинами перед походом или сражением.

ЗЭПЭБАШ *1*. козлы / Сошка, особая подставка при стрельбе с упора для старинного ружья; *2*. обряд военной присяги, когда воинов пропускают по одному между двух человек, держащими на уровне груди ружейные присошки.

ЗЭЧЫР религиозное мусульманское песнопение; духовная песня у мусульман.

ЗЕКIУЭ поход.

ЗЕКIУЭЛI наездник, конник, участвующий в походах, набегах.

ИГЪАЩIЭ ПСОКIЭ во веки веков.

ИЖЬЫГУ Ижуг; в других версиях – Езыгу, Изыгу / Название местности в бассейне р. Кубани.

ИКIЫГЪУЭ место переправы через реку.

ИНЖЫДЖ Инжидж / Адыгское название Зеленчуков, левых притоков Кубани. Различают Инжыджышхуэ «Большой Зеленчук» и Инжыдж цIыкIу «Малый Зеленчук».

ИСТАМБЫЛ адыгское название гор. Стамбула.

КУЭНШЫБЭ корсет / Принадлежность девичьего наряда. Играла в быту старой Кабарды исключительную роль. Только что формирующаяся девушка надевает и затем постоянно носит плотно облегающий торс корсет, преимущественно из красного сафьяна. Эмблема непорочности (ср. «пояс девственности» у западноевропейских народов). В первую брачную ночь муж обязан был развязать шнуровку, по обычаю для этого случая особенно запутанную. Позорно и непростительно повредить каншибу при снятии. Разрыв или какой-нибудь другой дефект – повод для очередного кебжека. Проверка делается обязательно подругами, приглашенными на осмотр. Ввиду этого каншиба в фольклоре – метафора непорочности, а ее «снятие» – метафора утраты девственности. Унауткам запрещено было носить канши-

бу, что часто превращало для них эту бытовую традицию в социальную драму.

КУРДЖЫПС Курджипс / Река, левый приток Белой, впадает в нее недалеко от гор. Майкоп.

КУРП Курп. ***1***. река, правый приток Терека; ***2***. топоним, входит в название сел. Верхний Курп и Нижний Курп.

КУРГЪО КІЭЙ Долина Куруг / Равнинная местность между аул. Габукай и ст. Рязанская.

КІАХЭ кяхи / Собирательное название западных адыгов, а также территории Западной Черкесии.

КІЭБДЗ ***1***. задние ноги; задние лапы; ***2***. бедро.

КІЭМЫРГУЕЙ, кІэмыргуейхэр кемиргой, кемиргоевцы / Одна из субэтнических групп западных адыгов, населяющая междуречье Белой и Лабы.

КІЭНЫП Ченип / Равнинная местность близ аула Вочепший.

КІЭНЫПЭ МЭЗ Ченипский лес / Лес, расположенный между аул. Вочепший и ст. Бакинская.

КІЭС: кІэс щІын пленить, захватить в плен кого-л. Букв.: «Посадить на круп коня».

КЪАДЫ ***1***. старший эфенди; ***2***. кади.

КЪАДЫУН Кадиун / Местность, расположенная напротив аул. Шабанохабль у переправы через Кубань. Затоплена Краснодарским водохранилищем.

КЪАЛЭ каменное ограждение, укрепление, крепость, город.

КЪАЛЭКІЫХЬ Калеких, Калечих / адыгское название гор. Прохладный Кабардино-Балкарии.

КЪАЛМЫКЪ, къалмыкъхэр калмык, калмычка; калмыки / Народ, составляющий коренное население Республики Калмыкия, а также лица, относящиеся к этому народу.

КЪАМЫЛ I камыш озерный.

КЪАМЫЛ II камыль / Род адыгской прямой флейты.

КЪАН ***1***. ребенок (чаще мальчик) из знатного рода, отданный по обычаям адыгов на воспитание; ***2***. жених, находящийся по обычаю временно в доме родственника или друга до свадьбы, или невеста, находящаяся по обычаю временно в доме родственника или друга жениха; ***3***. любимец, баловень; ***4***. человек, переходящий в чужой род в счет компенсации за убитого члена этого рода.

КЪАНОКЪУЭХЭ Каноко (-вы) / Адыгский княжеский род, ведущий свое происхождение от легендарного Инала.

КЪАРЭКЪУЭЛЭН каракуланы / Сказочные кони в адыгском фольклоре.

КЪАРЭТОБЭ топоним, местность не установлена.

КЪАРЭХЪУХЭ Карох (-овы) / Адыгский дворянский род.

КЪАРГЪЭ сокол / Хищная птица с сильным клювом и длинными острыми крыльями, парящая во время полета.

КЪАРГЪЕЙ *еплъ* къаргъэ.

КЪАФЭ ***1.*** общее название танца и пляски; ***2.*** название наиболее популярного в Кабарде танца.

КЪЭБЭРДЕЙ Кабарда / Историческая территория, населяемая кабардинцами, самой восточной субэтнической группой адыгов. В разное время охватывала территорию от бассейнов обоих Зеленчуков, верхнего и среднего течения Кубани до бассейна р. Сунжи. Подразделялась на Большую Кабарду (до р. Терек) и Малую (Затеречную).

КЪЭБЭРДЕЙ, къэбэрдейхэр кабардинец, кабардинка; кабардинцы / Субэтническая группа восточных адыгов, коренное население Кабарды (исторически кабардинцами являются основное население трех аулов РА, а также большая часть адыгского населения КБР и КЧР). Кабардинцы также компактно проживают в Моздокском р-не РСО–А, Курском р-не Ставропольского края. Кроме того, они составляют значительную часть черкесского населения Турции, Сирии, Иордании.

КЪЭБЭРДЕЙ ТІУАЩІЭ Кабардинское междуречье / Название территории, расположенного в бассейне рек Баксана и Чегема.

КЪЭЗАКЪ казак.

КЪЭЗЭУАТ ***1.*** газават по исламу – война с неверными; ***2.*** *зэхь.* скандал, ссора.

КЪЭЛАТ кремневый пистолет.

КЪЭРАБГЪЭ трус // трусливый.

КЪЭРАБГЪЭ ДЖАНЭ букв.: «сорочка труса». В адыгских песнях встречается образное выражение «къэрабгъэ джанэр пхузобз» / «крою тебе сорочку труса», т. е. передаю тебя позору.

КЪЭРЭМЫРЗЭХЭ Карамурза (-ины) / Адыгский княжеский род, ведущий свое происхождение от легендарного Инала; фамильное ответвление дома Бекмурзиных.

КЪЭРЭХЬЭЛЪКЪ трудящиеся / Собирательное название простонародья. Букв.: «черный люд, народ» (кара – тюркск., халк – арабо-тюркск.).

КЪЭРЭШЕЙ ***1.*** адыгское название Карачая; ***2.*** карачаевец, карачаевка; карачаевцы / Народ тюркской ветви. Часть населения современной Карачаево-Черкесии.

КЪЕБЖЭКI ***1***. старинный обычай в зимнее время на вечеринках распевать песни эпиграмматического содержания, в которых по очереди осмеивались все или большинство присутствующих, диапазон – от поверхностной насмешки (порою нецензурного содержания) до общественной сатиры; ***2***. жанр адыгской народной смеховой поэзии.

Кебжеки имеют традиционный мотив (близкий к частушечному). Смысл слова – «прохватить по очереди». Ранее слово обозначало всякую (и не насмешливую) песню, где перечислялось несколько героев, то есть существовал кебжек – панегирик.

КЪЕЙТЫКЪУЭХЭ Кайтуко (-ины) / Один из четырех княжеских родов Большой Кабарды.

КЪРЫМДЖЭРИЙ Крым-Гирей / Мужское имя.

КЪЫЗБРУН Кызбурун / Гора над юго-восточной частью сел. Исламей Кабардино-Балкарии. До недавнего времени были три селения, носящие название Кызбурун (1-й, 2-й, 3-й). В настоящее время восстановлены прежние названия всех трех сел – Атажукино, Исламей, Дугулубгей.

КЪЫЗБЭЧКЪУАЖЭ, КЪЫЗБЭЧЖЫЛЭ кызылбековцы / локальное подразделение ашхарцев (щхъарауа), одной из субэтнических групп абазин. Населяли верховья р. Андрюк, правого притока М. Лабы.

КЪОРКЪОЙ КIЭЙ Долина Коркой / Равнинная местность близ ст. Варениковская Краснодарского края.

КЪОРКЪОЙКЪАЛЭ Коркой-крепость / Адыгское название ст. Варениковская Краснодарского края.

КЪУАМПЫР мост.

КЪУАНЖЭС И IУАЩХЬИЩ кабардинское название трех курганов, расположенных между селениями Унароково и Натырбово на территории современной РА.

КЪУЭДЗ кодзь / Знатный дворянин. Приближенный верховного князя, его советник и заместитель.

КЪУБГЪАН кумган / Металлический кувшин с узким длинным горлышком (обязательная принадлежность туалета адыгов).

КЪУЛЪКЪУЖЫН Куркужин / ***1***. река, правый приток Малки; ***2***. топоним, входит в название селений Верхний Куркужин и Нижний Куркужин.

КЪУМ пустыня, пустырь.

КЪУМАЛ изменник.

КЪУМЫКЪУ, къумыкъухэр кумык, кумычка; кумыки / На-

род тюркской ветви. Историческая территория обитания – Дагестан, Чечня и частично Кабарда. Русским известны с XVI в.

КЪУНДЕТ Кундет / Разновидность кабардинской породы лошадей.

КЪУНДЕТЕЙ Кундетей / Селения, расположенные у берегов реки Чегем.

КЪУНДЕТХЭ Кундет (-овы) / Один из трех родов тлекотлешей Кабарды. По положению 1807 г. этому роду был дан ряд дополнительных преимуществ по сравнению с другими тлекотлешами.

КЪУНЫИПС Куний-река / Топоним, местность на территории Западной Черкесии.

КЪУНЧЫКЪОХЭ Кунчуко (-вы) / Адыгский княжеский род.

КЪУРАМБИЙ курамбий / Походный хлеб, приготовленный из пшеничной муки на масле.

КЪУРАГЪ шест.

КЪУРЭЛЕЙ судя по контексту, разновидность кабардинской породы лошадей, а также кличка коня этой породы.

КЪУРЕЙ ГУБГЪУЭЖЬ Курейская степь / Равнина в современном Ставропольском крае, получившая название от р. Куры.

КЪУРМЭН курман / Один из главных мусульманских праздников – жертвоприношение.

КЪУРЫКЪУ *1*. жердь, шест; *2*. жердь с привязанной к нему веревкой, используемая в качестве аркана.

КЪУРІЭН Коран / Священная книга мусульман.

КЪУТЭЖЫГЪУЭ / конец, распад чего-либо (напр., семьи, компании, мира).

КЪУТЫН разновидность старинной ткани.

КЪУЩХЬЭ кушха / Букв.: «гора, горы / горец, горцы». Общее название ряда горских народов: балкарцев, карачаевцев, осетин (напр., балъкъэр къущхьэ – балкарский горец)

КХЪУЭХЪУЖЬ Кохуж / Топоним, местность не установлена.

КХЪУЭХЪУЖЬХЭ Кохуж (-евы) / Адыгский дворянский род.

ЛАБЭ Лаба / Горная река, левый приток Кубани (в западной части Кавказа).

ЛОУ Лоу / Разновидность кабардинской породы лошадей, получившая название от абазинского княжеского рода Лоовых.

ЛЭГЪУНЭ лагуна / Первоначально отдельное помещение для жены, затем женская половина или комната в доме.

ЛЪАХЪЭДЫГЪУ Тляхадуг (ныне не существующий бесленеевский аул).

ЛЪЭПЩ Тлепш / Покровитель огня и кузнечного ремесла в адыгской мифологии. В нартских сказаниях представлен как легендарный кузнец, обладающий чудесными способностями и изготавливающий богатырское оружие для нартских героев. В жанрах более позднего времени возникновения его имя стало нарицательным обозначением кузнеца.

ЛЪЭРЫГЪ стремя.

ЛЪЭСЫДЗЭ пехота.

ЛЪЕЙ ноговица.

ЛІАКЪУЭ кровное родство; сообщество кровных родственников.

ЛІАКЪУЭЛІЭШ высшая группа уорков.

МАИСЭ сталь, обладающая особыми достоинствами; особо острый, отточенный.

МАХЪСЫМЭ буза / Адыгский национальный хмельной напиток. Изготавливается на основе проса и меда. В позднейшее время мед часто заменялся сахаром.

МЭЖДЖЫТ мечеть.

МЭЗДЭГУ Моздок / в 1759 г. *пши* Канчокин, теснимый пши Большой Кабарды, по соглашению с русским правительством вывел подвластное ему население, обратил его в христианство и поселил в диком урочище «Мездег», что по-кабардински значит «Глухой лес». Так возник Моздок. В 1763 г. царизм строит здесь укрепление – весьма существенную угрозу самостоятельности Кабарды. Сейчас – город в РСО-А.

МЭЗЫХЬЭ иносказательное наименование волка / Букв.: «Лесная собака».

МЭЛЭІИЧ, мэлэІыч, мелэІыч / Ангел в мусульманской религии.

МЭРЖЭН И КЪАЛЭ Маржан-крепость / Топоним, местность не установлена.

МЭХУОКЪУЭХЭ Махоко (-вы) / Адыгский дворянский род.

МЭХЪЧЭМЭ *1*. мировой суд; *2*. место, помещение для судебных заседаний (здание или место отправления шариатского суда); *3*. совещание старейшин.

МЭХЬКЭМЭ *еплъ* мэхъчэмэ.

МОЛЭ мулла.

МЫЖУРЭ штык.

МЫСЫР Мисир, мисирский / Египет, египетский.
МУДАВЕЙ, мудавейхэр мудави / Адыгское название ряда субэтнических подразделений абхазо-абазин.
МОРТЭЗЫКЪ муртазик, вассал.
МУРИД мюрид.
МУРТЭЗАКЪ *еплъ* Мортэзыкъ.
МУХЪТЕЙ Мухтей / Название горы Мухтей. Различают Мухътеишхуэ (Большой Мухтей) и Мухътей цIыкIу (Малый Мухтей).
МЫДРИСЭ медресе / Мусульманская духовная школа.
МЫСОСТХЭ Мысост (-овы) / Один из четырех княжеских родов Большой Кабарды.
НАНЭ ***1***. мать; ***2***. бабушка, старая женщина.
НЭБАЖЭ сокол (прирученный для охоты).
НЭГЪУЕЙ, нэгъуейхэр ногаец, ногайка; ногайцы / Тюркский народ, коренное население степной части Предкавказья: до XVIII в. населяли обширную территорию до среднего течения Дона и Астрахани. В настоящее время компактно проживают в КЧР, Дагестане, Ставропольском крае.
НЭМАЗ ШIЫПI адыг. Место, где совершают намаз / Одно из почитаемых адыгами мест в окрестностях аул. Шхащефиж (Урупский) Успенского района Краснодарского края.
НЭМЭЗ ***1***. намаз / Мусульманская молитва, совершаемая пять раз в сутки в установленные часы; ***2***. раннее утро, рассвет.
НЭРЫЛЪАГЪУ очевидный, явный, бесспорный, несомненный.
НЭРЫПЛЪЭ подзорная труба.
НЭЧЫХЬ мусульманский брак, бракосочетание, брачный союз.
НЭЩАНЭ мишень.
НЭIИБ наиб / Помощник или заместитель духовного руководителя; в данном случае имеется в виду духовный наместник Шамиля среди западно-адыгских субэтнических подразделений. В песне чувствуется враждебное отношение к последнему из-за его фанатической религиозно-политической ненависти к русским, против которых он старался поднять даже мирные племена и села.
ОНЭУБАТ Онеубат / Река, впадающая в Шенджийское водохранилище.
ОРМЭЛЫ Ормаль / Гидроним, местность не установлена.
ОРМЭЛ ПСЫХЪО долина реки Ормаль.
ОРМЭЛ МЭЗ лес на берегу реки Ормаль.

ОСТЫГЪАЙ I Остигай, Гостагаевская / Адыгское название небольшой речки и населенного пункта на территории Анапского района Краснодарского края.
ОСТЫГЪАЙ II сосна.
ОТЭКIЫIУ Отачук / топоним, местность не установлена.
ОЧЭПЩЫЙ Очепший, Вочепший / Населенный пункт на правом берегу р. Псекупс в Адыгеи.
ПАЩТЫХЬ пащтыхь гуащэ / Царь (царица), король (королева).
ПЭБЖ равный по количеству.
ПЛЪЫР дозорный.
ПЛЪЫРЫ УН сторожевой дом.
ПСЭКЪУПС Псекупс / Левый приток Кубани, впадает в Краснодарское водохранилище.
ПСЭЛЪЫХЪУ ***1***. жених; ***2***. в речи хаджиретских кабардинцев – сватовство.
ПСЭМ ЕIЭН букв.: «хватать за душу». Покушаться на чью-л. жизнь.
ПСЫЖЬ кабардинское название реки Кубань.
ПСЫФАБЭ ***1***. все места с минеральными источниками адыги называют Псыфабэ/Псыхуабэ; ***2***. Адыгское название гор. Горячий Ключ Краснодарского края.
ПСЫХУАБЭ ***1***. *еплъ* Псыфабэ 1; ***2***. Кабардинское название гор. Пятигорска Ставропольского края.
ПСЫХЬЭЛЪАХУЭ лес, дрова, принесенные потоком.
ПСЫШIОПЭКЪАЛ адыгское название пос. Лазаревское Краснодарского края.
ПХЪАБЛЭ специальные носилки, на которых несут покойника.
ПХЪЭВ подпорка между стропилами и балкой.
ПХЪЭ ВАКЪЭ котурны / Букв.: «Деревянная обувь». Еще в начале XX в. были в употреблении у кабардинских женщин высшего сословия как принадлежность парадного одеяния, в частности свадебного.
ПХЪЭЛЪАНТХЪУЭ коновязь, устройство для привязывания лошадей во дворе.
ПХЪЭМЫФ пробка из пробкового дерева.
ПХЪЭПШЫНЭ традиционный адыгский щипковый музыкальный инструмент.
ПХЪЭР ***1***. погоня, преследование; ***2***. поисковая группа, поднятая по тревоге.
ПХЪЭРПЭРЫШЭ предводитель, организатор погони.

ПХЪЭIУ Пхау / Название равнинной местности в окрестностях Тубов Краснодарского края.

ПЦIЭГЪУЭПЛЪ гнедой (о масти лошади).

ПШЭРЫХЬ *1*. оруженосец при воине-наезднике; *2*. меткий охотник; *3*. дичь; *4*. в речи зеленчукских кабардинцев – повар.

ПШЫЗЭ *еплъ* Псыжь.

ПШЫНЭ общее название струнных смычковых и меховых музыкальных инструментов (*напр.*, шыкIэпшынэ, пшынэдыкъуакъуэ, Iэпэпшынэ). В современных адыгских языках чаще всего – гармоника.

ПШЪАДЭ Пшада / Гора и хребет, а также речка, вытекающая из-под одноименной горы; расположены между Геленджиком и Архипо-Осиповкой.

ПЩАКЪЭ ЩХЬЭДЭХЫПIЭ Пшако перевал / Горный хребет близ от гор. Ставрополя.

ПЩЭРЫДЗЭ медальон, ожерелье.

ПЩЫ князь / В феодальной Кабарде *пши* – аристократическая верхушка, олигархическая знать. Родов пши было четыре в Большой Кабарде и два – в Малой. Материальные богатства пши были огромны. Как верховные собственники всей земли, они облагали население натуральной (а позже и денежной) и трудовой повинностями. Как военачальники они получали особо оговоренную часть военной добычи (пщыIыхьэ). Вся официальная история Кабарды до XIX в. в значительной части – перечень столкновений между различными пши.

Внутри своего владения («удела») они обладали неограниченной властью (административной, судебной и военной). Цена крови князя не значится в кабардинских адатах. По представлению кабардинцев «кровь убитого пши наполняет собою всю глубину ущелья, в мрачную бездну которого со страхом падает взор могильного ворона». Если пши был убит уорком низших степеней, то убийца и его ближайшие родственники-мужчины подлежали смерти, имущество конфисковалось, а семья обращалась в рабство. Роскошь, которой окружали себя пши, сказывалась не столько в сооружениях и обстановке домов, обычно скромных, сколько в костюме, в снаряжении, в походах, где они выступали в окружении огромной свиты уорков, причем строго соблюдались правила расположения всадников по степени знатности. Всякий верховой кабардинец при встрече с *пши*

обязан был вернуться и сопровождать пши, пока не будет им отпущен. Пши строго блюли «чистоту» своей крови и браки заключали только внутри своего сословия. Хоронили пши вне общих кладбищ, на возвышенных местах, на могилы ставились памятники, украшенные резьбой и письменами.

ПЩЫЛІ крепостной, обязанный барщиной и оброком.

ПЩІЭГЪУАЛАЩХЪУЭ светло-серый (о масти лошади).

ПЩІЭГЪУАЛЭ серый (о масти лошади).

ПІАСТЭ паста / Густая каша типа мамалыги из пшена или кукурузной крупы, подаваемая к некоторым национальным вторым блюдам.

ПІЫНЭ *1*. женская шапочка; *2*. в текстах адыгских героических песен встречается выражение «екIэпцIэ пIынэр щхьэрытIэгъэн», означающее позор мужчине, выказавшему малодушие в бою. В наказание за такой проступок на голову мужчины публично надевали женскую шапочку.

ПІУР Воспитанник.

САБИЙ УЗ детская болезнь.

САРЫКЪ чалма.

САУР разновидность сафьяна.

СЭЛАМ АЛЕЙКУМ формула приветствия религиозного (мусульманского) происхождения.

СЭНДЖАКЪ походный флаг, знамя; стяг.

СЭНДЖАКЪЩІЭТ знаменосец; стяговник.

СЭШХУЭ шашка.

СОБАЙ ІУАШЪХЬ гора, расположенная в верховьях реки Убин, в одном из отрогов Главного Кавказского хребта.

СОХЪУСТЭ ученик мусульманской духовной школы.

СТАРЭ КРЕПОСТЬ Старая Крепость / Кабардинское селение Кучмазукино (на р. Баксан). Название произошло от того, что в 1822 г. ген. А. П. Ермолов основал там крепость.

СЫХЬЭН небольших размеров походный поднос, представляющий собой плоскую дощечку, на которой раскладывалась пища.

СУНШ Сунжа / Река, правый приток Терека. На ней ныне стоят гор. Назрань, Карабулак, Грозный, Гудермес.

ТАЖ шлем (воина).

ТАЛО холера.

ТАМ, тамхэр там, тамовцы / Локальное подразделение ашхарцев (щхъарауа), одной из субэтнических групп абазин.

Населяли верховья Большой Лабы выше ст. Ахметовская Краснодарского края.

ТАМБИЙХЭ Тамби (-евы) / Один из трех родов тлекотлешей.

ТЭРМЭТАС искаженное русское «тарантас».

ТАУРЫХЪ (*араб.* «тарих» – история). В адыгских языках слово претерпело семантическое изменение и употребляется в значении «сказка».

ТЭДЖЭЛЕЙ подкольчужник / Род одежды; сорочка, надеваемая под кольчугу.

ТЭН адыгское (черкесское) название реки Дон.

ТЭРЧ Терек / Часть среднего течения проходит через Кабарду. В старину – естественная граница между Большой и Малой Кабардой. Вбирает в себя все реки, протекающие через Кабарду. В 60-х гг. XVI в. Иваном IV Грозным было возведено первое укрепление при впадении Сунжи в Терек – начальный этап длительного периода подчинения Кабарды.

ТЕРЧЫШЪХЬЭКЪАЛ Терек-крепость / Адыгское название гор. Владикавказа.

ТЭТЭРТУП Татартуп / Местность и старое городище Джулат на территории исторической Кабарды (ныне – РСО–А); кабардинцы почитали Татартуп как святыню, приносили клятвы его именем; здесь традиционно происходил обряд примирения кровных врагов.

ТЭХЪУТЕЙ еплъ дохъутей.

ТЕЙМЫР ЛЪЭГУ Долина Теймир / Равнинная местность, ныне затопленная Октябрьским водохранилищем.

ТЕН ДЖЭДЫГУ шуба из дорогого меха.

ТЕТ пристав; начальник.

ТЕУЭ нападение, набег.

ТЕУЭГЪУЭ расстояние проходимое без остановки за день всадником.

ТЕЩЭ временное пребывание новобрачной в доме родственника или друга жениха.

ТРАМЭ *1.* тавро, фамильный знак в виде сердечка, принадлежащий роду Трамовых; *2.* разновидность кабардинской породы лошадей, названная по фамилии владельцев.

ТРАМЭХЭ Трам (-овы) / Адыгский дворянский род.

ТУБЭ Туба / Горы и местность близ Фишт. Топоним входит в название ряда населенных пунктов – Первая, Вторая и Третья Туба.

ТУБЭ КІЭЙ Тубинская равнина / Местность у подножья гор. Туба.

ТУМЭ тума / *1.* нечистокровный, нечистопородный; *2.* родившийся от неравного брака (в социальном отношении).

ТХЬАИЧАТЭ ХЭКУЖЪ руины Тхаичатовых / Местность, ныне затопленная Октябрьским водохранилищем.

ТХЬЭ Бог.

ТХЬЭРЫКЪУЭФ IЭНЭ походный стол из листьев лопуха.

ТХЬЭРЫIУЭ клятва.

ТЫРГЪУТ старинное кабардинское название калмыков / Ш. Б. Ногмов сообщает, что еще ранее так назывались гунны. Ныне калмыки кабардинцами называются «къалмыкъ».

ТIАСХЪЭ I зыбкий, шаткий, непрочный.

ТIАСХЪЭ II тайна, секрет.

ТIАСХЪЭ ЩIЭХЫН разведать что-л. о ком-л., выведать тайну у кого-л.

ТIУАПСЭ Туапсе / Название местности и крепости на территории исторической Шапсугии; ныне город в Краснодарском крае.

УБЫХ, убыххэр убых, убыхи / Народность абхазско-адыгской языковой группы. Проживали в районе Сочи и его окрестностях. В 1864 г. остатки убыхов были выселены царскими войсками в пределы Османской империи.

УАЗ проповедь.

УАНЭ седло.

УАНЭ МЫГЪУЭ ТЕЛЪХЬЭН Букв.: «оседлать коня к несчастью». Попасть в несчастье; потерпеть поражение.

УАРП Уруп / Река, левый приток Кубани, впадает в нее у гор. Армавира Краснодарского края.

УАРПЫШЪХЬЭКЪАЛ Уруп-крепость / Адыгское название ст. Преградной.

УАЩХЪУЭ Уашхо, Уашхо-кан / Древнейшее божество неба; осталась только механическая формула крепкой клятвы: «Уашхо-каном клянусь». Название божества известно и в Осетии. «Уас», «уац» у осетин сохранило значение «святого», «небесного», божества вообще, присоединяясь к именам христианских божеств: «Уас Гырджи» (Георгий), «Уац Илла» (Илья). Мы видим в Уашхо (кабард. уафэ «небо» + щхъуэ «синее») древнейшую форму имени божества неба.

УЭЛЭХЬИ уаллаги / Клятва именем Бога; в речевом контексте адекватно русскому «ей богу».

УЭЛИЙ правитель, властелин / Титул верховного князя Кабарды.

41 Заказ № 246

УЭРИЙ ДАДЭ ***1***. Оури-дада / Один из легендарных древнейших судей у адыгов; ***2***. торжественная, триумфальная песня.

УЭРКЪ уорк, узден (феодал) / Название кабардинского сословия «дворян». Разделялось сперва на пять групп, затем на четыре, а позже на три с четким размежеванием прав и обязанностей. 1-я группа – *тлекотлеши*, 2-я группа – *дыженуго* (дословно: «покрытое позолотой серебро»). К этой же категории причислялось и пришлое дворянство (из прочих адыгских областей и других стран). К XIX в. грань между 1-й и 2-й группами стерлась, они слились, образовав дворянство 1-й степени. Уорки 2-й степени, *пши-уорк* или *беслен-уорк,* т. е. княжеские уорки. Уорки 3-й степени *(уорк-шаотлугусы)* составляли основную массу «незнатного дворянства».

УЭРТЭН И КЪАЛЭ топоним, местность не установлена.

УГЪУРСЫЗ ***1***. зловредный, недобрый; ***2***. злополучный.

УДЖ ***1***. удж / Разновидность ритуальных танцев у адыгов; ***2***. музыка к танцу удж.

УНЭIУТ лицо, относящееся к одному из низших разрядов в феодальной иерархии. Букв.: «находящийся при доме: холоп, дворовый, прислужник».

УЛЭ Улька / Степная речка, берущая начало в лесистых предгорьях Майкопа, впадает в Лабу у ст. Новолабинской.

УРЫХУ Урух / Река, приток Терека.

ФАРЗ долг, обязанность.

ФАРЗ левый приток реки Лабы.

ФЭРДАУС Фирдаус / Райский сад, лучшее место в раю.

ФЭРЗАП местность, расположенная недалеко от впадения р. Фарс в р. Белую. 20 марта 1841 г. здесь произошло кровопролитное сражение, известное в истории под названием Фэрзэпэ зау.

ФОЧ ружье.

ФОЧЫПЭБЖ штык.

ХАБЗЭ ***1***. обычай, традиции; этикет; ***2***. закон.

ХЭГЪАКIЭ, хэгъакIэхэр хегак, хегаки / Субэтническая группа западных адыгов, проживавшая у устья р. Кубань.

ХЭКУЖЬ заброшенная, покинутая территория.

ХЫ ФIЫЦIЭ кабардинское название Черного моря.

ХУАРЭ // **ФАРЭ** название чистокровной кабардинской породы лошадей.

ХУЭДЗ Ходзь / ***1***. небольшая река, левый приток Кубани; ***2***. топоним, название селения на этой реке.

ХУР гурия, «божественно-прекрасная» дева, встречающая, по учению пророка, правоверного в раю.
ХЬЭДЭ ДЖАНЭ букв.: «рубашка мертвеца». Погребальная рубашка.
ХЬАДЖЭМЫКЪУЭХЭ Хаджемуко (-вы) / Адыгский княжеский род.
ХЬАДЖЫРЭТМЭ ЯМЭЗ Хаджиретский лес / Лес в бассейне р. Лабы напротив аул. Егерухай Адыгеи.
ХЬАЛЪЭКЪУАЙ Гатлукай / Населенный пункт в современной Адыгеи.
ХЬАМКІЭТІЫЙ Хамкети / Адыгское название ст. Хамкетинской, расположенного на левом берегу р. Псыф. 14 июня 1862 г. здесь произошел бой между адыгами и частями полковника Гоца.
ХЬАНДЭЧ окоп, укрепление.
ХЬЭГЪУНДОКЪУЭ Хагундоко / Разновидность кабардинской породы лошадей, названная по фамилии владельцев.
ХЬЭДРЫХЭ загробный мир, тот свет.
ХЬЭДЖАСЭ хагясе / Холодное колющее оружие, трехгранный, тонкий и короткий нож.
ХЬЭЖРЭТ *1*. переселенец, эмигрант; *2*. переселение; эмиграция; часто сочетанием «къэбэрдей хьэжрэтхэр» (кабардинские хаджреты) называют кабардино-черкесов современной Карачаево-Черкесии.
ХЬЭЖЫ хаджи / Правоверный мусульманин, совершивший паломничество в Мекку, «хадж».
ХЬЭЖЫГЪАЩЭ Хажигаша / Топоним, местность не установлена.
ХЬЭЖЫЩІ хадж / Паломничество в Мекку.
ХЬЭЗЫР I готовый, годный к употреблению, использованию.
ХЬЭЗЫР II газыри (деревянные полые палочки, в которых хранились отмеренные порции пороха: одновременно служили нагрудным украшением черкески).
ХЬЭКЪУ аркан.
ХЬЭМЕЛ Гамель / Карманное издание мусульманских молитв и отрывков из Корана.
ХЬЭМЫРЗЭХЭ Хамурза (-ины) / Адыгский княжеский род, ведущий свое происхождение от легендарного Инала; фамильное ответвление дома Кайтукиных.
ХЬЭПЦІАЩХЪУЭ стриж.
ХЬЭРЭМЭ-ІУАЩХЬЭ Харама-холм / Название мифической горы в адыгском героическом эпосе «Нарты». В «Сборнике

сведений о кавказских горцах» (1871. Т. 5). Составитель сообщает: «Так называлась, по мнению некоторых стариков, гора, находящаяся на востоке от небольшого соленого озера, между Пятигорском и станицей Б. Колодцы». Мнение наиболее опытного собирателя фольклора Н. Цагова: это «гора, находящаяся недалеко от пяти гор» (Пятигорья). (Она, действительно, сейчас называется «Харама-холм»). Л. Лопатинский, ссылаясь «на предание», относит это к тому же району: «...небольшая гора вблизи озера Тамбукан, называемая «Золотой курган»; он так систематически и переводит. Все это – позднейшая локализация сугубо эпического топонима.

ХЬЭРШ место обитания душ в загробном мире.

ХЬЭТIОХЪУЩОКЪУЭХЭ Хатокшуко (-вы), Атажукины / Один из четырех княжеских родов Большой Кабарды.

ХЬЭЩIЭЩ кунацкая / Строилась неподалеку от жилого помещения владельца. У имущих было две кунацких: «большая» и «малая»; первая предназначалась для гостей, приезжавших с большой свитой. Букв.: «гостевое помещение» (гостиная).

ХЪАН хан.

ХЪЫБАР *1*. весть, известие, слух; *2*. повествовательный жанр фольклора; **3**. *зэхь*. пустословие.

ХЪЫМЫЩКIЭЙ *1*. местность, расположенная в долине рек Бзыха и Белая; *2*. адыгское название села Хамышки.

ХЪОХЪОН Букв.: «произносить благопожелание, тост, здравицу». Топоним, местность не установлена.

ХЪУЭХЪУ хох / Жанр адыгского фольклора; благопожелание, здравица, заздравный тост.

ХЪУНЩIЭ грабеж.

ЦЕЙ *1*. черкеска; *2*. домотканое сукно.

ЦОПСЫН Чепсин / Адыгское название поселка Архипо-Осиповки Краснодарского края.

ЦУЖЪКЪУАП Чужкуап / Местность в долине рек Пшиш и Белая, расположенной недалеко от аула Адамий.

ЧАФЫР кяфир / Неверный.

ЧЭБАКIУЭ *1*. паломник, совершающий хадж в Мекку к храму Каабе; *2*. хадж.

ЧЭНИФАС канифас / Вид старинной ткани.

ЧЭРЭЧЭ выморочное имущество.

ЧЭСЕЙ мадаполам.

ЧЭТЫУН Четиун / Адыгское название гор. Лабинска Краснодарского края.
ЧЭЩЕЙ самшит вечнозеленый.
ЧО плетень, плетеная ограда.
ЧОУБЖЭ ворота.
ЧЫРЖЫН чурек / Лепешка, приготовленная из просяной или кукурузной муки.
ЧЫТАП «священная книга», молитвенник у мусульман, Коран.
ШАГЪДИЙ ***1.*** разновидность кабардинской породы лошадей, предназначенная для выезда и бега на средние и короткие дистанции; ***2.*** хорошая, быстрая лошадь.
ШАПСЫГЪ, шапсыгъхэр шапсуг; шапсуги / Один из многочисленных в прошлом адыгских субэтносов, населяющих Черноморское побережье Кавказа.
ШАХЭ Шахе / Река, впадающая в Черное море у пос. Головинки (Сочи).
ШЭДЖЭМ Чегем / ***1.*** горная река, приток Баксана; ***2.*** топоним, входит в название селений Чегем I (ныне г. Чегем), Чегем II, Верхний Чегем.
ШЭДЖЭРЕЙ, шэджэрейхэр шегирей, шегиреевцы / Локальное подразделение ашхарцев (щхъарауа), одной из субэтнических групп абазин. Населяли верховья М. Лабы.
ШЭРЭДЖ Черек / ***1.*** Кабардинское название горной реки Черек, приток Малки; ***2.*** топоним, входит в название селений Старый Черек и Нижний Черек.
ШЭРИХЬЭТ шариат / Мусульманский кодекс правовых норм и бытовых правил. Основан на письменных документах мусульманской религии. На основании шариата производился суд.
ШЭТЫР шатер.
ШЭХЭПЭКЪАЛ адыгское название пос. Головинки, ныне курортный поселок на Черноморском побережье.
ШЫГЪУЭГУБЖЭ черный ход.
ШУКІАШЭ всадник, прикрывающий отход (при отступлении).
ШУПЭХУТЭ дозорный всадник.
ШУРЫЛЪЭС игра-состязание пеших с всадниками.
ШУУДЗЭ кавалерия, конница.
ШУУКІЭКЪАЛЭ всадники, прикрывющие отход (при отступлении).
ШУУПЭ всадник, едущий впереди войска или группы всадников (во время наступления, похода).
ШУШЭС всадник-воин.

ШХУЭМЫЛАКIЭ повод, поводья (для лошади); удила.
ШХЪОР *еплъ* Пхъэр.
ШЫНАКЪ чаша.
ШЫКIЭПХ пленник.
ШЫЩХЬЭМЫГЪАЗЭ лихой, храбрый, отважный.
ШЪАО *1*. жених в период свадьбы; *2*. парень, юноша.
ШЪХЬАРЫХЪОН бащлыкъ.
ШЪХЬАМЫПХ поэт. женщина.
ЩАИТ, ШЭХЬИД шиит, шагид / Воюющий за веру.
ЩАМБУЛ штурм, атака.
ЩАУЭ *еплъ* Шъао.
ЩЭБАРТ Шабарт / Местность в верховьях Кубани.
ЩЭНЭМЫРЭКЪАЛ Щенемыр-крепость / Одно из укреплений Кавказской линии. Установить русское название крепости не удалось.
ЩЭРЭЛIОКЪУЭХЭ Шератлуко (-вы); Шеретлоко (-вы)/ Адыгский дворянский род. Представители этой фамилии в разное время по-разному проявили себя в общественной жизни. Так, социальные противоречия между Шератлуковыми и вольнолюбивыми шапсугами стали поводом для исторического сражения между бжедугами и шапсугами в 1795 г. в местности Бзиюко, после которой Шератлуковы были вынуждены покинуть Шапсугию. Однако, в Русско-Кавказской войне представители этой фамилии нередко проявляли себя как достойные защитники своей родины.
ЩИХЪ святой.
ЩОЛЭХЪУ шолох / Одна из разновидностей кабардинской породы лошадей, согласно преданию, названа по имени князя Шолоха Татлостанова (XV в.); считается непревзойденной по выносливости и боевым качествам.
ЩТАПХЪЭ инструмент для извлечения стрел или пуль из ран.
ЩХЬЭГЪЭРЫТ прислуживающий во время застолья.
ЩУIЭГЪЭ поэт. жена, супруга.
ЩУIЭГЪЭГЪУ поэт. муж, супруг.
ЩХЬЭДЭХЫПIЭ *1*. специальное место (в заборе, плетне, оставляемое для прохода); *2*. перевал, место прохода в горах.
ЩХЬЭГУАЩЭ Белая / Река, левый приток Кубани.
ЩХЬЭКIУАЕ большое горе; печальная весть.
ЩХЬЭКIУЭ *1*.человек, которого посылают вестником чьей-либо смерти; *2*. горе; плохая, печальная весть.
ЩЫХЬЭКIУЭ *еплъ* ЩхьэкIуэ 1.
ЩIАСЭ *1*. любимый, любимая; *2*. любимец, любимица.

ЩІЫТІ *еплъ* Хьандэч.
ЯБГЭ ***1***. яростный, грозный, суровый; ***2***. неукротимый.
ЯЖЬАФЭ серый, пепельный.
ІЭНЭ адыгский традиционный круглый столик на трех ножках.
ІЭНЛЪЭ *еплъ* Сыхьэн.
ІЭПЩЭЩ Шеретлоко (-вы) ІЭЗАУЭ рукопашная схватка.
ІЭРУБЫД плененный, лишенный возможности сопротивляться.
ІЭРУБЫД ЩІЫН поймать, взять в плен кого-л.
ІЭУЖЬ ***1***. творение чьих-либо рук; ***2***. подарок; ***3***. залог.
ІЭЩІТЕЛЪ натыльник; деталь воинского снаряжения, защищающая тыльную сторону ладони.
ІИМАН вера.
ІУАЩХЬЭ ПІАЛЪЭ вызов на поединок.
ІУАЩХЬЭКХЪЭ могильный холм.
ІУАЩХЬЭМАХУЭ Эльбрус / Букв.: «счастливая гора». По преданию, название произошло от того, что Аттила, дойдя до этой горы, удалился от пределов Кабарды. *Ошха-Махо* – блаженная гора, гора дня, света, гора (как и Олимп), где пребывают блаженные боги. Эльбрус в культах людей, около него обитавших, считался местопребыванием богов; молились в сторону Эльбруса и самому Эльбрусу.
ІУАЩХЬИТХУ Отхатху (Ошхитху) / Кабардинское название горы Бештау (Бещто). Слово связано с древними культами утерянного божества горы (дословно Отхатху значит – «седой бог, которым клянутся»).

(Название Отхатху встречается только в книге «Кабардинский фольклор». Других сведений о божестве с таким именем нет. Не исключено, что здесь допущена опечатка: Отхатху – вместо Ошхитху – букв.: пять гор. – *Ред.*).

ІУФЭРЫС (ІуфэІус) прибрежный житель.

Зэхэзыгъэувар
Табыщ Муратрэ
Шэру Нинэрэщ

ОГЛАВЛЕНИЕ

Из книги «Кабардинский фольклор».
М.; Л.: Академия, 1936

Из антологии «Народные песни и инструментальные наигрыши адыгов». *М.: Советский композитор. Т. 3. Ч. I (1986), II (1990)*

Из книги «Немеркнущие звезды».
Майкоп, 1994

Новые публикации из фонотеки и архива КБИГИ и АРИГИ

Приложения и комментарии

Научное издание

АДЫГСКИЕ ПЕСНИ ВРЕМЕН КАВКАЗСКОЙ ВОЙНЫ

Summary

The Circassian folk songs included in this edition were composed in the times of the Caucasian War (from the end the XVIII to the first part of the XIX century).

Most of the texts were first published in the XIX and XX centuries. Some of the materials were found in the archives and are now introduced to public for the first time. As to the genres, the songs presented in this issue may be qualified as laments, songs of praise, heroic ballads, sad narration of such dramatic events as captivity, loss of home, exile.

The edition has been prepared by Professor **A. M. Gutov,** Professor **V. Kh. Kazharov** and Candidates of Science **M. A. Tabishev** and **N. G. Sherieva.**

The introductory articles were written by **A. M. Gutov** and **V. Kh. Kazharov.**

The texts have been prepared for publication and the comments have been composed by **A. M. Gutov, M. A. Tabishev** and **N. G. Sherieva.**

The design of the book has been created by **Z. Kh. Bgazhnokov.**

Корректор *Т. М. Ачабаева*

Компьютерная верстка *О. Ф. Малюги*

Подписано в печать 17.06. 2014. Формат 84 × 108 $^{1}/_{32}$.
Печать офсетная. Гарнитура SchoolBookC.
Бумага офсетная. Усл. п. л. 34,44.
Тираж 500 экз. Заказ № 246

ООО «Печатный двор»
360000, КБР, г. Нальчик, ул. Калюжного, 1
Тел./факс 8 (8662) 74-11-33
E-mail: printhouse07@gmail.com